

ББК 63.3(2Камч)
В74
УДК 908(571.66)

Рецензент канд. ист. наук, доцент Н. В. Толкачева

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 1. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2008. — 408 с., ил.

Вниманию читателей предлагается новое издание, целью которого является популяризация истории земли, на которой мы живем. Оно предназначено для учащихся, аспирантов, преподавателей и всех неравнодушных к истории Северо-Востока России. Основное содержание первого выпуска охватывает периоды XVIII и XX вв.

В рубрике «Камчатская историческая библиотека» воспроизведены опубликованные ранее, но ныне малодоступные работы XIX и XX вв., рассказывающие о некоторых аспектах освоения Северо-Востока России. Рубрика «Восполняя белые пятна» содержит авторские статьи, посвященные различным темам. В рубрику «Автопортрет времени» включен отчет председателя Чукотского районного революционного комитета, показывающий жизненный уклад аборигенов Чукотки в середине 1920-х гг.

Ответственный редактор С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2008
© С. В. Гаврилов,
составление, 2008
© Авторы, 2008

ISBN 978–5–87750–107–2

СОДЕРЖАНИЕ

Сведения об авторах	4
---------------------------	---

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>Сгибнев А. С.</i> Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг.	5
<i>Пурин А. А.</i> Из прошлого и настоящего Камчатки	104

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>Пустовит В. П.</i> Противостояние. Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае	150
<i>Сесицкая А. С.</i> Деятельность камчатского общества «Просвещение»	267
<i>Гаврилов С. В.</i> Первые морские и рыбохозяйственные учебные заведения на Дальнем Востоке России и Камчатке	275
<i>Аров В. Н.</i> Камчатка и исследование русскими Южных Курильских островов в XVIII в.	319
<i>Князькина Т. А.</i> Медицинские кадры Камчатки в первой половине XX в.	347

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

<i>Иванов П. П.</i> «Лишь действительно практическая работа даст возможность... двинуть этот богатейший край по пути действительно революционного строительства»	369
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аров Валерий Николаевич — доцент кафедры истории и философии Камчатского государственного технического университета (КамчатГТУ), один из старейших камчатских краеведов. На полуострове с 1962 г. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Область научных интересов — история освоения полуострова в XVIII и XIX вв. Активный пропагандист исторических знаний, лектор общества «Знание», разработчик вузовского курса «История Камчатки». Автор ряда научных и учебно-методических работ, многочисленных статей в периодической печати. Первая историческая публикация «Камчатка и русские кругосветные плавания» вышла в 1969 г. Печатался в ежегоднике «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», сборниках трудов КамчатГТУ, «Вестнике КРАУНЦ».

Гаврилов Сергей Витальевич — доцент кафедры судовых энергетических установок КамчатГТУ. Родился на Камчатке. Окончил механический факультет Дальневосточного технического института рыбной промышленности и хозяйства. Области научного интереса: история развития судовой техники, история морского транспорта и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор пяти книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Публиковался в журналах «Морской флот», «Дальний Восток», «Краеведческие записки», «Неизвестная Камчатка». Редактор сборника трудов КамчатГТУ «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки». Действительный член Русского Географического общества, член Союза журналистов России, лауреат краеведческой премии имени С. П. Крашенинникова.

Князькина Татьяна Анатольевна — аспирант кафедры всеобщей истории Камчатского государственного педагогического университета (КГПУ). На Камчатке с 1982 г. Выпускница исторического факультета КГПУ. Область научных интересов — история здравоохранения на Камчатке. Публиковалась в материалах областных Крашенинниковских чтений, сборниках трудов КГПУ.

Пустовит Валентин Петрович — историк, литератор. На Камчатке с 1953 г. Окончил филологический факультет Камчатского государственного педагогического института. Области научных интересов: история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор трех книг, публиковался в журналах «Неизвестная Камчатка», «Дальний Восток», «Казачий вестник», ежегоднике «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», сборниках материалов областных Крашенинниковских чтений. Первая историческая публикация об убийстве С. М. Кирова «Закат на рассвете» вышла в 1988 г. Член Союза писателей России.

Сесицкая Анастасия Сергеевна — архивист отдела публикации и использования документов Государственного архива Камчатской области. Родилась на Камчатке. Окончила исторический факультет КГПУ. Область научных интересов — культурная и общественно-политическая жизнь Камчатки XX в. Публиковалась в журнале «Краеведческие записки», сборниках трудов КГПУ, сборниках материалов областных Крашенинниковских чтений.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Для человека, начинающего интереснейший путь знакомства с историей Камчатки, главными вехами на нем являются фундаментальные книги, принадлежащие перу С. П. Крашенинникова, К. Дитмара, Н. В. Слюнина, М. А. Сергеева и других авторов. В их ряду заметное место занимает работа А. С. Сгибнева «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 гг.», впервые напечатанная в 1869 г. в одном из наиболее либеральных изданий второй половины XIX в. — журнале «Морской сборник». Особую ценность ей придает использование материалов сибирских архивов, значительная часть которых ныне утрачена. На Камчатке эта работа имеется в нескольких копиях и на фотопленке. Эта публикация является первой с момента издания оригинала. Надеемся, что это сделает ее более доступной для исследователей и простых читателей, интересующихся историей своего края.

В настоящем издании приведена часть работы, охватывающая период с 1650 по 1772 г. Ее публикация будет завершена в следующем выпуске «Вопросов...»

А. С. СГИБНЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГЛАВНЕЙШИХ СОБЫТИЙ В КАМЧАТКЕ с 1650 по 1856 гг.

Александр Степанович Сгибнев (31 декабря 1826 — 26 июля 1881), капитан 1-го ранга, военно-морской историк, исследователь Балтийского моря и р. Шилки. Родился в Кронштадте в семье подшкипера ластового экипажа. В 1846 г. окончил 1-й Штурманский полужипаж, произведен в кондуктора Корпуса флотских штурманов. В 1846—1850 гг. выполнял съемку и промеры Балтийского моря. В середине 1851 г. прибыл в Иркутск. Выполнял промер р. Шилки с целью установления возможности судоходства по ней. В 1853 г. назначен командиром парохода «Амур». В 1852—1854 гг. руководил постройкой в Сретенске барж и гребных судов. В 1854 г., командуя пароходом «Аргунь», участвовал в первом сплаве по р. Амур войск, продовольствия и грузов для Камчатской флотилии. В июле 1854 г. назначен помощником начальника Аянского порта, в октябре 1856 г. — адъютант Морского управления штаба Восточно-Сибирского военного округа. В 1862 г. — правитель дел Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества, с середины 1864 г. — дежурный штаб-офицер, в 1864—1866 гг. заведующий канцелярией Морского управления. В ноябре 1866 г. командирован в Санкт-Петербург по делам службы. В сентябре 1869 г. переведен на Балтийский флот, в 1871 г. прико-

мандирован к канцелярии Морского министерства. В 1873—1874 гг. вице-директор канцелярии Морского министерства, работал в комиссии по разбору и описанию дел архива министерства, а в 1880 г. — надзирал за архивом флота.

Историческую деятельность начал в Иркутске. Публиковал статьи в журнале «Морской сборник»: «Навигацкие школы в Сибири», 1866, № 11, «Командиры Охотского порта», 1869, № 11—12, «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке», 1869, № 4—8. В 1871 г. опубликовал «Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г.», в 1872 г. — книгу «Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 г.».

Похоронен в Санкт-Петербурге. Именем А. С. Сгибнева названы две банки в Рижском заливе [Морской биографический справочник Дальнего Востока России и Русской Америки. XVII — начало XX вв. // Сост. Б. Н. Болгурцев. — Владивосток, 1998. — С. 170—171].

I. 1650—1742 гг.

В то время, когда часть предприимчивых якутских казаков делала открытия около Охотского моря, другая партия проникла со своими поисками к берегам Ледовитого моря, избрав р. *Колыму* исходным пунктом своих открытий в северо-восточной части Сибири.

Нам неизвестно, кому принадлежит честь открытия этой реки, но достоверно только то, что в 1644 году казак Михайло Стадухин (якутский казачий десятник, вновь побывал на Колыме в 1648 г. В 1650 г. по суше перешел с Колымы на р. Анадырь, на следующий год открыл р. Пенжину и Гижигу. В 1653 г. первым прошел морем вдоль берега до Тауйской губы. В 1663 г. впервые доставил в Москву сведения о р. Камчатке. За открытия в Сибири произведен в казачьи атаманы. Умер в 1665 г. — *Ред.*) построил Нижне-Колымский острог и, возвратившись в Якутск, первый доставил известие о таинственном и свободном племени *чукоч*, об острове, лежащем против устья р. Колымы (последние путешествия показали, что остров, который описывал Стадухин, — маленький Крестовский остров. — *Авт.*), с которого добывают чукчи моржовую кость, и о реке *Анадырь* (Погыча, Повыча, Ковыча), впадающей будто бы в Ледовитое море, восточнее р. Колымы.

Слухи эти быстро распространились между якутскими промышленниками и казаками, которые, пренебрегая предстоящими им опасностями, пустились на утлых своих ладьях (*шитиках*) по Ледовитому морю к востоку от устья р. Колымы и открыли чукотскую землю.

В 1646 г. Федот Алексеев, прикащик купца Усова, и казак Семен Дежнев (родился около 1605 г. в Устье Великом, казачий атаман. В 1641—1643 гг. вместе со Стадухиным участвовал в походах на север Сибири. В 1647 г. во главе экспедиции приказчика Ф. Алексеева (Попова) вышел из устья р. Колымы, предпринял первую попытку пройти на кочах на восток. Летом 1649 г.

основал Анадырское зимовье. В 1654 г. пытался пройти морем за Олюторскую губу. В 1662 г. вернулся в Якутск, через два года прибыл в Москву с «государевой казной». Позже служил на Чечуйском волоке, на р. Оленек и Вилюй. Летом 1670 г. вторично отправлен в Москву сопровождать соболиную казну. Умер в Москве в начале 1673 г. — *Ред.*) отправились в июне месяце на четырех *кочах* (*кочи* суда плоскодонные, с одною палубою, длиною около 12 сажень, соразмерной ширины; ходили греблею и под ровдужными (кожаными. — *Ред.*) парусами при попутном ветре; якоря имели деревянные, с привязанными к ним большими камнями. — *Авт.*) отыскивать р. Анадыр, о которой слыхали, что она впадает в Ледовитое море, и хотя попытки их два года сряду были безуспешны, за множеством льдов в море, но это не охладило их предприимчивости, и в 1648 г. июня 20 они на 7 кочах вышли из р. Колымы в новый поход. Нам неизвестно, что случилось с четырьмя кочами, а о плавании остальных трех под начальством Алексеева, Дежнева и казака Анкудинова сохранились сведения из донесения Дежнева.

Повествование свое Дежнев начинает от Большого Чукотского носу. Мыс этот, по замечанию его, состоит весь из камня, находится между севером и северо-востоком и поворачивает кругом в сторону р. Анадыра. На русской, т. е. на западной, стороне Чукотского носа впадает в море речка *Становье*, близ которой чукчи устроили род башни из китовых костей. Против самого мыса лежат два острога, на коих видели чукчей с прорезанными губами и продетыми в них кусками моржовых зубов. От мыса к р. Анадыру попутным ветром можно достигнуть в трое суток, и в такое же время дойти сухим путем; первый мыс от Колымы назван *Святым* (вероятно, Шелагский мыс. — *Авт.*), и для Дежнева особенного примечания был достоин потому, что коч Анкудинова на том месте разбился.

В кратком, недостаточном описании Дежнева не упомянуто ни о губе Чаун, ни о Колоченском острове, ни о других приметных местах, которые должны быть усмотрены на пути из Колымы до Берингова пролива.

Казаки с кочи Анкудинова перебрались на остальные два коча и 20 сентября дрались на берегу с чукчами, причем Алексеев был ранен. Им было уже не до покорения чукоч, потому, во-первых, что, самое главное, они узнали, что в земле чукоч *всюду тундра, холод и безлесье*. Вскоре после того буря разлучила оба коча. Коч Дежнева носила по морю до октября месяца и, наконец, выбросила на берег к югу от р. Анадыра, *не в малом расстоянии*, вероятно, около р. Олюторы.

Дежнев с находившимися при нем 25 казаками отправился пешком для отыскания р. Анадыра; но за неимением проводника он пришел к этой реке только чрез 10 недель, не в дальнем расстоянии от ее устья, где не было ни людей, ни лесу. Наскоро построив лодку из наносного лесу, Дежнев послал 12 чел. вверх по Анадыру для отыскания продовольствия. Но партия эта

блуждала 20 дней и, не найдя ни людей, ни пищи, возвратилась к устью реки, лишившись более половины товарищей, умерших от голоду.

В следующем 1649 г. Дежнев с остальными товарищами пошел на лодке вверх по Анадыру и вскоре встретился с многочисленным племенем *анаулов*, которые заплатили ему ясак; но впоследствии за непокорность были совершенно истреблены. Дежнев построил *Анадырский* острог в 480 верстах от устья, который и был первый острог на камчатской почве, служивший потом оплотом против нападений туземцев.

Между тем на р. Колыме, по выходе в море Дежнева, казаки узнали, что устье р. Анадыра должно искать на северном берегу Чукотской земли, и что кратчайший путь туда лежит по горам, чрез которые взялись провести их *ходьницы*, народ, живший в верховьях р. Анноя и покоренный русскими в 1650 г. По этому поводу образовалось новое общество для отыскания устья р. Анадыра. Партия эта 23 марта 1650 г. выступила в путь чрез горы под руководством Семена Моторы и 23 апреля соединилась на р. Анадыре с Дежневым. Вслед за этой партией вышла сухим путем для отыскания р. Анадыра другая партия казаков под начальством Михаила Стадухина (в Сибирском Вестнике сказано неправильно, что Стадухин отправился на Анадырск морем. В руках наших были подлинные документы о его путешествии. — *Авт.*), который провел семь недель в пути, пока дошел до Анадыра и, будучи в ссоре с Дежневым и Моторою, обошел их зимовье и действовал от них отдельно. Дежнев и Мотора, желая также избежать встречи с *завистливым* Стадухиным, пошли на р. *Пенжину*, но за неимением проводника принуждены были вернуться на Анадыр.

После того Дежнев и Мотора построили суда на р. Анадыре, чтобы идти по морю для отыскания новых рек; но намерение их не осуществилось за смертью Моторы, который был убит в 1651 г. в сражении с анаулами. В том же году (а не в 1652 г., как говорит Миллер, ибо в подлинных документах Дежнева сказано: «А на коргу мы прашли 159 года», т. е. 7159 г. от сот. мира, канун Петрова дня и Павлова, верховных апостолов. — *Авт.*) Дежнев доходил на лодках до устья Анадыра, где нашел отмель, простирающуюся далеко в море по северную сторону устья. На этой карге (на сибирском наречии отмель. — *Авт.*) Дежнев добыл для казны 3 пуда, а счетом 14 моржовых зубов (клыков. — *Ред.*).

В 1653 г. Дежнев готовил лес для постройки коча, на котором предполагал отправиться в Якутск морем, *но, рассудив, что море большое и сувои* (водвороты, течения. — *Ред.*) *велики, без доброй снасти судовой и без добраго паруса и якоря идти нельзя*, к тому же и берег Чукотской земли не всякое лето бывает так чист ото льдов, как был он во время его плавания, — отложил свое намерение. В следующем году Дежнев предпринял вторично путешествие к помянутой мели и взял с собою Юрия Селиверстова, прибывшего

27 апреля 1654 г. из Якутска с предписанием промыслять в пользу казны моржевые зубы. Селиверстов утверждал, что он и Стадухин открыли эту мель, названную *Анадырскою каргою*, в первое морское путешествие Михаила Стадухина в 1649 году; но Дежнев доказывал противное. Возникшему от этого спору мы и обязаны известием о плавании Дежнева.

Дежнев, продолжая плавание около карги, видел коряков и между ними узнал якутку, жившую прежде с Федотом Алексеевым. Она сказала ему, что Федот и Анкундинов от цинги умерли, многие из их товарищей убиты, а малое число осталось на лодках, но куда ушли и что с ними случилось, она не знает.

Впоследствии же открылось, что остальные казаки при благополучной погоде плыли подле берегов к югу, зимовали на р. *Русаковой* и на следующую весну пришли к р. *Камчатке*, где и расположились на жительство. Покоритель Камчатки пятидесятник Атласов в 1697 г. узнал от туземцев, что много лет тому назад жил у них некто Федотов (может быть, сын Федота Алексеева) с товарищами при устье р. *Никулы*, которую потом русские прозвали *Федотовскою*. Камчадалы боялись их, пока русские не перессорились между собою и разодрались. Тогда камчадалы, увидя кровь, убедились, что и русские смертные, и потому, чтобы освободиться от них, соединились с коряками и всех русских побили. Во время первой камчатской экспедиции еще видны были остатки хижин, в которых жили русские. Только никто не мог сказать, с какой стороны они пришли сюда. О дальнейшем же путешествии Дежнева нет никаких сведений.

Между тем казак Михаил Стадухин по окончательном истреблении племени анаулов построил на устье р. Анадыра шитики и в 1656 г. отправился на них с товарищами к югу, обогнул полуостров Камчатку и вышел в Охотское море, на берегу которого построил *Тауйский острог* (Миллер и Врангель говорят, что Стадухин пошел на р. Пенжину, и что о нем не получено никаких вестей. Но мы имели на руках документы о его плавании. — *Авт.*).

По заведении острога на р. Анадыре казаки остались в нем постоянными жителями, завелись домами, построили церковь и содержали себя на собственный счет, потому что из Якутска по трудности сообщения и отдаленности в течение 78 лет (с 1650 по 1728 гг.) им не доставляли ни жалования, ни провианта; продовольствием же служила им рыба и оленья мясо. Покорив окружающие Анадырск племена *юкагирей* (в 1691 г. почти все племя юкагиров погибло от оспы. — *Авт.*) и *коряк*, обитавших на северном побережье Охотского моря, казаки объясачили потом коряк оленных, кочевавших на правом берегу Анадыра между Пенжинским и Олюторскими морями. Коряки, надеясь найти в русских защиту против враждебных им соседей чукок, охотно отдавались под покровительство казаков и снабжали их в переездах своими оленями. Но как покорность коряк была сомнительна, то в 1679 г. был построен *Акланский острог* на р. *Хаяхле*, впадающей в Пенжину.

Вскоре казаки завладели всею площадью между реками: Акланом, Анадыром, Олютором и Таловкой. Площадь эта, с включением Анадырского острога, называлась в то время *Заносьем*. Анадырские служилые давно уже слышали о соседственной Камчатке, но уведомили о том якутское правление только в 1689 г., а в 1696 г. решили осмотреть эту землю. По приказу анадырского прикащика *Атласова*, прибывшего туда в августе 1695 г., казак *Морозко*, посланный с 16 казаками для сбора ясака с коряк на р. *Ануку*, впадающую в Восточный океан, проник далеко на юг, погромив один камчадальский острог на р. *Тигиль*, где взял *неведомые* (японские) письма; собрал достоверные сведения о Камчатке и узнал о существовании за ней целой гряды островов.

Получив эти известия, Атласов в 1697 г. сам отправился в поход на Камчатку с 55 казаками и 60-ю юкагирами. Склонив в подданство коряк в *Акланском*, *Каменском* и *Усть-Таловском* острожках и взяв один острожек с бою (острожек этот находился при р. Кчанучь, впадающей в р. Камчатку. Крашенинников застал на этом месте крест, поставленный Атласовым, со следующей надписью: «205 году 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимир Атласов со товарищами 55 челов.». — *Авт.*), перешел с Пенжинской губы на олюторский берег Восточного моря. Здесь Атласов разделил свою команду на две партии: одну под начальством Морозко отправил по восточному берегу полуострова, а с другою пошел сам вдоль берега Пенжинского моря. На Тигиле обе партии соединились и вместе прошли по пенжинскому берегу на юг до р. *Нынгучу*, получившей название *Гольгиной* от имени потерявшегося здесь казака. При возвращении же назад с р. *Ичи*, перешел чрез хребет на р. Камчатку, заложил на ней *Верхнекамчатское зимовье* и, оставив в нем Потапа Серюкова с 15 казаками, воротился в Анадырск. 2 июля 1700 г. Атласов был уже в Якутске, откуда отправлен в Москву с донесением о покорении новой страны, за что и был пожалован сперва в пятидесятники, потом в якутские казачьи головы и назначен правителем в Камчатку.

В Москве Атласов сообщил следующие сведения о своем пути в Камчатку, о самой Камчатке и Курильских островах, переданных нам в летописи Есипова.

«От Якутска переплыл через р. Лену на лодках и взял конных, под всех 13 человек служилых, подводы. Шли *еланными* и луговыми местами до Алдана реки с дня три. Переправились через р. Алдан против р. *Токулана*; подле той реки по правой стороне вверх шли 11 дней, и тут захватила их зима. С Токулана переправились на вершину *Яны*, чрез Камень, 1 день, и шли по той реке 2 недели до *Верхоянского* зимовья. Оттуда перешли на *Атанан* реку, а с Атанана на *Голяндино* речку, впадающую в *Индиgirку* под Индигирским острогом, и шли до того острога на конях. Всего от Якутска до того места шли, с простым, недель с семь; а из того острога вниз шли по Индигирке реке на оленях 6 дней до *Уяндиноского* зимовья, а Уядинка река шла в Индигирку

с левой стороны; от Уяндина шли на большое место по Индигирке и перешли через хребет до *Алазейского* зимовья 10 дней, а из того Алазейского зимовья на оленях же шли через хребет до р. Колымы, до урочища Юрманш, 2 дни, а потом по Кокбеме вниз 10 дней на нартах до *Нижнеколымского* зимовья. А то зимовье близ самага устья, и от него шли через хребет до *Яблонной* реки и по Яблонной вниз до Анадыра реки, и по Анадыру вниз до Анадырского острогу 4 недели, а на легких, весною, выходят и в 3 недели, и в подводы лошадей и оленей нанимали у ясачных иноземцев. Между Колымою и Анадыром реками *необходимый* нос впал в море, и в левой стороне того носа на море летом бывают весенние льды, а зимою то море стоит замерзши; по другую сторону того носа весною бывают льды, а во все лето не бывают. На том носу он не бывал, тамошние иноземцы чукчи, которые живут около того носа и на устьи Анадыра, сказывали, что против того носа есть остров, с того острова зимою, когда море замерзнет, приходят иноземцы, говорящие своим языком, и приносят соболи плохие.

В Анадырском зимовье собрал он Володимир 60 человек служилых и промышленных, а что с теми людьми учинил и куда ходил, то писано в Якутск. Да сверх того он сказал: что идучи в Камчадальскую землю и из камчадальской земли питались они оленями и рыбою, имея у инородцев оную рыбу и сами ловили сетями. А рыба в реках морская, породы особой, походит однако на семгу. Иных рыб много, семь разных родов, и на русския рыбы не походят. Идет той рыбы из моря по тем рекам много, и назад та рыба не возвращается и помирает в тех реках.

По тем рекам звери: соболи, лисицы и выдры. Ходили они по Камчатке реке летом и зимою на оленях, зимою в нартах, а летом верхом. Зима в камчадальской земле тепла, против московского, и бывают снега небольшие, а в курильских иноземцах (в Курильской землице, т. е. на юге Камчатки. — *Авт.*) снега бывает больше против Якутска вдвое, и в Курильских солнце летом ходит против человеческой главы, и тени от человека не бывает. В Курильской земле у моря птиц: уток, чаек много, а ржавцов, гусей, лебедей бывает и больше того. Дожди, молнии и громы бывают большие и часто. Овощи в Камчадальской земле и Курильских суть: агоды брусника, черемуха и жимолость; тамож обретается трава, которую иноземцы называют *Абагатка*; иноземцы эту траву сушат на солнце и едят, а как ту траву изомнут, станет мелка и бела, как мука, и сладка, будто сахар. Деревья там растут малья: кедры величиной против можжевельника; березнику, лиственничнику и ельнику много, и на Пенжинской стороне по рекам растет березняк и осинник.

На Пенжинской стороне живут коряки густобородые, лицом русоватые, росту среднего, говорят своим языком, живут без всякой веры; но имеют из своей братии шаманов, и что им надобно, о том и шаманят: бьют в бубны и кричат. Одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи; едят же рыбу,

всякого зверя и нерпу. Юрты у них оленьи и ровдужные (сделанные из шкур, выделанных в замшу. — *Ред.*).

А с теми коряками живут иноземцы, языком и во всем подобны корякам, и называются люторцы; юрты у них земляные, подобны остятским. А с теми люторцы живут камчадалы, ростом же не велики, с бородами средними, лицом походят на зырян, одежду носят соболью, лисью, оленью, а пушат то платье собольями. Юрты у них зимняя земляные, а летняя деревянные, на столбах, вышиною от земли три аршина, намощены досками, покрываются словым корнем и ходят в те юрты по лестницам; юрта от юрты стоят не близко, и в одном месте юрт ста по три и по четыре. Питаются они сырою рыбою и зверем и запасают их в зиму так: сырую рыбу складут в яму и засыпают землею, и та рыба изгниет, они вынимают ее и кладут в колоды, наливают водою и, разжегши камни, кладут в те колоды, нагревают воду и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют. И хоть от той рыбы исходит такой смрадный дух, что русскому человеку по нужде можно терпеть. Посуду глиняную, горшки и кувшины, деревянную водяную делают сами, но есть у них и другая посуда, привезенная с острова. Веры у них никакой нет, только одни шаманы различны с иными иноземцами только тем, что носят волосы длинные.

По хребтам камчадальской земли живут коряки оленные, с коими камчадалы говорят коряцким языком. За камчадалскими вдали живут курильские иноземцы, которые видом против камчадалов черные и бороды меньше, и сказывают, что в той курильской земле против камчадальской теплее и одежду носят такую же, что и камчадалы, и соболи у них есть, только зело плохи, а бобров и лисиц красных много. Вдали же за теми курильскими иноземцами многие люди есть, и далече та земля от них неведома.

А устьем вверх по Камчатке реке с неделю ходу есть гора, подобно хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близ ее подобно сенному стогу высока же, и с той другой горы днем идет дым, а ночью искры и зарево. Из под тех гор вышли реки клочевые, и вода зелена и светла. А вышеописанные иноземцы державства великого над собою не имеют и ясаку не платят, а живут по своей воле, и только кто из них богаче, того и почитают, меж собою род на род войною ходят, и драка бывает часто. Летом те все иноземцы мужескаго пола ходят наги, а к бою плохи и торопливы; жен имеют по одной, и по две, и по три, как по силе своей и по богатству, и не разбирая родства, яко беззаконники. Скота у них нет, только одни собаки. Соболей и лисиц промышляют кулемами у реки, где рыбы бывает много, и на деревьях стреляют из луков деревянных, а огненного оружия у них нет, и гораздо боятся русских, называя их огнеядцами, и бьются с русскими до тех мер, как увидят мертвого, испугаются и без бою потеряются. Зимною на бой ходят камчадалы на лыжах, а коряки оленны на нартах; один правит, а другой стреляет; летом же на бой выбегают пеши и наги. Татары к ним доставляют ножи, топоры, ножницы,

огнивы, иглы, уды, наперстки, бисер, всякой шелк, а от них берут соболей, лисиц, бобров, белку, горностаев и иную рухлядь недорогою ценою.

По Камчатке реке к морю посылал он Володимир казака для проведения иноземцев, и тот казак по Камчатке до моря был и сказывал, что он видел иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов, а в остроге в одной зимней юрте, и в иных острогах и в двух юртах живет людей человек по двести и больше, а летние юрты около острогов на столбах, у всякого человека своя юрта. До прибытия русских острогов у них не бывало, и знатно, что при русских людях построили острогов больше. И от тех острогов бьются, бросают камнями пращами из рук, а большим камнем мечут из рук с острожку и обвостренным кольем и палками бьются. И к тем острогам приступают русские из-за щитов и острожки те зажигают и станут против ворот, где им бежать, и в тех воротах многих побивают. А к земляным острожкам приступают русские, разрывают землю, а их иноземцев на острожек наверх взойти из пещали не допускают.

А по другую сторону камчадальской земли на море зимуют льды, не бывает только от Пенжины реки до Тигиля видать льда. А от Тигиля до устья Камчатки реки через камень скорым ходом переходят в 4 дня, а Камчаткою рекою на низ плыть в лодке до моря дней с пять. А против первой Курильской реки, на море, видел вдали, как острова кажется, и иноземцы сказывают, что подлинно там острова есть, и на тех островах города каменные, и в них люди живут царственные (это первое известие о Курильских островах и Японии. — *Авт.*), а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют. Из тех островов к ним приходят ценная посуда и платье, да полосатых и пестрых китаек. Да они же курильцы (жители Лопатки. — *Авт.*) сказывают, что в камчадальской стороне, повыше Камчатки, у Бобровке речки приходят во все годы бусы (так называлось японское плавание. — *Ред.*), а что на бусах привозят, того не ведают.

А в море есть звери каты и нерпа, и каланы; в большую воду последние выходят на берег, и на земли их бьют напками и колят. А Амур река от тех мест доколе, про то он не ведает, а у пенжинских иноземцев для морского ходу бывают вместо лодок байдары, сшиты из нерпечей кожи, в длину по пяти и по шести сажень, а поперек полторы сажени, и в середине ставят деревянные распорки и решетку, и плавают в таких байдарах человек по 30-ти, по 40-ку. А у камчадалов бывают лодки меньше и поднимают человек до 20-ти, а иных судов не видали.

В камчадальской и курильской землях хлеб пахать можно, потому что места теплые и земля черная и мягкая, и иноземцы пахать и сеять не знают.

А полонянин, которого на бусе принесло, каким языком не ведает, а подобием как гречанин: сухощав, ус не велик, волос черен, а как у русских увидит образ божий, зело плачет и говорит, что у них такие образа есть же. Тот поло-

нянин жил прежде у коряк два года. Он шел с ним Володимиром на лыжах из анадырского зимовья 6 дней, и стали у него ноги пухнуть, заскоробел и для того поворотил в Анадырский острог.

Да он Володимир вез с собою для подлиннаго ведома к Москве камчадальского иноземца, и тот иноземец говорил по-русски и в Новгородском уезде оспою помер. У сибирских иноземцев никакой учтивости нет, люди худые, никакой чистоты не имеют (из летописца Есипова. — *Авт.*)».

Атласов при обратном следовании из Тобольска в Камчатку со 100 человеками казаков сделал нападение на р. Тунгуске (так говорит Крашенинников в своем описании Камчатки; по летописи же Есипова — на р. Лене. Мы не имели возможности проверить этот факт. — *Авт.*), на гостя (купца. — *Ред.*) Добрынина и разграбил его судно, за что долго судился и посажен был в тюрьму. Вместо него послан был в Камчатку служилый Михайло Зиновьев.

Между тем, оставленный в Камчатке служилый Серюков, ожидая подкрепления, жил в остроге три года, производя с камчадалами торговлю. Наконец вздумал отправиться в Анадырский острог и на пути со всеми товарищами был убит коряками.

Зиновьев не успел еще прибыть на место, как в 1700 г. назначен был в Камчатку первый прикащик Тимофей Кобелев. С ним отправлено несколько человек казаков, в числе которых находились известные в истории Камчатки лица Козыревские, отец и сын (отец был убит в 1705 г. в сражении с туземцами. — *Авт.*).

Кобелев ехал из Анадырска до Пенжинского моря на оленях, а оттуда на кочах до *Пустого* острога. В донесении своем о прибытии в Камчатку, между прочим, он писал, что против устья р. *Харьюзовой* находится камень-голец, а напротив р. *Кораги* остров, до которого ходу на байдарках день.

Кобелев отместил корякам за смерть Серюкова, разорив их городок *Кохча*. Потом перенес Вехнекамчатское зимовье на реку Кали-Кыг, лежащую в $\frac{1}{2}$ версте от прежнего зимовья, и заложил *Нижнекамчатское* зимовье, а в 1704 г. выехал с ясачною казною в Якутск, сдав должность служилому Зиновьеву, о котором было упомянуто выше. Зиновьев перенес Нижнекамчатское зимовье на *ключи*, построил острог и первый завел ясачные книги, и перевел в Камчатку анадырских служилых с р. *Уки*, где они под командою служилого Кутьина успели построить 6 зимовьев и обложили тамошних коряк ясаком.

В 1704 г. прислан на полуостров пятидесятник Колесов с казачьей командою. Он сидел на приказе по апреле месяце 1706 г., до отъезда с казною в Якутск.

Колесов около Верхнего зимовья построил острог *козельчатой* (обнесенный оградой из кольев. — *Ред.*), мерою вокруг 70 сажен, а вышиной *полтретья* сажени печатных; около Нижнего зимовья, что на р. Камчатке, на ключах поставил другой острог, мерою кругом 30 сажен, в вышину пол-тре-

тя сажени; на Большой реке построил зимовье для ясачного сбора. В 1705 г. он посылал на немирных *курил* и на их острожки казака Ламаева с 40 служилыми. Курилы не согласились платить ясака, и их было побито до 100 чел., а остальные покорились победителям (курилами называли в то время жителей южной части Камчатки, которая известна была под названием *Курильской землицы*. — *Авт.*). Колесов собрал на 1705 и 1706 гг. ясаку с камчатских иноземцев 88 сороков (88 сороков составляют 3 520 шкурок. — *Ред.*) 14 соболой, 5 лисиц чернобурых, до 900 сиводушек и красных и 93 морских бобра (калана. — *Ред.*).

В 1706 г. Колесов с этим сбором отправился из Камчатки в Акланский острог Пенжинскую губою на байдарах, сделанных их нерпичьей шкуры. Из Акланска до Индигирки шел он с командою на своих *проторях* (расходы, траты. — *Ред.*).

Колесов для сообщения сведений о Камчатке был вытребован в Москву, где в 1709 г. пожалован в дворяне по московскому списку, награжден серебряным ковшом в 2 фунта (русский фунт равен 409,5 г. — *Ред.*), *зорбафом* на золоте и 40 аршинами (аршин составляет 0,7112 м. — *Ред.*) коломьянки (полосатая пестрая шерстяная домотканая ткань. — *Ред.*). Кроме того, по резолюции бригадира и вице-коменданта князя Матвея Гагарина (Матвей Петрович Гагарин, первый сибирский губернатор, судья Сибирского приказа. — *Ред.*) положено ему жалования 16 руб., сын его Назар пожалован в дети боярские с служилым окладом, а сын Степан в сотники.

Между тем, казаки завелись здесь домами и хозяйством. Забирая в плен малолетних детей и женщин, они первых обращали в холопов, а вторые делались сперва невольницами, а потом женами, и до того иногда верными и привязанными, что не раз спасали своих мужей от злоумышлений их соотичей. От этих браков впоследствии возникло новое поколение, полурусское-полукамчадалское. Все домашнее хозяйство казаков и воспитание детей лежали на обязанности женщин, и потому хозяин, когда не был в походе, проводил время праздно и по большей части в ясачной избе, которая до заведения в Камчатке кабаков служила местом сборища. Здесь производились суд и расправа и игра в зернь и карты. Все свободное время проводилось в игре, которая нередко заставляла их уносить в избу последнее свое достояние, жертвуя даже личною свободою слуг, давая на них кабальные записи.

Прикащики, не всегда благонамеренные, заботились более о своих выгодах, чем об интересах казны; при сборе ясаков притесняли туземцев и тем вооружали их против себя. И хотя после некоторого сопротивления они и покорялись грому огнестрельного оружия, но, тем не менее, старались при всяком удобном случае истреблять русских.

В 1704 г. был послан из Якутска в Камчатку с 10 казаками сын боярский Протопопов (он же Верхотуров). Дойдя благополучно до реки Олоторы, он

в 1705 г. отправился с этой реки морем к р. Камчатке, и на пути он и 7 казаков были убиты на берегу олюторцами, а остальные 3 казака успели уйти на лодке на р. Камчатку.

Кроме того, коряки (Левка Танхагирев с родичами) убили служилого Василия Шелковникова, отправленного в 1705 г. из Якутска в Камчатку с 15-ю казаками для доставления туда пороху и свинцу. Вместе с Шелковниковым коряки убили 10 казаков, а остальные успели убежать в акланский острог, который коряки держали в осаде, пока в 1706 г. не подошел к ним на помощь Колесов, возвращавшийся с ясаками в Якутск. Колесов всех бывших в акланском остроге 15 казаков вместе со своими казаками послал сопровождать в Камчатку *пороховую казну*, «ибо, — писал он в Якутск, — в Акланском, за малолюдством, собрать ясак некому, а в Камчатке без пороху и свинцу надо опасаться бунту».

По выезде из Камчатки Колесова большеерецкие камчадалы (камчадалы в то время известны были под названием ительменов. — *Авт.*) напали на Большеерецкое зимовье и всех служилых людей побили. В то же время и на Бобровом море (Бобровым морем назывался в то время залив между Кроноцким и Шипунским мысами к северу от Петропавловской гавани. — *Авт.*) убит ясачный сборщик с 5-ю казаками.

В 1707 г. Атласов выпущен был из тюрьмы и снова послан с командою в Камчатку с правом *делать там суд и расправу, иметь совершенную власть над служилыми; виновных наказывать кнутом и батожем, а прежнюю вину и разбой заслужить прииском новых земель и доброю службою*; но Атласов еще на пути к Анадырску своими несправедливыми поступками успел вооружить против себя всех служилых, которые с дороги послали на него в Якутск донос. По прибытии же в Камчатку он принял в свое управление Верхний и Нижний Камчатские остроги и в августе месяце послал служилого татарина с 70-ю казаками к Бобровому морю для усмирения камчадалов. Партия эта около нынешнего Петропавловского порта встретила до 800 камчадалов, прибывших туда на байдарах. Камчадалы напали на русских, но многие из них были побиты, а остальные разбежались. Русских было убито до 6 человек. Отсюда партия возвратилась в Верхнекамчатский острог. После того была послана партия на Большую реку, но поход этот был не совсем удачен.

В декабре 1707 г. казаки, будучи недовольны Атласовым, самовольно сменили его и посадили под арест, послав при этом в Якутск донесение о его злоумышлениях и жестоком с ними обращении. Командиром же выбрали прикащика Верхнекамчатского острога Ломаева. Впрочем, Атласов сбежал в Нижнекамчатский острог и жил там праздно, потому что закащик Ярыгин не сдавал ему и там должности.

По получении в Якутске известия о поступках Атласова, назначили в 1707 г. прикащиком в Камчатку сына боярского Панютина и донесли

обо всем в Москву. С Панютиным отправлено было 55 челов. служилых, две медных пушки с 100 ядрами, порох и свинец. Около Пенжинского залива напали на него 10 июля 1709 г. при переправе чрез р. Карагу олоторцы; убили Панютина с 10 человеками, а казну с аммунициею разграбили; остальные же служилые отбились и под управлением сына боярского Петра Чирикова пришли на Камчатку.

В управление Чирикова замечательны два обстоятельства: 1) неудачный поход на Большую реку пятидесятника Харитонова для усмирения туземцев. В походе этом было убито 8 ч. русских, много ранено, а остальные спаслись бегством и 2) разбитие у Авачинской губы японского судна, к которому ходил сам Чириков с 50 казаками и отбил у камчадалов 4 японцев. Чирикову было поручено произвести следствие на счет поступков Атласова, но он не успел приступить еще к следствию, как был сменен.

В 1709 г. прибыл на смену Чирикова пятидесятник Миронов-Линин с 40 казаками. Таким образом собралось в Камчатке три прикащика: Атласов, Чириков и Миронов.

Чириков, сдав Миронову командование Верхнекамчатским острогом, в октябре месяце поплыл на ботах в Нижнекамчатск, чтобы там перезимовать и весною выйти к Пенжинскому заливу, откуда отправиться с казною морем. Миронов же зимою отправился в Нижний острог для приучения людей к судостроению и, возвратясь обратно, был зарезан 23 января 1711 г. взбунтовавшимися тогда казаками, а 20 марта те же бунтовщики арестовали Чирикова и, закованного в кандалы, бросили в море. После того бунтовщики отправились в Нижний острог и зарезали там Атласова, застав его спящим (так рассказывает Крашенинников, а Спасский говорит, что он умер своею смертию. Но следственное дело показало, что все три прикащика были убиты. — *Авт.*). Здесь они разделили пожитки убитых прикащиков и, усилив свою партию до 75 челов., избрали казака Анциферова своими атаманом, а Ивана Козыревского (сына) есаулом. Бунтовщики ездили по полуострову для сбора ясака с туземцев, которых считали тогда до 10 000 челов.

На Тигиле разграбили съестные припасы, паруса и снасти, заготовленные Мироновым для служилых людей, назначенных к отправлению с казною Пенжинским заливом. Наконец, в апреле 1711 г. прибыли в Верхний острог, откуда послали в Якутск челобитную, в которой объяснили, что они убили Чирикова и Миронова за разные злоупотребления, но об Атласове не упомянули ни слова. Бунтовщики, чтобы загладить свои преступления, пошли из Верхнего острога на Большую реку и взяли Камчатский острожек, бывший на том месте, где ныне Большерецк. Здесь расположились на отдых и положили основание Большерецкому острогу, окружив его земляным валом.

Мая 22-го приплыло к острожку с неприятною (враждебной. — *Ред.*) целью множество камчадалов и курильцов. На другой день находив-

шийся при бунтовщиках архимандрит Мартимиан, присланный в 1705 г. из Тобольска в Камчатку для распространения христианства, отслужил молебен и благословил их. После того казаки сделали вылазку, напали на неприятелей и разбили их. По донесению казаков, урон туземцев был так велик, что трупами их была завалена Большая река; русских же было убито трое и несколько человек ранено.

После того бунтовщики пошли в курильскую землю и на небольших байдарах первые из русских плавали на Курильские острова. На первом Курильском острове обложили жителей ясаком и отняли у них три морских *карбаса*, на которых перешли на второй остров; но здесь встретили жителей, собравшихся для отражения русских. Казаки, не имея пороха, не решились вступить в бой и в сентябре возвратились в Большерецк.

В апреле 1710 г. к северу от Авачинской губы разбилось японское судно и из спасшихся с него 10 японцев 4 было убито камчадалами, а 6 взято ими в холопство. Из них один, *Санима*, был впоследствии отправлен в Петербург.

В 1711 г. приехал на смену Миронову казачий десятник Щепеткой (он же Севостьянов). Он, боясь Анциферова, предоставил ему начальствовать в Большерецке, а сам собирал ясак с туземцев в окрестностях Верхнего и Нижнего острогов. Но в 1712 г. Анциферов был убит камчадалами на р. Аваче. По смерти Анциферова прекратились на время и возмущения. Щепеткой посылал нарочно казаков ловить изменников, и один из пойманных объявил, что у них был заговор и против Щепеткова, которого хотели убить и после уйти на острова, где и поселиться; но заговор не исполнился только потому, что многие служилые не пожелали быть соучастниками бунта.

Щепеткой, оставя в Верхнем остроге прикащика Козырева, а в Нижнем Ярыгина, отправился из Камчатки с казною в 1712 г. 8 июля на построенных *своим коштом* (то есть своими средствами. — *Ред.*) на устье р. Камчатки судах, пошел морем до Олюторской реки и, поднявшись по ней, построил зимовье, огородив его валом для защиты от нападения олюторцов. В этом зимовье сидел он с 84 человеками до 9 января 1713 г., пока по просьбе его не прибыло подкрепление из Анадырска в числе 60 челов. Казна эта дошла в Якутск чрез Анадырск на оленях в январе 1714 г. (ясачная казна была послана в Москву с сыном боярским Ярославцовым, бывшим впоследствии с Шестаковым в деле с чукчами и пожалованным вместо Шестакова якутским казачьим головою. — *Авт.*). С 1707 г. не было вывозимо казны по причине беспрестанных нападений коряк. Все поморье от Аклана до Тауйской губы, населенное коряками, не признавало над собою русской власти. С 1703 по 1715 г. в проезде с ясачною казною погибло от коряк и русских бунтовщиков до 200 челов. служилых.

По выезде Щепеткого казак Киргизов взбунтовал в Верхнем остроге служилых людей, приплыл на ботах в Нижний острог и мучениями принудил

Ярыгина отказаться от власти, а острог сдал казаку Канашеву, который правил им до 10 сентября 1712 г., т. е. до прибытия в Камчатку прикащиком московского дворянина Колесова (того самого, который был уже в Камчатке пятидесятником). Киргизов же, подговорив себе еще 18 казаков и наделав множество всякого рода бесчинств в Нижнекамчатском остроге, возвратился в Верхний острог и был долго страшен Нижнему острогу.

Сибирский губернатор князь Гагарин, получив донесения о преступлениях, совершенных в Камчатке, дал в 1712 г. указ якутскому воеводе стольнику Ельчину: «Двух казаков, Пещеру и Норманского, за верную службу произвести в дети боярские, а прочим 70 казакам, не участвовавшим в бунте, быть и писаться конными, оклады их увеличить до семи руб., хлеба, ржи и овса давать по 6 четвертей, соли по 3 пуда, за службу похвалить и объявить, что будут еще пожалованы впредь великой милостию. Новому прикащику, посылаемому в Камчатку, наказать разобрать дело. Данилку Анциферова — смертию не казнить и служилым наказания не чинить, если они будут стараться заслужить против указа приведением в подданство немирных иноземцев или открытием новых земель».

Розыск казаков, убивших трех прикащиков, поручен был Колесову, которому велено было набрать с собою новокрещенных якутов, солдат и вольных всякого рода людей и взять одно духовное лицо для исполнения в пути треб. Колесов, прибывший в Нижний 10 сентября 1712 г., не застал в живых Анциферова; есаул Козыревский с товарищами, вызванные из Большерецка, штрафованы и отпущены заслужить свою вину на покорение Курильских островов. Но верхнекамчатские казаки Константин Киргизов и главный его сообщник Шабанов, явившись с партией своею в Нижний, не пошли на следствие и, укрепившись в домах, с угрозами требовали от Колесова позволения идти для исследования Карагинского острова, чтобы заслужить прощение. Видя твердость Колесова, они стали подговаривать к измене его казаков; но как и эта попытка не удалась, то воротились в Верхний, где партия разделилась и сильнейшая лишила Киргизова команды и выдала обоих возмутителей Колесову, по приказу которого они были повешены.

В апреле 1713 г. Козыревский с 55 чел. служилых отправился для разведывания Курильских островов и Японского царства. По возвращении же своем с островов, он представил следующее краткое их описание:

«От Лопатки до первого острова *Шумчу* перегребают на байдарах 2, 3 часа. Второй остров *Пурумущир* (Парамушир), жители которого делают из крапивы холст. Третий *Оникутан* (Онекотан). По западную сторону этих островов находятся три небольших острова. Четвертый *Араумакутан* (Харимкотан). Пятый *Сияскутан* (Шияшкотан). Шестой *Шококи*, на который приезжают японцы за рудою. Седьмой *Мотого* (Матуа). Осьмой *Шаиово*. Девятый *Ушишир*. Десятый — *Катуй*. Одиннадцатый — *Шимушир*. Двенадцатый

Итурупу, многолюдный, много рек, против устьев которых есть удобные места для якорной стоянки. Тринадцатый — *Уруп*. Четырнадцатый — *Кунашир*. Пятнадцатый — *Матемай*, на котором находится японский город. За ним лежит главный остров японского государства. Кроме этих островов в разных направлениях от них находятся небольшие острова.

В кратком своем описании о курильском походе Козыревский ничего не упомянул о самом путешествии, а ограничился только сообщением, что в Японии главный город Еддо и что японцы привозят на острова разные товары (Козыревский вывез с островов на свою долю на несколько тысяч *пожитков*, которые камчатский прикащик Петриловский у него *вымучил* и принудил его в 1716 г. постричься в монахи. В 1717 г. Козыревский построил между Нижним острогом и речкою Ключевскую пустынь. В 1720 г. он получил за курильский поход в награду 10 руб. и назначен строителем Покровского монастыря в 80 верстах от Якутска. В 1724 г. за расхищение монастыря Козыревский был закован и заключен под стражу, из под которой бежал и поступил секретарем к якутскому воеводе. Потом Козыревский бежал в Тобольск; но был пойман и снова закован. Тогда он объявил на архимандрита Феофана, виновника своих бед, *слово и дело!* (то есть обвинил его в государственной измене. — *Ред.*). За что оба они были отправлены в Тобольск. Здесь Козыревский был назначен в экспедицию Шестакова и после неудачного плавания по Лене на судне «Эверст» в 1729 г. с отписками явился в Москву, где хлопотал о награде за утрату имущества в Камчатке и постройку судна «Эверст». Сенат в 1730 г. определил выдать ему 500 руб. Но вскоре за какие-то новые преступления он был вытребован в тайную канцелярию и в 1732 г. расстрижен. — *Авт.*).

В 1713 г., в августе месяце, прибыл в Камчатку на смену Колесову дворянин Иван Енисейский. Он заложил на ключах церковь и перенес туда Нижнекамчатский острог, который и стоял на этом месте до бунта 1731 года, когда был сожжен вместе с церковью. По его распоряжению 120 служилых и 150 камчадалов ходили на авачинских инородцев, убивших Анциферова с 25 челов. Партия эта разгромила два острожка и принудила камчадалов платить ясак.

Местные беспорядки в Камчатке, по отдаленности страны, до 1713 г. оставались как бы незамеченными правительством; но убийство трех прикащиков и невысылка из Камчатки за несколько лет ясака побудили наконец местное начальство обратить внимание на этот отдаленный край.

Сибирский губернатор князь Гагарин для прекращения всех этих беспорядков назначил в Камчатку из дьячих детей Петра Татаринова, написав его в капитаны Тобольского драгунского полка, а якутской воеводской канцелярии (указ сибирского губернатора 13 февраля 1713 г.) получено наобласти за исполнением поручения, данного Татаринovu, и снабдить его всеми потребными для того средствами.

Главнейшие пункты данной Татаринову инструкции заключались в следующем:

«Ехать из Тобольска в Камчатку, также ведать в Анадырский острог. Искать государственной прибыли, призывать в подданство инородцев, объясачивать их и брать аманатов (заложников. — *Ред.*), а которые не пойдут в подданство и не дадут аманатов, с теми поступать военным поведением. Виновных детей боярских и служилых бить батожем и по вине кнутом; если ж кого нужно, казнить и смертью, за великия вины, то чинить не отписываясь. Построить на Камчатке церкви и крестить инородцев с положенным для сего вознаграждением. Домогаться открыть путь в Камчатку морем. На немирных идти с пушками. Проведывать, не найдутся ли какая руды. Делать все дела на Камчатке, как вразумит Христос, не отписываясь».

Облеченный такою обширною властью, Татаринов по прибытии в Якутск усилил свою небольшую команду, состоящую из 58 драгун и казаков, 140 челов. служилых и казаков, и летом 1713 г. отправился по назначению; но по недостатку продовольствия в пути он едва мог попасть в Анадырск 26-го апреля 1714 г., и то только с несколькими служилыми, оставив остальных в разных зимовьях. Между тем бывший управитель Анадырского острога дворянин Афанасий Петров еще до прихода Татаринова отправился на р. Олотору для покорения здесь сидячих (оседлых. — *Ред.*) коряк и построения на ней острога, который бы обеспечивал приходящих туда морем камчатских прикащиков с ясаками. Взятие коряцкого острожка на Олоторе по неприступной местности было весьма затруднительно, тем более что у Петрова не было ни пушек, ни гранат, и потому, обложив острог, он решился засесть в нем заморить голодом.

Татаринов, получив об этом донесение Петрова, 1-го мая *отписал* ему: «Чинить над Олоторском военный поиск», а для усиления отряда послал несколько служилых и с ними ручные гранаты. С прибытием подкрепления Петров, построив *городки, крепко осадил* острог, а 6-го августа пошел на приступ. Приблизившись к частоколу, начал бросать из-за щитов ручные гранаты. Наконец острог был взят, и защитники его побиты все без исключения. Призвав затем в подданство коряцкого тоена (вождя. — *Ред.*) соседнего *Култушиного* острожка, Петров начал строить на р. Олоторе новый острог для упрочения камчатского пути. В это время, и именно 24 августа, в Олоторск прибыли на судах из Камчатки прикащики В. Колесов и И. Енисейский с ясачною казною (соболей (141 сорок) 5 640, лисиц красных 762, сиводушек 10, бобров морских 137, выдр 2 и 22 золотника золота, взятого с разбитого японского судна, и 40 руб. денег. — *Авт.*). Узнав здесь о назначении нового начальника, прикащики отправили Татаринову донесение о прибытии своем с ясаками и просили прислать помощь для переезда в Анадырск. Сперва Татаринов располагал сам отправиться в Камчатку; но, опасаясь оставить Ана-

дырск без защиты по малочисленности в нем команды, большая часть которой померла от оспы, свирепствовавшей в северо-восточной Сибири, отложил свое намерение, как бы предугадывая предстоящие события, и вместо себя отправил в Олюторск с командою пятидесятника Алексея Петриловского с поручением идти оттуда весною в Камчатку на судах, пришедших с Колесовым и Енисейским, и ведать там ясачный сбор.

Здесь нужно заметить, что Афанасий Петров, отправляясь в поход из Анадырска, увел с собою юкагир ходынского и чувачинского родов с их семействами и табунами. Юкагиры несли службу наравне с казаками, участвовали во взятии большого Олюторского острога, причем до 130 из них были ранены, а некоторые совершенно изувечены. По взятии же его занимались постройкой нового острога и содержали там караулы. По приказу Петрова, завидя олюторцев, они должны были догонять и убивать, а в доказательство, что олюторцы не были шадимы, обязаны были приносить пальцы убитых. Приказ этот исполнялся строго, и возвратившихся из погони без пальцев преследуемых тотчас вешали. Кроме того что юкагиры в продолжении всего похода кормили своими оленями служилых анадырской, а потом камчатской партий, у них убили несколько сот оленей для устройства вала вокруг острога, и вообще казаки распорядились их табунами более чем бесцеремонно. Наконец запасы оленей стали истощаться, и дошло до того, что у многих семейств не осталось ни одного оленя. Юкагиры умоляли Петрова отпустить их из под Олюторска на родные тундры, но тот не только не соглашался, но еще требовал с них ясак и уплаты за розданные им в долг при стоянке под Олюторском табак и проч. вещи.

Юкагиры, вынужденные крайним положением, обратились с тою же просьбою к капитану Татаринову и, кроме того, во внимание к услугам, оказанным ими казакам во время всего похода, просили освободить их на время от платежа ясака, которого настойчиво требовал Петров, а выданный в долг табак засчитать им за службу и увечь под Олюторским острогом. Татаринов, оценил заслуги дикарей, *послав им три фунта табаку*, и велел Петрову отпустить их на соболиный промысел для ясака. Камчатские же ясаки из Олюторска предписал отправить до Анадырска с оленными коряками, которые должны были собраться в начале зимы 1714 г. под Олюторск. Но приказ этот не был исполнен. Петров, не дождавшись коряк с оленями, вышел из Олюторска с камчатскими ясаками и прикащиками Колесовым и Енисейским на оставшихся юкагирских оленях, не внимая страдальческому положению дикарей, которых предстоящий голод приводил в совершенное отчаяние. В остроге же осталось 52 человека казаков.

Перенесенные юкагирами бедствия и притеснения вывели наконец их из терпения, и они решили отомстить казакам, и 2-го декабря, во время пути к Акланску, на вершине р. Таловки, приступили к исполнению своего замысла.

День был ненастный, бушевала страшная пурга, так что в дальнейший путь к Акланску решились отправиться только камчатские прикащики В. Колесов и И. Енисейский с несколькими казаками, дворовым человеком и одним крещеным коряком; а остальные остались в *Аргиша* станове. Дикари вскоре после отбытия прикащиков бросились на оставшихся в станове русских, убили дворян А. Петрова, С. Колесова и бывших с ними казаков и захватили всю ясачную казну. Спаслись от смерти весьма немногие.

Между тем камчатские прикащики, недалеко отъехавшие от места побоища, принуждены были вернуться в станове по причине сильного ветра и метели. На обратном пути анадырский житель Павлов первый наехал на тела убитых и дал знать о том прикащику. Тут же заметили, что несколько юкагиров, бывших с ними, оставив оленей, убежали. Енисейский, удостоверясь в смерти своих товарищей, бросился бежать с своими спутниками в Акланск. Юкагиры погнались за ними и успели захватить пятидесятника Матьюнова, которого и закололи.

Русские бежали на оленях днем и ночью и 5-го декабря достигли Акланска. На другое утро 20-ть человек вооруженных дикарей подошли к острогу и объявили, что они убили Афанасия Петрова и служилых за обиды, налоги, разорения и взятки, что ясачную казну, доставшуюся им, сдадут акланским корякам для отвозу и сдачи в Анадырский острог, и что Колесова и Енисейского также убьют, а находящиеся у них оленей отнимут и острог разорят. Угроза эта отчасти исполнена в тот же вечер: юкагиры отогнали 200 оленей Енисейского и осадили острог. 6-го декабря успел пробраться в Акланск прибежавший окольною дорогою спасшийся с побоища казак и подтвердил о смерти Петрова с товарищами.

В таком тяжком положении Енисейский обратился за помощью в Анадырск, отправив туда бывшего при нем крещеного коряка с письмом, в котором он, объяснив о случившемся, присовокуплял, «что при нем в Акланске только одиннадцать человек служилых; Акланск в осаде кругом от юкагирей, сбивающихся к измене, и акланских сидячих коряк; пороху и свинцу нет; жить весьма *туго, не ведают, куда голову приклонить*. Олени подводные и для пропитания отогнаны, и что нужна им помощь и подарки для акланцев и других коряк, чтобы и они не возмутились подобно юкагирам».

Татаринов на другой же день по получении письма отправил 16-го декабря порох, свинец и подарки. Но оба посланные воротились 17-го с объявлением, что ночью, подъехав к юртам пастухов анадырского казенного табуна, узнали от оставшейся здесь старухи о наезде сюда многих юкагиров, которые коряк перевязали, а табун отогнали; услышав же сами в юртах голоса юкагир, принуждены были бросить посланные с ними в Акланск вещи и окольными дорогами бежать в Анадырск.

В это время оставалось в Анадырске только сорок человек казаков, и потому не было возможности отрядить команду для выручки Акланска и камчатской казны. Татаринов собрал совет, который решил послать 19-го декабря тридцать человек вверх по р. Анадыру для поимки жен и детей возмущившихся около Анадырска юкагирей.

Для усиления отряда велено было взять оставленных Татариновым в дороге людей, а также с р. Ангарки разные казенные вещи. Затем в Акланск к камчатским прикащикам отправлено (1-го января 1715 г.) письмо, а 1-го февраля указы в Акланск и в новый Олюторский острог о том, чтобы сами принимали меры к усмирению дикарей, по недостатку в Анадырске служилых. Посланным с указами поручено уговаривать юкагирей придти в повиновение, а акланским корякам объявить милость, если останутся верными. Предоставив таким образом исход возмущения счастливому случаю, Татаринов донес в Якутск, что дела на Камчатке в дурном положении.

Долго потом Татаринов не имел никаких вестей об участии осажденных. Первое известие о дальнейшем ходе дел на полуострове получено им от сержанта Афанасия Сургутского, ясачного сборщика на р. Пахачи. Сургутский доносил Татаринову, что, идучи с ясаками в Анадырск, на Таловке, на месте юкагирских юртовщиков, нашел он резанные бобры и прочие вещи, видимо, принадлежавшие русским, а потому и решился проведать Олюторский острог. На пути к острогу встретил казачью жену с братом, которые объявили ему о смерти Петрова. Он тотчас же распорядился послать об этом в Анадырск донесение с бывшим при нем крещеным коряком, который, пришедши в Акланск, узнал, что накануне его туда прихода акланские коряки с юкагирами умертвили Енисейского и Колесова с шестью служилыми, трех увели в плен, одного оставили у акланских коряк и одного отдали оленным корякам, которые его убили.

Кроме того, ему сообщили коряки, что захваченные ясаки целы, а находящиеся в плену у юкагир казаки живы; что юкагиры, вступив в заговор с коряками, хотели занять у *Парполя камня* камчатскую дорогу, чтобы не пропускать русских; а оленные коряки располагали двинуться на Олюторск, взять его обманом или силою, жителей побить, а острог разорить. Коряк, узнав об этом, убежал к Сургутскому в Олюторский острог и уже оттуда отправился в Анадырск, почему и известие это получено в Анадырске только 19 февраля.

Татаринов, опасаясь за Олюторск, в котором не было достаточного продовольствия, и, желая отнять взятые юкагирами камчатские ясаки, хотел сам идти вооруженною рукою на изменников, но, уступив просьбе жителей и казаков анадырских не оставлять их на явную смерть от чукоч, отложил поход до прибытия ратников из Якутска. После убийства прикащиков прекратилось сообщение Камчатских и Олюторского острогов с Анадырским. Хотя юкагиры и ушли в свои кочевья на верховья р. Анадыра, но оленные коряки

подошли к Олюторску, и, кочуя в окрестностях, держали его в осаде. Томимые голодом, осажденные в январе решились послать 29 казаков за рыбою к оленным и сидячим корякам по рекам Похаче и Апуке, бывшим до того верным русским. Начальство над отрядом принял на себя сам Сургутский.

При переходе чрез один хребет коряки убили из них семь человек и само-го Сургутского, остальные спрятались, но, томимые голодом, выходили из завалов и были все перебиты поодиночке, кроме четверых, взятых в плен, да двух, пробравшихся обратно в Олюторск. Двое из находившихся в плену бежали потом в Анадырск, а третий был отпущен в Олюторский острог. В феврале 1715 г. оленные коряки, соединясь с каменскими и акланскими, стали весьма часто подъезжать к острогу и в один наезд (в марте) захватили детей коряк, оставшихся верным русским. Для выручки их олюторский прикащик выслал десять человек, из которых коряки восьмерых убили, один спасся бегством, а последний взят в плен каменцами и впоследствии убежал в острог.

Осажденные, перенося крайнее бедствие от голода и разных болезней, были в отчаянном положении и потеряли уже всякую надежду к спасению. Но в это критическое время у коряк появилась оспа. Старики приписали ее колдовству осажденных и принудили коряк отступить от Олюторска и ограничиться одним наблюдением и нападениями на казаков, выходивших из острога.

Татаринов, узнав чрез крещеных коряк все подробности камчатского бунта (убитых с Афанасием Петровым: он сам, попы Василий и Иван, казачьи сотники: Евдоким Сургутский, Степан Колесов, пятидесятник Мартьянов, таможенный целовальник Василий Зыков, казаков 35, анадырских жителей 6 человек. В Акланске от акланских коряк с дворянами Колесовым и Енисейским казаков 6 челов.; анадырский житель 1, да в плену 2. На Пахаче с Афанасием Сургутским казаков 13, анадырских жителей 6, у апукских коряк в плену 3. Под Олюторским острогом казаков 2, анадырских жителей 6, да померло казаков 3. В живых в Олюторске два прикащика: Полуэктов и Фролов, казаков 27, прибежавших после юкагирского побоища 4 чел., посланные из Анадырска на Камчатку пятидесятник Алексей Петриловский да драгун И. Варганов. — *Авт.*), снова послал донесение в Якутск о присылке к нему 200 человек казаков, 200 пуд. пороху и проч. Якутская канцелярия отправила рапорт Татаринова в Тобольск к губернатору князю Гагарину с нарочным дворянином Афанасием Шестаковым, который, как человек бывальшй, мог дать нужные объяснения о стране, о положении там дел и об инородцах северо-восточной Сибири.

В Якутске, получив первое известие Татаринова от 15 марта 1715 г. о потере казны, об убийстве прикащиков и проч., распорядились послать в Анадырск дворянина Степана Трифанова с приказанием собрать по зимовьям служилых людей, в добавок к данным ему из Якутска, а также взять мореходов с людьми, находящихся для открытия островов на устьях р. Яны, Колымы

и Индигирки, *потому что эти мореходы ничего, кроме льдов, не видели*, и поспешить к Татаринову. Но как Трифанов пред отправлением своим 9 августа донес, что с малым числом людей порученное ему дело не может быть исполнено, то якутская канцелярия назначила к нему еще 63 человека.

В инструкции Трифанову сказано: идти от Анадырского острога со служилыми людьми на изменников юкагирей вместе с капитаном Татариновым; юкагирей привести в подданство, отыскать ограбленную камчатскую казну, про убийство русских и грабеж казны розыскать; при неповиновении юкагир смирить военною рукою; заводчиков трех казнить публично, нескольких положить на плаху и потом объявить милость Государя, а всех камчадалов без исключения виновных наказать кнутом; найденную казну и прежних лет сбор взять от Татаринова и привезти в Якутск, *через Ламское море новым морским путем*.

Трифанов, поместив команду на двух досчаниках, велел ей дожидаться на р. Лене, а сам уехал домой к жене в Амгинскую слободу. В деревне Трифанов и не вспоминал о походе до тех пор, пока не прислали к нему принуждения из Якутска; тогда он отправился с Алдана с женою и детьми 15-го ноября, шел весьма медленно, давая отпуска многим казакам, будто бы за болезнями, принимая на место их якутов. С Индигирки пошел быстрее, чрез Алазею и Колыму, и прибыл в Анадырск в феврале 1716 г.

Между тем Татаринов, не видя со стороны инородцев до весны 1715 г. никаких нападений на Анадырск, не получал в то же время известия из Камчатки и, скучая от бездействия, отправился вниз по Анадыру *на оленью плавь* (место переправы диких оленей при следовании их весною к Ледовитому морю. — *Авт.*) для заготовления провизии, послав в то же время по рекам, впадающим в Анадыр, подъячего Григория Голыгина для усмирения ходынских юкагирей, которому дал в провожатые казака, вышедшего из юкагирского плена. Голыгин воротился 19-го июля с частию разграбленного камчатского ясака, беспрекословно возвращенного юкагирами; кроме того, другие его части были добровольно доставлены ими в острог 21-го июля, 9-го августа, 21-го ноября и 10-го декабря.

На приглашение пойти в острог юкагиры не соглашались и отказались дать аманатов. Видя знакомых казаков, охотно разговаривали с ними и дарили им зверей. Переночевав вблизи острога, юкагиры откочевали в свои жилища. Гнаться за ними не было возможности по неимению оленей.

Собранный в 1715 г. камчатский ясак был послан в Якутск в 1716 г. в следующем количестве: 167 сорок. и 30 соб., 898 лисиц красных, 166 бобров, 29 сиводушек, 2 выдры. Кроме того, 235 руб. денег, 22 золотн. японского золота с Курильских островов в плашках и кусках (по произведенному обыску у вдовы убитого Енисейского найдено множество пушнины. Эти меха, как действительно принадлежавшие ее мужу, были возвращены ей. Вот перечень

его пожитков, приобретенных в бытность только год прикащиком в Камчатке, обнаруживающий степень честности лиц, посылаемых туда для ясачного сбора: 150 сороков соболей, 200 бобров, 5 мехов собольих, 20 саняхов бобровых и выдряных, 1 070 лисиц красных, 300 сиводушек; *ношебных 3 шубы собольих под добрым сукном*, два одеяла бобровых, два из красных лисиц, кроме того два куюка (шлема. — *Ред.*) железных, две кольчуги железные, четыре пищали, четыре цепочки серебряные под золотом с крестами серебряными. А Енисейский был еще из лучших прикащиков. — *Авт.*)

Татаринов по возвращении с оленьей плавии снова остался в Анадырске с 80 чел. казаков и драгунов в бездействии и с нетерпением ожидал помощи из Якутска. Наконец 19 января 1716 г. показалась у Анадырска партия Трифанова; а мая 8-го пришел и сам Трифанов. Всего у него было под командою 120 человек. Татаринов, прочитав инструкцию Трифанова, крайне обиделся разделением власти, а также и тем, что не было выслано ни одного человека под непосредственное его начальство. Неудовольствие это было причиною упущения удобного зимнего времени к походу на р. Пенжину, где около Акланска было большое скопище изменников-коряк, откуда со вскрытием рек было удобно пробраться в Камчатку, или же, усмирив акланцев, двинуться к оставленному русскими Олюторскому острогу и оттуда Восточным морем пройти в Нижнекамчатский острог.

Время проходило в спорах, а дело не подвигалось вперед. Наконец кое-как согласились отправиться вместе с 120 казаками на р. Пенжину. 13-го августа 1716 г. от анадырского хребта Татаринов с 16 казаками отделился от партии и пошел вперед и встретил коряков, которые, завидя русских, разбежались. Потом партия соединилась вместе, подошла к Акланску и вступила в переговоры с сидящими коряками о возвращении в подданство России. Но акланцы вместо повиновения взяли за оружие. Завязался бой, и дикари были рассеяны. Недостаток припасов и неулов рыбы в реке не позволили Татаринову преследовать коряк, убежавших из под Акланска вниз по Пенжине, и потому, взяв пленных коряцких детей, он возвратился в Анадырск.

В марте 1717 г. Трифанов ходил с 80 казаками на юкагир на р. Белую, впадающую в Анадырь; взял там в плен несколько человек и воротился назад в Анадырск, куда в это время пришел из Якутска посланный для усиления отряда Федор Трифанов с 23 служителями, назначенными в Камчатку, и одиннадцатью, оставшими на дороге от прежних посылок. С Трифановым получено оружие, порох и прочие вещи, необходимые для похода в Камчатку.

В апреле приходили к олюторскому острогу олениные коряки объявить вновь подданство; они уверяли, что загладили свою прежнюю вину истреблением мятежных юкагириков, которых, кочуя у Олюторского острога, частию побили, частию загнали в осаду; а чтобы покорить и последних, просили у Татаринова 2-х человек с пищалями.

В смерти Афанасия Петрова и Енисейского они обвиняли юкагир, к которым должны были пристать вследствие угроз и насилия.

Татаринов послал с коряками 14-го апреля 2-х служилых и толмача, которые и взяли ясаки с оленных и акланских коряк; а юкагиры за три дня до прихода русских вышли силою из осажденного коряками острога и, хотя заплатили ясаки, но на требование казаков выдать аманатов не согласились. После того Татаринов, оставив (14 апреля 1718 года) в Анадырском остроге казака Федота Татарина с 36 человеками (в делах иркутского архива мы нашли донесение Федота Татарина о тогдашнем Анадырском остроге. Острог решетчатый, в нем: ясачная *с перерубом и прирубом казенки* изба; в казенке держат аманатов; сени с прирубом; два амбара; над сенями вышка; под вышкою в боку 3 амбарца; в острожной стене амбар. В остроге государев двор: в дворе 3 строения; изба и сени крыты под одну кровлю, желобьями тесаными. — *Авт.*), и предоставив Трифанову отыскать остальную пропавшую камчатскую рухлядь и окончательно покорить юкагир, сам, несмотря на представление последнего повременить походом, а потом вместе идти на акланских коряк, отправился с 80 человеками на р. Пенжину, откуда послал 60 человек с казаком Григорием Камкиным в Камчатку, а с остальными вошел в Анадырск.

В это время не были еще исследованы причины возмущения юкагирей и коряк; к тому же распри между Татариновым и Трифановым требовали посредника, и для такого поручения выбрали боярского сына Григория Жданова. Но не успел Жданов доехать до Анадырска, как на него поступила уже в Якутск пропасть доносов в злоупотреблении властью и бесчинствах в пути. Поэтому послан был к Жданову приказ сдать начальство над Анадырском казаку Федоту Татарину, следствия не производить, а прежде самому отвечать на поданные на него обвинения.

Между тем по рассмотрении всех действий князя Гагарина по управлению Сибирью (в результате которых он был казнен. — *Ред.*), производство Татарина в капитаны признано неправильным, и в 1721 г. от сибирского губернатора князя Алексея Михайловича Черкасского последовал указ на имя якутского воеводы, чтобы Татарина *«из капитанского ранга выпустить, для того, что он в солдатах нигде не служил, а написан был показанным князем Гагариным в капитаны из дьячих детей»*. Вследствие этих распоряжений Татаринов выехал в Якутск, а в 1726 г. последовал другой указ, чтобы хлебное, соляное и денежное жалование, выданное за все время Татарину, *«доставить в казну возвратно»*, и велено быть ему в Якутске у дел капитан-поручика Измайлова.

Так кончилось правление капитана Татарина, посланного для приведения камчатских дел в порядок. Порядок не только не был установлен, но, напротив того, жадность и жестокость прикащиков окончательно запутали дела

и подали повод к восстанию туземцев, едва не уничтоживших плоды прежних трудов русских. Можно положительно сказать, если бы не взаимная вражда племен, то русские были бы совершенно истреблены, и снова пришлось бы завоевывать Камчатку.

По выезде Жданова и Татаринова, Анадырский острог находился в затруднительном положении. Чукчи и юакиры делали беспристанные на него нападения, так что воевода Ракитин, основываясь на донесениях Татаринова и Трифанова, просил начальника камчатского наряда Абыштова о назначении комиссара в Анадырск, с приличным числом команды. Но Абыштов отозвался неимением людей, предоставляя Ракитину самому назначить туда комиссара, тем более, что и ясачная книга Анадырского острога не была еще сдана в наряд, подобно другим острогам.

Между тем трудность сообщения Якутска с Камчаткою чрез Анадырск заставила местное начальство искать туда морского пути из Охотска. После нескольких бесполезных попыток удалось наконец в 1716 г. мореходу Треске с казаком Соколовым пройти на лодии из Охотска к камчатскому берегу (на лодии «Восток» Н. М. Треска и К. Соколов открыли морской путь вдоль берега из Охотска на Камчатку. В 1718—1719 гг. Треска входил в состав экспедиции, организованной М. П. Гагариным по указанию Петра I, так называемый «Большой Камчатский наряд». — *Авт.*).

Это открытие имело важные последствия для отдаленного полуострова. Путь из Якутска до Анадырска совершался обыкновенно около полугода. Не менее того был труден и опасен от немирных инородцев дальнейший путь в Камчатку. Для обеспечения этого сообщения от нападений туземцев и для сбора ясака с сидячих коряк, анадырские казаки укрепили бывший Акланский острог и построили новый на р. Олюторе. Из острогов этих для сокращения перехода в Камчатку партии отправлялись водою на небольших судах; чаще из Акланска вниз по р. Пенжине и Пежинскою губою до р. Тигиля или же из Олюторска к восточному побережью до р. Камчатки. Из Анадырского же острога до р. Черной, впадающей в Пенжину, переезжали обыкновенно дня четыре на собаках или оленях; затем против устья Черной на р. Пенжине строили из осины лодки сажень 5—5½ длиною, шитые ивовыми прутьями и проконопаченные мохом; паруса делали ровдужные (из оленьей кожи), а вместо якорей служили им большие камни. На этих лодках казаки плыли по р. Пенжине до Акланского острога; отсюда Пенжиною же до коряцкого Акланского острога; потом вдоль берега Пенжинского залива до Тигиля. Но иногда приставали на р. Пустой или Лесной и оттуда следовали до Нижнекамчатского острога сухим путем. Из Тигиля, оставив свои лодки до возвращения, шли на камчатских ботах вверх по р. Тигилю; потом переносили бота (правильнее, баты — суда, выдолбленные из целого древесного ствола. — *Ред.*) волоком на р. Еловку; спускались по ней на р. Камчатку до Нижнекам-

чатского острога. На таких же лодках, построенных в Олюторском остроге, казаки плавали вдоль берега по Восточному океану до р. Камчатки.

В то время, когда казак Соколов прибыл из Охотска на лодии в Камчатку, там был управителем посланный Татариновым из Анадырска пятидесятник Петриловский, который по окончании работ по постройке Олюторского острога долго не мог отправиться в Камчатку, потому что в течение всей зимы острог был осажден коряками и юкагирами. Наконец, после разных бедствий от болезней и голоду, Петриловский 3 июля 1715 г. с казаками и аманатами вышел из острога и поплыл морем в Камчатку на тех же судах, на которых пришли камчатские прикащики в 1714 г., и прибыл туда благополучно 9 июля.

Петриловский, приняв в свое ведение остроги со служилыми и собранные на 1715 г. ясаки, *вымучил* имение Козыревского, вывезенное с островов, и стал заботиться только о том, чтобы скорее обогатиться. Он ограбил не только инородцев, но и казаков, имевших что-нибудь лишнее, употребляя к тому кнуты, батоги и даже пытки. Колодки и кандалы не считал он наказанием. Такими мерами заставил он Козыревского и Якова Ярыгина постричься в монахи, передав их на руки отчужденному от света архимандриту Мартемьяну, присланному сюда с дворянином Атласовым. Наконец казаки, выведенные из терпения, вооружились против Петриловского и с согласия казака Соколова, пришедшего на судне в Камчатку, сменили его, а обязанность прикащика или ясачного сборщика поручили якутскому посадскому Козьме Вежливцову, который конфисковал имение Петриловского, а самого его посадил под караул (вот список пожитков, отобранных у Петриловского: 141 сорок 29 соболей, 1 542 лисиц красных, 161 сиводушных, 160 выдр, 207 бобров, 169 морских выдр, шуб собольих 4, мехов собольих 5, санаях соболей, парка (зимняя верхняя одежда из шкур без разреза. — *Ред.*) соболя с оплечьем бобровым, санаях из красных лисиц с оплечьем сиводушечьим, два санаяха бобровых с оплечьем сиводушечьим, санаях из выдры — оплечье бобровое, 3 шубы лисьих красных, 2 меха сиводушечьих, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровый, 4 полы меха собольего загривчатого, несколько лоскутов разных мехов, несколько мехов из собольих и лисьих лап, шуба из лисьих лап, одеяло бобровое, парок собольих 2, мех лапчатый красных лисиц; 2 меха бобровых; парка бобровая; трех из собольих хвостов; 4 шапки собольи; 2 малахая (шапка на меху, кафтан без пояса. — *Ред.*) собольих; 475 хвостов собольих, несколько пар меховых рукавиц; серебряный пояс; сереб. чарка и ложка и много других вещей. Из всего имущества Петриловского дано ему на подъем 200 лисиц, 27 бобров и несколько шуб. — *Авт.*).

Петриловский отправился из Камчатки в Якутск в 1720 г. и там судился не столько за притеснения казаков и камчадалов, сколько за найденные у него в 1719 г. следующие рукописи: 1) превратительное к людям; 2) как укрощать сердце недругов; 3) отвратное от тоски; 4) заговор зубной и т. д.

После Вежливого был прикащиком прислан из Анадырска служилый Камкин, а в 1718 г. прибыли в Камчатку морем посланные от камчатского наряда (об экспедиции, известной под названием Большого Камчатского наряда см. Мор. Сб. 1868 г., декабрь. — *Авт.*) прикащиками из детей боярских: в Большерецк Василий Качалов, в Нижнекамчатск Иван Уваровский (Уваровский был последний прикащик в Нижнем; после него назначались уже туда комиссары, подчиненные Большерецку. — *Авт.*) и в Верхний Поротов. Качанову, отправившемуся из Охотска 12 августа 1718 г., поручено было управление всею Камчаткою и устройство города на Большой реке, как самом удобном месте для якорной стоянки и зимовки приходящих из Охотска судов. Кроме того, ему было приказано со служилыми, посланными с ним из Якутска, и большерецкими казаками построить в удобном месте крепость, где хранить со всех острогов ясачную казну до отправления ее в Якутск, казенное имущество и содержать аманатов.

Качанову предписано было ясаки отправлять со служилыми и мореходами в Охотск; а самому оставаться в Камчатке до особого распоряжения, чего прежде никогда не делалось. До него все прикащики отправлялись в Камчатку за ясачным сбором обыкновенно осенью, и, пробыв там зиму, возвращались весною, чтобы лично представить ясак в Якутск. Приняв в свое управление камчатские остроги, он, в видах приобретения у камчадалов привязанности к себе и доверия, выпустил из Большерецка давно содержавшихся там в казенке *крепко закованных* Воровского острожка (получившего название по частым изменам живших в нем камчадалов. — *Авт.*) двух аманатов *Киврю* и *Купку*, которых камчадалы слушались и *держались умом к злодуме и измене по их великим умам*. Воротившись из плена и узнав от своих родичей о разных притеснениях от русских, они вздумали отомстить им и возмutilи камчадалов, которые сперва убили сборщика Степана Чаплина с 4-мя человеками, а собранные им ясаки разделили между собою; потом убили двух служилых, посланных Качановым за сбором с камчадалов белой травы, кипрею и всяких кормов, что до настоящего времени делалось в год по несколько раз. После того камчадалы хотели идти на р. Ичу, сжечь судно, на котором прибыл Качанов, и убить оставшихся при нем людей; но Качанов, узнав об их замысле, послал из Большерецкого острога на Воровской острожек сына боярского Мухоплева с 30 вооруженными казаками. Ему поручено было уговорить иноземцев принять по-прежнему подданство и выдать отпущенных к ним аманатов; если же они на это не согласятся ласковыми убеждениями, то усмирить вооруженною рукою. Мухоплев по прибытии к ним потребовал выдачи выпущенных аманатов, как главнейших изменников; но иноземцы согласились лучше умереть, нежели подвергнуть своих однородцев томительному заточению в остроге. Не видя более возможности уговорить их, Мухоплев начал громить камчадалов огнестрельным оружи-

ем. Три острога их разорены и сожжены, а люди почти все перебиты. Казаков у Мухоплева убито три человека, многие ранены. У убитых камчадалов взят 21 соболь из числа ясаков, собранных Чаплиным, но, главное, спасено судно и его команда.

При отправлении осенью 1719 г. в Охотск судна (на этом судне больше-рецкие служилые послали с мореходом несколько соборей для покупки Нового Завета для больше-рецкой церкви. — *Авт.*), послан из Камчатки в Якутск донос на Качанова, что причинами измены на р. Воровской были безрассудные его распоряжения: во-первых, данная свобода двум аманатам, которые постоянно руководили соотичей к восстанию и, во-вторых, отправление для своих выгод двух казаков за поборами. А как по заведенному в Камчатке обычаю всякий прикащик, подвергавшийся доносам, лишался права на управление и имение его конфисковалось до исследования, то казаки своевольно распорядились посадить Качанова в тюрьму и забрать себе его пожитки. Однако Качанову удалось спастись от заключения бегством, а мятежники были впоследствии взяты в Тобольск, где жестоко наказаны. Главный зачинщик был казак Попов.

Таким образом предположенное устройство города и крепости в Больше-рецке оставалось без исполнения.

После того якутский воевода Ракитин послал прикащиком на Камчатку и для приведения в подданство Курильских островов дворянина Ивана Харитонов. Ему, между прочим, предписывалось в Охотске достроить заложенное в 1718 г. камчатским нарядом судно, взять морехода и потребное число служилых из партии Ельчина и идти на Камчатку. По дороге же от Якутска до Охотска ставить зимовья, *чтобы людям от пути не было остановки, а Якутам изнурения и разорения*. Харитонов вышел 19 августа 1719 г. из Охотска в Больше-рецк с артиллерией, сколько мог вместить на судне. Перед отбытием своим в Камчатку он послал 4 августа в Якутск донесение о разных беспорядках в Охотске, возникших, по его словам, еще при жизни капитана Абыштова. Сентября 1-го Харитонов прибыл в Больше-рецк и избрал Верхнекамчатск для постоянного жительства, как по надежному острогу, так и по положению его. Находясь в феврале 1720 г. в Нижнекамчатске, он узнал от ясачных с р. Тигиля, что палланцы и лесные камчадалы не хотят платить ясаков и обещались убить сборщиков. Эти слухи заставили Харитонов в марте месяце идти на изменников с 60 казаками и тигильскими камчадалами. Хотя возмущившиеся не показали сопротивления, однакоже, по совету тигильцев, Харитонов для осторожности отобрал у бунтовщиков оружие. Но когда палланцы беспрекословно заплатили ясака, Харитонов отдал им оружие и расположился с своими казаками на ночлег в особой юрте. Камчадалы, дав заснуть русским, подступили к занимаемой ими юрте, вооруженные копьями, ножами и луками, напали на спящих. Харитонova и 9 казаков закололи копьями

и ножами, а 14 казаков ранили, остальные, схватив ружья, бросились на изменников и отомстили за смерть своих товарищей. Одни из камчадалов пали под оружием пробившихся из юрты казаков, остальные сожжены в юрте вместе с убитыми ими русскими. Когда не осталось ни одного камчадала в Палланском остроге, русские заперлись в нем и не знали, что и делать, потому что им не известны были дальнейшие планы Харитонова. Камчадалы же ближайших острогов также разбежались, боясь мести казаков, не щадивших в подобных случаях ни правого, ни виноватого. Наконец, 2-го апреля, казаки дали знать о себе в Большерецк, а вслед за тем и сами благополучно возвратились в Нижнекамчатск.

Между тем в Большерецке казак Лукашевский, узнав о смерти Харитонова, принял управление острогом и отправил в Охотск ясак.

После Харитонова назначен в Камчатку сын боярский Степан Бобровский и при нем сын же боярский Михайло Петров. Бобровскому в июне 1720 г. прибывший по делу князя Гагарина в Якутск капитан Измайлов дал инструкцию, какой до того времени не было даваемо ни одному комиссару. Ему поручено было заведовать Верхнекамчатским и Большерецким острогами, а в Нижний назначен другой прикащик Алексей Шестаков.

Инструкция, данная Бобровскому Измайловым, заключалась в следующих пунктах:

«1) Ехать в Камчатку, взяв от якутского казачьего полка несколько служилых.

2) Прибыв чрез море в Камчатку, принять Верхнекамчатский острог от прикащика Ивана Харитонова, также казну, дела, аманатов, служилых и все по росписным спискам. Объявить всем камчадалам при собрании всех служилых “Милостивое Государево слово”, что кому из них были какие налоги от прежних прикащиков, которые ими корыстовались, а суда не было, то ныне Государь велел подавать на них жалобы; виновных розыскивать и оборону чинить камчадалам от русских обидчиков.

3) А чтобы камчадалы жили в покое и тишине, занимались бы промыслами и ясак и поклон Государю платили.

4) Ясаки иноземцам отправлять самим в Верхнекамчатск, чтобы служилые не обменивали и не плутовали, а в улусы посылать только за недобором.

5) Управляться своими старшинами и быть им покорными, за что будет царское жалование.

6) Злоумышление ежели за кем уведают, не укрывать.

7) А кто до кого доведет измену, тому отдать пожитки изменника.

8) В лесах огня не пускали бы — соболь уходит.

9) Ясак в Верхнекамчатске прикащику принимать при служилых.

10) Сыскивать в ясак новых плательщиков и записывать в ясак *захребеников и подростков*».

Притиска. «За взнос полного ясака награждать камчадалов; сверх ясака покупать зверей в казну; до сбора ясаков никого в остроги не отпускать для торговли и вымену зверей; в Якутск с ясаками идти самому комиссару с перемненными служилыми. В улусы казаков ни зачем не отпускать; аманатов держать в железах, бес тесноты и кормить необходимым, чтобы не было сомнения в них и от них жалоб. По жалобам на русских розыскивать, для чего употреблять бумагу гербовую. В *Верхнем* питья... игры картежной не держать. Ясырей и погромных переписать, также и служилых, издавна живущих в Камчатке, а взявших за долги жен и детей бить батогами. Убитых и умерших имена переписывать; изб и бань все лето не топить, чтобы не сделать пожара в Верхнекамчатске, а пищу готовить на дворе. Посылать для привоуд новых земель в подданство ласкою и брать с них по одному ясаку в год; а которые живут близ Камчатки и могут быть опасными, то на непослушных ясачных посылать служилых из Верхнекамчатска, по рассмотрению, и прежде всего уговаривать, а после, ежели чается от них зло, идти войною и брать с них аманатов. Отложившихся убийц русских и идущих войною под остроги уговаривать, а после смирять войною — зачинщиков сажать в казенку до указа. Беглецов не брать с собою через море в Камчатку. При отбытии с Камчатки острог сдать надежному доброму человеку, а ежели будет нерадеть, то будешь отвечать против каждого пункта наказанием, разорением, ссылкой и лишением живота».

К Бобровскому и Алексею Шестакову в Охотске присоединились для походу в Камчатку навигаторы Евреинов и Лужин, командированные для отыскания Японии. Судно исправил и повел в море мореход Мошков, взяв с собою матроса Буша и кормщика Березина. Прикащик Шестаков воротился с Камчатки морем с Евреиновым, который отрешил Шестакова от должности и имение описал, а Бобровский остался в Камчатке. Шестаков по возвращении в Якутск подал объявление о дурных поступках бывшего правителя Максима Лукашевского и своевольных распоряжениях Евреинова.

Судно, пришедшее в Охотск с геодезистами, не имело якорей, снасти были изорваны и гнили, и до лета 1722 г. оно лежало на берегу без починки.

В 1722 г. определен в Камчатку прикащиком дворянин Никита Лосев. Он отправился из Якутска с 30-ю казаками, двумя мореходами и плотником морских судов Каргопольцевым, вытребованным из Архангельска. Плотник назначен к Лосеву для достройки на Ламе двух судов, заложенных в 1718 и 1719 гг. Лосев требовал с собою *к полковой службе* священника Ермолая Иванова, ибо отправленный из Тобольска иеромонах Иосиф пришел в 1721 г. на Ламу и в 1722 г. хотел возвратиться в Якутск; а другой черный священник (Варлаам) в Камчатских острогах едва жив; а поселившимся на Камчатке служилым *без священника быть нельзя*. Но ему не дали Иванова, а разрешили взять в Камчатку Иосифа.

Лосев с командою пришел в Охотск августа 6-го, где взял порох, свинец, оружие, знамя и на переправленном Мошковым и Трескою старом судне вышел из Охотска 24 августа 1722 г., а от земли 1 сентября *через святое Ламское море*. Заложенное же в 1719 г. судно поручил достроить Каргопольцеву.

1722 г. октября 14-го Бобровский сдал Лосеву Верхнекамчатский острог, *бревенчатый, на иглах. В остроге: ясачная изба и амбар; да амбар над воротами, в котором летом содержали аманатов; казенка с аманатами, да колодники по убийствам и между ними Алексей Еремеев, убивший Степана Чебукина. В остроге медная пушка; казаков 41; промышленных 2.*

Лосев в трех камчатских острогах переменял закашиков, стал брать зверями за винный откуп, с карточной продажи, с площадного откупа, табачной продажи и с судебных дел за гербовую бумагу, чем увеличил доходы в Камчатских острогах.

В 1723 г., по изготовлению судна к походу, Лосев сдал по росписным спискам назначенным от него летним управителям Камчатские остроги: марта 18-го Матвею Нифонтьеву *Нижний острог*, стоячий тын и в нем на полдень изба ясачная, на запад аманатская с 11 аманатами, из них двое олюторцев; башни над воротами; амбары, дела, судовые припасы. Гарнизону в остроге: сын боярский Петр Чижевский, казаков 80, промышленных 9 челов., 2 пушки.

В июне принял у Лосева *Большерецкий острог* служилый Артемий Попов — острог деревянный, стоячий тын, на западном углу казенный амбар, в середине приказная изба, на севере аманатская казенка, в которой Воровской реки аманатов 5; две медные пушки; казаков 40 человек.

С Камчатки Лосев вместе с Бобровским отправился 1 июля и прибыл в Охотск 7-го. Ясаки отправил в Якутск с подъячим Афонасием Лузиным; а сам по болезни остался в Охотске, где и умер в июле же 1723 г. Бобровский также не доехал до Якутска и умер на р. Ураке. Казну от Охотска везли на лошадях до р. Юдомы, откуда на плотах, из коих один, с писками, опрокинулся, и таким образом уничтожились все донесения Лосева. При казенных вещах шли воротившиеся с Камчатки 34 казака; 16 колодников русских, да 3 инородца, убившие прежнего архимандрита камчатского Мартемиана; всего 70 подвод.

Лунин при отправлении из Охотска ясаков Камчатских острогов, 2-го августа оставил там служилому Соболеву несколько камчатских преступников. Но Соболев бежал с колодниками на судне в Камчатку.

В 1723 г. послан в Камчатские остроги прикащиком сын боярский Федор Шелковников. Мореходом к нему определен Иван Бутин, с которым из Якутска отправлены к снаряжению и починке судна смола, пенька, железо и холст. Шелковникову по его прошению назначен на Камчатку от якутского Спасского монастыря священник Ермолай Иванов; кроме того, 19 человек казаков из команды головы Афанасия Шестакова и с ним пятидесятник Андрей Штинников. Шелковникову дана была большая инструктория.

Вместе с Шелковниковым отправился в Камчатку поручик Сафронов для наблюдения за переписью иноземцев и их угодий, для высылки их на прежние места жительства и окончания дел камчатского наряда.

Шелковников по прибытии в Камчатские остроги велел Эверстову принять Большеерецкий острог у Артемия Попова и быть в команде поручика Сафронова; Верхний поручил принять от служилого Петра Баранова Безсонову; сам отправился в Нижний, где принял острог от Нифонтьева.

Собрав ясаки, Шелковников сдал Нижнекамчатский острог Елисею Долгополову, до присылки Безсонова в Верхнем оставлен Нифонтьев; Большеерецкий острог сдан от Эверстова Петру Чупрову. После того Шелковников морем отправился с ясаками в Охотск с Сафроновым и ясачную казною, куда и прибыл 24 июня 1724 г. В сборной ясачной книге Шелковникова на 1724 год в 3 острогах написано ясачных 5 138 человек; окладу с них: 68 сороков 34 соболя, 13 сиводушек, 2 262 лисицы красных, 95 бобров, 14 колонков; но ясаку не донято 35 сороков 10 соболей, 5 сиводушек, 599 лисиц красных, 42 бобра, 4 колонка. *Доимка* не взята, потому что из написанных в данной из Якутска книге, *по сказке лучших камчатских людей*, 1 556 человек в разных годах померло; 25 не дали за *скудостью*, 6 за *скорбию*, 19 за *старостью*, *одни в аманатах*, 334 *сошли в разные остроги*, 80 *к сыску не явилось*.

Хотя Шелковников приказал в 1723 г. непременно строить в Охотске новое судно; но в 1724 г. плотник Плосских доносил, что с 8-ю человеками, данными ему комиссаром Охотска Борисом Сухановым вместо 30, новое судно не будет построено; старое же судно в это время до того было ветхо, что опасно пускаться на нем в море.

Вместо Шелковникова в камчатские прикащики выбран Степан Трифанов; но впоследствии ему поручены другие обязанности по якутской канцелярии, и на место его послан Андрей Жирков, которому дан в помощь Афанасий Жирков, для письма Иван Шамаев, мореход Невейца и 21 человек казаков.

Жирков прибыл в Охотск 1-го сентября 1724 г., принял морское судно, *которое за древностию много дней починивали*. По возможности исправив его, *все с печалью переносились на судно* и ждали попутного ветра по 16 сентября. Мореходы Невейца, Мошков и Буш просили донести в Якутск о непременном строении нового судна к 1725 г., ибо в будущем уже году на этом нельзя будет идти за море.

Вскоре по принятии острогов Андрей Жирков в Нижнем умер, а потому и остался после него Афанасий Жирков. Афанасий Жирков в 1725 г. при отправлении из Камчатки оставил закащиками в Нижнем Артемья Кочетова, в Верхнем Петра Чупрова и в Большеерецком В. Пашкова.

После того, 23 декабря 1724 г., получен указ сибирского губернатора князя Черкасского, чтобы определенные при князе Гагарине прикащики были высланы из острогов в города и впредь не посылались, «ибо они, не ища

в ясаке государственной выгоды, больше похищали для себя ясачную рухлядь, отчего в ясаке всегда был недобор. Посылать же за ясаком выборных, за присягою, добрых и правдивых». К этому указу был приложен и указ 1723 г., чтобы к сборам ясаков не выбирать, а назначать *к большим* в помощь офицеров и детей боярских; а *к меньшим* унтер-офицеров и солдат, а к ним в целовальники из раскольников и бородачей из магистрата.

Вследствие этого указа назначен в Камчатку прежде бывший уже там дворянин Степан Трифанов; а в подчиненные к нему комиссары служилый Петр Корякин; мореходы Мошков и Треска, подъячий Михайло Борисов и 30 чел. казаков якутского полка, а за сбором подушных денег Никита Жданов.

Трифанов просил воеводу Полуэктова позволить ему идти из Охотска в Камчатку через Анадырск, ежели встретится затруднение плыть морем за ветхостью судна. Но воевода не согласился и разрешил только Жданову отправиться в Камчатку берегом. Жданов выехал в сентябре из Якутска через Анадырск. Ему, кроме сбора подушных, поручено было усилить Анадырский острог, ибо олениные коряки донесли, что в 1725 г. чукчи много их побили; а когда в Анадыре было *многолюдство русских*, то таких набегов не бывало. Коряки просили прислать 50 челов. русских для обороны. Трифанову же велено: «По прибытии в Камчатку Жиркова сменить и переменить всех казначиков; камчатские остроги и всякую наличную казну, порох и свинец, служилых и прочих людей принять по именному списку, также аманатов, книги и всякие дела. Во всем росписаться и разменяться росписными книгами. Комиссаров же с приходно-расходными книгами выслать в Якутск к ревизии; но с книг оставить копии. В острогах ясачных и всяких чинов русских ведать судом по инструкции камчатских прикащиков.

А ежели учините против указу и просто същется до пряма, и вам по розыску учинено будет жестокое наказание или ссылка на галеру, взятием движимого и недвижимого имени бесповоротно, и в 1726 г. непременно воротиться с ясаками в Якутск».

Поздней осенью 1725 г. Трифанов на ветхом судне прибыл к Камчатке. В том же году, еще до его туда прибытия, камчадалы, жившие на Бобровом море, убили ясачного сборщика и сами скрылись на острова. Трифанов в 1726 г. отправил на *отложившихся* казака Пашкова с 10 челов., который 2-го марта доносил, что изменников не нашел, а те, которые не были в измене, не могли заплатить ясаки, ибо они, боясь изменников, не промышляли; а летний промысел весь пограблен изменниками, которые приходили летом 1725 г. на Бобровое море в 10 байдарах, по 20 и 30 челов. на каждой, и ограбили зверей и корма, а жен и детей увели в плен за то, что не согласились с ними отложиться от русских.

В том же 1725 г. летом на р. Аваче ясачные убили трех сборщиков: служилых Илью Садилова, Ивана Панова и Петра Балаконова. На авачинских измен-

ников и за сбором с них ясака Трифанов отправил сына боярского Алексея Еремеева, который 19-го марта 1726 г. доносил о недоборе ясаков, ибо некоторые отказались платить их.

Авачинские ясачные при многолюдстве имели и свои остроги по рекам Аваче и Паратунке, в Тарьинской губе и Ниакиной бухте и постоянно отстаивали свою свободу; кроме того держали в повиновении весь бобровый берег от Авачинской губы до Шипунского мыса. Удобные места, чтобы скрываться от поисков русских, и крепкие остроги давали им возможность в случае надобности избежать преследования сборщиков.

17-го мая 1726 г. Трифанов доносил: «Что ныне в Камчатке служилых, против прежних годов, весьма мало, и из тех от недостатку кормов многие умирают. Дела в крайнем беспорядке, и некому поручить, а кому из служилых сколько-нибудь надежных какое-либо дело, то они не хотят служить и подвергаться по нынешним инструкциям взысканию, уходят к земскому комиссару Никифору Трапезникову и записываются в посад». Трифанов жаловался, что ежели вперед служилые, дети казачьи и промышленные будут записываться в посад, то в Камчатке и в караулах стоять будет некому. Донесение это получено в Якутске 22 января 1727 г. При нем Нижнекамчатские служилые приложили свое прошение: «В прежних годах от Нижнекамчатского острога вниз по р. Камчатке версты 4-ре построена в урочище Ключах вновь церковь Николая Чудотворца, а мы живем в Нижнекамчатске от церкви в дальности вверх по Камчатке, и без указа сплавить казенные и наши двory к церкви не смеем; а где ныне острог, ясачное зимовье и наши двory место низкое, вешнюю водою топит, и в воде жилье стоит недель по шести; а на ключах Никольской церкви место высокое, и посему повелено острог, ясачную избу и наши дома туда переплавить».

В 1726 г. в Камчатку за ясачным сбором послан дворянин Яков Мохначевский, которому поручались Верхне- и Нижнекамчатские остроги, а в Большерецком оставлен сборщиком находящийся в Камчатке Степан Трифанов. Мохначевскому дана инструкция, писарь Судаков и 20 человек казаков; но, выехавши из Якутска, взял самовольно у якутов 70 подвод вместо положенных ему 6 лошадей, о чем донес капитан Беринг, сам нуждавшийся в лошадях; почему якутская канцелярия Мохначевского от посылки в Камчатку отставила, а вместо него назначила в августе 1726 г. пятидесятника Тарабукина, который по прибытии в Охотск целый год дождался прихода судна из Камчатки и с своею командою бедствовал от усиленных работ на экспедицию Беринга и от недостатка провизии.

Тарабукин по прибытии в 1727 г. в Камчатку принял Нижнекамчатский острог октября 7-го от Петра Бобова, а 1728 г. июня 4-го Верхнекамчатский у Петра Чупрова (из донесения беринговой экспедиции мичмана Чаплина видно, что на 1726 г. в Большерецке было 17 дворов и часовня; в Верхнекамчатске также 17 дворов, а в Нижнекамчатске 40 дворов. — *Авт.*).

В 1728 г. послан на смену Тарабукину сын боярский Михайло Петров с служилым Петром Петровым и писарем Суховым.

По прибытии в Камчатку он принял 2-го сентября Большерецкий острог у Ивана Остафьева; Верхний у Семена Хмылева, октября 5-го, Нижний у Гавриила Укдинова, октября 14-го 1728 г. Михаил Петров остался в Нижнем, а Петр в Верхнем; Большерецкий же острог поручен от них Шапошникову. Михайло Петров объявил в Камчатке указ о вступлении на престол Императора Петра II-го. Вместе с этим прикащиком воевода Полуектов прислал в Камчатку сына боярского Степана Петрова для заведения там соляных заводов, так как камчатские служилые неоднократно жаловались на недостаток соли и происходящие от этого болезни. С ним отправлены из Якутска необходимые инструменты для соляных заводов, и велено заводы строить служилыми и обывателями, платя поденные деньги из соляной суммы. «Публиковать, чтобы для себя и продажи там утайкою соли не варили, под смертной казнию; а покупали из казны по положенной цене. А в котором месте будут построены солевые заводы, сколько и какого строения, в скольких верстах от которого острога и во что станет, описав обстоятельно в земскую контору».

Петров не имел полного сбора ясаков и меньше сбора Тарабукина 1728 г., потому что 1728 и 29 гг. *моровым поветрием* умерло 212, сошлых (ушедших. — *Авт.*) на острова 41, неявившихся к платежу 95, за скудость и безпромыслицею не платили 198, за старостию и болезнями 217, у Беринга для доставки провианта и материалов в подводах и умершие 51, да бывшие в подводах у Беринга за непромыслом не платили 7 человек. Итого в недобор 720, на них ясаков: 4 сорока 22 соболя, 2 сиводушки, 265 красных лисиц, 1 пластина (мех без головы и хвоста. — *Ред.*), 12 бобров. Собрано ясаков на 1729 г. только с 2 535 человек.

1729 г. мая 26, Нижний острог сдан опять Чудинову; июня 11 — Верхнекамчатский Михайлу Сапожникову; июля 16 — Большерецкий сыну боярскому Степану Петрову.

В 1728 г. Петровы отправились со штурманом экспедиции Энзелем в Охотск на «Фортуне», на которой в том же году воротился и Тарабукин.

Тарабукин и Петров были снисходительнее к камчадалам, нежели их предшественники. Но, несмотря на это, время их управления надолго сохранилось в памяти камчадалов по тем бедствиям, которые пришлось им перенести в эти два года по причинам, не зависящим от прикащиков. Осенью 1727 г. пришел в Большерецк Беринг с двумя судами, погруженными провизиею и другими экспедиционными припасами. Все эти грузы Беринг распорядился отправить в Нижнекамчатск поперек всего полуострова (833 версты) по рекам Быстрой и Камчатке на камчадальских ботах, а между этими реками зимою в нартах, на собаках, согнанных из всех камчатских селений. Независимо от того камчадалы перевозили на собаках в Нижнекамчатск и самого

Беринга со всею командою. Такое безрассудное распоряжение Беринга вредно отразилось на хозяйстве камчадалов. Собранные на продолжительное время из селений для транспортирования грузов, камчадалы потеряли удобное зимнее время для звериного промысла, единственного источника их благосостояния. Да и оставшиеся в селениях камчадалы, по неимению собак, принуждены были прекратить свои обычные зимние занятия. Наконец, большая часть собак подохла от продолжительных и тяжелых работ, что на долгое время привело в расстройство хозяйство камчадалов, не получивших за все эти лишения почти никакого вознаграждения.

Беринг впоследствии постиг всю бездну зла, причиненного им камчадалам, и как бы в очищение своей совести писал президенту адмиралтейств-коллегии: «Весьма желали идти в Нижнекамчатск кругом Камчатского носа; но для осеннего времени и за жестокими ветрами на таком ветхом карбусе идти не посмел». Но если не посмел идти в Нижнекамчатск осенью, то мог бы доставить туда грузы на судах весною. Ведь привел же мореход Мошков весною 1728 г. в Нижнекамчатск пустое его судно «Фортуна». Положим, что самому Берингу необходимо было провести зиму в Нижнекамчатске, где предположил он построить для предстоящей экспедиции новое судно; но переезд его туда зимним путем с мастеровыми и необходимыми припасами для судостроения не был бы так обременителен для камчадалов, как в настоящем случае.

14 июля экспедиция отправилась в море и 2-го сентября возвратилась в Нижнекамчатск, где Беринг оставался зимовать, и в июле 1729 г. ушел из Камчатки в Охотск.

Не успела экспедиция Беринга возвратиться из путешествия, как в Петербурге распорядились послать в Камчатку другую экспедицию под начальством казачьего головы Шестакова для исследования всего северо-восточного края Сибири и прилежащих к нему островов. Начальник экспедиции Шестаков осенью 1729 г. перешел на судне с частью своей команды в Тауйск и во время похода в Коряцкую землю для усмирения непокорных туземцев 14 марта 1730 г. был убит чукчами на р. Эгач, между р. р. Паренем и Пенжиною.

В то время, когда Шестаков усмирять коряк около Тауйска, коряки Ямского острога осенью 1729 г. напали на команду другого судна Шестакова — *Лев*, и почти всех убили, а самое судно сожгли.

Между тем в 1729 г. был послан из Якутска в камчатские остроги на смену Петровых с прежнею инструкцією Иван Новгородов и с ним пищик Мухоплев, служивый Максим Лукашевский и монах Спиридон. По прибытии их в Охотск, он принял в свое ведение судно и уже погрузил на него 7 августа некоторые вещи; но казначий голова Шестаков велел матросу Сметанину все сгрузить и переписать; а мореходам Мошкову, Треске и Бутину приказал не уходить в море до его распоряжения.

Таким образом Новгородов должен был подчиниться воле Шестакова и отправился в Камчатку с сыном Шестакова Василием, который по инструкции отца, высадив в Большерецке всех следующих в Камчатку служилых, сам на судне «Фортуна» посетил первые пять Курильских островов, взяв от жителей ясак и двух аманатов. Потом прибыл в Нижнекамчатск, где и остался для окончания порученных ему дел, отправив судно в Охотск.

В 1729 г. прибило к Камчатке японскую бусу, полгода носимую разными переменными ветрами по морю.

На ней были товары и 17 японцев. Выгрузившись на берег с помощью лодки, японцы случайно наткнулись на пятидесятника Штинникова, пробиравшегося с камчадалами на трех байдарках подле берега. Японцы подарили ему мешок крупы, десять фанз (шелковая ткань. — *Ред.*), десять кусков другой материи, два лакированных ящика, 30 сабель и два топора. Но Штинников не довольствовался этим. Через двое суток скрылся, чтобы воспользоваться железом с бусы, которую бурю отнесло в другое место. В то время, когда Штинников предавал огню бусу, японцы на лодке плыли мимо горевшего судна и вскоре увидели за собою погоню Штинникова с камчадалами, который, догнав японцев, всех переколол, исключая двух, взятых в холопство (себе Штинников взял от японцев: 16 азамов (кафтан халатного покроя. — *Ред.*), 8 фанз, 2 куса холста, 5 зеркал, остальные вещи роздал камчадалам. — *Авт.*). Новгородов, узнав об этом происшествии, посадил злодея в тюрьму, а японцев по приказанию помощника головы Шестакова капитана Павлуцкого, оставшегося по смерти его главным начальником всего северо-восточного края и жившего в Анадырске, отправил в Петербург, где они были окрещены под именем Козьмы и Дамиана, а фамилии им даны: первому Шульц, а второму Поморцев. Последний был назначен в 1739 г. учителем в школе японского языка, учрежденной в 1706 г. в С.-Петербурге Петром I. Новгородов, как открылось по следствию, освободил Штинникова и взял себе из японских вещей: 8 фанз, 2 войлока, тюфяк, кусок крепу, зеркал медных 2, азамов из дабы (китайская бумажная ткань. — *Ред.*) 2, саблю и другие вещи (брат Новгородова Матвей взял 2 фанзы и конец крепу; подьячий Мухоплев фанзу; Кирил Мапожников 2 фанзы, креп белой, 2 куса холста, азам, войлок и саблю; казак Копылов фанзу белую; иркутский дворянин Чемесов 2 фанзы, казак Широф полфанзы белой; Василий Шестаков и Андрей Шергин 8 крепов, 3 войлока красных, 10 азамов, 8 фанз, 4 рубашки, 8 сабель, 5 чашек деревянных и 3 фарфоровых, 1 ящик с перьями и 2 с бритвами, ящик с зеркалом, гребень, 2 зеркала медных, три ножа, три махалки, 11 вилок *по их обычаю*, три картины, два листа их письма, одно деревцо *благоухания*, пять раковин, две чернильцы, три кушака, два флага. — *Авт.*).

В 1729 г. из Верхнекамчатска Новгородов предписывал большерецкому закащику Ивану Герасимову о крепком хранении оставшегося в устье Большой реки судна-лодии и о наряде для караула ея служилых.

Новгородов оставался прикащиком по 1 января 1731 г., в котором сдал Нижнекамчатский острог служилому Михаилу Шехурдину; а Верхнекамчатск Ивану Уваровскому, от которого в июне 1731 г. принял острог казак Василий Пашков, а Большерецк — Кузьма Олесов.

Во время Новгородова в Камчатке, независимо от него, распоряжался делами управления Василий Шестаков, как уполномоченный от экспедиции. Он объявил всем камчатским острогам, что впредь уже не будет им обид от русских, и принял на себя исследование поступка Штинникова. Но Новгородов убедил его предоставить это дело ему. Василий Шестаков с помощником своим Шергиным собирал также и ясак, а когда комиссары Уваровский и Шехурдин требовали от первого из них ясачные книги, то он ответил им, что без приказа Павлуцкого этого сделать не вправе.

Кроме того, осенью 1729 г. на боте «Гавриил» прибыл в Большерецк племянник головы Шестакова — Иван Шестаков, который также считал себя начальником. Узнав здесь о крушении японской бусы, разграбленной Штинниковым, он 22 ноября отправил к месту ее крушения служилого Каращина, который привез в Большерецк 3 якоря, 3 пуда 10 ф. железа и часть японских вещей, которые записал на приход в казну. Иван Шестаков выехал из Камчатки в 1730 г., Новгородов, Уваровский и Шехурдин в 1731 г.

Новгородов представил ясаков с 3-х острогов с 2 527 челов., а Уваровский и Шехурдин сбору 1731 г. с 2 634 челов.

Вместо Новгородова был назначен в Камчатку дворянин Трифанов; но за старостию отказался, и вместо него отправлен осенью 1731 г. в Камчатку на «Фортуне» Иван Хвостов. Мореходы в ноябре 1731 г. доносили в Якутск, что судно оказалось весьма ветхо и снасти ненадежны, а *впредь будет великая остановка для отправления в Камчатку*, ежели не построится новое судно; ибо в будущем на «Фортуне» нельзя будет идти.

С самого начала появления русских в Камчатке камчадалы познакомились с наглостью и безнравственностью ясачных сборщиков и казаков, которые для своих выгод не щадили никаких средств. Правительство наше, осведомясь об огромных поборах, делаемых русскими в Камчатке, издало указ, которым повелевалось всем комиссарам при ясачном сборе не брать никаких взяток, под смертною казнию, а ежели ясачные принесут в почесть волею какую-нибудь мягкую рухлядь, то принимать ее в казну. Комиссарам же и другим лицам прежде ясачного сбора никакими товарами не торговать. Но комиссары не справлялись с указами, а брали себе чащины (камчатское название взятки. — *Авт.*) с каждого инородца по два и по три места, а за место считался бобр, соболь и лисица. Кроме того, казаки брали чащину для артели, а кто не платил, того били батогами до полусмерти.

С прибытием же в Камчатку экспедиции Беринга, как видели выше, не облегчилась участь камчадалов, и они только убедились, что пришедшие из европейской России не многим разнятся от своих собратов-сибиряков.

Хотя Беринг и не велел брать ясаков с тех камчадалов, которые находились в экспедиции, но комиссары для своих выгод взыскали с них ясаки, а в книгах писали под их именами, что зачтено за перевозку экспедиционных материалов. В особенности же отличались взяточничеством и жестокостью комиссары Новгородов и Шехурдин и подъячий их Мухоплев и Свешников. Они брали с каждого камчадала в один год по два и даже по три ясака и для себя по 3 и 4 лисицы или соболя, а у кого не оказывалось требуемого, брали в холопство жен и детей. Кроме того, летом собирали с каждого человека по три и по четыре вязки юколы и по 1½ пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по 50 уток и несколько штук гусей и зайцев. По неимению же этих предметов, по лисице с души. Служилые, посылаемые за этими поборами, брали еще и для себя по лисице, кроме продовольствия. Все эти поборы камчадалы должны были доставлять в Нижнекамчатск на свой счет, летом на батах, а зимою на собаках. Прибывших же с этими вещами камчадалов прикащики посылали в лес за дровами для себя и команды, а иногда держали их для работ по полугоду.

Поступки Новгородова и Шехурдина вывели, наконец, из терпения камчадалов, и они с уходом из Камчатки экспедиции Беринга решились уничтожить у себя владычество русских; но прибывшая в Камчатку по выезде Беринга партия служилых под командою Василия и Ивана Шестаковых удерживала камчадалов от исполнения их намерения. В 1731 году партия Василия Шестакова соединилась с служилыми, пришедшими в Нижнекамчатск на боте «Гавриил» с штурманом Генсом для того, чтобы отправиться в Анадырск по приказу Павлуцкого. Камчадалы, осведомясь об этом, сговорились по выходе бота в море одновременно на всех пунктах полуострова сделать нападение на русских.

Бот «Гавриил» 20-го июля 1731 г. снялся с якоря; но за противным ветром остановился на якоре в устье р. Камчатки. Многие казаки из Нижнекамчатского острога собрались к морю провожать знакомых; здесь же находился в это время прикащик острога сын боярский Кирков и иеромонах Иосиф, для служения на боте напутственного молебна. Камчадалы, рассчитывая, что бот уже ушел на устья реки, начали восстание убийством казаков при устье реки Козыревской и вниз по реке Камчатке до Хапиц и далее к морю. Потом вошли в Нижнекамчатский острог, где били русских, не щадя ни пола, ни возраста, и разграбили их имущество. Завладев острогом 21-го июля 1731 г., они выжгли в нем все, кроме церкви, в которую сложили имущество обывателей (в это время в остроге было 20 дворов. — *Авт.*), а 22-го камчадалы праздновали свою свободу. Нарядившись в лучшее платье, иные в женское и даже в священническое, они ели, пили, плясали и шаманили. Еловский тоен Федор Харчин принял на себя звание комиссара и приказал крещеному камчадалу Савину, знавшему грамоту, петь молебен. В это же время была разорена и пустынь Козыревская.

Казачи, спасшиеся от смерти, побежали к морю и донесли Киркову о бунте. Кирков тотчас же потребовал от Генса на вспоможение людей для вырочки острога. Июля 21-го Генс отправил 52 чел. под командою подмастера Спешнева, коему велено иноземцев изменников сыскивать и уговаривать к повиновению ласково, а ежели не согласятся на убеждения, то идти на них войною. Июля 22-го Спешнев просил с дороги Генса послать к нему две большие пушки, пороху, свинцу, две мортиры с чинеными (начиненными порохом, разрывными. — *Ред.*) ядрами и, для вспоможения, еще служилых, ибо иноземцы засели в крепости и все казачьи корма забрали. Генс отправил солдата Змиева с 25 человеками и вышеозначенными припасами и велел ему быть в согласии со Спешневым.

Спешнев, подойдя к острогу, стал уговаривать камчадалов сдаться; но они объявили, что предпочитают смерть владычеству сборщиков и начали стрелять по русским, *за что оные изменники, по взятии острога приступом, зле и погибли, многих Божию помощю на бою побили, а которые из острогу убежали, и тех на побеге и поимке побили. Многие же, сидя в остроге, ясачную избу зажгли с порохом, и в ней сами сожглись и зажгли острог со строением.*

Августа 4-го Кирков с казаками просил Генса оставить анадырский поход для усмирения изменников и постройки нового острога, а ежели нельзя отложить похода, то оставить от партии 60 человек служилых; дать пороху, свинцу и проч., ибо пушки и снаряды, бывшие в Нижнекамчатске, бунтовщики сбросили в реку Камчатку, а прочее сгорело.

Генс, опасаясь, чтобы за малолетством русских их не истребили камчадалы, решил остаться; бот «Гавриил» поставлен был в удобном месте на зимовку и близ него на острове построены часовня, ясачная изба, государев двор и казенный амбар.

При взятии Нижнекамчатского острога и по разным летним жильям побито камчадалами 43 человека казаков, да на приступе служилых трое.

Кирков, не зная о положении Большерецкого и Верхнекамчатского острогов, отправил туда нарочных с известием о бунте; но нарочные эти были убиты на дороге.

Генс послал солдата Змиева с служилыми вверх по Камчатке, Еловке и Козыревской до Верхнекамчатского острога с тем, чтобы на этом пути он розыскивал изменников камчадалов, а по прибытии в Верхнекамчатский острог, ежели найдет его разоренным, то с изменниками поступить военною рукою, а ежели там не было восстания, то передать приказание, чтобы служилые люди жили там с осторожностью и сохранили б острог и казну, а аманатов содержали как можно строже. В Большерецкий острог приказал послать известие о разорении Нижнего и о принятии мер осторожности, а если оба острога в безопасности, то часть команды бота возвратить к устью Камчатки.

Камчадалы, узнав о распоряжениях Генса на счет преследования бунтовщиков, стали сами приходиться в новый Нижнекамчатский острог с изъявлением покорности и дали Генсу 30 аманатов.

Змиев прибыл в Верхний 30 сентября с 11 человеками команды и жил здесь по 8 октября в ожидании известий о состоянии Большерецкого острога, куда верхнекамчатский прикащик Пашков писал пять раз о присылке известия о положении острога, но не получал ни разу ответа. Между тем 8 октября Пашков получил известие из острожка Машуры от служилого Аврамова, что множество изменников ходят выше реки Козыревской с ружьями, пищалями, да на р. Чажме собралось до ста человек изменников из *Шантал*. По этому поводу Змиев 8 октября ушел с командою вниз по р. Камчатке для преследования бунтовщиков. С Змиевым отправлено верхнекамчатских казаков 11 человек до Шапана.

С р. Камчатки Змиев ходил по р. Радуге для побития изменников, а в ноябре в Еловский камчадальский острожек; а казак Белков ходил для умирения нижнешантальских и козыревских камчадалов.

Кроме того, получено известие о возмущении камчадалов ключевских, Каменного и Шантальского острогов и живущих по Бобровому морю, жупановских иноземцев, которые ловят казачьих баб и девок, отпущенных к родникам для прокормления, грабят у них платье и все, что найдут, а самих берут в плен; иных же колот.

В Большерецке, хотя и были получены все пять *отписков* из Верхнего; но закащик Кузьма Олесов не мог отвечать, не имея верного случая отправить письма; к тому же прибыл туда из Охотска новый камчатский комиссар дворянин Эверстов (служил прежде в придворной службе у Цесаревича Алексея Петровича и в 1718 г. был сослан в Якутск на жительство, а в 1728 г. освобожден из ссылки; но остался там на службе, потому что имел хозяйство и семейство. — *Авт.*). Судно его «Фортуна» 2 октября 1731 г. выбросило на р. Оклум (Облукомине) на берег, и Олесов должен был послать к нему людей навстречу для препровождения его в Большерецк (при судне Эверстов оставил морехода Треску с 12 служителями. — *Авт.*).

В то же время служилый Дмитрий Попов, едучи с командою с Облукоминской реки в Большерецк, на р. Компаковой остался ночевать в юрте камчадала Груна-мача. Но ночью дядя Груна-мача вынул лестницу из юрты и зажег ее, и Попов с товарищами и с двумя ясачными и казачьими детьми сгорел.

На р. Воровскую и далее посланы были служилые для умирения. *Одних примирили и ясак взяли, других на бою побили; а иные сами кололись и давились.* Но на р. Харюзовой построен был крепкий острог, которого русские не могли взять и воротились, не умиривши камчадалов. После того из Большерецка послан был туда пятидесятник Штинников с служилыми Соловьевым, Герасимовым и Дурининым; а всех в походе было русских 50, да ино-

земцев 30 человек. Поход начался с Воровской, потом по Облукоминской и кончился на Белоголовой. Во время этого похода перебито и переколото иноземцев без всякой причины человек 170; в плен взято жен и детей их 220; да в живых осталось человек до 100. Сопротивление показали только на р. Воровской. Здесь убито с оружием в руках человек 15, а прочих небооруженных связывали и из рук кололи, хотя они не показывали русским никакого сопротивления.

Пленных казаки разделили между собою, на каждого служилого досталось по три, по четыре человека, а командирам по шести. Платье убитых также разделено; кроме того досталось в добычу казакам много лисиц и соболей, из которых 50 штук соболей пожертвовали в камчатскую пустынь.

В октябре 1731 года были отправлены в Верхнекамчатск из Большерецка сын боярский Назар Колесов с служилым Иваном Богомоловым. Они прошли через Авачу и, подходя к острогу *Малого Канача*, встретились с вооруженными камчадалами, которые их копьями и ножами покололи, а проводника-камчадала взяли в плен. Кроме того, эти же камчадалы убили 4 ясачных сборщиков служилых Ивана Украинцова, Михаила Дружинина, Михаила Шипунова и Алексея Черных и собирались идти на р. Большую в острог, чтобы сжечь казачьи зимовья и казаков перебить. Но, к счастью, проводник, взятый в плен, убежал и 20 октября донес в Большерецк про измену авачинских камчадалов, на которых и послан был пятидесятник Штинников и служилый Соловьев с 40 человеками.

С прибытием в Камчатку комиссаром дворянина Эверстова, Генс не принимал уже участия в камчатских делах. 11 ноября 1731 г. он послал в Анадырк Павлуцкому донесение о нижнекамчатском бунте, приложив при том и допросы иноземцев о причинах измены. В допросах главнейшие бунтовщики Федька Харчин и Хантей Юрин показали: «В 1730 г. комиссар Новгородов посылал за ясаками брата своего Матвея с подчиненным Мухоплевым, которые, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с человека в *чащину* соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями; да в 1731 году комиссар Шерхудин, подьячий Иван Свешников, служилые Григорий Попов и Андрей Орлик брали по три ясака, да по пяти чащины. Сверх того, собирали *неподобные сборы*: сладкую траву, кипрей, сарану, уток, гусей, юколу, ушканину (зайцев); собирали ясаки за умерших и били за недачу насмерть. За обором камчадалы голодуют и умирают; а по отнятии жен и детей и от смертного битья многие давились и, не стерпя таких обид, стали быть *во зломысли*». Февраля 10-го 1732 г. Павлуцкий отправил это донесение в Тобольск. 23 июля 1732 г. бот «Гавриил» с подштурманом Федоровым и геодезистом Гвоздевым вышел в море для осмотра островов около Большой земли (Америки). В августе месяце судно подошло к о. Диомиду. Гвоздев наскоро осмотрел его и перешел к другому острову,

лежащему в $\frac{1}{2}$ мили от первого. А 12 августа бот стал на якорь у Большой земли и после непродолжительной стоянки ушел к устью р. Камчатки (бот «Гавриил» было первое русское судно, посетившее Америку. — *Авт.*). По имени Гвоздева долгое время назывались осмотренные им острова. Ныне эти острова называются св. Диомида, как назвал один из них Беринг за четыре года ранее Гвоздева. Почтенный А. П. Соколов справедливо заметил, что вернее было бы назвать их островами *Федорова* по имени командира бота «Гавриил», потому что Беринг видел только один остров.

Эверстов жил в Большерецке до 8 декабря и оттуда прибыл в Верхний 26-го декабря. Здесь управитель острога Пашков донес ему, что на Бобровом море у Жупановской реки было восстание, и что Пашков посылал туда служилого Сапожникова, который нашел бунтовщиков в нарочно построенном на *отъемной* сопке остроге. Вследствие предложения Сапожникова о сдаче острога некоторые вышли из него, а другие стали стрелять по русским из луков и камнями из ремней. Тогда Сапожников приступом разгромил острог. Изменников побили, иные убежали, а многие сами передавились. *Харька* с двумя товарищами взят в плен и доставлен в Верхнекамчатск, где и отдан на поруки.

Оставшийся у судна на р. Облукоминой служилый Шарапов с товарищами писал Эверстову о полученном им известии, что харюзовские и тигильские камчадалы убили посланных для *проведывания до р. Сопочной* 3-х человек, казаков и обещались идти по западному берегу на Большерецкий острог и на ясачных инородцев, живущих по край Пенжинского моря, а судно сжечь. Но из Верхнекамчатского острога, за рассылкою людей и совершенным голодом, некого было послать Эверстову на р. Тигиль. После таких неблагоприятных известий, Эверстов не пошел за ясаками в Нижнекамчатск, а отправил туда служилого Борисова с 12 человек казаков. Борисов 8 января 1732 г. вышел из Верхнего острога и по прибытию к Нижнекамчатску 30 января узнал от Киркова, что Генс до прибытия его собирал ясаки без книг против сказок. За сбором посылал на Тигиль матроса Петрова, а на Уку Александра Змиева и давал им в толмачи брата изменника Федьки Харчина *Аяхаруча*, который сам убил карагинского сборщика и ясаки разделил с товарищами, которые отпущены Генсом в свои селения и живут свободно. В это же время Эверстов получил известие, что харюзовские камчадалы снова восстали и под предводительством *Максимки* и *Щербака*, убив сборщика Золотовина с 2-мя казаками, отправились в числе 100 человек к пенжинскому берегу к судну «Фортуна», которое хотели сжечь.

Эверстов требовал от Генса для походу на Авачу и на Харюзову людей, свинцу и пороху, ибо в казне пороху и свинцу нет, а людей весьма мало. На Авачу Генс послал с пушкою Александра Змиева; но на Харюзову послать было некого.

Змиев по возвращении своем в Большерецк донес, что в 1731 г. марта 12-го с инструкцией за подписанием Генса отправлен он был со служилыми на Авачу (Авачей в то время называли все пространство, занимаемое Авачинскою губою с ея окрестностями. Острог Малого Канача, вероятно, находился на устье Паратунки, где доныне по ямам и буграм можно видеть прежние жилища. — *Авт.*) и апреля 12-го, соединясь с пятидесятником А. Штинниковым, воротившимся с побоища на пенжинском берегу, прибыли 1 мая рано утром к крепко устроенному изменническому острогу на Аваче, призывая ласкою. Но из острогу ответа не было, почему стали стрелять по ним из пушек и ружей. Затем перегребли через реку, подошли под стену острога и стали бросать гранаты, которыми много убили изменников, а балаганы сожгли; но камчадалы все-таки стреляли по русским; наконец острог пал, и многих покололи. На приступе казаков ранено 2, а камчадалов убито 62 человека.

От оставшихся в живых шести человек узнали, что главных изменников *Вахлыча* и *Канача*-младшего тут не было. Он ушли в многолюдстве на море на Отпрядыш (камень в Авачинской губе). Тогда, взяв камчадалские байдары, казаки пошли для отыскания изменников. Мая 6-го пришли к Отпрядышу и стали ласковыми словами уговаривать; но камчадалы не сдавались, и русские пошли паромами и байдарами на приступ, палили из пушек и ружей, но неудачно, потому что по причине морского волнения не метко попадали. У изменников был построен деревянный заплот и внутри закладен камнями. Камчадалы палили из ружей и ранили Штинникова в лоб и служилого Афанасия Сургучева в голову. Видя невозможность взять острог приступом, русские отступили и вокруг острова поставили на байдарах караул. Таким образом держали камчадалов в осаде 7 дней.

Наконец 14 мая Вахлыч, видя упорную осаду и изнуренный жаждою и голодом, вышел из острога с женою и детьми и привез четыре винтовки; за ним вышел раненый Канач и другие камчадалы в многолюдстве. Русские, боясь, чтобы в ночное время не напали на них пленные, поступили с ними военную рукою, т. е. обезоруженного Канача с 20 камчадалами убили. А Вахлыча с 40 товарищами взяли в плен. Вахлыч 14 мая объявил, что три тоена с множеством своих родственников ушли на Вилючинский остров (Старичек). Мая 18-го Змиев и Штинников послали туда служилых с Вахлычем в четырех байдарах. Но служилые, возвратясь 20 мая, донесли, что на Вилючинском острову нашли только одну старуху, от которой узнали, что все камчадалы на байдарах ушли на Курилы.

Змиев предлагал Штинникову идти байдарами на Курилы в погоню, чтобы предупредить камчадалов сделать возмущение у курильцев; но Штинников объявил, что он своею командою отыщет изменников и усмирит их. Тогда Змиев поспешил к своему судну, оставив Штинникову походную чугунную пушку, бочку пороха, 42 ядра и пальник.

Главный изменник Вахлыч в Большерецке показал, что в 1730 г. ясачный сборщик Осип Верхотуров брал с них сверх ясаков по четыре бобра с человека, да для аманатов юколы по 400 штук, по три нерпы и по три пузыря нерпичьего жиру. У кого требуемое не находилось, то Верхотуров наказывал батогами. В авачинском походе взяли ясаку 10 красных лисиц и 1-го бобра. Себе же взяли 13 бобров, 5 бобровых парок и две лисы. Казаки добычу эту разделили между собою, пожертвовав из этого числа часовням Большерецкого, Нижнего и Верхнего острогов по одному бобру и церковникам по одной лисице.

Таким образом погашено возмущение камчадалов. Остались только неусмирёнными харьюзовские камчадалы, которые засели на острове и укрепились в хорошем остроге. Эверстов не послал казаков на харьюзовцев, потому что во всей Камчатке был крайний недостаток, как в снарядах, так и в людях, к тому же нельзя было оставить острог без значительного гарнизона, ибо разогнанные камчадалы бродили партиями по разным местам полуострова и могли при оплошности русских разорить острог. И потому окончательное усмирёние камчадалов Эверстов оставил до присылки из Якутска снарядов и людей, о чем писал он при отправлении в 1731 г. «Фортуны» в Охотск.

Во время этого ужасного побоища камчадалов, в Коряцкой и Чукотской землях совершались почти такие же кровавые сцены. В сентябре 1730 г. прибыл командиром в Анадырский острог помощник головы Шестакова капитан Павлуцкий. В это время всей команды в остроге с вновь приведенными служилыми было 235 человек, и все они были заняты исправлением ветхого, полуразрушенного острога. Чукчи же, пользуясь малолюдством русских в Анадырске, бесчинствовали, оставаясь не наказанными за убийство в 1725 г. морехода Нагибина, проводывавшего острова в Беринговом проливе и Большую землю. Они видели в этом бессилие русских и сделали в том же 1725 г. страшное опустошение в земле коряков, после чего многие ясачные коряки, отложившись от русских, снова покорились чукчам, у которых они до появления в их земле русских были в постоянной зависимости.

Из Анадырского острога ежегодно писали в Якутск о присылке подкрепления, но просьбы оставались без исполнения, и в течение 10 лет не было прислано ни одного служилого. Весною 1730 г. чукчи снова перешли за реку Анадыр, убили Шестакова и до сотни оленных коряк; взяли множество их в плен и угнали табуны. Осенью 1730 г. есаул Иван Астафьев прибыл в Анадырск с телом головы Шестакова, его имуществом, казенными вещами и ясаками, а 30 ноября пришли к Павлуцкому ясачные коряки с жалобой, что они живут около Олоторска по разным местам под властью русских, платят ясак, а между тем беспрерывно терпят нападения от чукоч, которые побивают их, полонят жен и детей, отгоняют табуны. Коряки просили наказать хищников, предлагая в случае похода и свои услуги. Но Павлуцкий не мог оставить острога, не укрепив его. Наконец весною 1731 г. окончили постройку нового

рубленого острога, ясашной избы и проч. Взяв с собою 160 коряк, 60 юкагирей и 215 чел. служивых, 12 марта он отправился в Чукотию на предложенных для этого похода ясашными коряками и ламутами оленях. По выходе из острога он держался к северу до р. Белой, впадающей в р. Анадыр, перейдя которую направил путь к Колымскому морю, делая в сутки верст по 10-ти. Достигнув Ледовитого моря, пошел вдоль морского берега на восток, намереваясь таким образом обойти вдоль берега всю Чукотию до устья р. Анадыра. Мая 9-го встретили первую юрту сидячих чукоч, в которой без разговоров бито 6 чукоч — женщины и дети покололи сами себя во время смятения; в добычу досталось 100 оленей. Вскоре потом нашли небольшую бухту, которую обходили целую ночь.

Остановившись для отдыха, заметили юрту на отпрядыше в море. Посланные убили бывших в ней шесть чукоч. Потом встретили другую бухту, гораздо обширнее первой, и в течение дня перешли ее по льду. Следуя далее по берегу Ледовитого моря, встретили до 3-х чукоч, которые, увидя русских, поспешно удалились. Через пять дней, и именно 17-го июня, показалось на берегу до 700 вооруженных чукоч. Павлуцкий ласкою уговаривал их покориться и дать аманатов, но они не согласились, а потому завязалось сражение. 450 чукоч убито, до 150 мужчин, женщин и малолетних взято в плен, остальные бежали; в добычу досталось 500 оленей. В этом сражении убиты пятидесятник Чириков и казак; ранено наших 70 человек.

Переночевав на месте побоища, пошли далее и встретили Чукотский острожек, укрепленный езжалыми санками, моржевою кожею, обсыпанный камнями и песком, а вокруг обвязанный ремнями и заключавший восемь юрт. Острог разорен, юрты сожжены, а люди побиты и взяты в плен.

Затем Павлуцкий оставил приморский колымский берег и поворотил вправо, чтобы через Чукотский мыс пройти на Восточный океан. Шли три недели, не встречая ни одного чукчи, ни леса, ни порядочной реки, и уже достигли 29 июня середины Чукотского мыса, где внезапно напали на Павлуцкого две партии оленных чукоч, пришедших с колымского и восточного берега. Число неприятелей простиралось до 1 000 человек. Упорная битва 30-го июня продолжалась с раннего утра до полудня; чукоч убито до 300; взято в плен десять, остальные бежали. В число добычи достались Павлуцкому вещи убитого Шестакова. Русские не понесли никакой потери. От пленных разведали, где содержатся табуны оленей, которых и взяли до 40 тысяч.

Затем Павлуцкий перебрался на Анадырское море без особых приключений. Но, не доходя до гористого носа, вышедшего далеко в море, названного анадырцами *Сердце-Камень*, встретили 14-го июля до 500 чукоч. Завязалось дело, в котором убито 40 чукоч, остальные бежали, и взято 30 оленей; из русских убит один казак и многие ранены. 1-го августа вышли к бывшему юкагирскому торговцу, переночевали и отправились вдоль губы, оставив

Сердце-Камень и устье Анадыра в левой стороне, чтобы выйти на прежнюю дорогу, по которой 21-го октября воротились в Анадырск.

Погромив чукок, Павлуцкий со служилыми, казачьими детьми и промышленными пошел февраля 10-го 1732 года *с огнем и мечом* на реку Чендон (Ижигу) на непокорных коряк — отомстить за смерть пятидесятника Лебедева и за сожжение судна на Яме. Виновные коряки были большей частью ясашные. 25-го марта 1732 года Павлуцкий подошел к Пареньскому острожку сидячих коряк. Заметив русских, коряки заперлись в остроге, а на требование дать аманатов выпросили через толмачей день сроку. Через день вывели пятерых аманатов и дали в ясак 25 одежд оленьих и волчьих. Но когда в следующую ночь один из аманатов, оставленных в лагере, ушел из под караула, Павлуцкий, не справляясь о месте пребывания беглеца, в полдень начал пальбу из пушки по острогу, а служилых с щитами послал на приступ. Коряки сначала встретили русских стрелами и камнями из пращей, потом сделали вылазку, во время которой ранили пять казаков и Павлуцкого в ногу. Но все-таки острог был взят и бежавшие коряки переколоты, *а иные сами потопились в море*. Некоторые не оставляли своих юрт и стреляли из луков по входившим в острог казакам. За это Павлуцкий велел у всех юрт завалить входы и зажечь их со всеми находившимися в них мужчинами, женщинами и детьми.

После наказания коряк капитан воротился в Анадырск, оставив одного аманата на пепелище, чтобы он мог рассказать корякам, как умеют русские наказывать бунтовщиков, а трех увез с собою. По возвращении в Анадырск он получил указ сибирского приказа 10-го августа 1731 г., коим ему поручалось принять команду над партией Шестакова и до указа на чукок не ходить, а призывать их ласкою.

По ходатайству тобольского губернатора в награду за службу и заслуги капитан Павлуцкий получил чин майора.

Скорняков-Писарев, назначенный командиром Охотского порта с властью и над Анадырским и другими острогами, июля 1-го 1732 г. дал повеление Павлуцкому стоять с командою в удобном месте, где есть корма, о действиях писать, но самому не приезжать в Якутск. А вслед затем приказал строить по данным чертежам остроги: один на устье р. Анадыра или на р. Березовой, для защиты русских, коряк и юкагирей от немирных чукок, мешающих последним заниматься здесь промыслом диких оленей; другой на реке Пенжине для умирения пареньских коряк и живущих по рекам Чендону и Яме, который защищал бы и Камчатку. Построив остроги, оставить в каждом по 50 казаков, самому идти через Чендон, Яму и Тауйск в Охотск и расчищать на 5 сажень дорогу, строить мосты, а на больших реках завести плоты и учредить на этом пути правильное плотовое сообщение.

Павлуцкий донес охотскому командиру, что на устье Анадыра острога не из чего строить — лесу там вовсе нет, а на реках Березовой и Пенжине

остроги не нужны, потому что не только непокорных, но и ясных жителей нет, притом места там голодные. А об дороге и учреждении почты, как о деле совершенно невозможном, вовсе умолчал, и сам 5-го ноября 1732 г., будучи недоволен нелепыми распоряжениями Писарева, уехал в Якутск и увез за собою анадырского прикащика Шестакова с 15 казаками, оставив Анадырск гренадеру Машрукову, которому дал предписание отправить 96 казаков с капралом Шадриным для постройки Олюторского острога.

Партия в Анадырске без командира пришла в совершенное расстройство. По выезде Павлуцкого чукчи отогнали с тундры от самого острога оленный табун, причем убили нескольких пастухов-коряк и 12 казаков, а олюторцы, или сидячие коряки острогов: Олюторского, Култумского, Телличинского, Говенского возмутились и из посланных 96 человек для строения Олюторского острога 12 августа 1733 года убили 13 человек, угнав при том оленный табун. Прочие оставались в осаде, пока голод не заставил их выйти из острога. 4-го сентября одни из них бежали чрез Акланск в Анадырск, в течение 10 дней были без пищи и лишились двух товарищей, умерших от голода; другие 16 человек успели пробраться в Камчатку. Острог был разорен коряками.

Между тем в Тобольске получили донесение Павлуцкого (от 27-го октября 1732 г.) о бунте, распорядились послать иркутскому вице-губернатору с курьером указ, которым предписывалось для производства следствия о причинах бунта немедленно командировать в Камчатку якутского полка майора Василия Мерлина и с ним отправить: обер-офицера и капральство солдат из якутского же полка (Якутский полк стоял в то время в Селенгинске. — *Авт.*) и, кроме того, сколько нужно команды из Иркутска и Якутска.

Мерлину, между прочим, предписывалось:

1) Воров и заводчиков Фельку Харчина с братом Степкою, дядею их Голгоча; бывшего служилого Родиона Зырянова с женою и сыном его Никитою и затем Антошкою и прочих заводчиков, оковав руки и ноги, содержать под крепким караулом. Следовать накрепко в зажжении ими острога и церкви святой и побитии служилых, и пытать. А понеже Харчин, да Муширского острогу есаул *Урил* и тоен *Начика* показали, что измена учинилась от обид, неокладных и необстоятельных поборов и чащин (взятки), то Новгородова, Шехурдина и из подьячих Мухоплева и Свешникова пытать и произвести исследование.

2) Нижний острог починять, чтобы впредь в нем было безопасно, а также починять и другие остроги, и чтобы везде были крепкие караулы.

3) Если ссылочные люди, которые посланы из Тобольска в Охотск, еще не отправлены из Якутска, то часть их отправить в Нижнекамчатск *для умножения онаго*, озаботясь при том их прокормлением в Камчатке.

4) Сборщиков посылать и прикащиков определять в Камчатку из якутских дворян и детей боярских, а служилых людей добрых за выборами и при-

сягою. Сбирать им ясак по окладам, без обид, и взяток не брать, под смертною казнию.

5) Исследовать об убийстве пятидесятником Штинниковым японцев и узнать, какие были при них товары.

6) Двух японцев немедленно отправить в Тобольск.

7) Взятые сборщиками излишние поборы засчитать в казну и

8) Произвести следствие над дворянином Иваном Шестаковым и штурманом Генсом за их самовольство.

На основании этого распоряжения Мерлин прибыл в Иркутск с прапорщиком Единым, капралом, писарем, барабанщиком и 36 солдатами. В Иркутске в апреле 1733 г. были назначены еще к Мерлину: канцелярист Литвинцев, копиист и заплочный мастер (палач) с инструментами.

Походная розыскная канцелярия — так официально называли эту экспедицию — отправилась весною в Якутск по Лене на досчаниках. В Якутске был назначен помощником к Мерлину только что возвратившийся из Анадырска известный уже нам майор Павлуцкий и прибавлено к его команде 29 служилых и 30 казаков. В Якутске Мерлин описал имущество бывших камчатских прикащиков Новгородова и Шехурдина, а самих, закованных согласно с распоряжением из Тобольска, взял с собою в Камчатку.

6-го июля 1733 г. розыскная канцелярия выступила из Якутска на 554 подводах, нанятых у якутов по 5 руб. за каждую (на отправление канцелярии были произведены следующие расходы: якутам на прогоны 227 руб.; на прогоны до р. Лены 238 руб.; на провиант 316 руб., на наем 142 плотников 71 руб.; 130 пар сыромятных сум 139 руб.; 149 подпруг 36 руб.; бумага и чернила 12 руб. 40 коп.; на жалование служилым хлебное — 1 637 руб.; денежное 183 руб.; 515 сажень ремней — 7 руб. 15 коп.; 347 сум провианту 347 руб.; войлоков для 302 постелей — 302 р.; ремней подпруг в 10 кож 137 р. 44¹/₂ к.; топоров и других железных изделий весом 60 пуд. на 30 р.; 8 пуд. укладу 62 руб.; и денег 775 руб. 85 коп., а всего на 7 262 р. 87¹/₂ коп. Кроме того отпущено было на каждого служилого до 2 ф. пороху и по 3 ф. свинцу. — *Авт.*). В сентябре 1733 г. розыскная канцелярия прибыла в Камчатку на боте «Гавриил» и оставалась там для следствия по 1739 год.

В том же году Мерлин разослал по всем камчатским селениям именной указ 21-го мая 1733 г., данный для успокоения камчадалов от притеснения русских. Кроме того, в каждом селении были назначены тоены (старшины), обязанные смотреть за поведением прочих инородцев и за своевременной уплатой ясаков. В 1736 г. Мерлин построил новый Нижнекамчатский острог на левом берегу Камчатки в 184 верстах ниже прежнего, с башнею о четырех жильях, а в 1737 г. построил в нем двухпредельную церковь. В 1739 г. в Пенжинском заливе построил Ямской острог для надзора за коряками, а в Большерецке заложил церковь.

Осенью 1739 г. розыскная канцелярия по окончании следствия выехала в Охотск. По Высочайшей комфирмации (утверждению. — *Ред.*) повешены два прикащика: Новгородов и Шехурдин за неправильные поборы и пятидесятник Штинников за убийство японцев. Кроме того, *для обуздания и в страх*, повешены в каждом остроге по два камчадала из числа главнейших виновников.

По приговору же Мерлина и Павлуцкого апреля 17-го 1735 года наказаны: сборщики *Скрябин, Рюмин и Мухомлев* — за взятки и неправильные поборы *биты на площади кнутом нещадно*. Сборщик *Новограбленный* за поборы для себя и закащика *Пашикова*, который волею Божеею умер, — бит батожем нещадно. Целовальники *Кирков и Власов* — за промен вина на соболей биты кнутом на площади. Служилый *Матвеев* за подмену хороших соболей в ясаке худыми наказан плетьюми. Служилый *Попов* за сбор для команды юколы без приказа командирского бит батожем. И в 1738 г. подпоручик *Латышев*, служилые *Карпов* и *Аргунов* и толмач *Агатамов* биты кнутом, и последние два сосланы в вечную работу в Охотск.

Иван Шестаков оказался правым, а Генс не судился, потому что не встречался с Мерлным.

В бытность в Камчатке походной розыскной канцелярии комиссар Эверстов занимался только сбором ясака. В 1732 г. собрано им и отправлено в Якутск с подьячим Борисовым ясаку: соболей 19 сороков и 5 соболей, лисиц красных 1 002, чернобурых 2, крестовок 3, сиводушек 10, бобров 10 и кошлаков (молодой бобр. — *Ред.*) 8. В 1733 году собрано: соболей 3 сороков, *чащину* 4 сорока 31 соболь, лисиц красных 866, *чащину* 27 лисиц, бобров 46, кошлаков 30, *чащину* 5 кошлаков и лисиц 15, да *чащину* 9 выдр, 1 лисица. Всего на сумму более противу сбору 1732 года. Своих же пожитков Эверстов послал в Якутск: бобров 50, два сорока соболей и красных лисиц 60, по тамошней оценке на 1 000 руб. Да приехавший в Камчатку с Эверстовым купеческий сын Глазунов вывез 40 бобров, 9 кошлаков, 4 сорока соболей, 90 лисиц красных, 27 сиводушек. В августе месяце 1733 г., когда ясаки были доставлены в Охотск, начальник охотского порта Скорняков-Писарев, узнав, что у Эверстова и Глазунова больше бобров, чем в ясаке, приказал почти все их меха взять в казну и передать Мерлину, несмотря на то что Эверстов писал Писареву, *что пожитки эти приобретены его челедицами* (всего же взято у Глазунова и Эверстова мехов на сумму 2 049 руб. 30 коп.; да кроме того от них же Писарев взял себе в жалование 4 бобра в 10 р. — *Авт.*).

В 1739 г. Эверстов подал в Иркутске жалобу на неправильное взыскание с него собственных пожитков. И хотя иркутская провинциальная канцелярия по рассмотрению дела наша его жалобу уважительною; но сибирский приказ отказал ему в удовлетворении убытков.

Между тем правительство наше, как бы предвидя настоящие события в Камчатке, еще до получения известия о камчатском бунте нашло необходи-

мым изменить существовавший тогда порядок управления в приморских наших владения на Восточном океане. Убедясь, что по отдаленности Якутска тамошнему начальству трудно следить за действиями лиц, посылаемых туда за сбором ясака, оно избрало Охотск центром управления всего северо-восточного края Сибири, и 29 апреля 1731 г. по указу правительствующего сената был назначен в Охотск особый командир Скорняков-Писарев, которому подчинена была и Камчатка.

В 12-м пункте инструкции Писареву было сказано: «Тебе Писареву смотреть и за камчатскими прикащиками, и кои будут посылаться из Охотска офицеры с служилыми людьми для исправления дел и содержания острогов, чтобы они с тамошним народом поступали порядочно, и ежели про них будут жалобы, или по слуху сам уведаеть о каких непорядках и обидах, то как возможно унимать и штрафовать, по силе государственных прав, понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самой близкий порт».

В 13-м же пункте той инструкции предписывалось ему: «Для лучшаго содержания острогов определять в них командиров не так, как ныне, ежегодно переменных; но на несколько лет, или пока какой в вину или подозрение войдут, дабы для своего житья лучше рачили и хлеб размножали и народ приласкали».

Независимо от того 29 января 1732 г. состоялся сенатский указ, чтобы сборщики ясаков взяток не брали, а все подарки записывали бы в казну на приход, а 3 февраля издан новый указ, чтобы сборщиками назначать людей благонадежных и, наконец, в 1734 г. сибирский приказ подтвердил еще раз Писареву, чтобы в Камчатку назначались *добрые командиры*.

Первым постоянным командиром в Камчатку был назначен в 1732 г. иркутский дворянин Бейтон и в помощь ему капитан Княжинкин. Но Бейтон вскоре отказался от этой должности, и вместо него в октябре 1733 г. прибыл в Камчатку иркутский дворянин Добрынский, который и принял управление от Эверстова. Добрынскому от собиравшего ясашные переписи в иркутской провинции полковника Кошелева поручено было немедленно составить и прислать в Иркутск окладную перепись камчадалам. Но Добрынский составил эту перепись по старым ясашным книгам, заведенным вскоре после покорения Камчатки, в которые вписывались ежегодно новые плательщики ясака, а умершие не исключались.

В 1735 г. Добрынскому было получено Писаревым заготовить для второй Беринговой экспедиции в морскую провизию сухую рыбу и рыбий жир; выварить соль из морской воды и выкурить пиво из сладкой травы. Но Добрынский в сентябре того же года умер, и должность его принял сын боярский Шестаков, который был не более как исполнитель приказаний походной розыскной канцелярии. Но когда в 1737 г. Шестаков был привлечен к следствию по камчатскому бунту, Писарев послал в Камчатку подпоручика

Максима Латышева с сборщиком Аргуновым, служилыми Кришотовым и Карповым и 27 человеками казаков. Все они разъезжали по Камчатке, и несмотря на недавнее наказание их предшественников за злоупотребления, брали взятки с камчадалов, чем могли, и собирали ясак за умерших и убитых в бунте, пока не узнал об этом Мерлин, который распорядился сменить с должности Латышева и отдать его вместе с сообщниками под суд, а в 1738 г. всех их по приговору розыскной канцелярии наказал *нещадно* кнутом.

6-го октября 1737 г. в Камчатке и на Курильских островах было такое сильное землетрясение, что многие юрты развалились, и морская вода, поднявшись сажени на три, с быстротою хлынула на берег и разлилась на значительное пространство, поглотив несколько жертв. Землетрясение это продолжалось с меньшею силою несколько месяцев, и в это время в первом Курильском проливе, которым до 1737 г. обыкновенно выходили из Охотского моря наши суда, образовалась новая гряда камней.

В 1738 г. по распоряжению Писарева на устье р. Большой был построен высокий деревянный маяк; но через несколько лет он был смыт, и устье реки с 1748 года стало отходить к нему, а прямое старое в 1750 г. вовсе замыло.

В 1739 г. Писарев послал в Камчатку командиром сын боярского Колесова, которому для ознакомления с северо-восточным краем приказал ехать в Камчатку через Якутск и Анадырский острог. 7-го февраля 1739 г. он дал Колесову следующую инструкцию:

«Указом Ея Императорского Величества, присланным из иркутской провинциальной канцелярии, писанном в Иркутске июля 7-го, а полученном в Охотске 31 декабря 1738 года, велено в камчатскую экспедицию заготовить морской провиант; и в приобщенной при том Ея Императорского Величества указе табели показано в тот морской провиант рыбу и, вместо масла коровьего, рыбий жир, вино и, вместо мяса, соленую рыбу готовить на Камчатке, а соль готовить же в Охотске и на Камчатке; а в ведомостях камчатской экспедиции капитана-командора господина Беринга в канцелярию Охотского порта написано, что вышеобъявленное в морской провиант надлежит изготовить на Камчатке конечно (окончательно. — *Авт.*) в будущем 1740 г.; а понеже в будущее лето, за неимением якорей, строящееся судно из Охотска на Камчатку чтоб пошло, в том полной надежды нет, того ради ехать тебе Колесову, взяв с собою в товарищи служилаго человека Назара Колесова из Охотска в Якутск, а в Якутске взять еще себе в товарищи, в прибавок ему Колесову, двух человек партии служилых людей, и от якутской воеводской канцелярии надлежащее число подвод, ехать через Анадырский острог на Камчатку, и приехав чинить следующее.

1. Вышепоказанный морской провиант изготовить тебе в будущем 1740 г. к будущему 1741 г. в Нижнем и Верхнем камчатских острогах и в присутствующих по оным рекам служилыми и прочими в тех острогах жителями и ясач-

ными людьми. Рыбы сухой 210 пуд. 24 фунт., да вместо масло коровьяго жиру рыбаго 315 пуд. 36 ф., соли 253 пуд. 32 ф.; а буде вышеописанного числа жиру изготовить будет невозможно, то конечно изготовить 157 пуд. 38 ф. Вина из сладкой травы накурить 336 ведер 96 чарок обретающимися на Камчатке казенными кубами и котлами, а ежели теми кубами и котлами определенного числа вина выкурить будет невозможно, то на то курение купить котлов и труб на Камчатке по настоящей цене, без передачи на прибыльные деньги от винной продажи, чтоб в курении вина в камчатской экспедиции остановки не было. А на то курение вина собирать сладкую траву со всех камчатских жителей и ясачных людей и платить за нее табаком за пуд по фунту из наличнаго камчатскаго табаку, который послан в прошлых 1737 и 1738 годах на Камчатку на продажу. А ежели тот табак продан, то брать сладкую траву с запискою в долг, а по привозе табаку на Камчатку за ту траву заплатить табаком; а рыбу и рыбий жир ставить в цену по настоящей камчатской цене без передачи. А понеже потребуется сладкой травы многое число, то учинять тебе во всей Камчатке крепкой наказ, чтобы никто никому сладкой травы не продавали, а приносили б продавать на выкурку вина для экспедиции.

2. На команду капитана Шпанберга рыбы сухой 199 пуд. 32 фунта, рыбаго жиру 292 пуд. 28 ф., или жиру половину; вина 319 ведр 68 чарок; соли 74 пуд. 37 ф. наготовить в Большерецке покупкою в будущем 1740 г., а буде уведомишься, что капитан Шпанберг в предбудущем 1740 и 1741 годах в поход не пойдет, то на команду его выше объявленнаго не заготовлять, а сладкую траву употреблять на варение вина на команду Беринга.

3. Ежели он Беринг порученнаго ему дела в будущем 1741 г. не исправит, а исправлять будет в 1742 г., то в 1741 г. изготовить на его команду провианту, сколько велено изготовить в 1740 году, да сверх того соленой рыбы половину требуемого числа, а именно 263 пуд. 10 фунт. да соли 78 пуд. 34¹/₂ ф.

4. Сколько вышепомянутого провиана изготовлено будет, то отдать тебе в камчатскую экспедицию с роспискою на счет, с ценою почему что в покупке будет.

5. Сколько изготовлено будет в камчатскую экспедицию и по каким ценам, и чего и зачем изготовлено будет, о том тебе в канцелярию Охотского порта рапортовать.

6. Прочия дела на Камчатке, кроме ясачного сбора, исправлять тебе по данной инструкции прежнему камчатскому командиру Добрынскому иркутской провинциальной канцелярии, и по указам Ея Императорскаго Величества о ясачных сборщиках. В сборе ясака смотреть, чтобы ясак собирали добрый, и при сборе ясачным людям от них сборщиков обид и разорения не было и взятки с ясачных людей никаких не брать.

7. Понеже по присланному указу от сибирскаго приказу велено капитана Шпанберга и прочих, до кого порученное дело канцелярии охотскаго порта

не касается, до продерзостей не допускать и смотреть того накрепко. Но капитан-командор г. Беринг, допуская его Шпанберга на Камчатке продерзостные дела чинить и богатица, посланнаго от канцелярии охотскаго порта каптала Фридриха Пленеснера за Шпанберговыми продерзостными делами смотреть и до того его не допускать, на Камчатку перевестъ (на судне. — *Авт.*) не велел и писем никаких для посылки на Камчатку не принял. Того ради тебе Колесову во всей Камчатке, проведая, изследовать, не учинит ли капитан Шпанберг, будучи на Камчатке, каких обид и взятков себе с тамошних обывателей. Не брали ли также оных и посланные от капитана Беринга подпоручик Свистунов и подштурман Родичев и прочие люди его Шпанберговой команды, ибо на вышписанных Свистунова и Родичева с Камчатки в рапортах написали, что вино курили и тем вином и табаком торговали и что они находящагося у себя табаку конфисковать не дали.

8. Будучи тебе Колесову на Камчатке обид не чинить, а исправлять дела, как надлежит доброму человеку, по присяжной должности, опасаяся за неисправление и обиды надлежащего штрафа».

Петр Колесов по прибытии в 1740 г. в Камчатку избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, и с этого времени все распоряжения по Камчатке делались от имени большерецкой канцелярии. Управление же над Верхним и Нижним острогами он поручил брату своему Ивану Колесову, который брал взятки и буйствовал и наконец за убийство в пьяном виде служилого Пинегина был отдан под суд.

В том же году прибыла в Камчатку вторая экспедиция Беринга. Экспедиция состояла из трех отрядов: первый под личным начальством Беринга должен был отыскать Америку; второй под командою Шпанберга — исследовать Японию и, наконец, третий — произвести опись Ледовитого моря.

Еще в 1737 г. Шпанберг послал в Камчатку бот «Фортуна» с подштурманом Родичевым и геодезистом Свистуновым за смолою и для постановки вех в тамошних гаванях: Большерецкой, Нижнекамчатской и Авачинской.

В 1738 г. Шпанберг с тремя судами отправился в Японию. Пройдя вдоль Курильской гряды до широты $45\frac{1}{2}^{\circ}$, *по позднему времени*, в половине августа спустился на зимовку в Большерецк. Во время зимовки было построено им еще одно судно — *шлюп Большерецк*.

В это время в Большерецке находился для следствия по камчатскому бунту майор Павлуцкий. Беспокойный и грубый Шпанберг постоянно ссорился с ним, за что неоднократно *был бит* Павлуцким, который отличался своею силою и представительною наружностью.

В мае 1739 г. Шпанберг с 4-мя судами снова отправился в Японию и, осмотрев весьма поверхностно северную часть, возвратился в Охотск с тем, чтобы выехать в Петербург. Но на пути в Иркутск он получил от адмиралтейств-коллегии распоряжение снова отправиться в Японию и вернее определить

ее долготу. Между тем Беринг взял с собою все находившиеся в Охотске экспедиционные запасы, и Шпанберг для заготовления их принужден был отправиться в Якутск.

Во время путешествия Шпанберга Беринг с двумя судами, пакетботами «Св. Петр» и «Павел», прибыл 27 сентября 1740 г. в губу, называемую до того времени камчадалами *Суачу*, где посланным вперед штурманом Елагиным построены были к его прибытию необходимые помещения. Здесь Беринг остался зимовать, и эту одну из лучших гаваней в мире назвал по имени своих судов — *Петропавловскою*. Большая же часть экспедиционных запасов была доставлена из Охотска на дубель-шлюпке и гальоте в Большерецк, так как суда эти за сильным ветром не могли попасть в Петропавловскую гавань. Обстоятельство это было причиною, что и на это раз все экспедиционные припасы везлись из Большерецка в Петропавловскую гавань сухим путем на собаках, что было сопряжено с большими трудами и убытками для камчадалов. Во время зимовки Беринг распорядился постройкою маяка на правом берегу Камчатки около самого ее устья.

4 июня 1741 г. пакетбот «Петр» под командою Беринга, пакетбот «Павел» под командою капитана Чирикова отправились в американский поход. Судно Беринга, разлучившись с пакетботом «Павел», все лето провело в плавании по Беринговому морю (Берингово море, названное так в честь его, прежде известно было под названием Бобрового и Камчатского моря. — *Авт.*), подходя на вид Алеутской гряды, и, наконец, 5 ноября, потеряв счисление, остановилось на якоре у совершенно открытого каменистого берега на глубине 12 сажень. Но канаты лопнули, и судно было переброшено бурунами через гряду камней на совершенно спокойную воду на глубине $4\frac{1}{2}$ сажень. Наступившая зима принудила мореплавателей остаться здесь зимовать.

Это случилось у острова, названного по имени несчастного Беринга, который с частию своих спутников зимою умер на этом необитаемом острове (остров Беринга находится в группе Командорских островов на 8° восточнее Петропавловской гавани и на 2° севернее нее. — *Авт.*).

Оставшиеся в живых с наступлением весны из остатков выброшенного на отмель пакетбота выстроили новое судно, названное гукором «Св. Петра», и на нем 26 августа прибыли в Петропавловскую гавань.

Чириков, расставшись с Берингом, полуторами сутками ранее открыл американский берег, осмотрев его на протяжении 3° , и возвратился в Камчатку целым месяцем ранее, сделав также на пути открытие Алеутских островов, и в августе прибыл в Охотск.

В это время Шпанберг для нового похода в Японию построил пакетбот «Иоанн» и починил старые суда. Осенью 1741 г. он прибыл с своим отрядом в Большерецк. Прозимовав здесь, 23 мая 1742 г. отправился с четырьмя судами в Японию и после некоторых поверхностных исследований, не принесших никакой пользы науке, возвратился в Охотск в августе того же года.

По распоряжению Беринга и начальника Охотского порта Девиера были заведены в Камчатке первые школы. В 1741 г. открыта школа в Большерецке на 20 учеников, в которой по приказу Девиера был учителем сосланный туда поручик *Празжевский*; а в 1742 г. была заведена школа в Нижнекамчатске, где обучали детей грамоте казаки. В школах этих обучались русскому языку и аманаты.

Геодезисты экспедиции Беринга первые измерили расстояние по всем главнейшим путям полуострова и подали мысль об учреждении ближайшего и удобнейшего сообщения Нижнекамчатска с отдаленным Анадырским острогом через Тигиль и Акланск по берегу моря вместо прежнего, неудобного и трудного пути по середине полуострова. В 1743 г. на этом новом пути были построены станции, для содержания которых перевели камчадалов из ближайших селений. Кроме того, в 1739 г. штурман Елагин сделал на байдаре опись западного берега полуострова от Большерецка до мыса Лопатки, а геодезист Ушаков в 1742 г. продолжал опись Елагина к северу от Большерецка до р. Паланы. Эта последняя опись была произведена на собаках.

II. 1742—1759 гг.

В июне 1742 г. прибыл в Камчатку на смену Колесову сын боярский Петр Борисов. В том же году было сильное землетрясение в Камчатке и на Курильских островах; в особенности же оно было ощутительно на первом и втором островах. Напуганный этим землетрясением Борисов послал начальнику Охотского порта Девиеру просьбу об увольнении его от должности под тем предлогом, что в Камчатке, при постоянных смутах, следует иметь командира из военных офицеров. Девиер донес об этом в Иркутск, а до присылки оттуда нового командира послал в Камчатку берегом на смену Борисову писаря Михайла Попова, который и управлял Камчаткою с июня 1743 г. по день своей смерти, 5-го февраля 1744 г. При Борисове и Попове по распоряжению начальника Охотского порта Девиера был возобновлен в 1742 и 1743 гг. Акланский острог, сержантом Енисейским.

Новый острог был квадратный, в 15 сажень каждая сторона, в высоту 2 сажени. Внутри острога часовня, командирский дом, казармы, ясачная изба и 2 амбара. После него принял управление капрал Уваровский, который сдал должность в октябре 1744 г. прибывшему в Камчатку новому командиру капитану Лебедеву (Лебедев в Якутске женился на молодой вдове умершего в экспедиции Беринга известного астронома Де-ла-Кроера. — *Авт.*).

Лебедеву, между прочим, было поручено сделать новую перепись ясашным плательщикам; но ему некогда было заняться этим делом, потому что его время может называться самым смутным этапом в истории Камчатки.

Смертная казнь и жестокое телесное наказание, совершенные над главнейшими виновниками камчатского бунта, если не уничтожили вовсе взяточничества в Камчатке, то по крайней мере ограничили это зло настолько, что камчадалы уже не роптали на него, и даже сами, без всяких понудительных мер при сдаче ясака платили чащину в пользу управителей Камчатки, надеясь найти в них покровителей против новых бедствий, внесенных в среду туземного населения местным духовенством, состоявшим из людей грубых, невежественных и почти безграмотных, которые по прекращении бунта с особенным усердием взялись за распространение христианства, употребляя к этому самые жестокие меры.

Набожный Беринг 5-го апреля 1730 г., между прочим, писал в адмиралтейств-коллегию, что в Камчатке только один поп. Донесение это было передано на рассмотрение сената, который постановил: иметь церкви в Нижнем, Верхнем, Большерецком и Анадырском острогах и определить к ним священников с причтом и с содержанием от казны. При этом сенат разрешил всех иноверцев, принявших православие, освободить на 10-ть лет от платежа ясака.

Синод, получив это постановление, нашел необходимым независимо от того построить еще церковь в Охотске и кроме приходских священников послать в Камчатку *великую духовную особу* для проповеди слова Божьего. С этой целью был командирован туда игумен *Филевский*, который в 1736 г. на пути в Камчатку при р. Алдане был взят под арест и отправлен в Москву в контору розыскных дел за буйство и нежелание служить царские молебны. По имеющемуся в Иркутском архиве следственному об нем делу видно, что во время пути он неоднократно бил иеромонаха Александра, вышиб ему однажды зуб и вырвал клоч бороды.

В это время в Камчатке было уже три духовных лица: иеромонахи Иосиф и Иоанникий и священник Ермолай; но первые два умерли в 1736 г., и Камчатка осталась по-прежнему при одном священнике. Нередко приходилось тогда священнику в один день крестить невесту, венчать ее и потом совершать обряд крещения над ее детьми.

В 1740 г. была доставлена в Камчатку церковная утварь для всех бывших тогда трех церквей и присланы священники. Один из них посетил Курильские острова, где окрестил 122 души обоого пола.

Во время зимовки в Петропавловской гавани Беринга усердием его команды была построена там новая церковь во имя Рождества Христова, куда также был назначен священник.

С постройкой церковей приходское духовенство почти все время проводило в разъездах по полуострову для проповеди слова Божьего, не забывая, конечно, при этом и своих мирских нужд. В 1741 г. крещеных камчадалов считалось уже 878 челов. Иеродиакон Гавриил при содействии находившегося в экспедиции Беринга монаха Феофилакта обратил в христианство 1 417 че-

лов., а в 1744 г., по *отчетам духовенства*, было до 6 000 челов., тогда как всех считалось в то время до 10 000 человек.

В 1742 г. вместо Филевского определен в Камчатку проповедник Зонкевич; но вскоре вместо него был назначен Иосиф Хотунцевский с званием архимандрита камчатского и с обязательством пробыть там не менее 7-ми лет (ему назначено жалованья 2 000 руб., кроме муки и крупы. — *Авт.*). Хотунцевский прибыл в Большерецк 7-го июля 1745 г. Ему, между прочим, поручено было учредить в Камчатке школы, а при крещении туземцев не принимать никаких насильственных мер. Но Хотунцевский, обязанный по своему званию и назначению быть примером христианского человеколюбия, был до того жесток и бесчеловечен с туземцами и русскими служилыми, что получил от последних название *антихриста*. Пользуясь добротою и скромностию старика Лебедева, он вмешивался во все дела, не входившие даже в круг его обязанностей, и наказывал инородцев и служилых плетью до полусмерти за всякое малейшее преступление. Инородцы, чтобы избавиться от частых посещений духовенства и преследований его, показывали сперва полную готовность быть христианами, надеясь, конечно, сохранить при этом и свои языческие обряды; но на деле оказалось, что с принятием христианства положение их не только не улучшилось, но, напротив того, сделалось еще тягостнее. Не внушив должного понятия об обязанностях христианина, духовенство заставляло их с принятием христианства тотчас же бросить все прежние обычаи, освященные веками, наблюдать посты, ходить аккуратно в церковь и т. д. Хотунцевский как палач наказывал всех плетью перед церковью за малейшее несоблюдение церковных правил и непременно сам присутствовал при экзекуции.

В делах иркутского архива можно найти много фактов о бесчеловечных поступках Хотунцевского, который, впрочем, и сам не стеснялся доносить о своем усердии к распространению и упрочению в Камчатке веры Христовой. Для примера возьмем, на выдержку, хоть одно из его донесений в иркутскую провинциальную канцелярию.

«Сего мая 28-го дня 1748 года по окончании Св. Литургии, при собрании народа, перед церковью наказан мною служитель Вагин (крещеный камчадал. — *Авт.*) за то, что его заставил силою съесть мухомор поручик Мякинин, *ибо не убоялся Господа Бога, всех зол покорителя, но ужасаясь богопротивного велителя Мякинина*, и велено ему, кроме того, публично в церкви через целую седмицу во время вечерень, утрени и литургии класть земные поклоны, дабы и прочие, на то смотря, страх имели, а он бы мог от Господа Бога за такое противство поручить себе грехов отпущение».

Не менее Хотунцевского усердствовала в искоренении на полуострове язычества и народных нравов и обычаев его свита, состоявшая из 3-х монахов, 7-ми студентов духовной академии, тобольских священников: Филиппа

Энко, Семена Васильева с сыном Евсеем, иеромонаха Флавиана, иеродиакона и 2-х церковников. Главное местопребывание свиты было в Нижнекамчатске; но, как сам Хотунцевский, так и его свита большую часть времени проводили в разъездах по полуострову.

Построив церкви: в Верхнекамчатске, на р.р. Иче, Тигиле, Уке и близ р. Ключевской и заведя школы в трех главных острогах, Хотунцевский в 1749 г. донес синоду, что все камчадалы уже окрещены, и что учеников в школе 203, а в 1750 г. выехал в Петербург для посвящения в епископы, передав миссию иеромонаху Пахомию.

Пока духовенство занималось крещением угнетенных и разоренных камчадалов, то все жестокости его выносились безропотно; но когда проповедники с своими насильственными мерами явились для распространения христианства среди коряк, считающих телесное наказание ужаснее смертной казни, — то на всех концах полуострова обнаружались новые возмущения, принявшие впоследствии огромные размеры.

Немало также способствовало к восстанию инородцев еще и другое обстоятельство. Это беспристанное нападение чукоч на подвластных нам коряк, остававшихся без всякой с нашей стороны защиты, тогда как правительство в то же время требовало от них уплаты ясака и выполнения разных натуральных и земских повинностей.

В 1737 г. чукчи приходили к Нижнекамчатскому острогу и убили 6 человек служилых и несколько туземцев, а в 1738 г. под Анадырским острогом убили 8 служилых и 20 ясашных коряк. В половине декабря того же года чукчи напали на коряк, убили на р. Олюторке 25 человек и 66 человек взяли в плен. Кочуя по корякской земле в течение всей зимы, они отняли у коряк 11 табунов оленей, в которых было до 21 000 голов.

Сенат, получив донесение о нападении на Камчатку чукоч, 6 июля 1740 г. предписал якутскому воеводе Павлуцкому (Павлуцкий был назначен воеводою по возвращении из Камчатки. — *Авт.*) *разведать подлинно* о силе немирных носовых и речных чукоч и о прочих обстоятельствах и, собрав из соседних к Якутску жилищ служилых людей и обывателей, сколько потребно, послать их с казачьим головою на тех чукоч довольноное число.

Иркутская провинциальная канцелярия по поводу этого указа вошла к Павлуцкому с вопросом: *Что за народ чукчи? И как с ними воевать?* Павлуцкий сообщил все вышеприведенные сведения о чукчах, присовокупив при том, что для чукотского похода необходимо послать не менее 400 служилых. Но как такого значительного числа служилых нельзя было набрать в Якутске, то иркутская канцелярия донесла об этом сибирскому приказу, а до получения ответа ограничилась только назначением в Анадырск капитана Лебедева. Сибирский приказ подтвердил о немедленном исполнении указа, и тогда потребное число служилых было назначено из Селенгинска и Иркутска.

Но пока шла эта переписка, чукчи 17-го марта 1741 г. сделали новый набег на коряк. Убили у них 12 человек, жен и детей взяли в плен и отогнали до 4 000 оленей. Девиер, получив об этом донесение, вошел в сенат с представлением о посылке в Анадырск самого Павлуцкого, как человека, хорошо знакомого с тамошним краем. Сенат согласился и 1 июня 1742 г. издал указ:

«Якутскому воеводе Павлуцкому сдать свою должность капитану Остякову, а самому отправиться в Анадырск для усмирения чукоч». В августе 1742 года Павлуцкий сдал воеводство, а в начале зимы 1743 г. отправился уже из Анадырского острога в чукотский поход. По выходе из острога он взял путь к мысу *Сердце-Камень*, откуда шел вдоль берега вокруг Чукотского носа, до губы *Анахля*, переходя все встреченные на пути заливы по льду. От губы Анахля пошел сперва по берегу ея, а потом прямо на юго-запад и возвратился в Анадырск весною 1744 г. С наступлением зимы 1745 г. Павлуцкий снова отправился в Чукотию, и уже по другому направлению. По выходе из острога он пошел к вершине р. Анадыра и оттуда к Чаунской губе. Пройдя к северу от ея вершины несколько верст, вернулся в острог 21 мая 1746 г. по тому же направлению. К сожалению, мы не нашли в архивах никаких сведений об этих двух походах, за исключением карты Чукотской земли, составленной бывшим при Павлуцком казаком Переваловым, который на эту карту нанес и пройденный ими путь (карта эта была отправлена в сенат. — *Авт.*).

В конце 1746 г. коряки отогнали у Павлуцкого оленей, вывезенных из Чукотии, а в 1747 г. чукчи напали на коряк, угнали у них до 20 000 оленей и подходили к самому Анадырскому острогу. Павлуцкий, получив об этом известие, 21 марта ночью на оленных нартах с 80 казаками пустился за чукчами в погоню, приказав своему помощнику сотнику Катковскому следовать с командою за ним на лыжах. Скоро Павлуцкий догнал чукоч и, не дождавшись подкрепления, напал на них. Многочисленная толпа чукоч окружила русских и привела казаков в смятение. В это время казаки, увидав другую партию чукоч, подхитившую с тылу, бросились в бегство, оставив Павлуцкого с несколькими казаками в жертву неприятелей, которые убили Павлуцкого и его храбрых товарищей (сражение происходило недалеко от Анадырского острога на горе. — *Авт.*). Павлуцкий был убит между Анадырском и устьем реки Майна, впадающей в Анадыр. Место это и в настоящее время известно под названием *Майорской сопки*.

Чукчи, уважая Павлуцкого и его храбрость, долго берегли его голову, а память об нем сохранилась между ними и по настоящее время. Остававшийся в остроге прапорщик Ковалев, осведомясь о смерти Павлуцкого, послал команду к корякам для сбора у них до 1 000 оленей для похода на чукоч; но коряки не могли исполнить этого требования, потому что чукчи отогнали почти все их табуны. Катковский хотя и выступил с командою в поход по сле-

дам Павлуцкого, но нашел только одни трупы убитых русских, а чукчи удалились уже в свои кочевья. Катковский по возвращении в острог захворал и в 1747 г. умер.

Иркутская провинциальная канцелярия, получив уведомление об этом событии, 2 сентября 1747 г. послала в Анадырск вместо Павлуцкого поручика Кекерова с 40 чел. казаков для конвоя. Ему предписывалось *искоренить вовсе* немирных чукок и коряк. Он прибыл в острог 8-го декабря 1748 года.

Вместе с тем иркутская канцелярия, послав 6 августа 1747 г. сибирскому приказу донесение о смерти Павлуцкого, просила прислать в Якутск 500 чел. драгун для усмирения чукок.

Сибирский приказ по получении этого донесения послал в Иркутск сына боярского Алексея Новгородова, которому поручил:

1) Командировать в Анадырск вместо Павлуцкого одного надежного капитана, которому следовать туда немедленно.

2) Послать с наступлением весны с этим капитаном вперед человек 100 команды с ружьями, чтобы в Анадырске было не менее 500 человек.

3) В Тобольске взять 320 чел. драгун и распорядиться, чтобы они были в Иркутске в феврале 1748 года.

4) Якутскому воеводе Жеребятникову по сношению с начальником Охотского порта отправлять людей в Камчатку как можно поспешнее.

Иркутская канцелярия по прибытии Новгородова в Иркутск, получив по этому делу указ сибирского приказа от 30 ноября, потребовала из Селенгинска для посылки в Анадырск *здороваго и крепкаго* капитана. По этим указаниям был выбран капитан Егоров. Ему поручено было для выигрыша во времени идти в Анадырск, не заходя в Иркутск, прямо из Тулуновской слободы через Братский острог и город Илимск и, приняв в Анадырске команду от Кекерова, *чинить по указу к покорению немирных иноземцев*.

В апреле 1748 г. в Иркутске приготовили к походу 300 служилых и 218 чел. отправили со вскрытием Лены в Охотск с сотником Вергуновым, а остальных 82 человека немного позже. Но при этом никто не позаботился о посылке в Камчатку и Охотск продовольствия для этой команды. С прибытием же ее в Охотск, когда были израсходованы все путевые запасы, солдаты принуждены были питаться одною только рыбою, и начальник порта Зыбин послал в Иркутск донесение, что до прибытия провианта он не может отправить эту команду в Камчатку, потому что ей и в Охотске есть нечего. Тогда распорядились послать из Иркутска 56 878 пуд. муки, которую и сплавили по Лене в Якутск осенью того же года.

Во время этой переписки, в 1748 г. чукчи еще раз напали на коряк, убили 15 человек пастухов и угнали 7 табунов оленей.

В 1749 г. по распоряжению сибирского приказа был командирован из Тобольска в Анадырск капитан Шатилов с 2 офицерами, 5 унтер-офицерами

и 22 человеками нижних чинов. Партия эта в августе 1749 г. выступила из Охотска, а в декабре 1750 г. прибыла в Анадырский острог.

Кроме того, был послан в Анадырск офицер Зудаев для производства следствия о смерти Павлуцкого согласно с предписанием сибирского приказа 18 марта 1748 г., в котором, между прочим, было сказано: «Бывших с Павлуцким в походе служилых, и в особенности Амосова и Борисова, допросить, произвести следствие и поступить с виновными по закону».

Разоренные чукчами коряки, видя бессилие русских и встречая от них только обиды и притеснения, вооружились наконец пологовно, склонив к восстанию и камчадалов.

Первое проявление бунта начало обнаруживаться еще в 1738 г. Тоем р. Чамыжи (Чожма) не хотел со своими родственниками платить ясак; но после убеждений снова покорился. В 1741 г., во время зимовки Беринга в Камчатке, тароинские камчадалы убили 6 человек неякинцев, живших близ Петропавловской гавани. Неякинцы жаловались об этом Берингу и объявили при этом, что тароинские камчадалы хотят истребить русских по уходе в море экспедиционных судов. На них был послан с командою прапорщик Левашев; но он не встретил никакого сопротивления со стороны тароинских камчадалов, забрал с собою главнейших виновников, а прочих жестоко наказал. В этом же году Левашев ходил с командою на Утхолаку для исследования дела об убийстве матроса из экспедиции Беринга, а сын боярский Борисов в Подкагерную, где убиты и ограблены четыре купца, ехавшие из Анадырска. Борисов привел с собою 6 главнейших виновников.

В 1742 г., когда экспедиция Беринга готовилась уйти из Камчатки, производилось следствие над тоенами западного берега полуострова от Большерецка до Тигиля по доносу о намерении туземцев истребить русских; но следователи ничего не открыли. В том же году олюторцы сделали нападение на Карагинский острог.

Но главнейшее восстание началось в 1744 году. Сборщики Тауйского и Ямского острогов 1 апреля донесли, что находящийся на р. Наяхан коряцкий старшина *Туина* с родниками отказался платить ясак и угрожал побить сборщиков. Охотский командир Зыбин предписал идти на них военною рукою, что и исполнено в 1745 году (по распоряжению Зыбина в 1744 г. был укреплен *Шитин* острог против коряцких набегов, и с тех пор он стал называться *Тигильской крепостью*. — *Авт.*). Туина был пойман с тремя главными своими сообщниками и отослан в Охотск, где всех их заковали в ручные и ножные кандалы, заключили в тюрьму и приковали к стене. По произведенному над ними следствию дело пошло в сенат, а слухи об их мучительном аресте быстро распространились между коряками, которые сговорились всеми мерами мстить русским за истязания своих родовичей, а если можно, то и вовсе освободиться от их зависимости. В 1745 году коряцкий старшина *Эвоита*

с своими сродственниками убил в Ягачине (Егачег) между Пенжиною и Пареною 4-х купцов, 40 человек служилых, посланных за ясаком, иеромонаха Флавиана, студента миссии Качурова, дьячка, пономаря и служилого Наумова, следовавших в Анадырск. В добычу им досталась церковная утварь, книги, ризница, грудные кресты и все имущество убитых. Кресты коряки нашили детям на платье вместо побрякушек. Потом бунтовщики пошли в Камчатку ловить русских и восстанавливать против них камчадалов.

В том же году коряцкий тоен *Алык* с другою толпою коряк убил ехавших из Охотска в Камчатку сержанта Енисейского с командою и разграбил бывшую при нем денежную казну, порох и свинец. Потом убил служилого Дмитрия Петрова с товарищами, ехавшего из Ямского острога на р. *Тайночик* и на р. *Наяхан* служилого Вольнкина, ехавшего с почтою из Охотска в Камчатку. Имевшиеся при последнем для новокрещенных образа сожгли, а кресты разделили между собой.

В ноябре 1745 г. прибыли из Анадырска в Акланский острог 11 человек служилых для встречи Флавиана, назначенного в Анадырск, и для сбора ясака с оленных коряк. 19 ноября партия эта под начальством гренадера Мокрошубова отправилась по р. Аклану к морю для приобретения продовольствия у пеших коряк, а двое служилых, Потапов и Беляев, вышли из острога для покупки рыбы у соседних коряк. Но, не доезжая до коряцкого стойбища (в 60 вер. от Акланска), Потапов и Беляев увидели на дороге трупы Мокрошубова и его товарищей, убитых коряками. Опасаясь подвергнуться подобной же участи, они убежали в острог, где заперлись с остальными 14-ю казакми. 26 ноября партия коряк подошла к острогу и держала его в осаде по март месяц 1746 г. Осажденные по недостатку пищи ели сырмятные сумы, подошвы и ремни.

Между тем анадырский командир Павлуцкий, узнав о бедственном положении осажденных, послал в Акланский острог 150 человек солдат под начальством подпрапорщика Трошина. Команда эта пришла к острогу в начале марта, когда коряки уже отступили от него. Трошин, переночевав здесь одну ночь, отправился отыскивать коряк, убивших Мокрошубова с товарищами, но, обойдя все окрестности, нигде их не встретил. Потом пошел он на р. *Эгачу*, где беспрекословно получил с коряк ясак. Взяв здесь одного аманата, Трошин отправил 25 человек служилых под командою капрала Пермякова для подкрепления Акланского острога, а сам с остальною командою возвратился в Анадырский острог за недостатком кормов. Но по прибытии в острог Павлуцкий отдал его под суд за выход из коряцкой земли, не усмирив бунтовщиков.

В июне 1746 г. прибыл из Анадырска в Акланский острог сотник Катковский и увел с собою в Анадырск Пермякова с двумя служилыми, оставив закащиком в Акланске солдата Сокуева, который, прожив в остроге до 8 июля,

отправился с 17 человеками за 4 версты за рыбным промыслом, взяв с собою и аманата, потому что в остроге не было кормов. Но во время пути аманат убежал, и Сокуев, оставив для рыбной ловли 4-х человек, с остальными отправился отыскивать его. Плывя по р. Аклану, он встретил множество коряк, плывших в нему навстречу на ветках (ветка — маленькая лодка, сшитая из бересты. — *Авт.*). Коряки напали на русских и убили Сокуева с 3 служилыми, а остальные спаслись бегством, и один прибыл в Акланск, а прочие в Анадырск.

Оставшиеся в Акланске 6-ть человек служилых, узнав о смерти своих товарищей, спрятали порох и пушку в землю и, оставив острог, направились также в Анадырск. Дойдя до р. Черной, они по недостатку пищи остановились тут для ловли рыбы и промысла *крупашек*. Двое из них по первому снегу отправились в Анадырск, а четверо остались здесь зимовать и в марте благополучно прибыли в Анадырск, где узнали, что один из их товарищей, отправившихся в острог зимою, умер в пути от голоду, а другой добрался до острога. Из 10-ти человек, убежавших с реки Аклана, прибыли в Анадырск только шесть человек, а остальные пропали без вести. Об участи же четырех человек, оставленных на рыбных промыслах, ничего не известно. Акланский же острог коряки выжгли в 1748 году.

К концу 1745 г. коряцкий бунт принял уже серьезный оборот, потому что к нему были привлечены и камчадалы. В марте 1746 г. почти все туземное население полуострова возстало. Все пути в Камчатку были заперты: с колымской стороны юкагирами; с охотской тайгинскими коряками; на Пенжине акланскими и оленными коряками; а по олюторскому берегу олюторцами, которые в марте 1746 г. разорили Олюторский острог, а команду убили. К корякам пристали сперва укинские и паланские камчадалы, которые убили одного солдата и 12 человек ясашных сборщиков, посланных из Нежекамчатска. Потом разорили Столбовский острожек, а часть его гарнизона, состоящего из 36 человек, побили, а остальных взяли в плен. В 1746 г. коряки Жирового острога убили купца Соснина и разграбили все его товары. В том же году были пойманы два зачинщика бунта, *Чингин* и *Тешига*.

В 1747 г. коряк *Эвокта* убил на р. Пустой служилых Портнягина и Лебедева. В том же году коряки намеревались идти на Охотский порт для освобождения своих товарищей; но недостаток оленей остановил их предприятие.

Охотский начальник Зыбин 5 апреля 1747 г. писал иркутской канцелярии, что для усмирения коряк необходимо построить редуты и крепости вокруг Пенжинского залива от Ямского острога до Камчатки. Сенат октября 2-го 1747 г. одобрил это предложение и предписал назначить в эти редуты 300 человек солдат. Команда эта была отправлена из Якутска в Охотск в 1748 г.

В том же 1748 г., 12 июля, Императрица Елисавета подписала следующий указ: «Известно Нам учинилось, что в Сибирской губернии находя-

щимся разным народам нашим, особливо камчадалам, при ясачном сборе чинятся обиды и разорения, для отвращения таких поступков командиров указали накрепко изследовать нашему полковнику Вульффу с прочими штаб-офицерами». Но указ этот был получен Вульфмом в то время, когда коряцкий бунт был в самом разгаре, и потому нельзя было и помышлять о посылке туда следователя.

Между тем слухи о бунте дошли до Нижнекамчатска. Служилые люди донесли, что главными виновниками возстания камчадалов были: крещеный тоен *Ум эвут-кхан* с крещеными камчадалами, казаками Алексеем и Иваном Лазуковыми. Опасаясь нападения на острог, Хотунцевский составил под своим председательством военный совет из следующих лиц: бывшего в Камчатке для переписи инородцев капитана Завьялова, капрала Лебедева и прикащика нижнекамчатской казенной избы Расторгуева. На совете решено было укрепить острог и усилить караулы. Но 17 мая 1745 г. братья Лазуковы явились сами с повинною в острог и рассказали все планы бунтовщиков. Они предполагали сперва идти на Нижнекамчатский острог тремя партиями: коряки и олюторцы под командою Алексея Лазукова хотели пройти через Столбовский острожек; укинские камчадалы через рр. Озерную и Еловку и паланские и тигильские камчадалы через Тигиль и Еловку. Потом, соединясь под Нижнекамчатском, идти весною 1746 г. по р. Камчатке на Верхнекамчатск и Авачу за экспедиционную артиллерию и затем истребить всех русских в Большерецке. На Нижнекамчатский острог предполагали напасть ночью, архимандрита со свитою убить и православную веру уничтожить на всем полуострове.

Когда Лазуковы отказались от участия в бунте, камчадалы несколько смирились. Но коряки продолжали бунтоваться. В 1748 г. *Алык* с 80 человеками пошел на Ямской острог; но ссора родовичей заставила его возвратиться в Ижигу с половины пути. В том же году он выжег Акланский острог, взял в нем пушку, ружья и порох. Из донесения по этому делу видно, что острог этот стоял на самой стрелке при впадении р. Аклана в Пенжинку.

После того *Алык* с родовичами встретил на р. Чикане 25 июня отряд русских и тунгусов в числе 88 человек под начальством сержантов Брехова и Белобородова, высланных для усмирения бунта и успевших уже покорить чендонских инородцев. Русские напали на отряд *Алыка* и убили 17 коряк; многие побили себя сами, а *Алык* с остальными коряками убежал на р. Наяхану. Брехов отправился по его следам и на пути встретился с наяханскими коряками, которых было до 300 человек. В стычке с ними русские убили до 100 коряк, да тунгусский отряд под начальством *Качибоя* убил 10 коряк и 18-ть человек взял в плен. Оставшиеся в живых коряки отступили, закололи своих жен и детей и, *напившись их крови для храбрости*, снова вступили в отчаянную борьбу с русскими. Но вскоре были рассеяны. Одни из них уплыли на байдарках,

а Алык с несколькими товарищами ушел на р. Ижигу, где у него был свой хорошо укрепленный острог.

В 1749 г. Алык с 80-ю коряками вышел из Ижиги на 4-х байдарах для разорения Ямского острога. Плывая по реке, он около реки Балхаямы увидел на берегу отряд Белобородова. Алык быстро высадился на берег и неожиданно напал на русских. Но после непродолжительной борьбы был отбит, причем убито 20 коряк и несколько ранено, в том числе и сам Алык, который успел уплыть на байдарах с оставшимися в живых товарищами. В том же году была разорена Воямпольская крепость. Из Камчатки требовали от Охотского командира служилых для усиления гарнизона в Тигильской крепости, которую коряки также намеревались разорить; но в Охотске не было лишних людей, да и не решались послать суда к *неизвестной реке* (Тигиль).

В 1750 г. Алык еще раз встретился с Белобородовым на р. *Вилегу* и напал на русских, но коряцкий отряд был рассеян, причем много коряк было убито и ранено.

28-го июля 1751 г. Белобородов перешел с командою на р. Ижигу для разорения укрепленного коряцкого острога. Алык встретил его с покорностью и дал аманатов, но покорность эта была не более как одна хитрость чтобы высмотреть силы русских, потому что вслед за тем Алык убил трех тунгусов, посланных Белобородовым для разведок, и заперся в остроге. А когда русские 29-го июля пошли на приступ, то были встречены тучею стрел, пуль и камней, бросаемых из пращей. Приступ не удался. Коряки же в числе 150 челов. сделали вылазку и вступили с казаками в рукопашный бой; но после непродолжительной схватки убежали в острог, причем был ранен один казак и трое коряк убито. 30-го июля русские сделали второй безуспешный приступ к острогу, после которого отступили. Коряки же в числе 400 человек вышли из острога и разделились на две партии для преследования русских. Одна под управлением Алыка пошла по р. Ижиге на байдарах, а другая сухим путем. По прибытии Алыка к Наяханскому острогу, Белобородов 13-го августа неожиданно напал на него, причем Алык попался в руки Белобородова и, несмотря на его уверения быть покорным, закован в ножные и ручные кандалы и в 1752 г. доставлен в Охотск. При этой стычке убито 3 коряка и 12 человек обоего пола взято в плен.

Коряки, узнав об участии Алыка и рассчитывая, что он находится в Наяханском остроге, решились летом 1752 г. взять этот острог, чтобы освободить его из плена, и потому остались зимовать на р. Наяхан, построив на Яханской сопке острог с 9 башнями, который обнесли тыном, осыпали снаружи землею и завалили большими камнями. Но чтобы сделать его неприступным для русских, в течение всей зимы поливали гору водою. Белобородов, не надеясь взять этот острог и не имея продовольствия для команды, ушел в Ижигинскую крепость.

В апреле 1751 г. прибыл из Анадырска через р. Аклан на р. Чендон для усмирения коряк капитан Шатилов с 407 человеками команды. Апреля 9-го он побил до 300 коряк, отогнав у них оленные табуны, а остальные, убежавшие с побоища, коряки были убиты Белобородовым 27-го июля. В то время, когда Шатилов бил одну партию коряк, другая разграбила его лагерь, причем убила одного пятидесятника. Шатилов, поймав главного предводителя коряк *Аилана*, бил его по щекам и заковал с четырьмя аманатами, взятыми при усмирении коряк, в кандалы. Это новое тяжкое оскорбление, нанесенное одному из главнейших коряцких старшин, еще более ожесточило коряк, которые в одну темную и бурную ночь подошли к лагерю Шатилова, убили 4-х часовых и освободили Аилана вместе с аманатами.

В том же году коряки в темную ночь подошли к Тигильской крепости, где командовал каптернамус Шацкий, разграбили и выжгли ее, а гарнизон взяли в плен. Потом пошли на Уку и разорили Ивашкин и Русаков острожки, а сборщиков убили.

В то же время другая партия коряк под управлением тосена *Ярлыха* подошла к Анадырскому острогу, где отогнала до 1 000 оленей, принадлежащих команде Шатилова. Потом Ярлых разорил камчадалские селения Коручево, Еловское, Танинское и около Тигиля за покорность их жителей русским. Большую часть камчадалов этих селений убил, жен и детей взял в плен, а принадлежащее им имущество разграбил.

Аилан и Ярлых, поощренные этими успехами, продолжали в течение года преследовать русских и мирных камчадалов безнаказанно, потому что большая часть военной команды была занята в это время постройкою новых крепостей: Тигильской и Ижигинской. Тигильская крепость была окончена постройкою в 1752 г. Она была обнесена стоячим тыном в $1\frac{3}{4}$ саж. вышиною; вместо четвертой стены было построено две казармы с бойницами через сажень. Старая же обгорелая крепость была очищена от коряк поручиком Холмовским, под наблюдением которого производились и новые постройки.

Постройкою Ижигинской крепости занимался сержант Игнатьев. По недостатку служилых он собрал для работ коряк, пришедших к нему с покорностью. Но как их оказалось до 100 человек, то Игнатьев, опасаясь измены, половину из них отправил в лес под предлогом заготовки дров, и там всех убил, а женщин взял в крепость для *блуду*. Потом, в 1752 г., когда оставшиеся в живых коряки кончили постройку крепости, он приказал 40 человек также убить, а остальных с женами и детьми отдать в холопство тунгусам и ламутам.

В 1751 г. по сенатскому указу построена крепость на р. Тумане, а в 1752 г. — укрепления на реках Вилиге и Таватоме.

Хотя Ижигинская и Тигильская крепости были вновь построены и вооружены, но они не могли содействовать усмирению бунта по незначительности гарнизона. Лебедев послал строгое предписание в Нижний и Верхний

остроги о высылке оттуда солдат в Ижигу; но ему ответили, что в обоих острогах крайний недостаток в продовольствии, без которого нельзя отправить людей в поход.

Наконец после настоятельных требований Лебедева начальник Охотского порта Зыбин в 1753 г. отправил в Камчатку 75 чел. солдат с порохом, мортирами и другими военными припасами под начальством сержанта Сторожева и каптернамуса Байбародина. Партия эта шла зимою по берегу Охотского моря, и все тяжести везлись на нартах, в которых запрягали мирных коряк и, конечно, без всякого за это вознаграждения.

В 1753 г. главным распорядителем бунта был коряк Аилан (Аивылан). 20-го апреля 1753 г. партия казаков и тунгусов в числе 37 человек вышла из Ижигинской крепости для заготовления рыбы и других кормов. На них напала толпа коряк, причем убито 7 русских, 5 тунгусов и ранено 10, а остальные убежали в острог. Корякам досталось в добычу 120 езжалых собак и все оружие русских.

Пользуясь этой удачей, коряки под начальством *Чейвита* в мае месяце осадили Тигильскую крепость. Команда, не решаясь на вылазку и не имея в крепости продовольствия, находилась в самом бедственном положении; сперва ела байдары, сыромятные сумы, ремни и вообще все кожаные вещи; но когда и их не стало, питалась кустами кедровника и лиственницы. К счастью их, что коряки по вскрытии рек от льда отступили и тем дали им возможность запасться рыбою.

В 1754 г. с прибытием к русским нового подкрепления из Охотска возмущение коряк значительно ослабло, и только изредка делались нападения, и то на самые незначительные остроги.

В 1755 г. для отнятия у коряк Туманской крепости и окончательного их усмирения был послан из Ямского острога сержант Суворов с командою, состоящей из 61 казака и 11 тунгусов. Выступив из острога 3 ноября, партия эта прибыла к Туманской крепости 25 ноября, где в 1½ верст. остановилась лагерем, а 1 декабря сделала приступ, который, однакож, был неудачен. Коряки убили Суворова, 17 казаков и купца Попова и, кроме того, ранили 29 человек русских. Казаки отступили и под начальством казака Тельникова пошли обратно в крепость. На этом переходе казаки закололи 6 человек, заботивших своих товарищей, и четырех раненых оставили живых в пустынном месте на произвол судьбы, несмотря на то что на бывших с ними нартах везлись разные товары убитого купца Попова, вместо которых нетрудно было взять больных. Кроме того, на этом же пути замерзло 6 казаков. Озлобление коряк было до того велико, что они даже мертвые трупы русских изрубали в куски.

В 1755 г. Ярлых с 20 родовичами ходил на Воямпольский камчадалский острожек, где ночью убил 8 ясашных камчадалов, убивших коряцкого тоена

Ваага. В то же время чукчи напали на коряк, и последние обратились за помощью к русским. Ижигинская команда отогнала чукоч, и Ярлых заплатил ясак по 1756 г., но вскоре снова изменил.

Между тем иркутское начальство распорядилось постройкою редута на р. Лесной и острогов на рр. Русаново и Воямполье (указы 31 мая 1754 г. и 12 января 1755 г. — *Авт.*). Распоряжение это было получено в Камчатке осенью 1755 г. вместе с предписанием начальника Охотского порта о постройке еще редутов на реках Паллане и Юмгиной, между которыми существует удобное сообщение. Для работ этих была послана команда из Нижнекамчатска, но новое возмущение заставило дать этой команде другое назначение.

15 сентября 1755 г. коряки напали на русских, съехавших на берег в Пенжинской губе с судна «Св. Елисавета», и убили двух матросов и 5 ранили. Начальник Камчатки предписал нижнекамчатскому отряду присоединиться к партии тигильских казаков и идти для усмирения коряк под начальством поручика Кошкарева. В обоих отрядах было 100 человек казаков и тунгусов. Кошкарев, предполагая встретить Ярлыха около Ивашкина острога, направился сперва к этому острогу; но, не найдя здесь коряк и следуя с поисками далее, через два дня встретил на р. Гытыгуре три юрты коряк и, не осведомясь, участники ли они бунта, приказал всех их вязать. Коряки выхватили ножи и бросились на русских, а жены и дети их стреляли из луков по русским, но через два часа юрты были разорены ручными гранатами, причем побито 48 коряк, детей до 15 лет 33 и 40 женщин. В плен взято мужчин 2, женщин 18 и убежало 6 коряк. Кроме того, в добычу русским досталось 807 оленей, 160 саней. Русских же было ранено 5 человек.

После того тигильская команда отделилась от Кошкарева и, спускаясь по р. Паллану, была вся побита туземцами, а воямпольская крепость снова взята коряками. Впрочем, крепость эта в том же году была отнята у коряк прапорщиком Шмалевым, и для исправления полуразрушенной крепости была оставлена здесь небольшая команда. Но во время работ, 1 мая 1756 г., крепость окружили окрестные инородцы и убили 8 казаков и одну женщину с ребенком, а двух казаков с женами и детьми взяли в плен.

В 1756 г. был послан на Туманский острог, занятый бунтовщиками, сержант Игнатъев; но он вместо острога нашел одно только пепелище, на котором узнал, что коряки ушли к Ижигинской губе.

В том же году охотская канцелярия распорядилась послать для усмирения коряк капитана Нилова с 48 солдатами. Нилов по прибытии 29 августа 1756 г. в Ямской острог оставался там в бездействии, потому что все окрестные коряки смирились, и Нилов на другой год был переведен командиром в Ижигинскую крепость.

Наконец коряки, лишившись более половины своих единоплеменников, решились в 1757 г. покориться русским, и только небольшая часть их осталась в измене, и то лишь до 1758 года.

Главных виновников бунта, закованных, отправили в Охотск. Охотская канцелярия по окончании следствия о бунте доносила в Иркутск, что она *пытала бунтовщиков в застенке изрядно*. И действительно, должно быть пытала изрядно, потому что 80-летний старец *Ярлых* (Ярлых, как оказалось по следствию, участвовал в убийстве Шестакова. — *Авт.*) умер во время первой же пытки, а остальные главнейшие виновники кончили жизнь в последующих истязаниях.

Над оставшимися в живых подсудимыми коряками охотская канцелярия сделала следующий приговор: коряк: *Эжимиде, Елмене и Нутаитале*, на страх другим, четвертовать и потом головы, руки и ноги выставить на кольях, а тела повесить; 10 корякам и 10 крещеным корякам учинить такую же смертную казнь в их жилищах; имевших же намерение к бунту камчадалов и коряк бить кнутом и переселить в Якутск. Дело это было отправлено в сенат и долго оставалось нерешенным за разными справками, которые не скоро доставлялись из Камчатки, а между тем каждый год привозили в Охотск новых преступников, которых держали прикованными к стене.

Пошло пять лет, а дело о бунте все еще не было решено в сенате. Наконец в 1763 г. командированному в Сибирь для переложения новым окладом ясаших плательщиков семеновского полка секунд-майору Щербачеву в инструкции, между прочим, было сказано: «Объявить всем корякам, которые прежде платили ясак и потом отложились, что вины их Ея Императорское Величество отпускает, и всех до одинаго прощает и обнадеживает, что если они впредь будут ясак платить бездоимочно, то их, как и прочих, от всяких обид и грабительств защищать и оборонять не оставить».

Эта Высочайшая воля была объявлена по всей Корякской земле; но об содержимых в Охотске под арестом никто не позаботился. И только 5 апреля 1766 г. сенат по какому-то поводу вздумал спросить иркутского губернатора: «Освобождены ли отложившиеся инородцы, и сколько состоит налицо тех, которые приговорены к казни, и где именно?».

Начали наводить справки, и оказалось, что охотская канцелярия 10 июля 1752 г. доносила иркутской, что коряки Туина, Чингин и Пишута с многими товарищами, находясь в тюрьме, 3 февраля 1752 г. ночью побили караул, зажгли тюрьму и сами перерезались и передавились, о чем и было донесено сенату 11 августа 1752 года; а присланные в Охотск впоследствии коряки, олюторцы и камчадалы волею Божию перемерли в тюрьме...

Но, довольно! Перейдем лучше к другим, более утешительным современным этому бунту событиям в Камчатке.

Вторая экспедиция Беринга, если не принесла ожидаемой пользы для науки, то, по крайней мере, сделала другую, чрезвычайно важную услугу, имевшую особое значение для северо-восточного края Сибири. Предприимчивое сибирское купечество, узнав от спутников Беринга о близости к Камчат-

ке Америки и Алеутских островов, богатых бобрами, пустилось искать счастья в этих неведомых землях. Первый предпринял путешествие на острова сержант камчатской команды Басов, который в 1743 г. посетил Беринговы острова на шитике. В 1747 г. он предпринял туда второе путешествие, вступив в компанию с купцом Трапезниковым, и вывез звериных шкур на 112 220 р., наконец в 1750 г. предпринял третье путешествие на Алеутские острова и получил прибыли на 39 376 руб. По следам его пустилось на острова несколько промышленников. В 1745 г. составилось уже несколько зверопромышленных компаний, которые построили небольшие суда на р. Камчатке, укомплектовали их местными жителями и отправили на острова, поручив их, по недостатку мореходов, людям почти вовсе несведущим в мореплавании. Но, несмотря и на эти невыгодные условия, судохозяева обогатились в короткое время. С этого времени промысел на островах увеличивался с каждым годом и к концу XVIII столетия принял уже значительные размеры. С 1743 по 1803 г., т. е. в течение 60 лет, образовалось 63 промысловых компании, имевшие по одному и даже два судна. Но Российско-Американская компания своею монополиею уничтожила столь быстро развивавшуюся нашу морскую деятельность на Восточном океане в самом ее начале.

Русские промышленные суда строились в Камчатке до 1770 г., но с этого времени постройка их производилась в Охотском порте, где судохозяевам предоставлялось гораздо более средств к снаряжению в плавание судов и укомплектованию их командою.

Не находя удобным перечислить здесь все их открытия, сделанные частными промышленниками на Алеутских островах, тем более, что об этом предмете мы намерены говорить особо, считаем, однако, необходимым указать здесь на лиц, открывших морской путь из устья р. Анадыра в Камчатку.

В 1748 г. купцы Новиков и Бахов, построив на свой счет на устье р. Анадыра небольшое судно, отправили его в Камчатку с геодезии прапорщиком Переваловым. Но судно, дойдя до острова Беринга, разбилось. В течение зимы команда из остатков разбившегося судна построила новое и на нем пришла в Камчатку 14-го августа 1749 г. Отсюда Перевалов отослал в охотскую канцелярию составленную им карту части Восточного океана между Анадырском и Камчаткою с нанесением на нее пройденного пути.

В 1745 г. выкинуло на большерецкий берег японскую бусу с 10 японцами, пльвшими с Матсея на Курильские острова. Хотунцевский при содействии набожного Лебедева окрестил их. Японцы эти впоследствии были учителями в иркутской японской школе.

Между тем 27 апреля 1754 г. иркутская провинциальная канцелярия писала капитану Лебедеву, согласно с его просьбою, выехать в Якутск, сдав должность капитану Чередову. Последний вступил в управление Камчаткою 31 октября 1754 г. Но как при приеме казенного имущества оказался у Лебе-

дева недостаток в деньгах, вине и сладкой траве, то Чередов просил с него мировых 1 000 руб. и 100 штук соболей; но Лебедев не согласился и по доносу Чередова был отдан под суд и задержан в Камчатке до окончания этого суда. Следствие, кроме того, открыло, что Лебедев отправил в Якутск нескольких молодых коряк (во время коряцкого бунта взрослых детей коряк обоюго пола казаки брали обыкновенно в холопство, а также и продавали их купцам и другим лицам. В Охотске в 1762 г. их накопилось так как много, что никто не хотел брать их себе в услужение даже из одного хлеба. Начальник порта Ртищев доносил в Иркутск, что он не знает, какое дать назначение, и потому нашел необходимым отправить большую их часть в стойбище коряк. — *Авт.*), которых продал там в холопство за довольно выгодную цену, и, кроме того, пересылал в Якутск для продажи соболей и другие меха, а сын его Алексей *пил постоянно казенную водку без платежа денег.* Суд тянулся долго, и Лебедев, не дождавшись окончания его, умер в Большерецке 3 февраля 1760 г.

14-го октября 1755 г. состоялся сенатский указ, чтобы «обретающимся в Анадырском остроге офицерам и нижним чинам в числе 600 человек считаться камчатскою командою, и командиром над тамошними местами быть секунд-майору Шмалеву». Но Шмалев сперва был занят анадырскими делами, а потом заболел, так что Чередов по-прежнему считался присутствующим в большерецкой канцелярии, хотя сам большую часть времени проводил в разъездах по полуострову, и большерецкою канцеляриею управлял сын его от первого брака сержант Федор Чередов. Во время разъездов Чередова ему сопутствовали купцы с разными товарами и ссыльный Ивашкин (прапорщик Преображенского полка. Сослан в 1742 г. Ему впоследствии был разрешен выезд в европейскую Россию; но он за старостию лет просил остаться в Камчатке с тем, чтобы ему отпускалась из казны по смерти пенсия по 200 руб. в год. После продолжительной переписки пенсия эта была назначена; но разрешение на производство ее не застало уже в живых Ивашкина, который умер 12 апреля 1806 г. — *Авт.*), руководивший во всех его служебных и частных делах.

Эта торговая компания навязывала силою камчадалам табак и брала за него пушнину по своему выбору и назначению, так, например, за 2 пуда табаку брала по 60 бобров. Несмотря на то что камчадалы возили их без всякого вознаграждения, Чередов требовал от каждого селения в пользу свою чащин по числу мужских душ под страхом жестокого наказания. Кроме того, под видом преследования суеверия, он объявлял волшебниками всех тех, которые отказывались удовлетворить его требования, и наказывал их как важных преступников. Разлучал жен с мужьями и переводил их в другие селения, изобретал самые жестокие телесные наказания. Кнуты и застенки были в его время делом весьма обыкновенным.

Не менее того отличался своею жестокостью и корыстолюбием сын Чередова. Он в Большерецке грабил в полном смысле этого слова всех служилых и инородцев. Малейшее же нарушение его приказаний вымещалось, кроме побоев, арестом и жестоким наказанием. Жестокосердие и безнравственность молодой жены Чередова, ровесницы сыну и имевшей большое влияние на дела управления, довершали бедствие жителей края.

Несмотря, однакож, на такие вопиющие поступки Чередовых, охотское и якутское начальство не только не препятствовало этим злоупотреблениям, но даже покровительствовало им. Молодой Чередов после ряда бесчинств был вызван в Якутск, но не для суда, как бы следовало ожидать, а для того, чтобы дать ему видное место, как благонадежному чиновнику, пожаловать в титулярные советники и, наконец, посадить в Якутске на воеводство. Должно быть, Чередовым недешево стоило это внимание к ним начальства.

По выезде молодого Чередова из Камчатки отец его перестал заниматься мелкими взятками и имел уже дело только с купцами, вымогая у них разными притеснениями значительные подарки. Но за то потворствовал тем из них, которые платили ему требуемую подать. Купец Югов, у которого Лебедев конфисковал пушные промыслы за самовольную отлучку на острова без надсмотрщика, получил от Чередова принадлежащие ему меха за уплатою ему 1 000 рублей.

Оставшийся вместо Хотунцевского начальником камчатской духовной миссии добрый старик Пахомий вздумал было вступить за несчастных камчадалов и указать Чередову на его злоупотребления. Но этим поступком Пахомий только вооружил против себя Чередова, который мстил ему, как только мог. Не приказывал давать ему подвод для разъездов, так что он по необходимости должен был ограничить круг своей деятельности в одном Большерецке. Кроме того, заставлял Пахомия в зимнее время на открытом воздухе перед своим домом служить по несколько часов сряду молебны, находясь сам в это время в комнате и т. д.

Наконец Пахомий донес о всех действиях Чередова иркутскому архирею, и иркутская провинциальная канцелярия по ходатайству архирея предписала большерецкой канцелярии сменить Чередова и принять временно его должность старшему по нем. 13 февраля 1757 г. его сменил поручик Кошкарев, которому Чередов, подстрекаемый своею женою, долго не хотел сдавать должности, так что Кошкарев принужден был употребить *военную силу*. После того Чередов и Кошкарев писали друг на друга доносы, которые вполне раскрыли незаконные действия первого и подвергли его суду. Следствие над ним было сперва поручено анадырскому командиру Шмалеву; но Шмалев в это время умер, и дело это возложили на начальника охотского порта Зыбина, который отказался от него за старостию лет. Преемник Зыбина, Ртищев, также не мог принять на себя этого дела, потому что к нему назначены были

до 100 лиц разного сословия, живших в Камчатке. После Ртищева переменилось еще несколько следователей, и все-таки в течение 12 лет не могли окончить следствия, потому что Чередов запутывал дело, пока наконец тяжкая болезнь и затем смерть Чередова не развязали руки охотскому начальству. Чередов умер в Охотске 13 ноября 1769 г., и так как на удовлетворение всех причитавшихся с него казенных и частных взысканий не оказалось у жены достаточно средств, то описали имущество его сына, которого сменили с воеводства за прежние злоупотребления. Замечательно, что во время следствия все камчадалы, несмотря на ненависть к Чередову, при допросе о его поступках с ними, давали один общий ответ, что *ничего не помнят*.

В 1756 г. первый раз пришло из Охотска к устью р. Тигиля казенное судно «Николай», зимовавшее в р. Тигиль. Чередов распорядился построить на правом берегу р. Тигиль при устье речки *Газанки* небольшую крепость для защиты судна от коряк, назвав ее по имени судна *Никольскою*. За крепостью была построена часовня, а внутри казармы. Кроме того, при самом устье Тигиля, где зимовало судно, были построены казармы, магазины и маяк.

Кошкарев, как бывший помощник и ученик Чередова, шел по его же следам. Вся заслуга его управления состояла только в том, что он всех камчадалов, не имевших оседлости, разместил по селениям.

Января 13-го 1758 г. прибыл в Нижнекамчатск штат-фурьер Шахтуров для выбора ко двору камчадалских девиц. Он привез к камчатским тоенам Высочайший рескрипт, в котором была выдержана цель поездки в Камчатку Шахтурова и уверение в том, что дочерям их не будет ни в пути, ни при Дворе никаких обид. Выбрав шесть молодых дочерей тоенов, Шахтуров в том же году отправился с ним в Петербург, куда прибыл только через год, потому что всем девицам пришлось разрешиться в пути от бремени, благодаря вниманию к ним Шахтурова.

Во время управления Камчаткою Кошкарева главное сибирское начальство обратило особенное внимание на хлебопашество в Камчатке. Относя неуспех этого дела к недостаточному присмотру за крестьянами, оно распорядилось послать туда поручика Холмовского собственно для наблюдения за хлебопашеством.

Заблуждение о возможности там хлебопашества, как мы увидим ниже, существовало почти до настоящего времени, несмотря на природные к тому препятствия. Камчатский полуостров покрыт высокими горами, быстрыми реками и озерами. Долго лежащий весною снег, рано начинающиеся губительные утренники и вообще непродолжительность лета — вот главнейшие препятствия к заведению там хлебопашества. Есть, правда, и там места, где все эти неудобства менее чувствительны, как, например, около Верхнекамчатска и по р. Быстрой, где в иные годы удавался довольно удовлетворительный урожай. Но и это не более как счастливая случайность, заставившая лиц,

не следивших за ежегодным урожаем, составить ложное убеждение о возможности там хлебопашества, тем более, что обширные камчатские поля и равнины изумляли всех своею необыкновенной растительностию.

Первые попытки хлебопашества в Камчатке делались еще до экспедиции Беринга. В монастырской пустыне в 1724 г. посеяно было 18 пуд. ржи, и урожай был очень хорош.

13-го марта 1727 г. верховный тайный совет определил: «В тех местах Камчатки, где климат благоприятствует, завести хлебопашество, поселив там русских крестьян». На этом основании в 1728 г. при содействии монаха Иакова был посеян овес и ячмень, а также разведены огородные овощи. Успех был довольно удовлетворительный.

Беринг, основываясь на этих опытах, по возвращении своем из экспедиции подал в сенат записку о возможности в Камчатке хлебопашества. Сенат предписал первому начальнику Охотского порта Скорнякову-Писареву озаботиться этим делом, ассигновав при этом 1 000 руб. на покупку для хлебопашества рогатого и конного скота, который и был отправлен из Якутска сухим путем; но по недостатку в дороге кормов почти весь скот погиб, так что в Камчатку доставлено было только 33 лошади.

В 1732 г. из Илимска было отправлено в Камчатку 50 семейств крестьян, а 7-го октября 1732 г. сенат предписал иркутской провинциальной канцелярии, чтобы в Камчатке *пахоту и сев хлеба размножить*. Но илимские крестьяне были задержаны Берингом в Якутске для экспедиционных работ и только в 1740 г. доставлены в Охотск, где Беринг по недостатку морской провизии обобрал у них весь скот, а самих приказал отправить в Камчатку по неимению на судах помещения, по окончанию транспортировки экспедиционных грузов.

В 1734 г. на боте «Гавриил» была доставлена в Камчатку пара лошадей и пара рогатого скота для приплоду и, кроме того, был послан Берингом в Анадырск казак Львов для заготовления скота для Камчатки на р. Колыме. Но к доставке скота с Колымы встретилось множество препятствий, почему и распоряжение это осталось без исполнения.

При назначении в Камчатку в 1743 г. дворянина Добрынина ему особенно предписывалось заняться хлебопашеством. Но присланные для этого семена испортились от долгого лежания.

В 1738 г. Крашенинников завел огород в Камчатке, а в 1740 г. начались ежегодные посевы хлеба около Большерецка, Милькова и на Ключах; но урожай ржи, ячменя и ярицы был так ничтожен, что его не хватало даже для нужд переселенцев, которые принуждены были для прокормления себя заняться другими работами.

Капитан Лебедев на запрос тобольского правления о причинах неурожая хлеба отвечал, что с 1743 г. в Камчатке *климат сделался противу прежняго суровее*, да к тому же и нет надлежащего присмотра за крестьянами. На этом

основании и был прислал Холмовский, который после неоднократных опытов пришел к тому же заключению, что хлебопашество в Камчатке невозможно (в это время было уже в Камчатке до 100 голов скота. — *Авт.*).

В 1760 г. известный уже якутский воевода Чередов представил в сенат проект о заведении в Камчатке хлебопашества в больших размерах. Сенат, одобрив этот проект, указом 31-го января 1761 г. предписал выдать ему на предварительные по этому предмету расходы 1 000 руб. Но Чередов, получив деньги, не поехал в Камчатку сперва по болезни, а потом по причине производившегося над ним следствия, и в 1765 г. деньги эти взысканы с него обратно в казну.

После Холмовского сибирский губернатор поручил надзор за хлебопашеством в Камчатке поручику Недозрелову. Но и его опыты привели к таким же печальным результатам — утренние морозы убивали хлеб на корню. Наконец крестьяне, видя, что и при усердии их нельзя устранить местных препятствий, бросили вовсе хлебопашество и занялись рыбными и звериными промыслами.

Императрица Екатерина в 1764 г. послала в Камчатку от своего имени семена, земледельческие орудия и скот; но и это внимание к камчатским крестьянам не помогло делу.

Во время Кошкарева, 6-го января 1758 г. иеромонах Пахомий был посвящен в Иркутске в архимандриты и снова отправлен в Камчатку. С этого времени камчатская духовная миссия получила название *проповеднической свиты* и занималась распространением христианства преимущественно среди олюторцев. Весною 1762 г. Пахомий со своею свитою выехал из Камчатки, передав духовное управление священнику Никифорову (в это время всех церквей на полуострове было восемь. — *Авт.*). Из отчета Пахомия видно, что христианское население в Камчатке в 1762 г. состояло из 8 922 душ обоего пола; из них 7 304 чел. инородцев и 1 618 чел. русских.

В ноябре 1761 г. Кошкарев по распоряжению иркутского начальства за разные злоупотребления был сменен поручиком Недозреловым. Но последний оказался еще хуже двух своих предшественников. Окружив себя толпою таких же пьяниц и негодяев, как и сам, он с этой компанией буйствовал, распутничал и грабил всех без изъятия. Современники Чередова, Кошкарева и Недозрелова называли их тремя смертными грехами, а предание о их злодействах сохранилось в Камчатке и по настоящее время.

15 января 1764 г. состоялся Высочайший указ, чтобы новокрещеным камчадалским детям, которые будут обучаться в школах *с обещанием поступить в службу казачью или церковный чин*, производить хлебное и денежное довольствие и обмундирование наравне с гарнизонными школьниками.

Между тем главное сибирское начальство, осведомясь о камчатских беспорядках и убедясь в невозможности охотскому командиру наблюдать за та-

мошными управителями, нашло необходимым перевести главное управление из Охотска в Анадырск.

Мы выше уже сказали, что в 1750 г. начальство над Анадырским острогом принял капитан Шатилов. По усмирении в 1751 г. чендонских коряк он 6-го августа того же года на 10 байдарках с 200 чел. команды спустился по р. Анадыру для нападения на чукоч; но, дойдя до урочища *Чикаева* и не встретив чукоч, занялся промыслом диких оленей, а потом вернулся в Анадырск.

14 августа 1753 г. был отправлен из Тобольска в Анадырск с ротою солдат секунд-майор Шмалев (отец двух братьев Шмалевых, долго служивших в Камчатке. — *Авт.*), который утвержден в этой должности именным указом 14-го октября 1753 г. с тем, чтобы он заведовал и Камчаткою (из указа этого видно, что в Анадырске в то время состояло команды: офицеров 12 и нижних чинов 598 чел. — *Авт.*). Шмалев с командою отправился из Иркутска в феврале 1754 г., взяв с собою 36 000 пудов муки.

Февраля 25-го 1756 г. трое чукоч доставили в острог казака Кузнецова, взятого ими в плен в марте 1754 г. Шмалев обошелся с ними очень ласково и, желая завести с чукчами торговлю, послал с ними в Чукотию двух урядников и двух казаков с разными железными изделиями. Чукчи, выменяв все товары, доставили их в острог в том же году.

Шмалев, будучи постоянно болен, не предпринимал никаких мер к покорению чукоч и 17-го марта 1758 года умер. После него принял управление поручик Кекуров.

В апреле 1759 г. до 200 чукоч пришли к укинскому берегу, взяли в плен казака Чудинова с 14 товарищами; отбили у коряк собак и олений табун, убив при этом 9-ть коряк, а жен и детей взяли в плен. После того, соединясь с другою партией чукоч, осадили Анадырский острог, в котором в то время свирепствовала горячка и был крайний недостаток в продовольствии. Кекуров, видя бедственное положение солдат, из которых несколько человек умерло с голоду, решился выйти из острога и с частию команды, прорвавшись через толпу чукоч, отправился за 300 верст от острога за промыслом рыбы и оленей.

После Шмалева был назначен в Анадырск полковник, который, впрочем, вскоре был сменен.

III. 1759—1772 гг.

Сибирский губернатор Соимонов 7-го ноября 1759 г. донес сенату, что в видах искоренения разных злоупотреблений в Анадырском и Камчатском краях он нашел необходимым послать туда на смену Бурцову вполне благонадежного и лично ему известного штаб-офицера майора Пленеснера. Сенат 7-го сентября 1760 г. одобрил его распоряжение, и 3-го января 1761 г. уведомил Соимонова, что Пленеснер утвержден анадырским *главным ко-*

мандиrom с производством в подполковники, с двойным жалованием и 5-ти летним сроком. При этом сенат предписал Соймонову отправить с Пленеснером в Анадырск одну роту солдат.

Соймонов, окрестив в Тобольске чукчу Дауркина, взятого из холопства у покойного Павлуцкого, назначил его переводчиком чукотского языка при Пленеснере, а 20 февраля 1761 г. дал Пленеснеру следующую инструкцию:

1) Ехать немедленно в Якутск, не заезжая в Иркутск. В Якутске дожидаться роты солдат и с нею следовать безостановочно в Анадырск, где, приняв команду, действовать по инструкции прежних командиров.

2) Стараться привести чукоч в подданство и примирить их с коряками.

3) Отыскать ближайший путь к Анадырску и Пенжинской губе.

4) Послать лейтенанта Синдта с двумя или одним судном из Анадырска к северу до американских берегов для осмотра.

5) Из Анадырска отправиться самому для осмотра дороги до Пенжинского моря и, по прибытии в Камчатку, принять от Недозрелова порученные им дела и с своим мнением представить в Тобольск.

6) Во всей Камчатке с служилыми людьми, какого бы они чина не были, если они окажутся обидчиками и разорителями, поступать не отписываясь.

7) Осмотреть Курильские острова и стараться привести их в подданство. Разведывать также о тех островах, с которых привозятся морские звери, и

8) Озаботиться хлебопашеством в Камчатке, о чем было писано Недозрелову (при этом Пленеснеру была передана *Новая карта о изобретениях, Российскими судами учиненных на неизвестных северной Америки и близ лежащих земель берегах*, изданная в 1758 г. Академиею наук. — *Авт.*).

Пленеснер перед отправлением своим в Анадырск возбудил вопрос об увеличении содержания нижним чинам, находящимся в Камчатке и Анадырске. Соймонов входил по этому предмету с представлением, и сенат указами марта 29-го 1760 г. и 23-го августа 1761 г. предписал ему состоящим в Анадырске и других отдаленных местах нижним чинам производить жалование: регулярным денежное по полевому окладу двойное, а за аммуницию деньгами; провиант: крупы сполна, а муки по 32½ фунт. в месяц и за остальной деньгами 1½ руб. за пуд; за крупу же, в случае ее неимения, по 2 руб. за пуд. Нерегулярным — жалование полуторное; муки по 10 пуд. в год, а за остальную по 1 руб. за пуд.

По прибытии в Анадырск Пленеснер распорядился послать геодезиста Андреева к Ледовитому морю удостовериться в справедливости ходивших в то время слухов о продолжении Америки мимо устья р. Колымы в недалеком от сибирского берега расстоянии. Апреля 22-го 1763 г. Андреев отправился из Нижнеколымска на собаках к р. Крестовой и оттуда по льду в море. Проехав 90 верст, он прибыл к первому Медвежьему острову, который, по словам его, протянулся с запада на восток на 50 верст, шириною 40 и в окруж-

ности 100 верст. Подобные сведения сообщил он и об остальных островах, и везде нашел развалившиеся землянки и вкопанные в землю юрты — явные признаки временной обитаемости их. Всех островов насчитал он пять. В 1764 г. он совершил второе путешествие по островам и сообщил Пленеснеру, что с последнего острова он видел вдали большую землю, которой, однакож, не открыли последующие путешественники.

В 1763 г. сентября 3-го Дауркин был отправлен на р. Анадыр для промысла оленей во время их переправы через эту реку. Здесь Дауркин встретился со своими родственниками-чукчами и отправился с ними в их кочевья, где и прожил два месяца. По возвращении же своем в острог он привел с собою 70 чукок, которые заплатили ясак за 1764 год.

Командированный в распоряжение Пленеснера для осмотра американского берега лейтенант Синдт в 1764 г. на галеоте «Св. Павел» вышел из Охотска в американский поход и, прозимовав близ Тигиля в р. Харюзовой, в следующем году на судне «Св. Екатерина» обогнул Камчатский нос и снова остался на зимовку ниже Карагинского острога в р. Уке.

Наконец в 1766 г. Синдт отправился к берегам Америки. Пробыв с месяц в плавании около Берингова пролива, он назначил на своей карте множество небольших островов, принял Св. Лаврентий за 11-ть отдельных островов. Потом, дойдя до 64°59' N широты, 2-го сентября за повреждением судна и поздним временем воротился в Нижнекамчатск, не видав американского берега. На обратном пути он открыл остров *Св. Матвея* (Кук, не зная об открытии Синдта, назвал этот остров *островом Гора*. — *Авт.*). Карту его путешествия Пленеснер представил Соймонову.

В 1753 г. Пленеснер донес Соймонову о бесполезности Анадырского острога. В рапорте своем по этому предмету он, между прочим, писал, что с 1710 по 1764 год с инородцев, причисленных к этому острогу, взято в казну ясаку на 29 152 руб. 4 коп., а расходов на содержание острога с 1713 г. по 1764 г. произведено 478 148 руб. 2 коп. Кроме того, на провиант израсходовано 539 246 р. 71 к. и на доставку провианта и проезд служащих 841 760 руб. 78 коп., не говоря уже о тех лишениях и нуждах, которые приходилось переносить служащим в остроге! Например, в 1744 и 1759 годах умерло с голоду 95 человек служащих и несколько человек частных лиц. О покорении же чукок нельзя и думать, потому что они разбросаны на огромном пространстве северо-восточного угла Сибири.

«Занятие же анадырской команды главнейшим образом заключается только в том, чтобы круглый год искать себе пропитание охотою или рыбным промыслом. Всех людей в остроге в настоящее время 287 человек, я полагал бы вывести их в Ижигинскую крепость, в которую легко доставлять провиант из Охотска. Причем в Ижиге достаточно оставить одну роту солдат и 200 казаков. А если кто из частных лиц пожелает остаться в Анадырске,

то разрешить, оставив на их попечение и церковь». При этом Пленеснер просил уволить его от занимаемой должности.

Сенат представил по этому делу доклад Императрице, которая 21-го июля 1764 г. утвердив его, пожаловала Пленеснера в полковники с тем, однако, чтобы он остался в Анадырском остроге до окончательного его уничтожения и представления нового штата всем тамошним крепостям.

Указ этот был получен Пленеснером в Камчатке, куда отправился он согласно с предписанием Соймонова от 28-го декабря 1763 года, в котором, между прочим, было сказано: «По разсмотрении всех обстоятельств по анадырской партии, переехать вам через Камчатку, где также все разсмотреть и следовать в Охотск, и до того времени, пока главный командир туда будет прислан, исполнять его должность, сменив нераспорядительного Ртищева и приняв в то же время управление Камчаткою».

Перед выездом своим из Анадырска, Пленеснер согласно с 3 § инструкции поручил исследование пути от Анадырска к р. Пенжине сотнику Куркину, а все распоряжения по этому делу возложил на старшего по себе, капитана Пересыпкина. Куркин с 30-ю казаками 10-го февраля 1765 г. выехал из Анадырска на собаках с следующей инструкцией: «Следовать с поспешением, дабы от нескорого следования за случившимся зимним студеным климатом людям изнурения, а собакам гибели не случилось. От неприятелей (чукоч) иметь крепкую и *недремотную* осторожность, и чтобы ружья всегда были в исправности и заряжены. Следовать в соединении друг от друга, дабы в случае нападения неприятельского оправиться легко можно было (чего Боже не дай!). В случае нападения, то буде случай допустить, сделать из нарт крепостцу и из той чинить отпор. Во время пути иметь верный маршрут, в котором каждодневно вписывать сколько расстояния, хотя, например, место от места, какая лесные реки, годен ли лес и какой именно; для какого употребления: в судовое, крепостное или зимовейное строение можно употребить. Для описи взять бумаги одну десть, а для письма сотника Багулина».

Партия эта прибыла в Ижигу 25-го февраля и застала там большой беспорядок, потому что помощника командира крепости поручика Кобулекова зарезал пятидесятник Константинов. 6-го марта, по заготовлении кормов и нагрузки нарт провиантом, команда выступила в обратный путь и прибыла в Анадырск 26-го марта.

По журналу Куркина видно, что расстояние между Анадырском и Ижигинской крепостью 481 вер., тогда как прежде считалось между этими пунктами 768 верст.

На Пересыпкина была возложена Пленеснером и перевозка команды в Ижигу. В 1768 г. он отправил туда 53 человека, а 15-го ноября 1769 г. с письменными делами, артиллерийскими припасами и другими вещами выступил из острога сам, с 38 человеками команды, на собаках и оленях, наня-

тых у коряк, оставив в остроге для охранения церкви священника Трифанова с 51 чел. команды. Но когда 30-го марта 1770 г. получено было разрешение на счет упразднения анадырской церкви, оставшийся в остроге прапорщик Перевенский выжег острог и с остальною командою и церковной утварью отправился также в Ижигу на 62 нартах. Таким образом был уничтожен Анадырский острог, не принесший во время своего существования никакой пользы.

В то время, когда решался вопрос об уничтожении острога, чукчи в 1765 г. напали на коряк и олюторцев, отогнали у них оленей и сделали при этом несколько убийств; а в 1768 г. сделали второе нападение на олюторцев, отгнав их оленей. После того пошли в ижигинский край; но были рассеяны оленными коряками. В том же году коряки в числе 58 человек отправились к Шелагинскому носу для преследования чукоч. Здесь они отняли у них один табун оленей и, перейдя по льду на остров, нашли там еще 100 оленей. Убив несколько чукоч и взяв 12 человек в плен, они разделились на две партии: 13 человек пошли в Ижигу, куда и прибыли в августе, а остальные явились в Анадырский острог с известием о своем походе.

Но чукчи не остались у коряк в долгу. 3 и 4-го февраля 1769 г. до 300 человек чукоч пришли к ижигинским корякам и отняли у них до 1 000 оленей, а 18 февраля сделали на них новый набег. Из Ижиги был послан на чукоч прапорщик Мордвинов, который при содействии коряк отбил у них оленей, причем 34 человека чукоч было убито, много ранено, а остальные разбежались.

Между тем сенат при утверждении распоряжения Соймонова о посылке в Анадырск Пленеснера, 7 сентября 1760 г. предписал ему, *по разным беспорядкам в Камчатке*, назначить туда командиром флота капитана Хметевского, находившегося на службе в Охотске. Но Соймонов донес сенату, что Хметевский не может быть определен на это место, потому что он находится под судом. Переписка о назначении вместо него другого начальника шла два года, и, наконец, по Высочайшему повелению 3-го декабря 1763 г. был назначен туда *для содержания и охранения верноподданных народов и учреждения добрых порядков, а главное для изыскания незнакомых земель и островов* капитан-лейтенант Извеков с 5 летним сроком. Извеков был первый камчатский командир, назначенный Высочайшим приказом и независимый от охотского командира. Он прибыл в Камчатку 18-го октября 1764 г. Но как по смыслу вышеприведенных предписаний Соймонова, Пленеснеру также поручалось начальство над Камчаткою, то недоразумение это, как мы увидим ниже, имело чрезвычайно дурные последствия.

Выбор Извекова *для учреждения добрых порядков* был сделан как будто в насмешку над указом. Трудно было приискать кого-нибудь хуже его. Он не только не был лучше своих предшественников, но даже превзошел их своею жестокостию и безнравственностию. Набрав шайку подобных себе

пьяниц, во главе которых стоял ссыльный Турчанинов, присланный в Камчатку по наказанию кнутом, отрезании языка и вырывании ноздрей за сказанное слово против Высочайших особ. Извеков с этой буйной ватагой ходил ночью по семейным домам, отнимал жен и дочерей, и сопротивлявшимся заковывал в кандалы. Большую же часть дня проводил со своею свитою в прогулках по городу, летом в одном белье, туфлях и ермолке, а зимою в полушубке и всегда при кортике или сабле. Во время этих прогулок жители Большерецка не смели показываться на улицу, потому что малейшее невнимание к его личности или просто невеселый вид приводил его в бешенство, и тогда, не разбирая ни пола, ни возраста, он бросался на свою жертву и чем попало бил ее до изнеможения. Побоям и увечьям не было и счету. Например, одному казаку он перерубил нос кортиком, а другому саблею наделал глубокие раны на голове. Наказание кошками (плеть с несколькими концами. — *Ред.*) и линьками (кончик троса, использовавшийся для телесных наказаний. — *Ред.*) считалось самым домашним и производилось каждый день.

Казенным имуществом и казенными суммами Извеков распоряжался как своею собственностью. Водки, провианта и других казенных припасов он употребил для своего дома в течение 5-ти лет на 68 259 руб. 84 коп. Из казенных сумм производил купцам заимообразные выдачи без всяких залогов, как, например, купцу Попову выдал 3 000 р., не требуя с него никакого обеспечения.

В то же время секретарь Извекова Портнягин взятками успел составить себе состояние и с разрешения Извекова выпил казенного вина на 572 р. 71 коп. Буйство Извекова было так велико, что даже Портнягин, несмотря на близкие свои отношения к Извекову, никогда не решался ходить к нему с докладом о делах Большерецкой канцелярии без заряженного пистолета и сабли, боясь его самоуправства.

Священник Логинов своими поучениями в церкви вздумал было остановить разгул компании Извекова. Но благое это намерение подало только повод Извекову к новым безрассудным поступкам, не говоря уже о разного рода оскорблениях и притеснениях, которым подвергся за это Логинов. Извеков, между прочим, отдал приказ, чтобы Логинова никто из жителей Большерецка не смел пускать к себе в дом под каким бы то ни было предлогом, как вредного человека; а другим приказом разрешил им не ходить в церковь и не держать постов.

Во время этих беспорядков прибыл в Камчатку из Анадырска полковник Пленеснер, которому Соймонов собственноручно подтвердил, чтобы в Камчатке «во всех местах вкоренившиеся в прежних командирах беспорядки истребить, как равно лихоимство, взятки, грабежи пресечь».

На этом основании и по 6-му § инструкции Пленеснер требовал, чтобы Извеков подчинился ему, а когда последний отказался от этой подчиненнос-

ти, то Пленеснер стал делать разные распоряжения по камчатским делам помимо Извекова.

В прежнее время зимнее сообщение Большерецка с Верхнекамчатском производилось через Петропавловскую гавань по берегу Восточного океана до р. Жупановой или по западному берегу до Облукоминского острога, откуда переваливали через хребет; а летний путь лежал по р. Быстрой в вершину р. Камчатки. Пленеснер по мысли своего канцеляриста Данилова устроил дорогу между этими двумя пунктами через Шеромы, Ганалы, Малку, Апачу и Пущино, запретив езду через Облукоминский острог. Но чтобы этот новый путь был более оживлен, он распорядился переселением на него с берега Бобрового моря из двух Кроноцких и Харчинского селений 60 семейств камчадалов, противу их желания. Переселенцы эти на прежних местах своего жительства преимущественно занимались бобровым и соболиным промыслами, которые вполне обеспечивали их существование. На новом же, совершенно пустынном, месте они лишились возможности снискивать себе даже дневное пропитание и в скором времени в нужде и болезнях все перемерли.

Наблюдение за хлебопашеством Пленеснер вверил прапорщику Тимофею Шмалеву. В 1765 г. весь казенный скот, земледельческие орудия и семена по распоряжению Пленеснера были розданы крестьянам безвозмездно. Но ни пожертвование это, ни усердие Шмалева не привели ни к каким полезным результатам. В течение четырех лет сряду хлеб вымерзал на корню.

Кроме того, Пленеснер запретил большерецкой канцелярии жаловать инородцев в тоены, предоставив это право тоену Бутину, записав его в сибирские дворяне.

Все эти распоряжения не могли понравиться буйному Извекову, который писал Пленеснеру, что он выгонит его из Камчатки, если вздумает отдать еще хоть одно приказание. По этому поводу завязалась между ними переписка, переполненная самою неприличною бранью. Наконец Пленеснер, окончив свои поручения в Камчатке и уговорив ласкою коряк быть покорным русским и платить ясак, осенью 1765 г. выехал в Охотск, предписав большерецкой канцелярии не исполнять противозаконных приказаний Извекова, а поручикам Рахвалову, Норикку и Попову поручив в случае буйства Извекова сменить его и выслать в Охотск. Кроме того, предписал прапорщику Шмалеву принять управление над Верхнекамчатским и Нижнекамчатским острогами (Шмалев управлял этими острогами по июнь 1768 г. и отличался человеколюбивым обращением с инородцами и крестьянами, что в то время было большой редкостью. — *Авт.*).

О всех этих распоряжениях Пленеснер по прибытии в Охотск донес сенату. Извеков, получив об этом уведомление Пленеснера, сообщил ему, что он без указа сената даже и самому ему не сдаст должности, а не только кому-либо из своих подчиненных.

Большерецкая канцелярия, пользуясь вышеприведенным распоряжением, неоднократно намеревалась сменить Извекова; но 26 апреля 1767 г. состоялся сенатский указ, чтобы Извеков оставался по-прежнему камчатским командиром, так как Пленеснер не имел никакого права сменять его без суда. Извеков торжествовал и стал буйствовать еще больше прежнего. Наказания кошками и линьками он заменил разными истязаниями и пытками, не смотря на полученный уже в Камчатке указ 1763 г., чтобы пытки производились с большою осмотрительностью, и то только в губернских и провинциальных канцеляриях. Жители полуострова при одном только имени Извекова приходили в трепет. Но это было только начало бедствий, которые пришлось испытать им в течение последующих 5-ти лет.

В сентябре 1768 г. из Охотска было отправлено в Большерецк казенное судно «Св. Павел», на котором находился казак Тарабукин, не совсем выздоровевший от бывшей у него оспы. От Тарабукина оспа перешла на команду судна и жителей Большерецка, а потом распространилась по всему полуострову и на Курильских островах, и с такою быстротою и силою, что не успевали даже погребать умерших. В то время во всей Камчатке не было ни одного лекаря. Большерецкая канцелярия разослала по полуострову приказания, чтобы больных содержали в теплых избах, кормили свежей рыбою и не позволяли пить холодного — вот все меры, которые были приняты противу этой ужасной болезни! Оспа свирепствовала в Камчатке до конца июля 1769 г. и произвела такое опустошение, что во многих селениях не осталось в живых ни одного человека, и трупы умерших гнили, не преданные земле.

Извеков в донесении своем об этом народном бедствии, между прочим, писал в Иркутск, что виновником этого несчастья должно считать Пленеснера, отправившего из Охотска больного казака. Из Иркутска послали нарочного в Якутск с предписанием о немедленной посылке в Камчатку лекаря Гофмана, но лекарь этот прибыл в Камчатку уже тогда, когда болезнь вовсе прекратилась.

В деле об оспенной болезни в Камчатке, из которого позаимствованы нами приводимые материалы, между прочим находится следующее интересное предписание Извекова штурману Должантову, командиру судна «Св. Павел».

«Усмотрев, что не знающий законов монарших полковник Пленеснер отправил в Камчатку заразу, через которую почти всех жителей поморил, так что Бог привел мне погребать по 50 человек в одну могилу, почему предписываю вам во избежании заразы укласть могилы дерном в 12-ть рядов. А он (Пленеснер) утверждал, музыкантский сын, что он капральства бы мне не доверил (Пленеснер употребил это выражение в донесении своем сенату и сибирскому губернатору. — *Авт.*), то на оное скажу, что я не доверил бы ему и гробцом быть. Он был бит в тайной канцелярии кнутом и послан в Камчатку в ссылку; но, по милости Беринга, в 1733 г. был взят Христа ради за кондуктора артил-

лерийского, а в морском корпусе никогда не был, а называет себя плователем! Он сочинитель крепостей, рвов и прикрытых дорог и проч., не шляхетской крови, а сын музыканта, и никогда называться морским офицером не может».

Оспа прекратилась; но буйство Извекова с каждым днем увеличивалось. Наконец все жители Большерецка, кроме приверженцев Извекова, 2 мая 1769 г. составили противу Извекова заговор и решились силою сменить его, поручив команду поручику Рахвалову. Решение это было объявлено Извекову Рахваловым в тот же день, и он принял его с покорностью. Но 19 мая в 5-м часу утра, вооружив своих приверженцев саблями и ружьями, Извеков окружил большерецкую канцелярию, выгнал часовых, выпустил из тюрьмы арестантов и, поставив к дверям канцелярии три пушки, заперся в ней, как в крепости, предавшись со своими друзьями кутежу.

Рахвалов ударил тревогу, по которой сбежались гарнизон, жители и команда судна «Св. Павел» и взяли канцелярию приступом, без всяких, впрочем, кровопролитий, потому что большая часть приверженцев Извекова была так пьяна, что не в состоянии была сопротивляться. Извекова вместе с секретарем его Пересыпкиным посадили на судно «Св. Павел» и в тот же день отправили в Охотск, куда и прибыл он 13-го июля 1769 г.

Перечисляя события этого времени, мы должны указать здесь еще на указ сената 27-го октября 1766 г., которым предписывалось камчатским купцам и другим частным лицам не давать подвод по подорожным, а предоставить им нанимать на станциях собак вольною ценою. Мера эта значительно облегчила камчадалов от почтовой гоньбы, стоившей им гораздо дороже прогонов и отвлекавшей от обычных занятий.

В марте 1766 года приезжал в Камчатку адъютант Глазунов для составления ведомостей о числе судов, плававших на острова за промыслами, и для собирания сведений о хлебопашестве в Камчатке.

Мы выше уже сказали, что сенат 26 апреля 1767 г. прислал сибирскому губернатору указ о неправильных действиях Пленеснера относительно Извекова. В указе этом, между прочим, было изложено желание сената о производстве по этому делу строжайшего следствия. На этом основании был назначен в Камчатку следователем якутского карабинерного полка полковник Зубрицкий, который 4 сентября 1768 г. прибыл в Охотск. При Зубрицком находились: аудитор, приказный, 2 копииста и 16 служилых. В Охотске прожил он со своим семейством целый год под предлогом производства следствия над Пленеснером. Но на самом деле проводил целые дни в пьянстве и картежной игре с купцами и прикащиками. Пленеснер неоднократно доносил в Иркутск, что следователь ведет себя очень неприлично; но в Иркутске не обращали на это никакого внимания.

5-го сентября 1769 г. Зубрицкий отправился, наконец, со своею свитою в Большерецк, где, сменив Рахманова, как прикосновенного к делу, поручил Большерецкую канцелярию вытребованному из Ижиги капитану Нилкову.

В течение зимы следствие было окончено, и дело препровождено в Иркутск (Извеков по суду был приговорен к разжалованию в рядовые, а Пленеснер уволен от службы. — *Авт.*). Зубрицкий предполагал весной 1770 г. выехать в Охотск, но получил предписание остаться на время в Камчатке и привести в известность, сколько умерло камчадалов от оспы и сколько затем осталось ясашных плательщиков. Это новое поручение задержало Зубрицкого в Камчатке на целое лето, и только 1-го августа 1770 г. он смог выехать в Охотск.

Из представленного Зубрицким в Иркутск отчета по последнему поручению видно, что оспа похитила камчадалов мужского пола, имевших более 18 лет, 1 736, малолетних 676, женского пола 2 358 душ, а всего 5 767, и, кроме того, *заезжих людей* 315 человек.

Осталось в живых: камчадалов 856 и малолетних 477, а всего 1 333 души; с них положено собирать ясаку: лисиц красных 511, соболей 297, бобров 35, кошлаков или маток 22.

Иркутский губернатор, опасаясь, чтобы Камчатка *не обезлюдела*, вошел с представлением в сенат о переселении туда 200 семейств якутов, бывших уже в оспенной болезни, с тем, чтобы отправка их была произведена в течение 4 лет. Но сенат 8-го февраля 1770 г. признал эту меру неудобною.

Оспа была первая повальная болезнь в Камчатке. Оставшиеся в живых туземцы, напуганные большою смертностию людей, бросили свои обычные занятия и разбрелись по полуострову, так что капитан Нилов употребил немало трудов и усилий успокоить их и собрать в прежние свои жилища, и только к зиме 1769 г., когда было потеряно уже удобное время для зимних запасов продовольствия. К довершению этих бедствий камчадалов постигло новое несчастье. В 1769 г. был страшный неуллов рыбы в Камчатке, который камчадалы приписывали также оспе, истребившей рыбу. Нилов во всех стонах полуострова получал донесения о предстоящем в 1770 году голоде. Но помочь было нечем — запасов провианта не доставало и для продовольствия военной команды.

Такое крайнее положение страны заставило Нилова снова обратить внимание на хлебопашество. В это же время появился в Камчатке с разными хозяйственными проектами разорившийся спекулятор, посадский Рыжков. Он прибыл собственно для промысла зверей на островах; но, встретив в этом неудачу, сделался сперва учителем, потом секретарем духовной миссии и, наконец, агрономом. Еще в 1768 г. он подал в сенат проект об устройстве в Камчатке разных сельскохозяйственных учреждений и требовал себе чина 10-го класса, денежного пособия и привилегии. Но пока проект этот рассматривался в сенате, Рыжков, пользуясь затруднительным положением Нилова в отыскании продовольствия жителей Камчатки, убедил Нилова выдать ему 1 500 руб. заимообразно на расходы по заведению хлебопашества. И хотя Рыжков действительно посеял ячмень, рожь и ярицу; но весь хлеб от утрен-

ников погиб на корню. Приписывая этот неурожай случайности, он просил Нилова выдать ему новое пособие; но иркутская канцелярия, узнав о неудачах его опытов, приказала взыскать и прежде выданные деньги. Но как у Рыжкова не оказалось средств к уплате долга, то его за конвоем препроводили в Иркутск.

Между тем наступила зима 1769 и 1770 г., а с нею и голод. Трудно описать все бедствия, перенесенные камчадалами в течение этой ужасной зимы. В пищу употреблялись кожаные сумы, езжалые собаки, падаль и, наконец, трупы умерших от голоду своих родственников. И только с наступлением благодетельной весны, когда со вскрытием рек появилась в них морская рыба, кончились тяжкие страдания камчадалов.

В управление Нилова в Камчатке было 10-ть школ: Машурская, в коей обучалось 25 учеников; Камоковская — 20 учен.; Ааменская — 10 учен.; Ключевская — 15 учен.; Паратунская — 10 учен.; Курильская — 12 учен.; Уколовская — 13 учен.; Ичинская — 30 учен.; Харюзовская — 26 учен. и Еловская — 28 учеников. В школах этих обучали грамоте и церковному пению грамотные камчадалы. Хотя по указу сената 1764 года января 15 всем ученикам следовало производить казенное довольствие из камчатских доходов, но управители довольствие это брали в свою пользу. От того-то гражданские школы стали постепенно приходить в упадок, и в 1784 году не было уже ни одной из них, и после того военные школы остались единственным рассадником грамотности на полуострове.

В 1769 г. двух Олюторских острогов (камчатские селения обыкновенно называют острожками или острогами. — *Авт.*) тоены *Хозма* и *Хатуай* с сродниками убили двух братьев купцов Плотниковых и бывших при них двух казаков, четверых работников и солдатского сына. По получении этих известий из Нижнекамчатского острога был отправлен на олюторцев сержант Красиков с 15 человеками команды и, кроме того, из Тигильской крепости 31 человек с каптернамусом Березкиным. По недостатку провианта им предписывалось питаться юколою, которую брать у туземцев. Но команда эта, дойдя до укинского берега и не найдя изменников, воротилась в свои остроги. Виновники этого убийства были розысканы только на другой год.

Жители Камчатки не успели еще успокоиться от ряда постигших их несчастий, как в 1771 г. вспыхнул на полуострове новый бунт, и уже не среди убитого горем туземного населения, а поднят был посланными туда на жительство государственными преступниками.

В числе живших в Большерецке ссыльных находился Мориц Август Беньевский, родом венгерец, бывший полковник польских конфедератов (Беньевский подписывался барон, а иногда и граф Мориц Анадар-де Бенев. В Камчатке же по большей части называл себя Бейноск или Бейнак. — *Авт.*). В 1768 г. он был взят русскими в плен и отпущен на честное слово, чтобы не служить

противу наших войск. Но, не сдержав слова, он на другой же год снова был захвачен с оружием в руках и отправлен на жительство в Казань вместе со шведом Винбланом, служившим также в польской конфедерации. Из Казани оба они сбежали в Петербург с целью уйти за границу на каком-либо иностранном судне; но были пойманы и по Высочайшему повелению 14 ноября 1769 г. сосланы в Камчатку с тем, *чтобы они снискивали там пропитание своим трудом*. В одно время с ними были отправлены в Камчатку государственные преступники: Панов (бывший поручик гвардии), Степанов (армии капитан) и Батурин (артиллер. полковник). Все они сблизились между собою в Охотске и во время перехода на судне «Св. Петр» из Охотска в Камчатку располагали завладеть судном и отправиться на нем за границу; но позднее осеннее время заставило их отложить это намерение до более благоприятного времени. Преступники прибыли в Большерецк 12 сентября 1770 г., где в то время было до 35 семейств обывателей, 70 чел. гарнизона и четверо ссыльных: Турчанинов (лакей Правительницы Анны), Гурьев (сосланный в 1762 г.), Хрушев (капитан гвардии) и Мейдер (лекарь).

Еще в начале 1771 г. носились в Камчатке слухи, что Беньевский помышляет бежать; но добродушный и вечно пьяный Нилов не хотел давать этим слухам веры и пригласил даже Беньевского к себе в дом для обучения своего сына чтению, арифметике и языкам. В Нижнекамчатске же верили народной молве, и тамошний протоиерей вызвал к себе ичинского прихода священника Устюжинова, который, по слухам, участвовал в этом заговоре. Но Беньевский, пользуясь случайным обстоятельством — смертью в Большерецке священника Ложкова, убедил Нилова вытребовать Устюжинова для погребения тела покойного, причем Беньевский написал Устюжинову, чтобы он торопился своим прибытием в Большерецк, где все уже готово к уходу. Письмо это было перехвачено в Нижнекамчатске, и потому протоиерей задержал там Устюжинова и вместо него послал другого священника.

В заговоре Беньевского участвовали все ссыльные, жившие в Большерецке, исключая Гурьева. Кроме того, они склонили к побегу прикащика купца Холодилова — Чулошникова с рабочими, командира судна «Св. Петр» штурмана Чурина с женою, сына священника Устюжинова Ивана, штурманских учеников Зябликова и Измайлова (Чурилов, Зябликов, Волюнкин, Ляпин и Андреянов с судна «Св. Петр», а Бочаров, Измайлов, Березкин, Поталов и Семиченков с «Св. Екатерины»); исправлявших матросские обязанности казаков: Волныкина, Софронова, Березкина, Поталова; ссыльных непривелегированного сословия: Ляпина, Андреянова с женой и Семиченкова; канцеляриста Судейкина с двумя женщинами; крестьянина Кузнецова, капрала Первалова, солдата Коростелова, казака Рюмина с женою, подушного Попова, камчадалов: Красильникова, Иванова и Поранчина с женою. Политические ссыльные еще задолго перед восстанием внушили о себе

жителям Большерецка ложное мнение, что они страдают невинно за Великого Князя Павла Петровича (будущего императора Павла I. — *Ред.*).

Беньевский, узнав о судьбе своего письма к Устюжину, не мог уже откладывать выполнения своего плана и 26-го апреля 1771 г. вместе с Винбланом пришел в квартиру Гурьева, чтобы убедить его вступить в заговор; но, получив отказ, избил его до крови. Гурьев сообщил обо всем этом Нилову, который приказал арестовать Беньевского, но последний успел уже собрать своих сообщников, вооружил их ружьями, саблями, пистолетами и ножами и объявил себя управителем Камчатки. Зябликов и Измайлов, желая отстать от бунтовщиков, пошли предупредить обо всем большерецкую канцелярию, но не могли туда достучаться, потому что все служащие были пьяны и спали непробудным сном. Наконец, в ночь на 26 апреля бунтовщики в пьяном виде бросились в большерецкую канцелярию, связали и обезоружили часовых и посадили их на гауптвахту; потом в 3 часа утра вломались в дом Нилова, где в это время находились: сын его, сержант Лемзаков, пятидесятник Потапов и в черной избе 3 казака и 2 камчадала.

Испуганный стуком в дверь сын Нилова бросился в объятия отца, как бы предчувствуя с ним вечную разлуку, а потом спрятался в отхожем месте. Выломав двери, бунтовщики с криком: «Режь, лови, вяжи!» бросились на находившихся в нем. Нилов три раза прокричал: «Караул!» и затем пал мертвым под ударами преступников. Находившиеся в доме Нилова казаки и камчадалы были связаны и отправлены на гауптвахту, за исключением спрятавшегося сына Нилова и казака Дурынина, сидевшего незамеченным под столом. Потом бунтовщики завладели казенными деньгами, пушками и другими военными запасами и в четвертом часу утра подошли к дому сотника Черных, где выломали дверь; но услышав внутри дома выстрел, пустили в окна его до 40 пуль из ружей и пистолетов и поставили к дверям пушку. Когда же все жившие в доме выбежали на двор, Беньевский приказал взять Черных и отвести его под стражу. Находившуюся в том же доме лавку купца Казаринова с ружьями, свинцом, разными железными изделиями и продовольственными припасами разграбили, а самого Казаринова отправили под караул. Казаринов видел по дороге еще две пушки, поставленные между его лавкою и канцеляриею. На гауптвахте он нашел арестованных: штурманского ученика Софьина, купца Казаринова (однофамилец первому), сержанта Лямзикова, пятидесятника Потапова и потом были еще введены казак Черных и купец Шапкин. На часах стояли, как на гауптвахте, так и в канцелярии работники Холодилова. С рассветом сотника Черных приковали к стене.

27 апреля Беньевский, вступив в управление Камчаткою, приказал похоронить Нилова прибывшему из Нижнекамчатска священнику Семенову. Потом велел ему отворить царские врата, вынес крест и евангелие и привел к присяге все соучастников бунта на верность Государю Павлу Петровичу.

Затем велел готовить плоты для доставления к устью р. Большой разных судовых припасов и продовольственных предметов. Плоты грузились до 30 апреля. На них было положено: 3 пушки, мортира, порох, свинец, ружья, топоры, столярные и слесарные инструменты, холсты, разные шелковые и шерстяные материи, ситцы, канцелярские припасы, все оказавшееся в наличности железа, ясажная казна, серебрянная и медная монета, гвозди, походная кузница, 848 сум провианта, вино, и вообще полное двухгодичное укомплектование судна и разные мелочи, попавшие на глаза бунтовщикам, которым разрешено было Бенъевским брать для себя все, что только нужно для предстоящего путешествия. Пользуясь этим разрешением, бунтовщики грабили жилища обывателей, которые разбежались по окрестным лесам и селениям. 30 апреля Бенъевский с своими сообщниками перебрался на плоты и спустился по р. Быстрой на *Чекавку* (так называлось место зимовки судов около устья р. Большой, где построено было две избы и амбар для хранения грузов, доставляемых из Охотска. — *Авт.*), взяв с собою и всех арестованных им лиц. Завладев на Чекавке судами и амбаром с казенными запасами, он приказал снаряжать к походу судно «Св. Петр», как более надежное.

По изготовлении судна Бенъевский поднял на нем *прапор* (флаг) и заставил своих подчиненных принять присягу в том, что они будут защищать этот флаг, а сам поклялся быть защитником своих приверженцев.

3 мая был послан Бенъевским в Большерецк казак Рюмин с приказанием о немедленной присылке провианта, под опасением жестокого наказания. Рюмин вернулся 7-го мая, доставив на одном плоту муку. В это же время главные зачинщики бунта составили в сенат донесение о своих действиях и отправили его 12 мая с боцманом Серогородовым в Большерецк для отсылки по назначению. На Чекавке же была оставлена Бенъевским ведомость всему казенному имуществу, взятому им с собою. Затем судно «Св. Петр» снялось с якоря и ушло в море с 55 человеками разного сословия.

14 мая возвратились с Чекавки в Большерецк сотник Черных и другие лица, взятые Бенъевским под арест. Управление Камчаткою, *по выбору народному*, 30 апреля было поручено командиру судна «Св. Екатерина» штурману Софьину, который составил опись казенному имуществу, разграбленному Бенъевским, и вытребовал от верхнекамчатской избы 12 человек служилых и из Нижнекамчатска 40 человек на случай нового нападения на острог Бенъевского. Но в июне месяце Софьин сдал должность каптернамусу Рознину, а сам на судне «Св. Екатерина» отправился с донесением о бунте в Охотск, куда прибыл 9 июля.

Находившийся в то время в Охотске полковник Зубрицкий собрал от Софьина и команды его подробные сведения о бунте и 27 июля послал об этом донесение в иркутскую провинциальную канцелярию. Но начальник Охотского порта Пленеснер по каким-то причинам не придавал большого значе-

ния этому событию и только 26 августа отправил о нем краткое донесение в Иркутск, а 5 сентября послал в Большерецк капитан-лейтенанта Хметевского с 15-ю человеками команды для управления Камчаткою и производства следствия о бунте.

Зубрицкий в донесении своем, между прочим, писал, что бунтовщики сперва намеревались уйти за границу на байдаре вдоль Курильской гряды, для чего священник Устюжинов должен был приобрести от Нилова байдару с командою под предлогом проповеди слова Божьего на островах. Беньевский же с сообщниками хотел прибыть к назначенному сроку к мысу Лопатка для рыбных промыслов и затем уйти вместе с Устюжиновым. Но как в это время присоединилась к ним команда судна купца Холодилова, недовольная своим хозяином, и обещала бунтовщикам отдать свое судно, то план побега был изменен. Однакож судно Холодилова, стоявшее на берегу, оказалось до того ветхим, что требовало капитальных исправлений, и потому Беньевский предпочел взять казенное судно.

«Перед выходом же своим в море бунтовщики говорили между собою о бедственном положении жителей полуострова, переносящих только одни обиды от своих командиров, не имея никакого понятия о свободе. И хотели предложить иностранцам, нуждающимся в переселенцах, прислать в Камчатку фрегат и небольшой бот для разездов по гаваням, и увезти камчатских жителей в колонии, где бы они могли иметь во всем изобилие и волю».

В другом донесении в Иркутск Зубрицкий писал, «что Хметевский, по старости лет, легкомыслию и привычке вмешиваться не в свои дела, за что был отрешен от присутствия в портовой конторе, не может оставаться на месте камчатского командира; но гораздо надежнее его лейтенант Юрлов, который не только следствие начать порядочно может, но и команду содержать в состоянии до присылки нарочного командира. Во всяком же случае необходимо отправить из Иркутска в Камчатку надежного штаб-офицера».

Иркутский губернатор Бриль 15-го октября донес о бунте в 1-й департамент правительствующего сената, а 7-го октября послал Пленеснеру предписание следующего содержания:

«Прибывшему из Тобольска в Иркутск назначенному командиром охотской военной команды капитану Тимофею Шмалеву предписано немедленно отправиться в Охотск и оттуда на Камчатку командиром, морем или сухим путем, как позволят обстоятельства, взяв с собою из Охотска сколько нужно команды, и потому оказать Шмалеву содействие и донести, почему не прислано по настоящее время подробных сведений об этом важном происшествии в Камчатке?» (донесение Пленеснера было послано 13 декабря 1771 года, вместе с делом о бунте. — *Авт.*)

«Во всех острогах и крепостях, а также командирам казенных и частных судов подтвердить, чтобы они имели предосторожность от изменни-

ков, а в случае поимки их доставляли бы к начальству, с описанием их примет. Сделать Большерецкому острогу, знающему человеку, план с окрестностями на 10 верст, и по прибытии туда Шмалева, назначить ему места для постройки укреплений; потом нанести их на план и выслать в Иркутск на рассмотрение. Тому же Шмалеву поручить произвести следствие и разузнать, не осталось ли в Камчатке лиц, бывших в заговоре, которых и арестовать; да и вообще всех ссыльных, оставшихся еще в Камчатке, лучше держать под арестом, прислав об них именные списки».

Шмалев по болезни долго прожил в Якутске и прибыл в Большерецк только в июле 1773 г. с 35 чел. команды, а Хметевский, сдав ему должность, выехал в Охотск. В это время Пленеснер был уже смнен с должности по доносу копииста следственной комиссии Злыгостева, который писал в Иркутск, «что Пленеснер виновен по первым двум пунктам, так как на основании соборного уложения и указов 1730 и 1762 гг. он должен был донести о камчатском бунте через трое суток с курьером и, кроме того, в бытность всех сбежавших преступников в Охотске, они содержались там в 1770 г. без всякого надзора и ходили по порту днем и ночью без конвоя, а потому и имели возможность приобрести себе пистолеты и другое оружие, чего не могли купить в Камчатке.

Иркутский губернатор донос Злыгостева отправил в сенат, а 11-го апреля 1772 г. послал Зубрицкому предписание, чтобы он сменил Пленеснера, обобрав у него все черновые и беловые бумаги, и отправил в Иркутск, а сам остался бы в Охотске главным командиром до прибытия туда нового начальника.

Кроме того Зубрицкому поручалось: от всех лиц, живущих в Охотске и Камчатке, коим известно о бунте, взять подписку в том, что они обязуются дело это держать в величайшем секрете.

Другим же предписанием Бриль спрашивал Зубрицкого, почему он назначил в Камчатку командиром капитана Нилова, который, как всем известно, был офицер слабый и всегда нетрезвый?

С этими предписаниями был послан из Иркутска в Охотск капитан Перов, которому предписано было по передаче Зубрицкому бумаг отправиться в Камчатку и обобрав там всю черновую и беловую переписку о Беньевском для доставления в Иркутск и объявить всем жителям, чтобы об этом деле никто не смел писать в своих письмах.

Зубрицкий, приняв управление Охотским портом, 10 октября 1772 г. донес в Иркутск, «что Беньевский может возвратиться с несколькими судами, и потому необходимо иметь здесь всякую осторожность, хотя я и послал в Камчатку предписание прислать из острогов требования о порохе, свинце и проч.; но не скоро получится ответ. А судя по охотским пушкам, которые все старого манера и с раковинами, надо полагать, что такого же качества пушки и на

Камчатке. Да и половина всей команды без ружей и шпаг; а у кого и есть ружья, то негодные. А потому не угодно ли будет прислать пушек, по три на острог, всего 24-ре с снарядами, небольшого фасону, ибо их трудно перевозить из Якутска в Охотск. Потребно ружей 1 000, свинцу 200 пуд., пороху 100 пуд., артиллеристов 24 и солдат 200, а ежели можно, то и более, потому что в людях крайний недостаток. Офицеров всего 15, да и то из них 7 *пьяниц* и никуда не годных, а состоящие здесь команды размещены следующим образом: в Охотске солдат 109, казаков 101; в Ижиге строевых 99, казаков 37. В острогах: Ямском — солдат и казаков 37; Тауйском — сотник и 18 казаков. В Большерецке и Нижнекамчатске сотников 4, дворянин 1, нижних чинов 81. В Нижнем: строевых 9, казаков 63. В Тигильской крепости 53 казака, 1 обер-офицер и 25 рядовых».

Между тем Императрица, осведомясь по частным слухам о камчатском бунте и не получая никакого о нем донесения, написала собственноручно Брилю письмо следующего содержания:

«Как здесь известно сделалось, что на Камчатке, в Большерецком остроге, за государственные преступления вместо смертной казни, сосланные колодники взбунтовались, воеводу до смерти убили, в противность нашей Императорской власти, осмелились людей многих к присяге по своей вымышленной злодейской воле, и потом, сев на суда, уплыли в море в неизвестные места; того для повелеваем вам публиковать в Камчатке, что кто на море или сухим путем вышереченных людей или сообщников их изловит и приведет живых или мертвых, тем выдано будет в награждение за каждого по 100 руб.

Если же в Охотске или Камчатке суда есть наемные, то оными стараться злодеев переловить, а если нет, то промышленным накрепко приказать, что если сии злодеев где найдут, чтобы старались перевязать их и при возвращении отдать оных к суду к местным начальникам, дабы с ними поступить можно было, как по законам надлежит, бездельникам подобным в страхе и примере».

Независимо от того, 1-го января 1771 г. Императрица подписала следующий рескрипт на имя Бриля:

«Уведомились мы по стороне, что будто находящиеся в Камчатке ссыльные люди в конце прошедшего апреля учинили возмущение и, составя между собою самопроизвольную присягу, убили тамошнего воеводу и весь город разграбили; а потом, спустя несколько дней, сев на звероловные тамошние лодки, отправились в море, числом до 70 человек.

Мы хотя не имеем еще никакого о том известия ни от вас прямо, ни через другие наши правительства, однакож, зная довольно верность и усердие ваше в возложенной на вас должности, не меньше уверяемся, что вы по сие время уже все то исполнили и в надлежащий порядок привели, что от вас может требовать по всей возможности служба наша. В дополнение того,

на всякий случай, за нужное мы рассудили по сему делу еще вам предписать нижеследующее:

1) Если в тамошнем столь отдаленном крае по сие время замешательство не прекратилось и спокойствие и повиновение не восстановлено, то вам надлежит употребить все удобовозможные средства и способы, по состоянию вашему на месте... к восстановлению порядка и повиновения с употреблением к тому хотя и военных команд, под руками у вас находящихся. 2) Если из тех остальных заводчиков бунта и убийства инако невозможно вам достать в свои руки, то должно вам публиковать, что каждый, кто кого из них приведет живым или мертвым, имеет получить награждение 200 рублей, и оное действительно исполнить вам из наличных сумм вашей казны. 3) Но если они, как выше сказано, в море отправились и оттуда не возвратились, и вы не найдете легкого и надежного способа их в свои руки достать, то и нет нужды много о том заботиться, и надлежит их оставить собственному разращенному их жребию, а стараться только разграбленный ими город и его правительство привести в порядок, удовлетворяясь вышеприведенным объявлением о приводе их живыми и мертвыми в наши руки за денежное вознаграждение. 4) Нам известна пустота и отдаленность того края, и потому мы себе легко представить можем те заботы, которые для вас наступят в достаточном подправлении всех замешательств по вашей должности; но с другой стороны мы столько же уверены, что ревность и расторопность ваша преподадут вам к тому лучшие советы, как к взысканию средств для употребления к тому обывателей, так и для выбору к исполнению ваших мер и действий таких людей при командах, которые способностью своею могли бы заменять другие тамошнего края недостатки».

Но несколько дней спустя, именно 7-го февраля 1771 г., было получено в сенате донесение Бриля о бунте и донос Злыгостева на Пленеснера.

Императрица, прочитав это донесение, 15 февраля положила на нем следующую резолюцию: «Пленеснера отрешить от должности, поручив ее Зубрицкому; копиисту Злыгостеву дать чин и полугодовое жалование; в производимых допросах не делать притеснений невинным; отыскать и допросить священника Устюжинова, коего сын бежал с мятежниками, а купца, который сам предъявил письмо сего священника к Беньевскому, если содержится под арестом, освободить».

Исполнение этой резолюции было возложено на генерал-прокурора князя Вяземского, который 27 февраля, между прочим, сообщил Брилю, «что донесение о бунте получено. Но так как полковник Пленеснер медлил своим донесением о таком важном деле от незнания своего долга или же от слабости и нерадения, и так как этот поступок не подает надежды быть ему в службе способным и тем паче главным командиром, то его ныне же отрешить от должности и на место его определить другого. До тех же пор, пока на его

место другой не прибудет, препоручить управление полковнику Зубрицкому. Злыгостева за усердие и верность по службе произвести в канцеляристы и выдать полугодичное жалование. Попа Устюжинова допросить, не был ли он в измене, ибо на квартире Бейноска найдено его письмо к этому убийце, да и сын его ушел с бунтовщиками. Купцу Казаринову за его благонадежное действие сделать в таможене с его товаров пошлин снисхождение по усмотрению своему».

По произведенному о бунте следствию, кроме вышеприведенных фактов, обнаружилось, что мятежники, ворвавшись в дом Нилова, намеревались только арестовать его; но убили, потому что он сопротивлялся. Беньевский говорил, что с этим дряхлым и вечно пьяным стариком нетрудно было бы справиться, если бы он и остался жив, и что Чулошников в 1770 г. взял у Нилова под проценты 5 т. руб. казенных денег под предлогом снаряжения судна на острова.

До августа 1772 г. о дальнейшей судьбе бунтовщиков ничего не было известно; но 15 августа иркутский губернатор донес сенату, что кяхтинский пограничный комиссар Игуменов получил от китайской духовной миссии миссионера Августина известие, что судно Беньевского с 110 человеками приходило в Макао, где Беньевский объявил, что вся его команда состоит из поляков, едущих с русскими товарами с Амура в Вест-Индию.

Но пока это донесение шло в Петербург, Императрица уже узнала, что Беньевский прибыл во Францию и готовит там к походу французские фрегаты.

Не зная дальнейших его намерений, Императрица 26-го марта 1773 г. написала иркутскому губернатору и начальнику Камчатки секретное предписание об усилении обороны Камчатки. Иркутский губернатор на основании этого повеления отправил в Камчатку солдат, пушки, порох и другие военные принадлежности, доставка которых производилась зимою и летом и стоила громадных расходов. Через день по отправлении из Петербурга в Сибирь курьера с этим указом, Императрица получила из Парижа подробные сведения о путешествии бунтовщиков.

Судно «Св. Петр», выйдя из Большерецка, шло сперва вдоль Курильской гряды и остановилось на якоре у острова Козою. Здесь матрос Андреянов сообщил Беньевскому, что штурманские ученики Измайлов и Зябликов, камчадал Поранчин и 10 человек рабочих Холодилова составили заговор, чтобы в то время, когда команда судна будет на берегу, обрубить канаты и уйти обратно в Камчатку. Беньевский хотел заговорщиков сперва казнить; но потом наказал всех плетьюми и главнейших виновников: *Измайлова* и *Поранчина* с *женою* высадил на остров, а с остальными пошел дальше к берегам Японии, куда и прибыл 7-го июля, объявив свое судно голландским, идущим для торговли в Нагасаки. Японцы хотели арестовать судно; но Беньевский пушечными выстрелами разогнал окружавшие его джонки и ушел в море.

19-го июля они прибыли к острову Такао-Сима, а 7-го августа к острову Формоза (Тайвань. — *Ред.*). Во время стоянки около этого острова, 17 августа, когда команда запасалась на берегу водою, дикари убили государственного преступника *Панова* и двух юнг: *Попова* и *Лонгинова*, а *Латина* и *Казакова* ранили. Беньевский, чтобы отомстить за смерть своих товарищей, истребил одну лодку с островитянами и сжег все окрестные селения.

26-го августа путешественники увидели китайский берег, а 1-го сентября останавливались ненадолго близ Тасона. 11-го сентября миновали Кантон и на другой день прибыли в Макао, где нашли до 20 европейских судов. Здесь Беньевский объявил губернатору, что как он, так и вся его команда венгерцы, следующие на родину, и, чтобы не обнаружить этого обмана, он запретил русским во время молитвы креститься. Такое приказание не могло не произвести среди простолодинов ропота. К тому же Беньевский поссорился с Винбланом и Степановым, которые вооружили против него всю команду. Главнейшим же поводом к их ссоре послужило полученное ими известие, что Беньевский без ведома других продал губернатору судно «Св. Петр» со всеми орудиями и другими судовыми запасами, пользуясь тем, что он только один знал латинский язык, на котором объяснялся губернатор.

Беньевский в отвращение дальнейших раздоров написал следующую прокламацию к своей команде:

«Барон Мориц Август де-Бенев его императорского римского величества обрести его величества принца Альберта герцога Саксен-Тешинского действительный канцлер и советник, его же высочайшего секретаря и кабинета директор и проч. всем гг. офицерам и всей команде.

Дошло ко мне известие вашего против меня роптания и сбора, который между вами несогласие производит, много и государю моему в нечесть служит и в последнюю всю учрежденную компанию разрушит.

Для чего я, узнавши сборщиков дела сего, хотел для вашего благополучия взять под караул, но понеже вы сами вашею просьбою сделали, что я от такого намерения отступил, и больше их ободрили, ибо от одного из оных получил ругательное письмо, которое меня в огорчение приводит.

Вы знаете искренность мою, из того одного заключить можете, что я, будучи в чужом государстве, все надобности для вас предусмотрел. Все то, что я вам обещал, можете требовать у меня, когда я в моем отечестве буду, а здесь хитрость заводить грешно и вам самим вредно. Я сим письмом напоминаю вам: образумьтесь, не давайте себя в обман людям, которых лукавство уже известно. Последнее есть, что я вам пишу. Если вы меня искренно любите и почитать будете, то вам клянусь перед Богом, что моя искренность ежедневно доказана будет; ежели, напротив, я увижу, что ваши сердца затвердели, и меня больше понимать не будете, то сами заключить можете, что от меня тоже ожидать надлежит».

Прокламация эта подействовала на русских, и они вновь признали его своим покровителем и командиром. После примерения Беньевский им писал:

«Любезные дети! Вы знаете, что я усердно старался для вашего удовольствия, а что я до последнего определил вас защищать, и для вашего благополучия все старание приложить, в том вы уверены быть можете. Правда есть, что с немалым оскорблением слушал я ваше роптание и противление против меня; но как я теперь уже уведомлен, что вы обмануты лестью и ложным обо мне предсказанием, и так я вас более не виною, и дело сие помнить не хочу. Имейте усердие ко мне. Я буду с Божьей помощью вам заступою, никакого оскорбления вам не будет, и ежели Бог, Всевышний Владыко, нас в Европу принесет, то я вам обещаюсь, что вы вольные будете и со всем удовольствием хотя во весь век ваш содержаны, что писавши, рукою своею подтверждаю».

Климат Макао вредно подействовал на здоровье русских, так что 15 человек здесь умерло, в том числе *Турчанинов*, *Чурин* и *Зябликов*.

В 1772 г. Беньевский для доставления русских в Европу нанял два французских судна, и 4 января ушел в море, оставив в Макао одного *Степанова*, за вмешательство его в свои распоряжения. На пути умер *Батурин*, и 6 марта оставлено в порте Св. Маврикия 4 человека больных. 7-го июля путешественники прибыли во Францию в порт Луи, лишившись на этом последнем переезде еще 3 человек, умерших от лихорадки.

Из порта Луи Беньевский уехал в Париж, где сделал французскому правительству предложение о завоевания острова Мадагаскар, которое и было принято. Оставшиеся же в порте Луи русские, не зная ничего о дальнейшей своей судьбе, писали к нему в Париж, чтобы он позаботился о них, причем многие объявили ему желание возвратиться на родину. Беньевский написал им следующий ответ:

«Ребята! Я ваше письмо получил. До моего приезда ваша командировка отменена есть. После всякий мне свое намерение скажет. До моего приезда живите благополучно. Я емь ваш приятель барон де-Беневский».

По возвращении своем в порт Луи 19 марта 1773 г. он убедил Устюжинова, Чулошникова, Андреенова с женою, Поталова и 6 работников отправиться с ним на Мадагаскар; *Винблан* остался в порте Луи и потом уехал в Швецию; *Хрущев*, *Кузнецов* и *Мейдер* поступили в французскую военную службу, первый капитаном, второй поручиком и третий лекарем. Пять человек умерло в госпитале в порте Луи, а 18 пожелали возвратиться на родину, несмотря ни на какие убеждения Беньевского. Все они получили от Беньевского паспорта, в которых были названы венгерцами, возвращавшимися на родину.

Беньевский с французскою эскадрою отплыл на Мадагаскар, оставив русских, пожелавших возвратиться на родину, на произвол судьбы. Переноса на чужой стороне без знания французского языка всякого рода нужды и лише-

ния, они обратились с просьбою о помиловании их и принятии под свое покровительство к нашему резиденту в Париже Хотинскому, представив при этом веденный Судейкиным журнал их путешествия в порт Луи и карту пути от Камчатки до Макао.

Хотинский сообщил об этом Императрице, которая приказала ему выслать их в Петербург. По прибытии же бунтовщиков в столицу, Императрица написала князю Вяземскому следующее письмо:

«17 человек (вероятно, один умер после отплытия из Франции Беньевского. — *Авт.*) из тех, кои бездельником Беньевским были обмануты и увезены, по Моему соизволению сюда возвратились, и им от Меня прощение обещано, которое им и дать надлежит; ибо довольно за свои грехи наказаны были, претерпев долгое время и получив свой живот на море и на сухом пути; но видно, что русак любит свою Русь, а надежда их на Меня и милосердие Мое не может сердцу моему не быть чувствительно. Итак, чтобы судьбину их решить поскорее и доставить им спокойное житье, не мешкая, извольте их требовать от графа Панина, ибо они теперь в ведомстве иностранной коллегии, которая им нанимает квартиру.

Приведите их вновь к присяге верности и спросите у каждого из них, куда они желают впредь свое пребывание иметь, кроме двух столиц, и отобрав у них желание, отправить каждого в то место, куда сам изберет. Если же все желают ехать паки на Камчатку, тем бы и лучше, ибо их судьба такова, что прочих удержит от подобных предприятий. Что же им денег и кормовых на дороге издержат, то сие возьмете из суммы тайной экспедиции».

Судейкин и Рюмин с женою пожелали жить в Тобольске, Бочаров в Иркутске, с увольнением от службы; матросам Ляпину и Березкину назначено служить в Охотске; матросу Софронову дана отставка с тем, чтобы он жил в Охотске или Камчатке; Попову и коряку Брехову жить в Камчатке; прочим восьми рабочим Холодилова остаться в Иркутске с припискою в купечество. Всех их отправили из Петербурга 5 октября.

Между тем Беньевский завел на Мадагаскаре селение и построил себе замок. Но по ссоре с начальством Иль-де-Франса возвратился в Париж. После вступил в австрийскую службу, а в 1783 г. был в Англии и приискивал компаньонов для заселения Мадагаскара. В 1785 г. успел склонить несколько лиц в Лондоне и Балтиморе к осуществлению своих планов и в том же году был уже снова на Мадагаскаре. Но 23 мая 1786 г. в сражении против французов, которых хотел вытеснить с острова, был убит. Он оставил описание своей жизни и путешествия на французском языке под заглавием *Voyages et memories de Maurice August Comte de Benjowski. Paris, 1791.* Сочинение это наполнено разными вымыслами и потому не заслуживает никакого доверия.

В то время, когда в Петербурге были уже известны все подробности действия бунтовщиков, в Иркутске с большим усердием продолжали по этому

делу следствие, вытребовав из Камчатки и Охотска для допросов до 36 человек. Многие из подсудимых за уклончивые ответы были жестоко наказаны и содержались под строгим караулом. Наконец, в 1773 г. следствие было окончено, и результаты его сообщены в Петербург. Но вскоре пришлось его опять возобновить. В Иркутск были доставлены за конвоем Измайлов и Поранчин с женою, оставленные Беньевским на Курильских островах и привезенные в Камчатку в июне 1772 г. на промышленном судне купца Протодякова. Дополнительное следствие препроводили в Петербург 31 декабря 1773 г. Но как судьба подсудимых была уже решена Императрицею, то донесение это приказано оставить без всякого исполнения.

31 марта 1774 г. князь Вяземский сообщил иркутскому губернатору следующую Высочайшую волю:

1) Измайлова и Поранчина с женою освободить; 2) священнику Устюжину, отдавшему своего сына для обучения Беньевскому по примеру командира, объявить прощение; 3) полковника Пленеснера, не обнаружившего в этом деле никакого умысла, а только ошибку, оставить в отставке без взыскания; 4) подсудимых Норина, Софьина и подмастерья Деменьтева простить и определить вновь на службу; 5) священнику Семенову и остальным 27 человекам вменить в наказание 2-х летний арест; 6) казенные деньги и имущество, увезенное злоумышленниками, ни с кого не взыскивать; 7) полковнику Зубрицкому заметить, что при следствии телесные наказания делают преступников упорными, и впредь запретить истязания; 8) никого более к следствию не привлекать и предать дело забвению».

Предписание это было получено в Иркутске 31 мая 1774 г., и в тот же день все были освобождены из под ареста.

По уходе бунтовщиков из Камчатки там осталось только три государственных преступника: Семен Гурьев в Большерецке, Петр Ивашкин в Верхнем и Иван Снофидов в Нижнем остроге. Из них Гурьев с родным братом своим Иваном и двоюродным Петром, сосланным в 1762 г. в Якутск, был прощен и уволен на жительство в свое имение в Калужскую губернию по Высочайшему повелению 19 ноября 1772 г. (из всех статей об этом бунте, помещенных в разных периодических изданиях, заслуживает внимание только одна, помещенная в Русском Архиве 1855 г. № 4 и 7. Все подробности о путешествии Беньевского после бунта позаимствованы нами из этой же статьи, так как в имевшемся в наших руках о бунте Беньевского деле не заключалось этих любопытных материалов. — *Авт.*).

(Окончание следует)

Приводимые ниже очерки принадлежат перу камчатского общественного и политического деятеля периода 1910 — начала 1920-х гг. А. А. Пурина. Они заимствованы из интереснейшей и малоизвестной работы «Камчатка 1740—1940. Юбилейный сборник в память 200-летия основания города Петропавловска-на-Камчатке», вышедшей в 1940 г. в Шанхае. Инициатором ее издания стал действовавший здесь Камчатский юбилейный комитет, состоявший из лиц, длительное время живших на полуострове и эмигрировавших отсюда в годы гражданского противостояния начала 1920-х гг.

Особая ценность очерков заключается в описании малоизвестных событий, свидетелем и непосредственным участником которых являлся сам автор. Но они содержат ряд неточностей в описании различных эпизодов из истории полуострова в XVIII—XIX вв. Здесь же представлена идеализированная картина освоения края в 1930-х гг., воспроизведенная не столько по фактическим отчетным данным, сколько по в значительной степени неосуществившимся планам, ставшим, как показало время, скорее заявлением о намерениях, чем реальностью. При этом очерки не отражают весьма сложную действительную политико-экономическую ситуацию, малоизвестную, по понятным причинам, эмигрантским кругам. В них хорошо прочтываются ностальгические ноты и гордость за достижения далекой родины, тем более что многие наметки этих реальных успехов закладывались еще в дореволюционное время при прямом содействии автора.

Копию работы в распоряжение камчатских исследователей любезно предоставил владивостокский историк А. А. Хисамутдинов.

А. А. ПУРИН

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО КАМЧАТКИ

Александр Антонович Пурин родился в 1885 г. в г. Валк (Лифляндия) в бедной крестьянской семье. Трудовую деятельность начал в десятилетнем возрасте после смерти родителей. Сумел получить образование, окончив Санкт-Петербургский электротехнический институт. Назначен метеорологом в Петропавловск, куда прибыл в июне 1910 г. В 1915—1918 гг. заведовал Петропавловской сейсмической станцией. Проявил склонность к научной работе, занимался изучением извержений вулканов и землетрясений, печатался в местной газете «Камчатский листок», редактировал газету «Камчатский вестник». Видный камчатский администратор и общественный деятель, стоял у истоков местного самоуправления. В 1917 г., после падения монархии, избран членом Областного комитета, затем стал его председателем. Летом 1919 г. назначен заведующим гидрометеорологической частью Владивостокской морской обсерватории. В 1922 г. член Особого совещания по культурно-экономической помощи населению Камчатки при Временном Приамурском прави-

тельстве, затем руководитель канцелярии последнего начальника Камчатской области досоветского периода генерала П. М. Иванова-Мумжиева.

2 ноября 1922 г. покинул Петропавловск в преддверии занятия его красными партизанами. В эмиграции жил в Китае (Циндао, Шанхай), являлся активным деятелем сибирского областничества, представителем Совета уполномоченных организаций Автономной Сибири в Циндао, был членом Бюро по делам российских эмигрантов. Автор ряда научных работ, инициатор издания юбилейного сборника в память 200-летия со дня основания Петропавловска.

Арестован в Китае в июне 1952 г., доставлен в СССР, находился под следствием в Хабаровском Управлении Министерства государственной безопасности по обвинению в антисоветской деятельности. 10 августа 1952 г. умер в тюремной больнице. Похоронен на городском кладбище в Хабаровске. Реабилитирован в 1999 г. по инициативе директора Центра документации новейшей истории Камчатской области В. П. Пустовита.

В сентябре 1940 г. исполнилось 200 лет со времени основания города Петропавловска-на-Камчатке — столицы огромной русской северо-восточной окраины, превышающей по размерам своим Германию, Англию и Францию, взятых вместе.

Если история Камчатки открывается с приходом сюда в 1649 г. казака Семена Дежнева, то история Петропавловска связана с именем командора Беринга, датского морского офицера, приглашенного в Россию Петром Великим на службу в русском флоте. В 1724 г. Великий Преобразователь России дал Витусу Берингу задачу обследовать восток и выяснить, не соединяется ли Азия с Америкой сушей. Решению этой задачи и была затем посвящена вся жизнь Беринга.

В сентябре 1740 г. Вторая Великая Северная Экспедиция на двух судах, построенных в Охотске, — «Петр» и «Павел» — под начальством командора капитана 1-го ранга Беринга из Охотского моря вошла в Тихий океан.

Плававшая вдоль восточного берега Камчатского полуострова, экспедиция вошла в закрытую со всех сторон бухту, известную ныне под названием Авачинской. Небольшие, в 80 фут. длины, парусные суда, имея на борту до 6 000 пудов продовольственных запасов, бросили якорь в «Ковше», и команда этих судов обосновалась на утопавшем в зелени живописном берегу бухты.

Дикие инородцы встретили Беринга недружелюбно и были усмирены оружием. Вслед за этим Беринг снес с судов на берег походную церковь и заложил здесь острог, названный Петропавловском. Теперь это главный административный, культурный и хозяйственный центр крайнего северо-востока и роль его в будущей истории России на Тихом океане трудно предугадать. Не будет ошибочным сказать, что эта роль будет не менее той, которую в свое время Великий Петр придавал Петербургу. Отсюда, из Петропавловска, открывается свободный для России выход во все океаны мира.

Авачинская бухта, отстоящая примерно в 200 клм. от острова Шумшу, принадлежащего Японии и отделяющегося от Камчатки небольшим проливом, по мнению известного географа Реклю, является бухтой, оспаривающей у Рио-де-Жанейро и Сан-Франциско право на звание лучшего порта в мире.

Узким каналом в 3 клм. шириною и в 8 клм. длиною безбрежные просторы Тихого океана соединяются с Авачинской бухтой, имеющей свыше 50 клм. в окружности и образующей в своем составе бухты Тарья, Раковая и Ковш у подножия Петропавловска.

Глубина бухты от 40 до 100 саженьей делает ее прекраснейшей гаванью для судов любой осадки и любого тоннажа. Бухта защищена от ветров высокими береговыми скалами, из-за которых выступают величественные, покрытые почти вечным снегом постоянно действующие вулканы — Мутновский, Горелый, Авачинский и сопки до 12-ти тысяч футов высотой — Асача, Козельская, Вилуйская, Коряцкая, горные цепи и башнеобразные горы.

Эти хребты малодоступны и передвижение по ним возможно только на собаках при хорошей погоде. В последнее время это передвижение осложняется усиливающейся из года в год деятельностью Горелого хребта, выбрасывающего много пепла, покрывающего снег, что отмечается и в известиях Государственного Географического Общества Академии наук СССР за 1939 г.

Нет красок в мире, которые могли бы воспроизвести на полотне эти сопки, когда второй розовый закат окаймляет их, и кажется тогда, что громадные, уходящие в небо массивы представляют из себя вынутую из кузнечного горна сталь. Горные колоссы как будто просвечивают, и на фоне их вырисовываются тысячи каналов, соединяющихся как бы с недрами земли. Краски беспрерывно меняются, пока ночная мгла не скроет сопки с глаз зачарованного наблюдателя...

Летом, с июня по сентябрь, вся местность покрыта альпийской растительностью. Дивные луга, усеянные миллионами цветов и сочной в рост человека травой, пышные тополя, березы, ольха, ель, кедровник, ивняк, шиповник и различный цветущий кустарник наполняют воздух благоуханием, и в нем невидимой рукой разлит всеисцеляющий нектар. Нечто подобное я встречал в дни своих скитаний только на о-ве Формоза в Индо-Китае.

Зимой, как и везде на севере, выпадает глубокий, в сажень, а то и в двести, снег, но и от этого красоты природы не меняются. Воздух тогда обильно насыщен озоном.

В самом Петропавловске имеется ряд прекрасных горных ключей, снабжающих жителей чудной водой, а в 25-ти верстах от Петропавловска раскинулись горячие Паратунские ключи, купание в которых зимою при 30 градусах мороза на открытом воздухе доставляет огромное удовольствие. Какое бы недомогание вас не угнетало, через 15 минут вы выходите из ключей здоровым и бодрым, вы словно переродились.

Петропавловск прошлого — это маленький городок, каких много на Дальнем Востоке. Люди здесь жили своими будничными интересами, отрезанные от мира, и только редкие пароходы встряхивали однообразную и однотонную жизнь. Приход парохода являлся настоящим праздником. Почти семь месяцев город был отрезан от всякой связи с внешним миром, так как до 1910 г. здесь не было телеграфа, почта приходила два-три раза летом и раз зимою на собаках. Теперь картина резко изменилась.

В 1830 г. на Камчатке было всего 50 населенных мест, 11 церквей, духовное училище и три лечебницы. В 1897 г. в Петропавловске было несколько десятков латаных изб, церковь, школа, уездное управление и фактория Камчатского Торгово-Промышленного Общества, и все население города исчислялось в 394 души. В 1910 г. население Петропавловска возросло до 1 500 душ. В 1918 г. в городе проживало около 3 000 человек. В 1939 г. Петропавловск имел свыше 20 000 жителей.

Большую часть населения города сейчас составляют рабочие механических мастерских, жестянобаночной фабрики, консервного завода, холодильника, хлебозавода. В Петропавловске открыто педагогическое училище, политико-просветительская школа, медицинское училище, выстроен железобетонный трехэтажный дом Культуры и более 500 новых зданий. Террасами поднимаются они на склоны гор, уходят к реке Аваче и Соловарне. В районах горы Мишенной выстроен новый административный городок — Аюгград. Петропавловск связан с окраинами области автолиниями. Радиотелефон связывает его с Хабаровском и Москвой, а телеграф, телефон и радиотелеграф — со всеми пунктами края. В Петропавловске построена электрическая станция, освещающая здания и улицы, мощный холодильник, проведены широкие дороги, введено автомобильное сообщение в городе и по окрестностям. В разных местах области, включая Петропавловск, организовано 176 коллективных хозяйственных предприятий, восемь совхозов, две машинно-тракторные станции. Посевная площадь увеличилась в 36 раз, количество крупного рогатого скота возросло в два раза, свиней в 62 раза.

В 1926 г. на Камчатке было 44 начальных училища, средних не было вовсе. В 1939 г. в области действовало 158 начальных школ, 30 неполных средних и семь средних школ. В них обучались 12 500 детей. Область имела 44 больницы и 20 газет.

В селении Соловарня, в восьми верстах от Петропавловска, построен военно-морской порт и имеется плавучий док и три пристани. В порту работает 300 рабочих-механиков, и все пароходы до десяти тысяч тонн отныне ремонтируются не за границей, а в Соловарне (речь идет о судоремонтной верфи. — *Ред.*). Сухой док, прекрасно оборудованный новейшими механизмами, был доставлен из Черного моря буксиром «Тайфун» и пароходом «Киев», совершив беспрецедентное в истории плавание (док был приведен в августе 1938 г. — *Ред.*).

Петропавловск с его Авачинской бухтой превращается в крупную на Тихом океане военно-морскую базу, которая будет обеспечена с 1941 г. своей нефтью и сейчас уже обеспечена своим углем.

Сотни пароходов ежегодно посещают теперь Петропавловск, и отсюда идут линии на Владивосток, в Николаевск, по охотскому побережью Берингова моря и с Северного Ледовитого океана.

Первые исследователи и строители. Пожалуй, ни одна из областей России не пользовалась таким вниманием ученых и исследователей, как Камчатка. О ней написано свыше десяти тысяч различных книг и монографий, но Камчатка остается полной тайн.

В горах Камчатки на высоте нескольких тысяч фут над уровнем моря встречаются озера, имеющие приливы и отливы, встречаются ледники и места, куда еще не ступала нога человека.

Нередко земля здесь содрогается так сильно, что человек едва стоит на ногах и его укачивает, как на море. История знает случаи, когда море от берегов Камчатки уходило на такое расстояние, что его нельзя было видеть, и на дне морском тогда обнаруживались неизвестные до того горы и скалы.

Эта же история повествует, что 6 октября 1737 г. во время камчатского землетрясения вода со страшной силой влилась на берега на высоту сажени 30, уничтожив все на своем пути. Тогда во многих местах луга стали холмами, а поля — морскими заливами.

Все это заслуживает тщательного изучения, и не удивительно, что на Камчатку приезжают не только русские ученые, но и исследователи из Европы и Америки.

В 1926 г. Академией наук СССР была издана книга под заглавием «Труды русских ученых на Тихом океане». В этой книге подводятся итоги по всем отраслям изучения и исследования Тихого океана за 200 лет. Труд этот Академией наук был представлен на Тихоокеанскую конференцию как доказательство того, что именно мы, русские, вложили в мировую научную сокровищницу максимум трудов в деле изучения Тихого океана. Мы, находящиеся в эмиграции, нашли в этой книге беспристрастную оценку деятельности духовных, гражданских и военных людей и многих из нас, выехавших за границу вследствие государственного переворота и прервавших свои научные работы на севере. Много внимания уделено Российскому флоту.

Нынешний президент Академии наук СССР В. Л. Комаров, принимавший с 1909 г. участие в ряде экспедиций на Камчатку, в 1930 г. выпустил трехтомную «Флору Камчатки», в которой дается критический список растений этой области, насчитывающий 822 вида. Кроме этого труда, в Советской России издано за последние 20 лет много новых книг, альбомов и монографий о Камчатке и о русском Севере вообще.

Из трудов зарубежного издания большого внимания заслуживает труд И. И. Гапановича «Россия в Северо-Восточной Азии», изданный в Пекине в 1934 г. Архиепископ Нестор в 1936 г. выпустил интересную иллюстрированную книгу под названием «Камчатка», освещающую жизнь и быт населения, среди которого протекала с 1907 г. его миссионерская деятельность.

Революционный период на русском севере был освещен мною во 2- и 3-м томах журнала «Вольная Сибирь» (Прага) в 1927 и 1928 гг. и в ряде статей в газетах и журналах. Отдельные работы были посвящены изучению землетрясений, электростатики, метеорологии и ледяному режиму в бассейне Тихого океана.

Все ученые и экспедиции на протяжении почти двух столетий отмечали наличие огромных естественных богатств Камчатки, к рациональному использованию коих приступлено сравнительно недавно.

Сегодня на русском севере идет колоссальное строительство, размах которого непосвященному трудно себе представить. Камчатка и крайний русский север имеют сейчас свой хлеб, овощи, корнеплоды. На Камчатке начали выращивать яблоки, которые фигурировали на выставке в Москве в 1940 г. На Камчатке приступлено к разработке нефти и угля, десятками тонн добывается золото, строятся новые города, заводы и фабрики, прокладываются новые дороги с автобусным, грузовым и пассажирским сообщением (первые автобусы в области появились в 1950-х гг. — *Ред.*), непрерывно раскрываются все новые и новые богатства края. В ближайшие десятилетия Камчатка будет включена в железнодорожную магистраль России, и тогда претворится в жизнь то, над чем фантазировали мы, люди прошлого, лет 30 тому назад.

Россия XVII и XVIII веков знала Камчатку как страну ценной пушнины, ибо на ней в те времена жиждился больше чем на одну треть государственный бюджет России, служилое и купеческое благосостояние и благополучие.

Петропавловск 1740-х гг., как и все другие опорные пункты Камчатки того периода, из которых происходило освоение туземного населения, представлял из себя обнесенное деревянным забором-крепостью зимовье (сведений о том, что Петропавловск был обнесен забором, не выявлено. — *Ред.*). Гарнизон таких крепостей исчислялся десятками людей, вооруженных огнестрельным оружием, очень редко с пушкой, нагонявшим страх на инородцев — этих подлинных детей природы.

Сбор ясака был главной задачей правительственных агентов того времени. Покоренные инородцы и завоеватели избегали друг друга. Инородец с опаской подходит к ясачной избе острога, сносился с завоевателями через окно, бросал в нее пушнину и убегал.

Мирные сами по себе, инородцы не могли ужиться с завоевателями. Выколачивание ясака, беспощадное истребление инородцев, обращение их в состояние рабства, насильственное завладение женами и дочерьми и тор-

говля ими больно затрагивали жизнь инородцев. Это привело к 50-летней войне. Когда инородцам стало ясно, что борьба их проиграна, по Камчатке прошла волна массовых самоубийств. Замирение наступило лишь после того, как российское правительство прислало на Камчатку разумных правительственных агентов.

В 40-х гг. XVIII столетия русская власть стала подходить к инородцам гуманно и приобщать их к современной культуре, но что насаживал один, другой без угрызения совести уничтожал и разрушал. Вот почему период по 1773 г. известен в Камчатке под названием «кровавого», и по настоящее время здесь с именем «русский» связывается представление об ужасном страдании и горе.

Великая Северная экспедиция Беринга была попыткой познания русскими своей земли. До и после этого Камчатку посещали Малыгин, Овцын, Минин, Челюскин, братья Лаптевы, Креницин, Левашев, Биллингс, Сарычев, Крузенштерн, Головнин, Коцебу, Литке, Кук, Лаперуз, Крашенинников, академики Паллас, Лепехин, Комаров, профессора Полевой и Иохельсон, вице-адмирал Макаров и А. В. Колчак, капитан 1-го ранга Вилькицкий, полковник В. К. Арсеньев, гидротехническая экспедиция Тихого океана, М. Е. Жданко и Б. В. Давыдов, профессор Шмидт, Папанин и многие, многие другие. Самодельные шлюпки и боты прошлого бороздили моря и реки севера, вмерзали в льды, погибали, захлестнутые волнами, но это не останавливало смелых русских исследователей. Не останавливают их и трудности плавания и работ в Арктическом океане и сегодня. Именами этих замечательных людей названы обследованные ими воды и открытые земли.

Особого расцвета Камчатка достигает за время с 1773 по 1855 г. За это время на севере перебивали культурные и просвещенные администраторы. Они строили школы, больницы, церкви, насаждали земледелие и скотоводство и относились к инородцам гуманно. В результате этого восстания прекратились, и начался период освоения края.

В 1799 г. англичане обнаруживают желание обратить Берингово море в свое, что переводит Камчатку на военное положение и вызывает присылку сюда Сомовского батальона.

В связи с этим в 1817 г. (в 1812. — *Ред.*) Петропавловск становится центром, в котором из Охотска сосредотачиваются все северные морские силы, а в 1849 г. он становится краевым центром под управлением военного генерал-губернатора адмирала Завойко (В. С. Завойко был военным губернатором Камчатской области в чине вначале генерал-майора, а затем контр-адмирала. Генерал-губернатором Восточной Сибири, куда входила Камчатская область, в это время был генерал-адъютант граф Н. Н. Муравьев. — *Ред.*).

Этот умный и энергичный морской офицер вник во все стороны местной жизни и по настоящее время оставил в населении память и следы своей дея-

тельности. При нем на Камчатке выращивалась пшеница и лен, крестьяне кормились своим хлебом и делали ткани из местного льна. Образцы камчатских сельскохозяйственных культур этого периода фигурировали на выставке в Петербурге и занимали одно из первых мест.

Адмирал Завойко был первым администратором, который объехал Камчатку и лично сблизился с туземным населением. Он строил здания для учреждений и служащих, издал правила о пушном промысле и побуждал население к занятию рыболовством. Он установил контроль за торговцами, устраивал ярмарки для туземцев, прекратил злоупотребления купцов. Адмирал Завойко во главе с приглашенными на загородную прогулку офицерами и чиновниками собственноручно провел первую дорогу в селение, носящее и сейчас его имя, отстоящее от Петропавловска в 35 верстах. Эта дорога являлась единственной дорогой до последнего времени (трасса протяженностью 12 верст, о которой идет речь, была построена в 1851 г. от Петропавловска, но не до Старого острога, ныне Елизово, а до селения Авача за три дня. — *Ред.*). Он же был инициатором приглашения Дитмара и Меглицкого на Камчатку для геологических исследований, имея в виду использование горных богатств края.

Это был администратор такого размаха, деятельность которого оставила следы на целое столетие. Адмирал Завойко вписал свое имя и в военную историю Камчатки, покрыл себя неувядаемой славой во время Крымской войны в 1854 г.

Славой и честью венчанные. В мае 1854 г. адмирал Завойко получил в Петропавловске от американского посланника на Сандвинчевых островах известие о Крымской войне. Не ожидая известия из Петербурга, которое пришло только в июле, адмирал Завойко тотчас же приступил к постройке батарей для защиты порта от плававших в Тихом океане неприятельских судов.

Вскоре в Петропавловск пришли находившиеся в кругосветном плавании суда «Аврора» и «Двина». Из команд этих судов и всех способных носить оружие был образован небольшой отряд, который и выдержал геройскую борьбу против более чем вдвое сильнеею врага.

17 августа 1854 г. соединенная англо-французская эскадра в числе шести военных кораблей при 224 орудиях вошла в Авачинскую бухту. В составе этой эскадры находились: английский 54-пушечный фрегат «Президент» с адмиралом сэром Девис Прайт (Дэвид Прайс. — *Ред.*) на борту; 44-х пушечный фрегат «Пик»; 8-ми пушечный и 4-х мортирный пароход «Вилаго»; французский фрегат «Ля форт» с 62-м орудиями и с адмиралом Ферре де Пуанн на борту; 32-х пушечный корвет «Эвридика» и 18-ти пушечный бриг «Облигадо». Командовал объединенным флотом английский адмирал сэр Девис Прайт.

Англо-французская эскадра расположилась вблизи небольшой горной речки Поганки, где в настоящее время стоит Петропавловская радиостанция,

и где в те дни находилась одна из русских батарей. Меткими выстрелами этой батарее неприятелю был нанесен урон, и он отошел от берега.

20 августа бой начался снова. Все 224 неприятельских орудия начали обстрел Петропавловска. Первая и четвертая русские батареи были разбиты, и многочисленные лодки стали высаживать десант. Две неприятельские лодки были потоплены второй батареей, команда же четвертой батареей, испортив орудия, отступила и спряталась в кустах около берега. Противник занял батарею и начал наступление на город, но в это время 25 матросов четвертой батареей с 20-ю охотниками-камчадалами открыли по неприятелю огонь из ружей, принудили англо-французский отряд вернуться и отступить на корабли. Русская батарея № 2 потеряла почти боеспособность, так как из 12-ти орудий осталось только четыре. Пользуясь этим, пароход «Вираго» сделал попытку проскочить в Ковш, но был отбит огнем «Авроры» и «Двины». Во время этого боя был убит адмирал Прайт. Союзники отошли в Тарьинскую бухту, где чинили повреждения и где предали земле убитых вместе с адмиралом Прайт.

Тем временем защитники Петропавловска восстановили батарею первую и вторую, четвертая же батарея, как приведенная в полную негодность, была оставлена.

24-го августа начался решительный бой с утра. Батареи первая и вторая снова были приведены в негодность огнем неприятеля, и снова начались попытки «Вираго» пройти в Ковш, отбитые «Авророй» и «Двиной». Весь этот день неприятель направлял удар на западную сторону города, где находились наши батареи третья, пятая и шестая. После того как третья и шестая батареи были сбиты, десант на многочисленных лодках двинулся на берег и, высадившись между горой и озером, сплошной колонной направился по узкой дороге в город. Здесь противник был встречен огнем батареи номер пять и рассыпанными в кустах камчадалами-охотниками, прекрасными стрелками, которые одной пулей, благодаря скученности врага, убивали сразу двух человек. Как командир десанта капитан Паркер, так и множество его людей погибли.

Англо-французские отряды бросились к Никольской сопке, засели на ней и стали обстреливать защитников города. Последние маленькими группами в 30—35 человек прорвались на гору и вступили в рукопашный бой. Хотя русских было всего 347 человек, а неприятель высадил десант в 926 человек, однако англо-французы не выдержали натиска и, не зная расположения Никольской сопки, кончающейся крутым обрывом в море, стали отступать. Подойдя к обрыву, путь оказался отрезанным, и здесь неприятель был сброшен в море. Во время этого сражения неприятель потерял 9 офицеров и более 300 солдат, наши же потери выразились в 100 человек.

Уцелевшие после сражения англо-французы добрались на корабли, и флот ушел в бухту Тарья, где были схоронены умершие от ран, починены повреждения и после этого англо-французская эскадра ушла в море...

Среди материалов далекого прошлого Камчатки в моих архивах, пропавших на пароходе «Сишан» при эвакуации, остался и собственноручно написанный адмиралом Завойко призыв к населению защитить родину от англо-французов. В простых и ясных словах адмирала чувствуется неизмеримая любовь к Родине, к Камчатскому краю и к его населению. Только такие гиганты духа, как адмирал Завойко, могли поднять на борьбу еще недавно враждебное к русским туземное население и при его помощи решить исход борьбы на дальнем севере.

Тела русских, англичан и французов были похоронены в трех братских могилах, на которые позднее были возложены массивные железные плиты с русскими, английскими и французскими надписями. На косе был сооружен памятник «Славы», около которого хранились старые пушки и бомбы — трофеи войны 1854 г. В 1913 г. у подножия сопки около братских могил был воздвигнут памятник-часовня.

С тех пор 24 августа ст. ст. является днем славы Петропавловска. Это день победы духа над материей. В этот день в Петропавловском соборе служилась торжественная литургия и при большом стечении населения совершался крестный ход вокруг города на Никольскую сопку. Этот день являлся общекамчатским праздником. На далекой окраине он напоминал нам о славе и честью венчаных, о нашей Родине, о том, как надо служить Ей и как надо отдавать Ей горение души и жизнь.

На Петропавловском кладбище сохранились одиночные могилы умерших от ран защитников города 24 августа 1854 г., и среди них могила молодого князя мичмана Максутова. Кто-то заботливой рукой лет тридцать тому назад приносил на эту могилу цветы и заботился о ней. Говорили, что это был камчадал, раненый вместе с покойным.

В 1910 г. нам приходилось встречать стариков, участников событий 1854 г. Они много рассказывали об адмирале Завойко, о боях и показывали места расположения батарей и политые кровью участки рукопашных схваток. До настоящего времени в Петропавловске сохранился и дом адмирала Завойко, в котором находилась его квартира и штаб. В 1914 г. этот дом был отведен под Камчатский музей.

О всем происшедшем адмирал Завойко донес в Петербург, откуда весною 1855 г. пришло распоряжение эвакуировать учреждения, имущество и всех гражданских и военных чинов на Амур.

Летом 1855 г. большая англо-французская эскадра вновь пришла в Петропавловск, но нашла его безлюдным. От одиночных туземцев англичане узнали о направлении русских и стали их преследовать. Русский флот, состоявший из боевых фрегатов «Аврора» и «Двина» и двух небольших пароходов «Иртыш» и «Байкал» (парусных транспортов. — *Ред.*) стоял в то время в Де-Кастри. Здесь он был застигнут шестью большими фрегатами англо-фран-

цузского флота. Адмирал Завойко приготовился к неравному бою и затоплению кораблей, когда 27 мая 1855 г. внезапно густой туман покрыл море. Воспользовавшись этим, русские суда через пролив Невельского, о существовании которого еще не знал неприятель, были выведены адмиралом Завойко в Николаевск-на-Амуре. Англо-французский флот еще долго разыскивал русскую эскадру и, не найдя ее, ушел в южную часть Тихого океана, где занялся насаждением англо-французского влияния в Китае.

Период забвения. В 1855 г. российское правительство отказалось от мысли иметь на Тихом океане базу и перенесло свою деятельность в Приамурье, а Камчатка, на которую было затрачено много трудов и средств, погружается в полувековой сон.

В 1867 г. российское правительство продает Русскую Америку за 7 200 000 долларов С. А. С. Ш. (Северо-Американским Соединенным Штатам. — *Ред.*) и утрачивает всякий интерес к побережью Тихого океана. Огромный Камчатский край поручается управлению исправника, а его чудовищные богатства передаются в эксплуатацию разным англо-американским фирмам — Гутчинсон, Кооль и К°, Вольш и К°, Камчатскому Торгово-Промышленному обществу, Российско-Американской компании и другим.

На Камчатке хищничают золотоискатели. Вдоль берегов ее плавают иностранные шхуны, выменивающие на товары, а нередко на спирт, у населения ценную пушнину. Не видя проявления к себе ни малейшей заботы, туземное население забывает первые шаги русской культуры и на протяжении долгих пятидесяти лет обращает свои взоры то к Америке, то к Японии, то к России, но никому не нужна эта забытая Богом и людьми окраина с ее туземным населением, говорящим на тридцати различных языках и наречиях...

1855—1909 гг. надо назвать периодом забвения. Камчатка не имеет ни школ, ни врачей, ни больниц.

Русские вольные люди, овладев Камчаткой, заняли все удобные для рыболовства, звероловства и сельского хозяйства места и стали с тех пор господствовать над туземцами. Здесь, на далекой окраине, каждый эксплуатировал инородцев. На их беспросветное существование, обнищание и вымирание не обращалось внимания.

В недавнем прошлом голод доводил их нередко до того, что, например, в 1890 г. якуты питались сосновой корой и мясом палого скота. В 1906 и 1907 гг. ламуты и юагиры убивали свои семьи и питались их мясом. Население Чукотского полуострова в годы голода питалось мясом околевших собак, ремнями, кожей, кусками одежды и человеческими отбросами. Еще недавно, в 1926 г., в Чукотско-Анадырском крае сильный голод повлек за собою людоедство, а среди тунгусов мясо белки и лисицы являлось лакомством.

Такова была жизнь населения огромного края, и поэтому нечего удивляться, когда изголодавшееся население Средне-Колымска встречает торго-

вую шхуну американцев с колокольным звоном и крестным ходом, ибо она везет муку, порох, свинец, чай, ситец — весьма несложный ассортимент товаров, который выменивается на ценную пушнину, а у кого ее нет, тот отдает дочерей, которых потом выбрасывают на безлюдном берегу, как ненужный хлам, где они нередко гибнут с голоду. Этот метод торговли из далекого прошлого разных хищников.

При незначительной части русских и иностранцев Камчатка населена инородцами монгольской расы и тюркского племени: алеутами, айвуанцами, коряками, чукчами, ламутами, юкагирами, якутами, поээками и потомками бывших завоевателей Камчатки и ссыльных.

Инородцы делятся на оседлых и кочевых. Первые живут небольшими поселениями, вторые ведут бродячий образ жизни и с табунами оленей перекочевывают с места на место. Значительная часть населения считала себя православными, хотя к началу революции в крае было немало таких туземцев, которые не знали ни православной веры, ни русской речи и смутно сознавали свою принадлежность к России. Некоторые племена, например, чукчи, никогда не считали себя покоренными и больше тяготели к Аляске, чем к России.

В таком положении Камчатка встретила русско-японскую войну и последовавший вскоре за этим перелом, выразившийся в образовании Камчатской области.

Русско-японская война. Загадочные гости. Зимой 1904—1905 гг. жители Петропавловска провели тревожно. Причины тому были нешуточные.

В конце апреля 1904 г. в Петропавловск из Иркутска через Якутск, Охотск и Гижигу пришла «полетучка» с извещением, что Япония объявила России войну, и что пароходное сообщение Владивостока с Камчаткой прервано.

Вот что рассказывал мне об этом периоде старожил Камчатки, начальник Петропавловского уезда С. М. Лех.

В навигацию 1904 г. Камчатка не имела никакого сообщения с Владивостоком, а все предметы продовольствия для населения были доставлены казной при посредничестве Камчатского Торгово-Промышленного общества на американских пароходах из Сан-Франциско. На этих же пароходах получались кое-какие известия о ходе военных событий в американском освещении.

12 мая 1904 г. (1905 г. — *Ред.*) из Владивостока через Иркутск, Якутск, Охотск и Гижигу в Петропавловск прибыл новый уездный начальник (это и был С. М. Лех, сменивший в должности объявленного сумасшедшим и вывезенного с Камчатки А. П. Сильницкого. — *Ред.*). Петропавловцы думали, что этот вновь приехавший человек в курсе последних событий, но оказалось, что последние известия с театра войны ему были известны только январские, полученные им в Якутске, при этом, несмотря на то что поражение нашей армии под Лаоляном было ему известно, он был настроен весьма радостно. Он не сомневался в победе нашего оружия и много говорил о том,

что скоро к берегам Тихого океана прибудет эскадра адмирала Рождественского (точнее — Рождественского. — *Ред.*), но точных сведений о том, что делается в России, петропавловцы от него так и не получили.

17 мая 1905 г. в Петропавловск пришел американский пароход «Монтара» с грузом для складов Петропавловска и Командорских островов и, простояв несколько дней, ушел на восточный берег Камчатки.

20 мая пришел германский пароход «Степней», зафрахтованный американцем Сторком для скупа пушнины и продажи весьма небольшого количества груза. Благодаря этому пушнина сильно повысилась в цене. Так, например, соболь с 50 рублей дошел до 100 рублей и более, чему промышленники (имеются в виду промысловики. — *Ред.*) были очень рады.

Сторк на своем «Степнее» 25 мая ушел к берегам Японии, откуда он намерен был, пересевши на другой пароход, уехать в С. А. С. Штаты. Много пушнины приобрести ему не удалось, так как таковую по более высокой цене скупил сейчас же Камчатское Торгово-Промышленное общество, и казалось странным, что из-за ничтожного количества пушнины, ради незначительного торгового оборота стоило фрахтовать паровое судно. Пожалуй, об этом в то время особенно не думалось.

28-го мая из Сан-Франциско приходит пароход «Австралия» с грузами для Камчатки, Командорских островов и побережья Охотского моря, на котором прибывает начальник Командорских островов г. Гребницкий, командированный правительством для снабжения края предметами первой необходимости и выяснения количества необходимого для края продовольствия. Г-н Гребницкий петропавловцам положительно ничего определенного о происходящем на театре военных действий и общем настроении и мнениях влиятельных газет не сказал. Те американские газеты, которые случайно были получены от пароходной администрации, восхваляя доблесть русского солдата, были радостно настроены блестящим финансовым положением Америки, созданным войною. Одним словом, в Петропавловске ничего не знали, что делается на полях Маньчжурии, в водах Тихого океана и внутри России.

Г-н Гребницкий, его семья и находившиеся на пароходе говорили, что в пути дней за пять-шесть до Петропавловска «Австралия» однажды ночью была освещена прожектором какого-то судна.

2-го июня 1905 г. во входе в Авачинскую бухту в ясный, теплый полдень появляется новое судно, уже четвертое в навигацию. Судно это шло смелым необычным ходом. Было видно, что штурман корабля был уверен в себе. Это изящное судно, как по ходу, так и по его наружному виду, чистоте и порядку, несло германский коммерческий флаг с крестом на одной из полос флага, что означает в германском флоте, что этим судном командует офицер запаса военного флота.

Судно бросило якорь и оказалось германским пароходом «Цецилия». По заведенному порядку начальник уезда и уездный врач прибыли на это судно для выполнения требуемых формальностей.

Для обоих упомянутых лиц судно это показалось странным в том смысле, что оно не походило на обычное торговое судно, которое может прийти в Петропавловск, и не походило на военный корабль. Судно было идеальной чистоты, напоминающей чистоту военных морских кораблей.

Начальника уезда встретил командир судна, одетый безукоризненно в унион-форму; затем начальнику уезда представился как пассажир изящно одетый господин лет 30-ти, немного более высокого роста, красивый, при помощи случайного переводчика объяснивший, что он корреспондент венских газет, и что судно «Цецилия» зафрахтовано этими газетами для него. На переданной им визитной карточке неизвестной рукой было написано: «Барон Криглштейн. Капитан запаса Прусской армии. Военный корреспондент».

«Цецилия» ушла через четыре дня. За эти дни происходило общение между прибывшими на пароходе и жителями города. В Петропавловске в старое время, когда Камчатка была совершенно отрезана от метрополии, общение являлось более близким, чем обычно. Начальник уезда и барон Криглштейн бывали друг у друга. Приход этого судна был странной загадкой, как для местной администрации, так и для населения. Никакого продажного груза на «Цецилии» не было, а администрации барон Криглштейн говорил, что он, не зная, где японская и русская эскадры, разыскивает эти эскадры и теперь, зайдя в Петропавловск за пресной водой, устремится вновь к предполагаемому месту военных действий между японской и русской эскадрами. При этом барон выразил удивление, что на Камчатке нет телеграфа.

Перед отходом «Цецилии» командир этого судна, имеющий германский орден Красного орла, одному из жителей Петропавловска, имеющему такой же орден, в дружеской беседе сказал, что он не имеет права рассказывать всю грустную правду о войне, так как дал слово барону Криглштейну не быть откровенным с русскими, но что он, как товарищ по ордену, говорит ему: «Флота вашего нет, да и в Петропавловске, как оказывается, так же нет военных судов. Когда мы будем уходить, я брошу вам газеты, из которых вы узнаете о вашем флоте. Как товарищу по ордену, мне тяжело будет передать Вам это известие...»

На рассвете 6-го июня, когда уходила «Цецилия» и когда были проводы, понятные только тем, кто жил на Крайнем Севере, командир судна дал несколько номеров английских шанхайских газет от 14, 15, 16 и 17 мая, из которых сперва с недоверием, а потом с полным отчаянием жители Петропавловска узнали ужас Цусимской катастрофы.

Администрация была поставлена в крайне безвыходное положение, не имея никаких руководящих инструкций.

«Цецилия» пошла по направлению к Николаевску и в Татарском проливе, наткнувшись на мель, получила аварию, причем все находившиеся на корабле люди спаслись. Барон Криглштейн проехал из Николаевска в Харбин, где вскоре застрелился...

Прошло несколько недель, и в порт пришли японские военные суда. При входе в бухту корабли обстреляли Петропавловск, но население города уже эвакуировалось в селение Завойко (ныне Елизово. — *Ред.*), и город был пуст. В нем остались несколько человек. По их рассказам, японцы обращались с ними хорошо и никаких враждебных чувств к ним не проявляли.

В селении Завойко уездное начальство и городской староста г. Чупятов организовали ополчение из казаков. Все они были вооружены берданами и никакой силы из себя не представляли.

В Петропавловске японский флот простоял несколько дней и ушел в море. Население города вскоре вернулось обратно и долго еще жило в полной неизвестности и под угрозой нового прихода кораблей. Однако никаких попыток со стороны Японии к занятию Камчатки больше проявлено не было.

Позднее выяснилось, что японские суда посетили остров Шумшу, где в настоящее время имеются большие рыбоконсервные заводы Катаока и где полковник Сечу Гундзи поставил памятник погибшим единомышленникам. Недалеко отсюда, через пролив, имеется селение Явино. Полковник Сечу Гундзи (тогда лейтенант. — *Ред.*) посетил это русское селение и оставил здесь деревянную доску с надписью на русском и английском языках... Здесь также никто из русских тронут не был. Доска эта была снята с помещения сельского старосты 17 июля 1904 г. казаком Сотниковым, доставлена в Петропавловск и помещена в Камчатский музей (где она хранится и поныне. — *Ред.*)...

Теперь, когда раны русско-японской войны зажили, и над нами пронеслись бури великой войны и революции, невольно возникает вопрос о том, кто такие были барон Криглштейн и Сторк, и чем вызвано таинственное самоубийство молодого, изящного барона в Харбине. Были ли это агенты Японии, искавшие остатки нашего флота по уединенным бухтам северных морей, или же это были агенты других государств, которые, пользуясь нашей войной с Японией, посылали свои разведки для ознакомления с северными портами, что могло пригодиться в будущем.

В рассматриваемую нами эпоху мало кто из русских интересовался Дальним Востоком. Только что оконченная постройкой Сибирская железная дорога открыла доступ в Сибирь разным иностранным дельцам. Никто в то время в России не отдавал себе отчета в серьезности недавнего переворота, произведенного великим преобразователем Японии императором Муцухито. Наши русские близорукие дипломаты безразлично отнеслись к дружественным предложениям Японии, сделанным во время коронавания импе-

ратора Николая II в Москве, и это толкнуло Японию в объятия Англии, приведя Россию к войне с Японией и революции.

Эти затемненные страницы русской истории были освещены в 1939 г. в воспоминаниях В. Вонлярлярского, с каковой книгой должны познакомиться все интересующиеся Дальним Востоком, чтобы понять причины русско-японской войны 1904—1905 гг. и работу темных сил, направленных против нашей Родины...

Портсмутский мир и его последствия. В. Вонлярлярский в своих воспоминаниях отмечает, что отсутствие знаний и полное незнакомство с Дальним Востоком и нашими азиатскими соседями сделали в России войну с Японией непопулярной. Удрученная военными и морскими неудачами Россия позднее убедилась, что война с Японией была вызвана международными силами, подготавливавшими разгром России и ниспровержение существующего строя, и что денежные средства на осуществление этого щедрою рукою поступали из-за границы.

31 июля 1905 г. был заключен англо-японский союз, а 25 августа Портсмутский мир. Русско-японская война окончилась поражением России, но молва народная не переставала твердить, что врагом России является не Япония, а Англия, стремившаяся к поражению России с тем, чтобы вытеснить ее с Тихого океана. Русско-японская война и революция заставили Российское правительство обратить внимание на наши дальневосточные окраины.

По закону 1909 г. последовало коренное переустройство Приамурского края, который был разделен на четыре области: Амурскую, Камчатскую, Приморскую и Сахалинскую, и в них введены губернские учреждения.

Одновременно последовало Высочайшее повеление о соединении Камчатки с метрополией радиосвязью и о постройке на Камчатке телеграфной линии между Петропавловском и Охотском протяжением в 3 000 км.

Первым камчатским губернатором был назначен доктор медицины В. В. Перфильев, вице-губернатором Е. Ф. Бодунген, первым врачебным инспектором области — старший врач киевской больницы доктор медицины А. И. Левитский, председателем окружного суда В. И. Головченко, прокурором суда П. Г. Лефевр, областным горным инженером С. Д. Оводенко, гражданским областным инженером г. Заранек. Вместе с ними в Петропавловск был отправлен и соответствующий штат служащих различных учреждений.

В начале 1910 г. начинается строительство Петропавловска, в котором возводится свыше 30 казенных зданий для служащих и учреждений. Все строительные материалы и артели рабочих доставлялись на транспорте из Владивостока. Постройка административных зданий начинается и в разных местах области. Вместо латанных изб администрация в уездах и в областном центре получает прекрасные здания. Бурное строительство вызывает необычайное

оживление. На Камчатку приезжают промышленники, коммерсанты, разные деловые люди, открываются торговые предприятия.

Для обслуживания нужд области в административном отношении строится яхта «Адмирал Завойко», которая и прибывает в распоряжение губернатора в 1912 г. Яхта находится под командой капитана дальнего плавания г. Розенфельд и обслуживает нужды области по побережью от Чукотского края до Аяна. В том же году в Петропавловске открывается окружной суд с расширенными функциями, а в уездах — камеры мировых судей. Проводится телеграфная линия и параллельно ей временная дорога длиною в 1 000 верст, открываются почтово-телеграфные учреждения, строятся школы и фельдшерские пункты. Добровольный флот усиливается целым рядом новых пароходов для северного плавания, и Чукотско-Анадырский и Охотско-Камчатский край обеспечиваются регулярным пароходным сообщением.

В 1912 г. Российская Академия наук отпускает средства на постройку в Петропавловске сейсмической станции для изучения землетрясений. До этого такая станция имелаась только в Екатеринбурге, а в России их было вообще не больше пяти. Владивостокская метеорологическая лаборатория и Морское министерство открывают целый ряд метеорологических, гидрологических и ледяных станций по всему краю. Заводится скотоводство, поощряется сельское хозяйство и переселение в область. С невероятной быстротой развивается рыбопромышленность, строятся крупные рыбоконсервные заводы, принимаются меры к охране рыбных и пушных богатств края, начинается разработка золотоносных площадей.

По закону 1912 г. в Камчатской и Сахалинской областях учреждаются жандармские команды, переименованные в 1917 г. в местные. Это были регулярные воинские части, названные жандармскими в обход Портсмутского договора, по которому Россия не имела права содержать на Камчатке и на Сахалине войск и производить укрепления. Первым начальником команды был ротмистр Бологовский, которого вскоре сменил ротмистр В. А. Иеропес. Военные суда Сибирской флотилии и суда рыболовного надзора несут охрану Камчатского края в летнее время. На Камчатку прибывают интеллигентные силы — учителя, врачи, духовенство, крупные промышленники и пушники, среди последних немало американцев, англичан и японцев.

В 1910 г. учреждается Православное Братство, почетным председателем которого Высочайше назначается Наследник-Цесаревич Алексей Николаевич, а в 1916 г. Камчатская область получает самостоятельную епископскую кафедру во главе с Преосвященным Нестором. Жизнь края развивается быстрым темпом, и все обещает прекрасное будущее.

В. В. Перфильева и Е. Ф. Бодунгена сменяют губернатор Н. В. Мономахов и вице-губернатор А. Г. Чаплинский. Они продолжают дело своих предшественников.

В административном отношении область была разделена на шесть уездов: Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Чукотский, Анадырский и Командорский. Во главе уездов стояли уездные начальники и их помощники. В некоторых уездах были учреждены приставские станы. В Охотске, Гижиге и в Петропавловске были введены поселковые управления, сельское же население управлялось на основании особой инструкции, утвержденной Приамурским генерал-губернатором 25 мая 1914 г. Все правительственные и общественные учреждения, школы, церкви, больницы содержались за счет казны, так как все доходы от области и эксплуатации ее естественных богатств поступали в государственное казначейство.

Камчатская область с самого начала ее преобразования в самостоятельную административную единицу пользовалась неизменной милостью и благоволением Государя Императора и Его Августейшей семьи.

На первом Всеподданнейшем докладе губернатора В. В. Перфильева о Камчатской области Государь соизволил начертать: «Камчатка — жемчужина в короне российской». До самой революции Государь и Августейшая Царская семья, равно как и вся высшая администрация Приамурского края, принимали самое горячее участие в построении Камчатской области, неизменно проявляли к ней исключительный интерес.

Мы, все работавшие, полюбили свою русскую «жемчужину», которая развивалась и росла во всех областях, и, очутившись за границей, храним о ней самые светлые воспоминания. Зная край, мы с большим интересом следим за хозяйственным и экономическим его развитием и устройством. Камчатская область, имевшая в 1922 г. 200 населенных пунктов и 40 тысяч населения, к 1939 г. возросла во много раз. Сейчас там проживает свыше 100 тысяч человек. Это увеличение произошло за счет переселения.

Освоение Чукотского края. Летом 1910 г. Петропавловск посетил Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер. Его приезд на Камчатку был вызван желанием лично ознакомиться со строительством области и с положением края, а также необходимостью разрешить на месте междуведомственную неразбериху.

По точному замыслу закона 1909 г. об управлении Камчатской областью, все без исключения ведомства были подчинены губернатору, в руках которого сосредотачивалась полнота власти. Этот закон вызвал междуведомственные трения, так как находящиеся в Петербурге министерства совершенно не склонны были уступить свои права, что и ставило начальников учреждений в весьма щепетильное положение. Это сохранялось на севере до революции.

Побывав в Петропавловске, на Чукотском полуострове и на Аляске, генерал-губернатор представил министру внутренних дел два доклада, характеризующих положение дел на нашем крайнем русском севере. Ввиду исторической ценности этих документов, я их привожу ниже.

Доклад 10 ноября 1910 г. № 11685. Вопрос об ограждении Чукотского полуострова от чужеземного влияния и укреплении этой отдаленнейшей русской земли более прочными узами за Империей за последние годы неоднократно обсуждался, и результатом появилось учреждение здесь особого уезда.

Таким образом, первый шаг сделан, и среди туземного населения, знавшего до сих пор почти исключительно американцев, ныне имеется постоянный представитель русского правительства; кроме того, намечено дальнейшее усиление местной власти и включение края в сеть радиотелеграфного сообщения.

Но за всем тем население Чукотского полуострова остается пока народом нам чуждым, не знающим ни православной веры, ни русской речи и только смутно сознающим свою принадлежность к России; поэтому нам предстоит еще серьезная работа по сближению к нам чукчей путем насаждения среди них начал русской жизни и заботы о их насущных нуждах, что в свою очередь будет лучшим средством противодействия влиянию проявляющих там свою деятельность отбросов Америки.

Для личного ознакомления с положением дел и выяснения наших неотложнейших задач на крайнем Северо-Востоке я летом сего года объехал побережье Чукотского полуострова, причем на основании личных наблюдений и обсуждения дела с бывшим на полуострове три года штабс-капитаном Калининковым, а также приемов и результатов широкой культурной работы американцев в Аляске, которыми я поинтересовался при попутном посещении города Номе и острова Св. Лаврентия, я прошел к нижеследующему заключению.

Наиболее целесообразным и отвечающим условиям края средством русификации чукчей и приобщению их в связи с улучшением их материального быта, по моему мнению, представлялась бы надлежащая постановка миссионерского дела, то есть соединение миссии и школы, при чем последняя должна стать не только обучением русскому языку, чтению, письму и счету, но и распространением познаний, направленных непосредственно к улучшению экономического положения туземцев. Подобное совмещение, давшее в Аляске блестящие результаты, имеет то преимущество, что оно не только удешевит постановку дела, но и устранил всякие требования, особенно нежелательные в столь отдаленном крае и всегда возможные при ведении отдельных отраслей культурной работы представителями разных ведомств. При том надо иметь в виду, что хозяйство (оленьеводство, собаководство и рыболовство) необходимо во всяком случае для жизни самой миссии, и остается только придать ему характер показательный.

Таким образом, тип желательного для Чукотского полуострова просветительного учреждения будет миссия школа — опытная станция.

Пунктами для устройства таких миссий должны быть избраны такие, где не только наиболее кучно группируется население, но которые, по тем или другим причинам являются центрами в жизни целых районов, впереди всего селение Уныын на мысе Чаплина и Уэлен на мысе Дежнева, ведущие оживленные торговые сношения с остальным населением края и распространяющими свое влияние: первое — до реки Анадыря, а второе — до Северного мыса. Следующим пунктами, хотя и не столь важными, будут на южном побережье мыс Беринг с селением Энмилен, а на северном — мыс Сердце-Камень, но для начала я полагал бы ограничиться учреждением миссии в Уныыне и Уэлене, развивая дело потом, сообразуясь с указанием опыта.

Деятельность таких миссий, как распространителей христианства и просвещения, не требует каких-либо разъяснений, и я позволю себе остановиться лишь на той стороне задачи, которая должна касаться улучшения главных отраслей возможного по местным условиям хозяйства: оленеводства, собаководства и рыболовства.

На востоке Чукотского полуострова, где все необходимые для оленеводства условия имеются, и где не так давно в районе Мечигинской бухты стояли крупные оленеводы, в настоящее время олени почти перевелись, и населению приходится покупать олени шкуры за большие деньги у оленных чукчей, кочующих в глубь страны. Поэтому одной из важнейших задач миссий будет разведение вновь этого необходимого для севера животного и приучение к тому же инородцев. Что это возможно, доказывает пример Аляски, где число оленей за период времени с 1898 по 1909 г., в значительной степени благодаря деятельности миссий и школ, увеличилось с 500 до 25 000 голов.

Для начала необходимо приобрести для каждой миссии стадо оленей в 100 голов, которых лучше всего купить в бассейне реки Анадырь, откуда их можно зимою перегнать к местам назначения.

Ближайшие порядок заведования стадом, распределения приплода, вознаграждения пастухов и надзор за ними устанавливает камчатский губернатор, причем, по всей вероятности, на первое время придется пользоваться опытом американцев, позаимствовав принятую у них в этом отношении систему, давшую столь хорошие результаты, и главные основания которой приведены в особом к настоящему представлению приложении.

Рыболовством чукчи в настоящее время не занимаются, но так как зверя в водах Чукотского полуострова с каждым годом становится меньше, то жителям рано или поздно придется перейти на рыбу, и чем постепеннее будет совершаться этот переход, тем менее он будет остер. Крайне желательно, чтобы и это дело взяли в свои руки миссии, тем более, что они сами для собственного довольствия и для корма собак будут нуждаться в рыбе. Для оборудования дела требуется только приобрести необходимые лодки и принадлежности рыболовства.

Чукотская собака мала и слабосильна и нуждается в приливе свежей крови, поэтому устройство при миссии собачьего завода принесло бы много пользы населению, а также и самой миссии, не только при разъездах миссионеров, но и в смысле доходности, так как, по отзыву штабс-капитана Калининкова, хороших щенков чукчи раскупают нарасхват, уплачивая за понравившийся им экземпляр до 40 рублей. По мнению того же офицера, для каждой миссии надо будет приобрести две пары русской густопсовой борзой, выдающейся по своей силе, росту и резвости, и две пары Анадырской ездовой собаки, являющейся лучшим местным представителем этой породы животных. Установление правил ведения этого дела, как и оленеводства, равно порядка ведения отчетности всем поступающим от эксплуатации опытной станции сумм, расходов из них и контроля должно принадлежать камчатскому губернатору. Означенные деньги составляют миссионерский капитал данной миссии и обращаются на расширение ее деятельности.

Всю эту программу, конечно, трудно выполнить сразу. В первый год надо привезти на пароходе в готовом виде, поставить их, снабдить инвентарем и дать возможность миссионерам ознакомиться с назначенными им районами, поставить школьное

дело и проповедь, подыскать оленеводов, подготовить рыболовные снасти и пр. Засим с весны второго года в Анадырском бассейне можно будет начать покупку оленей и собак и прислать борзых из России, в то время как миссионеры на месте должны заготовить рыбные запасы. К концу этого года устройство и обзаведение миссий должно быть закончено.

Личный состав каждой миссии состоит из миссионера и его помощника, причем, конечно, на выбор их следует обратить особенное внимание, так как от личных качеств их, главным образом, будет зависеть успех дела. Не касаясь их нравственных качеств, которые, само собой разумеется, должны быть безупречны, надо иметь в виду, что люди отвлеченного образца мыслей там будут менее на месте, чем лица практические, хозяйственные и обладающие известным организаторским талантом; в таких монахах, вероятно, не будет недостатка, особенно в монастырях северной России, где, несомненно, есть много лиц, привыкших к суровым климатическим условиям и работе на море, что в данном случае особенно важно. В материальном отношении миссионеры должны быть прилично обеспечены, так как все необходимое для жизни, кроме продуктов оленеводства и рыболовства, приходится выписывать из Владивостока по чрезвычайно высоким ценам.

Общий расход на устройство и содержание двух миссий равнялся бы: одновременно — 51 400 рублей и ежегодно — 12 800 рублей, что вряд ли можно считать преувеличенным, особенно если сравнить эту огромную цифру с затратами правительства САСШ на школьное дело, не касаясь миссий, составляющих ежегодно 400 000 рублей в Аляске.

К этому докладу генерал-губернатор Унтербергер приложил главные основания постановки оленеводства на Аляске, которое мы также приводим, ибо оно характеризует заботы об инородцах и их устройство, давшее самые благодетельные результаты.

Высшее наблюдение за делом оленеводства сосредоточено в департаменте народного образования при Министерстве внутренних дел; высший же надзор на месте и руководство делом принадлежит окружному инспектору инородческих школ. Каждое правительственное стадо оленей находится в ведении местного смотрителя оленьей станции, которым в большинстве случаев является учитель или начальник местной инородческой школы. За стадом оленей надзирает опытный пастух из инородцев, нанимаемый смотрителем станции по контракту; при нем состоят ученики-подпаски, избираемые смотрителем из учеников школы не моложе 15 лет, которые обязуются подпиской в точности подчиняться установленным правилам оленеводства. Каждый ученик, если его деятельность заслуживает одобрения смотрителя, должен получить из приплода стада: по окончании 1-го года обучения — 6 оленей (4 самки, 2 самца), по окончании 2-го года — 8 оленей (5 самок, 3 самца), по окончании 3-го года — 10 оленей (6 самок, 4 самца). Олени эти остаются при правительственном стаде и помечаются клеймом ученика. По окончании четырехлетнего обучения, если ученик оказался трезвым и знающим свое дело, он удостоверяется как обученный пастух. Каждый пастух должен быть в состоянии писать и говорить по-английски и справляться с элементарными действиями арифметики.

Сделавшись таким образом самостоятельным владельцем собственного стада, пастух, в свою очередь, обязан воспитывать учеников: первого ученика — в пери-

од, когда его стадо исчисляется в 50—150 голов оленей; второго ученика — когда оно исчисляется в 150—200 голов оленей и третьего ученика, когда оно исчисляется в 250—300 голов. Стада сделавшихся небрежными и неисправными пастухов берутся правительством в опеку, и если пастух в течение одного года не исправится, то стадо возвращается правительству.

Ученики в течение срока обучения не имеют права распоряжаться заслуженными ими самками оленей, а самцами не иначе, как с разрешения смотрителя. Равным образом пастух ни убивать, ни продавать, ни отдавать самок кому бы то ни было, кроме правительства САСШ, или с письменного разрешения смотрителя — другому надежному инородцу-владельцу находящегося под контролем правительства стада.

Доклад 30 ноября 1910 г. № 11686. В этом докладе Приамурский генерал-губернатор сенатор Унтербергер сообщает министру внутренних дел, что в прежних его докладах по поводу положения дел на Чукотском полуострове сообщалось, что влияние там американцев зиждется, главным образом, на экономической зависимости от них чукчей, которые все необходимые товары получают из соседней Аляски, и что поэтому одной из главнейших задач наших должно быть вытеснение с нашего Северо-Востока американской торговли. Но это, конечно, было бы возможно лишь в том случае, если предварительно будет там создана русская торговля или учреждены казенные склады, так как в противном случае туземцы очутились бы в безвыходном положении.

Сенатор Унтербергер далее пишет:

«...Сделанный мною в 1908 г. опыт ознакомления чукчей с русскими товарами, заключавшийся в отпуске находившемуся в командировке на Чукотском полуострове штабс-капитану Калининкову 1 000 рублей на открытие небольшого товарного склада у мыса Дежнева, оказался вполне удачным: товар понравился, был раскуплен нарасхват и, несмотря на низкие, по местным условиям, цены, все расходы по операции вернулись с лихвой. Самое же важное то, что на основании этого опыта Торговый дом “Чурин и К^о” решился в 1909 г. открыть на мысе Дежнева небольшое отделение, которое является в Чукотской земле первым русским торговым предприятием и торгует настолько успешно, что названная фирма, по имеющимся сведениям, проектирует расширение своих операций.

Такой результат упомянутого опыта, казалось бы, указывает дальнейший путь в деятельности администрации в этом отношении.

Будучи летом сего года на Чукотском полуострове, я особенно интересовался этим вопросом, причем из обсуждения его с Анадырским уездным начальником и с штабс-капитаном Калининковым, а также из бесед в Аляске с американцами, выяснилось, что важнейшими пунктами, откуда можно обслуживать товарами почти все Чукотское побережье, являются: Ново-Мариинский пост в устье реки Анадырь, мыс Чаплина, лежащая почти рядом бухта Провидения (сейчас там советское правительство строит порт. — *Авт.*) и мыс Дежнева. Поэтому, если в названных трех пунктах возникнет и достаточно разовьется русская торговля, то потребность страны в этом отношении можно будет считать более или менее обеспеченной, и пред-

ставится возможность остановить торговую деятельность американцев настолько, что она сделается для них невыгодной.

На мысе Дежнева русская торговля уже обосновалась и, судя по началу, дело, вероятно, пойдет хорошо без какого-либо административного содействия, особенно если будет осуществлено предположение об устройстве сети радиотелеграфных станций на Чукотском полуострове и если удастся достигнуть более исправного, чем до сих пор, функционирования срочных рейсов Добровольного флота.

Что же касается мыса Чаплина (бухты Провидения) и Ново-Мариинского поста, то я полагал бы целесообразным устроить там, по примеру 1908 г., небольшие казенные товарные склады, поручив организацию и ведение дела Чукотскому и Анадырскому уездным начальникам по принадлежности, по ближайшим указаниям и под надзором камчатского губернатора с тем, чтобы от последнего также зависело установление всего порядка отчетности, контроля, назначения продажных цен, продажи поступающих в уплату за товары продуктов, вознаграждение за ведение дела названных должностных лиц и их агентов и прочее.

Означенные склады, которые путем приучения чукчей к русским товарам готовят почву для частной русской торговли, должны функционировать лишь до тех пор, пока в пунктах их нахождения не возникнет солидное частное предприятие, после чего они или ликвидируют свою деятельность, или перенесут ее в какой-либо другой пункт полуострова, где в них оказалась бы особенная надобность.

Из государственного казначейства на такую операцию потребовался бы единовременный отпуск на сооружение небольших помещений под товарные склады 3 000 рублей и на образование оборотного капитала 10 000 рублей. Оборотный капитал подлежал бы отпуску в два приема: в первый год потребовалось бы всего 10 000 рублей, а во второй 3 000 рублей».

Все эти планы и проекты, как в дореволюционный, так в послереволюционный период не получили осуществления, и только десять лет тому назад множество людей, населяющих Чукотский полуостров, не знавших спичек, белья и мыла, не имевших ни одного грамотного в крае чукчи, были взяты под опеку людьми новой эпохи.

В 1939 г. в Чукотском и Корякском национальных округах работало 112 школ, в которых училось свыше 8 тысяч человек. Открыты два педагогических училища для подготовки учителей из туземцев-чукчей и коряк. На Чукотском полуострове оборудовано в специально выстроенных зданиях пять больниц. Из края совершенно изгнано иностранное влияние, и все примыкающие к нему острова закреплены за Россией.

Мало кому известно, что остров Врангель только в 1916 г. был объявлен Российской территорией. Несмотря на это, англичанин Стефенсон в 1921 г., пользуясь разрухой у нас на севере, высадил на остров оккупационный отряд, поднял британский флаг и объявил, что этот остров отныне является владением Великобритании. Предназначенный на следующий год для смены оккупационный отряд не мог быть доставлен на остров, так как льды не позволили английскому пароходу подойти к острову. Находившийся на острове Врангель британский отряд погиб от цинги.

В сентябре 1922 г. находившаяся на охране наших русских территорий канонерская лодка «Магнит», выйдя из порта Номе на Аляске, направилась на остров Врангель, чтобы восстановить российское владение островом и поднять на нем Андреевский флаг. В двадцатых числах сентября, пройдя мыс Дежнева, «Магнит» около двух суток ждал перемены северных ветров, нагнавших массу льдов в Берингов пролив, благодаря которым он не мог пробиться.

Вторая попытка была сделана через несколько дней, но тоже оказалась безуспешной из-за постоянных северных ветров. Дальнейшие попытки были безуспешны: льды начали угрожать целостности парохода. Ввиду необходимости вернуться на охрану берегов Камчатской области и отсутствия надежд пробиться через льды, канонерская лодка «Магнит» вынуждена была оставить северные воды.

Таким образом идея восстановления прав России на владение островом Врангель принадлежит канонерской лодке «Магнит» во главе с ее доблестным командиром лейтенантом Д. А. фон Дрейер.

Канонерская лодка «Магнит» является последним кораблем Российского военного флота под Андреевским флагом, покинувшим Российские воды 2-го ноября 1922 г.

В 1923 г. на остров Врангель англичане доставили новый оккупационный отряд, а в 1924 г. советское правительство отправило туда вооруженную экспедицию и восстановило права России на этот остров, что вызвало довольно напряженные отношения между Москвой и Лондоном.

В 1926 г. на острове Врангель было создано первое чукотское поселение, и начальником острова назначен Г. А. Ушаков, которого через три года сменил А. И. Минеев, проработавший на острове пять лет.

Трудами этих русских людей и их преемников этот остров в настоящее время превращен в крупную экономическую факторию. На нем имеется школа, больница баня, свиная ферма, склады продуктов и товаров, пушные склады, катера для охоты в море, радиостанция, целый ряд жилых построек. Авиарейсы связывают остров с остальными пунктами Чукотки. На острове Врангель побывали научные экспедиции, открывшие различные горные богатства.

Освоение населения Чукотского полуострова надо признать законченным. Чукчи и эскимосы имеют свои книги на родном языке. Их научили печь и есть хлеб, ходить в баню, стирать нижнее белье и освободили от хищнической эксплуатации искателей приключений, спаивавших инородцев и расхищавших ценности огромного края.

К началу 1940 г. на Чукотском полуострове действовали 16 полярных станций, 3 культурных центра, 2 порта, несколько консервных заводов. По реке Колыме организовано пароходное сообщение. В бухте Нагаево на Охотском море выстроен порт и рядом большой город Магадан. Бухта Нагаево и Средне-Колымск на протяжении 600 км. связаны автомобильным шоссе и теле-

фонной линией. На строительство этой дороги в необитаемом крае пришлось завозить каждую лопату и каждый гвоздь. Шоссе лежит ровным полотном, днем и ночью по нему движутся легковые и грузовые пятитонные машины на Колыму. За пятнадцать часов они проделывают путь, на который раньше требовался месяц.

Через океан, по соседству с Магаданом, старые города Америки на Аляске — Ном и Фербенкс, насчитывающие 2—3 тысячи жителей, являются игрушечными по сравнению с Магаданом, где проживает сейчас свыше 10 тысяч человек. Наряду с маленькими бревенчатыми домиками здесь высятся четырехэтажные каменные дома с горячей и холодной водой, ваннами, телефонами и радио. Построено четырехэтажное здание школы. В новом городе несколько библиотек, три театра, два звуковых кино, парк культуры и отдыха, теннисные площадки, стадион, лыжные станции, зоологическая станция, несколько больниц с рентгеновскими кабинетами, химическими лабораториями и морскими ваннами. Магадан — это центр Колымского края. Отсюда идет строительство от Охотского моря до Северного Ледовитого океана, от бухты Нагаево до бухты Амбарчик. На тысячи километров раскинулись предприятия и строительства дальнего севера: прииски, рудники, шахты, геолого-разведочные районы и экспедиции, электрические станции, авиабазы, заводы, фабрики, речные затоны, рыбопромышленные, животноводческие, овощные, охотничье-промысловые хозяйства. Как Чукотский, так и Колымский край — это сплошная стройка. За последние пять лет в Колымском крае выстроено 57 поселков и городков, 11 национальных центров, 30 школ, 28 детских садов, 27 больниц, 175 медицинских пунктов. Везде золото, кругом золотосодержащие пески и россыпи. Добыча его производится круглый год путем взрыва торфов в вечной мерзлоте.

В дорожном управлении в Ягодном десятки инженеров и техников чертят профили новых дорог, другие ведут дорожные изыскания. В бухте Провидения строится новый порт. Уже проведены изыскания постройки первой в мире Приарктической железной дороги в таких недоступных местах, как долина реки Колымы. Эта железная дорога свяжет Берингово море с побережьем Северного Ледовитого океана и Камчатку с Якутском и Иркутском.

Русские люди новой эпохи твердой ногой становятся на окраинах России, и дикий, пустынный край, уголки мирового полюса холода, где морозы достигают до минус 76 градусов Цельсия, превращаются в огромные экономические центры.

Морской путь из Атлантического океана в Тихий по Северному Ледовитому океану также уже освоен, и не менее 200 кораблей проходят за лето этим путем.

Русский Север вступает в новую эру.

Приезд в Петропавловск генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, архиепископа Евсевия и протоиерея о. Иоанна Восторгова. В 1913 г. Петропавловск посетили Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, а позднее архиепископ Евсевий и гремевший в то время в России протоиерей о. Иоанн Восторгов. В это время Петропавловск переживал строительную горячку. Средства на строительство были исчерпаны, и для окончания работ требовались дополнительные ассигнования. Переписки с ведомствами ничего не давали. Целый ряд построек оставался в полузаконченном виде. Ознакомившись с положением на месте, генерал-губернатор Н. Л. Гондатти затребовал по телеграфу нужные кредиты, и в том же году мы получили возможность жить в прекрасных, теплых и оборудованных квартирах.

Н. Л. Гондатти посетил и побеседовал со всеми служащими областного управления. После чопорного Петербурга такое отношение к рядовым работникам влило в них новые силы, и те, срок службы которых на севере истек, сочли себя обязанными продолжать свою работу под руководством высокогуманного администратора Приамурского края. Правда, мы не можем пожаловаться и на высшую администрацию области, которая также была весьма проста в обращении и доступна для каждого. Мы всегда жили в Петропавловске дружной семьей — явление весьма редкое для захолустных окраин.

О Н. Л. Гондатти на Камчатке сохранились светлые воспоминания, как о крупном реформаторе. Для Камчатки он был свой, камчатский деятель, знал население и его знали лично почти все туземцы. В далеком прошлом Н. Л. Гондатти был более трех лет начальником Анадырского уезда — совершенно дикого в то время. Работа там была подвигом и самоотречением от всего личного и культурного. Край этот тяготел к Америке. Многие чукчи прекрасно говорили по-английски и совершенно не знали русского языка. Как летом на моржовых байдарках, так и зимою по льду они нередко перекочевывали на Аляску и подолгу там жили среди своих сородичей. В свою очередь жители Аляски чувствовали себя на Чукотке и в Анадыре как у себя дома. Понятно, что все создавало весьма деликатное положение для администрации края.

И если теперь произошло резкое разграничение границ между Россией и САСШ, то это есть плод многолетних трудов администраторов, отдавших северу молодые годы своей жизни. В этом отношении имена Н. Л. Гондатти и его преемников по справедливости должны быть занесены на страницы русской истории.

Приезд архиепископа Евсевия и протоиерея о. Иоанна Восторгова был связан с закладкой в Петропавловске Духовного училища с интернатом, в котором должны были подготавливаться дети туземцев к миссионерской и духовной деятельности. Было выстроено большое прекрасное здание и открыто Духовное училище.

Революция приостановила деятельность в этой области, так как по распоряжению Временного правительства все духовные учебные заведения перешли в ведение Министерства народного образования.

В 1914 г. Петропавловск пережил новое испытание. Население города было эвакуировано. Причина этого заключалась в том, что с объявлением войны германская эскадра из Циндао направилась на Камчатку, где германский флот намерен был учредить свою базу. План этот германскому флоту осуществить не удалось, так как Япония вступила в войну на стороне России, Англии и Франции, заняла Циндао и парализовала активность Германии в Тихом океане.

Целый ряд камчатских молодых казаков отправился на театр военных действий в качестве добровольцев и были зачислены в Камчатский полк. После того как произошёл развал армии, в конце 1917 г. они вернулись на Камчатку, и все явились Георгиевскими кавалерами. Население области высоко оценило их патриотический порыв и жертвенное служение Родине.

Война приостановила строительство, но камчатская рыбопромышленность работала удвоенным темпом на нужды армии. Как и везде в России, на Камчатке были организованы комитеты по сбору средств на нужды армии и раненых. Сотни посылок с подарками отправлялись отсюда в Действующую армию и среди них, вероятно, наибольший эффект вызывали кухлянки (меховая одежда), которые мы посылали нашим летчикам.

В дни революции. 1-го марта 1917 г. в Петропавловск пришли сведения о государственном перевороте в России. Сведения эти явились полной неожиданностью, и по обязанности военного цензора и по совещании с губернатором и прокурором суда опубликование их было задержано до получения указаний от Главной военно-цензурной комиссии. На посланный мною шифрованный запрос последовало лаконическое указание: «Опубликуйте все без замедления».

4-го марта после богослужения с паперти Петропавловского собора исполняющий обязанности губернатора А. Г. Чаплинский (Н. В. Мономахов с осени 1916 г. находился в отпуске. — *Ред.*) в присутствии Преосвященного Нестора, духовенства и администрации объявил горожанам о государственном перевороте в России и об отречении императора от престола.

Население встретило весть о революции безразлично. После призыва объединиться вокруг Временного правительства и помочь ему материально все на это откликнулись. Хотелось верить в лучшее будущее, однако все почувствовали себя весьма неловко после известия об аресте Царской семьи. Это акт Временного правительства открыто осуждался населением и считался им совершенно недопустимым в условиях бескровной революции.

В Камчатской области не было политических партий, и нескольким лицам, проживавшим здесь на положении ссыльно-поселенцев, была объявлена правительственная амнистия.

8 марта в присутствии губернатора, Преосвященного Нестора и администрации в Народном доме было созвано общее собрание горожан и представителей окрестных селений и на нем, согласно указаний Временного правительства, образован выборный Областной комитет общественной безопасности. Такие же комитеты были образованы в уездах.

От имени Областного комитета были сделаны представления Временному правительству о назначении должностных лиц. Исполняющий обязанности губернатора А. Г. Чаплинский и уездные начальники были переименованы в комиссаров Временного правительства. Областной комитет занялся хозяйственными вопросами края и разработкой проектов о местном самоуправлении, считая, что до Учредительного собрания административный аппарат области не должен быть изменен. Все мы дружно сотрудничали, и никаких разногласий между нами не возникало.

В конце марта из Петрограда была получена телеграмма, в которой предлагалось заменить А. Г. Чаплинского и старую администрацию вновь избранными лицами, так как правительство считало неудобным в условиях революции оставление их у административного аппарата. Попытки воспротивиться этому успеха не имели, и в апреле административный аппарат Камчатской области был переформирован. Областным комиссаром был избран член окружного суда, председатель Областного комитета К. А. Емельянов, его помощником — областной агроном И. Д. Добровольский, председателем Областного комитета — автор этого очерка и его заместителем член Второй Государственной Думы И. Ф. Голованов. Вместе с этим была образована комиссия по созыву Первого Камчатского областного съезда представителей от населения для обсуждения и разрешения всех затрагивающих интересы области вопросов.

Русская революция, как всякая революция, дала волю анархически настроенным элементам. Особенно много их находилось на Камчатке. Легальными и нелегальными путями проникали они сюда, спасаясь от военной службы, растекались по соболиным заповедникам и золотоносным районам, где годами занимались хищничеством и сбытом ценностей через сельских посредников. Когда пришла революция, весь этот элемент выполз из своих нор и появился в разных местах области и в Петропавловске. Отдельные лица начали вести себя вызывающе и выступать против администрации. Эти люди стали требовать возврата конфискованной у них ранее судебными властями пушнины и компенсации за потерю времени по отбыванию наказания в тюрьме. На предложение обратиться в суд последовали угрозы рассчитаться пулей.

Уже 6-го марта начальник гарнизона ротмистр В. А. Иеропес выпустил объявление с угрозой применить оружие против анархически настроенных элементов, первым делом сорвавших в магазинах печати над спиртными на-

питками и насильственно заставлявших купцов открыть продажу таковых. Лояльность команды и туземного населения давали власти видимую опору, и анархия была в Петропавловске парализована.

Но не то было в области. Проживавшими здесь русскими, объединившимися под черным знаменем, начало твориться что-то невероятное. В Палане ими были отобраны в домах все царские портреты и публично растоптаны. В Наяхане появился монах, объявивший себя пожизненным защитником, ходоцем и представителем инородцев, на каковой пост он будто был избран пятью тысячами коряк. Он вышел из подчинения духовной власти и областной администрации.

На посту Ново-Мариинском был арестован уездный начальник К. Г. Царегородцев и создан Анадырский народный Совет, заваливший «доблестного Родзянко» нелепыми телеграммами и игнорировавший областную власть. В конце июня группа хищников, все время издевавшаяся над К. Г. Царегородцевым, доставила его в Петропавловск для народного суда. Обвинительный материал в нескольких томах был передан прокурору окружного суда. Никакой вины за К. Г. Царегородцевым не значилось. Его обвиняли в том, что он законными мерами боролся с хищничеством и спаиванием инородцев и не допускал обирать их. По освобождении К. Г. Царегородцева последовал призыв к резне, и недовольные выехали во Владивосток. Эта же анадырская группа в 1916 г. посылала телеграммы Государю Императору и всем министрам, обвиняя К. Г. Царегородцева в неуважении к портрету наследника, вблизи которого висели шкурки белых песцов, сданных в казенный склад.

Охотский уездный начальник был отстранен в конце марта. Власть перешла в руки горнорабочего Панова, состоявшего уездным комиссаром. С большим мужеством он боролся с анархией. Гижигинский уездный начальник В. Б. Осмоловский сдал свою должность в августе 1917 г.

Вновь прибывшие на Камчатку лица занялись национализацией и посеяли вражду между туземцами и русскими. Нас беспрерывно запрашивали по телеграфу, какие меры приняты к защите интересов тысяч инородцев, исконных хозяев края. Антагонизм углублялся и привел в образованию в некоторых местах двух органов власти: Инородческих управ и Комитетов, не признававших друг друга.

Для урегулирования взаимоотношений и разрешения на местах разных вопросов на яхте «Адмирал Завойко» в Охотск выехал областной комиссар К. А. Емельянов. Результатом его выступления в Охотске была национализация золотых приисков Кольцова и Фогельмана. По требованию Областного комитета прииска были возвращены владельцам, но вскоре отобраны навсегда. Действия К. А. Емельянова были признаны недопустимыми, и был решен вопрос о его замена новым лицом на областном съезде.

Примерно в это же время взбунтовалась Камчатская казачья команда, потребовавшая увольнения со службы, которую они несли до глубокой старости. Камчатское казачество почему-то было причислено к Министерству внутренних дел, выполняло всякие повинности и совершенно не было обеспечено. Правительство безразлично отнеслось как к этому, так и к многим другим сложным вопросам, и все это легло на плечи Областного комитета.

Тем временем к нам поступали из Петербурга различные законодательные акты, нередко по телеграфу. Как на курьезы законодательного творчества можно указать на закон о введении управления в Командорском уезде тойонами (князьями). Составители этого закона, вероятно, не знали, что означает тойон, как не знали и того, что все население Командорского уезда было грамотно и всегда жило оседлой жизнью на островах Беринг и Медный в двух селениях — Никольском и Преображенском. Не менее непонятное телеграфное распоряжение было получено в июле о закрытии всех границ с соседними государствами. Это требовало мирового флота и миллионы войск. Ни того, ни другого у нас не было. После продолжительных телеграфных переписок эти распоряжения были отменены. Все это показывает, что в центре, в Петербурге, не было знаний в деле управления нашей окраиной.

С 20 июля по 8 августа в весьма торжественной обстановке происходил Первый Камчатский областной съезд представителей туземного и городского населения. На съезд прибыло 46 делегатов, а также были приглашены представители ведомств и сведущие лица. Президиум съезда по единогласному выбору делегатов составил из: председателя К. П. Лаврова, его заместителей А. А. Пурина и Ф. М. Коршунова, секретарей И. Ф. Голованова и В. П. Леонтьева. В работах съезда участвовали областной комиссар К. А. Емельянов, от Приамурского краевого комиссара капитан А. А. Борисоглебский и от Управления государственных имуществ М. С. Алексин.

В истории Камчатской области этот съезд имеет исключительное значение. На нем впервые за всю историю края были заслушаны мнения туземцев, обрисовавших особенности их жизни, состояние местного хозяйства, и разработан план переустройства экономической и хозяйственной жизни края. Съезд создал краевую общественную и административную власть. Выбранные лица были утверждены Временным правительством.

С тем, что было принято на съезде в 1917 и на втором съезде в 1918 гг., пришлось считаться всем последующим правительствам. Во всей полноте решения съездов были осуществлены советской властью, и многие предложения съезда вошли в существующее законодательство. Говоря об этом, мы должны заявить, что в те времена мы не могли думать об авиалиниях, аэросанях, железных дорогах и о многом другом, что в настоящее время проводится на севере. Наши пожелания носили гораздо более скромный характер. С решениями съездов 1917 и 1918 гг. интересующиеся могут ознакомиться

в изданных протоколах и трудах съездов, в свое время отпечатанных и широко распространенных по разным ведомствам, учреждениям и библиотекам Дальнего Востока.

Борьба с анархией. 3 августа 1917 г. в зал заседания Первого Камчатского областного съезда явился прибывший из Владивостока гр. Каширинов и попросил вне очереди выслушать его заявление и доставленные им из Владивостока от Совета рабочих и солдатских депутатов документы. Просьба эта была удовлетворена.

Съезд заслушал следующий документ: «Выписка из протокола № 65 заседания исполнительного комитета Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов 24 июля 1917 г. Председатель Михайлов, секретарь Игловская.

Слушали: доклад тов. Игловской о положении дел на Камчатке. Все остается там так, как было до переворота. Свободы до сих пор еще фактически нет. Во главе стоят бывшие чиновники губернатора, которые, скрываясь от посылки в войска, отбывают свой военный долг в числе чинов жандармской команды, которая и держит в руках всю камчатскую жизнь, не давая реформировать ее на новых началах свободы. До сих пор идут там полным темпом злоупотребления по службе. Делегат Камчатки просит, чтобы семь чиновников, которые теперь правят на Камчатке, были сменены и заменены комиссарами. Обращались к Приамурскому краевому комиссару А. Н. Русанову о назначении комиссаров, но он ответил отказом, потому Комитет безопасности Петропавловска просит, ввиду своей полной беспомощности, Совет рабочих и солдатских депутатов принять меры и ввести новый строй. Кроме того, делегат просит прислать людей, которые бы объяснили все события русской жизни после переворота 1-го марта.

В силу этого Совет постановил: 1) Составить смешанную комиссию и отправить ее в Петропавловск. 2) Отозвать через А. Н. Русанова группу правительственных чиновников. 3) Отозвать через командующего войсками Камчатскую команду. 4) Демобилизовать в Шкотово призванных камчадалов и отправить их обратно на Камчатку».

Все были возмущены вмешательством посторонней организации в дела Камчатской области, и члены съезда высказались за то, чтобы в случае появления из Владивостока комиссии арестовать ее и выслать из области.

Съездом единогласно было высказано следующее: А) Съезд полагает, что каждая область имеет неотъемлемое право внутреннего самоуправления и признает за населением Камчатской области право устройства своей общественной жизни внутри своей области сообразно его бытовому и хозяйственным интересам.

Б) Съезд полагает, что только органы общественной власти Камчатской области, созданные сами населением, могут вести общественные свои дела,

и что этого права по отношению к Камчатской области лишены органы общественного самоуправления других областей. Органы общественного управления Камчатской областью могут быть контролируемые или центральными государственными учреждениями, или центральными краевыми учреждениями.

В) Съезд утверждает, что население Камчатской области в полном объеме пользуется гражданскими свободами и достаточно ясно представляет себе смысл и значение происшедшего государственного переворота и на пути свободного устройства своей общественной жизни и защиты своих жизненных интересов не встречает препятствий ни со стороны контрреволюционных сил, ни со стороны каких-либо других сил, которые мешали бы его свободному проявлению инициативы.

Съезд подтверждает свое решение, что руководство в делах общественной самодеятельности населения Камчатской области впредь до введения земских учреждений принадлежит Камчатскому Областному комитету, организованному из представителей всех волостей области, а на местах — волостным комитетам. Государственный же надзор за закономерностью действий их осуществляется через областного комиссара и его помощника, избранных на съезде и утвержденных Временным правительством.

Г) Съезд указывает, что показателем гражданской и общественной зрелости населения Камчатской области является самый факт съезда представителей всего оседлого населения Камчатской области и его решения, касающиеся всех сторон общественной хозяйственной жизни края.

Д) Съезд выражает свое негодование тем из граждан Камчатской области, которые своим односторонним и тенденциозным освещением общественности на Камчатке дали основание вмешиваться во внутренний ход жизни нашей области комитету Совета солдатских и рабочих депутатов Владивостока.

Далее съезд, выслушав сведения о личности гр. Каширинова и разъяснения представителей областной власти, признал, что деятельность его проникнута всецело действиями анархического и контрреволюционного порядка и в силу этого единогласно постановил подвергнуть гр. Каширинова через прокурора Петропавловского окружного суда личному аресту впредь до расследования его дела следственной комиссией.

Каширинов был арестован тут же в зале заседания присутствовавшим на съезде прокурором окружного суда и передан начальнику милиции. Через несколько дней он был выслан из области без права обратного въезда.

Во время работы съезда был получен ряд телеграмм о совещаниях, созываемых в Петрограде и в Хабаровске и о командировании на эти съезды представителей области. На съезд в Хабаровск для рассмотрения задач ближайшего момента Приамурского края были командированы член областного комитета И. Д. Добровольский, областной комиссар К. П. Лавров, делегат

областного съезда г. Брагин и областной горный инженер С. Д. Оводенко. Такой же съезд созывал в Хабаровске и краевой Совет рабочих и солдатских депутатов. На это съезд от местной команды выехал г. Олейник, перешедший потом в коммунистическую партию. На созываемое в Петрограде совещание председателей областных комитетов и областных комиссаров никто из нас поехать не мог ввиду отъезда части деятелей в Хабаровск и сложности обстановки в крае.

Чтобы разрядить созданную анархически настроенными элементами атмосферу на Дальнем Востоке и в Петрограде, от имени областного съезда Временному правительству и Приамурскому краевому комиссару, а также разным организациям была отправлена следующая телеграмма: «Заседающий в Петропавловске Первый Камчатский областной съезд представителей населения области уведомляет Вас, что представители полицейской власти от должностей устранены, частью призваны в войска, частью выехали. По отношению к оставшимся съезд принял меры устранения их влияния на ход общественной жизни в области вплоть до выселения. Съезд в течение двадцатидневных своих занятий разработал новые формы общественного управления областью на самых широких демократических началах с действительным осуществлением народовластия. Решения съезда сообщены правительству, городское самоуправление уже вводится в Петропавловске по телеграмме Правительства.

Съезд избрал новых областного комиссара и его помощника. Кандидаты представлены на утверждение правительству. Областным комиссаром избран заведующий статистико-экономическими обследованиями пушных промыслов в области, член партии социалистов-революционеров и активный работник в рядах этой партии с 1905 г., за что не раз отбывавший тюрьму и ссылку, Константин Прокопьевич Лавров. Помощником областного комиссара избран член Второй Государственной Думы социал-демократической фракции, отбывавший за принадлежность к этой фракции каторжные работы, Иван Федорович Голованов.

Съезд организовал новый Областной комитет из представителей от всех волостей области. Председателем Областного комитета избран председатель прежнего состава Александр Антонович Пурин. Съезд постановил реорганизовать областную канцелярию согласно требованиям общественного управления. Съезд принял решения по всем вопросам общественного и экономического значения для области.

Делегаты съезда выезжают в город Хабаровск на Краевое совещание. Вместе с ними едут делегаты Областного комитета и от города Петропавловска. Обо всем делегаты области изложат лично общественным организациям».

Краевой съезд закончился, и жизнь Камчатской области начала биться оживленным темпом. Население края было привлечено к взаимному со-

трудничеству с администрацией. На съезде было разъяснено, что никакие национализации и самоуправления, вроде национализации приисков в Охотске, требования о сносе крупных рыбоконсервных заводов в устье реки Камчатки или национализации таковых недопустимы и что только законными путями можно идти в деле тех или иных переустройств. Члены съезда разъехались, удовлетворенные своей работой и с верой, что в России установится государственный строй, отвечающий праву свободного человека и гражданина.

Пока наши делегаты находились во Владивостоке и в Хабаровске, в Камчатской области происходили выборы в Учредительное собрание, в которое и был избран К. П. Лавров. Вернувшись в Петропавловск, он передал свои обязанности И. Ф. Голованову и выехал в Петроград.

Тем временем нам стало известно о свержении Временного правительства и приходе к власти Совета Народных Комиссаров. Последнее распоряжение, полученное нами из Петрограда, было ни в каком случае не признавать советской власти и удержать в области установленный Временным правительством порядок.

Здесь надо заметить, что с последним пароходом в навигацию 1917 г. в Петропавловск прибыли неизвестно кем отправленные из Красноярска и Шкотово воинские части, в общей сложности свыше 300 человек. Среди чинов этих отрядов находились известные на Камчатке хищники, недавно призванные на военную службу. Этим вооруженных людей сопровождали какие-то уполномоченные без офицерского состава. Прибывшие потребовали, чтобы местная команда была отправлена на фронт, а они займут их место. На этой почве до чрезвычайности обострились отношения между прибывшими и областной властью. По совещании с начальником гарнизона капитаном Плотниковым, сменившим уехавшего на войну ротмистра В. А. Иеропеса, было решено пополнить из прибывших штат местной команды до комплекта, предусмотренного законом, а всех остальных демобилизовать.

С закрытием навигации ко мне обратился г. Олейник с просьбой высказать взгляд на образование в Петропавловске Совета солдатских и рабочих депутатов и о переименовании Областного комитета в областной Совет. Не удовлетворившись, вероятно, услышанным, в начале декабря мы были осведомлены о том, что в Петропавловске создан Совет во главе с И. Е. Лариным. Этот Совет сразу же вступил в борьбу с Областным комитетом.

1 января 1918 г. Совет созвал большой митинг и объявил себя высшей властью в гор. Петропавловске. На этом митинге было высказано, что Областной комитет имеет буржуазное направление, и что члены его кроме пули и веревки ничего другого не заслуживают. На митинге пытались выступить защитники народовластия, которые доказывали, что Областной комитет очень далек от буржуазного направления и является подлинным выразителем воли населения области, но ответом на это служили призывы к «плас-товне» и расправе с комитетом.

Началась тяжелая беспокойная жизнь и еще более тяжелые условия для работы. И. Ф. Голованов под давлением Совета сложил с себя обязанности комиссара Временного правительства и функции свои передал Областному комитету.

Правительство в Петербурге молчало. 1918 г. потребовал ассигнования кредитов для области, и в ответ на посылавшиеся в соответствующие инстанции ходатайства я получал телеграммы за подписью Ленина производить беспощадное обложение имущих классов на удовлетворение всех крайних потребностей. В то же время Петропавловский Совет получил инструкции и перевод от имени Ленина в десять тысяч рублей на организацию Красной гвардии.

Отрезанным от всего, нам порою казалось, что Государства Российского более не существует. Самые противоречивые сведения поступали по радио из разных областей. Эти сведения говорили об образовании в разных местах областных правительств, вступавших в борьбу с Советами. На горизонте в это время появилась Сибирская областная Дума и Сибирское правительство, с которыми мы и попытались вступить в связь, но эта связь была прервана. Где-то и кто-то не пропускал наших телеграмм.

Мы убеждали Петропавловский Совет, среди членов которого было много старых знакомых, не раздирать Камчатку, как это сделано с Россией, но от нас требовали пренебречь решениями областного съезда и желаниями населения и бесприкословно признать советскую власть. С этим мы никак не могли согласиться.

Приехавшие с последним пароходом демобилизованные люди разъехались по Камчатке и занялись самоуправством. Вот как обрисовывали донесения положение дел в Охотске и в его уезде: «...Боже мой, что здесь творится. Золото добывает каждый сам себе, золото пропивает каждый сам свое. Выгонка самосадки рисовой и мучной кругом приисков дело открытое. Рис приобретается на золото, которое уплывает десятками фунтов. На приисках часто административные функции исполняет горный коллектив, который за проступки: драки, воровство и т. п. расправляется коротко — “дать полсотни или сотню горячих”, и секут виновного до полусмерти. Указанный суд только один, других наказаний почти нет, разве кроме большого штрафа золотом, каковое виновный не может внести. Это суд коллектива над рабочими, но бывает, что общее собрание горнорабочих таким же образом судит и наказывает коллектив за что-нибудь неправильно содеянное. Это так самоуправляются прииска. В городе же есть свой Совет и Комитет, творящие тоже что-то неладное. В уездном Совете люди малограмотные, и большинство устраивают свои дела посредством общих народных сходок, где берет верх несколько крикунов, вечно гуляющих и пьянствующих. Общее впечатление таково: никто не подчиняется ни центральному правительству, ни областной власти,

говоря, что теперь власть на местах. Около отдельных крикунов в уезде группируются враги всякого благоустройства и сторонники анархии. Сейчас с наших мест бороться со всем разлагающим, что начинает проявляться, становится трудно. Самое же главное — необходима борьба с выгонкой самосадки, торговлей спиртом и спаиванием инородцев. В состоянии опьянения честный трудовой народ легко поддается влиянию публики, шатающейся без определенных целей и стремлений, развращающей его всесторонне...»

В таком же положении обстояло дело и в других уездах. В начале марта 1918 г. группа делегатов населения попросила меня созвать совещание с представителями ведомств для обсуждения мер борьбы с развивающейся в области анархией. На этом совещании единогласно было признано, что край попадает в руки уголовного и анархически настроенного элемента, которому ни в каком случае нельзя передавать власть, так как этот элемент мечтает о дележе государственных и частных ценностей и в политическом отношении за исключением четырех-пяти лиц ничего из себя не представляет. Было признано необходимым впредь до образования в России или в Сибири общепризнанной власти объявить Камчатскую область автономной республикой, распустить городской Совет и Красную гвардию и решительными мерами изолировать анархистов с высылкой их из края. Делегаты заявляли, что они имеют согласие волостей дать вооруженную силу в распоряжение Областного комитета. Представители казачества сделали такое же заявление. Члены окружного суда во главе с председателем предложили план временной автономии края, который вполне отвечал нашим нуждам.

Все изложенное диктовалось следующими соображениями: 1) Огромная окраина, находясь под напором иностранцев, не видела на себе российской заботы и не могла даже видеть признаков проявления этой заботы в ближайшее время. 2) Являясь богатой стороной с издавна установившимися торговыми сношениями с соседними странами — Японией и Америкой — Камчатская область при соответствующей постановке своего областного хозяйства могла бы быстро стать одной из богатейших областей России и самостоятельно развиваться в экономическом и культурном отношении, отдавая в то же время значительную часть своих средств соседним областям для борьбы с анархией. 3) В рассматриваемый период областная власть, лишенная средств и прав, оторванная от центра или вынуждена прибегать, как это рекомендует Москва, к незаконным действиям налогового обложения, или представлять собою пародию власти.

Чтобы устранить все имеющие место несуразности и безболезненно разрешить для Камчатской области все жизненные вопросы с наибольшей пользой, как для государственных, так и местных интересов, требовалось: 1) Устранить обстоятельства, препятствующие сохранению порядка и законности. 2) Образовать соответствующий административный аппарат

и 3) Определенное установление пространства прав Областного комитета на заведование и распоряжение естественными ресурсами края.

Говоря просто, совещание признало нужным положить в основу существования Камчатской области принцип экономической и политической автономии до того момента, пока не появится всеми признанная в России власть.

С освобождением от анархии соседних областей с таковыми должно быть установлено сотрудничество. Каждая область должна была стоять пред центральной властью как крупный живой организм. Связывающим звеном, с одной стороны, являлся бы представитель центра во главе областного правительства, с другой — очень самостоятельное земство. В каждой области надлежало разграничить общегосударственные интересы от местных в силу различных экономических особенностей дальневосточных областей.

18 марта 1918 г. Петропавловский Совет вынес решение о захвате власти в области вооруженной силой. Совет в то время располагал большими кадрами анархически настроенного элемента, привлеченного вместе с корейцами и китайцами в Красную гвардию. Все они были вооружены. Областной комитет не имел вооруженных сил, но за его спиной стояло туземное население.

В ночь на 19 марта была назначена «пластовня», которой подлежали члены Областного комитета, купцы, чиновники, домовладельцы и противники анархии. О грозном положении было сообщено в ближайшие волости по телефону, которые выслали в распоряжение Областного комитета, выехавшего за город, вооруженные отряды. Прибывшие из волостей люди заявляли, что надо сейчас же покончить с советской властью и установить в крае порядок. В основу переустройства области был положен акт о временной автономии Камчатской области. Был отдан приказ о роспуске Совета и Красной гвардии. Одновременно были назначены административные лица, которые и должны были привести анархически настроенный элемент в покорность.

Петропавловский Совет принял требование и заявил, что он готов самораспуститься. Делегаты Совета успели уже побывать в местах расквартирования прибывших вооруженных людей и внушить им, что за власть они не держатся, но что они избраны горожанами и поэтому просят разрешения «подлинных хозяев области» собрать горожан на митинг, который и должен снять с них полномочия. Представители населения с этим согласились, заявив, что если будет тронут кто-либо из членов Областного комитета, то в ответ на это туземцы перебьют всех находящихся в области русских.

При таком обороте дел нам стало ясно, что план умиротворения области уже неосуществим, что из всего намеченного ничего не выйдет, и что русскому Северу предстоит пережить все то, что переживает Россия в целом.

Совещание представителей организаций и горожан при участии делегатов от волостей и членов Областного комитета и городского Совета тянулось два дня. В результате их акт об автономии и приказ № 1 были отменены

подавляющим большинством голосов на том основании, что приказ «железной рукой» охватывал жизнь «свободных» граждан и приводил их к полицейской опеке.

Совет и все организации города признали за Областным комитетом авторитет высшей власти в области, но в то же время за Петропавловским Советом было признано право на власть в городе Петропавловске. В состав Областного комитета были делегированы представители Совета. Споры о власти парализовали всякую возможность работы. Начались требования об ассигновании Совету средств из расчета 300 рублей холостому и по 400 рублей семейному на 20 человек членов Совета, на издание газеты, на Красную гвардию и прочее. Эти требования Областной комитет не мог удовлетворить за отсутствием средств и на том основании, что все члены Областного комитета работали бесплатно, а присланных от волостей содержали сами волости. Не было также разрешено проведение обысков для изъятия ценностей у частных лиц и налоговое обложение населения города по усмотрению Совета.

Не видя поддержки со стороны, я через несколько недель сложил свои полномочия и передал их своему заместителю П. Я. Сусляку. Вслед за мною покинули Областной комитет и многие делегаты области. Вошедшие в состав Областного комитета горожане переименовали таковой в Областной Совет, и в Камчатской области воцарилась советская власть. Окружной суд и целый ряд правительственных учреждений был распущен или перестроен на новый лад, и во главе их встали малограмотные люди с самой отрицательной репутацией. Почти весь состав Областного комитета был объявлен врагом трудового народа, а позднее приговорен к высшей мере наказания.

Не имея возможности выехать с Камчатки, мы, «враги народа», люди из народа, жили одной небольшой семьей, сами себя охраняя и защищая. Всякое общение со знакомыми, понятно, было парализовано новой властью.

Господство большевиков на Камчатке длилось недолго: с апреля по июнь 1918 г. Как относилось население к новой власти, лучше всего характеризует следующий документ, получивший широкое распространение: «Мы не понимали вначале разницы между народовластием и советовластием, хотя и протестовали захвату власти советами. Скоро оказалось, что новые люди стали заводить новые порядки и по новым порядкам назначать себе новые оклады. Кто в советах получал новые небывалые оклады, были рады новым порядкам, а мы смотрели и не понимали, где же оно, хорошее: вместо одного начальника — их стало десять, вместо трех городских — тридцать.

Известные нам мошенники стали комиссарами. Прохвосты и воры стали диктовать правила и постановления. Наши хорошие решения и улучшения краевого съезда 1917 г. остались в книжках. Наши камчатские советчики оказались не друзьями, а врагами народа, так как сами ничего не понимают, призывают людей к трезвости, пьянствуя беспросыпно день и ночь...

Мы зовем пойти за теми, кто не за деньги желает добра народу, кто не гонится за властью, ждя властвования, а заботится о создании законной власти народа, бескорыстно работает, рискуя собственной головой. Мы пойдем за ними и поддержим их всем, чем можем...»

При таковых настроениях населения представители новой власти чувствовали себя далеко неважно. Свои неудачи они заливали спиртом, картежной игрой, пропагандой и угрозами, запрещая в то же время больному купить бутылку виноградного вина. Продукты в области исчезли. Запасы денег в казначействе истощились, так как все лица, имевшие сберегательные и текущие счета, таковые закрыли. Начинался рыболовный сезон, но не было соли и бочек. Совет непрерывно устраивал митинги, обвинял во всем контрреволюционеров, посылал телеграфные проклятия белогвардейцам и требовал от Краснощекова в Хабаровске присылки 300 тысяч пудов соли и продуктов. Но соль не приходила. Оказалось, что русские пароходы с солью и продуктами были задержаны в Японии, о чем представители населения были извещены российским консулом в Хакодате г. Лебедевым. Это было результатом властвования анархически настроенных элементов, разграбивших японские рыбалки и склады товаров при них в разных местах Охотского моря.

Выехавшие во Владивосток представители Совета присылали успокаивающие телеграммы и сообщали о скором приходе военного корабля «Магнит», который разделяется с «белобандитами», но позднее оказалось, что делегаты были во Владивостоке арестованы при перевороте.

На Камчатке создалось трагическое положение для туземцев. Все понимали, что выход один: сменить власть, но Советы на это добровольно не шли и довели численность отряда Красной гвардии до 250—300 человек, вооружив их отобранным от фирм оружием.

Переворот в области. Поздно вечером 11 июля из ближайшего селения на лодках прибыло человек 25 вооруженных казаков-камчадалов, оцепивших мою квартиру и район радиостанции на окраине города, прервав все сообщение с городом. Все приходившие оттуда задерживались и обратно в город не выпускались. Вслед за этим прибыли делегаты от волостей и члены Областного комитета, проживавшие в Петропавловске. В полночь открылось заседание, на котором представители населения просили Областной комитет взять в свои руки власть в области. Все готовы были сложить свои головы, если бы красногвардейцы думали оказать вооруженное сопротивление. Представители населения уверяли, что в пути находится несколько сот вооруженных туземцев и казаков, отправленных волостями в распоряжение Областного комитета.

Отряд в 35 человек между 2 и 6 утра разоружил Красную гвардию, областной и городской Советы и весь анархически настроенный элемент в числе

до 400 человек. Проснувшись утром, горожане были крайне удивлены, увидев национальные флаги в городе, и сердечно приветствовали новую власть.

В тот же день по телеграфным распоряжениям Областного комитета были восстановлены волостные и городские органы управления, все учреждения, действовавшие в области до октябрьского переворота, и во всех пунктах области произведены аресты анархически настроенного элемента. Все они были высланы из области без права въезда обратно.

Обстановка потребовала организацию управления на началах автономии, что и было осуществлено. Местная команда была создана из людей, присланных по выбору из волостей и за их ответственностью. Охрана города была организована из мобилизованных надежных домовладельцев и коммерсантов, составивших городскую милицию, переданную в помощь правительственной милиции.

По призыву Областного комитета население начало вносить в казначейство деньги, и через несколько дней мы уже располагали несколькими сотнями тысяч рублей, необходимыми для текущих расходов. Из Японии начали прибывать корабли, и все задержанные там русские суда с солью и продуктами были освобождены. Жизнь в течение каких-нибудь десяти дней вошла в нормальную, дореволюционную колею. Сотни телеграмм из разных мест области приветствовали горячо Областной комитет, и все предлагали отдать на охрану мира в крае своих сыновей. В нашем распоряжении находилась и яхта «Адмирал Завойко», имевшая два орудия и до 400 снарядов.

С течением времени удалось связаться с Сибирским правительством, от которого была получена телеграмма, дающая право Областному комитету рассмотрения и утверждения всех областных смет и производства расходов. Ставки окладов были пересмотрены и увеличены всем младшим служащим и рабочим, что улучшило их материальное положение. Были проведены многочисленные реформы в различных областях хозяйственной и административной жизни края. На многие ответственные должности были назначены уроженцы Камчатской области и вновь прибывшие в край интеллигентные силы. На рыбалках все же много было анархически настроенных людей, причинявших порою много забот и не желавших подчиняться установленному порядку.

Спустя десять дней после переворота из разных мест западного побережья Камчатки поступили донесения, что в селения заходили вооруженные японские морские части и выясняли там количество большевиков. Почти одновременно в Петропавловск прибыло японское военное судно с десантом, а затем и японский консул г. Огата со штатом служащих. Мы знали, что Дальний Восток оккупирован, и что создается новый союзный фронт против советского правительства. Прибывшие японские морские и консульские власти прямо с парохода посетили Областной комитет и интересовались положением в крае. Они выразили свое удовлетворение, что население Камчат-

ской области своими силами избавилось от анархии и установило в крае законность и порядок, и что никаких недоразумений между русскими и японцами не происходит. О новом положении в области представители Японии донесли в Токио, и оттуда десантные части были с Камчатки отозваны.

Установившиеся хорошие отношения между населением и японскими рыбопромышленниками (они были всегда) и дружеские отношения между японскими представителями и областной властью имели в то время особое значение.

Камчатка не имела связи с материком. Японское правительство удовлетворило просьбу Областного комитета о направлении радиотелеграмм транзитом через Японию, что связывало нас со всем миром. В целом ряде селений начинался голод и не было продуктов. Эта проблема легко была разрешена через японских и русских рыбопромышленников, снабдивших население всем нужным из своих припасов и доставивших из Хакодате с ближайшими пароходами необходимые товары. Повсюду на рыбалках японские врачи и медицинский персонал бесплатно лечили население и снабдили наши фельдшерские пункты медикаментами.

Японская фирма «Юсуцу-Шукухан-Кайша» в районе Явино, Кошегочек и Опала, ознакомившись на месте, что дети обучаются в какой-то хибарке, привезла из Японии лес и рабочих, выстроила на свои средства прекрасное здание школы и подарило его населению. Эта же фирма, как и другие, всегда оказывали бесплатную помощь в погрузке и разгрузке заготовленных населением рыбных продуктов и прибывающих товаров. Эта проблема на Камчатке весьма сложна.

Летом на Камчатке проживает свыше 20 тысяч японских рабочих-рыболовов. Из-за незнакомства с языком при сношениях создаются многие трудности. Очень много русских рыбопромышленников и коммерсантов в своей деятельности были связаны с Японией и часто туда ездили. У нас не было особого дипломатического чиновника, и в вопросах внешних сношений как-то надо было уладить этот вопрос с японской стороной.

После переговоров выход был найден в том, что японское правительство назначило имевшего некоторые познания в японском языке старшего делопроизводителя канцелярии Областного комитета П. М. Клочкова почетным членом японского императорского консульства в Петропавловске, о чем Областной комитет был извещен отношением японского консула от 4 ноября 1918 г. за № 19, и о чем был отдан мною приказ по области. Это чиновник ведал делами иностранных сношений и с другими иностранными представителями, являлся докладчиком и получал указания по всем возникавшим вопросам и делам непосредственно от председателя Областного комитета.

14 сентября 1918 г. в Петропавловске открылся Второй Камчатский областной съезд. Представители населения одобрили все действия Областного ко-

митета, дополнили постановления Первого съезда и по докладу К. П. Лаврова, признали нужным образование Рыбного управления на Дальнем Востоке, в котором бы концентрировались все вопросы рыбопромышленности, пушного и звериного хозяйства. Все внеконвенционные воды должны были перейти в распоряжение местного населения, от эксплуатации которых должны были бы строиться школы, производиться дороги, приобретаться пароходы, создаваться небольшого типа рыбоконсервные заводы, удовлетворяться различные земские и инородческие нужды края. Областной съезд переизбрал президиум Областного комитета в прежнем составе и сделал комитет менее громоздким. В его состав вошли по одному представителю от уездов и от инородцев — якут В. Г. Сивцев. Областному комитету было дано право мобилизовать в случае нужды казачество для борьбы с силами анархии, если она появится в области. Но самым замечательным было постановление, в силу которого Областной комитет не мог быть распущен никакой временной властью впредь до восстановления в России общегосударственного аппарата.

В этот период на Камчатку прибывает целый ряд различных научных экспедиций. Переселенческое управление присылает свои организации для постройки дороги, гидротехнических работ. Были открыты десятки новых школ и фельдшерских пунктов. Приезжают врачи и учителя. Прибывает много лиц с высшим образованием — клад для края. Открываются новые магазины. Областной продовольственный комитет во главе с П. А. Смирновым энергично производит заготовку продуктов во Владивостоке, Харбине и в Японии и снабжает ими казенные склады. Заготовки этой организации выразились в 10 миллионов рублей.

Все обещает краю большую будущность. Мы работаем, не считая часов. Все для края — ничего для себя.

Вскоре после установления во Владивостоке антисоветской власти на Камчатку были отправлены охранные суда и в числе их канонерская лодка «Якут» под командой старшего лейтенанта г. Коренева. С чувством признательности к капитану Кореневу, господам офицерам и команде мы отмечаем момент, когда прибывшие с рыбалки люди в числе свыше 500 человек, захватив один из пароходов вместе с его администрацией, не подчинились распоряжению Областного комитета в чисто административном порядке. Командиру «Якута» об этом было послано письмо с просьбой привести непокорных в порядок мерами, которые он найдет нужным. Командир «Якута» со свойственной военным решимостью заставил администрацию парохода выполнить распоряжение Областного комитета и усмирил бунтующих разумными, но решительными мерами. Действия г. Коренева укрепили авторитет власти и заставили многих очень задуматься. При этом инциденте не было применено оружие, хотя были моменты, когда казалось, что корабль придется потопить из орудий со всем находившимся на нем анархически настроенным элементом.

С укреплением Сибирского правительства в Омске с ним была установлена связь. Был возбужден вопрос о назначении представителя этого правительства на Камчатке. 16 октября 1918 г. на имя К. П. Лаврова с копией Областному комитету поступила следующая телеграмма: «Согласно желания населения, засвидетельствованного председателем Областного комитета Пуриным 28 сентября, Вы назначаетесь комиссаром Временного Сибирского правительства в Камчатской области. Соответствующие документы следуют почтой. Уполномоченный председателя Совета министров Загибалов. Подпись удостоверена на телеграфе». Вслед за этой телеграммой К. П. Лавров выехал во Владивосток, передав свои обязанности председателю Областного комитета.

Переворот в Омске и его последствия. В конце 1918 г. нами было получено сообщение от К. П. Лаврова, что бывший при Управлении государственных имуществ Приморской и Сахалинской областей Рыбный отдел приказом председателя Совета министров Временного Сибирского правительства от 2 октября временно до разрешения в законодательном порядке реформирован в самостоятельное краевое управление, названное Управлением рыбными промыслами Дальнего Востока с правами, присвоенными ранее Управлению государственных имуществ и камчатскому губернатору. Разрешительные свидетельства на право лова и засолки рыбы предлагалось никому не выдавать. Это вызвало целую революцию в камчатской жизни, где рыба для населения то же, что хлеб для крестьянина европейской России.

Вслед за этим последовало назначение управляющим областью К. П. Лаврова, который одновременно являлся и главой вновь созданного Рыбного управления во Владивостоке. Произошел целый ряд новых назначений разных должностных лиц, и все они сконцентрировались в Рыбном управлении во Владивостоке, откуда и началось управление областью. Тем временем в Охотске появился какой-то отряд, неизвестно кем посланный, и начались расстрелы отдельных лиц. В Петропавловск прибыл член Областного комитета И. Д. Добровольский и доставил приказ Омского правительства о его назначении исполняющим обязанности помощника управляющего областью, которому и были переданы все правительственные функции, находившиеся до сих пор в руках председателя Областного комитета.

Начало 1919 г. было озаменовано рядом реформ в области, введенных по телеграфу. Управляющим областью был назначен бывший начальник Охотского уезда, а потом правитель канцелярии областного правления Н. Н. Червянский. Произошли назначения новых лиц и по уездам. Как Омское правительство, так и краевая власть начала проявлять весьма недоброжелательное отношение к Областному комитету и игнорировала постановления краевых съездов. На этой почве произошел разлад во взглядах между правительственными органами и Областным комитетом, который противился тому, чтобы

управление краем происходило из Владивостока из Рыбного управления. Был также заявлен решительный протест правительству против безответственных действий присланного в Охотск отряда, выразившийся в расстреле нескольких лиц. В результате этого последовало распоряжение правительства распустить Областной комитет.

Собравшись на последнее свое заседание, Областной комитет постановил прекратить свою деятельность до того времени, когда обстоятельства снова потребуют его жертвенного служения краю. Известие об этом облетело область и сразу же поставило население в оппозицию правительству.

Вновь назначенный начальником гарнизона поручик Кольшкин получил распоряжение о призыве в войска населения Камчатской области, родившегося в 1898 и 1899 гг. Призванные были включены в состав местной команды. Как только они были обучены военному строю и получили винтовки, в конце апреля произошло восстание. Офицерский состав был арестован. Путем уговоров призванных, арестованные были освобождены и порядок восстановлен.

Мне было предписано выехать в Хабаровск. Добравшись до Владивостока, я повидал генерала Д. Л. Хорвата и его приближенных, обрисовал им положение в области и беспечность мобилизации туземного населения. Мои доводы были поняты. Оказалось, что закон о призыве туземцев в войска не распространялся на Камчатку. От меня была отобрана подписка не заниматься дальше общественно-политической работой, и возвращение на Камчатку мне было запрещено. В дальнейшем последовало мое назначение во вновь открытую на Дальнем Востоке Морскую обсерваторию, где я всецело отдался научным работам.

Прибывший на Камчатку новый управляющий областью Н. Н. Червлянский и административный аппарат области и уездов поставили себя в совершенно недопустимое отношение к населению. Между властью и населением создалась пропасть, а ведь этого легко можно было избежать, надо было только подойти к населению сердечно, как это в свое время делали генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, архиепископ Нестор, губернаторы и администрация дореволюционного периода. Добрый, простой народ не понимает, когда им хотят руководить и управлять приказами и палками.

Порядок в области поддерживался в Охотске отрядом полковника Широких, в Петропавловске отрядом местного гарнизона во главе с поручиком Кольшкиным. Кроме того по побережью плавали военные суда, и в Петропавловск прибыл японский военный стационар.

К осени 1919 г. обстановку в Петропавловске там проживающие обрисовывали в письмах так: «...некоторых продуктов в привозе совершенно нет. Муки привезено 500 пудов продовольственной Управой и 8 000 пудов частными коммерсантами, что хватит на три месяца, при условии продажи ее по карточкам не более 20 фунтов на человека в месяц. В казначействе открыто

одно из современных преступлений: куда-то исчезли 260 тысяч романовских кредиток, замененных сибирскими, которые население не принимает. Местное население ропщет на правителей наших из-за призыва на военную службу, и многие дезертируют. Вообще, все живущие против настоящего управления и ждут только случая, чтобы с ним произвести полный расчет. Приверженцы большевизма торжествуют... Это только капля в море из всего целого. В области пока спокойно...» (из подлинных документов).

При таких настроениях подошло Рождество. На четвертый день праздника в Петропавловске произошло восстание местного гарнизона. Вся областная администрация была арестована и заключена в тюрьму. Весь командный и офицерский состав был убит в той же тюрьме. В области во главе с Маловечкиным была установлена советская власть, и снова, как и в 1918 г., из всех щелей выплыл анархически настроенный элемент. Вновь в крае, наряду с красными, взвились черные знамена и вспыхнула анархия.

В Охотске был перебит весь воинский отряд во главе с полковником Широких, а член Областного комитета от якутов В. Г. Сивцев живым зарыл в землю. В Анадыре уездная администрация принудительно рубила себе проруби, через которые ее спускали под лед живыми. Больше половины населения было перебито. Карательная экспедиция Чекмарева прибыла в бухту Провидения на Чукотском полуострове для расправы с уездным начальником известным художником Хреновым и его семьей. Чукчи вооружились и не выдали его, заявив, что начальник хорош. Прибывшие не могли справиться с положением и вернулись в Анадырь за подкреплением. Тем временем чукчи вывезли всю администрацию на Аляску.

Террор свирепствовал по всему краю. Он сопровождался грабежом государственных и частных ценностей и зверским избиением ни в чем не повинных людей.

Гижигинский уезд, благодаря своевременно принятым М. Ф. Орловым мерам, был избавлен от террора, и это единственное место на севере, где вылезшему из тайги зверю не удалось пожить и насытить себя человеческой кровью...

За период времени 1921—1922 гг. было сделано несколько попыток восстановить в Камчатской области национальную власть, но попытки эти ничего не дали, ибо власть не может опираться только на вооруженную силу. Она должна иметь за собою еще нечто другое: веру в нее и единодушную поддержку населения.

В 1926 г. Камчатская область была переименована в округ. В 1928 г. на Камчатке был созван окружной съезд и образован Окружной исполнительный комитет. Камчатский округ был разбит на один городской и 140 сельских советов.

Указом Верховного Совета СССР от 20 октября 1938 г. Дальний Восток был перестроен, и это коснулось также и нашего Северо-Востока.

Камчатская область с центром в Петропавловске разделена сейчас на следующие административные центры: Аяно-Майский — центр селение Аян, Охотский — центр г. Охотск, Алеутский — центр село Никольское, Быстринский — центр село Мильково, Петропавловский — г. Петропавловск, Усть-Большерецкий — центр село Усть-Большерецк, Усть-Камчатский — центр Усть-Камчатск. Кроме того в состав края входят: Корякский национальный округ с центром в селе Палана, Чукотский национальный округ с центром в селении Анадырь и Колымский национальный округ с центром в г. Магадан.

По какой-то иронии судьбы те, кто на протяжении 1917—1922 гг. сеяли на Камчатке анархию и объявляли себя «большевиками», оказались в массе расстрелянными наводившей порядок в крае Красной Армией и новой администрацией. Этой же участи подверглись хищники и искатели легкой наживы. Многие из них были высланы по месту их рождения в Россию.

Потребовались многие годы, прежде чем на севере удалось направить жизнь. Россия поднята на дыбы. Из глубин народных народились новые национальные силы. Нашлись таковые и на нашем Северо-Востоке.

И в эти дни 200-летия основания Петропавловска мы в смиреннии преклоняем головы перед подвигами великих строителей и администраторов нашего русского Северо-Востока.

Камчатка прошлого — это область истории. Камчатка дня сегодняшнего — это стремление России твердой ногой стать в северо-западной части Тихого океана, куда в силу исторической необходимости передвигаются экономические интересы народов мира.

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

В. П. ПУСТОВИТ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Очерки истории гражданской войны в Охотско-Камчатском крае

Объективной истории противостояния белых и красных в Охотско-Камчатском крае до сих пор нет. Нет даже более или менее полного описания событий 1921—1923 гг. А то, что есть — крайне отрывочно и тенденциозно, и — главное — содержит много искажений, передергивания фактов и откровенную неправду. Все это касается не только поздних «воспоминаний» революционеров и красных партизан, но и работ историков советского периода.

Данная публикация — первая в отечественной науке попытка объективного исследования «бочкаревицины». Это сложное и противоречивое явление Русской Смуты рассматривается, в основном, сквозь призму выявленных в постсоветские годы документов.

Перед автором стояла двуединая задача: восполняя существенный пробел в истории родного края, восстановить реальный ход событий, мысли и поступки представителей противоборствующих сторон и «промежуточной силы», каковой являлось местное население. Автор действовал как реставратор, а если где-то поневоле к фактам примешались эмоции, то это у него от литератора, и они, думаю, легко простимы.

Мои основные источники: фонд 1199 УФСБ Центра документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО) и фонд 28 Камчатского областного народно-революционного комитета Государственного архива Камчатской области (ГАКО). Используются также другие фонды ЦДНИКО — 800 бывшего партархива, 19 Камчатского губбюро РКП(б), 44 Уполномоченного Дальневосточной краевой контрольной комиссии, 730 Петропавловского горрайкома РЛКСМ.

Через Региональное управление ФСБ по Камчатской области я получил во временное пользование хранящееся в аналогичном управлении ФСБ в Приморье архивное уголовное дело № ПУ-7648 (Камчатской экспедиции Бирича и др.), откуда почерпнуто много сведений о белых военных и гражданской администрации во главе с особоуполномоченным Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае. Большое спасибо всем, кто помог мне.

А натолкнули меня на мысль написать эти очерки подшивка «Камчатского листка» за 1922 г. (ГАКО) и поступившее в ЦДНИКО в числе первых из ФСБ «Думское дело» Петропавловской городской думы, которая действовала в областном центре весь период революции и гражданской войны в России.

ОДИССЕЯ НЕПРАВИЛЬНЫХ ЛИЦ

Экспедиция, а точнее Северный экспедиционный отряд (СЭО) оформился к концу лета 1921 г. Командовал им есаул Бочкарев, который перед этим воевал у атамана И. П. Калмыкова.

Из рассказа казака и торговца Георгия Бека: «Я с Бочкаревым познакомился в 1918 г. в купе вагона по дороге из Харбина во Владивосток. Бочкарев ехал тогда из Петрограда. В 1920 г. я оказал его жене услугу: она очень нуждалась, и я ей денежно помог. Когда Бочкарев узнал об этом, он мне сказал: “Никогда не забуду этой услуги”».

Вновь Г. Бек встретился с Бочкаревым в августе 1921 г. на Светланке (на главной улице Владивостока Светланской, названной так в честь корабля, на котором прибыл в этот город во время своего путешествия по Дальнему Востоку Великий князь Николай Александрович — будущий император Николай II; при советской власти она носила имя Ленина). Бочкарев обрадовался встрече: «А ты знаешь, я отправляюсь на Север. Снаряжай торговую экспедицию».

Они вместе нанесли визит Х. П. Биричу на его дачу в Седанке под Владивостоком. Как позже утверждал Бирич, они уверяли его, что на Камчатке безвластие и полная анархия.

Контакт с Биричем есаул установил за несколько недель до их визита. В середине июля он отправил ему письмо, которое начиналось словами: «Милостивый государь и глубокоуважаемый Хрисанф Платонович, ссылаясь на наши личные переговоры, считаю необходимым представить Вам ниже следующий доклад...»

Изложив «общий план антибольшевистской военной работы», построенной на захвате базовых, богатых экономическими ресурсами районов и нанесении оттуда перпендикулярных фланговых ударов по Транссибирской магистрали, есаул обращал внимание адресата на один из таких районов, где «Амурская область довольно близко подходит к Охотскому морю совершенно почти незаселенным Удским уездом...»

В данном районе, докладывал Бочкарев, четыре драги, на Корбинских приисках тоже несколько драг. Правильная эксплуатация района может дать казне очень солидный золотой запас.

«Так как я в свое время участвовал в гидрографических работах в этом крае и имел возможность с ними хорошо ознакомиться, — продолжал есаул, — и так как в моем распоряжении имеется отряд, обладающий достаточной подвужностью, то выполнение намеченных операций я мог бы взять на себя».

Бочкареву требуются винтовки, пулеметы, взвод легкой артиллерии (вооружение при наличии денег можно легко приобрести), продовольствие и два парохода небольшого тоннажа.

Перечислив все это, Бочкарев вновь возвращается к золоту — приводит данные по его добыче в облюбованном им районе. Они впечатляют, особенно на Алекминских и Охотских приисках: от 60 до 100 пудов в год.

Будь Х. П. Бирич золотопромышленником, он бы и без есаула знал, где и сколько намывают. Только Хрисанф Платонович промышлял по другой части. Сначала торговлей, затем рыбным промыслом: в 1908 г. получил близ Усть-Камчатска участок на озере Нерпичьем...

Бирича и его коллегу Демби устькамчатцы помнили долго. Некоторые, уже в 1930-х гг., считали, что при них «жилося несравненно лучше: всего было вдоволь, и народ делал, что хотел».

В специальной литературе, издававшейся до революции в Хабаровске и Санкт-Петербурге, можно найти выступления Х. П. Бирича на съездах и совещаниях рыбопромышленников по волновавшим его вопросам: утилизация краба; предоставление русским рыбопромышленникам права беспошлинного ввоза грузов на их рыбалки и фрахтования иностранных судов; устройство телефонов между рыболовными участками; наем русских рабочих на рыбные промыслы Камчатки.

Есаул В. И. Бочкарев знал, с кем имеет дело, и кто ему нужен. Завершая письмо, он высказал настоятельную просьбу, «чтобы Приамурское правительство, хотя бы секретно, санкционировало эту экспедицию, назначив своего эмиссара для означенных областей из лиц, известных местному населению». И добавил: «Я уверен, что в стадии осуществления этого плана им глубоко заинтересуются представители иностранных держав и представители заграничного капитала».

В феврале 1923 г., представ перед революционным трибуналом, Х. П. Бирич отвергнет обвинение в организации экспедиции. И укажет на ее инициатора — члена Приамурского Народного Собрания А. Н. Кругликова. «Меня вызвал Н. Меркулов (один из двух братьев, возглавлявших правительство. — В. П.), предложил отправиться на Камчатку и организовать там гражданское управление».

Если верить Х. П. Биричу, он долго не соглашался, но потом, чтобы не установилась военная диктатура, предложение Меркулова в конце концов принял. С целью упорядочить, как он выразился, экономическое положение Камчатской области.

Должность его называлась «Особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае».

«Правительство зафрахтовало пароход Добровольного флота “Кишинев” и назначило посыльное судно “Свирь”, — рассказывал на следствии Бирич, — отпустило на содержание и снаряжение воинского отряда 91 500 руб. и гражданских чинов — 25 тысяч. На содержание воинских частей Правительство отпустило Бочкареву 15 000 и 76 500 ассигновками через меня. Никакие торговые фирмы участия в снаряжении экспедиции не принимали».

В печать попала другая цифра: 300 тыс. руб. золотом. Ряд членов Народного Собрания внес в этот орган запрос о целесообразности таких затрат. В нем, в частности, говорилось: «В то время, как рабочие и служащие правительственных учреждений не могут получить жалования за июль и август и вынуждены буквально голодать, в то же время выбрасываются сотни тысяч на никому не нужную камчатскую экспедицию, цель которой, видимо, начать гражданскую войну в Камчатской области, не подчиненной Временному Приамурскому правительству».

Высказывали серьезную озабоченность и коммерсанты, поскольку «при отрезанности Владивостока от запада и Сахалина», у них оставался всего один свободный пункт торговли — Камчатка. Летом 1921 г. они отправили туда много товаров и очень беспокоились за судьбу зафрахтованных пароходов (те должны были возвратиться назад с пушниной). Коммерсанты боялись понести убытки от вооруженного столкновения СЭО Приамурского правительства с советской экспедицией, которая готовилась к отплытию на Камчатку через Китай, и напрямую с этим связывали свои будущие убытки.

Советская экспедиция, стоившая ее организаторам 750 тыс. золотых рублей и три миллиона романовскими деньгами, предпринималась для того, чтобы удержать за Москвой если не всю Камчатку, то хотя бы часть ее восточного побережья. Комиссарами экспедиции (а с прибытием на место — и области) поочередно назначались П. и И. Кларки — отец и сын. Примерно в то же время во владивостокской прессе появилась такая информация: советское правительство предложило Америке земельную концессию на Камчатке площадью в 400 тыс. английских квадратных миль и отдает ей же две базы для флота на русском побережье Тихого океана.

Закупку продуктов, других товаров советская экспедиция произвела с помощью шанхайской конторы Центросоюза. Зафрахтовала английский пароход «Ральф Моллер». Комиссар И. Кларк, добираясь до Шанхая из Приморья инкогнито, опоздал, согласно воспоминаниям своего коллеги коммуниста М. П. Воловникова, почти на месяц.

Советская экспедиция отплыла на пять дней позже бочкаревской. «Ральф Моллер» благополучно достиг японского порта Муроран, близ южных Ку-

рил, однако, выйдя из него, был обстрелян в нейтральных водах посыльным судном Приамурского правительства «Батарей». Пришлось возвращаться в Муроран, куда следом пришла и «Батарей»; здесь оба судна подверглись задержанию.

Находившийся в тот момент во Владивостоке видный камчатский демократ и ученый А. А. Пурин утверждал: «На пароходе “Ральф Моллер” оказалось большое количество оружия, военного снаряжения, чекисты (члены советской чрезвычайной комиссии для производства террора и арестов), человек пятнадцать советских комиссаров во главе с Кларком...

При наличии такого опасного груза японские власти совместно с английским консулом признали задержание парохода “Ральф Моллер” вполне правильным в интересах защиты порядка от произвола и покушений коммунистов на спокойную жизнь камчатского населения... “Батарей” возвращена во Владивосток, а пароход “Ральф Моллер”, груз и советские комиссары арестованы».

Все это Александр Антонович Пурин изложил весной 1922 г. в записке в органы местного самоуправления Петропавловска. Заканчивалась она так: «По дополнительным сведениям, Кларк и сопровождавшие его советские комиссары японскими властями высланы обратно в Шанхай. Отпущенное советским правительством для содержания чекистов, подкупа китайских властей и прочего, золото присвоено, по сообщению газет, Кларком, за что последний в ДВР (Дальневосточная республика. — В. П.) предан суду».

М. П. Воловников, подводя итоги экспедиции, расценивал поведение И. Кларка «как предательство интересов партии и народа во имя своего личного обогащения». По сведениям Воловникова, предателю удалось достичь цели: он «сбежал в Австралию, где имел свое крупное хозяйство».

Что же касается отряда Бочкарева, то ему тоже не удалось отбыть в Охотско-Камчатский край в намеченный срок. 16 сентября 1921 г. вахтенный офицер занес в судовой журнал парохода «Свирь»: «У циркуляционной машины снят бугель эксцентрика. В правой топке носового котла обнаружено два запальных стакана и две шашки пироксилина...» Помимо этого, на «Свири», как и на «Кишиневе», оказались снятыми золотники машины.

Согласно воспоминаниям большевика Г. К. Кофейникова и бывшего матроса А. И. Козырина, направленного для подрывной работы на «Свирь», все перечисленное было делом их рук и еще нескольких товарищей, руководил которыми коммунист Ф. П. Поносов.

В день обнаружения на «Свири» фактов вредительства против Х. П. Бирича выступила выходившая во Владивостоке газета «Дальневосточная мысль». В заметке «Не тот ли?» автор, избравший псевдоним «Сахалинец», называл Хрисанфа Платоновича каторжанином, подставным арендатором, эксплуататором и т. п.

Приведем лишь один, компрометирующий Бирича в глазах читателей газеты, случай периода русско-японской войны 1904—1905 гг. Хрисанф Платонович руководил одной из дружин самообороны. Во время занятия Сахалина неприятелем его дружина, подобно остальным, отступала и сожгла при этом все промыслы и имущество, числившееся за Биричем. «Это в дальнейшем было истолковано как похвальный патриотический поступок, — писала «Дальневосточная мысль», — и дало возможность г. Биричу получить с казны за погибшее имущество солидную сумму, какую он нашел нужным указать».

Компаньону Бирича А. Демби, уверяла газета, «пришлось отказаться от его услуг в качестве хозяина Усть-Камчатского рыбоконсервного завода ввиду крайней озлобленности населения, дабы она не переросла в вооруженное столкновение». Советский историк М. П. Стельных отмечал, что во время путины р. Камчатка перегораживалась в устье, в верховье рыбы проходило мало, и жители Долины «вследствие этого голодали».

О компромате во владивостокской прессе Х. П. Бирич узнал накануне отбытия с СЭО на Камчатку, и, по его словам, «не обратил на это никакого внимания».

С Демби он не сотрудничал с 1916 г., однако переписка между ними продолжалась вплоть до осени 1922 г. В письме от 20 сентября 1921 г. из японского порта Хакодате А. Демби пожелал Биричу успеха в предпринимаемой экспедиции: «Дай Бог Вам сохранить Ваше здоровье на несколько лет, чтобы Вы могли провести в жизнь все намеченные Вами программы. Вы приняли на себя весьма тяжелую и трудную задачу...»

А. Демби заверял Хрисанфа Платоновича: к открытию навигации следующего года все необходимые товары будут доставлены прямым путем из Америки в Охотск. А в приписке сообщал: «Рыбный сезон в Усть-Камчатке прошел очень удачно — мы приготовили всего: Красный — 54 000 ящиков, Сильвер — 30 000, Пинк — 72 000 ящиков. В других участках, где я заинтересован, так же хороши уловы...»

Справка. Бирич Хрисанф Платонович, 1857 года рождения, уроженец Вольнской губернии Заславского уезда, местечка Щепетовки (так значится в автобиографии), прописан в г. Владивостоке. По профессии рыбопромышленник. Окончил Киевскую фельдшерскую школу. В 1873 г. примыкал к симферопольским народникам. Когда разговор заходил о сахалинской каторге, пояснял: сосланы за оскорбление офицера, и только, «вообще никогда не совершал ничего уголовного», не говоря уже о каком-то отравлении. В 1916 г. уехал в Петроград, желая там приобрести имение, а тут — февральский переворот. Возвратился во Владивосток, приобрел с аукциона земельный участок и дачу в Седанке и до августа 1921 г. занимался хозяйством.

В общей сложности проработал на Камчатке восемь лет. Женат. Супруга сорока девяти лет, домохозяйка. Две дочери и трое сыновей. Все — взрослые.

В 1922 г.: Павел, 25 лет, Сизтл, лесная концессия; Сергей, 27 лет, Дайрен, транспортная контора; Арсений, 22 года, Уэлен, фирма Свенсона.

СЭО отправился в Охотско-Камчатский край в ночь с 24 на 25 сентября 1921 г. Кто-то из отрядников (скорее всего редактор литератор Ю. М. Десаль) обрисовал в «Камчатском листке» отплытие в романтическом духе.

«... Среди политической растерянности, туманных политических перспектив Приморья и русского дела, поздно вечером, под мощные звуки национального гимна, плавно отошли от владивостокского мола “Кишинев” и “Свирь”, увозя в неизвестную даль горсть русских людей.

*Вела их отвага и вера.
От миценья и злобы они далеки.
То русские или офицеры
И верные им казаки.*

... Так начинался этот поход добровольцев. За ними — растерзанная Россия, их раны и пытки. А впереди — что их ожидало, знали они? Холод далекой Камчатки... “Вы — обреченные”. Так провожали их люди рассудка, родные шептали: “Странные вы, куда вы идете, враг ведь и там силен. Чем вы его встретите? Остановитесь — на гибель отряд обречен”».

«Когда экспедиция отправлялась из Владивостока, — вспоминал Х. П. Бирич, — я на пароход “Кишинев” приехал перед самым отходом — после молитвы». Едва пароходы вышли в открытое море, на них, пишут советские исследователи, «были подняты воинские флаги монархической России», а В. И. Бочкарев, свидетельствует Бирич, «вышел из своих границ: принял командование над обоими судами».

На допросе в ГПУ в ноябре 1922 г. Хрисанф Платонович покажет: «Я несколько раз спрашивал Меркуловых, пропустят ли японцы вооруженный отряд ввиду недопущения японским командованием русских вооруженных сил, но Спиридон Меркулов мне сказал, что пропуск экспедиции обеспечен и об этом беспокоиться нечего. Действительно, японцы никаких препятствий не чинили».

Итак, экспедиция Бочкарева — Бирича вышла из Владивостока на двух судах. Гражданское управление во главе с особоуполномоченным, часть воинского отряда и пассажиры — на «Кишиневе», остальные военные, есаул со штабом — на «Свири». При Бириче находился представитель Приамурского правительства Николай Михайлович Соколов.

Численность СЭО в момент отправки по одним источникам была 400, по другим — около 500 чел. Значительное число составляли офицеры. По воспоминаниям одного из участников экспедиции, Бочкарев привлек много желающих ехать с ним прежде всего тем, что обещал платить каждый месяц жалование, независимо от чина, по 25 руб. золотом «на всем готовом, вплоть до зубного порошка. Семьи поступивших обеспечивались как продуктами,

так и деньгами и квартирой. Каждому было обещано увольнение из отряда по личному желанию в любой момент».

По выходе за остров Аскольд поднялся сильный норд-ост, который перешел в шторм. Суда могли двигаться со скоростью не более трех миль в час. Пришлось укрыться в бухте Врангеля, откуда 26 сентября была сделана безуспешная вылазка. К утру следующего дня шторм утих, и оба парохода вышли в море. Шли вдоль берега. Не доходя до пролива Лаперуза, «Свирь» дала сигнал, что обгонит и пойдет напрямик в Охотск, а в случае шторма будет ждать «Кишинева» в одной из бухт Тауйской губы.

Доктор исторических наук Б. И. Мухачев описывает дальнейшие события следующим образом: «3 октября 1921 г. “Свирь” и “Кишинева” подошли к Охотску, остановившись у поселка Новое Устье... На берегу у Нового Устья были видны люди. Они что-то кричали и махали руками. Бочкарев распорядился послать на берег шлюпку. В нее уселись одиннадцать офицеров во главе с подполковником Лукомским.

Прошло более двух часов в ожидании. Что происходит там, на берегу? Наконец увидели, что шлюпка отвалила от берега и направилась к “Свири”. На ней уже не одиннадцать, а тринадцать человек. Лукомский первым поднялся по трапу. И он, и другие офицеры были очень возбуждены, радостно смеялись.

— Братцы, что было! — захлебываясь, рассказывал офицерам Лукомский. — Еле ноги унесли! За всю германскую и гражданскую не попадал в такой переплет.

Оказывается, вся бочкаревская разведка угодила в плен к красноармейцам якутского отряда, прибывшего на помощь охотчанам. Командиры очень ловко выдали себя за яныгинцев (сторонников белых. — *В. П.*), пригласили офицеров в избу, стали расспрашивать о составе экспедиции. Но что-то офицерам в их разговоре показалось неестественным. И Лукомский стал преувеличивать силы белых. На двух судах имелось всего лишь одно морское дальнобойное орудие, притом даже без снарядов, но подполковник умолчал об этом. Наоборот, значительно преувеличил вооружение. К Охотску подошли в это время пароходы “Взрыватель”, “Тунгус”, зафрахтованные промышленниками. Вместе со “Свирью” и “Кишинева” они создавали впечатление целой эскадры.

Со стороны Булгина и Охотска вдруг началась перестрелка. Командиры красных вышли из избы, оставив часовых. Отряду был отдан приказ отойти в тайгу. Лукомский, выглянув в окно, быстро оценил обстановку, понял, что красным сейчас не до него. По его сигналу офицеры навалились на часовых, связали их и потащили в шлюпку. Таким образом, им удалось вернуться на пароход, да еще с пленниками...»

Утром 6 октября на одном из зданий Охотска, за церковью, появился белый флаг, а в два дня там же взвился трехцветный. Еще через два часа

Х. П. Бирич получил от Бочкарева записку, в которой тот сообщал, что город занят без боя и потерь. Вечером Валериан Иванович прибыл на «Кишинев», от него Бирич узнал подробности занятия Охотска. Ночью никаких операций не проводилось. Утром есаул переправился на другой берег реки Охоты на двух кунгасах с двумя десятками подчиненных и, увидев над городом белый флаг, вошел в Охотск, не дожидаясь подкрепления. Красноармейцев в городе уже не было. Они в количестве от 100 до 120 чел. покинули Охотск. Остались только насильно мобилизованные и перебежчики, которых есаул «после должного внушения» (по-видимому, порки. — *В. П.*) отпустил по домам. В. И. Бочкарев отмечал, что «радость населения была неопишная. Получили, наконец, возможность вернуться к своим семьям многие, ушедшие от большевиков на ту сторону реки Охоты и не видевшие своих семейств уже месяцев пять».

«Не взять бы белым Охотска, не прояви они хитрость, — подчеркивает Б. И. Мухачев. — У Яныгина Бочкарев взял 45-миллиметровую пушку, установил ее на баке “Свири”. Ночью капитан Поярков обстреливал из нее город, корректируя бой. Большого ущерба своими снарядами орудие это не могло нанести, но психологическое воздействие на защитников Охотска производило большое: они думали, что с минуты на минуту заговорят морские дальноточные орудия.

За взятие Охотска Меркулов произвел Бочкарева в полковники».

СЭО еще не достиг Охотска, а И. Кларк отправил в Москву на имя наркома иностранных дел Г. В. Чичерина доклад. Несостоявшийся комиссар Камчатской области писал: «При моем прибытии в Шанхай мною установлено, что во Владивостокском порту погружены войсками, амуницией и продовольствием большое прекрасное судно Добровольческого Флота “Кишинев” и правительственные суда “Свирь” и “Охотск”. На этих судах в общей сложности не менее 500 хорошо вооруженных солдат. Из вышеупомянутых судов наиболее хорошо вооружена “Свирь”».

В первых числах октября Камчатским областным народно-революционным комитетом, по словам Н. П. Фролова, была получена телеграмма с указанием организовать вооруженное сопротивление бочкаревцам. Ревком, имея в своем распоряжении двадцать милиционеров, половина которых является «пассивом», не мог без помощи населения Петропавловска и окрестных селений вступить в борьбу с отрядом В. И. Бочкарева.

Решили посоветоваться с массаами. Непосредственным поводом к собранию послужил «обмен» телеграммами между Петропавловском и Охотском. Член облнарревкома, делегат от Охотска Михаил Щербаков послал туда оповещение: «К вам едет Бочкарев. Примите меру». Ответ гласил: «Меры приняты. Есаул Бочкарев».

Собрание состоялось вечером 6 октября. Городской голова Елизар Александрович Колмаков (по профессии фотограф) стал возражать докладчику И. Е. Ларину, другим представителям власти, говорившим о зверствах бочкаревых в Приморье. «Приедут люди, а не звери, — сказал он, — никакого сопротивления не нужно» (покорную голову меч не сечет), следует ориентироваться на Владивосток: какая власть там, той и нужно подчиняться.

Председатель городской Думы врач Чеслав Куприянович Щипчинский пошутил, мол, ежели облнарревкому «и всыпят по двадцать пять — это ничего». На вопрос ревкомовцев: «Что же, прикажете встречать бандитов хлебом-солью?» за Щипчинского ответил руководитель Завойкинской волости Алексей Яковлевич Чернышев: «Комитет не спрашивал нашего мнения, когда вывозил из города муку и другие продукты в тайгу, следовательно, комитет уже заранее решил удрать в сопки, но не убежит, мы его и там стреножим...»

Начальник милиции Н. П. Фролов впоследствии рассказывал: «8 октября Комитет отправлял на японском пароходе в глубь области 300 пудов муки. Председатель Думы Щипчинский и городской голова Колмаков решили по сему вопросу созвать Думу в Народном доме, чтобы воспротивиться вывозу... Заседание было назначено на час дня, а пароход уходил в четыре. Собрались все гласные и жители города, но председателя и городского головы не было, которые были на пароходе.

Я, узнав, что Щипчинский и Колмаков хотят задержать муку, пришел на пароход, где увидел пьяного Щипчинского, бушующего и хлопотавшего выгрузить муку...»

Свое присутствие на пароходе Е. А. Колмаков объяснял тем, что ему необходимо было дать срочное поручение отъезжавшему гр. Клочкову на предмет приобретения в Японии кинематографических лент для Народного дома. Сойдя с парохода на пристань вместе с гласным В. А. Павловым, городской голова услышал много неприятных слов от начальника милиции — тот грозился засадить их вместе с председателем Думы в арестный дом.

Затем Н. П. Фролов направился в Народный дом. «Я, по приказанию облнарревкома, заседание Думы не разрешил и предложил публике разойтись по домам. Тогда из толпы были слышны возгласы: “Арестовать начальника милиции!”»

Дело принимало неблагоприятный для ревкома оборот. Тем не менее, он предусмотрел и это.

Недаром, когда на «совещании с массами» горожанин из коренных Н. П. Косыгин поинтересовался, будет ли облнарревком считаться с решением общего собрания жителей Петропавловска и окрестных селений, председатель ревкома И. Е. Ларин разъяснил ему, что властям желательно знать мнение народа, но действовать они будут по-своему, независимо от того, какое решение вынесет собрание.

6 октября 1921 г. облнарревком получил моральную поддержку населения. Н. П. Косыгин «расшифровал» это следующим образом и на том же собрании: «Наша моральная поддержка поможет комитету. Товарищ Бочкарев товарищу Щербакову выпьет, как следует, а мы будем смотреть. Комитету лучше уйти, что избавит невинное население от кровопролития».

В резолюции же собрания, опубликованной 9 октября в «Известиях Камчатского облнарревкома», говорилось о недопустимости нарушения мирной жизни граждан области и всякой политической перемены путем насилия.

Общее собрание жителей города и окрестных селений уполномочило вступить в переговоры с командованием бочкаревского отряда делегацию в составе: Ч. К. Щипчинского, Е. А. Колмакова, В. И. Святого, И. А. Шкляева, Г. А. Машихина, Н. П. Косыгина и Е. Ф. Одынца.

Однако не прошло и недели, как делегация отказалась выполнять возложенную на нее задачу. Дело в том, что после конфронтации между городской Думой и облнарревкомом последний 10 октября объявил в Петропавловске военное положение. В целях «предупреждения вооруженного выступления» против комитета.

Свой отказ делегация связывала с введением военного положения, подчеркивая, что в создавшейся обстановке она «лишена возможности собираться и обсуждать столь серьезное возложенное на нее поручение. Без всякой подготовки вступать в переговоры с есаулом Бочкаревым — это равносильно погубить все дело и не исполнить взятых на себя тяжелых обязанностей».

...Еще в Охотске В. И. Бочкарев поставил в известность Х. П. Бирича об изменении «по стратегическим и некоторым другим соображениям» первоначального плана экспедиции: вместо района Аян — Охотск местом базирования будет Ола, отстоящая от Охотска почти на 400 миль к западу. Об этом населенном пункте особоуполномоченный понятия не имел и ограничился тем, что выразил Бочкареву свое крайнее удивление и сомнение в правильности принятого решения.

В Охотске был оставлен гарнизон (около 200 чел.), состоявший из 2-й сотни, пулеметной команды, офицерской сотни, части команды связи и интендантства. Начальником гарнизона Бочкарев назначил капитана Константина Петровича Грундульса — одного из наиболее преданных ему офицеров, знакомых по Гродековскому отряду, а затем по Раздольному (Приморье), где находился распределительный пункт и где они, двадцать восемь военных, «сидели и ели одну селедку и полугнилой хлеб» и признавали только есаула Бочкарева, за которым, как выражался Грундульс, «шли, как за вождем».

18 октября СЭО прибыл в Ольскую бухту. В селении красных не оказалось. По словам Х. П. Бирича, местные жители выражали «искреннюю радость по поводу появления отрядников, потому как надеялись, что они обес-

печат им спокойную жизнь, устранение опасности со стороны охотских большевиков». Кстати, капитан Грундулс, по уходу кораблей из Охотска, организовал преследование отступивших красных. Они попали в такое тяжелое положение, что, по рассказам участников событий, «начинали есть друг друга, и несколько человек было съедено, и все-таки ни одного из них не удалось взять в плен живым, за исключением женщин».

23 октября 1921 г. военно-полевой суд оправдал двоих большевиков, на которых как на самых опасных и наиболее активных показал золотопромышленник А. И. Сентяпов: их решено было отправить во Владивосток вместе с группой других подозрительных. И тех, и этих не довезли даже до Петропавловска: очевидцы утверждали, что пьяные отрядники расстреляли их и сбросили в море.

В Оле Бирич и Соколов убеждали Бочкарева (но безуспешно) отказаться от мысли создать базу на охотском побережье ввиду отрезанности всех этих пустынных мест от главной части отряда в Охотске и от населенных пунктов Камчатки.

Выйдя из Олы 24 октября и прийдя в бухту Наяхан на вторые сутки, «Киншев» простоял здесь до 6 ноября. На берегу находилась лишь радиостанция и несколько построек для размещения ее служащих. Само селение — около десяти дворов — располагалось в восьми верстах от станции и в восьмидесяти от Гижиги. Бочкарев осмотрел бухту, станцию и побережье и нашел это место пригодным для устройства своей базы. «Он у меня служил на Камчатке катерным командиром, — говорил о Бочкареве Х. П. Бирич, — после я дал ему окончить мореходную школу, и он был помощником командира на пароходе “Енисей” и перед объявлением войны (германской. — В. П.) он уехал в Питер кончать Высшую мореходную школу, и я потерял его из виду...»

... По неофициальным данным середины 1920-х гг., в Гижигинском уезде имелись неисследованные залежи золота и алмазов.

Валериан Иванович Бочкарев правил здесь чуть меньше полутора лет. Обращаясь к коренному населению, он часто повторял: «Инородцы, если вы хотите есть, мы накормим вас. Бросьте заниматься политикой».

На своих врагов начальник СЭО производил, естественно, негативное впечатление: «Высокого роста, тонкий... держался подчеркнуто прямо, надменно, закидывал назад голову. Лицо неправильное, с широкими скулами, с высоким лбом. В глаза люди боялись ему смотреть. Настолько жесток был взгляд его светлых, словно подернутых ледком, глаз».

Понятно, были и другие люди, которые по-иному относились к В. И. Бочкареву. Один их них, старшина его личного катера М. М. Мытник, скажет по прошествии десяти лет: «Храбрый и хороший человек. И в момент последнего боя бился до конца».

24 октября 1921 г. «Свирь» взяла курс на Петропавловск. Для операции по занятию города была выделена 1-я сотня под командой подполковника

Кузнецова. Общее руководство поручено начальнику штаба СЭО генерал-майору из казаков Никите Андреевичу Полякову.

По Портсмутскому договору на Камчатке запрещалось держать войска; подчиненные генерала именовались жандармской полицией, он — ее руководителем и исполняющим обязанности особоуполномоченного до приезда такового.

Десант на «Свири» не превышал 90, экипаж — 45 человек.

В информационном докладе «Работа РКП на Камчатке» И. Е. Ларин писал: «Оставаться в городе было невозможно... Ближайшее население отнеслось пассивно, так как обещание облнарревкома о прибытии Кларка с подкреплением и продовольствием не оправдалось. Положение было нетвердое.

Всего в области эвакуировалось 25 человек, из них 5 членов облнарревкома, 8 служащих, 11 человек милиции и один рыбак-охотник; по партийности — 12 коммунистов и 13 беспартийных (сочувствующих)».

Среди ушедших партизанить соратник Ларина Петр Глебович Ивашкин-Ларичев называл председателя уездного комитета РКП(б) М. И. Савченко-Славского, члена трудового Союза рабочих и служащих И. И. Елисеева, члена облнарревкома А. С. Лукашевского, делегатов на областной съезд от Охотского уезда М. П. Щербакова и от Анадыря В. М. Чекмарева. В числе покинувших Петропавловск был Сергей Селиванов, боец народной охраны (милиции). Активную часть стражей порядка, направившихся для продолжения борьбы в сопки, возглавил Н. П. Фролов. Руководил ушедшими председатель Камчатского облнарревкома И. Е. Ларин.

Перед тем как оставить город, ревком распространил обращение к жителям области. В нем, в частности, говорилось: «...считаясь... с мнением населения Петропавловска и окрестных селений, не желающих, чтобы на Камчатке происходила какая бы то ни было вооруженная борьба и насильственная, помимо воли населения, смена политической власти, Комитет решил отступить без сопротивления в глубь области, где будет продолжать работу по созыву 4-го Камчатского областного съезда, который решит вопрос о том, как поступить с народными врагами... Им нужна Камчатка для того, чтобы распродать ее иностранцам, чтобы сосать из нее соки, дабы иметь средства, необходимые им для содержания бездельников и паразитов, привыкших с нагайками и винтовками разгуливать на окраинах России».

...28 октября 1921 г. пароход «Свирь» подошел к Авачинской губе. В первую очередь следовало занять маяк. Шестеро добровольцев, прыгнув в шлюпку, быстро справились с этой задачей и пошли далее по берегу, «равняясь со «Свирью» и освещая местность до Солеварки» (ныне район Богородского озера).

При проходе губы по внешнему рейду была замечена лодка, пересекавшая бухту и никак не реагирующая на сигналы со «Свири». По направле-

нию к ней пароход произвел три выстрела из орудия Гочкиса, взятого у Яныгина, после чего лодка остановилась и подплыла к «Свири».

В ней оказалось четверо охотников. Двое остались на корабле в качестве заложников, а двое других были отправлены в Петропавловск с ультиматумом большевикам сложить оружие и сдать город.

Секретарь Думы Вячеслав Иванович Румянцев вспоминал: «Когда обларревком эвакуировался из Петропавловска со своим отрядом, и город остался без власти, а пароход “Свирь” уже стоял в бухте, городская управа в лице Колмакова, меня и Новограбленова Ивана сделала совещание по поводу создавшегося положения, на котором было постановлено собрать общее собрание граждан г. Петропавловска и исполнить волю населения. Уже после нашего совещания поступили бумаги от генерала Полякова».

Помимо ультиматума, охотники, видимо, доставили обращение Временного Приамурского правительства к населению Охотско-Камчатского края. Приведем несколько выдержек из этого документа.

«Стихийным народным гневом, порывом и отвагой русских людей, крепких верою в Бога и горячей любовью к исстрадавшейся в смертельных муках родине — России — освобождены вы, граждане, от насилия и гнета губителей всего русского и национального, от большевиков-коммунистов и их приспешников, слуг сатанинской власти... Сам русский народ здесь, на далекой окраине нашей, когда-то еще, так недавно, могучей и великой — единой России, опомнился и понял весь обман и ложь, которыми опутали и обольстили его нерусские пришлые интернационалисты и приставшие к ним уголовные преступники и отбросы, — забывшие Бога и совесть.

... Теперь для вас, граждане Охотско-Камчатского края, пришло время и наступила возможность принять участие в великом и святом деле возрождения нашей Родины. К мирному труду Правительство призывает вас, русские люди, торжественно обещая, что им будут приняты все меры дать вам возможность спокойно жить, трудиться и пользоваться честно нажитыми плодами труда — собственностью. Мы не несем с собою ни золота, ни денег, ни богатства. Их нет у нас. Все они расхищены коммунистами, они все в руках уже чужеземцев и врагов национальной России... Мы зовем всех русских людей к великим жертвам и тяжелому подвигу, но знайте и помните, граждане, что только жертвами и подвигами, исполненными пламенной веры, любви и отречения от мелкого себялюбия и забот лишь о себе самом — возродится наша Родина, восстановится Великая Россия...»

По распоряжению городского головы стали собирать петропавловцев. Кто-то ударил в набат.

Экстренное общегородское собрание открылось в девять часов вечера. Его участник А. И. Дьячков спустя год с небольшим воспроизвел некоторые выступления.

Е. А. Колмаков: «Обсуждать приказы не следует и не приходится считаться с ушедшей властью».

П. Т. Новограбленов: «Правящая партия ушла, и нам нужно принять меры по охране города, так как времени осталось мало».

П. Овцын: «Бочкаревцев нечего бояться, они нас берут на испуг и приехали голые и босые, не имеют даже оружия и угля».

На него прикрикнул Н. П. Косыгин, председатель Союза домовладельцев: «Вашего брата здесь много находится, которые ничего не имеют, а у нас имущества и дома!».

Е. А. Колмаков: «Выбирать в охрану нужно лиц надежных, и обратить внимание на радиостанцию».

П. Т. Новограбленов, Косыгин, Щипчинский, и особенно Колмаков, по утверждению А. И. Дьячкова, настаивали на признании Временного Приамурского правительства.

Выступали многие. Сошлись на том, что, раз население не в состоянии сопротивляться прибывшему отряду, надо выполнять все приказы генерала, и тем самым спасти город, а то, в самом деле, камня на камне от него не оставят.

Принято было четыре постановления.

О власти в городе Петропавловске: «Ввиду ухода от управления и неизвестно куда местной коммунистической партии, стоящей против желания большинства населения у областной власти и в настоящее время сбежавшей, как не чувствующей никакой поддержки населения, — передать власть в г. Петропавловске временно городскому самоуправлению, как законно избранному гражданами города и отвечающему своему назначению впредь до установления нового порядка от Приамурского правительства...»

О сдаче огнестрельного оружия: «Принимая во внимание, что почти все население г. Петропавловска добывает средства к пропитанию охотой на разного зверя, которому оружие может понадобиться каждый день — сдать в городское самоуправление все имеющееся оружие военного образца (берданы), а другое пулевое оружие (винчестера) и дробовики просить представителей Приамурского правительства оставить себе, как необходимость для каждого охотника...»

Два других постановления (принятых также единогласно) касались охраны города и мирной делегации к генералу Полякову на «Свирь». Для наблюдения за порядком, тишиной и спокойствием в Петропавловске собрание поручило городскому самоуправлению назначить караул из двадцати пяти человек «вполне надежных лиц, при вооружении кто чем может, в состав коих входят оставшиеся не ушедшими шесть милиционеров, которым собрание выражает доверие». Старшим караульным пожелал стать гласный Петропавловской Думы Ефим Феликсович Одынец (из дворян), его и избрали.

Собрание поручилось за всех оставшихся в городе граждан, что они примут горячее участие в восстановлении мирной и спокойной жизни, «надеясь, что и ушедшая от власти коммунистическая партия не будет вредить этому».

В половине двенадцатого ночи разошлись по домам. Настроение, по словам Александра Алексеевича Ворошилова (неимуций, из мешан), было тревожное. У радиостанции выставили охрану человек десять против ушедших партизанить нарревкомовцев.

Рано утром 29 октября, чтобы успеть к восьми часам, когда кончалось действие ультиматума, на «Свирь» на катере направилась делегация жителей города — Колмаков, Щипчинский, Косыгин, Одынец и братья Новограбленовы (Иван и Прокопий). Они сообщили Полякову: большевики покинули Петропавловск 28 числа в три дня, в городе спокойно, вооруженных выступлений не предвидится, население встретит отряд «как избавителей от захватчиков власти».

Катер был отправлен обратно, а делегация оставлена на пароходе. Вскоре «Свирь» встала на якорь у берега. С корабля спустили шлюпку с вооруженными отрядниками, они поплыли к радиостанции. Потом отвезли в город делегацию. После этого высадились казаки...

В рапорте Н. А. Полякова Приамурскому правительству значилось: «Большевистский областной комитет, хорошо и своевременно осведомленный о боевых мероприятиях против него, заранее ограбив местное казначейство и обеспечив себя материально, с небольшим, отлично вооруженным отрядом бывшей милиции, уклоняясь от боя под давлением общественных вполне лояльных слоев населения, ушел в глубь области.

В момент занятия нами города, он находился еще в непосредственной близости, ведя наблюдение и разведку, но преследование его почти не представлялось возможным ввиду слабого вооружения вверенного мне отряда, так как у меня имелось всего семнадцать винтовок системы “Бердана” при крайне ограниченном количестве патронов и одно орудие “Точкинса” с девяносто снарядами.

Для полного вооружения отряда я принужден был в срочном порядке прибегнуть к конфискации нарезного оружия у пришлого элемента и торговцев, тем более что при этом надлежало пресечь вредную деятельность некоторых лиц и фирм, уличенных в тесной связи с большевиками.

Таким образом, отрядники получили десять «трехлинеек» и восемьдесят один винчестер разного калибра. Самые насущные надобности отряда в зимнем обмундировании и продуктах первой необходимости (дабы избежать массового заболевания цингой) вынудили генерала Полякова заставить наиболее крупные фирмы, такие как «Виттенберг и Сайденберг» и «Чурин и К^о» выдать все это в обмен на долговые обязательства, оплатить которые следовало Временному Приамурскому правительству.

Отряд был расквартирован в «Судейском городке» (теперь ул. Красноармейская, близ морвокзала), состоявшем из пяти больших домов с центральным отоплением; комендантское управление разместилось в здании полицейского; к чинам данного управления отошла квартира областного инженера, еще в две казенные квартиры вселились семьи солдат и оружейная мастерская.

В связи с занятием столицы области, В. И. Бочкарев издал приказ по СЭО: «С 30-го сего октября побережье Охотско-Камчатского края от г. Охотска до г. Петропавловска включительно считать очищенным от большевиков». Тем же приказом снималось военное положение между этими городами «в пределах стоверстной полосы».

Бочкарев с ординарцами, частью пулеметной команды и команды связи (по одним сведениям 40, по другим 80 чел.) решил зимовать в Няяхане.

Х. П. Бирич отправился на «Кишинев» в Петропавловск. Его отношения с начальником СЭО стали прохладными. На Бочкарева, по отзывам многих, большое влияние имела супруга Ида Александровна. Она вмешивалась во все дела и была для Бирича «в высшей степени отрицательным человеком». Жена Хрисанфа Платоновича Пелагея Петровна часто вспоминала о столкновениях с Бочкаревым, когда тот появлялся на «Кишиневе», уверяя, что он всегда придирался и издевался над ними с мужем, и в конце концов она перестала с ним разговаривать.

У особоуполномоченного Временного Приамурского правительства вызывали протест незаконные, с его точки зрения, реквизиции у торговых фирм. Сохранилась копия документа от 25 октября 1921 г., где начальник СЭО приводит доводы в свое оправдание. Речь идет о фирмачах, которые собирались доставить в Якутск, «в стан большевиков», 150 нарт, предметов первой необходимости, а местным жителям продавали лишь спирт по баснословным ценам.

«Иногородцы, якуты и тунгусы, падки до выпивки, обирались, но предметов первой необходимости не имели, что вело к обнищанию населения и к упадку Государственных Уставов, а посему я совместно с населением, с добровольного желания вновь избранных поселковых властей, постановил: отделение фирмы “Кунст и Альберс” реквизировать, назвать ее поселковой лавкой, причем продажа товаров будет производиться под контролем Арманского поселкового общества» (сейчас Армань — поселок Ольского района Магаданской области).

Вечером 11 ноября 1921 г. «Кишинев» встал на якорь на внешнем рейде Авачинской губы. Прибывший на корабль генерал Н. А. Поляков доложил Биричу, как был занят Петропавловск. Возможно, справился о Бочкареве.

В противоположность особоуполномоченному, Поляков высоко ценил Бочкарева (как, впрочем, и тот его), несколько не тяготился тем, что, несмот-

ря на свое генеральство, служит под началом Валериана Ивановича, а даже наоборот: как-никак тот сподвижник Калмыкова! Сам Никита Андреевич участвовал в боях с красными в рядах войска атамана А. И. Дутова.

12 ноября «Кишинев» вошел на внутренний рейд и пришвартовался к берегу. Глава новой администрации Камчатки принял городского голову, представителей населения областного центра, различных фирм. Все они, по словам Бирича, приветствовали его и «выражали радость и благодарность Приамурскому правительству за спасение от большевиков и за восстановление в крае нормальных спокойных условий жизни».

Х. П. Бирич попросил городского голову собрать на завтра всех, желающих получить информацию о положении в стране и на Дальнем Востоке. Другим способом довести все это до сведения горожан было нельзя — уходя, нарревкомовцы испортили единственную в области типографию.

В воскресенье 13 ноября в три часа дня особоуполномоченный и сопровождающие его лица явились в Народный дом, где их ожидали жители Петропавловска и окрестных селений. Поприветствовав собравшихся и поздравив с переменой власти, Х. П. Бирич выразил уверенность, что «камчатские старожилы, помня подвиги и заветы предков, окажут должную поддержку нашему национальному Приамурскому правительству в его героической борьбе за сохранение в целостности единственного уцелевшего от общего разрушения и грабежа Дальневосточного угла нашей Родины».

Представитель правительства Н. М. Соколов обрисовал современное состояние Советской России, сделал обзор деятельности социалистов на Дальнем Востоке «после власти адмирала Колчака и атамана Семенова», рассказал о событиях, которые привели к национальному перевороту 26 мая 1921 г.

Отмечалась важность переживаемого момента и укрепления на всем дальневосточном побережье русской национальной власти.

Камчатцы слушали прибывших с напряженным вниманием. Ни шума, ни возгласов. Образцовый порядок поддерживался самими участниками собрания при полном отсутствии полиции и военных. А в зале между тем находилось несколько сот человек.

Все это особоуполномоченный по управлению Охотско-Камчатским краем изложил в своем первом отчете председателю Приамурского правительства. «При ближайшем ознакомлении с городским самоуправлением и личным составом служащих в казенных и общественных учреждениях и с работой этих учреждений мы могли констатировать, что влияние большевиков за время их властвования в Петропавловске было поверхностное и весьма осторожное.

Каких-либо произвольных захватов частной собственности на Камчатке, например, не было вовсе. Это объясняется и отчасти, может быть, тем, что большевики нашли достаточно казенного имущества в казенных складах и Центросоюзе, для использования казенных складов был учрежден Союз

камчатских кооператоров... сделавший из этой операции источник дохода и кормления коммунистов.

Этот Союз мною ликвидируется, его склады и имущество возвращаются в ведение казны и подчиняются одному из отделов областного управления. Часть имущества Центросоюза, особенно пушнину, полученную в обмен на товары, большевики успели вывезти через своих агентов...»

17 ноября во второй половине дня состоялось очередное заседание Петропавловской городской Думы под председательством Чеслава Куприяновича Щипчинского. Среди присутствовавших был А. И. Бабкин-Байкалов, оренбургский казак, антикоммунистический публицист при Колчаке, а после его падения основатель организации РКП(б) на Камчатке, исключенный затем из партии как неблагонадежный элемент.

Не пользовался он доверием и у белых. Земляк Александра Ивановича генерал Поляков приказал установить за ним строгий надзор. Так что когда гласный Бабкин-Байкалов вместе со своими коллегами шел 17 ноября 1921 г. в Думу, он уже был под наблюдением.

С докладом «О текущем моменте» на думском заседании выступил Х. П. Бирич. Особоуполномоченный объявил, что назначен в край «с правами прежних губернаторов». Что Камчатка без Владивостока не может существовать как в географическом, так и в других отношениях, ибо ей нужен пункт, который бы снабжал ее всем необходимым. Что задача правительства, состоящего из членов несоциалистических организаций, — установить на Камчатке демократическую власть, но твердую, как при царе. И что местному самоуправлению даются широкие права, и администрация будет сотрудничать с ним.

Населению Камчатской области предстояло в ближайшее время избрать своего депутата в Приамурское Народное собрание. Положением о выборах запрещалось выставлять кандидатуры коммунистов, анархистов, эсеров, интернационалистов и максималистов.

ОСТОРОЖНО, НЕ НАСТУПИТЕ НА МОЗГИ!

12 ноября 1921 г. Приамурское правительство учредило Особое совещание по оказанию культурно-экономической помощи населению Охотско-Камчатского края, состоящее из хорошо знакомых камчатцам политических и общественных деятелей: А. Г. Чаплинского, А. А. Пурина, И. Д. Добровольского, А. Д. Батурина.

В тот же день Х. П. Бирич обратился к начальнику Петропавловского гарнизона генерал-майору Н. А. Полякову с просьбой предоставить ему отчет о реквизициях, а также копии расписок, оставленных фирмам. Он попросил генерала не производить более реквизиций без его письменного на то согласия.

При сем особоуполномоченный препроводил Н. А. Полякову утвержденное правительством Положение об управлении Охотско-Камчатским краем, из коего следовало: гарнизон находится в распоряжении главы гражданской администрации, и у него должно быть испрашиваемо разрешение «на всякие меры, выходящие за пределы непосредственно военных действий и нарушающие права мирного населения».

Н. А. Поляков отчет представил, однако не согласился с тем, что нарушал права, — отнес это к неправильной осведомленности особоуполномоченного, основанной на непроверенных данных.

После занятия города 29 октября 1921 г. генерал ввел проверку и учет всех прибывающих и убывающих из Петропавловска лиц. Чрезмерно строгие, по мнению Бирича, инструкции, данные патрулям, поставили город и окрестные селения «в абсолютную почти невозможность передвижения». С первого же дня приезда Хрисанфа Платоновича на его имя стали поступать жалобы, где, кроме всего прочего, указывалось, что подобные порядки противоречат распространяемому воззванию правительства к населению края и лишают его свободы «в большей мере, чем при большевиках». Бирич отменил стеснения, чинимые военными властями...

В целях «охранения спокойствия и обезвреживания большевистских группировок, занявших нелегальное и выжидающее положение», Н. А. Поляков установил строгий надзор за подозрительными личностями (такими, как А. И. Бабкин-Байкалов, член облнарревкома Д. М. Бадах, подозреваемый в убийстве в 1920 г. трех офицеров Петр Чужих).

В городе оставались жены ушедших в сопки партизанить И. Е. Ларина, Н. П. Фролова, которые, как считал генерал, имели «тайные сношения с сопочниками» и явно занимались шпионажем.

Военные разоружили неблагонадежных сотрудников бывшей милиции и определили их на хозяйственные работы при обозе комендантского управления. Одновременно был учрежден военный контроль радио, почтово-телеграфных и телефонных сообщений.

16 ноября 1921 г. Х. П. Бирич провел совещание с участием руководителей местного самоуправления, военной и гражданской администрации. Обсуждался вопрос о мерах против контрабанды спиртных напитков.

Врач П. П. Рубецкий говорил о продаже в области «денатурированного спирта вместо водочного», случаях отравления (и даже потери зрения) среди инородцев. Он высказался за свободную торговлю при правительственном надзоре за доброкачественностью приобретаемых напитков.

П. П. Рубецкого поддерживал председатель Думы Ч. К. Щипчинский, а также управляющий таможенной заставой К. И. Кодылев: «В течение десяти лет наблюдал, как пили... несмотря на запретительные меры, — сказал он, — причем суррогаты, стоящие очень дорого. Особенно страдали много пуш-

ники, которые обменивали пушнину на спирт. Торговцы спиртными напитками учитывали свое преимущественное положение, брали пушнину за бесценок, давая пушнику банку плохого спирта, взамен брали хорошие сорта пушнины...»

Ч. К. Щипчинский заявил, что этот вопрос обсуждался гласными еще в 1920 г., и есть соответствующее постановление, но свободной продаже воспрепятствовал облнарревком, очевидно, боясь лишиться возможности «конфисковывать спирт в свое распоряжение». В доказательство правильности думского решения врач Ч. К. Щипчинский привел собственные наблюдения за бурятами: с появлением в улусах монопольных лавок пьянство у них «пошло на значительную убыль».

Не возражая против свободной торговли, городской голова Е. А. Колмаков предлагал предусмотреть ограничения для инородцев, потому как они способны пропитья вконец, и не на что будет купить продукты.

Х. П. Бирич высказал опасение, что свободная продажа повлечет за собой «большой ввоз спирта из Японии». Позиция государственного контролера Миховского — ввоз из-за границы не ограничивать при условии введения акциза на все напитки. Доктор Ч. К. Щипчинский, соглашаясь с ним, заметил: «Трудно будет только проконтролировать уже ввезенный на Камчатку спирт».

Генерал-майор Н. А. Поляков полагал, что «только путем монопольной торговли можно достигнуть общего обложения спиртных напитков».

Представитель правительства Н. М. Соколов считал необходимым придерживаться порядка, который установлен на территории, контролируемой Временным Приамурским правительством, где давно введен акциз. Хотя, добавил он, монополия может вызвать нарекания на правительство, дескать, оно занимается спаиванием народа.

Участники совещания пришли к единому мнению о введении акциза на все (по предложению Миховского) виды спиртных напитков, «причем продажная стоимость одной бутылки в 95 градусов не должна превышать трех золотых рублей».

Постановили ходатайствовать перед правительством о разрешении: свободного ввоза в Охотско-Камчатский край спиртных напитков как из русских местностей, так и из-за границы; свободной торговли этими напитками под контролем правительственных чиновников; введения акцизного обложения по ставкам, действующим на территории Приамурского правительства.

Много забот доставляли Х. П. Биричу военные. В докладе председателю правительства Спиридону Денисовичу Меркулову он писал: «Еще во время стоянки парохода “Кишинев” на Петропавловском рейде начали поступать ко мне требования командования об удовлетворении отряда как предметами довольствия и обмундирования, так и оборудованием и обстановкой квартир. Эти требования были предъявлены в такой форме, что я вынужден был

созвать представителей местных торговых фирм для изыскания выхода из создавшегося для меня, как “отрядного интенданта”, положения».

Фирмы, дабы не повторились произвольные реквизиции, согласились под личное ручательство особоуполномоченного и по санкционированным Биричем требованиям отряда отпускать ему товары. Во избежание эксцессов, могущих возникнуть «на почве неудовлетворения военных», Хрисанф Платонович несколько раз воспользовался предоставленным ему кредитом.

Часть товаров и материалов предназначалась гарнизонному собранию, на открытие которого Бирич дал разрешение в расчете на то, что «офицерский состав, имея место для устройства вечеров и для общения как между собой, так и с местными жителями, поведет более культурный образ жизни, и прекратятся в его среде ссоры и эксцессы на почве пьянства».

Расчет этот, говорится далее в докладе, не оправдался. «Бесперывное пьянство и разгул среди чинов отряда, в особенности конвоя генерал-майора Полякова, не прекращались и многократно переходили в ругань, драки и дебоши, во время которых затрагивали и частных лиц. В то же время работа отряда в отношении его прямого назначения — активной борьбы с большевиками — совершенно остановилась... несмотря на частые, по заявлению жителей, пребывания отдельных большевиков (членов исполнительного комитета) в городе, ни один из них задержан не был, военными властями производились аресты ни в чем не повинных лиц, коих, по выяснению их личности, приходилось освобождать».

28 ноября 1921 г. совет управляющих правительственными ведомствами постановил: открыть кредит «в распоряжение управляющего торговлей и промышленностью на расходы по приобретению и отправке в Петропавловск-на-Камчатке продовольственных и других предметов первой необходимости из чрезвычайной сметы государственной канцелярии 1921 г. в сумме 30 061 руб. золотом»; предоставить вышеупомянутому управлению «произвести пополнение означенной суммы путем реализации на эту сумму товаров, находящихся в распоряжении Ведомства торговли и промышленности; разрешить управлению торговли и промышленности временно израсходовать из ближайших поступлений кассы ведомства 22 290 руб. золотом на закупку имеющихся в казне товаров». Их отправка на Камчатку в срочном порядке была возложена на управляющего торговлей и промышленностью. Возвращение в казну ассигнованных сумм предусматривалось за счет «удержания стоимости отпускаемых товаров из причитающегося содержания служащим», срок службы коих считался со дня прибытия Х. П. Бирича в Петропавловск.

На том же заседании совет управляющих правительственными ведомствами утвердил проект договора с А. М. Березовским о предоставлении ему права перевозки грузов на транспорте, отправляющемся на Камчатку.

29 ноября начальник СЭО В. И. Бочкарев выпустил обращение «К вам, хозяевам Русского Севера». В нем говорилось: «В дни тяжких испытаний, выпавших на долю нашей матушки-России, я обращаюсь с призывом немедленного объединения, необходимого Вам для того, чтобы отстоять от посягательств советской власти свой край, свою веру, свою самобытность, свои обычаи. Дым и пепел российского пожара уже достигает вершины ваших гор. Прислушайтесь, сыны севера, и вы услышите, как стонут ваши родные братья-якутяне под игом интернационального сброда...

Советская власть, насильно воссевшая в настоящее время на престол Московского государства, решила продать вас и ваш край жадным иностранцам, под шумок растаскивающим остатки бывшей великой России. Подумайте, что сделали они с великой Россией, с родным вам оратаем-славянином и что готовят вам самим эти кровавые тираны. Подумайте хорошенько над тем, что произойдет с вами, когда жадная рука иностранца в погоне за богатством начнет машинами дробить ваши девственные горы, рыть долины, заражая воздух смрадным чадом заводов, что станет с вами, лишенными приюта гор и долин, покинутых зверьем.

В поисках пропитания вы невольно должны будете идти в работники к жадному иноверцу, и тот не пощадит вашего здоровья, а извлекая только свои выгоды, за кусок черного хлеба загонит вас в свои смрадные шахты, надорвет вашу слабую грудь непосильным трудом. Безбожный сам, он заставит вас забыть заветы предков, растлит семью и изведет ваших женщин...»

Конкретной формой объединения северян, разъяснял Валериан Иванович Бочкарев, должно стать избрание «желаемой своей власти из лучших людей». Одновременно начальник СЭО издал специальный приказ, содержащий необходимое уточнение: желаемый и приемлемый для всех порядок будет установлен путем созыва в Гижиге 1 сентября 1922 г. краевого съезда населения края; порядок этот «позволит предотвратить грядущие бедствия...»

С поступившими из Няхана документами Поляков ознакомил Бирича. Тот, по словам генерала, поначалу ничего не имел против них и распорядился в целях широкого распространения отпечатать оба текста в областной типографии. Но уже на следующий день переменял мнение об обращении, найдя в нем призыв к сепаратизму и говоря, что оно может быть истолковано как измена правительству. Вдобавок, выражения об иностранных державах (в то время как в Авачинской губе находился японский военный корабль) особоуполномоченный посчитал выходящим «из пределов международной вежливости».

Бирич попросил Полякова распространение обращения прекратить и без его согласия ничего в этом роде не предпринимать. «Имейте в виду, Ваше Превосходительство, — напоминал Х. П. Бирич генералу, — большевики в крае еще не ликвидированы».

Реакцию Хрисанфа Платоновича на бочкаревское обращение Поляков посчитал недоразумением из-за «неточного понимания мыслей по объединению народностей далекой северной окраины», и в таком духе ответил особоуполномоченному письменно.

Обращение, скрепленное подписью генерала, уже было расклеено в Петропавловске и передано по телеграфу «внутри области». Телеграммы же Бирича вдогон об отмене обращения задержал военный контроль. Это, утверждал Бирич, породило много неясностей на местах, и некоторые селения направили в областной центр своих посланцев за разъяснениями.

Из рапорта начальника штаба СЭО Н. А. Полякова члену Временного Приамурского правительства по военно-морским и иностранным делам: «Первоначально г. Бирич, присутствуя часто на военных торжествах, высказывался о своем расположении к отряду и готовности удовлетворить все его нужды, указывая на близкое знакомство с Валерианом Ивановичем Бочкаревым. Но вскоре последовал крутой перелом в его отношениях к отряду... Так, на обращенную к нему просьбу содействовать открытию кредита военным у местных фирм до получения жалования последовал резкий ответ, что это является делом военного начальства. И в то же время такой кредит был открыт служащим гражданского управления». А 8 декабря Х. П. Бирич распорядился не отпускать продукты отряду до прибытия парохода из Владивостока.

И все это происходило в период, как называл его Поляков, «начала созидания гражданской власти и урегулирования войсковой и гарнизонной жизни», для чего генерал образовал комендантское управление с хозяйственным обозом при нем, офицерское собрание (открытое и рядовым казакам), гарнизонный суд чести.

Первая сотня, размещенная казарменно в здании бывшего окружного суда и несшая караульную службу и охрану города, переведенная на положение мирного времени, периодически получала оперативные, разведывательные и розыскные задачи, которые выполнялись «самым тщательным образом». Радиостанцию, почту и телеграф обслуживала специальная команда связи.

30 ноября 1921 г. заведующий училищами Камчатской области Прокопий Трифионович Новограбленов направил Малкинскому сельскому обществу письмо, где отмечалось, что новая власть намерена установить в крае порядок, существовавший «ранее, до большевистского вторжения».

«Все меры к благополучной жизни населения Приамурское Временное правительство принимает на себя и проведет в жизнь при первой же возможности, — писал Новограбленов, — но сейчас, в переходный период, население должно прийти на помощь правительству...»

С 10 декабря 1921 г. особоуполномоченный этого правительства Х. П. Бирич в экстренном порядке разрешил в Петропавловске свободную торговлю спиртным. Все продаваемые населению горячительные напитки надлежа-

ло оплачивать акцизом по следующим ставкам: ведро спирта — 20, водки и саке — 10; литр ликера — 2,5; бутылка шампанского, водки, коньяка или водочной настойки — 2, виноградного вина и наливки — 1 руб.

Надзор за оплатой акциза особоуполномоченный возложил на управляющего таможенной заставой К. И. Кодылева, наделенного правами окружного акцизного надзирателя.

В середине декабря Бирич разослал всем волостным комитетам «для сведения и объявления» жителям телефонограммы идентичного содержания: «Принимая во внимание, что установленный бывшим областным комитетом налог на пушнину ложится на местное население, я приказом 14 декабря 1921 г. обязательное постановление бывшего комитета от 26 ноября 1920 г. отменил».

...Характеризуя свои отношения в ту пору с особоуполномоченным, генерал приводит случай с отрядным священником о. Петром (Денисовым). Х. П. Бирич препятствовал его выезду в штаб отряда — в Наяхан, подозревая в противоправительственной агитации потому только, что священник, обиженный «неприглашением на общую молитву» в связи с праздником в здании областного управления, говорил об этом публично.

«Его простые и искренние слова были тогда же истолкованы г. Биричем как неуместные выражения. При отправлении о. Петра санным путем в Наяхан, я, зная его убеждения и любовь к родине, просил его в пути следования информировать население о положении в Приморье и нашем крае». Генерал добавляет, что Бирич не только не оказал никакой материальной помощи о. Петру («как личному врагу») в его поездке, но и потребовал от Полякова прекратить ее.

16 декабря 1921 г. областная гражданская администрация оповещает население о выходе из Владивостока на Камчатку парохода «Охотск» «с частными грузами — продовольствием, мануфактурой и другими предметами первой необходимости».

Между 15 и 20 декабря Бирич распространяет свое воззвание к гражданам Охотско-Камчатского края по случаю предстоящих выборов в Народное собрание — законодательный орган на территории Приамурского правительства, в работе которого предусмотрено участие пяти наших депутатов: трех от Петропавловска и двух от Охотского района...

Гарнизон г. Охотска состоял в то время из офицерской и 2-й казачьей сотен, части команды связи и интендантства — всего 250 чел. Командовал им капитан Константин Петрович Грандульс (в некоторых источниках его фамилия воспроизводится как Грандульс).

20 декабря 1921 г. в гарнизоне были зарегистрированы две насильственные смерти. Оба убитых принадлежали к старшему офицерству. Тот и другой погибли дома, во внеслужебное время.

Полковника Данилина нашли лежащим в столовой у дверей квартиры вверх лицом. Производившие осмотр места происшествия штабс-капитан Никомилов и поручик Новиков занесли в протокол: «Левая половина туловища приподнята на дровах, правая рука согнута в локтевом суставе под углом и покоится на груди, причем пробита пулей в области среднего пальца, опалена верхняя часть ее, и перебит средний палец в третьей фаланге. Левая рука вытянута по туловищу и согнута в кисти.

Правая нога заброшена на левую в согнутом положении. Левый глаз выбит, и пуля вышла, пробив верхний край сосцевидного отростка выше правого уха. По всей спине и на ягодицах кровоподтеки...»

Второй убитый — полковник Львов лежал «дугообразно на спине» в спальне у двери в столовую с мундштуком в правой руке. «Половина мозгов, — констатировали следователи, — влево от трупа на полтора метра под ножкой кровати. Левая половина лица обожжена, глаза выбиты. Правая половина передне-лобной, теменно-затылочной костной... выворочена. Следы волос и мозгов на косяках двери и шторах».

В квартире, где жили интенданты, были обнаружены три патрона от винчестера. Раскрытый шкаф в спальне говорил о том, что в нем, скорее всего, кто-то рылся. Следователи обратили внимание на опрокинутый стул и пустой солдатский ранец на кровати...

Капитан К. П. Грундульс показал: у интендантов почти каждый день организовывались пирушки; они отказывались выдавать штабное довольствие, утаивали спирт; и вообще в лавке многое пряталось, «в уплату шли» белые куропатки и иная дичь, которая «благополучно уничтожалась интендантами», в то время как он, начальник гарнизона, с женой и штабом «сидели на одних рисовых или картофельных котлетах», когда его жене доктор прописал пиво, но интенданты говорили, что его нет, а на пирушках у Данилина (с женщинами) оно лилось рекой.

26 ноября, в день Георгиевских кавалеров, продолжал капитан Грундульс, он «на свой счет» взял в гарнизонной лавке консервов и «ходил — почти выпрашивал одну-две рыбки. Интенданты не сообразовали даже предложить...»

Несмотря на то, что у начальника гарнизона и гражданина Соболева пайки одинаковые, первому не дали вообще муки, а второму прислали сразу 20 пудов, да еще пятипудовый куль сахара.

Гарнизонный врач, статский советник Крамник уговоривал Грундульса поехать отдохнуть в Новое Устье, так как капитан «вследствие чрезмерной работы переутомился и заболел». А в госпитале от него можно было услышать, мол, капитан уедет, новый начальник района отменит приказы о воспрещении пьянства, разрешит пить, «но не попадаться пьяным».

Со стороны доктора начали раздаваться угрозы в адрес корнетов Истомина и Калмыкова, прапорщиков Эйхлера и Чернова; Крамника поддерживали

офицеры, часто бывавшие в лазарете, где, по утверждению Грундюльса, доктор устроил «настоящий кабак».

Штабс-капитан А. И. Госс пришел к полковникам Данилину и Львову и заявил им, что «сегодня их арестуют».

Грундюльс вызвал к себе Львова и Крамника. Врач уверял, будто подобные разговоры он вел исключительно ради того, чтобы «успокоить» большого поклонника Бахуса, бельгийского подданного капитана Владимира Николаевича Колосова.

Полковник Львов упрекал доктора, что тот «впутывает его имя в какую-то грязную историю» и благодарил Грундюльса за вызов для объяснения.

...Вечером 19 декабря 1921 г. прапорщик Н. Л. Лифляндер получил приказ от начальника команды связи задержать «не подчинившегося явке» штабс-капитана Субботенко. Этот офицер находился в квартире Львова и Данилина. В 22 часа туда вошел Лифляндер с двумя солдатами. Оставив их на кухне, он прошел в комнаты и грубо объявил штабс-капитану, что тот арестован, но соответствующего документа не показал.

Полковник Данилин предложил прапорщику покинуть помещение — зашел, не спросив, к тому же ведет речь на повышенных тонах. Лифляндер отдал распоряжение солдатам не выпускать штабс-капитана из квартиры. Минут через двадцать прибыл сотник Хаджи-Мурат с бумагой об аресте.

Субботенко попросил разрешения переодеться. Прапорщик Лифляндер (двадцати четырех лет, холост, православный) опять заговорил в прежнем тоне. Полковник Данилин сказал ему, чтобы он уходил, так как «дело делает плац-адъютант», то есть сотник Хаджи-Мурат. Прапорщик вышел в кухню, причем полковник вновь напомнил ему: без разрешения не входить.

Не прошло и двух минут, как послышался стук в дверь. Данилин открыл ее, пропустил чиновника управления интендантства М. Савушкина. Стоящий за ним Лифляндер произнес: «Я постучался потому, что к вам входит какая-то штабная личность».

После непродолжительного разговора полковник Данилин взял Лифляндера за рукав и попросил выйти из кухни. В коридоре прапорщик быстро повернулся, зарядил винтовку и направил ее на полковника. Данилин выхватил браунинг и выстрелил...

Так развивались события на квартире интендантов вечером 19 декабря по рассказу поручика Л. А. Комарского. Его показания подтвердил сотник Хаджи-Мурат. Грундюльс говорил, что Данилин ранил Лифляндера довольно серьезно: оказались задеты легкие, раздроблена левая лопатка.

Хаджи-Мурат был среди тех, кто покинул помещение сразу после инцидента и пришел сюда, когда убийство уже совершилось.

Он показал: «Увидев полковника Данилина, лежащего на дровах, я заметил поручика Губенко, но входил ли он с нами, я не помню. Я прошел в сле-

дующую комнату. В это время мне кто-то сказал: “Осторожно, не наступите на мозги!” Еще были чьи-то слова: “Кто-то успел снять браунинг у полковника Данилина”, потом капитан Ляпушкин взял кухлянку с пола со словами: “Как бы ее не украли”».

Что же произошло? В доме оставалось четверо: полковники Данилин и Львов, поручик Комарский и чиновник Савушкин. Согласно показаниям последнего, убийцы ворвались спустя четверть часа после того, как Данилин ранил прапорщика.

Комарский и Львов отдыхали на своих койках. Данилин, выходя из комнаты, где «машинально ходил», попал под выстрелы в упор и грузно опустился в кучу дров около печки, будучи убитым наповал.

На шум вбежавших с криком и ругательствами офицеров поднялся с койки полковник Львов. Когда убивали Данилина, он подошел к тем же дверям с другой стороны... Поднял руки вверх и произнес: «Я, господа...» И — больше ни слова. Раздалось снова несколько выстрелов подряд из револьвера и один из винчестера, «бывшего у корнета Чернова, угадавшего в череп, который, разбившись, остался держаться лишь на коже от затылка. Мозги и все остальное вылетело на пол».

Убийцы Эйхлер и Чернов выдвинули на следствии свою версию. Узнав о ранении прапорщика Лифляндера, они подбежали к полковнику Данилину «потребовать от него объяснения», но ввиду того, что тот пальнул в направлении корнета Калмыкова, Эйхлер выстрелил из винчестера в голову сначала Данилину, а затем Львову, выскочившему с наганом в правой руке.

Но в браунинге Данилина нашли шесть патронов — значит, стрелял он только раз — в Лифляндера.

Чудом уцелевший еще один свидетель дорисовал картину происшедшего. «Дверь распахнулась, и ворвались с шумом корнет Калмыков, еще несколько человек, разглядеть которых я не мог. Кто-то кричал: “Вы арестованы!” Полковник Данилин, видя направленные на него винтовки, крикнул: “Я не боюсь!”

Сразу же раздался залп. Полковник Львов соскочил с койки и направился на выстрелы, в это время я услышал второй залп, и полковник Львов упал.

Я в это время спрятался под койку. Пришедшие вошли в ту же комнату, что-то говорили, какие-то приказания отдавал корнет Калмыков, на что прапорщик Эйхлер отвечал: “Слушаю! Так точно!” И сразу вышли.

После вошел чиновник Савушкин с фонарем и говорил мне, что меня ищут и хотят убить (искали и доктора Крамника, но тот был в отъезде. — *В. П.*). Я ему сказал: “Михаил Михайлович, вы уходите и сами скрывайтесь”. Он вышел.

Вслед за этим услышал со двора голос капитана Кочемасова, поручика Губенко, сотника Хаджи-Мурата, штабс-капитана Ляпушкина. Здесь они

стали стаскивать с убитых вещи. Взяли браунинг с полковника Данилина, полезли в шкаф.

Кто-то сказал: “Этот браунинг надо отдать во Вторую сотню”. Затем услышал голос капитана Кочемасова: “Ну, теперь все хорошо. Еще кончить Комарского...”

Достали вино, деньги золотыми пятирублевками, два свертка по два вершка длиною, серебра рублей 270. На какой-то вопрос поручик Губенко спросил: “А откуда ты знаешь?” И кто-то ответил: “Я здесь все знаю”. Они ушли.

После этого еще три раза приходили, а кто — не мог определить. Слышал голос: “Выходите, будем закрывать. Капитан Грундульс приказал”.

Так я пробыл до утра под кроватью. Утром, когда стало светать, я улучил момент, когда часовой отошел от окна, заскочил за печь на кухне и сидел. Слышал утром: кто-то заходил, мерку снимал для гробов. Приходил капитан Грундульс с кем-то, он обещал прислать фельдшера для определения ран (поговаривали, будто, глядя на убитых, Грундульс сказал: «А, сволочи, переворотчики, не все еще здесь». — *В. П.*).

Вскоре послышалось за окном, что на печке кто-то есть. Я продолжал сидеть. Вошли сотники Утехин и Тарасов, предложили мне слезть. Я отвечал: “Если меня расстреляете, я лучше сам застрелюсь”. Вошел ротмистр Шредер. Я слез с печки, оделся. Взял оставшиеся в ранце некоторые вещи и документы — свои и полковника Данилина и с ним отправился в офицерскую сотню».

Чудом спасшимся от смерти свидетелем, поведавшим все это, был поручик Лука Антонович Комарский (двадцати трех лет, холостой, православный, уроженец Подольской губернии).

24 декабря 1921 г. Охотский военно-полевой суд в составе: председателя подполковника Дроздова; членов: войскового старшины Дорохова и штабс-капитана Госса при секретаре подьесауле Виттоле признал Калмыкова, Истомина, Эйхлера и Чернова виновными в том, что они «злонамеренно воспользовались ранением прапорщика Лифляндера», ворвались в интендантскую квартиру, Эйхлер стрелял из винчестера, а остальные «с оружием в руках составляли охрану и предоставили ему возможность совершить преступление». Суд приговорил всех четверых лишиться орденов и воинских званий и «предать смертной казни через расстреляние».

Расстреляли их в восемь утра 25 числа — корнетов: черниговца Истомина и одессита Бориса Михайловича Калмыкова; прапорщиков: петербуржца Чернова и Виктора Рудольфовича Эйхлера, уроженца Севского уезда Орловской губернии.

Двое из них — Эйхлер и Калмыков — принадлежали к дворянству. Все являлись православными. Самому старшему — корнету Истомину — было двадцать восемь. Самому младшему — прапорщику Эйхлеру — до двадцати одного года не доставало ровно месяца.

Дело в отношении капитана Грундюльса (у него ночевали убийцы, совершив преступление) военно-полевой суд передал на усмотрение начальника СЭО В. И. Бочкарева.

... 24 ноября 1922 г., после окончательного установления советской власти во Владивостоке, в числе задержанных ГПУ оказался офицер М. Г. Харитонов, заявивший, что давно сочувствует РКП и дважды выполнял секретное задание в стане белых. Второй раз он «проник в отряд Бочкарева... 1 июня 1921 г., поступил туда сначала писарем, затем был назначен делопроизводителем и до 16 октября 1922 г. находился в Охотске в интендантстве...» Вскоре, однако, задержанный от части своих показаний отказался и назвал свою настоящую фамилию — Савушкин...

...Сославшись на указания Приамурского правительства «о соблюдении крайней осторожности при возбуждении преследования против лиц, признанных опасными в политическом отношении», Х. П. Бирич издал 27 декабря 1921 г. приказ № 114, который генерал-майор Н. А. Поляков должен был принять к неуклонному исполнению: никаких (как ранее по поводу реквизиций) обысков и арестов без его письменного разрешения «в каждом отдельном случае». Виновным в несоблюдении данного приказа грозила уголовная ответственность «по всей строгости закона».

Тем временем обстановка в Петропавловске стала еще больше осложняться «неблагополучием» среди военных и, прежде всего, из-за привилегированного положения личного конвоя Полякова, составлявшего 10—12 чел. Освобожденный от караульной службы, он, в сравнении с другими чинами отряда, снабжался довольствием и обмундированием в значительном избытке. Плюс спирт (а за неимением такового денатурат), благодаря чему, по утверждению Бирича, конвойцы во главе с адъютантом генерала корнетом Татаровским «сделались в полном смысле пугалом для местного населения».

Никита Андреевич Поляков, понятно, отрицал это, говоря, что всюду, где только предоставится возможность, чиновники гражданского ведомства пытаются «опорочить действия военного командования», очернить служивых и вызвать у горожан к ним «недоверие и нерасположение». К таким фактам генерал отнес как форму приказов особоуполномоченного о недопустимости реквизиций, обысков и арестов, так и расклейку их по городу — то есть предание широкой огласке.

«На ходатайство мое о выдаче командам жалования, — информировал Владивосток Н. А. Поляков, — г. Бирич в присутствии моем, полковника Андреева и подполковника Кузнецова показывал различные ассигновки и расписки, доказывая, что деньги на содержание отряда получены Бочкаревым полностью и недвусмысленно намекал, что эти суммы на нужды отряда не пошли». То же самое говорил в гостях в частном доме в канун Нового года заведующий канцелярией особоуполномоченного Ф. Д. Стецок.

Генерал Поляков был убежден в том, что «какая-то тайная и злая мысль руководила стремлением внести раздор в среду военных и посеять вражду, создать внутри отряда отдельные и враждебные друг другу группировки», для чего в ход шли все средства, и цель оказалась достигнутой, «в первую очередь среди офицеров и команды посыльного судна “Свирь”».

Х. П. Бирич придерживался иного мнения, указывая на личный характер разногласий между генералом и командиром «Свири» поручиком по Адмиралтейству Р. Я. Салатко-Петрище. Последний подал рапорт особоуполномоченному с просьбой разъяснить, кому он должен подчиняться. Хрисанф Платонович разъяснил — руководителю гражданской администрации.

Генерал арестовал поручика на тридцать суток за то, что он обратился с рапортом не по команде; самовольно объявил экипажу о переподчинении; не принял надлежащих мер к прекращению обсуждения в кают-компании политических вопросов.

Н. А. Поляков наложил дисциплинарное взыскание на командира «Свири» 28 декабря, однако тот повиновался приказу не сразу и 2 января 1922 г. подал второй рапорт особоуполномоченному о неправильности генеральских распоряжений.

«Таким образом, — писал Поляков, — одна из крупных боевых единиц отряда, выделенных под моим командованием, оказалась без ведома и вопреки приказа начальника Экспедиционного отряда вышедшей из моего подчинения».

7 января 1922 г. Х. П. Бирич распорядился немедленно освободить из-под стражи Р. Я. Салатко-Петрище, а также ревизора «Свири» прапорщика по Адмиралтейству В. А. Кулия, ожидавшего на гарнизонной гауптвахте отправки во Владивосток для предания военно-окружному суду за попытку арестовать генерала Н. А. Полякова 5 декабря 1921 г.

В тот же день 7 января в помещении генеральского конвоя выстрелом из карабина был убит старший урядник штаба отряда Алексей Грабовский, о котором за два часа до этого Бирич говорил Полякову, что тот бранил в пьяном виде особоуполномоченного и грозился в адрес чинов его администрации. Установить и задержать убийцу не удалось.

Городской голова Е. А. Колмаков вспоминал: «На первый день Рождества у Бирича были гости, как служащие, так и из граждан города... Марамзин, Стецок, Дельсаль и другие, из граждан — Киселев, Захаров Логвин, Новограбленов, Одынец. Одни приходили, другие уходили, здесь же находились японцы. Перед вечером произошел инцидент между пьяным капитаном Любвиным и подполковником Кузнецовым, который сделал замечание Любвину, и его проводил Щипчинский с одним из офицеров... В тот же вечер произошел инцидент со стрельбой, о которой я ничего не знаю».

Генерал Поляков в сопровождении адъютанта явился на квартиру Бирича с докладом. Татаровского хозяин встретил словами: «Мерзавец, вон из

моей квартиры!» Вслед за этим, сообщал во Владивосток Поляков, «я подвергся покушению со стороны заведующего милицией Ю. М. Дельсаль, выстрелившего в меня и не попавшего лишь благодаря вмешательству штабс-капитана Руднева».

Что побудило Юрия Михайловича применить оружие? Генерал неоднократно уличал его в самозванстве: проехавши в 1921 г. всю Советскую республику под видом военнопленного, он в среде белых представлялся сначала офицером Ахтырского гусарского полка, потом корниловцем, затем петлюровцем.

Командуя, кроме милиции, еще и типографией, Ю. М. Дельсаль, по отзывам рабочих, ничего в этом деле не понимал, но всюду лез, однажды даже рассыпал набор... Позже стал редактором возрожденного «Камчатского листка».

Выпуск местной газеты возобновился лишь 1 января 1922 г. Наборщики Клочков, Лосев и заведующий типографией Семенов 28 октября 1921 г., за несколько часов до смены власти, «сняли у печатной машины главные части», которые Семенов унес в сопки. «С приходом белых, — рассказывал Евгений Петрович Клочков, — машина была приведена в исправность, части были выточены господином Бергау Ф.».

...Сразу же после стрельбы в квартире особоуполномоченного охрану дома взяла на себя команда «Свири». Генерал Поляков, «во избежание эксцессов или вооруженного столкновения», отдал приказ об охране зданий Судейского городка, где размещались военные, и их квартир.

Поздним вечером все того же 7 января Х. П. Бирич приказал Полякову арестовать и препроводить на гауптвахту Татаровского. Генерал не стал делать этого по двум причинам: особоуполномоченный не вправе налагать дисциплинарные взыскания; помещение корнета на «Свирь» было бы, по мнению Полякова, равносильно смертному приговору.

Роль посредников в противостоянии гражданских и военных властей взяли на себя по инициативе священника Петропавловского собора о. Михаила руководители городского самоуправления Ч. К. Щипчинский, Е. А. Колмаков и П. Т. Новограбленов. Вчетвером они пошли на квартиру Н. А. Полякова. «И отец Михаил уговаривал его ради праздника и спокойствия в городе прекратить ссору, уговаривал я и Щипчинский, — вспоминал Елизар Александрович Колмаков, — генерал Поляков выразил согласие пойти на квартиру к Биричу и отправился вместе с нами. Между Поляковым и Биричем началась пикировка: кто кому должен подчиняться... в конце концов Бирич и Поляков уверили нас, что команды не сделают ни одного выстрела, но караулы не снимались всю ночь».

Ночь на 8 января прошла без происшествий, но «крайне тревожно» еще и потому, что событиями в городе впервые очень серьезно заинтересо-

лись японские военные. Местность у дома особоуполномоченного освещалась прожектором с военного корабля «Канто», готового высадить десант...

13 января 1922 г. Петропавловская Дума, учитывая, что вооруженное столкновение в областном центре может спровоцировать вмешательство во внутрирусский конфликт японцев «с гибельными последствиями для города и края», постановила обратиться к Биричу и Полякову с просьбой «не допускать по отношению друг к другу каких бы то ни было репрессивных мер».

Дальнейшее в изложении Н. А. Полякова выглядело так: оскорбление, нанесенное Биричем корнету Татаровскому, обсуждалось в гарнизонном суде чести, где особоуполномоченный вновь оскорбил офицера, на сей раз председателя суда военного летчика полковника Андреева (в присутствии капитана Зайцева) словами: «Вы врете», и только служебное положение и возраст — шестьдесят четыре года — Хрисанфа Платоновича «не позволяли потребовать у него законного удовлетворения». В итоге Татаровский уволился от службы по болезни, вышел из состава СЭО для возвращения во Владивосток.

10 января 1922 г. Х. П. Бирич письменно упрекает Полякова в том, что он до сего времени не считал нужным докладывать обо всех особенно секретных распоряжениях Бочкарева и, как начальник экспедиции и поляковский начальник, требует от него предоставить таковые в копиях, а также все приказы по отряду, «имеющие значения общих руководящих указаний» с момента выхода «Кишинева» и «Свири» из Владивостока в конце сентября 1921 г.

Через несколько дней — еще одно требование: дать в расшифрованном виде часть телефонного разговора с Наяханом, «зашифрованного военным шифром» и случайно оказавшегося у Бирича. Обо всем этом Поляков докладывает В. И. Бочкареву.

Тревожит генерала и другое. 12 января он получает донесение подполковника Кузнецова, в котором говорится: согласно агентурным сведениям, в Сероглазке скрываются прибывшие из Анадыря член ячейки партии коммунистов Валентин Салтан, он же Пересвет, Детков и Иван Иванович Елизов; укрывает их местный житель Василий Крупенин, у него они проживают, «имея сношения с городом». О донесении Кузнецова немедленно ставится в известность Х. П. Бирич. В тот же день он предлагает генералу послать в Сероглазку небольшой отряд и, чтобы не было недовольства среди местных жителей, «обыски домов и аресты произвести днем, и нарядить для этого людей трезвых и осторожных».

...15 января 1922 г. Р. Я. Салатко-Петрище подает Полякову прошение об увольнении его со службы в СЭО «ввиду сложившихся обстоятельств» и одновременно направляет председателю Приамурского правительства телеграмму следующего содержания: «Мой арест, произведенный генералом Поляковым, вызван моими служебными упущениями. Создалась атмосфера оскорблений в отношении меня со стороны Бирича, а также опасение за мою

жизнь. В настоящее время нахожусь на квартире генерала Полякова в полной безопасности. Все действия генерала вполне законны».

17 января просит уволить его в отставку и Н. А. Поляков. С мундиром, пенсией и производством в генерал-лейтенанты. И «впредь до получения указа об отставке» командировать как оренбургского казака с первым отходящим парходом во Владивосток в распоряжение войскового атамана Оренбургского казачьего войска. Мотив отставки — невозможность продолжать службу «по возрасту и состоянию здоровья».

Скорее всего, именно в эти дни генералу доставляют копию телеграммы председателя правительства Спиридона Денисовича Меркулова, адресованной Х. П. Биричу: «Вы являетесь Особоуполномоченным правительства. Вам должны подчиняться все гражданские и военные власти. . .»

Как утверждал Бирич, Поляков имел секретное распоряжение захватить по приходе в Петропавловск парход «Охотск», но часть офицеров и солдат 1-й сотни категорически отказалась участвовать в этом, более того, заявила о готовности противодействовать данному приказу.

20 января 1922 г. не состоялось первое заседание по сельскому самоуправлению, на которое Х. П. Бирич пригласил председателя Думы Ч. К. Щипчинского, городского голову Е. А. Колмакова, мирового судью Н. М. Успенского, заведующего канцелярией Ф. Д. Стецюка, старшего делопроизводителя В. А. Павлова, делопроизводителя М. Я. Марамзина, заведующего сельхозфермой И. Ф. Голованова, бухгалтера казначейства С. Г. Ошева и по одному представителю от Завойко, Сероглазки, Авачи, Микижи, Хутора и Паратуники, а также отдельных селений, если они смогут приехать в Петропавловск к этой дате. Председательствовать на таких заседаниях должен был представитель Приамурского правительства Н. М. Соколов.

В связи с введением в действие Временного положения об управлении Охотско-Камчатским краем Бирич хотел выяснить, «какие частичные изменения и исправления» следует внести в организацию сельских обществ, здоровых уставов которых, заложенных еще в дореволюционное время, не удалось разрушить даже большевикам.

Стройную же, законченную систему органов сельского самоуправления предполагалось создать «в законодательном порядке путем рассмотрения этого вопроса в Приамурском Народном собрании при участии депутатов от Охотско-Камчатского края».

Утром 21 января Х. П. Биричу доложили с маяка, что парход «Охотск» показался в море. Около полудня парход вошел в лед Авачинской губы и остановился в 0,7—0,8 мили от города. Бирич распорядился выслать со «Свири» на «Охотск» часовых. «Свирь» заранее начала пробивать проход во льду из Ковша на внешний рейд; утром 22 числа работы были закончены, а к вечеру «Охотск» вошел в Ковш.

Прибывшие с «Охотском» члены Особого совещания по камчатским делам первый демократически выбранный в 1917 г. руководитель области Александр Антонович Пурин и председатель Петропавловской городской Думы в 1919—1920 гг. Иннокентий Дмитриевич Добровольский перебрались на берег по льду еще 21 января.

За их подписью в сельские и волостные управления Камчатки ушел циркуляр, в котором говорилось, что приход «Охотска» — результат «целого ряда» докладов Особого совещания правительству о необходимости присылки парохода с продовольствием, учебными пособиями и медикаментами.

«Совещание командировало нас, — писали Пурин и Добровольский, — для ознакомления с положением на месте», чтобы по возвращении во Владивосток сообщить правительству обо всем подробно.

«В дальнейшем предстоит большая работа. Особенно деятельное участие в совещании принимает его председатель Сергей Петрович Руднев, член Народного собрания. Наиболее серьезными вопросами... являются горный, пушной, рыбный, школьный и медицинский. Для ваших всех нужд желательно получать наиболее исчерпывающие сведения. Совещание многого не обещает, но по силе возможности будет всецело отстаивать ваши нужды, клонящиеся к пользе Охотско-Камчатского края и не идущие вразрез с общегосударственными целями и задачами».

Прибытие «Охотска» стало событием еще и потому, что зимой суда Добровольного флота на Камчатку не ходили. Навигация на линии Владивосток — Петропавловск открывалась в мае-июне и закрывалась в октябре-ноябре. 21 января 1922 г. пароход «Охотск» нарушил эту традицию.

На его борту находилось 10 055 пудов груза. Одна десятая его принадлежала А. М. Березовскому, остальное — шестнадцать другим коммерсантам. По договору с Владивостокским портом Березовский обязался заплатить 5 000 иен за перевозку пассажиров и груза плюс 150 иен за каждые просроченные (свыше пятидесяти дней) сутки рейса. Кроме того, на нем лежало снабжение за свой счет «Охотска» на переходе в Петропавловск и обратно углем, водой, смазочными и обтирочными материалами с момента подачи парохода под погрузку.

Согласно § 2 договора фрахтователь, то есть Березовский, целиком отвечал за сохранность всего перевозимого на судне груза. Между тем около 500 пудов мяса «было по пути выброшено за борт» и 176 пудов привезено в испорченном виде. Не хватало и многих других продуктов.

«За недоставленное и утраченное Березовский обязан возместить убытки казны полностью, — докладывал правительству Х. П. Бирич, — то есть уплатить по рыночным ценам Петропавловска. В обеспечение интересов казны я дал распоряжение грузоотправителю — директору фирмы “Китомарус”

Пилецкому задержать во Владивостоке расчет с Березовским и причитающиеся ему платежи как отправителю грузов...»

Обнаружилось также, что «Охотск» — «совершенно без угля на возврат». Гражданская администрация выделила ему сто тонн, после чего весь запас «Свири» и еще одного судна СЭО — «Взрывателя» составил пятьдесят тонн — меньше, чем на месяц.

По этой же причине без угля оставались и казенные здания с центральным отоплением. Отопление их дровами и поддержка «небольшого пара» на судах (при рыночной цене погонной сажени 28 руб.) выливалось в довольно-таки крупную сумму.

На «Охотске» приехал друг Бочкарева Георгий Георгиевич Бек, в прошлом прапорщик — сорокатрехлетний дворянин. И сразу же отправил телеграмму в Наяхан начальнику СЭО: «Дорогой Валериан! Приехал с открытым сердцем служить идее, тобой возглавляемой, взял с собою коммерческую организацию... Здесь сейчас имею свыше пятисот ведер спирта, двести пудов сахара-рафинада, пятьсот пудов мануфактуры английской, пятьсот пудов чая.

Цены мне затруднительно сейчас сказать, поставлю в Тигиль средние рыночные Камчатки. Во всяком случае, дешевле конкурентов. Твое доброжелательное предложение прибыть к 10 июня с указанными товарами намерен использовать в полной мере. Прошу тебя завтра к аппарату для конкретных переговоров при участии директора фирмы Пилецкого. Всей душой рад служить в данном случае делу большого государственного значения».

... Командование Петропавловского гарнизона ожидало подкрепления, но его на «Охотске» не оказалось. Внутренний уклад воинской части к этому времени был нарушен еще одним обстоятельством. Ю. М. Дельсаль с помощью сотника Бодрова, неуживчивого и всюду вносящего разлад, тайком вербовал казаков в милицию, обещая им увеличение жалования, улучшение материальных условий и вообще более легкую службу.

Одновременно с вербовкой, якобы разрешенной генералом Поляковым, велась критика командования и его приказов, создавших, как считал Н. А. Поляков, «общую картину, памятную уже по разрушению нашими врагами Великой Русской Армии».

23 января 1922 г. начальник гарнизона получил приказ Х. П. Бирича о формировании из находящейся в Петропавловске части СЭО военной милиции с полным ее подчинением гражданской власти на основании правительственных распоряжений по переходу на мирное положение.

Должность начальника гарнизона и жандармской полиции — команды с правоохранительными и таможенными функциями упразднилась. Отрядники, не пожелавшие продолжать службу в военной милиции, могли отбыть на «Охотске» во Владивосток.

25 января 1922 г. состоялся телеграфный разговор между Петропавловском и Облуковино, откуда дал о себе знать священник о. Петр, направляющийся в штаб отряда — в Наяхан.

Он сообщал, что с большим трудом добрался до этого населенного пункта на западном побережье Камчатки (селение располагалось на берегу одноименной реки на территории нынешнего Соболевского района). «Население к нам и власти относится великолепно. Исполняю приказание генерала — выдаю служащим по 75 руб. и, кроме того, даю распоряжение о выдаче продуктов: по двадцать пудов муки и два кирпича чаю, и двадцать аршин мануфактуры. Население повсюду ждет меня и просит разрешения вопросов, в которых я даже не компетентен».

В качестве примера о. Петр приводил селение Мономахово — сейчас Соболево — где хранились мука, соль и другие продукты, доставленные сюда при красных Союзом кооператоров; он установил на свои товары баснословно высокие цены. Все это лежало мертвым грузом. Мука портилась и пожиралась крысами.

Общество потребителей обратилось к священнику: как быть? Тот создал комиссию, она решила, что продавать продукты по установленной Союзом камчатских кооперативов цене невозможно. Священник посоветовал сделать скидку на весь товар с таким расчетом, что, если не будет переоценки, общество потребителей могло бы на вырученные деньги купить те же продукты и вернуть хозяевам.

«Все население, — телеграфировал о. Петр, — нуждается в учительском персонале. Во многих местах учителя приглашены без прав. Отовсюду хотят посылать нарты за учебными пособиями и медикаментами. Можно ли что-нибудь получить в Петропавловске?»

Телеграфная линия приходит в упадок, и вряд ли на будущий год можно будет работать. Самый скверный участок — Усть-Большерецк — Кол. Говорил с начальником Коловского отделения... чтобы исправить линию, необходимо сейчас же подвезти и заменить все березовые столбы... Население будет согласно исправить линию, если будет уплачено за это продуктами. Прошу на это разрешения, а также заплатить старые долги по ремонту линии продуктами из запаса Союза.

Большевистской властью в некоторых местах было разрешено выдавать учащимся по 100 руб. в месяц продуктами из кооператива. Как поступить с этим? Жду от генерала ответа и дальнейших инструкций. Если можно, пусть подойдет к аппарату... Поклон всем соратникам и доброго здоровья. Нашли ли тело замерзшего хорунжего Таута?»

Петропавловск (сотник Петр Федорович Болотов) отвечал: хорунжий не найден, а генерал находится на совещании у Бирича.

Помимо Н. А. Полякова на этом совещании присутствовали Н. М. Соколов, А. А. Пурин, Ч. К. Щипчинский и исполняющий обязанности командира «Свири» Г. Я. Бойко. Они именовались комиссией по вопросу организации команды военной милиции.

Решено было образовать из части действующего в Петропавловске СЭО местную команду по типу учрежденной 23 марта 1913 г. «с подчинением ее в полицейском отношении Особоуполномоченному, а в строевом, инспекторском и хозяйственном — той военной власти, которая будет указана Приамурским правительством».

Состав местной команды — шестьдесят человек при трех офицерах. В интересах поддержания боеспособности и дисциплины комиссия нашла желательным считать ее частью СЭО. Непременное условие службы в команде — «ясное и сознательное отношение каждого к Верховной власти в лице Приамурского Правительства и его главного представителя на Камчатке — Особоуполномоченного... Всякий, кто неодобрительно отозвется об этих властях или будет агитировать за неподчинение... должен быть немедленно арестован и предан суду».

Сформированная 28 января 1922 г. местная команда оказалась вдвое меньше, чем предполагалось, однако в ее штат были включены четыре офицера. Начальником команды стал есаул А. И. Чешкин, пятьдесят девять казаков (по сведениям красных партизан) остались в подчинении Н. А. Полякова.

30 января конвонец прапорщик Николай Павлович Воинский выстрелами из револьвера ранил отрядника Гофолева и местного жителя...

А. А. Пурин и И. Д. Добровольский информировали С. П. Рудневу: «Отношение населения к правительству самое доброжелательное... В силу особого положения и острого переживаемого момента предстоит огромнейшая работа по воссозданию экономической жизни и поддержанию русского дела в крае...

Вся команда «Свири» обносилась, нечего одеть, необходимо сорок три комплекта полного обмундирования, подвозка угля, ремонтных материалов... Все недоразумения с большим трудом улаживаются».

Примерно в то же время Х. П. Бирич телеграфировал С. Д. Меркулову: «Путем чрезвычайных усилий общими стараниями удалось смягчить... парализовать влияние Наяхана...»

Год спустя на допросе в ГПУ Хрисанф Платонович скажет: «Неудачное назначение командного состава воинской части и ее начальника Бочкарева вызвало проявление злой воли лиц, не признающих никаких моральных преимуществ... В отряде много было людей порядочных во всех отношениях и беззаветных бойцов, но они были перебиты своими же или же подчинились преобладающей силе».

Х. П. Бирич располагал непроверенными данными, что на охотском побережье таким вот образом погибли до шестидесяти военных. То есть — каждый седьмой...

ЧТО ЗНАЮТ ЗАЛОЖНИКИ

В феврале 1922 г. в Сероглазкинский сельский комитет поступили заявления от жителей этого селения Федора Васильевича Третьякова и Алексея и Александра Черных. «30 января я выехал в селение Халактырку, — писал Третьяков, — приехал туда приблизительно часов в двенадцать дня, застал там коммунистов; коммунисты меня задержали; говорили, что обожди до завтра, на следующий день я сказал Ларину (председатель Камчатского областного нарревкома, сокращенно КОНРК или ОНРК, ушедшего с приходом белых в сошки. — *В. П.*), что поеду домой, на это Ларин сказал, что ехать нельзя, и я выехал уже на третий день, коммунисты просили, чтобы я не говорил никому о прибытии коммунистов в селение Халактырку».

Братья Черных в тот же день, 30 января, отправились на охоту «в вершину реки Налочеве» и «дорогой у Половинки речки» тоже наткнулись на красных партизан, которые предложили им повернуть назад в Халактырку. Охотники, однако, туда не пошли, а возвратились в родное селение. В своем заявлении Черных приводили слова коммунистов, что те «будут созывать съезд для свержения власти».

К тому времени Сероглазкинский сельком имел в своем распоряжении обращение к населению Охотско-Камчатского края Х. П. Бирича. Он полагался на сознательность камчатцев, говорил о них, как о людях, не поддающихся пропаганде «кучки авантюристов», а пропаганда эта заключалась в следующем: не подчиняться органам новой власти, не платить ей налогов и податей.

«Для успокоения населения» особоуполномоченный в очередной раз подтверждал: «Небольшая кучка скрывающихся где-то в тайге коммунистов не имеет и не может иметь за собой никакой реальной силы». Бывший устькамчатский рыбопромышленник Х. П. Бирич заявлял: «Прожив среди камчатского населения в течение десяти лет, я лично твердо уверен, что местные коренные жители сами переловят нарушающих его спокойную жизнь агитаторов-смутьянов и передадут их в распоряжение властей для высылки их за пределы территории Временного правительства в советский край».

Обращение Х. П. Бирича заканчивалось так: «На жалкие же покушения граждан Лариных, Щербаковых и К^о изобразить из себя какое-то подобие власти убедительно прошу жителей города Петропавловска и всего Охотско-Камчатского края не обращать никакого внимания».

30 января 1922 г. исполняющий обязанности заведующего училищами области П. Т. Новограбленов спрашивает телеграфом согласие начикинского старосты на прием учителя Лукомского и, в случае благоприятного ответа, просит выслать за ним в Петропавловск нарту, подготовить класс и комнату (приедет, дескать, со всеми школьными принадлежностями и продукта-

ми). На другой день с аналогичной просьбой Новограбленов обращается по телефону в Мильково, рекомендуя названное лицо «как интеллигентного, хорошего человека». После возвращения в город советской власти П. Т. Новограбленов, обвиненный в контрреволюции и «вспомогательстве в укреплении белой банды», скажет членам следственной комиссии при ревтрибунале, что рекомендовал Лукомского по представленным документам и назначить его самолично, без согласия сельского общества, не мог.

Из рапорта Н. А. Полякова члену Приамурского правительства по военным и иностранным делам от 20 апреля 1922 г.: «Прибывшие с пароходом “Охотск” представители фирмы “Китомарус” И. В. Пилецкий и Г. Г. Бек, нуждаясь в охране в пути товаров, отправляемых ими на нартах вдоль западного побережья Камчатки, предложили начальнику Северного экспедиционного отряда перевезти 1-ю сотню, подлежащую отправке во Владивосток, на присоединение к отряду в Гижигу или Наяхан каюрным путем с тем, что в пути она явится охраною транспортов. Начальником отряда согласие на то было дано, и последовало приказание мне выступить теперь же с 1-й сотней на присоединение к отряду через Тигиль.

Сообщив об этом особоуполномоченному, прося его удовлетворить уезжающих чинов отряда жалованием и материально обеспечить остающиеся здесь до первого парохода семьи отрядников, я получил секретное отношение от 9 февраля с. г. за № 8, в котором особоуполномоченный заявляет, что “отправка какой-либо команды в Наяхан или Гижигу зимним путем ни совещанием, ни приказом не предусмотрена и не вызывается требованием необходимости, потому что в Гижигинском районе большевиков нет и борются там не с кем”, и своего согласия на перевозку сотни не дал».

Почему отрядники под командованием генерала Полякова собирались идти на соединение с основными силами полковника Бочкарева по западному побережью? Из переговоров с «местными обывателями гг. Захаровым, Косыгиным и Шкляевым» друг Бочкарева Г. Г. Бек выяснил, что этот маршрут предпочтительнее и по снабжению людей продовольствием, и потому, что «большинство охотников возвращается с охоты в половине февраля и, таким образом, возможно арендовать большее количество нартов».

Г. Г. Бек взял на себя все расходы по переброске отрядников до Тигиля, рассчитывая возместить свои затраты на основании договора с Бочкаревым.

«Но, — значилось далее в рапорте генерала, — рассматривая эту операцию как частное соглашение между... Бочкаревым и прапорщиком запаса Беком», особоуполномоченный потребовал от Бека в счет обеспечения всем необходимым отрядников по пути следования внести в Казначейство десять тысяч золотых рублей с указанием, что «казна никаких расходов по передвижению и продовольствию отряда с момента выхода его из Петропавловска не имеет».

Данное требование Бирича, как и «следовать отряду двумя эшелонами с недельным промежутком выхода», — генерал Поляков считал невыполнимым. Последнее представлялось ему таковым «ввиду наличия в области бродячих большевистских шаек, которые не преминули бы воспользоваться таким дроблением сил... и могли бы иметь успех при нападении...»

Получив телеграфное приказание начальника СЭО В. И. Бочкарева выехать в Гижигу, генерал Поляков приступил к «организации транспорта, с какой целью в ближайшие селения был командирован полковник Лукомский для найма нарт». 12 февраля 1922 г. на имя генерала поступило донесение: Лукомский «захвачен большевиками в плен и отправлен, как заложник, в глубь области». Одновременно стали приходить сведения о подготовке красными наступления на Петропавловск.

4 февраля отряд красных партизан перебазировался в селение Авача, поближе к городу. Их военный совет постановил блокировать его, не пропуская белых в уезд. Партийный вожак М. И. Савченко был назначен начальником штаба при командующем Н. П. Фролове, бывшем главе областной милиции.

Потерявший власть с приходом в конце октября 1921 г. в Петропавловск казаков, Камчатский облнарревком продолжал проводить заседания «в сопках». 10 февраля 1922 г. он обсудил поведение своего члена и члена боевого отряда Ивана Ивановича Флетчера, который, взяв отпуск для свидания со своим семейством в Петропавловске и прибыв туда, «предался пьянству, открыто ходил по городу, желая, видимо, чтобы его задержали, дабы иметь возможность остаться в городе Петропавловске, что и случилось на самом деле».

Облнарревком, находя поведение И. И. Флетчера «крайне позорным и недостойным», исключил его из членов КОНРК с момента ухода из отряда, то есть с 22 января, и постановил привлечь к ответственности «по законам революционного времени».

...6 февраля особоуполномоченный Х. П. Бирич информировал председателя Приамурского правительства: «Взамен снявшего с себя кандидатуру Добровольского от домовладельцев и коренного населения Петропавловска избран депутатом Народного собрания Артюхин, прошедший на новых выборах первым гласным Петропавловской городской Думы».

Спустя неделю городская управа вручила ему наказ: «Милостивый государь Василий Иванович, по поручению Петропавловской городской Думы от 13 февраля, городская управа поручает и просит вас о нижеследующем: участвовать в Охотско-Камчатском совещании при Временном правительстве Приамурском». Документ подписали городской голова Е. А. Колмаков и секретарь Думы и управы В. И. Румянцев.

Особоуполномоченный назвал справедливым замечание совещания относительно расстановки на ответственные посты по областному управле-

нию «лиц, мало соответствующих по своим политическим взглядам и моральным качествам». Касательно одного из них, Х. П. Бирич оправдывался: «Назначенный мною заведующим продовольственным отделом области Бадах, имеющий в своих руках все счета областных кооперативов, которые имеют очень значительную задолженность казне, необходим мне для ознакомления с операциями кооперативов каждого в отдельности и окончания отчетов о полном их расчете с казною. Другого подходящего лица для выполнения этих работ при управлении нет».

В том же письме председателю Особого по делам Охотско-Камчатского края С. П. Рудневу Бирич, учитывая чрезвычайно обильные природные богатства подведомственной ему территории, связывал ее экономические перспективы с широким развитием добывающей промышленности, которую подразделил на четыре отдела: горное дело, золото и другие полезные ископаемые; лесное дело; рыболовство и добывание морских зверей; котиковое, бобровое и песцовое дело на Командорских островах.

«Развитие промышленности во всех этих областях, — писал он, — требует глубокого и тщательного изучения и крайней осторожности в случае необходимых неотложных решений, однако в ближайшее же время нужно предоставить широкую инициативу в деле открытия горных предприятий крупным капиталистам».

Х. П. Бирич перечислил проблемы, не терпящие отлагательств. Открыть фактически еще закрытую стоверстную полосу в Охотско-Камчатском крае для частных предпринимателей по добыванию ископаемых богатств. Разрешить лесные концессии, за исключением крупных площадей по долинам камчатских рек. Решить вопрос «о длительности срока рыболовной конвенции с японским правительством».

В целях сохранения рыбных богатств края бывший рыбопромышленник Бирич предлагал «увеличить расстояние от устья рек при сдаче в аренду морских рыболовных участков» (тогда это расстояние было двухверстным. — *В. П.*), вменить в обязанность арендаторам — крупным рыбопромышленникам на значительных реках — «устройство рыбообразовных заводов с выпуском хотя бы десяти миллионов мальков в год».

По мнению Х. П. Бирича, в Охотско-Камчатский край следовало послать «достаточный состав объездчиков с соответствующей инструкцией для осмотра законности работ на морских и рыболовных участках и проверки арендных прав предпринимателей», тем более, что в последнее время охрана и контроль промыслов «фактически совершенно отсутствовали».

Вопрос о Командорских островах, полагал Бирич, можно решить двумя способами: отдать их в концессию частным лицам или фирмам, либо «оставить их запретными в целях сохранения пушного зверя на более или менее

продолжительный срок» (он имел сведения, что количество зверя там за последние годы уменьшилось более чем на 30 %).

...Между тем, о предстоящей переброске на север отряда белых стало известно партизанам. 14 февраля 1922 г. в восемь вечера в Завойкинское волостное правление явились председатель КОНРК И. Е. Ларин, А. С. Лукашевский, И. Селиванов и С. Е. Морев. Они попросили одного из руководителей волости Григория Матвеевича Бибикова созвать сельский сход для оповещения населения о создавшемся положении, но сделать это не было возможности, так как большинство жителей находилось на охоте. Тогда прибывшие высказали пожелание получить бумагу, что Завойкинская волость «выносит протест правительству Бирича и оказывает облкому активную моральную поддержку». Таковую, однако, Г. М. Бибиков выдать им без ведома населения отказался, о чем рассказал впоследствии в ОГПУ весной 1923 г., когда его допрашивали по делу гласных Петропавловской Думы.

На другой день в с. Завойко приехал Григорий Никодимович Попов из Сероглазки. Он привез протокол сельского схода сероглазкинцев за № 28 от 15 февраля и сообщил: облнарревком со своим отрядом, по донесению охотников, расположился у Сероглазкинской речки.

Сельский сход в Сероглазке (председатель В. Г. Крупенин, секретарь Г. Н. Попов), рассмотрев вопрос «О вооруженном выступлении коммунистов в количестве около семидесяти пяти человек, которые стараются вовлечь местное население к свержению существующей областной власти и которые в настоящее время двинулись по тракту в селение Завойко», постановил: «Принимая во внимание, что всякое вооруженное выступление в городе даст основание иностранцам (японцам. — *В. П.*) высадить десант и оккупировать город, сельский сход, во избежание этого», предупреждает: если это произойдет, «все подобные русские подвергнутся с нашей стороны жестокому наказанию».

«В начале марта сего года у нас назначен съезд нескольких волостей, на котором будут разрешены все областные вопросы. Все, которые идут сейчас к вооруженному выступлению, ведут область к анархии и дают право иностранцам вмешаться в наши дела, в противном случае мы обратимся к японскому командованию (военных кораблей, курсирующих по побережьям и регулярно заходящих в Петропавловск. — *В. П.*) за содействием».

Постановление Сероглазкинского схода завершалось словами: «...предложить коммунистам не занимать здания нашего волостного комитета, а также чтобы они не беспокоили и не задерживали местных жителей».

Под данным постановлением подписались все 15 присутствующих: И. М. Дьячков, П. И. Виноградов, В. Г., И. Г. и П. А. Крупенины, Г. Н., К. Н., С. Н. и С. Ф. Поповы, Г. И. Томский, П. В. и Ф. В. Третьяковы, Александр и Алексей Черных, Чю-чи-лю.

В упомянутом выше рапорте генерала Н. А. Полякова говорилось: «15 февраля я был приглашен к особоуполномоченному, где мне было сообщено, что большевики в количестве сорока человек сосредоточились в деревне Авача, в пятнадцати верстах к западу от Петропавловска, по тракту на деревню Завойко, и этот передовой отряд прервал сообщение с областью. При этом г. Бирич просил моего совета как военного специалиста.

Сознавая тяжелое положение защиты города в тот момент, когда политикой и действиями г. Бирича гарнизон уже превратился в разрозненную силу с подорванной воинской дисциплиной, что ясно учитывали большевики, я счел необходимым первым условием для успешного отражения наступающих красных поставить то положение, которое продиктовано основами военного дела, а именно — единство командования.

16 февраля с. г. город и его окрестности были объявлены на военном положении, и словесным приказанием особоуполномоченного я был назначен начальником обороны города Петропавловска. Такого же числа были начаты оперативные действия против наступающих большевиков, и наши части вошли в боевое соприкосновение с противником на 6-й версте по тракту на запад от города».

Ночью 16 февраля, писал Х. П. Бирич в дополнении к докладу председателю Приамурского правительства, произошла стычка с красными, «двое военных ранено».

«По случаю глубокого снега и неопытности воинских частей в ходьбе на лыжах, командирование отрядов вглубь найдено нерациональным и решено укрепить заставы и охрану ближайших окрестностей города.

Городское самоуправление решением Думы единогласно заявило свой протест выступлению большевиков и для объявления своего решения послало делегатов Артюхина и Кобцева к главарям большевиков с предложением прекратить вооруженное выступление».

Особоуполномоченный не называет третьего делегата и, наверное, не случайно. Скорее всего, он не доверял ему, а возможно, и разделял мнение поручика Маслова, старшего офицера «Свири», передавшего своему командиру бумагу следующего содержания: «...местный житель, домовладелец и даже состоящий при городском самоуправлении в качестве члена Косыгин Николай П. в политическом отношении неблагонадежен, крайне левого направления и страшно вредит настоящему положению, занимается агитацией против существующей власти в пользу большевиков, и, по-видимому, даже общает им все наше положение.

Мнение и факты о нем в этом направлении известны не только мне, но даже жителям, гг. офицерам, матросам и солдатам, а по сему прошу принять меры к тому, чтобы эта сволочь не могла вредить нашему общему делу за освобождение Великой России».

Бумага датирована февралем (неизвестно лишь, до инцидента 24 числа, когда Н. П. Косыгина ударил пьяный казак, или же после), а зарегистрирована канцелярией особоуполномоченного 14 марта, в то время как делегация ездил к красным в середине предшествующего месяца и ее состав, судя по всему, утверждал Х. П. Бирич.

17 февраля 1922 г. думские парламентарии приняли участие в совещании представителей Завойкинской волости. От Сероглазки приехали К. П. Попов и И. Е. Крупенин, от Хутора И. Поротов и Дымов, от Коряк — М. Чудинов, от селения Тихая — М. Чудинов. Семь человек прислала Авача: А. и П. К. Наяновых, С. Рязанцева, А. Колмакова, В. и И. Третьяковых, В. Пономарева. Столько же представил волостной центр селение Завойко (в 1923 г. переименовано в Елизово) — В. Ангелец, И. Балайко, Г. А. и П. Г. Ворошиловы, П. Г. Машихин, П. П. Шаболин и И. А. Шкляев.

Обсудив «всесторонне создавшееся серьезное положение и желая предотвратить всякое вооруженное столкновение, с чьей бы стороны оно не исходило», завойкинское совещание призвало белых не производить переброску казаков в глубь области, а облнарревком — немедленно убрать свои отряды «с занятых ими вблизи Петропавловска позиций». В случае передвижения красных по партизанским или личным нуждам совещание гарантировало им полную неприкосновенность и о том же просило Х. П. Бирича. Если враждующие стороны не прислушаются к завойкинцам, и вооруженное столкновение все же произойдет, то вся ответственность за его последствия ляжет «на сторону, начавшую выступление».

Совещание проходило под председательством одного из руководителей волостного комитета Григория Матвеевича Бибикова, по социальному происхождению крестьянина, по основной профессии охотника, который с восставлением советской власти работал делопроизводителем и членом Елизовского волревкома, а в 1928 г. даже попытался вступить в партию большевиков.

Не приняли, мотивируя отказ тем, что «в период партизанской борьбы... мог бы сделать услугу партизанским отрядам, в действительности же за его подписью не только по своей волости, а по всей губернии от имени Завойкинского волостного комитета рассылались отношения и воззвания против облнарревкома и партизан». И потом, с 1923 г. «тов. Бибиков ничем особенным себя не проявил и особых заслуг перед партией и советской властью не имеет». Ему предложили — ежели он «осознал полезность партии и советской власти, доказать это на общественной и советской работе». В комиссию по проверке вновь поступающих в партию, которая рассматривала заявление Бибикова, входил бывший председатель облнарревкома И. Е. Ларин.

Г. М. Бибиков избежал репрессий 1930-х гг., хотя в одном из тогдашних дел № П-56752 его фамилия фигурирует. В агентурном сообщении от 2 апреля 1934 г. он, служащий почтового отделения села Елизово, был охарактеризо-

ван так: «инвалид — отсохли ноги, хитрый, развитый мужик... жалуется, что живет неважно».

Через двадцать восемь лет, рассказывая корреспонденту «Камчатского комсомольца» о былом, Григорий Матвеевич причислит себя и к сочувствующим красным партизанам, и к помогающим им.

... Возвратилась делегация Петропавловской Думы домой, так и не достигнув главной своей цели: от переговоров с ней руководство облнарревкома уклонилось. 22 февраля 1922 г. И. Е. Ларин информировал о происшедшем военный революционный штаб отряда КОНРК: «... в Коряках мы узнали, что заместитель председателя Бибиков созывает совещание волости из наличного состава населения. Нас очень удивило, что во время нашего пребывания он не мог созвать собрание, а тут созывается совещание.

Затем я был приглашен к фonoпору (телефонная связь, когда абоненты говорят и слушают друг друга поочередно, и их разговор становится достоянием всех, кто находится на линии. — *В. П.*) для переговоров с Бибиковым, который приглашал меня на совещание, а затем приглашали городские представители, которые указали, что, мол, ваша и Фролова жены арестованы — необходимо поэтому указать им, где находятся полковник Лукомский и Самонович — я ответил, что по этому вопросу они могут обратиться к штабу — далее они заявили, что если не будет освобожден Лукомский, то офицеры Полякова примут к нашим семьям репрессивные меры.

Я ответил, что революция без жертв не бывает. А затем категорически заявил, что на совещание прибыть не могу, так как ходить взад-вперед по Камчатке пешком не намерен. Указав им, что совещание могли созвать, когда я был в Завойко. Во всем этом играл первую скрипку Бибиков, а также Сероглазка со своим постановлением».

Докладывая Думе о поездке к партизанам, гласный В. И. Артюхин упомянул 19 февраля о заложниках: «В селе Авача мы увидели Фролова, которому я говорил о причинах ареста его жены и жены Ларина, на что он мне ответил, что это слишком бесчеловечно, нехорошо, варварство вымещать злобу на ни в чем не повинных людях, что это противоречит обращению к населению Камчатки Временного правительства».

О Лукомском выразился, как о человеке интеллигентном, и, якобы, такие люди, как он, очень нужны им, а освобожден он будет лишь по выяснению общего вопроса и дал заверение, что Лукомский будет неприкосновенен.

Далее просил Думу обсудить вопрос об освобождении из-под ареста его жены и жены Ларина, причем предупредил, что если их не освободят, то их отряд «будет делать налеты на город или совсем обложат. Общая же цель отряда комитета — это не допустить части отряда генерала Полякова прорваться в Няхан к Бочкареву и творить насилие над жителями».

В. И. Артюхин спросил Думу, кто распорядился «в первый раз» выставить военный караул за селением Сероглазка. Присутствующий на заседании начальник обороны г. Петропавловска генерал-майор Н. А. Поляков ответил: «Особоуполномоченный Бирич». В начале 1923 г. на допросе в ГПУ бывший председатель Сероглазкинского селькома В. Г. Крупенин подтвердил, что «общество» послало его с Саввой Поповым к Биричу. В городе встретил Колмакова (городского голову. — *В. П.*), тот повел к Биричу. На третий день его пригласили в Думу насчет партизан. Он представил заявления охотников и «пояснил о постановлении общества». Бирич давал охрану в Сероглазку, но Крупенин отказался — «общество не уполномочивало».

Сельский сход, пославший В. Г. Крупенина и С. Попова в Петропавловск, состоялся 15 февраля 1922 г., и, по словам председателя селькома, «уже смеркалось, солнце еще не закатилось», когда они с Саввой засветло вернулись из города. То есть военных они не приводили. Но 16 февраля караул во главе с сотником Бодровым уже был в Сероглазке.

Пришло семь или восемь человек. Поселились у Ильи Черных, тот пил с ними, как и В. Г. Крупенин. В тот же день вновь собирался сельский сход. Возможно, как и предыдущий, в доме охотника Гавриила Ивановича Томского, который, подобно братьям Алексею и Александру Алексеевичам Черных и Федору Васильевичу Третьякову, подавал заявление в сельком на притеснения красных партизан. 6 июля 1938 г. колхозника артели им. Кирова Г. И. Томского арестуют, а 26 августа расстреляют. К тому времени он имел пятерых детей: четырех сыновей и дочь (от двух до одиннадцати лет).

Кроме командированного в Завойко секретаря сельского комитета Григория Попова, на сходе выступал чиновник для особых поручений особоуполномоченного Ю. М. Дельсаль. В. Г. Крупенин не запомнил, что он говорил; прибывший вместе с ним из города сын Х. П. Бирича Арсений молчал. После собрания они сразу же уехали. На другой день, — вспоминал В. Г. Крупенин, — один из партизанских вожakov В. М. Чекмарев предъявил сельчанам ультиматум: уберите караул, иначе — наступаем на Сероглазку. Бодров уйти отказался...

Где находились в этот момент красные? Сначала, рассказывал Г. А. Машихин, их штаб располагался «в районе десятой версты от города к Елизово, вверху по речке 2-й Крутобереговой», и он уверял, что, «проезжая мимо этого места, иногда разговаривал с караулом красных, стоящим в лесу около дороги», они его знали и выходили из кустов.

Между тем, с военным караулом в Сероглазке вышло «маленькое недоразумение». Отчитываясь о поездке мирной парламентской делегации в стан красных, ее руководитель, депутат Приамурского Народного собрания В. И. Артюхин заметил: «Я слышал здесь, что караул поставлен по инициативе сероглазкинцев, но, странно, что на совещании в Завойко представитель Сероглазки

говорил как раз наоборот и даже просил о снятии этого караула, так как они, якобы, боятся большевиков, что, благодаря караулу, на их деревню будет первое нападение большевиков, а то бы они, может быть, остались в стороне».

В. И. Артюхин информировал Думу о записке командующего партизанами Н. П. Фролова в Сероглазкинский сельком с требованием снять военный караул, в противном случае селу не избежать нападения красных. Руководитель делегации упоминает также о стычке между партизанами и военными после проезда парламентарями селения Авача: казаки пошли в разведку и наткнулись на красных, которые, отвечая на их стрельбу, двоих ранили.

Возвращаясь к вопросу о заложниках, В. И. Артюхин предложил Петропавловской городской Думе возбудить ходатайство перед властями об освобождении жен Ларина и Фролова. Присутствовавшие на думском заседании представитель Приамурского правительства Н. М. Соколов и генерал Н. А. Поляков подтвердили свою позицию: женщин отпускают немедленно, едва партизаны сделают то же самое в отношении Лукомского и каюра Самсонова.

В анкете губженотдела, заполненной Дарьей Петровной Лариной 29 декабря 1923 г., указана дата ее ареста — 16 февраля 1922 г., после наступления партизан на город. Ларина пишет, что ее арестовали вместе с Фроловой «и еще 16 человек, просидели мы на пароходе “Свирь” один месяц». По рассказу жены другого красного партизана Полины Васильевны Лукашевской, она тоже была посажена на этот пароход, где, помимо Лариной и Фроловой, встретила Матрену Ивановну Чекмареву.

В 1968 г. «Камчатский комсомолец» в публикации «Адрес — улица имени мужа» описывает, со слов Лукашевской, ее помощь партизанам до ареста: «Однажды посланец принес ей большую пачку бумаги. В ответ на удивленный взгляд пояснил: это листовки. Их надо незаметно расклеить на улицах, в них важное сообщение партизанского штаба, жители должны были прочесть листовки». О чем шла речь в этих листовках, не уточняется, но говорится, что Полина Лукашевская расклеивала их вместе с соседским пареньком Мишей Стоусом на Верхней улице (ныне Партизанская), а однажды «ворвавшиеся ночью солдаты и офицер все перерыли, забрали Полю с собой, едва дав ей закусать малышку (семимесячную дочь. — В. П.)».

«В течение нескольких дней, — вспоминала спустя сорок шесть лет жена красного партизана Лукашевского, — женщин избивали, не давали есть, пытались добиться от них сведений о партизанах. Но так ничего и не добились...»

Подробности пребывания партизанских жен на «Свири» всплыли еще раз в том же 1968 г., в той же газете. На материал о П. Лукашевской откликнулась бывшая связная Вера Панова-Афанасьева из Ленинграда. «Мы носили им передачи. Часто в хлебе проносили записки от мужей, хотя обыск был строгим».

... 18 февраля начальник обороны г. Петропавловска Н. А. Поляков издал приказ № 4 о ночной охране областного центра добровольцами из числа его

жителей. Организацию охраны взяло на себя городское самоуправление при участии статского советника Н. М. Соколова.

Однако, если верить другому участнику событий, А. М. Дьячкову, охранять город стали раньше, в ночь на шестнадцатое. Накануне Н. М. Соколов собрал некоторых горожан, в основном домовладельцев, и среди них Шигаева, Савина, Неустроева, Таланцева. Находились там и городской голова Е. А. Колмаков, председатель союза домовладельцев Н. П. Косыгин.

По Дьячкову, «гражданин Неустроев говорил, что он первый пойдет в охрану — “прийдут большевики, разобьют нас, если мы не примем своевременных мер”». Дьячков оговаривается: присутствовал на совещании моментами, «так как меня посылали с поручениями — то отдать распоряжение потушить огни, то по сбору лыж с граждан».

«Охрана здесь же была организована, — продолжает А. И. Дьячков (выступая в качестве свидетеля по делу гласных Думы в 1923 г., когда служил, уже при советской власти, милиционером), — и кто не имел оружия, того снабдили им. В этот вечер город охраняли человек тридцать добровольцев, а затем было вменено в обязанность каждому домовладельцу участвовать в охране.

Некоторые граждане, как, например, Грызлов И. Д., отказались идти в караул, но его привлекли за это к ответственности и взяли подписку о невыезде... Начальником дружины был Н. Соколов, в период наступления партизан, приблизительно около месяца, его сменил начальник гормилиции Пригородский, Пригородского сменил Петр Александрович Крупенин. Это я узнал от служащего канцелярии милиции Григорьева, который был правой рукой Пригородского и который впоследствии уехал с белыми.

Город был разбит на три района, одним из районов заведовал Одынец. Вся переписка по дружине была сохраняема в строжайшей тайне и направлялась в запечатанных конвертах с надписью “секретно”».

Согласно показаниям А. И. Дьяčkова, начальник милиции капитан артиллерии Дмитрий Иванович Пригородский имел переписку с военно-политическим розыском (армейской контрразведкой). Ему, к примеру, поступила бумага навести справки о семье Номова. Дьячков узнал об этом, зайдя в канцелярию милиции с Игнатием Поповым в отсутствие Пригородского, который в то время пьянствовал, а документы не запирались. Пригородский давал также заключение по поводу гражданина Федора Гурьянова — ему, как неблагонадежному, было отказано в выезде в Усть-Камчатск.

Переписка военных, полагал Дьячков, увезена ими, а гражданская — сожжена. Впрочем, Грызлов говорил ему, что какие-то бумаги могли сохраниться у служащего Торгового дома «Чурин и К^о» Позднякова, о чем Александр Иванович сообщил коменданту Петропавловска Фролову. Возможно, что-то есть и у брата епископа Даниила — Павла Шерстеникова — «он всегда при-

существовал на совещаниях в доме Федорова Петра Ивановича, там было “сборище”: Пригоровский, Успенский — судья, Новограбленов П. Т.».

Бухгалтер И. Т. Новограбленов был уверен, что идея организации охраны из добровольцев «ввиду недостатка личного состава служащих городской милиции» принадлежит Соколову. «В городе были две охраны. Первая охрана, где участвовали почти все горожане, и была другая группа, в которой участвовали, как я слышал, Крупенин, Успенский Николай Михайлович, других не знаю».

Охрана, состоящая из «всех горожан», патрулировала по трем участкам: нынешним улицам Ленинской, Советской и Партизанской от Култучного озера до ул. Красноармейской — тогдашнего Судейского городка. Начальниками участков были избраны соответственно Е. Ф. Одынец (гласный третьей — пятой Думы), С. В. Таланцев (кандидат в гласные третьей Думы) и Н. В. Савин (кандидат второй и четвертой). Каждый руководствовался инструкцией, составленной Н. М. Соколовым и утвержденной Н. А. Поляковым.

Самым авторитетным из них являлся почтово-телеграфный работник Е. Ф. Одынец. Его мнение о том, какая политическая сила должна править областью, не отличалась от мнения большинства населения. Поскольку Камчатка всецело зависит от материка, а материк — это, прежде всего, Владивосток, то: там белые — здесь белые, там красные — красные и здесь, но «две власти недопустимы». А лично сам он, Одынец, по его словам, «активно ни по отношению красных, ни по отношению белых не проявил себя».

Для чего организовали охрану? Вот как отвечали на этот вопрос добровольцы. Е. Ф. Одынец: «Исключительно следить за порядком в городе, чтобы не было дебоша. Время ее организации совпало со временем наступления большевиков на 8-ю версту». С. В. Ганцев: «Поддерживать тишину и спокойствие в городе от хулиганских выступлений». Н. П. Косыгин: «Нес охрану мирного населения от грабежа, пожара и других беспокойств, как велось и раньше у нас в Петропавловске, в помощь милиции». Т. Е. Головань: «Заместить поляковцев в гарнизонной службе на предмет выступления боевых частей на позицию». Д. А. Шигаев: «Против партизан...»

Сохранились высказывания и тех, кто по той или иной причине не участвовал в охране города в феврале 1922 г. Ф. Д. Стецок: «На случай внезапного нападения красных». И. Ф. Голованов: «Предупредить столкновение, вернее, избежать кровопролития лиц, не причастных к политике».

Подобное временное формирование существовало и в Сероглазке. Тогдашний председатель сельского комитета В. Г. Крупенин рассказывал: «Мы организовали ночную охрану для самозащиты, в которой участвовал я, Попов Григорий, Алексей Черных, Александр Черных, Крупенин Павел, Томский Гавриил, Третьяков Федор, Петр Третьяков, Винокуров Петр, Илья Черных, Третьяков Егор, Попов Константин... Охрана продолжалась шесть-

семь дней и только в ночное время. Мы поставили караул, который помещался в доме Анны Алексеевой. Цель нашей охраны была предупреждение наступления красных на деревню Сероглазку, и мы были в полной боевой готовности».

20 февраля 1922 г. в Петропавловске под председательством особоуполномоченного Х. П. Бирича состоялось совещание «по поводу представленных делегацией от Петропавловской городской Думы сведений о действиях и намерениях лиц, называющих себя представителями Камчатского революционного комитета», с участием начальника обороны Петропавловска Н. А. Полякова, руководителя добровольной охраны города Н. М. Соколова и членов Особого совещания А. А. Пурина и И. Д. Добровольского.

Было отмечено, что ревкомы, как таковые, упразднены еще в октябре 1921 г. с распространением власти Временного Приамурского правительства на Охотско-Камчатский край.

Никакой переброски войск на Север не планировалось, а те двадцать пять человек, что собирались сопровождать грузы фирмы «Китомарус», оставив военную службу, поступили по вольному найму в коммерческое предприятие; теперь, «при создавшейся обстановке», отправка грузов осуществиться не может, и население, помимо лишения необходимых средств и запасов, потеряло крупный заработок».

В принципе же, заявили участники совещания, войска будут посылаться во все важные пункты Камчатки, но «только для обеспечения мирной жизни и условий спокойного труда камчатского населения, и если бы не было вооруженного выступления Революционного комитета, начавшая налаживаться спокойная жизнь ни в чем не могла бы быть нарушена».

Жалоб со стороны населения на притеснение военными, за исключением «маловажных проступков отдельных лиц, за которые виновные понесли заслуженное наказание», к особоуполномоченному не поступало, а «частичные реквизиции у коего и торговых фирм компенсируются действительной стоимостью товаров».

Один из пунктов постановления, принятого на совещании, гласил: наблюдательные заставы или сторожевое охранение правительственные войска готовы снять в случае ухода коммунистического отряда на такое расстояние от города, «чтобы последнему не угрожала опасность неожиданного нападения».

В тот же день на думском заседании вновь возник вопрос о насилиях, чинимых партизанами. Облнарревком называл это ложью и грозился привлечь за нее к ответственности Думу в полном составе. Объяснения давал В. Г. Крупенин. Два сероглазкинских охотника встретили «около Налочевой отряд большевиков, который требовал, чтобы они поступили в их ряды, а после отказа им было приказано возить на собаках икру, юколу и прочие продукты; братьям Черных были тоже подобные приказания, а также многие другие

лица заявляли, что большевики не дают работать, задерживают их по дорогам и заставляют возить их вещи...»

Красные утверждают, говорил председатель Сероглазкинского селькома, что борются за народную власть, но кто им поверит, если «у них одни лишь хищники в отряде, которые уже нас погубили тем, что уничтожили всякого зверя, поэтому и нужно их послать туда, откуда они пришли».

Из резолюции общего собрания всех отрядов Камчатского облнарревкома от 22 февраля 1922 г.: «Впредь, до решения созываемого облкомитетом съезда, штаб отрядов снимает свои передовые посты в районе города и не будет начинать в этой местности боевых действий. В случае, если вооруженный отряд Полякова и Бирича будет пытаться продвинуться от занимаемых позиций и в близ находящиеся деревни по направлению тракта или в тайгу, штаб... примет меры для ликвидации этих попыток и снова оцепит город, чтобы окончательно ликвидировать никем не прошенных “правителей”».

24 февраля в 18.00 А. А. Пурин, Г. Г. Бек и Е. А. Колмаков связались с Наяханом, намереваясь переговорить с начальником СЭО В. И. Бочкаревым. По поручению Н. А. Полякова они сообщили: «Красные под напором наших отрядников отступили от города на двенадцать верст. Во время смелой разведки с нашей стороны ранены отрядники Емлин и Унинский, которых генерал просит наградить Георгиевскими крестами следующих степеней. Жители ближайших мест, с которыми вошли в соприкосновение наши отряды, помогают нам всемерно». Городской голова Е. А. Колмаков просил дать информацию о положении на охотском побережье, поскольку красные на Камчатке распространяют слухи о «постоянных трениях между отрядом и населением».

В. И. Бочкарева в Наяхане в тот день не было. Его ожидали 25—26 числа. Вместо него к аппарату подошел начальник Наяханского гарнизона капитан 2-го ранга Г. А. Ивлев. Он отвечал: «Красные распространяют гнусную ложь, очевидно, с целью провокации. В Охотске, Наяхане, Гижиге между отрядом и населением самые дружеские отношения. По приезде начальника отряда дадим информацию подробную. Во вверенном мне гарнизоне... отношение моих подчиненных к местному населению выше всяких похвал. То же я наблюдал в Гижиге, прожив там по делам службы две недели».

В Гижиге полковник В. И. Бочкарев издал инструкцию начальнику Тигильского административно-пропускного пункта (АПП), открытого там, чтобы иметь: хорошо налаженную систему переправки войск СЭО; надзор за населением и «проведение в его жизнь законности и порядка»; наблюдение за торговлей и законной эксплуатацией богатств и промыслов.

Инструкция предписывала немедленно приступить к оборудованию «небольшой питательной базы, взяв все необходимое... из казенных продовольственных складов», а при их отсутствии — «путем открытия кредита в размере одной тысячи рублей» в счет отряда в любом кооперативе, обществен-

ной лавке или у частников. Следовало также взять на учет все средства передвижения и пользоваться ими, по возможности, так, чтобы «казенные разьезды не ложились тяжелым бременем на население».

Надзор над населением, введение законности и порядка предполагали организацию отдела политической разведки и контрразведки «по общим принятым законным способам дореволюционных установлений», поголовный учет пришлого населения и, по возможности, введение паспортной системы для него, перепись инородческого коренного населения края по родам и кочевьям.

«Согласно имеемым сведениям, — писал полковник Бочкарев, — с открытием навигации можно ожидать большого наплыва в край иностранных хищников, эти лица, как элемент крайне беспокойный, несомненно окажутся неспособными к правильной эксплуатации промыслов, а посему, во всяком случае, явятся для нас не только элементом нежелательным, но едва ли вообще терпимым. Удаление же их из пределов края после водворения, безусловно, вызовет необходимость крайних мер и даже вооруженных столкновений, что в настоящее время для государства Российского и в силу прежних международных трактатов, очень нежелательно, а посему, в виде временной меры, необходимо установить, чтобы без особого на каждый раз разрешения Приамурского Правительства прибытие, проживание, а равно и занятие какими бы то ни было промыслами в Охотско-Камчатском крае воспрещается иностранным подданным всех национальностей, за исключением лиц, ранее в нем водворившихся».

Начальнику Тигильского АПП надлежало взять на учет все торговые предприятия, как частные, так и казенные, «конфисковать во всех торгоях нарезное и огнестрельное оружие, а также товары и продукты, составляющие монополию казны или запрещенные вовсе к продаже, обложить держателей запрещенного штрафом в размере продажной стоимости найденного, увеличенного в два раза».

В. И. Бочкарев приказывал взыскать с торговых предприятий за промысловые свидетельства за 1921 г. по 247 руб. 50 коп., за 1922 г. по 345 руб. С торговцев, занимающихся развозным торгом, — соответственно 31 руб. 70 коп. и 75 руб. Кроме того, торговые предприятия должны были уплатить десятипроцентный налог за 1921 г. с полного оборота. При вычислении оборота «пользоваться данными: сколько сдано к отправке и сколько наторговано до 1 января 1922 г. Произвести проверку отчетности и наличия всех казенных общественных предприятий. Кассу принять от вахтеров. Все взысканные налоги, кассу казенных складов, конфискованное оружие, припасы и запрещенные товары немедленно высылать в Гижигу начальнику Гижигинского военного района». Под документом две подписи: самого Валериана Ивановича и «за Начальника Штаба» — полковника Фиалковского. И дата: 26 февраля 1922 г.

25 февраля В. И. Бочкарев был проездом в Наяхане, но Петропавловск на связь не вышел. Следующий разговор по радио состоялся 28 числа. Кавторанг Г. А. Ивлев сообщил для сведения генералу Полякову, что в Гижиге ставят небольшую радиостанцию, а начальник отряда приказал передать об избрании его «на должность представителя населения от Охотска до Пенжина, Анадыря и бухты барона Корфа», а также о созыве съезда по выборам делегатов в Народное собрание от Охотско-Камчатского края из коренных жителей и инородцев. Делегаты будут отправлены во Владивосток с первым парходом навигации 1922 г. Все шесть делегатов, в том числе два отрядных офицера, прошли единогласно. Полномочия начальнику СЭО В. И. Бочкареву избравший его съезд «дал почти неограниченные». В этом смысле, подчеркнул капитан 2-го ранга Ивлев, СЭО и его начальник «встречают большое доверие, и популярность среди населения растет».

За двое суток до переговоров Н. А. Полякова с Наяханом старший адъютант генерала ротмистр Муратовский составил список арестованных на конец февраля 1922 г. Среди них гражданские — Д. Бадах, И. Флетчер, М. Кравченко, военный — поручик Топорков... Вперемешку политические и неполитические. Всего пятнадцать человек. Две женщины: Дарья Ларина и Анна Фролова — «заложницы за полковника Лукомского». Вспоминавшей через сорок шесть лет о своем сидении в тюрьме у белых Полины Лукашевской в списке арестованных нет...

1 марта 1922 г. И. Е. Ларин приказал штабу соединенных отрядов облнарревкома занять боевые позиции около Петропавловска, установить секретные посты по тракту, ведущему к Завойко, и ввиду того, что белые остаются на сельхозферме и в Сероглазке, организовать «летучий отряд из отборных охотников», задача которого — делать набеги и быть готовыми к засаде в случае, если бочкаревцы попытаются проникнуть по тракту — «в таком случае лучше их пропустить, а затем уже напасть».

Второй ларинский приказ, отданный в тот же день, касался членов РКП(б). Они объявлялись мобилизованными, им предлагалось «принять самое активное участие в осаде Петропавловска и охране дороги по тракту... в рядах Камч. Обл. Нар. Рев. Комитета».

Не ведая об этом, Х. П. Бирич 1 марта 1922 г. снял с добровольной охраны обязанности окарауливания областного центра «вследствие ухода коммунистических отрядов из окрестностей города и возвращения наших воинских частей в Петропавловск». Особоуполномоченный поблагодарил всех добровольцев за охрану города. Их список вместе с приказом Бирича напечатала газета «Камчатский листок».

В 1930-е гг. этим списком воспользовалось ОГПУ — НКВД, репрессировав тридцать пять из девяноста семи добровольцев. Четырнадцать поставили

к стенке. Среди расстрелянных были: маячник Василий Илларионович Гайдамак (встречал осенью 1921 г. казаков во главе с генералом Н. А. Поляковым хлебом-солью), бухгалтер Иван Трифионович Новограбленов (будучи избран верующими, вместе с епископом Нестором принимал участие в работе Всероссийского Поместного церковного собора 1917 г.), бывший мировой судья Николай Михайлович Успенский (его разыскали в 1932 г. в Бийске), сын торговца Василий Николаевич Флетчер, конвоировавший высланных с Камчатки летом 1918 г. советских работников Иван Яковлевич Иванов. А первому, записавшемуся в охрану Петропавловска, столяру Ивану Лукичу Неустрову, повезло — его взяли 25 февраля 1932 г., а 27 мая того же года выпустили.

К выявлению «пособников белобандитов» красные приступили сразу же после окончательного восстановления своей власти. На допросах по «думскому делу» они допытывались, кто изготавливал камлейки. Городской голова 1922 г. Е. А. Колмаков пояснил: местные жители надевают их в плохую погоду (дабы, как объясняет современный искусствовед М. И. Белова, охранить меховую одежду от снега и намокания), а отрядникам надо было сливаться со снегом. Иными словами, камлейки заменяли маскхалаты.

«Сволочи, подлецы! Ранили одного и убили одного за деревней Сероглазкой, потому что у них (у партизан. — *В. П.*) чехлы белые, и их незаметно. Наши — в черном, они всех наших могут перебить», — говорила Е. И. Борейша Г. Загорулько, который, боясь ареста, дал ей для образца свою камлейку. Она затем уточнила: «Наши дамы все взяли пошить, отец Михаил кроит...»

«Нашими дамами» оказались жены начальника таможенной заставы Кодылева — Елизавета Игнатьевна, бухгалтера Ошева — Анна Семеновна, врача Рубецкого — Агриппина Петровна, священника собора святых Петра и Павла Ерохина — Людмила Ивановна. Камлейки шили еще трое — их мужья И. Лазарев, М. Орлов и Г. Поздняков значатся в списке добровольной охраны Петропавловска. Все «белошвейки» работали абсолютно бесплатно.

В. И. Святой, так же, как и Г. Загорулько, сочувствующий коммунистам, указал на существование на квартире М. Ерохина целой мастерской по изготовлению не только одежды, но и «разных знаков для белых». Однако, по утверждению А. С. Ошевой, там женщинам давали лишь материал и забирали готовую продукцию; ее о. Михаил относил в комендантское управление.

Он жил в Петропавловске с 1915 г., в июле 1922 г. исполнял обязанности гарнизонного священника. Подобно финансовым работникам К. М. Борейше и С. Г. Ошеву, врачу П. П. Рубецкому, о. Михаил являлся Почетным гражданином.

Примечательно, что никого из «белошвейек» не тронули, в том числе Е. И. Борейшу. За месяц до процесса над гласными Думы в июне 1923 г. она сыграла (правда, некоторые считали, довольно слабо) роль «полковой бары-

ни» в комедийном спектакле-фарсе по пьесе Пернатова, поставленном сотрудником губпрокуратуры В. С. Романовским.

М. Ерохин обвинялся «в попомогательстве белой банде» (приводил к присяге военных судей И. Рябикова и А. Бабкина-Байкалова, вдобавок у генерала Полякова служил его сын), кое-кто показывал на него, как на участника охраны города: мол, ходил вместе с А. А. Пуриным и И. Д. Добровольским. Впрочем, у о. Михаила хватало забот и без того: исполнял все требы для Петропавловска и окрестных селений, только в Завойко и Халактырку не ездил, помня переданную П. Н. Белокопытовым угрозу красных партизан взять его «для подтапливания палаток».

Тем временем, другой священник — о. Петр (Денисов), направляющийся на север к полковнику Бочкареву, прибыл в Соболево. Отслужив молебен, он собрал жителей села (Н. А. Ворошилова, Петра и Степана Спешневых, Александра, Диомиды и Константина Трапезниковых, Степана Копьева и др.), хвалил Приамурское правительство, объяснял необходимость созыва Учредительного Собрания — оно установит на Камчатке твердую власть — и призывал всех присоединиться к его мнению. Присоединились.

Среди них был Николай Александрович Ворошилов. Он только что возвратился из Петропавловска, куда его отряжали разведать обстановку соболевчане (во многих селениях не знали, какая власть в областном центре). Как рассказывал потом Ворошилов, не успел он в городе распрячь ездовых собак, к нему подошел Н. П. Косыгин и передал просьбу П. Т. Новограбленова поприсутствовать на думском заседании, где тот же сообщил гостю, что жизнь в городе хорошая, продовольствия много.

«На прошлой неделе, — писал «Камчатский листок» 26 марта 1922 г., — в Петропавловск прибыли делегаты от Мильковской волости... Ревком, бродя в сопках, съел всю муку, сахар и другие продукты на Островной и на Колыгири, съел мясо, добытое населением Сероглазки и оставленное на Налычевской юрте, не пускает мирное население на охоту, а заставляет возить продукты, потребные для армии Комитета, разрушает телеграф и телефон, чтобы население не узнавало, что делается в Петропавловске, и распускает самые нелепые слухи, желая окончательно сбить с толку...»

«Напрасно, товарищи большевики, — продолжала газета, — думаете, что население пойдет за вами и вашими сподвижниками, которые уничтожили в заповедниках кулемками соболя, извели с помощью стрихнина лисицу и угрожают при помощи хитрых ловушек — выдру. Местные жители, несмотря на свою необразованность, достаточно умны и прекрасно понимают, что вы их дурачите, и хотя вы, товарищи большевики, разрушаете телеграф, но местные жители все-таки узнают правду от своих делегатов, которые, вернувшись, расскажут, что они слышали в Петропавловской городской Думе».

Направляли представителей в областной центр и другие волости, встревоженные все теми же слухами о «жестокостях, какие применяются в Петропавловске по отношению к жителям». Обращались они непосредственно к главе гражданской администрации Х. П. Биричу, который информировал их об истинном положении вещей.

10 марта сын особоуполномоченного Арсений («Жорж») отпечатал на машинке письмо зятю К. Н. Хартлингу в Усть-Камчатск, но ушло оно туда или нет — неизвестно, поскольку в 1923 г. было подшито к делу, заведенному на гласных Думы. Письмо частное, однако представляет, на наш взгляд, несомненный интерес как документ той сложной, во многом трагической, эпохи.

«Дорогой Карлуша, как ты поживаешь, а? ... Погода стоит хорошая и временами теплая. На лыжах бросил кататься после того, как здорово один раз упал и получил растяжение жил, но предполагаю через неделю начать снова, и уж тогда научиться основательно. Пароход “Охотск” еще стоит и будет стоять до тех пор, как в бухте не сломает ветром лед. Из Владивостока получаем телеграммы, но в них много содержательного нету, только про стычки разведочных отрядов с красными, а в остальном все тихо.

... Теперь начинаются ветра, и надеюсь, что скоро будет возможность отправить “Охотск”. В предыдущем письме я писал тебе, что ребята твои здоровы, живут на даче (видимо, во Владивостоке. — *В. П.*) с Борисом Лисуновым, который их балует. Мама посылала им отсюда игрушки, и вообще о них не беспокойся, все состоит великолепно, и надеюсь их увидеть весной здоровыми и большими. ...

Сколько получаешь монет и какая твоя должность... как тебя Демби (рыбопромышленник. — *В. П.*) устроил и вообще как ты устроился вдруг на Камчатке вместо угольных копей, где ты работал по выезду моем в Дайрен?.. Имеешь ли какие-либо сведения от Демби, и когда он собирается приехать сюда. Мы имели сведения, что они все уехали в Америку, а после ни слуха не получали. Ожидаем в начале будущего месяца шхуну г-на Свенсона, а также г-на Витгенберга, так что думаем, что будем иметь первые какие-либо свежие новости насчет Вашингтонской Конференции (по ограничению морских вооружений и по тихоокеанским и дальневосточным вопросам, проходившей с 11 ноября 1921 г. по 6 февраля 1922 г. при участии США, Японии, Китая и пяти других стран. — *В. П.*)...

У нас жизнь протекает тихо, все время ожидаем нападения от большевиков, которые нас ведь уже две недели как осаждают, и в городе все объявлено на военном положении и позже восьми вечера нельзя ходить без пропуска. Вообще для нас, молодых, здесь жизни почти нету, и живешь только в надежде, как бы поскорее отсюда выбраться.

О будущем не могу писать, так как еще не знаю, как будут дела у нашего Правительства, но если придется скоро бросить этот край, то тебя извещу так

же, как и ты меня, если думаешь скоро уехать куда-нибудь. У нас трения между генерал-майором Поляковым — представителем есаула Бочкарева — и нашей властью здесь идут по-прежнему, но, надеюсь, с прибытием подкрепления из Владивостока, которое скоро будет, все прекратится, и ненужный элемент придется отправить отсюда.

Ходил ли на охоту и пришлось ли вообще хотя бы один раз тебе прилично поохотиться? Видал ли медведя? Пока здесь ввиду всех беспорядков мне не пришлось поохотиться, но надеюсь, как все исправится, то, если будет возможность, сразу беру ружье и иду на охоту. Ты ведь знаешь, какой я страстный охотник и особенно на крупного зверя.

Вчера здесь (в Петропавловске. — *В. П.*) были лыжные состязания у японцев, только офицеров с посыльного судна “Канто”, причем играл ихний оркестр, и устроили они эти состязания на радиостанции, ты, наверное, знаешь, где здесь радио (теперешний район Дома офицеров флота. — *В. П.*). Всего было семь призов, и первый был выигран летчиком лейтенантом Ичимарусан. Командир судна, хотя и пожилой господин, но все-таки тоже принял участие и только ввиду обстоятельства случайного падения не взял первые призы, а пришел шестым.

Он большой дипломат и великолепно владеет русским языком, бывший долго при миссии в Петербурге еще, то понятно, что он находился при дворце и должен был выучиться говорить, иначе было бы как-то неподобающе. У нас с офицерами его и с ним самые желательные отношения. Напиши, как настроение вообще всей публики по долине Камчатки, отрицательно ли в отношении большевиков, или наоборот, и что поговаривают насчет нашего Приамурского Вр. правительства?»

«...Большевики, — пишет далее Арсений, — находятся в пятнадцати верстах от города и сначала угрожали, потом притихли, а сейчас опять угрожают. Предполагают они устроить Съезд где-то, только не в Петропавловске, а где-нибудь подальше от влияния представителей Временного правительства, но я почти уверен, что этот номер им тоже не пройдет, так как все почти население настроено против их. Мильковская и Ключевская волости против их, а по прибытии охотников в с. Завойко и Завойкинская волость против них восстанет, и не будет-то им очень тепло, а придется им или сдаться или удирать подальше и поглубже в лес.

Много о политике не буду писать, так как я стараюсь в нее не влезать и никогда в жизни не думаю связываться с ней вообще. Ей-Богу, паршивое дело политика для нас, молодых (Арсению было чуть больше двадцати лет. — *В. П.*), так как она убивает неспособных и расстраивает способных до нервных припадков. Вот и на Камчатке образовался фронт, а это прямо удивительно, куда не придут большевики — так и недовольство, и пакость начинается твориться, и это вполне понятно. Ну, желаю тебе всего наилучшего, и в ожида-

нии скорого ответа и благоприятных известий. Пиши. Слушай, ты говеешь или нет? ...Поздравляю тебя с наступающим великим праздником Св. Пасхи...»

...Руководитель ушедшего в сопки партизанить облнарревкома И. Е. Ларин обращался с просьбой о материальной помощи отряду к жителям селений Камчатки, призывая их одновременно вступать в ряды красных. В селении Запорожье ларинское обращение обсуждали наиболее влиятельные люди (братья Иван и Емельян Потужные, Алексей Шараев, Григорий Данилюк) во главе с сельским старшиной Яковом Онищенко, который заявил: «Этим краснож. . .ым надо не только не помогать, а надо брать оружие и пойти бить их». Запорожье отказалось поддерживать партизан.

К сероглазкинцам Ларин и не обращался. «Прошу сообщить, — запрашивал 13 марта 1922 г. это селение особоуполномоченный Х. П. Бирич, — требуется ли вам немедленная посылка военного отряда или, в случае надобности, вы дадите мне знать». По-видимому, не требовалась. Представители Сероглазки на 1-м Завойкинском волостном совещании говорили одному из партизанских вожakov В. М. Чекмареву, что их селение поголовно вооружилось, имеет двенадцать тысяч патронов и теперь оперировать в городе отрядам облнарревкома, состоящим из коммунистов, они не допустят. 5 марта Сероглазкинский сельком уведомил Петропавловск о конфискации, «до особого распоряжения», шлюпки и оружия некоторых граждан, в том числе В. И. Крупенина, В. Ц. Пересвет-Салтана и Г. В. Елизова. Все трое, выпущенные на волю в феврале, ушли к партизанам.

15 марта 1922 г. военное положение в областном центре было отменено «в силу экономического затруднения и получения благоприятных известий из волостей». То же число состоит на предписании господам домовладельцам завести домовые книги, “каковые вместе с паспортами жильцов” представить для регистрации в гормилицию. Так распорядился ее начальник Д. Пригоровский.

В середине марта власти оповестили население о том, что они полностью расплатились за реквизированные военными осенью 1921 г. товары. В отношении фирмы Сун-ин-туна это сделал Х. П. Бирич, торгового дома «Сайденберг и Виттенберг» — Временное Приамурское правительство.

Вместе с тем правительственная администрация обвиняла партизан в трусости и воровстве: опасаясь открытых реквизиций, они крадут по ночам у местных жителей продукты. Например, 3 марта у сероглазкинцев А. В. Крупенина и С. Н. Попова похищено соответственно четыре и восемь фундов медвежьего мяса.

Партизаны, в свою очередь, постоянно твердили о репрессиях и даже белом терроре в Петропавловске. Документ городской Думы по данному вопросу от 18 марта гласил: все, взятые под стражу и содержащиеся на пароходе «Свирь» одиннадцать человек, за исключением одного, освобождены,

и среди них член ревкома И. И. Флетчер и красный отрядник С. А. Селиванов «как добровольно сдавшие властям оружие», из восьми высланных во Владивосток только Н. Белокопытов — местный житель, и о его возврате городское самоуправление возбудило ходатайство еще до выступления красных в феврале; П. Чужих, подозреваемый в убийстве трех офицеров два года назад, застрелен при попытке к бегству.

«Камчатский листок» в приложении № 14 за 26 марта 1922 г. поместил заметку о посещении делегатами из волостей области парохода «Свирь», о котором красные говорили, будто он «полон арестованными стариками, женщинами и детьми, и что последних морят голодом». На «Свири» приезжие обнаружили только гражданина Трубку, задержанного «в кустах в районе г. Петропавловска... и были страшно удивлены, когда арестованный на вопрос, кормят ли его, открыл полный ящик с хлебом и выразил при этом желание остаться совсем на пароходе... под арестом». Кто такой Трубка и за что он попал на «Свирь», нами пока не установлено, однако и его, по информации Викулы Попова члену облнарревкома Н. П. Фролова, выпустили 21 марта.

Из всего этого следует: к моменту думского заседания 18 марта 1922 г. заложниц за полковника Лукомского — жен партизанских начальников Дарью Лариной и Анны Фроловой на пароходе уже не было. Год спустя Е. А. Колмаков вспоминал: «Щипчинский мне однажды показал телеграмму Бочкарева на имя Полякова о том, чтобы арестовать Бирича за то, что дал возможность выехать из города Лариной и Фроловой». На себя, как на инициатора их освобождения, указывал и сам Хрисанф Платонович.

В статье «Облнарревком действует...» в сборнике «За советский Дальний Восток» (Владивосток, 1982 г.) Г. И. Панкратов и Н. М. Селецкий придерживаются иной версии. Они пишут: «Генерал Поляков распорядился отпустить Дарью Ларину и Анну Фролову и установить за ними наблюдение, надеясь, что партизанские вожаки не замедлят повидаться со своими семьями. Но начальник партизанской разведки Чекмарев организовал контрмеры: из-под самого носа беляков женщин увезли на нартах из Петропавловска и доставили в Паратунку».

Кстати, Анна Фролова сидела на «Свири» при белых дважды. Первый раз ее посадили со всеми женами партизан (не тронув только Ларину), но продержали всего сутки. Так, во всяком случае, доносила в январе 1922 г. из Налычева своему штабу партизанская разведка. В район этого селения убежала супруга Пересыпкина, рассказывал А. М. Дьячков, который якобы снабдил ее «сведениями о расположении белых». А бежала, добавлял он, вовремя: его самого «будто бы арестовали и возили на квартиру Викулы Попова узнать Пересыпкину».

... 19 марта 1922 г., через четыре дня после отмены белыми военного положения, облнарревком объявил о введении такового не только в Петропав-

ловске, но и в его окрестностях. 20 марта на заседании городской Думы слово дали Н. Л. Лосевой — жене задержанного партизанами жителя областного центра Самсонова. Она жаловалась на тяжелое материальное положение в связи с отсутствием кормильца.

Красные все чаще и чаще задерживали и уводили в свой стан людей. Одним из первых угодил к ним каюор полковника Лукомского Е. С. Самсонов. То же самое произошло с командированными на Мильковский волостной съезд от Завойкинской волости Третьяковым и И. А. Шкляевым, чьи полномочия «забрали партизаны Лукашевский и Морев».

Так, по словам И. И. Флетчера, красные обращались с теми, «кого считали контрреволюционерами». В феврале 1922 г. они задержали Н. В. Киридца. Прошло десять лет, прежде чем были зафиксированы подробности и предыстория этого задержания.

Из показаний Никифора Варлаамовича Киридца в Камчатском окротделе ОГПУ: «Глава города Петропавловска распорядился поместить в мой дом караул меркуловской армии, в это же время у меня жил на квартире коммерсант Хайрулин. Хайрулин познакомил меня и в моем доме с генералом Поляковым и командиром военного судна Петрище, которые бывали часто в моем доме в гостях у коммерсанта Хайрулина. Я тоже выпивал вместе с ними... Караул стоял в моем доме около двух недель.

В феврале месяце 1922 года я повез из Петропавловска в селение Налычево гражданина Барсукова, по дороге меня встретил партизанский отряд, задержал и предложил мне остаться в отряде, я отказался, тогда партизаны меня арестовали и сказали: “Ты будешь находиться в отряде до ухода белых из Петропавловска”. Я не знаю, почему меня задержали, видимо, они меня подозревали, чтобы я белым не передал, где партизанский отряд находится.

... Я пробыл до ухода белых. Последнее время мне выдали винтовку на руки как партизану. Я должен сказать, что это не партизанские были отряды, а бандиты. Единственный был отряд хороший, который был организован из охотников местных, как, например, в котором находились домовладельцы Черепанов и Сусметов (задержанные, подобно Киридцу, красными. — *В. П.*)».

Приведенные выше случаи Петропавловская Дума 20 марта 1922 г. расценила как насилие над мирным населением и приняла постановление обратиться к большевикам с требованием «о немедленном освобождении всех задержанных граждан г. Петропавловска и впредь никого не задерживать, так как все арестованные по подозрению в коммунизме уже освобождены».

27 марта состоялся Завойкинский волостной съезд, созванный председателем волкома Александром Яковлевичем Чернышевым. (В июне 1931 г. вместе с братьями Машихиными приговорен к расстрелу по обвинению в участии в контрреволюционной организации, «ставящей своей целью вооруженное свержение советской власти». Реабилитирован посмертно). На нем

избрали делегатов на открывающийся в Мильково 8 апреля съезд нескольких волостей: В. П. Брагина, П. И. Дьяконова, И. М. Дьячкова и Г. Н. Попова.

30 марта 1922 г. городской голова Е. А. Колмаков получил от генерала Полякова официальную бумагу следующего содержания: «Прошу предложить Думе вынести постановление о воспрещении жителям приглашать к себе в гости чинов 1-й сотни Северного экспедиционного отряда и угощать спиртными напитками, так как никто из нас не имеет ни копейки, и мы не имеем возможности пить на свои средства, а если пьем, то — нас угощают гостеприимные жители или — в кредит в столовой “Камчатка”».

Беспокойство генерала можно понять: прибывший 21 января «Охотск» привез, помимо всего прочего, восемьсот ведер спирта и несколько сот ящиков разных вин, и торговля ими шла полным ходом, ее (с уплатой акцизных сборов и выбора патентов) разрешило Приамурское правительство.

Управляющему ведомством торговли и промышленности этого правительства Х. П. Бирич 30 марта 1922 г. сообщал, что с предпринимателя А. М. Березовского, зафрахтовавшего «Охотск», за недостачу грузов причитается, «по существующим рыночным ценам в г. Петропавловске», в казну 13 тыс. 5 руб. 78 коп. Кроме того, господин Березовский обязан возместить особоуполномоченному 3 тыс. 207 руб. 18 коп. за перевозку грузов от борта парохода в склад и примерно такую же сумму «за ледакольные работы по вводу парохода “Охотск” в Ковш к пристани по расчету 30 коп. с пуда, какой, согласно пункту 3 заключенного с Березовским контракта, должен быть произведен его средствами и за его счет».

Генерал Поляков уведомил Х. П. Бирича о своем решении выехать в Наяхан на соединение с Бочкаревым через Владивосток на «Охотске». Тем же пароходом возвращались в столицу Приморья представитель правительства Н. М. Соколов, старший государственный контролер К. И. Миховский, а также члены Особого совещания А. А. Пурин и И. Д. Добровольский, которые, по выражению Бирича, «скоро сблизились» с генералом.

Однако «Охотск» оставался стоять во льдах. Морозы и совершенное отсутствие угля исключали возможность выпустить его на свободный рейд. Тем не менее, Поляков и его подчиненные начали грузиться на «Охотск» и с ними «фирмачи» (то ли «Китомаруса», то ли «Фукуда-Гуми») с разным товаром и спиртом. Люди Полякова и нанятые им рабочие приступили к пропиливанию льда. Работали несколько суток, но «Охотск» продвинулся лишь на длину своего корпуса.

Работы были прекращены. Рабочих направили за расчетом к особоуполномоченному. Бирич выплатить им деньги (320 руб. золотом) отказался, потому как «разрешения на бессмысленную работу не давал». Он высказывал недовольство и по иному поводу — командир парохода не представил ему списка отправляемых на «Охотске» товаров с указанием пункта назначения.

Хрисанфу Платоновичу показалось вообще очень сомнительной вся эта затея: посадка военных чинов и погрузка товаров на пароход, который без запасов топлива «должен спешить отправкой к порту Японии» и там взять его. Зачем понадобилось увозить обратно товар туда, где он куплен? Обо всем этом Бирич телеграфировал председателю правительства.

...Ввиду полного отсутствия на складах Петропавловска дров для казенных зданий и отопления воинских помещений, ежедневно на 7-ю версту «за заготовленными сырыми дровами» посылался обоз с охраной из трех казаков. 4 апреля обоз обстреляла партизанская засада. Два казака погибли: старшие урядники местной команды восемнадцатилетний И. Н. Езерский и двадцатиоднолетний В. Н. Зайцев, третий был ранен. Партизанам достались четыре лошади и оружие убитых. Посланный вдогонку отряд преследовал красных до Халактырки, но так и не настиг.

На следующий день Х. П. Бирич получил извещение о «трехволостном» съезде в Мильково, где, в свою очередь, состоялся форум населения волости. В письме на имя его председателя особоуполномоченный обвинял красных в нарушении собственных заверений — «начали нападать не только на военных, но и не пропускали ни одного из жителей-камчадал, не обыскав и не надругавшись над ними».

«Я не хочу пролития крови на Камчатке», — писал Бирич и добавлял, что после отмены в середине марта военного положения он не предпринимал никаких вооруженных акций, «хотя и знал... вблизи бродят незначительные шайки красных бандитов; несмотря на то, что они увели полковника Лукомского — у меня ни одного политического арестованного нет, но последние действия красных меня вынудили принять строгие меры, и теперь я им снисхождения не буду делать. Пощады не буду давать».

Послать своего представителя на ваш (трехволостной. — *В. П.*) съезд я не могу, ибо нельзя рисковать жизнью человека, которого вы знаете, что он наверняка может быть убит из-за угла».

В другом письме к председателю Мильковского волостного комитета Х. П. Бирич признает необходимость — «по политическим мотивам» — созыва Камчатского областного съезда и состав его мыслит «исключительно из представителей сел и волостей... из лиц коренного населения и... некоренного, но проживающих в области не менее пяти лет и ни в чем предрассудительном в обществе не замеченных».

По Биричу, съезду желательно установить привила, «при каких условиях волостные и сельские общества могут приписывать пришлых с разных мест лиц, как единых, так и семейных, и в каких правовых отношениях такие лица должны состоять в пользовании наделами, правами охоты и рыбной ловли».

На областном съезде, считал Бирич, следует всесторонне обсудить «общепросветительные и образовательные дела», состояние школ и училищ, их

материальную базу, и что население ожидает в этом направлении от правительства. Х. П. Бирич выдвинул идею института советников при областном Камчатском управлении, которых бы съезд командировал в Петропавловск и которые бы «личным своим опытом могли бы быть полезны администрации при решении разных вопросов о нуждах и правах населения края».

... Но покамест намечался трехволостной съезд в Мильково. Туда выехали делегаты от Завойкинской волости. Х. П. Бирич, как уже говорилось, направить своего представителя отказался. 5 апреля 1922 г. Петропавловская Дума тайным голосованием — один «за», семнадцать «против» — также воздержалась от посылки делегата (им, по некоторым сведениям, был П. Т. Новограбленов), заслушав доклад доктора П. П. Рубецкого. Он сообщил: несколько волостей Петропавловского уезда предлагали партизанскому вожаку И. Е. Ларину дать гарантии неприкосновенности городских представителей от насилий большевиков, но тот таких гарантий не дал, более того, отрядом красных были приняты меры к задержке делегатов и недопущению их на съезд в Мильково.

Мотивируя свое решение, Дума сослалась на непрекращающиеся задержания мирного населения при проезде из уезда в город, обыски и насильственное отобрание имущества партизанами, как, например, у жителя Большерецка А. П. Корюкина и сероглазкинца П. А. Крупенина. Думцы тогда еще не знали, что произвол партизаны чинят и в более отдаленных местах. Не раз производили обыск у столяра-модельщика из Козыревска А. И. Никитина за отказ поставить им продовольствие и патроны. (А в том, что все это у него есть, они не сомневались, ведь в 1919—1920 гг. он был председателем волостной продуправы).

В 1931 г. среди обвинений, предъявленных Алексею Ионовичу, фигурировало и это. Приводились также якобы им сказанные слова: «Коммунистов на материке здорово бьют белые за то, что они издеваются над интеллигенцией, уничтожают церкви и духовенство и занимаются грабежами крестьян. Коммунисты — это кучка хулиганов, которые задались целью в России уничтожить все, ограбить народ и бежать за границу...»

В постановлении Петропавловской Думы отмечалось: несмотря на стремление гражданских и военных властей к предотвращению кровопролития между правительственным отрядом и коммунистами, как русскими людьми, произошло убийство двух солдат, поэтому не исключено, что подобное случится и с представителями народа. Суммируя вышеуказанное, гласные пришли к выводу: считать «большевиков-коммунистов не защитниками трудового народа, а просто бандитами на большой дороге». В связи с новым преступлением красных, Дума вменила в обязанность всем проживающим в городе русским подданным «нести внутреннюю охрану» в помощь милиции, согласно инструкции, каковую и выработают на сей счет городской голова и начальник милиции.

На заседании Думы были зачитаны телеграмма В. И. Бочкарева и оперативная сводка о движении его отряда и занятии совместно с коренным населением многих важных северных пунктов до г. Якутска включительно.

8 апреля 1922 г. А. А. Пурин и И. Д. Добровольский поздравили начальника СЭО с победой, назвав его солдат лучшими сынами Родины. Из Петропавловска в Наяхан ушла еще одна телеграмма за подписью Н. М. Соколова и К. И. Миховского. Ее текст гласил: «Поражены успехами Ваших отрядников. Достигнутые результаты превзошли самые смелые ожидания... желаем дальнейших успехов в выполнении Вашего широкого плана очищения Охотско-Якутских районов от большевиков под флагом Приамурского правительства. Выезжая во Владивосток, со своей стороны постараемся оказать Вам всякое содействие. Телеграфируйте сюда, что Вам в первую очередь необходимо».

5 апреля одновременно с Думой заседал военный совет: начальник местной команды резерва военной полиции есаул Чешкин, временно исправляющий дела командира «Свири» поручик по Адмиралтейству Маслов, начальник военно-полицейского розыска подпоручик Поярко, прапорщик Кулий, исправляющий дела командира роты «Свири» подпоручик Подгорный при участии старшего чиновника особых поручений при особоуполномоченном М. С. Миклашевского. Военный совет решил в кратчайший срок перевести все правительственные учреждения и воинские части в центральный район города (чтобы «увеличить обороноспособность и сократить гарнизонный наряд»), завершить в срочном порядке формирование военно-полицейского розыска, предложить добровольцам из граждан осуществить охрану Петропавловска посменно. Совет попросил Х. П. Бирича назначить себе военного советника, которому будут подчинены все воинские части и управление военно-полицейского розыска».

8 апреля представитель Приамурского правительства Н. М. Соколов изложил в письме на имя Бирича свои соображения по борьбе с красными партизанами. Он располагал данными о том, что в нескольких местах в районе Завойко — Авачи их насчитывается около семидесяти.

В архивах сохранился приказ облнарревкома № 8 от 1 апреля о создании «часового поста на дороге около села Авача». Ему, вспоминая партизан П. Г. Ивашкин-Ларичев, вменялось в обязанность «не пропускать банды Бирича и Полякова в глубь области, а у всех проезжающих из города жителей и торговцев отбирать нарезное оружие, черносотенную литературу, спиртные напитки, а с торговцев взимать налог с провозимой ими в город пушнины».

На соединение с этими красными численностью около семидесяти, продолжал Н. М. Соколов, движется полусотня из долины р. Камчатки и восемнадцать-двадцать человек с западного побережья. Прогноз (который не оп-

равдался) на ближайшие семь-десять дней: город будет обложен отрядом в количестве от ста пятидесяти до двухсот человек. Соколов предлагает, не давая им соединиться и сорганизоваться в наступлении на город, бить их по частям. Предположение, что под давлением местного населения они разойдутся по домам, пишет далее Н. М. Соколов, «грозной действительностью совершенно опровергается. Коренное сельское население оказалось инертным, безвольным и, очевидно, пойдет за тем, кто победит, на чьей стороне будет реальная сила.

Идущее с нами и за нас городское население ждет от нас энергичных, сплоченных действий, требует нашего объединения. При ограниченности наших вооруженных сил, каждый боец должен быть на счету. В момент грозной опасности все старые ссоры и счеты должны быть забыты. Между тем, население видит какое-то, по меньшей мере, безразличное отношение власти к грядущим событиям».

Оговорившись, что при такой обстановке и в такой ответственный исторический момент даже человек величайшего государственного ума и опыта в военном деле не взял бы на себя одного все бремя ответственности, представитель Приамурского правительства мыслит возложить это на специальный орган из военных и гражданских лиц, который поддержит политику Владивостока. В качестве примера он указывает на жителей Сероглазки, готовых к вооруженной борьбе с красными, ждущих «от нас объединения» и высказывающих просьбу дать им инструкторов из офицеров. Что же касается Петропавловска, то там раздаются голоса о возможности мобилизации городского населения.

Н. М. Соколов доказывает Х. П. Биричу: находящаяся с ним в конфликте команда генерала Н. А. Полякова свое вынужденное бездействие считает «преступлением перед Родиной и соглашается немедленно выступить на борьбу с большевиками без нарушения существующего деления на части, и по ликвидации красных готова вновь вернуться в Охотск и выехать, куда прикажут».

Н. М. Соколов предлагает обсудить перечисленные вопросы на военном совете и на совещании с гражданскими и выработать «план борьбы с надвигающейся опасностью». Он предупреждает: если это не будет сделано без промедления, то вся вина «за возможную гибель национального дела на Камчатке» ляжет исключительно на Бирича.

Восьмого же апреля 1922 г. Н. М. Соколов, А. А. Пурин и И. Д. Добровольский телеграфируют председателю Приамурского правительства Спирidonу Меркулову: «Красные вновь большими партиями группируются в ближайших селениях с намерением взять Петропавловск вооруженной силой... Положение усугубляется трудностью создать единство военной власти. Надеемся... сохранить положение до прибытия скорой помощи. "Охотск"

может выйти не раньше конца апреля, когда очистится бухта». (Кстати, Приамурское правительство довольно быстро среагировало на «сборы Полякова на Север, к Бочкареву». Оно распорядилось всей его команде из сорока чинов ждать замены из Владивостока).

В тот же день Х. П. Бирич издает приказ № 215 о переводе областного центра и Петропавловского уезда на режим усиленной охраны. Начальнику штаба СЭО Н. А. Полякову надлежит находящуюся в его распоряжении часть «иметь в боевой готовности», а начальнику военной милиции есаулу Чешкину — «принять срочные меры к бродячим элементам и очищению Петропавловского района от шашек большевиков».

Наряду с этим в Петропавловске происходили и другие события. В марте 1922 г. было зарегистрировано два землетрясения (4-го ночью и 7-го утром), оба секунд по десять и «шли с северо-востока». 14 марта хоронили сотника Анатолия Ивановича Тарасова, умершего, по-видимому, своей смертью. Проводить его в последний путь, помимо боевых соратников, пришло немало гражданских. Накануне, в пять вечера, когда банщик ушел ужинать, загорелась гарнизонная баня. Пожар ликвидировали прибежавшие граждане...

9 апреля стало известно, что правительство приравнило в паспортном отношении китайских и корейских подданных «к другим иностранцам». Ввиду этого указанные лица должны были получить у Х. П. Бирича в недельный срок «установленный законом билет на право свободного проживания в пределах области». Для приобретения билета следовало подать прошение (оплатив его гербовым сбором в размере двух рублей) с приложением национального паспорта, а за неимением такового, в удостоверение личности можно представлять или старые билеты, выданные милицией, или же удостоверения от представителя китайской и корейской колонии.

А 2 апреля в Народном доме состоялся духовный концерт под управлением священника Михаила Ерохина. Любителями церковного пения исполнялись произведения композиторов Архангельского, Бахметьева, Старорусского и других. Особенно благоприятное впечатление произвел Бортнянский («Тебе Бога хвалим») в первом отделении концерта, где прекрасно, по мнению публики, прозвучало «трио на детских голосах». Присутствующие получили «полное художественное наслаждение». Областная газета отдавала должное руководителю хора Михаилу Ерохину, а также аккомпаниатору В. А. Огородникову, который способствовал успеху выступавших.

12 апреля 1922 г. в Мильково открылся «Второй чрезвычайный Петропавловский уездный съезд», созданный большевиками. Судя по резолюциям и постановлениям этого форума, он претендовал на областной, не зря же его полновластными делегатами являлись «посланцы» Анадырского (беспартийный большевик В. М. Чекмарев) и Охотского (коммунист М. П. Щербаков) уездов.

Среди других шестнадцати (по некоторым данным, четырнадцати) участников съезда не было представителей крупнейших волостей Петропавловского уезда — Мильковской и Завойкинской, а также Малкинской. Они хотели провести свой съезд нескольких волостей, и тоже в Мильково, но так и не провели, а только посоветовались и разъехались о домам. Не было на Втором чрезвычайном и делегатов от областного центра, а интересы Паланской волости представлял... житель Петропавловска И. Е. Ларин. Вдобавок делегирование шло от волостных народно-революционных комитетов, упраздненных осенью 1921 г. в связи с переходом Охотско-Камчатского края под юрисдикцию Временного Приамурского правительства.

14 апреля Второй чрезвычайный съезд принял резолюцию, предлагая «Биричу и К^о» немедленно убраться из пределов Камчатки, в противном случае — «съезд приступает к ликвидации их силой оружия». Командующий военными отрядами Н. П. Фролов и руководитель камчатских большевиков М. И. Савченко (Славский) поставили свои подписи под документом, адресованным облнарревкому, волкомам и селькомам, в котором содержались оскорбления председателя Петропавловской Думы Ч. К. Щипчинского, его заместителя П. Т. Новограбленова, городского головы Е. А. Колмакова и секретаря управы В. И. Румянцева.

Выступая 13 апреля 1922 г. на чрезвычайном съезде, И. Е. Ларин заявил, что большинство гласных Думы «покинуло город с высадкой вооруженных сил Бирича». Между тем, в сопки ушло лишь четверо гласных и один кандидат, все коммунисты: И. Е. Ларин, Н. П. Фролов, А. Н. Пересыпкин, А. Т. Коробко и И. И. Елисеев (имеется в виду Четвертая Дума, действовавшая по январь 1922 г. и состоявшая из 37 чел. — 19 гласных и 18 кандидатов).

За угрозами расправиться с гласными теперь уже Пятой, «незаконной» Думы, последовало обещание не применять репрессии, если народные избранные откажутся от поддержки Приамурского правительства и будут проводить политику облнарревкома. Обещание это можно было найти в обращении штаба отрядов к Думе.

Администрации Х. П. Бирича и военным, говорилось в резолюции съезда от 14 апреля, следует не просто убраться, а «без казенных грузов и имущества, с возмещением ими убытков за забранные у кооперативов товары и продукты, принадлежащие по праву населению области». Для сообщения всего этого в Петропавловск направили делегацию: И. В. Рябиков (представитель Хайрюзовской волости), Г. П. Яковлев (Паратунка) и Е. И. Попов (Ключи).

Делегация должна была поставить в известность о решении съезда изгнать белых японского консула, заверить его в самом дружественном отношении к этой стране и ее подданным, сказать, что облнарревкому поручено «идти навстречу всяким попыткам... к заключению торговых договоров на пользу русского и японского населения, если Япония уберет свои военные

суда... а отказ... выйти на рейд будет рассматриваться съездом как содействие Японии узурпаторской власти Бирича и Полякова и может нарушить отношения между областью и японскими подданными».

Процитированные выше выдержки из резолюции Второго чрезвычайного съезда вошли в сборник «За власть Советов. 1920—1922 гг. Документы и материалы», изданный во Владивостоке в 1967 г. А вот то, что в этот сборник не попало и взято нами из «Думского дела» ОГПУ.

«Примечание № 2: В случае, если упомянутой делегации не представится возможным по каким-либо причинам лично информировать население города и войти в непосредственное сношение с представителями иностранных Правительств и подчиненными областной власти (администрации Х. П. Бирича. — В. П.) органами городского самоуправления, Съездом будет установлено место для ведения парламентских переговоров представителей указанных сторон или же, в крайнем случае, представляет делегации право сноситься с указанными лицами и органами письменно».

«Примечание № 3: Делегации ставится в обязанность не решать самостоятельно никаких важных вопросов, вытекающих из тех или иных условий, предлагаемых переговаривающейся стороной или ее посредниками, вообще делегация обязана своевременно обо всем детально информировать съезд».

Одним словом, задача делегации состояла в передаче петропавловским властям ультиматума, информации об этом населения и — в особой форме — японского консула. Направляясь в областной центр, делегация наверняка имела на руках еще один документ (он ни тогда, ни после 1922 г. в Советской России не публиковался) — обращение к населению Петропавловска, начинавшееся словами: «Граждане порабощенного города...» В конце этого документа стояло: «Если после мирных мероприятий, которые на днях сделает чрезвычайный съезд, Дума не изменит своей позиции, и Бирич не уберется со своей бандой из Петропавловска, то мы не остановимся ни перед чем. Пусть тогда пролитая кровь ляжет на совесть гласных Думы и на горожан, вовремя не остановивших преступной работы своей Думы, помогшей и помогающей Биричу держаться в городе...» Обращение к гражданам «порабощенного города» подписали командующий военно-революционным отрядом Н. П. Фролов, начальник штаба Г. М. Елизов и уполномоченный облпарревкома М. И. Савченко (Славский).

...И вот делегация двинулась в путь. Бывший партизан В. И. Семенов, находившийся на боевом посту на Завойкинском тракте, вспоминал спустя пятьдесят лет: «Смотрим из-за кустов, не имеем права окликнуть. Молча они прошли, я, верите, смотрю на Рябикова и слез не могу сдержать. Чувствую, идет человек на верную смерть».

Из характеристики делегатов Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, составленной ревкомовцем Петром Глебовичем Ивашки-

ным-Ларичевым в 1960-е гг.: «Он в селе Хайрюзово являлся председателем волостного кооператива. Это был среднего роста человек в возрасте около тридцати лет (точнее, двадцати восьми. — *В. П.*). По специальности являлся связистом. Беспартийный, но всей душой преданный Советской власти человек...

Тов. Рябиков представлял собою в полном смысле слова интеллигентарабочего. Культурный в общении с окружающими, держался очень просто, без всякой рисовки. Лицо мужественное. Говорил страстно, убедительно и, я бы сказал, очень доходчиво до каждого слушателя. Он сразу, с первого дня прибытия, завоевал симпатию к себе простотой и умелым подходом к каждому из присутствующих на съезде. Создавалось впечатление, как будто бы уже давно его знаешь, давно с ним знаком».

Иллариона Васильевича Рябикова делегаты избрали председателем съезда, а И. Е. Ларина — заместителем председателя. Рябиков стал членом облнарревкома...

По прибытии в Петропавловск делегацию арестовали. Спутников Рябикова вскоре отпустили, а его оставили заложником за полковника Лукомского.

В партизанском дневнике И. Е. Ларина есть запись от 8 июля 1922 г. «Получено (из тюрьмы — *В. П.*) письмо Рябикова, где он сообщает: “Здесь циркулируют слухи, что якобы находящийся в плену в отряде красных Лукомский убит. Такие слухи меня поражают, зная нравственность лиц, стоящих в Военном совете. Я никак не могу допустить мысль, чтобы эти слухи имели сколько-нибудь правдивости шансов. На предмет опровержения указанных слухов прошу Военный совет уведомить меня письменно, жив ли Лукомский? В утвердительном случае прошу предоставить ему право написать мне письмо».

В остальной части письма сообщает, что «живется мне тяжело, каждая попытка подойти, обстрелять Петропавловск отзывается на моей шкуре...» В заключение пишет: «Поскольку это было мне посильно, я переносил, но теперь силы покидают меня, и я решил писать».

И. Е. Ларин никак не комментирует это письмо; неизвестно, что он на него ответил и ответил ли вообще (никаких свидетельств на этот счет в архивах не обнаружено).

На допросе в ГПУ в 1923 г. Ч. К. Щипчинский, у которого квартировал, прибыв из Охотска, полковник Лукомский, показал, что тот, по его словам, хотел устроиться учителем, но генерал Поляков навязывает ему «наем нарт для переброски людей». Так что запросы исполняющего обязанности заведующего училищами области П. Т. Новограбленова в конце января в Начики и Мильково имели под собой реальную почву, а вовсе не являлись уловкой и, тем более, «вспомогательством в укреплении белой банды».

Но что все же произошло на 6-й версте Завойкинского тракта той злополучной, очень снежной зимой? Иван Иванович Елисеев, работавший под

началом председателя облнарревкома И. Е. Ларина и ушедший с ним партизанить, впоследствии рассказывал: «При занятии дороги захватили в плен бочкаревского полковника Лукомского, у которого были найдены документы, что он командирится в селение Паратунка для найма до сорока нарт. Захватил полковника наш головной отряд (у П. Г. Ивашкина-Ларичева — «боевой пост, руководимый Пересыпкиным». — *В. П.*), который, не дожидаясь прибытия штаба, расстрелял его, и трудно было удержать людей от этого, ибо все были слишком обозлены, слишком возбуждены...»

Итак, полковника убили. «Об этом председатель облнарревкома товарищ Ларин получил донесение боевого поста, еще находясь в селении Халактырка 2 февраля», — утверждал Ивашкин-Ларичев. Факт гибели полковника Лукомского сразу был засекречен. Кем? По-видимому, руководством партизанскими отрядами или самым главным у них — Лариным. Зачем? Могли ли те, кто засекречивал, предусмотреть арест белыми в качестве заложниц за полковника жен Ларина и Фролова? Да, могли. Но вот женщин выпускают, и они уходят в безопасное место. Однако все остается по-прежнему. Сведения об убийстве Лукомского проникают в Петропавловск лишь в июне 1922 г.

Ничего не знает о гибели полковника и приехавший из провинции Илларион Рябиков, идущий 28 апреля в город действительно на верную смерть. По одним данным, парламентаром его избрал съезд, по другим — он вызвался сам. Почему же Ларин не препятствует этому? Или обязательно должен идти, рискуя жизнью, именно председатель съезда? Опять-таки возникает вопрос — почему? Ведь в противном случае Рябиков остался бы жив. И — быстро превратился бы на Камчатке в революционную фигуру номер один?

...Иван Емельянович Ларин умер в августе 1980 г., пережив на пятьдесят восемь лет председателя Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда. Ларину шел девяносто первый год.

УЛЬТИМАТУМ

25 апреля 1922 г. стало переломным в отношениях между представителями облнарревкома и Думой. Если прежде они обменивались не только взаимными обвинениями, но и имели, помимо эпистолярных, другие контакты, то теперь это было вряд ли возможно. Последним письмом есть основание считать вот это, короткое — городской управы за № 194 от 7 апреля, адресованное члену штаба народно-революционного отряда Елизову, с подписями Е. А. Колмакова и Ч. К. Щипчинского: «Просим распоряжения штаба вернуть наших собак, на которых выехал гласный Копцев».

Заслушав телеграмму председателя Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда И. В. Рябикова, думцы возмутились до того, что тут

же приняли постановление «прекратить с большевиками всякую переписку» и впредь никаких резолюций в связи с их посланиями не выносить.

В телеграмме шла речь о незаконной якобы сдаче Х. П. Биричем (совместно с Думой) Командорских островов японской фирме «Нихон-Моохи». Гласные отвергли это обвинение, заявив, что в нем, кроме извращения фактов и лжи, ничего нет. «Крайне тяжелое финансовое положение в Петропавловске вообще и государственных служащих в особенности, — докладывал Бирич председателю правительства, — а также кругом окруженные бродячими шайками большевиков, ликвидация которых требует усиленных расходов, решил назначить комиссию для выяснения мер, при каких условиях можно выйти из положения. Н. М. Соколов, Добровольский и Пурин от участия в комиссии отказались». В докладе нет упоминания о составе комиссии, лишь говорится, что не было несогласных с заключением: единственный выход из создавшегося положения — «это запродать упрощенную на Командорских островах пушнину в зиму 1921—1922 гг. лицу или фирме, предложившим выгодные условия для казны». Такой фирмой стала «Нихон-Моохи».

На том же заседании выступил при закрытых дверях начальник городской и уездной милиции Д. И. Пригоровский. На него ссылался в письме, отправленном тогда же, 25 числа, Биричу, представитель правительства Н. М. Соколов, предупреждая его об опасности, грозящей Петропавловску со стороны красных.

«...На основании достоверных сведений Вам известно, что коммунисты под руководством Славского, выдающего себя за особоуполномоченного Российской Советской власти, образовали особый съезд, сначала в Милькове, а затем в Начиках и, назвав этот съезд уездным съездом Петропавловского уезда, призывают от его имени все окрестное население встать с оружием в руках против власти Приамурского правительства на Камчатке и изгнать его агентов и его отряды.

Такого рода воззвания распространяются в последнее время и в самом Петропавловске, вызывая вполне понятную тревогу в среде городского населения, так как в этих воззваниях агенты большевиков угрожают суровым возмездием всем, кто будет идти против них.

Сегодня получены новые сведения о перенесении большевиками своего съезда в Завойко и прибытии туда всех участников съезда с ватагой вооруженных людей».

Начальник милиции сообщил Думе: отряд, прибывший в Завойко, насчитывает 24 чел., а делегатов съезда 16, в селении поднят красный флаг, предполагается приступить к исправлению телеграфно-телефонной линии для переговоров с областным центром.

По данным Н. М. Соколова, в районе Авача — Завойко скопилось до ста пяти «сопочников», что было явным преувеличением. К моменту приезда

думской делегации в середине февраля 1922 г., сказал год спустя в ГПУ Н. П. Фролов, численность партизан составляла «с тылом всего и с каюрами около шестидесяти».

К концу февраля, вспоминал бывший облнарревкомовец П. Г. Ивашкин-Ларичев, партизанские силы уменьшились. Руководство отряда распустило по домам вступивших в него со своими нартами жителей Колыгиря, что в ста километрах на запад от Петропавловска, и Жупанова из-за отсутствия корма для собак.

Нервное перенапряжение, полуголодное существование в наспех сооруженных землянках, износившаяся летняя одежда и обувь способствовали простудным заболеваниям среди красных партизан. Тяжелая обстановка вылилась в «нездоровые настроения». Грешили этим и некоторые коммунисты. Прежде всего — Мусорин и Пересыпкин. Начались разговоры о временном прекращении блокады города по причине численного превосходства противника.

«Насколько мне помнится, — писал П. Г. Ивашкин-Ларичев, — секретаря партийной организации т. Савченко в это время не было, он направлен был в Шемлячек для организации доставки оттуда нашей муки и проведения работы по реквизиции пушнины у охотников, промышлявших в Кроноцком заповеднике, как у браконьеров. Такие товарищи, как житель селения Островной Казаков, пошел в свое селение, а отличавшиеся недисциплинированностью коммунисты Мусорин, Пересыпкин пошли в селение Налычево. За ними потянулись другие...»

Прибывший из отряда В. М. Чекмарев доложил И. Е. Ларину: Завойкинский тракт, по существу, «остался открытым... в глубь области могут свободно проезжать из города спекулянты, провозить, что им угодно... под городом осталось партизан десять человек».

Сообщение Чекмарева заставило Ларина обратиться с воззванием к партизанам, в котором говорилось, что снятие блокады не даст управлять областью из Начик и сорвет работу по созыву Второго чрезвычайного съезда (вышеупомянутым был продиктован и его приказ № 1 штабу соединенных отрядов облнарревкома от 1 марта 1922 г.).

Не имея свыше шести месяцев связи с материком, большевики возлагали на этот съезд большие надежды не только в плане моральной поддержки. Они полагали, что с его помощью «удастся втянуть в борьбу с меркуловскими контрреволюционными силами коренное население Камчатки».

Между тем, оно, особенно на западном побережье полуострова, по словам самих же партизан, очень настороженно относилось к призыву облнарревкома о создании боевых отрядов. Если и были селения, сообщавшие об организации отрядов, то дальше этого дело не шло: новые отрядники сидели по своим селам и бездействовали.

На Завойкинскую и Мильковскую волости партизанам рассчитывать не приходилось. И. Е. Ларин объяснил это... спиртом, который завозили «спекулянты» и который «имел немалое влияние на обработку мнения среди коренного населения».

По Ивашкину-Ларичеву же, настороженность «коренников» к облнарревкому основывалась на другом: дескать, население Петропавловского уезда «не испытало на себе... террора и издевательств “белых”», а «меркуловские ставленники Бирич, Поляков и их компания — Пурин, Добровольский... имели задание отторгнуть Камчатку от Советской России, сделать ее в полном смысле автономией под протекторатом Японии, причем добиться этого... с полного согласия местного коренного населения».

Большой помехой в налаживании отношений между партизанами и Завойкинской и Мильковской волостями являлись, считает тот же автор, проживающие там «крупные по масштабам Камчатки капиталисты» камчадалы Машихин и Коршунов. Он не уточняет, кого из братьев Машихиных имеет в виду. Скорее всего — Павла Александровича, уроженца селения Завойко, 1888 года рождения, окончившего двухклассную городскую школу, занимавшегося в то время коммерцией: скупал на Камчатке пушнину, продавал ее в Америку, где брал различные товары и торговал ими в области. Будучи под следствием в ОГПУ в 1930 г., он показал, что собственного капитала у него «доходило не более как двадцать тысяч рублей, а дальше работал на кредитах». Кредитовал его американский торговец Свенсон.

До ареста в 1931 г. лишенный избирательных прав бывший торговец Василий Иннокентьевич Коршунов, 1889 года рождения, жил охотой и крестьянским трудом. Ему принадлежали: дом, крытый железом (10 на 21 аршин), три амбара, сарай, баня, шесть лошадей, четыре коровы и столько же молодняка до трех лет, две свиньи и двадцать нартовых собак.

«Правда, — оговаривается П. Г. Ивашкин-Ларичев, — от них не было слышно ни одного открытого слова против советской власти, против ОНРК, они не были замешаны ни в одной аванюре... но Машихин и Коршунов являлись идеологами коренных жителей Петропавловского уезда» и, как убежден Петр Глебович (не приводя конкретных фактов), подкупали политических деятелей, таких, как председатель Завойкинского волкома А. Я. Чернышев, Шкляев. В подтверждение сего он ссылается на И. Е. Ларина, который сказал в 1922 г. в Начиках: «Если бы у нас была валюта, то можно было бы склонить на нашу сторону в селении Завойки и Чернышева, и Шкляева, а в Петропавловске городских “воротил” Колмакова и Щипчинского, все они продажные шкуры». Добавим от себя: в камчатских архивах сведений подобного характера обнаружить не удалось.

Судьба Чеслава Куприяновича Щипчинского, покинувшего наш край в конце 1920-х гг., неизвестна. Елизар Александрович Колмаков, который

проходил по сфабрикованному делу «Автономная Камчатка», расстрелян в 1934 г., Александр Яковлевич Чернышев вместе с Павлом и Георгием Машихиными — на три года раньше. Василий Иннокентьевич Коршунов получил в январе 1932 г. десять лет концлагерей.

Делегат Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда от Ключей А. В. Столяров поведал сотруднику ОГПУ Петренко в декабре 1930 г. о событиях «партизанской поры»: «Перед избранием меня и Попова (на съезд. — В. П.) из Петропавловска кто-то приезжал в Ключи, Усть-Камчатск и — быстрым темпом обратно, после чего появилось воззвание “Камчатка — для камчадал”. Приезжал, как мне помнится, кто-то из Машихиных из Завойко. Во время пребывания моего в Завойко как делегата со стороны торговцев было целое гонение на делегатов, и они всюду агитировали за свержение советской власти.

Делегатам они не давали провианта, подвод и т. д. Особо из них выделялись дерзостью и поведением... это следующие лица: Машихин Павел Александрович, Георгий Александрович, Иннокентий (отчества не помню), Чернышев (имя-отчество не знаю), Шкляев был заведующим кооперативом, Ворошилов Гавриил, Пшенников Иосиф, Рязанцевы, Сметанин Иван, других не помню. Благодаря активной деятельности упомянутых и был убит делегат от Тигильского волревкома Рябиков Илларион Васильевич».

Все поименованные выше, за исключением Шкляева, попали под молот репрессий. Семьи Машихиных и Коршунова подверглись выселению с Камчатки: первых — «в Николаевск-на-Амуре округ», второго — «в спецпоселок».

В селении Завойко в период съезда партизаны П. Г. Ивашкин и И. И. Елисеев, зайдя в один из домов, впервые увидели мать Машихиных. В завязавшейся беседе эта пожилая женщина им сказала: «Молодые люди, вам бы только веселиться, устраивать вечерки, гулять с барышнями, а вы шляетесь по сопкам, затеяли войну, и камчадал к этому призываете. Царя свергли, и дожили теперь до того, что даже русских денег нет, а вот японцы своего царя почитают, у них все есть, и их деньги ценятся. Вы думаете, что камчадалы ничего не понимают. Вот они смотрят, смотрят на вас, “мурок” (прозвище приезжих русских. — *Ред.*), да возьмут соберутся и выгонят всех вас с Камчатки».

А мельковчане, прежде чем выработать свое отношение к облнарревкому, делегировали в Петропавловск И. М. Ворошилова и Ф. П. Плотникова, затем собрались на волостной съезд, который 31 марта 1922 г. заслушал вернувшихся из областного центра односельчан, привезенные гостями — гласными Думы — материалы: документы обеих противоборствующих сторон (администрации Х. П. Бирича и облнарревкома И. Е. Ларина) и Завойкинского волостного управления. И — постановили: «Вполне сознавая, что Камчатка по своему географическому положению самостоятельной единицей быть

не может и находится в зависимости от Владивостока, как ближайшего пункта материка, мы должны подчиняться тому положению, какое там есть.

Выступление вооруженных отрядов КОНРК 3-го созыва (от 1920 г. — *В. П.*), внесло в население тревогу и отразилось на экономической жизни населения нашей волости, а также и других волостей, так как благодаря этому выступлению почти все промышленники должны были выехать с охоты раньше срока — поэтому Мильковский волостной съезд находит необходимым следующее: 1. Всякие выступления вооруженных отрядов нежелательны. 2. Восстановить телеграфное и телефонное сообщение с Петропавловском. 3. Чтобы был свободный проезд, как до Петропавловска, так и обратно».

Данное постановление было опубликовано в областном центре 23 апреля 1922 г. Тем же месяцем датировано дополнение к докладу Х. П. Бирича во Владивосток, где сообщалось о продаже японцам командорской пушнины: бобров, котиков и голубых песцов.

«За всю зиму, — писал далее Бирич, — до настоящего времени известий не получал от своего помощника Покровского и Охотского уполномоченного Соболева о состоянии Охотского уезда и находящегося там отряда под командой Грундулса. От начальника Булыгинского отряда капитана Яныгина и Сентяпова тоже никаких известий нет. Из информации с Наяхана лично от Бочкарева и его начальника штаба поступают весьма утешительные известия о продвижении в глубь к Якутску отдельных отрядов и очищении края от большевиков. Занятие отрядами Верхне- и Средне-Колымска и Верхоленска, в Анадырском уезде сел Марково, а также обложение г. Якутска и установление пропускного пункта в Тигиле (Бирич, конечно же, не знал о предписании Бочкарева начальнику этого пункта от 3 марта 1922 г. всех чиновников, посланных из Петропавловска особоуполномоченным, немедленно отправлять обратно, закрывая их управления. — *В. П.*) при том незначительном числе отряда представляется, если это есть в действительности, в высшей мере геройской работой воинских частей и в особенности воинского командного состава, который сумел привлечь на свою сторону местное население, без помощи которого никакое продвижение воинских частей немислимо, в особенности принимая во внимание громадность захваченной территории.

В Петропавловске находится много фирм, которые имеют свои отделения в разных местах Охотского края и в предыдущие годы в зиму имели постоянное телеграфное сообщение со своими отделениями — в эту же зиму, с самого занятия нами г. Петропавловска, ни от кого их охотских торговцев сведений не поступало, и на запросы местных не отвечали. Все это вызывает в обществе разные комментарии и суждения на верность информации из Наяхана».

«Мне трудно поддерживать убеждение в населении, — докладывал Бирич, — что известия о деятельности Охотского отряда в действительности не преувеличены, и что при активной помощи местного там населения от-

ряд мог осуществить в действительности те свои продвижения в крае, которые получены по информации из Наяхана».

Высказать свое мнение о бочкаревском проекте реконструкции гражданской и военной власти в Охотском крае особоуполномоченный отказался — настолько тот не соответствовал правительственному Положению. Однако счел нужным подчеркнуть: «Проект этот приводится на решение правительства помимо меня и поддерживается, не знаю, по каким соображениям, Пуриным, Добровольским и Соколовым». Первые двое являлись членами Особого совещания по культурно-экономической помощи Охотско-Камчатскому краю, а Н. М. Соколов, как известно, был представителем этого правительства.

Все трое, а также государственный контролер К. И. Миховский, чиновник Ф. Д. Стецок, командир «Свири» Г. Я. Бойко, офицеры того же судна В. А. Кулий и Подгорный приняли участие во второй половине апреля в обсуждении сложившейся ситуации и действий Х. П. Бирича. В его архивном уголовном деле нами найдена краткая запись этого обсуждения.

«Пурин, Добровольский и Миховский говорили: финансовая политика г. Особоуполномоченного направлена по ложному пути, так как ориентация на американцев поведет к ухудшению отношений между нами и японцами, что для нас в настоящее время крайне нежелательно. Учитывая нечестность японской политики, указывали: на возможность повторения событий, аналогичных событиям 4—5 апреля 1920 г. в г. Владивостоке; вооружения большевиков, бродящих в тайге, — пулеметами, и что все это вместе взятое может привести к общему краху.

Офицеры “Свири”, указав на необходимости координирования действий местного административного аппарата с правительственными пожеланиями, не согласились с мнением гг. Пурина, Добровольского и Миховского относительно вооруженного вмешательства японцев, указав на невыгодность такого образа действий для самих японцев, но, допуская возможность передачи японцами большевикам оружия, предложили присутствующим войти к Особоуполномоченному с представлением по данному вопросу...

Обрисовав экономическую политику правительства и финансовое положение в переживаемый момент, гг. Пурин и Добровольский указывали на необходимость финансовой автономии для Камчатки и срочных мероприятий в этой области».

Пришедшим к этому времени Н. М. Соколовым было повторено все то, о чем говорилось до прихода, и добавлено: генерал Поляков с конвоем, на верное, выедет на транспорте «Охотск».

Недовольство Н. М. Соколова вызывала не только экономическая политика Х. П. Бирича. «На этих днях, — говорилось в его письме на имя особоуполномоченного от 25 апреля 1922 г., — несомненно предъявление больше-

виками ультиматума городу и властям, в нем находящимся, а затем следует ожидать осуществления большевиками их угрозы нападения на город».

Жители сел Завойко и Сероглазка, по информации Соколова, ждут от Петропавловска «энергичных объединенных действий для совместной ликвидации появившихся вооруженных шаек красных»; между тем приказами Х. П. Бирича утверждена лишь должность начальника обороны Петропавловска, а сам город, будучи «в полном смысле слова в осаде», объявлен только на положении усиленной охраны.

Затем представитель Владивостока переходит к главному. «Объединение всех военных сил в Петропавловске для борьбы с красными повелительно требует в своих телеграммах на Ваше имя и на имя генерала Полякова председатель Приамурского правительства С. Д. Меркулов, не мыслящий, разумеется, объединение воинских частей для совместных военных действий не иначе, как под начальством старшего из военных начальников, то есть генерал-майора Полякова, который и должен быть назначен Вами начальником Петропавловского военного района».

25 апреля, сообщает Н. М. Соколов Биричу, он вместе с А. А. Пуриным и И. Д. Добровольским имел беседу с генералом, и тот согласился с ними насчет объединения командования и неизбежности немедленного перевода города на военное положение.

«Уже это одно объединение под командованием генерал-майора Полякова, — доказывал Соколов, — успокоит городское население и внесет панику в ряды большевиков и всех им сочувствующих». Соколов, Пурин и Добровольский были готовы обсудить упомянутое выше с Биричем и предлагали ему это сделать в целях «исполнения в точности указаний председателя правительства».

26 апреля 1922 г. Х. П. Бирич издает приказ № 229: «Ввиду повторяющегося скопления в окрестностях г. Петропавловска разных бродячих банд, имеющих себя большевиками и группирующихся в скопище значительного числа вооруженных людей с угрозой как городскому населению, так и населению окружающих сел — для успокоения населения и ликвидации шаек в дополнение моего приказа № 215 о положении Петропавловского уезда и г. Петропавловска на усиленной охране, — предлагаю начальникам отдельных воинских частей объединиться для ликвидации всех бродячих шаек в окрестностях города и в ближайших селах.

Назначаю начальника штаба СЭО Генерального штаба генерал-майора Полякова начальником Петропавловского военного района на все время положения усиленной охраны Петропавловского уезда. Начальника охраны г. Петропавловска есаула Чешкина — начальником его штаба.

Начальнику ПВР в оперативном отношении подчиняется 1-я сотня СЭО, местная команда военной милиции и команда парохода “Свирь”. Все распо-

ряжения начальника ПВР и его приказы по военным операциям предоставляются мне ежедневно. Все аресты по политическим мотивам производятся чинами по ордерам: моему и начальника военного района. Обыски в домах и выемка должны производиться обязательно в присутствии начальника городской милиции или лица, заменяющего его».

В связи с приказом № 229 начальник Петропавловского военного района генерал Н. А. Поляков созвал совещание, на которое пригласил летчика полковника Андреева, подполковника Кузнецова, есаула Чешкина, Соколова, Пурина, Добровольского, Щипчинского.

Участники совещания пришли к единому мнению: весь район Петропавловского уезда необходимо немедленно перевести на военное положение, а начальнику ПВР, который одновременно является и командиром самостоятельного отряда, — предоставить полную свободу действий и все полноту власти.

В протоколе совещания записано, что оно считает недоразумением подчинение воинских частей начальнику ПВР «только в оперативном отношении» и «не мыслит успешных военных действий без полного подчинения всех находящихся в Петропавловске» белоармейцев. Еще большим недоразумением назвали участники совещания у генерала Полякова порядок обысков и арестов, годный, по их мнению, для мирного времени. «В военное время и при начале вооруженной борьбы военная власть не может быть стеснена в своих действиях при вылавливании большевиков и их единомышленников». Совещание высказалось за выдачу начальнику военного района денежного аванса в пятьсот рублей для усиления разведки и найма в этих целях «тайных агентов и прочего».

Когда 25 апреля 1922 г. Дума решила заслушать доклад начальника милиции при закрытых дверях, гласные С. В. Ганцев и И. Д. Грызлов сделали запрос, можно ли им присутствовать на этом заседании, так как у обоих (у первого сегодня, а у второго 19 апреля) местная сыскная полиция произвела обыск, «вероятно с подозрением в соучастии с большевиками».

Дума о происшедшем не знала и была сильно удивлена, поскольку «за все время выступления большевиков стояла отрицательно по отношению к ним». Выразив сожаление по поводу случившегося, она постановила вынести своим коллегам «полную благонадежность о непричастности к большевизму».

Утром 29 апреля 1922 г. в Петропавловске появились трое партизанских парламентариев с ультиматумом Х. П. Биричу покинуть Камчатку вместе с военными подобру-поздорову, иначе красные приступят «к ликвидации их силой оружия».

Председатель Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда И. В. Рябиков и два его спутника вошли в городскую управу. В это время там находился секретарь управы и Думы В. И. Румянцев и, по его словам, техник Цапов и сторож Крикун.

«Рябиков представился, говоря, что привез пакеты от Областного комитета. Я хотел их принять, но он сказал, что ему лично нужно передать городскому голове... они пошли к нему. На мое предложение послать сторожа, чтобы он указал квартиру, он ответил, что знает, где квартира», — вспоминал меньше чем через год Румянцев. «Когда Рябиков ушел только что из управы к городскому голове, зашел Крупенин Петр Александрович...»

Городской голова Е. А. Колмаков подтвердил в 1923 г. на следствии под арестом: да, Рябиков со своими спутниками приходил к нему домой, где они за чаем беседовали о деле, которое привело их в город, в это время к Колмакову заглянул подпоручик Поярков, начальник военно-политического розыска, разузнал, что за гости и зачем пожаловали. «Поярков ушел, дорогой в управу я передал, кто такой Поярков, и какие творят беззакония бочкаревыцы, высказал пожелание скорее прийти к мирному соглашению, о чем, я думаю, помнят свидетели Яковлев и Попов».

«В управе, — рассказывал далее Колмаков, — мы занялись рассмотрением дела о вооруженном выступлении, здесь были Румянцев, доктор Щипчинской, Цапов и Петр Крупенин. Рябиков просил собрать Думу и обещался ей доложить о цели посещения делегации. Дума назначена была в 4—5 часов вечера. Повестка об этом была послана, но заседание Думы не было разрешено начальником гарнизона генералом Поляковым».

Согласно показаниям Ч. К. Щипчинского, он встретил Рябикова в городской управе, и они начали договариваться, как найти общий язык для совместной работы. «Мы с ним условились обедать у гражданина Одынца (гласного Думы. — *В. П.*), где и думали весь план выработать для дальнейшей деятельности, а равно устроить заседание на завтрашний день».

«Когда я еще писал повестку, это было часов в одиннадцать, — говорил подследственный В. И. Румянцев, — тов. Рябиков решил со своими товарищами купить что-нибудь в магазинах. Когда они стали выходить из помещения, подошел Поярков с несколькими солдатами и сказал, что временно задерживает их».

ГПУ выясняло, кто сообщил белым о парламентарях. Будучи арестованным по Думскому делу, Румянцев узнал, что грешат на него, даже есть бумага, написанная кем-то. «Но мной этого не делалось», — заявил он, указывая на людей, которые могут свидетельствовать в его пользу, — техника Цапова и сторожа Крикуна.

«Ходил ли куда сторож, когда был Рябиков?» — спрашивали Румянцева. «Я не помню, я его не посылал», — отвечал он. И добавлял, что вообще-то посылал, но не тогда, а после ареста Рябикова — с повесткой по гласным. Но, вероятней всего, думал Румянцев, «когда пришел Рябиков в город, то об этом знало уже полгорода, так как он пил чай у Загорулько».

Справка. Загорулько Григорий Леонтьевич, 1879 года рождения, из днепропетровских крестьян, грамотный, по профессии слесарь, жена Мария Панова (сестра партизанской связной Веры?). В 1923 г. — сочувствующий РКП(б).

В деле священника Михаила Ерохина, начатом 26 ноября 1922 г. по обвинению в контрреволюции и шпионаже, есть документ «Подробное описание ареста народных посланников для переговоров с черносотенными бандитами Бочкарева-Озерова (фамилия матери В. И. Бочкарева, которой он иногда пользовался. — В. П.)». Под ним подпись Г. Л. Загорулько.

Приводим выдержку из этого документа. «29 апреля 1922 г. ко мне на квартиру пришел И. В. Рябиков, Яковлев и Попов в восемь часов утра, в это время я сильно хворал и лежал в постели. Все три упомянутых выше делегата вошли ко мне в спальню, и Рябиков сразу спросил, какое положение в Петропавловске, я объяснил все подробно и сказал, чтобы он возвращался обратно в Завойко именно потому, что его арестуют и будут делать над ним истязание; но он, Рябиков, мне лично сказал, что он не воротится назад, пока не сделает собрания совместно с городской Думой, попили чаю, и пошли делегаты в Думу, и кода от меня уходили, то Рябиков дал моей жене несколько бумаг, чтобы она сожгла, что жена при Рябикове бросила в плиту.

В городской управе делегатов арестовали в одиннадцать часов. 29 апреля сего Рябиков прислал мне записку со “Свири”, чтобы я прислал ему чистое белье, я ему послал белье: подушку, простынь и бумазею для портянок и продукты...»

В 1937 г. Загорулько, сторож японского завода № 3 фирмы «Ничиро» в Усть-Камчатском районе, был взят НКВД. Рабочий Н. показал на него: «12 января 1937 г. во время ужина, который состоял из мясных консервов, Загорулько, обращаясь ко мне и своей жене Марии, говорил: “Мы кушаем людские консервы, изготовленные из украинского мертвого народа”. Затем взял на вилку кусок консервированного мяса, сказал: “Смотрите, вот сустав от пальца, там на Украине погибло от голоду (видимо, в 1933 г. — В. П.) свыше пяти миллионов человек”.

На второй день, 13 января, жена Загорулько Мария перед подачей на стол обеда сказала: “Хотя и противно, но ничего не поделаешь, будем опять кушать людские консервы”. А когда стали обедать, Загорулько выгасил на вилке кусок консервированного мяса, показывая его нам, говорил: “Вот видите, белое мясо, это женская грудь. Ну что же сделаешь, если на Украине ели людей и не доели, так мы их здесь будем доедать в консервах вместо свинины и говядины”».

Камчатский областной суд дал Г. Л. Загорулько пять лет исправительно-трудовых лагерей. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР отменила приговор и направила дело на новое расследование, в результате которого в мае 1940 г. Григорий Леонтьевич был освобожден. В поста-

новлении об этом указывалось, что граждане Н., Б. и другие показали на него из личных счетов, и все они — «дезорганизаторы производства и не внушают политического доверия». Между тем, тот же Н. заявил следователю на допросе 15 февраля 1938 г. буквально следующее: «Загорулько говорил, что выдал Рябикова белым, над ним издевались три месяца, вывезли в бухту Раковую, убили и бросили в воду».

При аресте у Иллариона Рябикова отобрали две шкурки соболя, но оружие — револьвер «Кольт» — он успел передать Е. А. Колмакову, так, во всяком случае, утверждал последний. Второй парламентар — Егор Измайлович Попов — лишился шестидесяти иен.

В 1938 г. на допросе в НКВД он показал: «После двухдневного содержания под стражей нас допрашивал белый офицер. На допросе вместо того, чтобы выполнить волю съезда, я встал на путь измены и предательства, заявил, что камчадалы не хотят советской власти, рассказал о составе и работе съезда ревкомов, о положении в селах, где сказал, что все села разбились на два лагеря: кулачество и зажиточная часть хотят правительства Бирича, а бедняцкая часть стоит за ревкомы. Сообщил о наличии партизанских отрядов по области... о командирах отрядов, о вооружении и их месте расположения».

6 сентября 1940 г. Е. И. Попов стал говорить совсем другое: «... Бирич меня спрашивал, какую власть я признаю, на что я ответил... областной революционный комитет, и ему подчиняюсь, то есть признаю советскую власть». О партизанских отрядах заявил, что «ничего не знаю, и если бы о них что и знал, то все равно Вам бы не сказал».

«А в действительности знали?» — последовал вопрос. «Да, знал, — отвечал Попов, — знал об их численности, о вооружении, где расположены, где посты и т. п.». Следователь напомнил ему, что он говорил на допросе в 1938 г. «Я себя оклеветал... боюсь применения мер физического воздействия со стороны следствия ко мне», — сказал Попов.

По Колмакову же, который был приглашен к особоуполномоченному как понятой, дело обстояло так: «Бирич задал Попову вопрос, знает ли он его, так как плавал на его батах. Затем Бирич говорил ему, что “я вам плохого ничего не делаю, живя в Усть-Камчатке”».

Попов уверял, что ничего худого от него не видели, и стал говорить Биричу, что он малограмотный, он был послан в Мильково на съезд, и что он ничего не понимает в политике и просит Бирича отпустить его в Усть-Камчатку и разрешить ему сейчас же на пароходе выехать домой. Бирич говорил ему, что он только тогда его отправит домой, когда они с Яковлевым (третьим парламентаром, делегатом съезда от Паратунки) отвезут в Завойко на съезд ответ. Попов обещал, что в политику вмешиваться не будет, и дал Биричу подписку в этом.

Яковлев точно так же просил Бирича отпустить его домой, так как он «был в заблуждении...»

И с него особоуполномоченный взял подписку. Рябикова при Колмакове не допрашивали — его городской голова в квартире Бирича не видел. Затем, рассказывал Колмаков все в том же 1923 г., Попова с Яковлевым вывели. Бирич и Поляков, посоветовавшись между собой, решили этих двоих освободить, как местных жителей. Их перевезли через бухту и отпустили.

В конце 1922 — начале 1923 г. на следствии по делу «Камчатской экспедиции» Бирич уверял, будто он хотел освободить и И. В. Рябикова, но из-за «категорической угрозы» подполковника Кузнецова и генерала Полякова убить его в этом случае, распорядился поместить не в казарму, как того добивались военные, а на посыльное судно «Свирь». Бирич добавлял: вообще-то «в залог за полковника Лукомского», попавшего к партизанам, были арестованы все трое парламентаров...

29 апреля 1922 г. произошло еще одно не рядовое для Камчатки событие. Во Владивосток наконец-то ушел пароход «Охотск», застрявший в Ковше с декабря 1921 г. В списке отъезжающих почему-то нет А. А. Пурина и И. Д. Добровольского, хотя точно известно, что они убыли с этим пароходом, зато есть другие известные лица: Н. М. Соколов, К. М. Миховский, М. С. Миклашевский, Г. Г. Бек, полковник Андреев, прапорщик Воинский, А. Н. Татаровский, капитан дальнего плавания Р. Я. Салатко-Петрице, священник Л. Я. Яковлев. Список из тридцати человек замыкают гласные Думы Е. Ф. Одынец и В. И. Артюхин, избранный депутатом Народного собрания.

Неделю спустя в «Камчатском листке» появилось сообщение: «Гг. офицеры и солдаты СЭО, уехавшие на пароходе “Охотск”, за отсутствием свободного времени не имея возможности проститься с петропавловчанами, приносят извинения и заочно благодарят всех друзей, сослуживцев и знакомых, с пожеланием всего наилучшего и доброго здоровья».

А на другой день после ухода «Охотска» та же газета писала, обращаясь к землякам: «Коммунисты опять начинают стравливать мирных жителей Камчатки и вовлекать их в братоубийственную борьбу. Господам Фрумкиным-Славским, Мусориным терять нечего, они исчезнут, а вот мирное население поплатится. В итоге может получиться, что плодами воспользуется кто-то третий.

Граждане Камчатки, одумайтесь, не поддавайтесь на провокации, подумайте, к какой опасности ведут Вас эти господа. Не поддавайтесь на удочку красивых фраз и обещаний. Живите тихо и спокойно. На ход мировой истории влиять мы не можем, никаких нам партий на Камчатке не нужно, они ни к чему».

По времени это обращение совпало с достигшим адресата ультиматумом красных партизан.

В ОЖИДАНИИ КРОВИ

30 апреля Х. П. Бирич, генерал Н. А. Поляков, Ч. К. Щипчинский и Е. А. Колмаков направили Завойкинскому, Паратунскому и Ключевскому управлениям отношение № 2087: «29 апреля с. г. представители Паратунской волости Яковлев и Ключевской — Попов, бывшие делегатами на незаконном чрезвычайном съезде, созванном революционным комитетом, явились в Петропавловск с председателем этого съезда Рябиковым и принесли постановление этого съезда, которое гласит, что если Представитель Приамурского Правительства не выедет со своим отрядом из Петропавловска, то самозванный революционный комитет нападет на город и возьмет город с бою.

Делегаты незаконного съезда, представители местного населения Яковлев и Попов заявили всем нам, что они заведены в заблуждение коммунистами-большевиками, добывающимися власти над коренным населением, чтобы грабить богатства, находящиеся на Камчатке.

Не желая принимать никаких репрессивных мер к представителям местного населения, введенным в заблуждение и не желающим кровопролития», — говорилось в документе, а также принимая во внимание, что особоуполномоченный послан на Камчатку правительством для охраны интересов, имущества и жизни местного населения, он разрешил Попову и Яковлеву выехать из Петропавловска, а «коммуниста Рябикова» (белые почему-то считали его коммунистом, хотя тот им не был) будет содержать под строгим арестом «как вредного человека, призывающего вас, коренных жителей, к кровопролитию», и заложника за полковника Лукомского «и на случай вооруженного выступления большевиков против Правительства».

На следующий день, 1 мая, городской голова Е. А. Колмаков ответил на письмо кандидата к гласным Четвертой Петропавловской Думы А. Д. Брагина о судьбе его сына, задержанного военными по подозрению «в подвозке продуктов отряду красных». Городской голова писал по поручению Бирича и Полякова, что молодой Брагин будет доставлен к отцу в Налычево на пароходе «Свирь», когда выяснится «степень вашей виновности и вашего сына... Артюхин и я видали вашего сына и разговаривали с ним».

23 апреля 1961 г. «Камчатский комсомолец» напечатал песню директора Корякского окружного Дома народного творчества, сопроводив ее предисловием: «Зимой 1921 г. в Петропавловске бандой белых был схвачен шестнадцатилетний разведчик. Никакие пытки не могли сломить красного бойца. Белобандиты замучили Самуила, а затем, изрубив, бросили в Авачинскую бухту». Далее следовал текст песни:

*Дни суровые —
Двадцать первый год.
Алым цветом зарева
Красит небосвод.*

*Ночью на разведку
В город уходил
Юный партизан
Брагин Самуил.
Даль туманная,
Петропавловск спит.
Тишина обманная —
Враг за нею скрыт.
В сонных переулках
Рыщет волчий взгляд;
Юноша заметил —
Нет пути назад.
Пыткой страшною
Не сломить бойца.
За страну Советскую
Голову сложил
Юный партизан
Брагин Самуил.*

Что вдохновило автора на такую песню? По-видимому, двухстраничное воспоминание повара партизанского отряда Василия Дорофеевича Зорина, помещенное в брошюре «Молодость боевая», которая вышла в Петропавловске к сорокалетию ВЛКСМ в 1958 г.

«Продукты для отряда, — пишет Зорин, — приходилось доставать с трудом. Готовить пищу приходилось и во время боя, когда над головой свистели пули (за все время партизанства между красными и белыми произошло два боя: 1 июня около Петропавловска и в конце июля в Паратунке; ни в том, ни в другом В. Д. Зорин не участвовал. — В. П.). Зачастую я держал в одной руке половник, а в другой винтовку. Помимо своей поварской работы, я охранял партизанские склады.

Зимой 1921 г. наш партизанский отряд находился в Жупаново, а база наша была в Налычево. Из-за отдаленности базы у нас сложились тяжелые условия с продовольствием, не было медикаментов, да и с боеприпасами было туго. Чтобы достать медикаменты и самое необходимое для отряда, нужно было связаться с женой нашего партизана Лукашевского, которая жила в Петропавловске. Но в Петропавловске свирепствовали тогда белобандиты, возглавляемые атаманом Биричем, поэтому связаться с ней было трудно или, лучше сказать, почти невозможно. Решено было послать на связь самого юного нашего партизана Самуила Брагина, ему было всего шестнадцать лет».

До города, повествует партизанский повар, юноша добирался на собаках. В ту пору стояли жестокие морозы, он едва не замерз. Ехал Брагин несколько дней, стойко перенося трудности. Но выполнить задание не смог — «какой-то провокатор выдал его белобандитам».

По рассказу В. Д. Зорина, юного партизана схватили и доставили к Биричу, который, как известно, никаким атаманом не был, а был главой гражданской администрации Приамурского правительства. Бирич расспрашивал «о расположении, численности партизанского отряда и все, что знает о партизанах. Однако Самуил молчал. Тогда началось самое страшное. Руку молодого партизана окунули в керосин и подожгли. Самуил смотрел, как на его охваченной пламенем руке трескалась кожа. Из покусанных от нестерпимой боли губ сочилась кровь. Ему дали неделю на раздумье, но партизан молчал. Потом снова пытки. На этот раз ему подожгли другую руку. Но и это не сломило молодого героя.

Тогда его потрескавшиеся и окровавленные руки начали обливать раствором крепкого тузука. От боли Самуил терял сознание. Это был юноша железной воли. В редкие часы, когда прекращались пытки, из его камеры слышались звуки партизанской песни. Самуил пел назло врагам.

Поняв, что их старания бесполезны, бандиты в бессильной ярости изрубили его тело на куски, и Авачинская бухта стала могилой юного героя».

Обо всем этом, по словам Зорина, поведал партизанам И. В. Рябиков, «который был уполномочен для переговоров с белогвардейцами... Ему удалось увидеть все это своими глазами». Правда, рассказчик не уточняет, каким образом парламентар передал виденное в стан красных, будучи сам под стражей.

Партизанский дневник И. Е. Ларина молчит о подвиге мученика. Нет его и в воспоминаниях П. Г. Ивашкина-Ларичева «Второй Чрезвычайный Петропавловский уездный съезд Камчатской области 12 апреля — 27 мая 1922 г.». Впрочем, говоря о пребывании красных в Налычево в двадцатых числах января 1922 г., Петр Глебович мимоходом замечает: «Все же в селении... вступили в наш партизанский отряд тт. Румянцев (не путать с секретарем Петропавловской Думы и управы. — В. П.), коренной житель Камчатки тов. Косыгин, и, как мне припоминается, вступил в отряд один или два сына Брагина».

...Отец Самуила Андрей Дмитриевич Брагин в 1931 г. был раскулачен и лишен избирательных прав, а на следующий год выслан Тройкой ОГПУ ДВК за пределы Дальневосточного края на три года. Свидетель по его делу, односельчанин и бывший красный партизан Андрей Иванович Кобцев показывал: Брагин-старший «смотрел на партизан как на разбойников, не хотел разговаривать. Однажды посылает своего сына в город, белые его арестовали. Гражданин Брагин стал принимать все гнусные меры освободить сына от белых. Однажды отправляется сам в г. Петропавловск, попадает на встречу разведки спросили, куда идет. “В город выручать сына”. — Вы читали постановление военно-рев. отряда? “Да читал”. Приступили к обыску нашли письмо в адрес городского головы Колмыкова и Артюхина.

Он пишет постарайтесь освободить моего сына я для вас открою всю подлость красных партизан Штаб красных партизан в с. Налычево. Тов. Славский (Савченко) заявляет гр. Брагину: тебе на старости лет надо поставить к березе расстрелять но жалея твоих детей (у Андрея Дмитриевича было их десять: шестеро своих и четверо приемышей. — *В. П.*) вернули обратно. Гр. Брагин во время интервентов имел тесную связь с японскими офицерами... в доме гр. Брагина ежедневно десятки офицеров пьянствовали. Гр. Брагин имел в то время 5 коров дойных, все молоко продавал японским офицерам, а детям городских не продал ни одной бутылки, так как у них не было иен, а у японцев были...»

А. Д. Брагин, указывалось в обвинительном заключении, не только не признал себя виновным в антисоветской агитации — выступал против коллективизации — но даже приписывал себе революционные заслуги в период партизанского движения. Из Усть-Камчатска прислали груз для партизан (муку, жиры, сахар, чай, мыло, мануфактуру), а он-де прятал его около трех месяцев на японском заводе Ничиро, а когда осенью 1922 г. японцы сказали забрать, то прибывшие партизаны забрали и спрятали «в погребках... в верстах десяти от озера».

«В моем ведении, — прибавлял А. Д. Брагин, — находилось и хранилось оружие и припасы партизан, которые выдавались по требованию штаба. Человек шесть пленных городских жителей, которые попадались партизанам, содержались под стражей, чтобы не могли донести белым о партизанах... эти пленные сами встали в ряды партизан, оформление... их в партизаны проходило через меня... Приходилось у японцев на заводе доставать медикаменты для партизан».

На допросе 5 мая 1932 г. А. Д. Брагин сообщил: «Сын мой Самуил был пойман белыми, шесть месяцев сидел на пароходе “Свирь”, был освобожден осенью 1922 г. как малолеток, после этого он вступил в комсомол и был переведен в партию, в данное время учится во Владивостоке в Рыбвтузе».

Василий Дорофеевич Зорин, проходящий свидетелем по делу Брагина-старшего, о Самуиле не вспоминает. О самом Андрее Дмитриевиче говорит, давая показания в качестве председателя Налычевского колхоза: «Старался уменьшить хозяйство (свое, индивидуальное. — *В. П.*), скот больше чем наполовину... в найме чужих рабочих не содержали... Посевную кампанию не выполнял, то есть расширение посевных площадей не производил...»

Впрочем, о том, что Самуил Брагин оказался жив и невредим, я узнал за несколько лет до того, как раскрыл дело его отца. В комсомольских фондах ЦДНИКО он встречался мне неоднократно. В характеристике на него, члена РЛКСМ (родился в 1906 г.), караульного губернского финотдела, не имеющего основной профессии, значится: «Честен, неподкупен. Обязанности выполняет вполне добросовестно».

Попадается фамилия Самуила Брагина и в одном из партийных фондов. На 30 февраля 1928 г. он — помощник карантинного смотрителя районной таможни в Петропавловске. Товарищи по комсомольской ячейке знали его как активиста по комсомолу, но еще мало подготовленного, идеологически вполне устойчивого, партийно выдержанного, с партшколой за плечами. Партсобрания он посещал регулярно, взносы платил. В протоколе тройки по проверке кандидатского состава городских ячеек ВКП(б) от 10 сентября 1928 г. записано: «Участвовал в 1922 г. в партизанском движении — был арестован белыми, в Красной армии не служил».

Для меня этот парень воскрес, когда я ознакомился с докладом секретаря горрайкома РКСМ Аристовой о поездке в Налычево. Доклад датирован 22 июля 1924 г. Самуил входил в тамошнюю комсомольскую ячейку, состоящую из четырех человек (две девушки и столько же ребят).

Как относились налычевцы к советской власти в период противостояния белых и красных? П. Г. Ивашкин-Ларичев пишет, что на второй день после вступления партизан в Налычево общее сельское собрание приняло «очень осторожное решение». В нем указывалось: «Признать власть только народа, каковая существует в Камчатской области». О помощи партизанскому отряду, о вступлении в его ряды жители села Налычево ни словом не обмолвились.

...3 мая 1922 г. партизанские парламентарии Е. И. Попов и Г. П. Яковлев возвратились в Завойко и выступили перед делегатами Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда с информацией об обстоятельствах их ареста белыми, передав вожакам красных в качестве ответа на ультиматум отношении № 2087. В тот же день съезд откомандировал П. Г. Ивашкина-Ларичева в ставку партизанского отряда в районе Крутоберегова для выпуска газеты «Известия облнарревкома» на пишущей машинке «Корона». 5 мая Бирич телеграфирует во Владивосток: «Положение Петропавловска в серьезной опасности. Посылка отряда в окрестности в незначительном составе беспечна. Большевики мобилизуют силой население сел. Послана ли помощь отряду?»

Тем временем, готовится к отплытию пароход на Командоры за проданной фирме «Нихон-Моохи» пушниной. От японцев получен задаток — десять тысяч деньгами и на двадцать — товарами. Часть этого товара предназначена жителям Командорских островов. Х. П. Бирич образует комиссию по освидетельствованию отправляемого туда груза. На Командоры посылаются заведующий училищами области П. Я. Сусяк, исправляющий дела помощника контролера М. Я. Марамзин и бухгалтер канцелярии особоуполномоченного М. Ф. Орлов.

Год спустя в штаб красного экспедиционного отряда М. П. Вольского поступила информация, что В. И. Бочкарев сдал весной 1922 г. на шхуну американца Свенсона «Мазатлан» пушнину: гижигинскую на двести тысяч рублей

золотом, ольскую — на пятьдесят тысяч. «Погашение продуктов получил тридцать тысяч на двести двадцать тысяч, получил от фирмы Свенсона долговой документ с обязательством выплатить золотом Америке... Эта фирма снабдила его оружием, семьдесят пять винчестеров тридцатого калибра, пятьдесят револьверов, автоматическое оружие в достаточном количестве». Установить источник этой информации, а также ее достоверность нам не удалось.

8 мая 1922 г. Х. П. Бирич издает два приказа: о замещении П. Я. Суслыка П. Т. Новограбленовым и выдаче содержания временно исполняющим обязанности учителей в начальных училищах.

10 мая от имени Второго чрезвычайного съезда была дана телеграмма председателю Усть-Камчатского волревкома и начальнику боевой дружины об аресте зятя Бирича Н. К. Хартлинга (в ответ на задержание Рябикова), но тот успел выехать из селения на японском рыболовном судне, — вспоминал впоследствии П. Г. Ивашкин-Ларичев.

11 мая 1922 г. Бирич направил на имя генерала Полякова бумагу следующего содержания: «Ввиду непосредственной концентрации большевистских банд в ближайших окрестностях г. Петропавловска и незначительности наших воинских сил в городе (порядка ста отрядников. — *В. П.*) для защиты от могущих быть внезапных нападений шаек на город, в дальние командировки отдельных частей из наличного воинского состава разрешить не могу, и посылку посыльного судна “Свирь” с значительным отрядом в глухие и в настоящее время безлюдные места в расстоянии от ста до ста двадцати миль считаю абсолютно бесполезной и для остающихся частей и для города опасной.

Ваше заявление об официальном освобождении Вас от занимаемой должности начальника военного района в данное время принять не могу, так как в Петропавловске нет, кроме Вашего Превосходительства, достаточно авторитетного офицера, который бы своим авторитетом мог внушить достаточную подчиненность командованию со стороны воинских чинов.

Резолюция моя о недопуске воинских чинов к борту “Свири” имела в виду только отмену Вашего распоряжения, отнюдь же не имела в виду недопуск на “Свирь” лично Вас. Наоборот, мною дано приказание командиру допускать Вас и начальника Вашего штаба во всякое время дня и ночи для личного осмотра готовности “Свири” к боевым операциям.

Ввиду этого прошу Ваше Превосходительство известить меня о Ваших намерениях в дальнейшем для сообщения немедленно Правительству.

Имейте в виду, Ваше Превосходительство, что положение наше до прибытия из Владивостока помощи серьезное, и за опрометчивые действия мы все отвечаем по всей строгости законов перед Правительством и перед Родиной, которая ждет нашей объединенной помощи.

В тяжелую минуту, переживаемую Камчаткой, я прошу Ваше Превосходительство не оставлять столь ответственного поста и отдать все свои знания, опыт и энергию для предотвращения грозящей Камчатке опасности».

Особоуполномоченный уверяет генерала Полякова (и дает честное слово), что примет все зависящее от него, чтобы Приамурское правительство было снисходительно ко всем его действиям, «носившим иногда характер незаконности в силу подчинения... Бочкареву». Однако Х. П. Бирич делает существенную оговорку: нравственное и юридическое право ходатайствовать об этом он будет иметь лишь в том случае, если будет убежден в искреннем подчинении генерала правительству и ему, Биричу, «как его представителю, исполняющему безотступно правительственные предначертания».

В тот же день, 11 мая 1922 г., Бирич получил ответ: «Милостивый государь Хрисанф Платонович. Будучи назначенным Вашим приказом на должность начальника военного района и согласно Вашего ответа на мой доклад, сделанный Вам 6 мая сего, считал, что я являюсь полным и законным распорядителем всех вооруженных сил вверенного мне района, и мои приказания, как начальника его, не могут быть никем контролируемы и отменяемы впредь до закончания операций против красных или же ранее этого вместе с отчислением меня, как начальника, от должности по несоответствию или же вследствие измены интересам Верховной власти.

До сих пор большевики в Петропавловском военном районе не ликвидируются, но, напротив, силы их ежедневно усиливаются. При создавшейся обстановке я признаюсь Вами достойным и авторитетным офицером для руководства обороной города и защиты интересов правительства. Да и вся моя прежняя служба в армии Его Императорского Величества и в рядах Войска, ведомого Атаманом Дутовым, не может говорить противное.

Если мои чисто политические взгляды и все мои действия сводились исключительно к служению моему будущему Монарху, чего я ни перед кем и никогда не скрывал, то я за это моим прямым начальством с занимаемого поста не смещался. А по сему отмену моих приказаний оперативного характера я считаю только Вашим недоверием ко мне, как к ярому стороннику бывшего сподвижника Атамана Калмыкова — Полковника Бочкарева, которого Вы, Ваше Превосходительство, по неизвестным мне мотивам считаете противником Временного Приамурского правительства, возглавляемого достойными сынами России братьями Спиридоном и Николаем Меркуловыми, политические убеждения которых вряд ли разнятся с убеждениями полковника Бочкарева, моими и всего нашего отряда, а также с их великим предком Мининым».

Как видно из письма генерала, разногласия, возникшие в 1921 г. между военными и гражданской администрацией области, так и остались непреодоленными, разве что утратили остроту, однако являлись большим препятствием в совместной борьбе с красными.

«Если Вы считаете невозможным отчислить меня с занимаемой должности, и, кроме того, ссылаетесь на мой военный авторитет, — говорится

в письме Полякова особоуполномоченному, — то полагаю необходимым предоставление мне полной свободы действий, как начальнику района, как это всегда было в тяжелые минуты войны.

Положение создалось такое, что без серьезного риска, при наличии наших незначительных сил и до прихода подкрепления, по моему глубокому убеждению, ликвидировать большевиков нельзя, и иного плана, кроме намеченного мною нападения на их тыл и базы, изобрести не могу. В противном случае остается последнее — идти и бить красных в лоб. Но это положение крайнее и вынужденное, и успех его весьма сомнителен, причем неизбежно должно пролиться много крови, за которую я нравственно буду отвечать, если сам уцелею, а этого ответа я только одного страшусь».

Заканчивает свое письмо генерал словами: «В эту, столь трудную и тяжелую минуту каждого из нас прошу снять маски и посмотреть грядущей опасности в глаза прямо, будучи готовыми дать ответ совести, Родине и Правительству. С совершенным почтением Н. Поляков».

В 1922 г. переписка Бирича с Поляковым уже не проходила через Зорину, одно время служившую у генерала. В 1921 г., в семнадцать лет, Зорина окончила четырехклассное Петропавловское высшее начальное училище, где преподавал П. Т. Новограбленов, и, никуда не пристроясь, помогая родителям по хозяйству дома, между делом стала осваивать на радиостанции пишущую машинку.

Осенью того же года, когда город заняли белые, она поступила на службу к генералу, «чтобы помочь отцу, который... получал ничтожное жалование», но через два месяца была уволена по неизвестной ей причине. Чуть больше — три месяца — прослужила в военной милиции. Перед уходом Русской армии из Петропавловска Зорина работала на телеграфной станции.

Полагая, что с биографией у ней все в порядке (из крестьян, семья бедная, многодетная: четыре сестры и три брата), девушка в июле 1923 г. вступила в кандидаты РКСМ, но не продержалась и года.

10 мая 1924 г. заседала комиссия губбюро РКП(б) по чистке личного состава Петропавловской городской организации РКСМ (председатель — бывший партизанский руководитель И. Е. Ларин, члены: начальник губотдела ОГПУ И. Ломбак и завагитпропом губбюро В. Глуховецкий, технический секретарь Домман). Зориной «чистильщики» задали тринадцать вопросов, девять из них относились к периоду, когда Камчатка находилась под юрисдикцией Приамурского правительства.

— Ваше отношение к белым? «Сперва безразличное, затем отрицательное».

— Вы близкое с ними знакомство имели? «Нет. Я была лишь личной машинисткой генерала Полякова».

— Характер вашей работы у Полякова? «Личная переписка, обращения к населению, переписка с Биричем, состояние края и т. д.».

— Как вы числились по приказу? «Приказы не велись. Получала лично от него двадцать пять рублей и паек».

— Ваше отношение с Биричем? «Не имела никакой связи».

— Что побудило убежать на маяк от партизан? «К Яковлеву — служащему».

— До прихода красных вы где были? «На маяке».

— Что побудило уехать с материка? «Я уехала к родным в гости. Гостила летом в двадцать втором году, служила в военной милиции».

— Кто был Поярков? «Я его знала — это был начальник контрразведки».

— На вечерах, банкетах у белых вы были? «Была».

— В драмкружке при белых работали? «Да, я была в драмкружке».

— В дамском по сбору на нужды солдат белой армии кружке вы не были? «Нет, не была».

Комиссия по чистке учла строгий выговор, недавно объявленный машинистке «за саботаж в январе месяце, при проведении Компасхи пришла только к началу, не принимала абсолютно никакого участия и на предложение помочь в буфете категорически отказалась. Пропустила шесть политзанятий, не подавала соответствующих заявлений, не участвовала в карнавале, кроме того, несмотря на предупреждение члена горкома оставить игру в лото 3 мая, игру продолжила».

Зорина была «вычищена» и превратилась из Конституции в Параскеву, каковой значилась в метриках. Вчерашние же ее товарищи по комсомолу продолжали именоваться распространенными среди коммунистической молодежи кличками: чекист Александр Домман — Интернационалом, дочь известного в Петропавловске содержателя (в 1912—1913 гг.) публичного дома Мария Немова — Идеей... В набор комсомольских имен входили Трибунал, Свобода, Безбожник. Справедливости ради следует отметить, что не все поддались модному поветрию. Партизанский помощник Стюас, к примеру, так и остался Мишей.

Ответ Н. А. Полякова от 11 мая за № 312 удовлетворил Х. П. Бирича. Тем не менее, он попросил генерала ставить его в известность обо всех своих оперативных распоряжениях заранее, чтобы совместно обсудить возможность осуществления предполагаемых мер и проводить в жизнь все приказания по Петропавловскому военному району только по соглашению с особоуполномоченным. Бирич напоминает генералу: цель одна «и шероховатости по пути не могут служить причиной уклонения от основной идеи из-за личных недоразумений».

Х. П. Бирич был убежден, что на текущий момент боевых сил у белых хватает лишь на охрану штаба и населения города и их распыление — дело опасное. Он обращал внимание Полякова на то, какое впечатление могут произвести «на всех» значительные потери военных при невыполнении намеченных задач и «какой моральный подъем получают предводители шаяк

(красных партизан. — *В. П.*), а как отразится это в селах, и занятых, и не занятых большевиками, то трудно даже предугадать». И — наоборот: предводителям этих самых шаек и большой урон не нанесет особого вреда, так как им «нечего терять».

О 12 мая 1922 г. П. Г. Ивашкин-Ларичев вспоминал: Ларину стало известно, что «из Петропавловска вышло военное судно белобандитов “Взрыватель” на Командорские острова, на котором находился представитель японской фирмы “Нихон-Моохи”, которой меркуловское “правительство” запрдало командорскую пушнину... На нем находилось незначительное количество вооруженных поляковцев, всего восемь человек. От имени облнарревкома Ларин обратился к фирме Свенсона с предложением по примеру 1921 г. закупить командорскую пушнину в обмен на продовольствие для населения островов. Свенсон не отозвался».

14 мая 1922 г. «Камчатский листок», выходявший в Петропавловске, напечатал редакционную статью, посвященную красным партизанам и их вожакам. Она начиналась так: «Полуостров Камчатка — единственный уголок Российского государства, где большевикам не пришлось еще удовлетворить свой дьявольский аппетит на человеческую кровь. Правда, расстреляли (в 1920 г. — *В. П.*) трех юношей-офицеров поздней ночью в тюрьме, да двух казаков, спокойно дремавших на саях, убили из-за кустов. Но и только. Всего пять человек» (об убийстве полковника Лукомского в городе еще не знали).

«Смерть врагам трудового народа», — истерически выкрикивают большевики в своих воззваниях, распространяемых, как подчеркивала газета, среди удивленных камчадалов. «И есть чему удивляться. Все работают, трудятся, кто как умеет, а товарищи, обворовавши в Петропавловске казенный сундучок, забравши денежки, вырученные на аукционе от продажи вещей покойного Лисового, обобравши соболей у охотников и торговцев, прошлявшись всю зиму по тайге, ничего не делая, а лишь беспокоя население, решили, что они — друзья трудового народа, а кто думает, что это не так, тот враг трудового народа».

И под категорию врагов... подводятся врачи, учителя, почтовые чиновники, охотники и рыбаки, работающие, но не пропивающие заработанного, слесаря и сапожники, и другие ремесленники, то есть все те, кто действительно работает, трудится, но бережливо обращается с добытой трудом копеечкой и поэтому кое-что имеет про черный день.

Эх, вы, друзья трудового народа! Почему же вы не захотели выслушать, что скажет вам самый настоящий трудовой народ, собравшийся в Мильково? Почему вы не прислушаетесь к голосу того трудового народа в Аваче, в Завойко и в других селениях, где вы сейчас и едите, и пьете, и даже пытаетесь насиловать несовершеннолетних девушек? Или вы думаете, что пьяница

и прошельга М. Попов, бродяга Бурнатов, тигильский грабитель Рябиков и им подобные выявляют волю и пожелания народа?»

«Разговор» через газету со своими политическими противниками белая власть вела довольно регулярно, зная (или догадываясь), что «Камчатский листок» попадает в стан красных. На то была рассчитана и публикация от 14 мая 1922 г. И все же писались такие материалы, главным образом, для населения.

«Конечно, — говорилось в статье, — вы видите, в чем дело, и понимаете, где правда, но действуете так, как вам выгодно. И из-за своих личных выгод, ровно ничего общего не имеющих с выгодами настоящего трудового народа, вы начинаете войну, хотя напиться человеческой крови, которой вы пока еще мало выпили. Что же, пробуйте, пейте, не забудьте также, что детская кровь свежее и вкуснее крови взрослых... Но спешите: торопитесь. Пускайте в ход оружие, взятое вами для убийства человека, для пролития русской крови... острите ножи, набивайте патроны и идите на город, где много взрослых и детей... Устраивайте кровавую баню. Кстати, может быть, иностранцы попарятся русским паром».

«Но не забывайте, — предостерегала газета, — что близок час, когда чаша терпения переполнится».

Как видно, гражданская и военная администрация сильно преувеличивали численность красных партизан. То же самое можно сказать и о местном самоуправлении, судя по телеграмме, отправленной во Владивосток городским головой Е. А. Колмаковым депутату Народного собрания от Камчатки В. И. Артюхину: «Петропавловск не в безопасности. Сообщите результат вашего доклада председателю правительства». Телеграмма датирована 14 мая 1922 г.

А 15 мая Н. А. Поляков проинформировал Х. П. Бирича о нижеследующем: «Ввиду того, что мои обязанности и права, как начальника военного района, точно регламентированные Положением о полевом управлении войск и книгой XXIV Свода военных постановлений изменяются и ограничиваются, а также все мои приказы, даже оперативного характера, систематически не исполняются или затягиваются не только чинами Петропавловской местной команды военной милиции, но даже моим начальником штаба есаулом Чешкиным, реагировать же должным образом согласно статье 5 Устава дисциплинарного ввиду создавшегося тягчайшего политического положения я, как начальник, не имею возможности, то считаю, что моя должность начальника Петропавловского военного района впредь до назначения моего заместителя является только фиктивной...»

На этом переписка Никиты Андреевича с Хрисанфом Платоновичем, по всей видимости, завершилась. 25 мая 1922 г. Поляков говорил по телеграфу с Бочкаревым.

«Здравствуйте, дорогой Валериан. Свенсон согласился нас перевезти к тебе при условии согласия на то Бирича, дабы не нарушить международных законов, но Бирич мне отказал, мотивируя это приказанием Меркулова оставаться сотне в Петропавловске, и сам Бирич признает присутствие сотни необходимым для охраны города. По частным сведениям, из Владивостока 22-го вышел “Томск” с заходом в Петропавловск и далее по восточному берегу. Сведений от Бека и других нет. Свенсон интересуется наяханскими льдами. Пока, всего хорошего».

27 мая генерала Н. А. Полякова, уволенного по болезни в отпуск на четыре месяца, заменил подполковник В. В. Кузнецов, ставший временно исполняющим обязанности начальника Петропавловского военного района.

За несколько дней до этого (а точнее 23 мая 1922 г.) партизаны направили Х. П. Биричу второй по счету ультиматум, текст которого приняли на объединенном заседании члены облнарревкома и Военного совета: если немедленно, в суточный срок, не освободят Рябикова «и прочих граждан города, арестованных по их политическим убеждениям», то «съезд разрешает военному штабу партизанского отряда открыть военные действия», а за жизнь Рябикова будут отвечать своей жизнью лица, подписавшие 30 апреля 1922 г. отношение № 2087 и разославшие его Завойкинскому, Паратунскому и Ключевскому волостным комитетам.

Накануне, 22 мая, Второй чрезвычайный Петропавловский съезд объявил гласных городской Думы врагами трудового народа «с преданием суду революционного трибунала».

ДЕЛАЯ ГОРОДУ ТЕРРОР...

26 мая 1922 г. в Петропавловске отмечалась годовщина прихода к власти Приамурского правительства. Х. П. Бирич приказал не проводить занятия в казенных учреждениях и школах. В поздравлении, направленном им и председателем Думы Ч. К. Щипчинским на имя председателя правительства Спиридоном Денисовичем Меркуловым, содержалось пожелание «довести до благополучного конца начатое великое русское дело». В Петропавловском соборе был отслужен молебен.

Ровно за год до этого, по свидетельству очевидцев, во Владивостоке, «словно в день Воскресения Христова, люди поздравляли друг друга с воскресением русской национальной власти, а поливший после ухода коммунистов тихий дождь омыл всю грязь и всю пролитую ими кровь... Горсточка капителей выгоняли целые полчища красных из Приморья. И госполитохраны (местные чекисты. — В. П.) не могли устоять против бородатых богатырей, которые без оружия в руках... полуголодные освобождали от коммунистов города и села».

В тот день, по словам участника событий, народ увидел, что есть еще кому постоять за русскую веру, Отечество. Но, подводя итоги четырехлетнего владычества коммунистов, народ увидел и другое — что он «очутился над... пропастью, к которой довели эти осатаневшие изверги рода человеческого. Он увидел убитых в госполитохране и горько оплакивал невинно замученных в ее подземельях.

И как стало светло на душе, когда исчезли эти, пропитанные кровью, красные флаги, когда кончились бесконечные обыски и аресты, когда, не боясь захвата в застенки, мог свободно пройти по улице и мог всем, не боясь расстрела, говорить, что ты Русский».

На заключительном заседании 27 мая 1922 г. Второй чрезвычайный съезд утвердил Наказ облнарревкому из двадцати двух пунктов. Первый предусматривал изгнание с территории области воинских подразделений Приамурского правительства. Второй вменял в обязанность ревкому увеличить партизанские отряды за счет добровольцев и содержать их за счет единовременного налога на торгующих.

В шестом пункте Наказа назывались источники, которые следует использовать при изыскании средств на нужды самого облнарревкома: прогрессивный подоходный налог; «обложить скупаемое коммерсантами, торговыми фирмами и кооперативами пушнину и всякое сырье особым налогом в размере десяти процентов стоимости на рынке валютой или натурой»; попенные и другие государственные сборы; попудная плата с вывозимых из области рыбных продуктов, как морских, так и речных рыбалок, включая концессионные воды...

Седьмой пункт гласил: «Принимая во внимание тяжелое финансовое положение вообще, крайнюю нужду в средствах областного Нар. Рев. Комитета, а также дабы все налоги и сборы своевременно поступали в кассу облнарревкома, издать постановление по вопросу этому, указав в нем ответственность волкомов и селкомов за несвоевременное предоставление налогов и халатное отношение к этому».

Не забыт был и политический сыск. О нем говорилось в пункте № 10. «Организовать и поставить на должную высоту Политическую Государственную охрану на основании законоположений Д.В.Р. (Дальневосточной республики. — *В. П.*), по получении же таковых от Совроссии преобразовать в Ч.К.».

И. Е. Ларин, заместитель председателя съезда, обращаясь к его участникам, сказал: «Заканчивая работу настоящего съезда, мы с горечью должны вспомнить о том, что среди нас нет дорогого товарища Иллариона Васильевича Рябикова, избранного нами в председатели...»

Арест Рябикова исключительно неблагоприятно отразился на настроении делегатов, пишет в своих воспоминаниях П. Г. Ивашкин-Ларичев. Они

«болезненно переживали», так как, несмотря «на короткое время общения с ним, успели все полюбить и оценить».

«Среди делегатов съезда, — продолжает Петр Глебович, — уже не было того подъема духа и даже той сплоченности, какая наблюдалась до ареста тов. Рябикова. Конечно, этому способствовало еще и то, что делегаты квартировали в различных семьях самого контрреволюционно настроенного села Завойко, где единомышленники Шкляева, Машихина, Чернышева использовали все свое старание для того, чтобы внести расстройство в ряды участников съезда, использовать в этом действии меркуловских ставленников, которые, мол, против коренного населения Камчатки вражды не проявляют... а ведут борьбу только против большевиков. В общем, старались тихой сапой сорвать работу Чрезвычайного съезда. Добиться им этого, конечно, не удалось, но такая агитация в домах, где квартировали делегаты съезда, общение делегатов съезда с жителями села Завойко, враждебно настроенных против обларревкома, в известной степени оказала влияние на психологию некоторых делегатов съезда.

Это, например, сказалось на заседании съезда 23 мая, когда на голосование делегатов был предложен тов. Лариным ультиматум Биричу с требованием в течение суток освободить из-под ареста т. Рябикова, и в котором говорилось, что в случае неосвобождения... съезд разрешает штабу партизанского отряда начать против белобандитов военные действия. Когда на голосование был поставлен этот вопрос, то четыре делегата съезда... воздержались, объясняя это тем, что они против кровопролития, в то время как в селе Мильково в принятой съездом резолюции по текущему моменту разрешалось обларревкому открыть против белобандитов военные действия, и голосовали за это все делегаты единогласно, воздержавшихся не было».

Были у вожаков партизан и практические проблемы. Выделяя жителей Налычевской волости («сознательнее других граждан»), начальник штаба военно-революционных отрядов М. Савченко-Славский писал командиру 4-го отряда А. Пересыпкину, что налычевцы «должны сами решить, кто из них должен уйти на работы по побережью, а кто должен остаться на постах Революции... Если население допустит до того, что отряд останется менее указанного количества (15 чел. — *В. П.*), то штаб отзовет тогда оставшихся товарищей из Халактырки совсем для совместной борьбы с находящимися здесь отрядами, так как посылать людей в Халактырку отсюда штаб не может.

Относительно граждан Воронова и Сусметова: эти граждане штабом в отряд не принимались и не утверждались, и они могут уходить, но пусть подадут Вам для передачи в штаб заявление о том, где они намерены жить и чем заниматься. При необходимости отобрать у этих граждан подписку о том, что они не будут вести никакой агитации и вообще работы против Нар.-Рев.

Власти... Миничев и Личкун должны быть высланы из населения на побережье, как решено ранее...»

В другом послании от 30 мая 1922 г. командир того же отряда Савченко-Славский и командующий всеми партизанскими силами Н. П. Фролов вновь поднимают этот вопрос. «Недопустимо не выполнять отдаваемых распоряжений: Личкуна и Миничева немедленно же отправить в одно из селений для работы, так будет поступлено и с остальными задержанными. После освобождения Рябикова и других арестованных Личкун и Миничев смогут идти, куда захотят — или в отряд, или домой, а в настоящих условиях оставлять их в отряде невыносимо».

Примерно в это же время в Петропавловске были получены сведения о действиях партизан: унесли «с дальнего маяка осветительные средства» и увели с собой заведующего маяком Шантина; «банда, находившаяся в Аваче, ушла по направлению Налычево».

31 мая Х. П. Бирич получил отношение Петропавловского самоуправления № 295 за подписями А. Колмакова, В. Румянцева, И. Новограбленова и Н. Цапова (исполнял обязанности секретаря, в сотрудничестве с белыми советской властью не обвинялся, впоследствии служил в Камчатском погранотряде. — В. П.), где речь шла о словесных заявлениях в органы городского самоуправления граждан областного центра об угрозах со стороны отрядов Облнарревкома, что было, по сути дела, ультиматумом всему городу.

Красные предупреждают: пока не выйдет на волю Рябиков, они продолжат вылавливать гласных думы и жителей города и не позволят им промышлять рыбу в б. Солеварня и других местах, заготавливать сено и дрова, выпасать скот на выгонах, по той якобы причине, говорится в отношении, что «Дума и жители не протестовали против ареста Рябикова».

Свои угрозы партизаны приводят в исполнение. В Солеварне ими взяты упомянутые выше гласный Думы Миничев и рыбак Личкун «и вообще своим появлением вблизи города они деморализуют население... и не дают возможности жителям ни выйти, ни выехать из города».

Находя такое положение вещей крайне тяжелым для обитателей Петропавловска, городское самоуправление просит Х. П. Бирича «сделать распоряжение об освобождении гр. Рябикова с тем, чтобы в дальнейшем отряд никого ни из гласных и жителей не задерживал и не мешал им заниматься своим трудом».

Уместно отметить, что если простые горожане терроризировались, так сказать, неофициально, то думцы — «на законом основании»: как говорилось ранее, 22 мая Второй Чрезвычайный съезд объявил их врагами трудового народа «с приданием суду революционного трибунала».

П. Г. Ивашкин-Ларичев вспоминал: ультиматум съезда по поводу И. В. Рябикова был передан для вручения Думе и японскому консулу И. Ф. Голова-

новым, тайно помогавшим красным партизанам. Этот факт подтверждается в срочном донесении ОНРК командующего отрядами Н. П. Фролова, которое датировано 3 июня и включено в сборник документов и материалов «За власть Советов (из истории борьбы за установление Советской власти в Камчатской области) 1920—1922 гг.».

«31 мая с. г. мною передан протест уездного съезда Биричу через заведующего сельскохозяйственной фермой Голованова... 2 июня на ферму командирован 3-й отряд для получения ответа. Отряд прибыл вечером. Все сильно промокли от дождя и устали. Решили остаться на ферме ночевать, расположившись в помещениях. Противник, узнав о пребывании на ферме отряда и воспользовавшись сильным туманом, подошел к ферме в пять часов незамеченным на расстояние двадцать шагов. Наш сторожевой пост в количестве шести человек, заметив подошедших, открыл по неприятелю стрельбу.

Остальные были застигнуты спящими, и под обстрелом противника пришлось выходить из помещений; благодаря лишь энергичному сопротивлению нашего сторожевого поста удалось выйти из дома благополучно и занять более удобную позицию. Стрелять отряду по зданию было не приказано, иначе могли бы пострадать служащие фермы, где было много детей.

Спустя три-четыре часа 3-й отряд, заняв более удобную позицию, открыл огонь по подошедшему к банде подкреплению. Противник бежал по направлению Мишенной сопки, оставив ферму. Во время первой и второй перестрелки с нашей стороны героически пали жертвами стоящие на боевом посту товарищи Бохняк, Тушканов Леонид, Войцешек и легко раненый Давыдов, которого бандиты пристрелили. Белые потеряли четырех убитыми и одного раненого...»

Данной интерпретации боя на ферме десятилетиями придерживались (порой несколько «раскрашивая» ее — Давыдова белые, мол, закололи штыками) как историки, так и журналисты. Некоторые из них, конечно, знали о существовании еще одного документа, написанного рукой того же Фролова в тот же день — 3 июня 1922 г. Но на него не ссылались по вполне понятным причинам. Адресован он был председателю областного комитета И. Е. Ларину, назывался «военной сводкой». Вот его текст:

«Настоящим сообщая, согласно постановления ревштаба отряды 1 июня выступили к городу, прибыли в восемь часов на ферму, где застали командира 4-го отряда т. Пересыпкина с одиннадцатью отрядниками на вопрос почему ты здесь, а не как тебе приказал штаб, Пересыпкин ответил для такой операции я должен быть лично и узнать условные сигналы чтобы свои своих не постреляли.

Тогда было решено сделать общий план на завтра и на ферме разбили по отрядам и заняли три помещения, выставив часовых и дежурных по отрядам. Привезли телефон и поставили на ферме.

На рассвете Неприятель воспользовавшись сильным туманом подошел к ферме на близкое расстояние цепью, Наши часовые и дежурный по отрядам хотя и видели ихнюю разведку но отнелись на это халатно и во время не разбудив все отряды сразу, только отряд который находился в бани рассыпался в цепь и открыл по приближающей неприятельской цепи огонь: остальные отряды выскочили из помещения во время стрельбы, командир 4-го отряда был своевременно предупрежден не смотря на это не разбудив свой отряд бросился бежать не захватив даже ружье и патроны, а также большинство членов отряда оказались трусы не смотря на крики и команды стой, ложись, не бегай, все же бегство продолжалось в паническом настроении, более смелые из наших отрядов делали несколько раз засаду Но нижелая стрелять по домам фермы, оттуда пьяные бандиты с превосходящим нас оружия с криком ура открыли ураганный огонь так что, трудно было выдержать сильный и смелый натиск противника.

Результат перестрелки, потеряв и неприбыли в отряд тов. Тушканов Леонид, Бохняк, Давыдов и Войцешек, точно незнаем может они попали в 4-й отряд с Пересыпкиным но есть предположение, что они убиты, потому что они увозили в город 8 человек, говорили пастуху 4 красных 4 наших После чего мы обстреляли их на ферме но нежелая разбивать дома выгнать их с фермы не удалось.

Тогда решили пойти... (далее неразборчиво. — *В. П.*) а для сбора всех членов отрядов куда и пришли... (неразборчиво. — *В. П.*) из 4-го отряда с тов. Чекмарева который при перестрелки прибыл на ферму.

Дальнейшие действия постановили выполнить первый план Штаба т. е. тов. Чекмарев с своими пошел в 4-й отряд который должен обстрелять часовых на радио и дня три не дав ей работать, а мы разбивши на отряды сегодня выступили к городу, делая терор городу выстрелами. Телефон на ферме оставлен, но мною сделано распоряжение ком. 4-го отр. снять на маяке и скорее прислать сюда по телефону было слышно посылал телеграмму Меркулову; Сообщаю потом шифр и подконец Надежды на успех не имею Х. Бирич;

Ввиду прибытия п/х Томск где может быть им есть подкрепление и поднятия духа у поляковцев, что они нас выгнали с фермы. То Комитету и др. товарищам находящимся в Завойко нужно быть осторожными чтобы не могли они прибыть туда по реке Авача и незастать в распах, хотя сегодня в Авачу послана разведка покажется что там есть наш караул, но всетаки комитету нужно быть осторожным, потому что река Авача нами не охраняется и охранять таковую очень трудно.

Сегодня в три часа выступаем к городу будем осторожны, а то мы до сего времени действовали все не осторожно. Но дух среди товарищей не пал и надеся что бандиты поплатятся за наших 4-х товарищей — более подробно передаст тов. Елисеев о дальнейших результатах буду сообщат немед-

ленно посылаю копию: думы и Бирича есть надежда, что Рябикова должны освободить».

4 июня 1922 г. штаб военно-революционных отрядов ОНРК в составе командующего Фролова, начальника Савченко-Славского и члена Чекмарева постановил: «Усматривая, что командир 4 рев. отряда т. Пересыпкин не исполнил боевого приказа, результатом чего вышло четыре жертвы с нашей стороны, а так же и то, что Пересыпкин бросился в бегство без оружия, оставив свой отряд на произвол судьбы и своим бегством произвел панику в других отрядах, Штаб Революционных Отрядов считает, что Пересыпкин умышленно не исполнил боевой приказ, а поэтому... Пересыпкина предать Военно-Революционному суду».

Потом передумали и решили избрать по делу Пересыпкина товарищеский суд. Из двенадцати кандидатур тайной баллотировкой в товарищеские судьи прошли пятеро: Кобцев, Бурнатов, Пересвет-Салтан, Морев и Елисеев. Выборы происходили на общем собрании 1-го ревотряда 26 июня 1922 г. Участие в голосовании принимали сорок три человека.

Состоялся товарищеский суд в спочных условиях или нет, неизвестно, однако после возвращения красных в Петропавловск и окончательного установления советской власти председатель Камчатского губревкома М. И. Савченко-Славский инициирует возбуждение уголовного дела против Пересыпкина на основании материалов, «обличающих его как тяжкого преступника». ГПУ арестовывает Пересыпкина и помещает в губернскую тюрьму. Неделю спустя, 31 марта 1923 г., по ходатайству Савченко-Славского начальник ГПУ Н. К. Глушков изменяет меру пресечения бывшему партизану. Пересыпкина выпускают под имущественное поручительство жителей Островного А. Кочкина и Г. Амосова — односельчан обвиняемого. А 9 апреля Глушков отказывается от ведения этого дела в связи с заявлением председателя губревкома, что «над следствием надо назначать еще следствие», которое тот сделал в присутствии Н. П. Фролова. Одновременно циркулируют слухи, будто начальник губернского отдела ГПУ стал собутыльником Пересыпкина...

Справка. Пересыпкин Александр Николаевич, 1893 года рождения, прибыл в Петропавловск из Владивостока в 1920 г. с «хвостом»: будто бы там в союзе грузчиков растратил сорок тысяч рублей «с каким-то своим товарищем, которого впоследствии грузчики поймали и закололи итыками», а ему «благодаря связям Совдепа» удалось скрыться, затем его отправили на Камчатку. Этот факт зарегистрировала Петропавловская Дума осенью 1920 г., так как А. Н. Пересыпкин являлся гласным, избранным 20 июня от Трудового союза рабочих и служащих и партии коммунистов-большевиков.

А поскольку он некоторое время в августе 1920 г., после перерегистрации, возглавлял (его сменил Савченко-Славский) Петропавловский уездный комитет

этой партии, коммунисты запросили Владивосток. Ответ в архивах не найден, однако в июне следующего года командир ишхуны «Чайка» А. О. Милютин, распротранявший компромат на Пересыпкина, принес ему публичные извинения через местную газету, объяснив свое поведение тем, что был введен в заблуждение людьми, заинтересованными в очернении его. Та же газета в 1921 г. публикует приказ № 22: «Заместитель начальника областной милиции Пересыпкин с 26 августа (за два месяца до ухода облнарревкома в сопки. — В. П.) за появление в общественном месте в нетрезвом виде отстраняется от должности без права получения защитного пособия». Приказ подписан заведующим административным отделом ОНРК Лариным и заведующим подотделом Фроловым.

... Уголовное дело Пересыпкина 1923 г. становится персональным члена партии. И в нем много документов, посвященных бою на ферме и так или иначе связанных с ним. Сам Пересыпкин в заявлении от 3 апреля на имя ответственного секретаря губбюро РКП(б) В. Кручины писал: «...когда я получил приказ от командующего отрядами т. Фролова чтобы обстрелять радиостанцию, на другой день я выступил с отрядом... И расположил отряд в лесу. Члены моего отряда наполовину были босыми и раздетыми кукулей у нас не было хлеба было очень мало не больше как $\frac{1}{2}$ фунта на человека... остальные отряды в том же приказе было, что остальные отряды во главе с командующим и штабом будут обстреливать город.

Я оставил отряд в скрытом месте взял с собою десять чиловек и пошел на ферму чтобы взять там хлеба и установить связь с штабом когда я пришел на ферму то через несколько минут пришел штаб с отрядами. Тогда т. Фролов увидел меня и заявил мне: что хорошо что вы пришли штабом было (неразборчиво. — В. П.) требование Биричу об освобождении Рябикова в 12 часов дня Бирич должен был ответить до 12 час. Мы не должны были принимать военных действий. Нам предложил командующий отрядами Фролов ночевать на ферме и нас освободили от караула то я просил чтобы нас разбудить в 1 час ночи чтобы я мог пройти не замеченным в свой отряд... мне был назначен заместитель Чикморов утром в пять часов я проснулся сам.

Когда я встал в это время часовой т. Войцешык спросил у меня где Метальников (командир одного из отрядов. — В. П.) я ответил незнаю и он уходя позвал меня я встал увидел что товарищ Солтон и Киринец неспят я мохнул им и взял ружо когда мы вышли на двор то был сильный туман ничего было невидно я вспомнил что у меня осталась сумка с документами пот столом я поставил винчестир у крыльца только что вышел в коридор то белой начали обстреливать наше помещение.

И вто время кто-то из товарищей с командовал вружо но было не возможно кода за скочил в помещение я то все убегали черезчорный ход и выскочили черезчорный ход и убегали в лес кто как попало в лесу нас собралос васим

и я с двумя товарищами т. Козырии и т. Логинов пошли в отряд к радиостанции на другой день т. Чекмарев принял отменя отряд».

5 апреля 1923 г., отвечая на вопрос следователя начальника губотдела ГПУ Н. К. Глушкова, Пересыпкин внес в свой рассказ некоторые уточнения и дополнения. Когда «кто-то скомандовал спящими товарищам: “В ружье!”, там же спал и тов. Фролов», а когда Пересыпкин «выскочил из коридора, то у ворот никого не было, и в то время белые уже пошли в атаку с криком “Ура!”»

Допрошенный 29 марта 1923 г. член отряда Пересыпкина Николай Афиногенович Костиков подтвердил, что вскоре после их прихода на сельхозферму прибыл 2-й отряд Метальникова и с ними Фролов, что этот отряд нес караул, а пересыпкинцы отдыхали. «Мы высушили все что было у нас мокрое, — вспоминал Костиков, — и пошли в дом Голованова и попив чаю легли спать до того как ложиться спать пришел на ферму Немов с женой. Немова задержали, а жену отпустили в г. Петропавловск, тов. Фролов и Пересыпкин говорил жене Несовой когда прийдеш в город скажи Биричу что на ферме красные задержали мужа когда ложились спать был соединен телефон с г. Петропавловском, после соединения телефона было подслушано несколько слов, например, “застава, застава, солдаты вышли”, ответ был “вышли” и больше слов не было, может были, но я не знаю уже спал».

Проснулся Николай Афиногенович на рассвете, потом, едва опять уснул, — вбежал командир 2-го отряда Метальников и закричал: «Вставайте!» Все схватили винтовки и бросились к парадному выходу, но Метальников сказал, что туда нельзя.

Далее, по Костикову, события разворачивались следующим образом: когда красные партизаны выбежали на улицу, белые обстреливали ферму с трех сторон. Партизаны побежали за ферму в овраг. «Меня, — рассказывал Костиков, — обогнал тов. Давыдов и побежал на сопку, где и был ранен, когда упал, то он кричал: “Товарищи, помогите!”», а бандиты бежали к нему и кричали “ура”, после чего ферма была занята бандитами».

В овраге партизаны разделились на «две партии, по настойчивости тов. Копцева». Одна партия «заняла позицию с юго-востока фермы... Заметили пятерых белых, шедших со стороны города. Им навстречу вышли те, что заняли ферму. Партизаны открыли по ним огонь. Некоторые из них упали сразу же, при первых выстрелах, другие зашли в помещение. Стрельба по зданию была прекращена. Стреляли только по тем, которые попадали».

Н. П. Фролов сказал Костикову, чтобы он шел в свой отряд — вечером надо обстрелять радиостанцию, то есть выполнить боевой приказ его и Савченко-Славского от 30 мая 1922 г.: «...отправиться к Радио, снять там посты и постараться не давать работать Радио в течение двух дней. Необходимо, чтобы эта операция была произведена 31 мая и 1 июня, так как в это время остальные отряды будут действовать с другой стороны — от Немова... При

обстреле постов у Радио нужно избегать стрельбы по зданию, так как могут быть убиты служащие и испорчен Радио, а это не входит в нашу задачу. После обстрела поста могут выслать подкрепление, на этот случай нужно устроить засаду и обстрелять это подкрепление».

Но выполнить этот приказ не удалось, и 2 июня, после боя на ферме, по ближайшим сопкам расположились белые, к тому же мешала речка. Отряд А. Н. Пересыпкина возвратился в Халактырку.

Когда Пересыпкин ушел 1 июня с частью своего отряда на ферму, за него оставался Г. Трухин, рассказывал в ГПУ в 1923 г. партизан Еремей Никитич Макаров. «На другой же день утром рано услышали стрельбу по направлению от фермы. Командир Трухин, не получив никаких сведений, что за стрельба, взял меня и еще одного отрядника, и мы пошли в разведку. Подходя к ферме, возобновилась вторая стрельба. Мы не могли определить, где наши, вышли на ближайший увал и увидели, что на ферме народу много, и не могли различить, что за народ — наши или белые, и с этого увала увидели, что на другой сопке, которая была ближе к ферме, тоже люди ходят, что и приняли к сведению, что это наши.

Тогда Трухин послал меня узнать, что произошло. Когда я подошел к людям, то я узнал отрядников своих. Здесь был Воронов, Черепанов, Киринец, В. Сахаров, А. Федоров, и от них я узнал, что была перестрелка, и наших выгнали с фермы, и 4 наших товарища было убито».

Что мы знаем об этих людях? Бохняк Иосиф Савельевич, уроженец Варшавской губернии, по профессии кузнец, высокого роста, могучего телосложения, веселого нрава, любил шутку, острое слово. Войцешек (партизаны не знали его имени), чех, служил в Сибирской военной флотилии, отличался выносливостью, сметкой, храбростью. Давыдов Борис, двадцати четырех лет, из Казани, почтово-телеграфный служащий. Тушканов Леонид Яковлевич, сын священника, являлся «примером для более неустойчивых» партизан. Прибыл в Петропавловск вместе с Давыдовым на «Свири» в 1921 г., оба бежали в сопки. . . В дни празднования 50-летия Октябрьской революции их именами названы новые улицы Петропавловска.

Трое их них упоминаются в донесении начальника Петропавловского военного района подполковника В. В. Кузнецова Х. П. Биричу от 2 июня 1922 г., в котором он сообщает, что в целях «выяснения сил и ближайших намерений противника, блокирующего город», им была выслана усиленная разведка от 1-й сотни СЭО численностью двадцать один боец под командой штабс-капитана Любвина.

«Выступив в двадцать четыре часа 1 июня, разведка скрытно подошла на ближайшие высоты к сельхозферме (она находилась, по определению историка И. В. Витер, в трех верстах от города «у подошвы холма Зеркальце, у северной его стороны». — *В. П.*) и с наступлением рассвета обнаружила сто-

рожевое охранение противника у фермы, которая оказалась занятой отрядом красных.

Заметив нашу разведку, противник в составе не менее пятидесяти пяти штыков (П. Г. Ивашкин-Ларичев полагает, что белых насчитывалось около полусотни, а В. И. Семенов — красных всего пятнадцать. — В. П.) принял оборонительное положение, ввиду чего штабс-капитан Любвин принял решение воспользоваться растерянностью противника и атаковал его.

С могучим криком русского “Ура!”, расстреливая противника, отрядники выбили его из фермы, заставив отступать в беспорядке, бросая имущество и оружие. В этом бою наши потери — убиты: фельдшер коллежский регистратор Торбеев и младший урядник Власов, тяжело ранен ротмистр Файвишевич. Противником оставлено на поле боя четыре трупа, принадлежавшие бежавшим от нас к красным: матросу Тушканову, чиновнику со “Взрывателя” Давыдову, рабочему с Кошки Бохняку и еще одному неизвестному красноармейцу».

Получив донесение от штабс-капитана Любвина, подполковник Кузнецов отправляет на ферму еще семерых казаков — поддержку для развития операции. При входе на ферму красные обстреляли их залповым огнем «с ближайших высот к северо-востоку», убив подхорунжего Краснова и ранив приказного Хромова.

«Невыгодное положение позиции на самой ферме и интенсивный огонь противника, — докладывал Х. П. Биричу начальник Петропавловского военного района, — вынудили нашу разведку отойти на юго-восток, имея под обстрелом ферму... я выслал четырнадцать бойцов от местной команды для обеспечения разведке отхода на город».

По прибытии подкрепления белые вновь заняли ферму, причем без какого-либо сопротивления со стороны красных. Забрав трофеи и тела убитых, разведка в пятнадцать часов 2 июня возвратилась в Петропавловск.

«Наблюдение за противником установило, что он, разбитый, отошел мелкими кучками в различных направлениях и в настоящее время активности не проявляет», — пишет подполковник Кузнецов. В конце донесения говорится о «беззаветной храбрости и лихом молодецки-русском ударе разведки во главе с ее начальником штабс-капитаном Любвиным» и «двухсмысленной и вредной деятельности заведующего фермой Голованова», хотя не уточняется, в чем она состоит.

Есть еще один документ, посвященный бою на ферме — приказ войскам Петропавловского военного района № 15 от 8 июня 1922 г. за подписью Кузнецова и его начальника штаба есаула Чешкина. В нем содержатся дополнительные сведения об операции: раненый в левую руку в начале боя ротмистр Файвишевич, «не выпуская из рук винтовки, продолжал славное дело, после чего вторично был ранен в грудь навывлет»; первое подкрепление красные

обстреляли залповым огнем «со стороны деревни Калахтырки», а вторым командовал штабс-капитан Руднев.

Основной параграф приказа завершился словами: «Ценою жизни и крови славных героев был дан достойный ответ красным на их угрозы и наглые требования. Пусть знают и помнят большевики, что иного ответа от нас им быть не может за все страдания дорогой Родины, за наших замученных, убитых братьев, за разоренные семьи.

Вечной памятью будут в сердцах каждого из нас имена славных героев, павших в этом бою, с великой верой в Воскресенье Родины. Всем участникам этого боя Русское спасибо за беззаветно-храброе дело, горжусь Вами командовать и знаю, что, пока бьются наши сердца, мы также будем бить большевиков, не спрашивая, сколько врага, а только — где он».

По утверждению Е. А. Колмакова, он первый обратился к коменданту привезти погибших партизан в Петропавловск, ходил к Биричу «просить сделать гроба, отпеть и похоронить их по православному обычаю». Просьбу он свою изложил в присутствии начальника милиции Д. И. Пригоровского, которому Бирич тут же приказал выкопать ямы и в саванах похоронить, а Колмакову, якобы, ответил: «Пусть, кому нужно, тот и отпевает».

Коллежского регистратора, фельдшера 1-й сотни Константина Торбеева (22 года), подхорунжего Николая Краснова (26 лет) и урядника Феоктиста Власова (21 год) похоронили 3 июня 1922 г. в четыре часа по полудни, а на девятый день по их смерти в воскресенье 11 числа в одиннадцать часов дня на братской могиле игуменом Николаем была отслужена панихида.

По не подтвержденным данным, и белые, и красные покоились на одном кладбище — неподалеку от того места, где нынче стоят магазин «Золотой ключик» и Дом ветеранов.

В 1972 г. красный партизан В. И. Семенов поместил заметку в «Камчатской правде» о том, что на месте боя по инициативе комсомольцев 7-й средней школы вокруг мемориальной доски сооружена металлическая ограда и «в день 50-летия гибели четырех героев-партизан пионеры и комсомольцы возложат букеты цветов, как это делают они каждый год». Героями Бохняка, Войцешка, Давыдова и Тушканова считали, видимо, потому, что они, согласно легенде, «первыми приняли сражение и грудью своею прикрыли товарищей» («Камчатский комсомолец» от 29 февраля 1968 г.), хотя член обларревкома П. Г. Ивашкин-Ларичев отмечал: белые незаметно для отряда «сняли наших часовых Бохняка и Войцешка», а Давыдов и Тушканов погибли, когда уже шел бой.

Между прочим, мемориальная доска в районе нынешнего областного управления статистики имела название «Могилы четверем партизанам» и таковой значилась во всех официальных документах. В архиве бывшего обкома КПСС нами обнаружена жалоба ответственного секретаря Камчатского

отделения общества охраны памятников истории и культуры Н. З. Кривососовой о сносе «Могилы...», так как в том месте «должна проходить дорога». И вот с этой дороги теперь хорошо виден огромный камень на сопке Зазеркальной. Он является заменой снесенному памятнику, о чем вряд ли кто догадывается.

Вернемся, однако, в 1920-е гг. О реакции красных партизан на бой 2 июня поведал на следствии по делу А. Н. Пересыпкина в 1923 г. Г. Трухин: «Мы понесли позорное поражение благодаря халатности и нераспорядительности комсостава... отряд хотел самостоятельно сменить весь комсостав за то, что командиры отступили от города...»

Что же касается самого Пересыпкина, то он прямо заявил, что признает себя виновным только в том случае, «если будут отвечать и высшие командные лица», имея в виду, в первую очередь, командующего отрядами облнарревкома Н. П. Фролова и, видимо, М. И. Савченко-Славского, в отношении коего употребил выражение «перегрызть горло».

Год спустя, в 1924 г., в Камчатское губбюро партии поступила «Характеристика на членов РКП(б)», подписанная уполномоченным информационно-агентурным отделом местного ОГПУ В. И. Васильевым. «Начгубмилиции Фролов, — утверждалось в документе, — привезен сюда в 1918 г. Зимниковой Евдокией Яковлевной (бандерша) в качестве вышибалы дома терпимости, который она содержала в г. Петропавловске. Означенная женщина проживает в настоящее время здесь. После закрытия перешел на службу в милицию у белых.

В 1920 г. Фролов состоял в Коммунальном союзе; когда союз хотел арестовать белых офицеров, т. Фролов отказался и арестовывать не пошел. Затем каким-то образом попал в партизаны, где был командующим отрядами, но после стычки на ферме, где потерпел поражение, был смещен».

В 1930-е гг. Фролов и Савченко-Славский будут объявлены врагами народа, однако уцелеют. Их реабилитируют, и они оба умрут своей смертью: первый — в 1973, второй — в 1969 г.

А. Н. Пересыпкин попадет в руки властей в 1931 г., браконьерствуя в Кроноцком заповеднике. За это и продажу иностранцам (японским рыбопромышленникам) одного лиса, пойманного бывшим партизаном А. Офицеровым, его лишат права проживания в двенадцати пунктах Дальневосточного края на три года.

Сотрудничавший с «сопочниками» И. Ф. Голованов, заведующий Петропавловской сельхозфермой, погибнет в январе 1934 г. Его привлекут по сфабрикованному чекистами самому расстрельному в нашей области делу «Автономная Камчатка».

...Календарное лето 1922 г. в областном центре началось с того, что городская санитарная комиссия два дня — 1 и 2 июня — ходила по дворам, осмат-

ривая их и составляя «на некоторых граждан... протоколы за антисанитарное отношение, в особенности около казенных зданий».

А на следующий день, 3 июня, по призыву самоуправления состоялась трудовая субботник по засыпке Большой (ныне Ленинская) улицы галькой «против магазина Виттенберга и против церкви, а также по исправлению моста против магазина Сун-ин-туна». Местная газета «Камчатский листок» писала: горожане охотно работали на субботнике, используя в качестве транспорта своих лошадей.

Акционерное общество «Гудзон-Бей» пожертвовало для населения Камчатской области немалое количество медикаментов и врачебных инструментов, и 9 июня большую их часть (тридцать один ящик) приняли представители Х. П. Бирича.

4 числа при большом стечении народа на Братской могиле, где захоронены погибшие в событиях лета 1854 г. войны, был освящен памятник-крест, доставленный в Петропавловск тем же «Гудзон-Беем» по поручению британского правительства.

6 июня 1922 г. закончились проведенные впервые за годы революции и смуты выпускные экзамены для четвертого класса Высшего начального училища. А 11 июня прошли торжества по этому случаю. В училище, красиво декорированном «национальными флагами и зеленью», игумен Николай отслужил молебен. На «годовичном акте» присутствовали: Х. П. Бирич, заведующий училищами области П. Я. Сусяк, председатель родительского комитета В. А. Павлов.

Из двадцати учащихся тринадцать получили аттестаты, шестеро — свидетельства о прослушивании курса, а одному предоставили право держать выпускные экзамены осенью. Пятерым выдали похвальные листы. Окончившим училище с отличием В. Козыреву и А. Моисеевой (мать известного на Камчатке и за ее пределами ученого и общественного деятеля, Почетного гражданина Петропавловска Р. С. Моисеева. — *В. П.*) особоуполномоченный вручил награды от себя — серебряные часы.

Х. П. Бирич отметил «прекрасное состояние учебного дела» в ВНУ, а педагог П. Т. Новограбленов поблагодарил русскую национальную власть за внимание, оказываемое народному образованию. Хор исполнил песню «Школа дорогая», после чего «гостям был предложен шоколад». Выпускники сфотографировались на память с преподавателями.

... Окрестности города быстро зеленели. На Петровской и Никольской сопках зацвели ветреницы, хохлатка, лапчатка, княженика, кукушкины тамарки, две крупки, фиалка, калужница, весенний вий, осока, ивы...

В то же время происходили и далеко не мирные события. На материке еще шла гражданская война. Благодаря Петропавловской Думе и политической инертности населения Камчатки втянуть его в братоубийственную бой-

ню не удалось. Тем не менее, вооруженное (хотя и малочисленное) формирование, называющее себя партизанскими отрядами облнарревкома, с наступлением лета стало более активным.

Несмотря на поражение, нанесенное им на сельхозферме, в нескольких верстах от областного центра, красные воскресным вечером 9 июля обстреляли радиостанцию, 12-го — Петропавловское одноклассное училище. П. Г. Ивашкин-Ларичев вспоминал об этом, как о наступлении на город. «Когда с нашей стороны уже начались выстрелы по зданиям, где находились белобандиты, и по их постам, с японского крейсера был высажен десант морской пехоты. Вступать в вооруженный конфликт с японскими интервентами облнарревком всегда воздерживался».

Примечательно, что на высадку японского десанта указывают только советские источники, да некоторые печатные органы, издававшиеся за пределами Камчатки. Сей факт не подтверждается архивными материалами: официальными документами Приамурского правительства, свидетельствами жителей Петропавловска. А уж считать экипажи японских военных судов, охранявших свои рыбалки и рыбоконсервные заводы на побережье, интервентами и вовсе нет никаких оснований. Помимо пресловутого «десанта», даже партизаны не приводят ни одного случая вмешательства японцев в общественно-политическую жизнь Камчатки. Более того, имеются документы, говорящие, что гражданская и военная администрация в Петропавловске боялись именно такого вмешательства и предпринимали шаги, чтобы ничем его не спровоцировать.

...В середине 1960-х гг. я совершенно случайно оказался среди слушателей необычной лекции. На одной из строек неподалеку от пединститута выступал бывший красный партизан. Его фамилию я не запомнил, но историк И. В. Витер полагает, что это был, скорее всего, В. И. Семенов.

На вопрос, почему улица в центре города называется Партизанской, он рассказал довольно-таки авантюрную историю о том, как его боевой товарищ застрелил офицера, захаживавшего к местной актрисе, едва тот встал над столом во весь рост с рюмкой и стал хорошо виден сквозь тюль.

Есть события, о которых мы знаем, в основном, по воспоминаниям, причем «односторонним». К ним относится и террористический акт в Петропавловске 22 июня 1922 г. В нашем распоряжении имеются свидетельства Н. П. Фролова (Сборник «За власть Советов на Камчатке...») и И. Е. Ларина (Госархив Камчатской области).

Фролов: «Судьба взятого нами в плен полковника Лукомского очень тревожила Бирича и Полякова. Они хотели знать, где он и что с ним. С этой целью комендант город капитан Поярков начал допрашивать каждого приехавшего в город крестьянина. Крестьяне же с наших слов отвечали: “Полковник

жив и помогает партизанам”. Но вскоре все же белогвардейской контрразведке стало известно, что Лукомского нет в живых.

Расширил Поярков и приказал задерживать и пытаться каждого, кто приходил в город. Об этом стало известно и нам. И решили мы разделаться с негодяем, отомстить за издевательства над мирными гражданами».

Ларин: «В это время в Петропавловске охранкой белых руководил некто белогвардеец Поярков. Этот бандит отличался особым рвением. Он жестоко истязал наших товарищей, попавших в руки белогвардейцев. А главное — часто перехватывал передвижение к нам продовольствия, которое перебрасывалось нам крестьянами ближайших селений. Крестьяне под видом лояльности белым нагружали свои лодки продовольствием и затем окольным путем переправляли нам. Поярков это пронюхал и всяческими мерами задерживал отлив из города продовольствия.

Возглавляемый мною ревком, следивший за деятельностью белых, в том числе и Пояркова, решил его уничтожить. Решение это вызывалось и тем, что у Пояркова через провокаторов и дознания под пытками скопились кое-какие материалы к раскрытию нашего подполья в Петропавловске».

Данными о «провокациях» и «дознаниях под пытками», применявшимися петропавловскими властями до теракта 22 июня 1922 г., камчатские архивы не располагают. Как и о разветвленном партизанском подполье. Речь идет, скорее всего, о нескольких связниках из числа молодежи и одном осведомителе — прапорщике С. Х. Сидоренко, который, работая при советской власти в Камчатском финотделе, покончил жизнь самоубийством.

Трудно сказать, какие «материалы» имеет в виду Ларин. Несомненно одно: белые собрали солидное досье на него и других партизанских вожakov, кое-что предали гласности. Прошлое Ивана Емельяновича представало в таком свете: «В былое время был писцом у областного инженера. В прежней своей должности был скромным мальчиком, совсем неизвестным... многим и многим, будучи очень неказистым по своей фигуре.

Совершенно незаметно провел он на Камчатке первые годы своего пребывания, втихомолку сошелся с девочкой-ученицей и так же втихомолку хотел улизнуть, чтобы избежать “прелестей” семейной жизни. Но дело дошло до губернатора, который заставил Ваню Ларина узаконить браком свои тихонькие похождения. Ваня, смиренный по природе, смирился и женился, и опять, по-прежнему, стал переписывать и чертить у инженера».

В отношении Фролова белая власть была, видимо, менее осведомлена. Именно ему и поручил Ларин осуществление теракта 22 июня.

Ларин: «Медлить было нельзя. Ревком дал 4-му “летучему” партотряду категорическое задание уничтожить Пояркова. Командир отряда тов. Чекарев выделил группу партизан, которая должна была выполнить задание Ревкома».

Фролов: «Взял я лучших партизан — Метальникова, Трухина, Пересвет-Солтана, Селиванова, Старцева...»

Ларин: «Из числа членов этой группы никто не знал Пояркова в лицо. Тогда перебежчик из лагеря белых Паненко вызвался итти с этой группой партизан. К вечеру добрались они до окраины города и залегли в кустах. Легкий ветерок дул с моря, по пыльным улицам ходили патрули японского десанта. Доносились голоса, пьяные песни. Партизаны лежали, не двигались, чтобы не навлечь внимания патрулей. Лежали и были готовы ко всяким неожиданностям.

Наконец солнце скрылось за сопками. Сумерки постепенно окутывали город, партизаны продолжали терпеливо ждать. И только когда совсем стемнело, группа, осторожно выйдя из кустарника, незаметно пробралась к указанному разведчиком дому».

Непосредственный участник и, надо полагать, руководитель операции Н. П. Фролов несколько по-иному описывает ее. Прежде всего он подчеркивает, что в город отправились ночью. «Перед вылазкой, — пишет он, — узнали, что Поярков бывает часто в одной из квартир на Третьей улице. Подошли к городу со стороны Петровской сопки. Приблизились к дому...»

Ларин: «Часть партизан осталась у засады, а один партизан вместе с перебежчиком подобрался к ярко освещенным окнам нужного дома. Окна были закрыты занавесками. Паненко через верхний край занавески рассмотрел внутренность комнаты. За столом, склонив голову, сидел офицер».

Фролов: «Смотрим через полуоткрытые ставни: Поярков тут, сидит за столом. Мы к двери — закрыта. Решаем, что живым, пожалуй, взять не удастся».

Ларин: «“Это он”, — сказал Паненко другому партизану. Затем раздался выстрел, крик. Свет в доме погас».

По Фролову, само убийство тоже выглядит не так, как у Ларина: «Надо стрелять в окно. Спрашиваю у Трухина (он у нас лучший стрелок): “Попадешь?” “Попаду”, — говорит, а сам уже залез на бочку, потому что окно было высокогато, и прицелился. Грянул выстрел — бандит свалился замертво».

Ларин: «Через минуту партизаны ушли из города, прислушиваясь к навчавшейся позади суматохе. А назавтра наш разведчик проник в город и принес в отряд известие — задание Ревкома выполнено; угроза раскрытия подполья ликвидирована, десятки жизней подпольщиков спасены, угроза срыва наладившегося снабжения — ликвидирована».

Главный партизан Камчатки не называет ни одного селянина, снабжавшего их продовольствием. Что же касается жителей города, то они относились к «сопочникам» настороженно, а с весны 1922 г. — неприязненно. А как иначе, если тебе не дают ловить рыбу в окрестностях Петропавловска, заготавливать сено и дрова, покамест ты не свергнешь власть Приамурского правительства («Бирича и К^о») или, на худой конец, не добьешься освобождения

партизанского парламентаря Иллариона Рябикова, арестованного начальником военно-политического розыска Поярковым и удерживаемого в качестве заложника за полковника Лукомского?

К некоторым лицам из числа красных партизан горожане относились враждебно. «Лучшего стрелка» Григория Трухина людская молва причисляла к «хищникам» за промысел пушного зверя в запретный период и опустошение чужих капканов. Когда в 1923 г. на Камчатке образовалось ГПУ, его взяли туда комендантом, в том же году он стал начальником Анадырской уездной милиции...

А навел партизан на Пояркова (о чем признался лишь в 1990 г. в возрасте восьмидесяти пяти лет) Степан Ким. Это, конечно же, зачлось ему потом при вступлении в комсомол и партию. В 1930-е гг. он трудился в органах ОГПУ — НКВД. В декабре 1934 г. привлекался к суду Военного трибунала Камчатского пограничного военного округа, поскольку был уличен в «преступно-провокационных методах допроса, запугивании обвиняемых и вымогательствах доказательств путем непрерывного в течение двух суток допроса» жителей нашей области.

...23 июня 1922 г. Бирич и Кузнецов подписали приказ № 281, который гласил: «В ночь на сегодня врагами родины злодейски убит подпоручик Павел Дмитриевич Поярков. Эта преждевременная смерть показала, что большевики пытаются стать на путь террора и нападения из-за угла. Бесчинству бродячих красных банд должен быть и будет положен конец».

В приказе содержалось предупреждение мирному населению «соблюдать осторожность в ночное время», в особенности в пределах улиц и окружающих пустырей «на случай возможного проявления военными караулами активных действий по отношению к злодеям». Издавшие приказ, появившийся в газете на следующий день, 23 июня, пригрозили партизанам: при «повторности подобных убийств воинских чинов или... граждан каждый раз будет отвечать своей жизнью один из арестованных большевиков».

Новый начальник военно-политического розыска поручик А. А. Подгорный, не отличавшийся, по словам Фролова, прозорливостью своего предшественника, также объявил (правда, позже, в июле), что всякое покушение на спокойствие в Петропавловске, обстрел людей или же распространение слухов провокационного характера тут же отразится на положении арестантов — все они по очереди будут подвергаться телесным наказаниям.

Приезжие из Завойко рассказывали: коммунисты у них «забрали в продовольственном складе пятьдесят мешков муки и другие товары». В ночь на 13 июня был ограблен склад продовольственного отдела в Петропавловске. Какие-то злоумышленники посдергивали вывески с китайских лавок и прибили их к домам «совершенно не торговым», поломали мост на Большой улице. Не пощадили даже памятник «Слава» на Кошке (тогда он стоял на мес-

те нынешнего старого холодильника рыбного порта): разбросали пушки, одну из них скинули в бухту.

В субботу 24 июня 1922 г. казаки и многие горожане хоронили П. Д. Пояркова. «Мир праху твоему — сын России», — говорилось в соболезновании Х. П. Бирича и чиновников областного управления. В связи с трауром был отменен назначенный на воскресенье спектакль-фарс в трех действиях «Ни минуты покоя».

В ночь с 26 на 27 июня разыгрался сильный шторм. Дул «жестокий норд-ост», причинивший массу повреждений городским строениям: повыбивал стекла, посрывал крыши, поломал заборы; шлюпки, находившиеся в Ковше, оказались перевернутыми и выброшенными на берег...

Некоторые читатели, возможно, не поверят, что красные партизаны не давали жителям города ловить рыбу, заготавливать сено, дрова, не выпускали их за город. Борцы за интересы населения так, мол, не поступают.

Обратимся, однако, к фактам. В отчете 1923 г. «Работа РКП на Камчатке» И. Е. Ларин писал: «Главная масса населения... — инородцы, стоящие на весьма низкой ступени культурного и умственного развития... Русское население в большинстве своем из так называемых казаков — выходцев из Сибири и переселенцев, между которыми рассосались чиновники старого покроя, спекулянты, барахольщики и другая нечисть... для которых необходима железная метла».

В другом документе Ларин характеризовал начальнику ОГПУ Ломбаку атмосферу, сложившуюся вокруг покинувших город, как «слишком тяжелую из-за позиции населения, частично перешедшего на сторону противника». Имелось в виду, прежде всего, население Завойкинской и Мильковской волостей и Петропавловска, встретившего Русскую армию, по признанию того же Ларина, с радостью, а по словам некоторых горожан, хлебом-солью.

Тем не менее, жителей областного центра партизаны упорно называли «гражданами порабощенного города». Так начиналось обращение к ним штаба военно-революционных отрядов, распространенное весной 1922 г. «Граждане порабощенного города» призывались к немедленному принятию резолюции с подписями всех жителей, что они не уполномочивали Петропавловскую Думу «решать вопросы государственного значения».

«И делайте это, пока не поздно, — предупреждали партизаны, — а если не сделаете и вообще не примете мер к бескровному удалению из города Бирича, то несмываемый позор ляжет на весь город, а многим из вас придется понести самое суровое наказание... мы не остановимся ни перед чем». Примечательно, что данное обращение выпущено до ареста в городе И. Рябикова.

Читатель помнит, что через месяц после ареста, 31 мая 1922 г., городское самоуправление сообщило Х. П. Биричу об ультиматуме облнарревкома:

пока Рябиков в тюрьме, партизаны будут вылавливать думцев и горожан, не позволят им ловить рыбу в б. Солеварне и других местах, заготовливать сено и дрова, выпасать скот на выгонах по той причине, что «Дума и жители не протестовали против ареста Рябикова».

Красные, как уже отмечалось, ловят и удерживают у себя кандидата в гласные Думы Г. П. Миничева и рыбака Ф. Я. Личкуна. В связи с этим самоуправление просит освободить партизанского парламентаря. Белые не против. Но лишь в порядке обмена.

К середине июня на юге Камчатки наблюдался довольно хороший ход чавычи. В Петропавловске и Сероглазке в сети за ночь попадалось по пять-шесть штук. Сначала рыба продавалась в городских киосках по 80, а затем по 25 коп. за фунт и дешевле.

11 июня партизаны задерживают «ушедших за лошадыю» четырнадцатилетних подростков Игрушечкина и Новограбленова.

Примерно в это же время горожане узнают через местную газету, что красные убили полковника Лукомского еще зимой. Получается, городской голова Е. А. Колмаков и гласный В. И. Артюхин напрасно ездили (в сопровождении начальника контрразведки подпоручика Пояркова) на пароход «Свирь», где содержался Рябиков, уговаривать его написать письмо в партизанский штаб. Написал. Колмаков с Артюхиным переслали письмо. Ответа Рябиков не дождался. Красного парламентаря белые расстреляют в начале осени...

Трудно отделаться от мысли о существовании в гибели этих двух людей некоей тайны. Один едет нанимать нарты (это полковник-то!) для белоармейцев по тракту, контролируемому «красными бандитами», другого посылают в Петропавловск парламентарем (будто надо обязательно председателя съезда, а не, скажем, его заместителя Ларина), и он идет, не ведая о смерти Лукомского. Оба становятся мучениками...

Недавно нам удалось выяснить любопытный факт: оказывается, на Второй чрезвычайный съезд город собирался направить своих представителей (в том числе одного из руководителей Думы П. Т. Новограбленова). На их участии настаивал Рябиков, но вскоре подтвердился слух, что городские «пропущены не будут». Почему? Дабы не повлияли на делегатов из волостей, не помешали принять нужные организатору съезда облнарревкому постановления?

25 июня 1922 г. городской голова созывает общее собрание граждан Петропавловска. Оно обращается к обеим противоборствующим сторонам: к властям — о беспрепятственной выдаче по просьбе городской управы пропусков на все лето тем, кто занимается охотой, рыболовством, рубкой дров; к партизанам — о свободном проезде по удостоверениям управы. Протокол собрания подписали семьдесят горожан.

30 июня красные дают ответ: «Штаб готов идти навстречу населению города и согласен допустить для всех граждан города свободно ловить рыбу, косить сено, заготовливать дрова и прочее, но лишь в том случае, если население города настоит на немедленном освобождении... Рябикова и всех остальных, арестованных по обвинению в причастности к настоящим политическим событиям.

Население города должно требовать освобождения арестованных по той причине, что почти все аресты произведены Биричем при участии и содействию Думы (архивными документами это не подтверждается. — *В. П.*). После возвращения... Рябикова и получения штабом точных сведений об освобождении арестованных будут немедленно отпущены Миничев, Личкун, Игрушечкин, Новограбленов, и впредь никто не будет задерживаться».

Что же касается Х. П. Бирича, то он распорядился пропускать жителей города за его пределы беспрепятственно.

3 июля в шесть вечера в управу пришел пастух городского стада и повелел о ЧП. При возвращении домой его остановили десятка три вооруженных людей и один из них, с револьвером, назвавшийся Чекмаревым, потребовал указать ему коров Чурина, Захарова, Колмакова, Вичиркина и Савина. Чурин был торговцем, остальные — думцами. Пастух повиновался.

Не найдя в стаде коров Вичиркина и Савина, Чекмарев приказал своим людям взять трех чуринских и бычка городского головы Колмакова, у которого ранее уже увели стельную корову Гальку. На прощание Чекмарев пообещал добраться до коров других горожан, и в первую очередь гласных Думы. В августе 1922 г. были «экспропрированы» лошадь и корова гражданина Деушева, что мирно паслись на о. Култук.

Дней через десять после ЧП с городским стадом Е. А. Колмаков получил ларинское послание. Не располагая подлинником, приведем несколько фраз из копии черновика, хранящегося в ЦДНИКО: «Ваше поведение... является величайшим политическим преступлением... ваши дни сочтены... будете убиты или в лучшем случае уведены в сопки». И на то есть соответствующие санкции: Вторым чрезвычайным съездом он объявлен вне закона, а его имущество — подлежащим конфискации.

Городской голова отвечал, что «кучка безответственных, обозленных в лесу людей» не правомочна выносить такой приговор, что смерть не страшит его, как и конфискации имущества, стоимость которого полторы тысячи рублей. «Правда, маловато для покрытия расходов отряда, так как дома своего не имею, двух коров Ваши отрядники скушали, только плохо без выпивки, я и это мог бы послать».

Один из партизанских командиров В. М. Чекмарев с восстановлением советской власти проработал несколько месяцев заведующим подотделом

коммунального отдела Камчатского губревкома, затем был уволен за пьянство и помещен на некоторое время в тюрьму. В дальнейшем занимал руководящие посты на Чукотке. Продолжая пить, устраивал дебоши и нередко путал свой карман с государственным.

4 июля 1922 г. в Петропавловске состоялось еще одно собрание граждан. Всесторонне обсудив создавшееся положение, скотовладельцы, рыбаки, домовладельцы постановили: «Так как красные отряды не дают возможности жителям города Петропавловска приступить к заготовке на зиму дров, сена, рыбы и прочего, что угрожает гражданам голодом, обратиться через избранную делегацию в составе Пивинского, Артюхина и Бандурина (соответственно педагог, служащий, домовладелец. — В. П.) к Господину Особуполномоченному Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае с просьбой возможно скорее освободить из-под ареста Рябикова, Брагина, М. Немова, Бахтина и Кравченко. В свою очередь аналогичное постановление Собрание сделало и относительно всех задержанных граждан Штабом Военно-Революционных Отрядов».

Из канцелярии Х. П. Бирича уведомили городского голову: ответ, который будет дан делегации, «не подлежит никакому обсуждению, и по этому вопросу никаких собраний он не разрешает».

Между тем, вылавливание горожан не прекращалось. В конце июля партизаны поймали думцев Т. Г. Вичиркина и Л. Е. Захарова. Оба отправились рыбачить. Захарова увели с р. Тихой. У того и другого отобрали катера, но стоявшая на якоре захаровская шхуна «Свобода» красным не досталась.

Похищенные люди не были ни гласными Думы, на даже кандидатами. Сообщив о них, «Камчатский листок» далее писал: «В реке Виллой уведен в сопки г. Святой. Забран катер торгового дома “Сайденберг и Виттенберг”. Сошедшим с катера на берег г. Лобову и Суздалеву, отстреливаясь от коммунистов, удалось бежать в Тарью, откуда они на кунгасе вернулись в Петропавловск. Судьба уведенных коммунистами неизвестна».

Этот факт подтверждается арестом Григория Лобова сразу же по возвращении облнарревкома в Петропавловск в ноябре 1922 г., хотя Чекмарев, свидетель по «Думскому делу», говорил, будто вылавливали только гласных, «как врагов трудового народа», раз таковыми их объявил съезд.

С 23 августа 1922 г. некоторые горожане стали выезжать на покосы, расположенные по Халактырской дороге. Владельцы же покосов в Кирпичной пади и в районе «Сениценского озера» никак не могли нанять косарей-корейцев. Они, по мнению городского головы, «запрашивают очень дорого». Но, через день-два, писал он Х. П. Биричу, приступят к покосу все, а также и в Раковой бухте. Однако на заготовку и вывозку сена потребуются не меньше месяца при успешной работе и хорошей погоде, потому как «красные

неоднократно слали свои угрозы не дать... косить, а если и будет накошено, то угрожали сжечь...»

Но Бирич к тому времени был уже номинальным руководителем. Во Владивостоке к власти пришли военные, и у нас правил всем начальник Петропавловского гарнизона капитан 1-го ранга Борис Павлович Ильин.

Ссылаясь на него, городская управа 3 сентября 1922 г. довела до всеобщего сведения, что «на городские покосы и рыбалки послано сторожевое охранение», и все желающие производить ловлю рыбы и заготовливать сено могут сейчас же отправляться, взявши пропуск у коменданта Петропавловска. Меры, предпринятые Ильиным, оказались, по-видимому, эффективными (следствие по делу гласных допытывалось, уж не городское ли самоуправление инициировало эту посылку).

Столкнуть лбами местное население и русскую власть, спровоцировав тем самым на Камчатке братоубийственную бойню, — такова была, на наш взгляд, цель акции красных партизан против жителей Петропавловска. В советские годы она замалчивалась: уж очень не вязалось все это (особенно ловля людей) с образом борцов за народное счастье.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАМЧАТСКОГО ОБЩЕСТВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ»

В ноябре 1918 г. в Петропавловске на основах «взаимопомощи и самопомощи» было организовано Камчатское культурно-просветительное общество «Просвещение», «имеющее своей программой распространение полезных знаний и духовное единение граждан всей Камчатки», о чем сообщалось в 103-м номере газеты «Камчатский вестник» за 24 ноября 1918 г. Здесь же указывалось: «Желающие вступить в члены и познакомиться с уставом общества благоволят явиться в контору союза Приамурских кооператоров по 3-й улице, где временно помещается канцелярия общества...»

«Духовное единение» предполагалось осуществлять чтением лекций, выпуском «собственных изданий популярных брошюр», показом «кинематографов» и устройством «подвижных библиотек передовых школ». Что же в действительности предпринималось обществом в целях «духовного единения» и в чем состояла его работа?

В заметке «Из жизни общества “Просвещение”», опубликованной в № 73 «Известий Камчатского Областного Совета трудового народа» от 11 апреля 1920 г., сообщается: «Камчатское культурно-просветительное общество “Просвещение” организовано М. П. Воловниковым и начало свою деятельность 10 февраля 1919 г., слившись с Камчатским Народным театром, который существовал как культурная организация с 6 августа 1918 г.». Слияние, вероятно, произошло в январе 1919 г., поскольку вопрос об этом включался в повестку дня общего собрания членов Народного театра в конце декабря 1918 г. [1].

Однако можно сказать, что свою деятельность общество начало немного раньше: уже 8 декабря 1918 г. оно устроило первый спектакль в Народном доме — были поставлены пьесы «Благодетель» и «Порченный» — «комедии в одном действии», сочинения некоего С. Т. Семенова. Сбор с этого первого спектакля пошел в пользу общества [2]. Его председателем до апреля 1919 г. являлся И. Р. Семенов, который в апреле был призван на действительную военную службу и «подал заявление о сложении с себя обязанности председателя и равно звания члена правления» [3]. Поэтому временно председателем избрали Е. А. Колмакова, а затем до июня 1920 г. председателем был Александр Аполлинариевич Кириллов.

Возможно, что общество «Просвещение» использовалось в подпольной работе камчатскими большевиками. В сборнике «Очерки истории Камчатской областной партийной организации» содержатся несколько строк следующего характера: «10 февраля 1919 г. М. П. Воловников организовал в Петропавловске-Камчатском культурно-просветительное общество “Просвещение”, где конспиративно собирались подпольщики» [4].

Но конкретных фактов об этом не приводится, и ссылки на какой-либо документ отсутствуют. Действительно, в списках членов общества за 1918 и 1919 гг. значатся фамилии камчатских большевиков П. С. Маловечкина, Н. В. Холодова, М. П. Воловникова, Н. Т. Косицина, Д. Г. Барвинского [5], однако в его состав входили люди самых разных политических убеждений и общественного положения — чиновники, учителя, торговцы, промышленники. Большинство из них придерживалось общедемократических позиций. Существует еще одно интересное замечание в уже упоминавшейся заметке «Из жизни Общества “Просвещение”»: «В 1919 г. Общество “Просвещение” переживало тяжелый период гонения со стороны местных “Помпадуров”, которые даже сажали “на отдых” некоторых членов правления за вольнодумство» (в начале 1919 г. колчаковцы распустили Областной комитет в Петропавловске, как демократическую организацию, и восстановили в области дореволюционные органы власти).

Состав правления общества до августа 1919 г. установить не удалось. Известно, что в августе 1919 г. членами правления были избраны Холодов, Грызлов, Курбатов, Штерн и Воловников [6]. По уставу общества правление должно было включать пять человек, из которых, как известно, двое — Н. В. Холодов и М. П. Воловников являлись руководителями подпольного военно-революционного комитета. М. П. Воловников действительно подвергся аресту в мае 1919 г., а Н. В. Холодов в сентябре был выслан с Камчатки. Указанные выше факты дают возможность предположить (в отсутствие прямых свидетельств), что, возможно, действительно в Народном доме проходили собрания подпольщиков, но нельзя утверждать, что общество создавалось именно с этой целью.

В 1919—1920 гг. в обществе насчитывалось немногим больше 70 чел. [7]. Его работа заключалась, в основном, в периодической постановке спектаклей, показе кинематографических картин, организации научных лекций. Также общество начало приводить в порядок библиотеку Народного дома.

При обществе был организован ряд секций. В протоколе № 1 от 26 января 1920 г. заседания его правления указывалось: «Поручить каждому из членов правления принять на себя непосредственное руководство... работы по секциям: А. А. Кириллову — Научно-лекционную по организации общеобразовательных курсов, Д. Г. Барвинскому — Общеполитическую, а также литературно-издательскую, а также организация народного хора. К. И. Кодылеву — Театральную, детских и спортивных развлечений. Н. И. Цапову — Библиотечную, научно-изыскательскую, а также техническая работа на сцене. А. М. Ткаченко — Музыкальную и организацию народного оркестра» [8].

Впрочем, руководители секций часто менялись. На научно-изыскательскую секцию (которую иногда называли исторической) была возложена обязанность организации музея и сбора экспонатов. Судя по всему, создание му-

зая было предметом особой заботы общества. Уже на следующем заседании, 9 февраля, было решено: «Временно, до разрешения местной властью использовать специальное помещение для исторического Камчатского музея, приспособить комнату в Народном доме, освободив ее от разного инвентаря» [9]. В протоколе № 3 от 23 февраля 1920 г. говорилось: «Составить особый капитал Общества Просвещения “Средства на организацию музея в Камчатке и на научно-изыскательские исследования этнографии и истории Камчатки”» [10].

В номере «Известий» от 20 февраля 1920 г. было помещено объявление общества следующего содержания: «Камчатское культурно-просветительное общество “Просвещение”, стремясь к созданию в Петропавловске исторического музея как необходимого пункта для группировки всех богатств и даров по истории Камчатки, обращается с убедительной просьбой ко всем интересующимся историей Камчатки гражданам оказать свое непосредственное содействие оборудованию музея и сбору пожертвований старины и этнографических редкостей Камчатской области... Правление также с глубокой признательностью примет и материальные пожертвования на дело по организации исторического музея, ценность которого, несомненно, имеет огромное значение в жизни Камчатского края» [11].

Но в мае 1920 г. общество постановляет: «Признавая большое значение для области организации Камчатского отдела Русского Географического общества, именующей себя, впредь до инкорпорации в Приамурский отдел сказанного общества — Обществом изучения Камчатской области, — Правление Общества Просвещения признает необходимым в целях сосредоточивания средств и трудов в специальном Обществе географическо-исторического направления и, ликвидируя свою секцию Научно-изыскательскую, организованную 17 февраля 1920 г., передать имеющиеся средства в сумме 12 295 рублей, собранные по подписным листам, в непосредственное распоряжение Общества изучения Камчатской области» [12].

Театральная секция занялась организацией при обществе театрального кружка. После его организации (31 января 1920 г.) руководство секцией было возложено на президиум кружка, который состоял из пяти человек — председателя, секретаря, режиссера сцены, дирижера оркестра и регента хора. Видимо, театральный кружок работал достаточно активно — каталог постановок общества «Просвещение» насчитывает более 180 «русских и иностранных пьес», а также более ста «миниатюр» [13]. Причем, судя по анонсам, помещаемым на страницах местных газет, очень многие из них действительно были исполнены на сцене Народного дома.

На библиотечную секцию была возложена задача постановки библиотечного дела, и в результате ее работы 15 мая 1920 г. была открыта библиотека [14].

Председатель общества А. А. Кириллов в своем докладе Первому Петропавловскому уездному съезду, проходившему 17 марта 1920 г., указал «фор-

мы», в которых «Общество Просвещения мыслит способы проведения по области идей народного развития». Наиболее интересные из них — это предполагаемое в будущем создание «Передвижного народного университета» в виде «группы специальных лекторов по образованию, которые, периодически останавливаясь на небольшой срок, читают популярные лекции», «подбор до ста групп передвижных библиотек», организация нескольких групп «передвижного народного театра», устройство мобильных художественных выставок, организация легких передвижных оркестров, «которые будут иметь значение и обучения музыкальному искусству», организация специальных летучих отрядов «по исследованию Камчатской области в историко-этнографическом отношении, по собиранию экспонатов для Камчатского музея и его отделения» [15]. Но ни одна из этих идей на практике осуществлена не была.

Однако самым важным в работе общества в 1920 г. явилась организация общеобразовательных курсов. Для этого 28 января 1920 г. общество направило в педагогический совет Высшего начального училища г. Петропавловска письмо, подписанное председателем Кирилловым и секретарем Цаповым. В нем говорилось: «Правление Общества Просвещения в своих задачах по созданию способа распространения в народе образования имеет в виду организовать в Народном доме общеобразовательные курсы в программе среднеучебного заведения, для взрослых... Беря уверенность, что местный педагогический персонал, имея в своей среде идейных, деятельных и желающих нести знания в народные массы людей, не откажет принять искренно горячее участие в деле народного образования» [16].

Курсы были бесплатными, и педагоги, согласившиеся преподавать на них в свободное время, не получали за свою работу какой-либо платы. Классную доску для занятий позаимствовали в училище. Сохранилась записка А. А. Кириллова инспектору Петропавловского Высшего начального училища, в которой говорится: «Правление Общества Просвещение имеет честь уведомить, что переданная Вами во временное пользование на общедоступных курсах одна стоячая классная доска с признательностью получена правлением и будет возвращена по первому требованию» [17].

3 февраля 1920 г. состоялось заседание научно-популярной (общеобразовательной) секции, на которой были распределены уроки между преподавателями. Для преподавания было заявлено 18 дисциплин, включая такие, как минералогия, этимология, синтаксис и физиология [18]. Их вели педагоги П. Т. Новограбленов, А. Ф. Дубков, Б. Э. Пивинский, Б. А. Лукашев, Г. Д. Сосновский, Е. И. Воротникова, А. А. Ненсберг, А. А. Кириллов [19]. Впоследствии появились такие дисциплины, как гигиена и даже эсперанто. Расписание составил А. Ф. Дубков — председатель временного коллектива по управлению учебными заведениями Камчатской области.

Курсы открылись 25 февраля 1920 г. На открытии присутствовали «27 человек курсистов и 5 человек случайных посетителей». А. А. Кириллов ознакомил присутствующих с порядком чтения лекций: «по понедельникам, средам и пятницам с 6 часов вечера, по 3—4 лекции» [20], а педагоги П. Т. Новограбленов и Б. Э. Пивинский осветили программу естественных и физических наук, которые предполагалось читать на курсах. Первый урок прошел 27 февраля. Благодаря дежурным на образовательных курсах, в обязанность которых входило вести дневник, сохранились планы некоторых лекций и расписание на март 1920 г. Так, в течение этого месяца были прочитаны 43 лекции. 31 марта А. А. Ненсберг выступил с лекцией по истории Камчатки, план которой записала дежурная София Пак. План выглядел следующим образом: «Камчатка при боярской России. Ея первые исследователи и завоеватели. Казаки. Вольница. Войны с племенами, кочующими по Камчатке. Богатства края. Экспедиции. Воеводства. Прикашики от воевод. Угнетательство завоевателями туземного населения. Ясачные сборы. Губернаторы. Адмирал Завойко. Нападение на Петропавловск англо-французской флотилии. Что сделали для камчатских жителей начальники края. Вымирание коренного населения» [21].

Лекции носили научно-популярный характер и «иллюстрировались опытами, картами, пособиями» [22].

Работа курсов продлилась до мая 1920 г., когда правление общества вынесло решение о замене курсов лекциями на определенную тему и организации вечеров досуга. Это мотивировалось тем, что, «принимая во внимание, что регулярные курсы, организованные 25 февраля с. г., в конце своей работы собирали слишком незначительное количество слушателей, Правление находит более удобным, применительно к местным жителям, организовать постановку отдельных самостоятельных лекций на научно-общественные темы, соединяя их с музыкальными и вокальными выступлениями...» [23].

С деятельностью общества «Просвещение» была тесно связана работа «Украинского Гуртка» (более точное название — «Украинский Музично-Драматичний гурток при Хаті») — организации вполне самостоятельной, издававшей свою газету — «Рідне слово», организовывавшей литературные вечера и постановку спектаклей на украинском языке. 1 марта 1920 г. на заседании правления общества был заслушан доклад «о создании в городе Петропавловске “Украинской Хатки” от представителей украинской организации М. В. Вознаго, Д. Г. Барвинского и А. М. Ткаченко» [24], в связи с чем общество решило «работать в согласии и контакте с Украинской Хаткой», «предоставить Украинской Хатке полную национальную самостоятельность», «освободить помещение и предоставить в пользование Украинской Хатки переднюю комнату в Народном доме (рядом с библиотекой)». Кроме того,

все «имуущество по сцене» объявлялось общим, а за пользование помещением, отоплением и освещением плата не взималась [24].

Первый спектакль был дан 28 марта 1920 г. Им стала «Хатня революция», срежиссированная Д. Г. Барвинским [22].

В целом можно отметить, что 1920 г. был периодом наиболее активной работы общества «Просвещение».

Основным источником дохода общества являлась денежная прибыль от постановки спектаклей. В протоколе заседания правления № 1 от 26 января 1920 г. указывалось: «Признать необходимым как самое верное средство для постоянных денежных оборотов постановку регулярно по воскресным дням платных народных развлечений: литературно-музыкальных вечеров с танцами, вечеров миниатюр с танцами и спектаклей...» [25]. Кроме того, члены «Просвещения» платили членские взносы, а среди жителей Петропавловска распространялись подписные листы для сбора пожертвований в пользу общества. В одном из протоколов заседаний правления за 1920 г. обсуждался вопрос «О реализации красной лисы, пожертвованной Апбиевым». Лису решили «продать с аукциона на спектакле 14 марта, считая ее основную оценку в 5 000 р., о чем сделать объявление» [26].

Несмотря на такие источники дохода, правление общества было вынуждено регулярно обращаться за материальной поддержкой к Камчатскому областному народно-революционному комитету, народной охране, Петропавловскому кооперативу, Морскому ведомству для получения ссуд, угля, дров.

В конце 1920 г. общество, видимо, оказалось в очень стесненных материальных обстоятельствах. Об этом свидетельствует письмо, подписанное А. И. Бабкиным-Байкаловым, ставшим председателем правления общества после А. А. Кириллова, и направленное в адрес Камчатского областного народно-революционного комитета. «Правление культурно-просветительного общества “Просвещение” в заседании своем от 22 декабря 1920 г., намечая план дальнейшей культурно-просветительной работы общества, пришло к заключению, что финансовый кризис вообще и в частности отсутствие денежных средств у общества ввиду постановки спектаклей в кредит и неимение дров для отопления Народного дома ставит общество не только в тяжелое безвыходное положение, но и вынуждает его прекратить дальнейшую культурно-просветительную работу». Здесь же изложена просьба: «...правление вынуждено покорнейше просить Камчатский областной народно-революционный комитет отпустить заимообразно обществу сто пятьдесят (150) Иен и две сажени дров для отопления Народного дома» [27]. На письмо красными чернилами наложена резолюция И. Е. Ларина: «Отпустить одну сажень дров. В отношении иен изыскать таковые, откуда возможно, до ста иен».

В это же время (25 декабря 1920 г.) общество направило в Петропавловскую городскую Думу отношение за № 162 о том, «что бы сложить с него все

числящиеся недоимки и долги за пользование зданием Народного дома и электрической станцией и в будущем не требовать арендной платы и 10 % отчисления в пользу города от спектаклей и т. п., а также о выдаче из средств городского самоуправления обществу ссуды в сто рублей (100 иен) и материалов для ремонта здания» [28].

Петропавловская городская Дума, обсудив отношение, постановила: «1. Все числящиеся Городскому Самоуправлению с Общества Просвещения долги и недоимки за здание Народного Дома, за время с 1-го февраля 1920 г. по 1 февраля 1921 года, списать полностью; 2. Поручить Управе самостоятельно заключить условие... на сдачу народного Дома с электрической станцией на время с 1-го февраля 1921 г. по 1-е февраля 1922-го года без взимания арендной платы» [28].

Городским головой в это время был Е. А. Колмаков, он также являлся и членом общества. Интересно, что вслед за этим, 9 февраля 1921 г., на заседании правления общества Колмакову было предложено вступить в члены правления, однако он отказался. И хотя в 1920 г. общество не было закрыто, вопрос об изыскании материальных средств всегда стоял для него очень остро. Наверное поэтому, 6 февраля 1921 г. на общем собрании «принципиально было единогласно принято твердое решение, что членами Общества могут быть только граждане, принимающие активное участие в работе общества и непосредственно содействующие общему делу в секциях образовательной, театральной и библиотечной. Работа члена общества должна выражаться: в регулярном дежурстве по Народному дому, очередном наблюдении за хозяйством, участием в спектаклях в качестве исполнителей и сотрудников на сцене по постановке, ремонту и художественным работам декораций, в постановке лекций и литературно-музыкальных вечеров личным участием и хлопотами по устройству в пожертвовании лично или сборе для Народного дома мелких домашних ненужных вещей для сцены, в работе по общему порядку библиотеки и прочее» [29].

Последнее упоминание об обществе «Просвещение» содержится в разделе «Хроника» газеты «Камчатский листок» № 5 от 29 января 1922 г.: «Любителями Об-ва “Просвещение” к постановке готовится драма “Ложь”».

Точной даты прекращения деятельности общества установить не удалось. В 1923 г. в Народном доме уже обосновался Клуб имени III Интернационала, при котором тоже существовал театральный кружок, устраивались митинги и доклады во время пролетарских праздников, — в общем-то, этим деятельность клуба и ограничивалась. О причинах закрытия общества «Просвещение» можно только догадываться. Возможно, свою роль сыграли и финансовые проблемы, а также то, что в конце 1922 г. на Камчатке окончательно была установлена советская власть, которой на тот момент времени требовалась организация, занимающаяся не культурно-просветительной, а агитационно-пропагандистской работой.

ИСТОЧНИКИ

1. Камчатский вестник. — 1918. — № 133.
2. Там же, № 119.
3. Там же, 1919. — № 201.
4. Очерки истории Камчатской областной партийной организации (1917—1985). — Петропавловск-Камчатский, 1986. — 360 с. — С. 19.
5. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 9—10.
6. Камчатский вестник. — 1919. — № 311.
7. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 10—11.
8. Там же, л. 13.
9. Там же, л. 16.
10. Там же, л. 18.
11. Известия Камчатского Областного Военно-Революционного комитета. — 1920. — № 34.
12. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 25—26.
13. Там же, л. 219—225.
14. Там же, л. 29.
15. Там же, ф. 30, оп. 1, д. 11, л. 158 об.
16. Там же, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 41.
17. Там же, л. 153.
18. Там же, л. 43.
19. Там же, л. 159.
20. Там же, л. 161.
21. Там же, л. 182.
22. Известия Камчатского Областного Совета трудового народа. — 1920. — № 74.
23. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 26.
24. Там же, л. 20.
25. ГАКО, ф. 110, оп. 1, д. 1, л. 13.
26. Там же, л. 21.
27. Там же, л. 8.
28. Там же, л. 284.
29. Известия Камчатского областного исполнительного комитета». — 1921. — № 12 (Приложение от 12 марта).

**ПЕРВЫЕ МОРСКИЕ И РЫБОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
РОССИИ И КАМЧАТКЕ**

НАЧАЛО МОРСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

В XVI — XVII вв. систематическое общее и профессиональное образование в России отсутствовало. Как сообщает одно старое издание, «тогдашний русский человек как-то сам собой навывкал святые книги чести, пройдя азбуку и усвоив механизм чтения у какого-нибудь мастера, посвятившего себя делу научения отроков грамоте...» [1, с. 510].

Знания, получаемые таким путем, были крайне скудны. Особенно это касалось математических и астрономических начал, наиболее трудных для усвоения. Ремесленники различных специальностей готовились путем практической выучки, за которой, как правило, не стояли никакие общеобразовательные основы. Потребность государства в систематической школьной подготовке проявлялась тогда в другой сфере — богословской. Во второй половине XVII в. активно проводилась реформа, приведшая к расколу церкви и сопровождавшаяся возникновением различных «ересей». К тому же в стране постепенно увеличивалось число иностранцев, то есть «иноверцев».

Стремление правительства исправить накопившиеся за сотни лет недостатки в церковном устройстве и противостоять иноземному влиянию вызвало желание иметь грамотных проводников истинного православия. Для этого было решено организовать богословскую школу по образцу действовавшей в Киеве, готовившую учителей и проповедников. Новая школа получила название «Славяно-греко-латинская академия». Она была учреждена в конце 1687 г. и имела на первых порах около сотни учеников. Кроме нее существовала еще и Киевская академия [1, с. 524—525]. Обе академии явились прообразами отечественных высших учебных заведений гуманитарного профиля.

В конце XVII в. Россия пошла путем преобразований, призванных поставить ее в ряд европейских держав. Одним из главных направлений на этом пути стало создание отечественного флота, как военно-морского, так торгового и промыслового, которое принято связывать с многогранной и кипучей деятельностью Петра I, хотя мореходством и морским промыслом русские занимались с незапамятных времен. Но теперь из частного дела это превратилось в важнейшую государственную задачу. Внешняя торговля была в основном монополизирована. Для обеспечения «морского торгу» сооружались порты в Петербурге, Кронштадте, Ревеле, Архангельске и Астрахани.

Постройка флота требовала изменения сложившейся в стране экономической системы: развития промышленности, расширения ресурсной базы, потребной для сооружения судов и укомплектования их всем необходимым, совершенствования внутренних путей сообщения и прочего. Требовалось и создание системы подготовки кадров: судостроителей, технического, вспомогательного персонала и собственно моряков. Государство нуждалось в знающих корабельных мастерах, инженерах, офицерах и подготовленных матросах. Царь Петр, приобретший математические познания, научившийся пользоваться астролябией, понявший фортификацию и артиллерию, изучивший кораблестроение, стал требовать того же и от своих подданных.

Органом, которому надлежало стать не только центром судостроения и комплектования флота, но и налаживаемой системы обучения кадров «на всякие гражданские потребности», явился Адмиралтейский приказ. Фактически он должен был решить задачу по созданию в русском обществе образованного слоя, способного руководить страной.

Самых ранних русских матросов Петр I набрал из преображенских «потешных». Одними из первых профессиональными моряками стали капитан Ипат Муханов, Иван и Наум Сенявины, практически изучившие морское дело на голландских и английских военных судах. В большом количестве настоящие моряки, то есть люди, приставленные исключительно к морскому делу, впервые появились на судах азовской флотилии в 1700 г., когда в матросы были записаны 1 105 солдат. Первый же специальный набор матросов был произведен в 1702 г., их число составило 1 694 чел. [1, с. 150].

Единицы имевшихся у царя грамотных помощников не могли осуществить задуманные им реформы. Заботы Петра об обучении личного состава будущего флота начались в 1690-х гг., когда три партии стольников отправились в Венецию, а четвертая — в Англию и Голландию знакомиться с «навигацией» и обучаться «всякого рода наукам». Стольники отбыли за границу на свои средства. Никто из них под угрозой потери имущества не мог вернуться без документа о приобретенных знаниях и умениях. По возвращении стольников царь лично экзаменовал их. Результат этого опыта подготовки отечественных моряков оказался более чем скромным: экзамен выдержали всего четверо. Более удачной оказалась «посылка» в составе тридцати человек, отправленных вместе с царем в Англию и Голландию.

Однако вскоре стало ясно, что проблему подготовки кадров путем обучения небольшого количества людей за границей решить невозможно. Такой способ явно не соответствовал масштабам задуманных преобразований. По предположениям видного деятеля в области морского образования Х. Вальдемара, Петр I впервые высказался о необходимости создания морских школ в России в беседе с амстердамским бургомистром во время пребывания в Голландии [2].

В Москву были приглашены англичане, знатоки математических наук и теории морского дела. Указом Петра от 14 января 1701 г. в Москве в Сретенской (Сухаревой) башне было открыто первое морское учебное заведение России. Его руководителем, правда, больше номинальным, стал адмирал Ф. Головин. Всю организационную работу по созданию «школы математических и навигацких наук» вел дьяк Оружейной палаты А. Курбатов. Приезжие англичане стали обучать «добровольно хотящих паче же с принуждением набираемых» молодых людей «математическим и навигацким, то есть мореходным хитростным искусствам». В школе проходили арифметику, геометрию, плоскую и сферическую тригонометрию, навигацию, морскую астрономию, географию. Кроме того, желающим преподавалась «рапирная наука».

Для подготовки к изучению этого курса при школе были организованы два начальных класса. Первый, в котором учили читать и писать по-русски, назывался «русской школой». Второй, где изучали счет с использованием арабских цифр, именовался «цифирной школой» [1, с. 526].

Надзирал за воспитанниками первый русский математик, автор самого раннего отечественного руководства по арифметике Леонтий Магницкий. Дисциплина в школе была весьма суровая. За прогулы на учеников возлагали штраф, тех, кто не платил, пороли. За побег грозила смертная казнь, за просьбу родителей освободить детей от занятий — каторга [3]. Система телесных наказаний и штрафов, скудное снабжение, холод в помещениях Сухаревой башни усложняли учебу, но вырабатывали у будущих мореходов умение подчиняться приказам, терпение и настойчивость.

Первый выпуск школы в составе 64 чел. состоялся в 1705 г. За первые пятнадцать лет она обучила десятки специалистов различных профессий. Многие из них успешно заменили на ответственных постах иностранцев. Из нее вышли не только моряки, но и инженеры, артиллеристы, учителя для других школ, архитекторы. В 1710 г. в одном из указов Петр I подчеркивал: «Школа оная не только потребна единому мореходству, но и артиллерии и гражданству к пользе» [4].

Московская навигацкая школа сыграла выдающуюся роль в становлении как морского, так и общего образования в России. По ее примеру в 1712 г. в Москве были основаны еще две школы: инженерная и артиллерийская [1, с. 529—530].

1 октября 1715 г. старшие классы навигацкой школы были переведены поближе к морю в новую столицу государства — Санкт-Петербург, где из них образовали Морскую академию. Оставшиеся в Москве младшие классы стали по отношению к академии подготовительным учебным заведением. Отныне навигацкая школа утратила свое прежнее значение — центра российского морского образования — и стала обычной «цифирной», в которой слушателям давался несколько больший объем математических знаний.

Численность воспитанников Морской академии устанавливалась равной 300, а навигацкой школы — 500 чел. [1, с. 535]. Академия готовила командный состав флота по судоводительской, геодезической и картографической специальностям. Ее выпускникам присваивалось звание «гардемарин», происходившее от французского словосочетания *garde-marine*, то есть «морская гвардия».

В отличие от навигацкой школы, в Морской академии с момента ее открытия был введен уставной распорядок военно-морского учебного заведения. Воспитанники несли караулы и дежурства, гвардейские офицеры проводили с ними строевые занятия. Составленная Петром I и впоследствии уточненная Адмиралтейским регламентом программа обучения носила чисто профессиональный характер и, в частности, гласила: «Во Академии учить наукам, а именно: артиллерии, навигации и фортификации, шанцам и ретраншеентам (шанцы — временные полевые укрепления в виде многоугольников, ретраншементы — вспомогательные фортификационные сооружения второй линии обороны. — С. Г.), географии и воинским обучением с мушкетами совершенно...»

Если вначале воспитанники учились, в основном, по переводным иностранным учебникам, то уже в первой четверти XVIII в. появились первые русские оригинальные сочинения по математике и технике Л. Магницкого, Г. Скорнякова-Писарева и К. Зотова. Это стало шагом вперед, хотя новые книги сохраняли все недостатки учебников того времени, отличаясь тяжелой, трудной для понимания манерой изложения, отсутствием доказательств, подачей материала в виде вопросов и ответов [5].

Большинство книг, издававшихся в России в первой четверти XVIII в., было посвящено флотской тематике. Их подавляющую часть представляли переводные, преимущественно голландские, издания, содержавшие изложение уставных положений и основ морского дела. Заключительная часть первого отечественного математического сочинения Л. Магницкого «Арифметика, сиречь наука числительная», в которой, по словам автора, он «разум весь собрал и чин природно русской, а не немчин», содержит сведения о флоте. Работа вышла в 1703 г. как учебник для навигацкой школы. Значительно позже — в 1720-х гг. — появились «Книга устав морской», «Регламент о управлении Адмиралтейства и верфи», «Разговор у Адмирала с капитаном о команде, или полное учение како управлять кораблем во всякие разные случаи». Всего за время правления Петра I в России вышло более двадцати книг на морские темы [5а].

Казенные Морская академия и навигацкая школа, готовившие технических специалистов и командные кадры, явились предшественниками всех современных высших и средних технических учебных заведений. Под руководством выпускников навигацкой школы и моряков, имевших практический

опыт плавания, в Санкт-Петербурге, Сестрорецке, Кронштадте, Новгороде, Нарве, Ревеле, Риге, Казани, Астрахани, Тарове (под Воронежем) и в других городах по инициативе сподвижника Петра I адмирала Ф. М. Апраксина были открыты «адмиралтейские школы». Учеников в них бесплатно обучали грамоте, арифметике, началам судостроения и артиллерии. Срок обучения зависел от опытности учителей, но не превышал одного года или двух лет. Учителям платили из казны по 10 коп. в день. Для сохранения численности учащихся до окончания школы им не разрешали жениться [5].

В целом обе академии — Морская в Санкт-Петербурге и Славяно-греко-латинская в Москве — положили основание целой сети начальных общеобразовательных школ в городах России. В том же году, когда из старших классов навигацкой школы была сформирована Морская академия, Петр велел отправить в губернии по два ученика школы, изучивших геометрию и географию «для науки молодых ребят из всяких чинов людей». В 1716 г. школы были открыты в 12, а к 1722 г. — в 42 городах. Так как здесь обучали в основном арифметике и геометрии, то их стали называть «цифирными школами» [1, с. 538]. Цифирные школы стали основой государственного начального образования, а адмиралтейские создали сравнительно грамотный костяк младших специалистов флота.

Таким образом, в начале XVIII в. в России имелись учебные заведения трех типов: гуманитарные (богословская Славянско-греко-латинская академия), технические (Морская академия, навигацкие школы) и общеобразовательные (цифирные и адмиралтейские школы, позже — гимназии) [1, с. 530, 535].

Они возникли как государственные учреждения, служащие целям, государством же определенным. Преимущественное развитие получила техническая школа, дававшая знания в тех областях, которые в тот момент требовались стране. Общеобразовательные сведения она сообщала в минимальных объемах, охватывавших лишь общие принципы наук.

Задачу подготовки моряков сформулировали Морской устав и Адмиралтейский регламент. Она должна была решаться комплексно: теоретическая учеба на берегу дополнялась плаваниями на судах. Так следовало готовить не только командный состав, но и рядовых моряков. Этот принцип обучения в морских учебных заведениях остается основным и поныне.

Поставленная задача была выполнена к концу правления Петра I. На протяжении первых двух десятилетий с момента организации отечественного флота на нем служило много иностранцев разных чинов: от матросов до адмиралов. Но по мере того как офицерами становились русские, прошедшие обучение за границей и в России, и появлялись команды обученных русских моряков, прием на службу иностранцев сокращался. К завершению Северной войны все матросы-иностранцы были уволены, и в 1720 г. в числе 7 205 рядовых моряков русского флота не имелось уже ни одного иноземца.

В 1723 г. адмирал Крюйс, сам голландец по происхождению, писал: «По моему мнению, ни одного иноземца в офицеры не надлежит принимать, который не был бы добрым штурманом, понеже здесь и своих русских офицеров довольно есть» [1, с. 151—152].

С созданием в Санкт-Петербурге Морской академии четко обособилось военно-морское образование. Гражданское морское образование развивалось медленно, хотя российское правительство понимало, что ему требуются кадры не только военных, но и гражданских моряков. В одном из документов, подписанных императрицей Екатериной II еще в 1782 г., говорилось: «...приложить старания о заведении по городам, откуда отправляется купеческое водоходство, водоходных школ» [4]. Здесь должны были готовить будущих шкиперов и штурманов. Но сеть гражданских мореходных классов была организована лишь в следующем XIX в.

ПЕРВЫЕ МОРСКИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ

Движение россиян «встречь солнцу», то есть к тихоокеанскому побережью, началось еще в XVII в. В следующем, XVIII, веке оно приобрело целенаправленный характер, превратившись в одну из важных потребностей страны. Появление и развитие морских и рыбопромышленных образовательных учреждений на дальневосточной окраине России тесно связано с открытием, исследованием и экономическим освоением этого громадного региона.

Первым из них стала *Охотская навигацкая школа*, созданная в 1732 г. по инициативе великого мореплавателя В. Й. Беринга. В 1730 г. Беринг подал «на Высочайшее имя» записку о необходимости «обучения в Охотске и Камчатке молодых казачьих детей для морского пути». Предложения Беринга были приняты, и ответом на них стал царский указ «из казацких детей молодых обучать морскому ходу».

29 апреля 1731 г. правительствующий Сенат дал указание Сибирскому приказу подготовить на основе идей Беринга надлежащие документы. Сибирский приказ разработал инструкцию для командира недавно образованного Охотского порта Г. Скорнякова-Писарева, некогда бывшего директором Санкт-Петербургской Морской академии. Два пункта этой инструкции имеют прямое отношение к морскому образованию: «21) Штурманов человек трех и матросов человек шесть велено послать из адмиралтейства, к которым придать из казацких детей молодых и обучать морскому ходу, дабы там своих штурманов и матросов завести... 23) ... а в Охотске хотя бы народную школу не для одной грамоты, но и для цифиры и навигации завести тебе Писареву и жалование малое для содержания учеников давать, из чего могут люди к службе знающие возрастать, а не дураками оставаться...» [6, с. 7].

Спустя год в Сибирь прибыли посланные Адмиралтейств-коллегией штурманы И. Бирев, С. Хитрово и А. Дементьев с шестью матросами, которым было велено «обучать матросской должности» детей охотских казаков. Но в Охотск они не попали, оставшись в Якутске. До Охотска значительно позже — к концу 1735 г. — доберется один И. Бирев.

Охотский начальник Г. Скорняков-Писарев, сосланный сюда по обвинению в заговоре против всевластного А. Меншикова, с устройством школы не спешил. Как указывал П. Слобцов в своем «Историческом обозрении Сибири», опубликованном в 1838 г., «начало Охотской навигацкой школы, в которой полагалось учить грамоте, арифметике, навигации и другим вспомогательным предметам, относится к 1732 г., но по малому числу детей и по недостатку наставников школа могла оказать успехи нисшей степени».

В 1740 г. Скорнякова-Писарева в должности командира Охотского порта сменил А. Девиер, бывший граф, генерал-аншеф и обер-полицмейстер Санкт-Петербурга, лишенный чинов и званий, который, кстати сказать, проходил с ним по одному делу. После этого дело устройства морского образования сдвинулось с мертвой точки. Девиер организовал народную школу для детей нижних чинов, в которой уже в 1741 г. под руководством попа-расстриги Я. Самгина грамоте, арифметике и рисованию обучались 21 чел. разных сословий [7, с. 57]. Но навигацкой школой это учебное заведение еще не являлось из-за нехватки учителей и полной безграмотности учеников.

В 1742 г. Скорняков-Писарев и Девиер были освобождены из ссылки и помилованы. Назначенный командиром Охотска премьер-майор А. Зыбин также принял меры к развитию народного образования. 27 августа 1748 г. он обратился в Сибирский приказ с просьбой: «Для обучения команд Охоцкого порта служащих детей цифири и некоторой части геометрии прислать в Охоцк одного человека студента искусного и те науки знающего, снабдя его книгами арихметикой и геометрией и с принадлежащими к тому инструментами... дабы здесь команд Охоцкого порта служителей дети без обучения не остались дураками, и по употреблению в службе ея императорского величества могли всегда годны быть» [7, с. 67].

Охотск стал первым российским портом на тихоокеанском побережье. Отсюда суда Охотской флотилии ходили на Камчатку, перевоза продовольствие, людей, военные грузы. Осенние плавания по Охотскому морю были весьма опасны: только в 1753—1755 гг. из-за непогоды у берегов Камчатки потерпели крушение пять судов и погибли более 40 чел. [7, с. 68]. Все это подтверждало необходимость готовить моряков, знакомых со сложными местными навигационными условиями.

В 1765 г. при поддержке сибирского генерал-губернатора В. А. Мятлева, бывшего моряка, охотская народная школа была реорганизована в навигацкую. В предписании лейтенанту Хметевскому Мятлев приказал готовить де-

сять человек «так, чтобы они, будучи в обучении, могли для надобных здесь к мореплаванию служителей вступить в навигацкие науки» [8, с. 13]. Среди преподавателей Охотской навигацкой школы были такие опытные мореходы, как М. Неводчиков и лейтенант И. Синдт.

В 1767 г. в Охотске находился 31 ученик разных специальностей. Они получали годовое денежное содержание в размере от 12 руб. 60 коп. до 120 руб. В 1776 г. здесь числилось «учеников навигацкой школы — 20, школьников — 20». В 1777 г. по представлению нового командира Охотского порта отставного капитан-лейтенанта С. И. Зубова был утвержден штат навигацкой школы на 20 учеников с годовым жалованием по 54 руб. [6, с. 10—11].

В 1780 г., после того, как наводнение разрушило Охотск, навигацкую школу временно перевели в Гижигу. Здесь она оставалась до 1785 г. Школу курировал сменивший Зубова коллежский асессор Бензинг, стремившийся придать ей общенародный характер за счет приема детей из казачьих и солдатских семей, а также сирот.

Осенью 1780 г. Бензинг доносил иркутскому губернатору о том, что состояние школы, размещавшейся в больнице, неудовлетворительное, у нее нет необходимых книг. Кроме того, в Охотске находились 123 ребенка, не имевших достаточного присмотра и воспитания. Бензинг на пожертвования организовал общенародную школу, навигацкую школу перевел в дом умершего поручика, назначил надзирать за ней лейтенанта Юрлова, привлек к преподаванию служивших в Охотске офицеров, принял шесть новых учеников взамен неспособных к обучению [9].

Пытаясь улучшить качество образования, Бензинг ввел ежемесячные и ежеквартальные экзамены, изучение латинского, французского и немецкого языков. Он первым поставил вопрос о правомерности существования Охотской навигацкой школы «как учреждения узкопрофессионального, ориентированного лишь на подготовку морских специалистов и не удовлетворяющей потребности других ведомств в грамотных кадрах».

Очередной старший местный администратор — комендант Охотска полковник Г. А. Козлов-Угренин по ходатайству местного мирового судьи Коха просил иркутского губернатора прислать для навигацкой школы учителя, книги и инструменты. А сам тем временем, «чтобы не довести до упадка этого полезного учреждения», назначил в нее учителем штурманского ученика Должантова. Губернатор из-за отсутствия средств переадресовал это дело в Сенат. Только после царского разрешения с 1 января 1790 г. правительство начало выделять ежегодные ассигнования в сумме 4 274 руб. [6, с. 11].

Сменявшие друг друга в должности коменданта Охотска армейские офицеры уделяли школе недостаточное внимание. В 1796 г. она была закрыта, но спустя три года вновь заработала, будучи сведена в «Охотскую четвертьроту штурманских кондукторов, кадет и кантонию» со своим уставом. В нем

говорилось: «Цель образования этой роты, или училища, есть снабжение Охотской флотилии знающими свое дело и опытными кондукторами, к которому присоединяется снабжение Порта по различным должностям: вахтерам, писарям и команды унтер-офицерами».

В 1801 г. начальником порта в Охотске был назначен капитан-лейтенант Бушуцкий. Адмиралтейств-коллегия поручила ему привести школу в порядок и направила туда для преподавания морских наук штурмана. В декабре 1803 г. Бушуцкий представил штат школы в составе четырех учителей и пятидесяти учеников и смету на постройку здания, однако эти документы вернули на доработку. Генерал-губернатор Селифонтов на запрос товарища (заместителя) министра Морских сил России П. Чичагова ответил, что Охотская школа бесполезна. В 1802 г. Адмиралтейств-коллегия поручила вице-адмиралу Фомину составить новое положение о школе. Тот тоже считал, что она не нужна, и для Охотска следует готовить специалистов в Иркутской навигацкой школе, но с ним не согласились.

Начальнику Охотского порта поручалось наладить подготовку штурманов для казенных транспортов и судов Российско-Американской компании. На это ассигновалось 1 040 руб. в год. Но Бушуцкий организовал обучение лишь на кампанию 1807 г., выделив для этого штурмана Потапова. На следующий год ребят учил у себя на квартире штурман Борисов [9].

В 1809 г. Охотский порт возглавил капитан-лейтенант М. И. Миницкий. Его трудами школа была приведена в отличное состояние. Миницкий доложил иркутскому губернатору Трескину о том, что дети охотских служителей похожи на беспризорников. Он обмундировал 27 учеников и запросил у Адмиралтейств-коллегии средства на содержание 35 воспитанников. Не получив поддержки, он на свои деньги и пожертвования приобрел учебники и необходимые припасы, завершил сооружение здания, сам преподавал и осенью сообщил о том, что надеется через два года выпустить первых штурманов.

Трескин, получив донесение Миницкого, в сентябре 1811 г. подготовил штат школы, которая должна была готовить мореходов и корабельных мастеров и находиться в распоряжении иркутского гражданского губернатора. Двадцать учеников следовало набрать из детей нижних чинов и числить их на действительной службе. Ввиду невозможности финансирования школы в военные годы, генерал-губернатор И. Б. Пестель в 1813 г. по ходатайству Трескина разрешил использовать на это часть средств, выделяемых на содержание порта [9].

Надзор за учениками поручался смотрителю, назначаемому из флотских офицеров. В школе должны были преподаваться Закон Божий, грамматика, каллиграфия, арифметика, геометрия, тригонометрия, алгебра, навигация, астрономия, геодезия, топография, история, статистика, корабельная архитектура, черчение планов и карт, рисование.

Преподавание велось хорошо, большинство учеников после выпуска становилось помощниками штурманов, а иногда и штурманами. Так, в 1812 г. шестеро выпускников, прошедших практику на шлюпе «Диана», ходившем в далекие плавания по Охотскому морю и Тихому океану, получили право самостоятельно водить транспорты, то есть стали штурманами. Кроме штурманов, школа готовила корабельных мастеров.

Обязательным элементом обучения являлась учебная практика на судах, ежегодно посещавших Камчатку, и на судостроительных верфях. Успешно окончившим полный курс и сдавшим установленные экзамены в присутствии всех находившихся в данный момент в Охотске флотских офицеров давались назначения, в зависимости от степени успехов, в подштурманы или штурманы, а судостроителям — в корабельные мастера или подмастерья [7, с. 112—113].

В 1818 г. школой, в которой обучались 67 чел., руководил лейтенант князь Шаховский, который вел уроки истории, географии и рисования. Кроме него преподавали моряки со стоявших в порту судов. В 1822 г. троих воспитанников подготовили как штурманских учеников [9].

С 1812 по 1831 гг. школа выпустила штурмана, штурманского помощника, десять штурманских учеников, четверых писарей, семь баталеров, восемь фельдшеров и аптекарских учеников, шестнадцать кондукторов. Из числа кондукторов семеро готовились к экзамену на получение офицерского звания, но только двум из них — Олесову и Самойлову — удалось стать офицерами корпуса флотских штурманов. Кроме этого, из стен школы выходили просто грамотные люди, которых на Дальнем Востоке в то время остро недоставало.

Учебное заведение имело библиотеку, насчитывавшую в 1823 г. 344 книги. Для пополнения книжного фонда офицеры Охотской флотилии в 1830 г. основали общественную библиотеку, содержащуюся на вычеты из их жалования. Благодаря этому к 1850 г. библиотека располагала уже 2 151 книгой.

Воспитанники Охотской школы носили присвоенную им особую форму: мундир и брюки зеленого цвета, красные погоны. Черный воротник был оторочен красным кантом, зеленая бескозырка имела два оранжевых канта. На серой шинели в ряд были нашиты шесть пуговиц, на мундире — также в ряд располагались девять пуговиц [7, с. 121—123].

В 1847 г. школу переименовали в Штурманское училище. В нем в это время состояли двенадцать штурманских учеников. Плавательную практику они проходили: в первом классе — подштурманами, во втором — штурманскими учениками, а после третьего выпускались штурманами офицерского ранга. Здесь же имелись и тринадцать кантонистов, выпускавшихся по окончании обучения с производством в кондукторы (при наличии опыта плавания и после сдачи экзамена — в прапорщики) [6, с. 12—13].

В конце июля 1849 г. на Камчатке побывал генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев, высоко оценивший достоинства Авачинской губы. Здесь у него окончательно созрела мысль о необходимости сделать Петропавловск главным тихоокеанским портом России. Итогом поездки Муравьева стал перенос неудобного Охотского порта в Петропавловск и императорский указ от 2 декабря 1849 г. об образовании самостоятельной Камчатской области во главе с военным губернатором. В феврале 1850 г. им был назначен капитан 1-го ранга В. С. Завойко. Перевозка хозяйства Охотского порта в Петропавловск началась в 1850 г. В этом году Штурманское училище в Охотске имело 24 воспитанника.

Выпускники училища были востребованы. Известный исследователь К. Дитмар, побывавший на Камчатке в середине XIX в., так описывал свою встречу с тендером «Камчадал», которым летом 1853 г. командовал лейтенант корпуса штурманов А. М. Чудинов. Судно было построено в 1843 г. на Ситхе для службы на Камчатке. «Ему было предоставлено право носить русский военный флаг, и, пожалуй, лишь это одно напоминало в нем военное судно; дисциплина и опрятность, к сожалению оставляли желать много лучшего. Капитаном этого судна состоял А. М. Чудинов... Он происходил из низшего сословия, родился в Охотске и получил образование в местном штурманском училище... Под его командой состояли: один штурман — кадет Кокорин, два унтер-офицера и двенадцать матросов» [10, с. 403—404].

Вторым учебным заведением на востоке страны стала *Якутская навигацкая школа*. В 1734 г. В. Й. Беринг, проезжая через Иркутск, нанял здесь для задуманной им на Камчатке школы преподавателя Гейдерейха. В 1736 г., когда Гейдерейх прибыл в Якутск, Беринг поручил ему организовать обучение казачьих детей арифметике, геометрии, тригонометрии и навигации. Однако в течение трех лет учеников набрать не удавалось. Прибывший в 1739 г. советник Адмиралтейств-коллегии В. Ларионов насильно собрал в Якутске для обучения в школе 110 казачьих детей в возрасте от шести до пятнадцати лет. Оставаясь в Якутске по делам Камчатской экспедиции, он наблюдал за их обучением и в феврале 1741 г. отобрал 25 чел., способных постигать навигацкие науки.

Школа не имела ни пособий, ни инструментов. Ларионов обратился в Адмиралтейств-коллегию, которая прислала учебники, циркули, квадранты и другие навигацонные приспособления. Проблемы возникли и с преподавателями. Гейдерейх, которому вначале не платили, а в 1741 г. выдали лишь половинное содержание, оставил школу. Кроме того, он не был сведущ в морских науках. Сменившие его учителя тоже не получали содержания, учеба шла плохо, и через пять лет школа закрылась.

В 1765 г. якутский губернатор Чередков направил иркутскому губернатору представление о восстановлении учебного заведения. Учитывая, что

Иркутская навигацкая школа далека от Якутска, Сенат указом от 18 сентября 1765 г. постановил основать в Якутске школу для сорока боярских и казачьих детей. Через два года учеников набрали, из Иркутска прислали инструменты, но назначенный учитель умер, и его сменил штурманский ученик Турчанинов. Этот сержант владел морскими науками лишь до ведения морского журнала. Однако он старательно обучил шестерых учеников тому, что знал сам. Еще восемь воспитанников осваивали арифметику и геометрию. Турчанинова решили сменить, но потом вернули, скорее всего, из-за отсутствия более подходящих учителей. В 1777 г. в школе состояли 22 ученика: 14 — изучали навигацию, восемь — арифметику и геометрию.

В 1783 г. школу передали иркутскому приказу общественного призрения и перестали выделять средства на ее содержание. После семилетней переписки генерал-губернатор И. А. Пиль, не найдя денег, в 1791 г. распорядился сделать последний выпуск: трое старших учеников стали сержантами геодезии, остальных распределили на различные должности. 13 октября 1972 г. Пиль донес генерал-прокурору Сената об окончательном закрытии школы [6, с. 7; 9].

В 1754 г. по распоряжению сибирского генерал-губернатора адмирала В. А. Мятлева на средства Амурской (Нерчинской секретной) экспедиции, задачей которой являлось создание в Нерчинске речной флотилии, изучение Амура, строительство здесь порта и верфи, открываются *школы навигации и геодезии в Иркутске и Нерчинске*. Они и стали первыми настоящими морскими учебными заведениями на востоке России.

Иркутская школа навигации и геодезии, появившаяся на базе существовавшей еще с 1740-х гг. школы геодезистов, фактически стала первой, готовившей штурманов коммерческого флота. Ее директором был назначен чиновник Есипов, преподавателями подпоручик А. Юсупов, прапорщик И. Бритов, штурман М. Татаринов и три японца, учившие воспитанников своему языку. Пятеро из одиннадцати выпускников этой школы уже в 1758 г. были направлены для практического обучения в Охотск штурманами на суда.

В Нерчинской навигацкой школе в августе 1765 г. учились 35, а через год — уже 59 чел. Вначале здесь преподавал Ф. И. Соимонов. С 1756 до марта 1759 г. учителем был «подмастерье в поручичьем чине» А. Юсупов, потом — штурман И. Бритов. Оба до этого были учителями Иркутской школы. В августе 1765 г. 39 учеников Нерчинской школы перевели в Иркутск, объединив оба учебных заведения в одно. Его директором стал И. Бритов. В 1768 г. совместный выпуск обеих школ составил 84 чел., 22 из которых стали штурманами, а пятеро — подмастерьями ластовых судов, то есть кораблестроителями.

К 1787 г. Иркутская школа пришла в упадок: в ней не было ни одного учителя навигации, прекратился набор воспитанников. В 1795 г. ее присоединили к главному городскому народному училищу, открытому в 1787 г. [6, с. 9—12].

В общей сложности Нерчинская и Иркутская школы выпустили 220 специалистов различных отраслей знания, в том числе и штурманов [11, с. 12].

На протяжении второй половины XVIII в. на востоке страны действовали четыре навигацких школы. Помимо специалистов, пригодных для нужд мореплавания и судостроения, они готовили кадры для военного и горного ведомств и в целом повышали образовательный уровень местного населения. С 1797 г. военный статус учеников навигацких школ был сменен на гражданские чины [6, с. 15].

Единственной из четырех в XIX в. перешагнула Охотская навигацкая школа, ставшая специализированным штурманским училищем и явившаяся предшественником всех ныне действующих на Камчатке морских учебных заведений.

ПЕРВЫЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ НА КАМЧАТКЕ

Летом 1740 г. экспедиция В. Й. Беринга основала «гавнь Святых апостол Петра и Павла» на берегу Авачинской губы. Главными проблемами, осложнявшими существование нового российского порта, являлись отсутствие поблизости от него леса, пригодного для постройки судов и портовых сооружений, а также сложность снабжения продовольствием, которое проще было заготавливать во внутренних районах полуострова. Это привело к тому, что Петропавловская гавань вскоре после своего основания постепенно пришла в упадок, длившийся до начала XIX в. Тем не менее, она исправно выполняла функции базы для русских и иностранных морских экспедиций.

Как уже известно, первым с идеей организовать на Камчатке морское учебное заведение выступил В. Й. Беринг. Но вначале в 1740-х гг. на полуострове появились лишь общеобразовательные школы, открывшиеся в Большерецком остроге, Нижнекамчатске и Петропавловской гавани. Инициаторами их создания, помимо В. Й. Беринга и начальника Охотского порта А. Девиера, считаются А. И. Чириков и Г. В. Стеллер. В 1741 г. появилась школа в Большерецке на 20 учеников. По приказу Девиера в ней учительствовал сосланный поручик Пражевский. В 1742 г. заработала школа в Нижнекамчатске. Здесь детей грамоте учили казаки [12а, с. 78].

Выдающийся исследователь полуострова С. П. Крашенинников положительно оценивал деятельность этих школ, подчеркивая, что дети камчадалов, не имевших своей грамоты, обучались в них российской грамоте вместе с детьми казаков, и делали это весьма охотно.

Значительный вклад в развитие общего образования на полуострове внесла духовная миссия под руководством архимандрита И. Хотунцевского, находившаяся здесь в 1745—1750 гг. Ее работа была насыщена религиозным

содержанием. В состав миссии, кроме священников, входили студенты Славяно-греко-латинской академии. Студенты обучали детей азбуке, чтению по-церковнославянски и по-русски, часослову, псалтыри, письму и катехизису с объяснением божественных заповедей.

В отчетах, направляемых в Синод, Хотунцевский отмечал, что камчадалы склонны к учению. Он же предлагал начать и подготовку местных специалистов: солдат, лекарей, живописцев для росписи новых храмов, столяров, кузнецов и мореходов [12]. Но эти проекты были реализованы лишь спустя многие годы.

Через два с половиной десятилетия очередное предложение о создании на Камчатке школы по подготовке моряков высказал главный камчатский командир премьер-майор М. К. фон Бем, назначенный сюда в 1772 г. императрицей Екатериной II. Прибывший осенью этого же года в Иркутск Бем получил от местного губернатора Бриля инструкцию, в которой, в частности, говорилось о необходимости устройства военных школ для детей камчатских обитателей: «Солдатских и казачьих малолетних детей переписать, и, чтобы без призрения не оставались и праздно не шатались, с семилетнего возраста отдавать в школы, выбрав для их учения грамотных служителей... употребляя деньги на содержание школьников от тамошних доходов. По совершеннолетию этих мальчиков определить: детей солдат в солдаты, а казачьих — в казаки, а если окажутся способности, то и в другие должности. Кроме того обучать камчадалских детей...» [13, с. 4].

К началу 1770-х гг. на Камчатке имелись десять гражданских школ, в которых обучались 189 детей. Они постепенно пришли в упадок. Причиной этого стало то, что камчатские командиры употребляли на свои нужды средства, выделявшиеся казной на содержание учеников. В 1784 г. не действовала уже ни одна гражданская школа, и «военные школы остались единственным рассадником грамотности на полуострове» [13а, с. 15].

По прибытии на Камчатку Бем обратился к губернатору Брилю с предложением учредить здесь школы гражданского ведомства для обучения грамоте аборигенов, но ответа на него не получил, и поэтому занялся улучшением военных школ. По штату 1773 г. в них полагалось иметь: в Большерецке и Верхнекамчатске по 15, Нижнекамчатске — 10 и Тигильской крепости — 30 учеников. Учителями сюда назначались грамотные унтер-офицеры. Школьникам полагалось обмундирование и питание, на содержание школ выделялись 4 274 руб. Бем сумел на эти средства увеличить число штатных учеников вдвое и приказал обучать кроме них детей прочих жителей, в том числе и «туземцев» [13, с. 16].

6 декабря 1774 г. Бем писал новому иркутскому губернатору Немцову о необходимости «заведения в Камчатке навигацкой школы для приготовления штурманов на промышленные суда, которые, находясь под управ-

лением людей почти вовсе непосвященных в морские науки, беспрестанно терпели крушения». Эта идея поддержки властей не нашла. Губернатор, с которым отношения у Бема «не сложились», предложил главному камчатскому командиру «больше заниматься делом, нежели бесплодными проектами» [13, с. 17—18].

Оживление экономической жизни Петропавловской гавани связано с началом деятельности Российско-Американской компании (РАК), основанной в 1799 г. Порт стал использоваться как промежуточная база на пути из материковой России к русским владениям на побережье Америки. В 1804 г. в нем располагался склад РАК, здесь же жил комиссионер компании. Один из руководителей РАК граф Н. П. Резанов 16 августа 1804 г. докладывал императору Александру I о том, что «Петропавловская гавань может быть средоточием всей торговли Российско-Американской компании, а особливо когда торг с Японией открыт будет, и сделаться важным городом. Я приступил уже здесь к учреждению фактории. . . Вот уже на первый раз для японской торговли три неисчерпаемые источника: рыба, жиры и замша. . .» [14, с. 158]. Тем самым Резанов одним из первых предвосхитил экономическое будущее Камчатки.

Значительный личный вклад в развитие общего, профессионального и морского образования на полуострове в 1820—1850-х гг. внесли определявшиеся сюда начальники Камчатки, избравшиеся из высокообразованных морских офицеров. За единственным исключением, это были талантливые администраторы, искренне заботившиеся о развитии порученной им территории и благе ее населения.

В 1818 г. в Петропавловске открылась *ремесленная школа*. Ее основателем является начальник Камчатки П. И. Рикорд, назначенный на должность в 1816 г. и вступивший в нее в мае 1817 г. «Сразу после прибытия в порт он открыл ремесленное училище с двенадцатью учениками столярному, плотничьему, токарному и слесарному мастерству» [16, л. 1—2].

Собственным зданием школа не располагала. Необходимые для ее работы инструменты доставила на шлюпе «Камчатка» экспедиция В. М. Головнина, отмечавшего в 1818 г., что на занятиях ученики ремонтировали ружья и металлические вещи.

Школа была учреждена по правительственному распоряжению от 27 февраля 1817 г., составленному в соответствии с представлением Рикорда. На ее содержание ежегодно отпускались по 2 075 руб. и, кроме того, одновременно ассигновались 5 000 руб. на постройку здания, а также 3 000 руб. для покупки необходимых инструментов [12б, с. 38].

Отправляясь на Камчатку, Рикорд просил иркутского губернатора Трескина послать с ним шестерых ремесленников, в которых на полуострове ощущался крайний недостаток. Трескин приказал определить для этого шестерых якутов. В 1820 г. по распоряжению главного начальника края сибир-

ского генерал-губернатора М. М. Сперанского на Камчатку отправились еще несколько мастеровых в качестве учителей для ремесленной школы [126, с. 38; 15, с. 34].

В 1820 г. П. И. Рикорд составил план застройки Петропавловска, на котором среди прочих предполагавшихся к возведению зданий размещалась и ремесленная школа. Рикорд предлагал превратить Петропавловск в настоящий оборудованный морской порт. Для этого здесь следовало соорудить столярную, блоковую, токарную, парусную, фонарную, компасную, такелажную, слесарную и котельную мастерские, кузню, арсенал и цейхгауз, а также «сарай для строения гребных судов и для уборки оных в зимнее время» [14, с. 208]. Этот план осуществился лишь частично.

С 1818 по 1828 г. ремесленная школа выпустила 26 чел., в число которых входили портной, столяр, токарь, чеботарь, котельщик, плотник, два кузнеца. Семеро ее выпускников стали казаками, шестеро — матросами, четверых уволили «за неспособностью». В 1828 г. в школе занимались восемь учеников, которых, кроме ремесел, обучали и грамоте.

Сибирский генерал-губернатор просил министра внутренних дел установить школе твердый штат учеников в 12 чел., которого она ранее не имела. При этом он писал, что эта школа крайне необходима, как единственное учреждение на Камчатке для воспитания сирот. В декабре 1828 г. представление было утверждено, но с тем условием, чтобы выпускники употреблялись бы только на гражданском поприще, а не на службе, и поэтому было решено принимать в школу людей свободного сословия.

28 сентября 1828 г. должность начальника Камчатки принял бывший помощник Рикорда «флота капитан 1-го ранга» А. В. Голенищев. Ему первому из камчатских начальников было предоставлено право по делам гражданского управления особой важности обращаться непосредственно к министру внутренних дел помимо своего прямого начальства [126, с. 60].

Судя по анкете, составленной в Петропавловске, в марте 1829 г. здесь действовали два образовательных учреждения: духовное училище и ремесленная школа. «В первом сем 829 г. училось: детей духовного звания двенадцать, из мещан пять, из природных камчадал три, из крестьян один и из матросских детей один, всего двадцать два человека; а во второй из матросских детей десять человек. На содержание духовного училища ежегодно отпускается 7 123 руб. из общего казначейства; на содержание ремесленной школы — 2 075 руб.» [14, с. 223].

Ремесленная школа упоминается и в «Статистических сведениях о Камчатской области за 1829 год». Она до сих пор не имела собственного помещения, а потому занятия проходили во флотских казармах.

Состояние школы охарактеризовано в рапорте А. В. Голенищева министру внутренних дел от 30 июня 1829 г.: «Сверх существующих ныне в порте

казенных зданий, кои все без изъятия заняты, необходимо выстроить дом для ремесленной школы, коей ученики помещаются ныне в служительской казарме. По неимению здесь ремесленников, приведение в должное положение и возможное совершенство ремесленной школы крайне необходимо, как для казенных работ, так и для частных. До сего времени чиновники и жители порта, исключая простое сословие, все домовые вещи, как-то медную посуду, мебель и даже платье и обувь принуждены были доставлять из Охотска весьма дорогою ценою, и сии значительные издержки, вместе с другими на содержание употребляемыми, весьма ощутительны для каждого. И как ремесленная школа, существующая до сего времени по одному названию, не имела положительных для руководства правил, то ныне вследствие предписания генерал-губернатора Восточной Сибири Лавинского приступлено к составлению штата для оной, по приведении коего к окончанию буду иметь честь в особенности донести Вашему Высокопревосходительству» [17, л. 134—134 об.].

15 января 1829 г. Кабинет министров — правительство России — решил, что отныне в школу должны были поступать дети лишь «собственно камчатских природных обитателей». После ее окончания они оставались бы в области и использовались на гражданском поприще и для развития хозяйственной жизни территории, а не только на воинской службе. В соответствии с этой идеей, в октябре 1829 г. все учившиеся в ней дети служителей камчатской экипажной роты и казачьей команды были «выключены из штата». А. В. Голенищев, обращаясь к генерал-губернатору Восточной Сибири, просил принимать на учебу и детей камчатских казаков, которых он также рассматривал как постоянных местных жителей. Школу передали из морского ведомства в Министерство внутренних дел, а затем — Министерству государственных имуществ.

В 1831 г., по данным Голенищева, Камчатку населяли 4 460 чел.: 2 523 «мужска пола» и 1 928 женщин. «Все жители Камчатки, исключая чинов, в коронной службе состоящих, довольствуются преимущественно местными произведениями, между коими рыба есть общий и главный предмет продовольствия...»

Детей, пригодных для обучения, в числе жителей насчитывалось 343 чел.: офицерских — девять мальчиков и пятнадцать девочек, медицинских чинов и приказнослужителей — девять мальчиков и четыре девочки, купцов — восемнадцать мальчиков и десять девочек, нижних чинов морского ведомства и казаков, отставных матросов и солдат, а также военнопоселенцев — 194 мальчишки и 84 девицы [18, с. 2—3].

Голенищев столкнулся с отсутствием учителей и поэтому назначил ими в ремесленную школу мастеровых из флотской команды. Но морское ведомство не позволило ему отвлекать их от своих прямых обязанностей. Тогда

Голенищев обратился к иркутскому губернатору с просьбой прислать на Камчатку для этой цели кузнеца, слесаря и столяра из поселенцев. При этом он представил новый штат школы в числе десяти учеников вместо прежних двенадцати и просил разрешить ему использовать накопившиеся от некомплекта учеников 7 695 руб. на развитие этого учебного заведения. Эти ходатайства начальника Камчатки были одобрены осенью 1833 г.

В ответ на просьбу Голенищева о высылке трех мастеровых иркутский губернатор распорядился отправить десять мастеровых из ссыльно-каторжных, «но Голенищев просил не заражать край подобными преступниками, и потому в мае 1833 г. были присланы требуемые им мастеровые из иркутского ремесленного дома» [126, с. 60—61].

11 октября 1835 г. должность начальника Камчатки от Голенищева принял капитан 1-го ранга Шахов, несправедливо обвинивший предшественника в том, что тот «привел край в самое бедственное положение и расстроил все прежние полезные учреждения». По навету Шахова на Голенищева наложили денежный начет за якобы имевшийся недостаток казенной соли. Голенищев просил взять в счет компенсации за 4 500 руб. ассигнациями его дом на Камчатке и передать его ремесленной школе [126, с. 63].

В 1840 г. на Камчатке действовало училище, содержавшееся за счет духовного ведомства. В нем обучалось двадцать пять учеников духовного сословия и десять камчадалов.

7 октября 1840 г. в управление Камчаткой вступил новый начальник — капитан 2-го ранга Н. В. Страннолюбский. 12 ноября 1840 г. комитет министров решил послать на Камчатку агронома, для того чтобы развить здесь хлебопашество и скотоводство и тем самым ослабить зависимость местного населения от привозного продовольствия. Выбор, оказавшийся, как показало время, неудачным, пал на прусского подданного К. Кегеля. В выданной ему инструкции предписывалось принять в свое ведение ремесленную школу, которую «привести в лучшее устройство и выучить учеников таким занятиям, какие могут быть полезны в домашнем быту тамошних жителей».

В 1841 г. Кегель прибыл на Камчатку. Здесь у него возникла идея о переносе ее из Петропавловского порта в Мильковское селение, сельскохозяйственный центр полуострова. По мнению Кегеля, школа была доведена до упадка [126, с. 70, 72]. 29 мая 1843 г. Страннолюбский сообщил инспекторскому департаменту, что занятия ее учеников ограничиваются разведением огородных овощей и изучением бочарного, столярного, слесарного и кузнечного ремесел. Для обучения грамоте школа не имеет своих учителей, поэтому ее ученики для этого цели ходят в школу кантонистов [126, с. 72—73].

Н. В. Страннолюбского сменил капитан 2-го ранга Р. Г. Машин, прибывший на Камчатку 21 августа 1845 г. В 1847 г. он просил ассигновать средства на заведение школ для обучения камчадалов. О тогдашнем уровне их гра-

мотности свидетельствует такой факт. Камчадалским старшинам, получавшим какое-либо предписание начальства, приходилось для его прочтения ехать к грамотному человеку за триста верст. На это представление ответа Машин не получил, но учредил одно училище в Мильковском селении. Сюда с согласия родителей поступили двадцать три камчатских мальчика восьми-пятнадцати лет из разных селений. Их обучали чтению, письму, Закону Божьему, арифметике и отчасти ведению сельского хозяйства. «Ученики жили у крестьян на условиях, сделанных с их родителями, на счет которых содержалась и самая школа» [126, с. 84].

В 1848 г., по отчету Машина, в Петропавловске жили около 370 чел., среди них имелись двадцать семь ремесленников различных специальностей. Из числа последних для судостроения и обслуживания флота могли быть пригодны двое слесарей и шестнадцать плотников [20, с. 25, 33]. Кстати, из того же отчета следует, что ремесленная школа в Петропавловске не работала. Закрыта она была, видимо, в 1844 или 1845 гг. [19, с. 62]. Как видно, со своим назначением это учебное заведение явно не справилось.

2 декабря 1849 г. по императорскому распоряжению была образована самостоятельная Камчатская область. Исполнять обязанности ее военного губернатора стал капитан 1-го ранга В. С. Завойко, вскоре получивший чин генерал-майора, а затем — контр-адмирала. Отныне заботами первого камчатского губернатора «Петропавловск должен был сделаться полезной станцией для военного флота, равно как для торговых судов и китобоев. Для этого, однако, недоставало рабочих и ремесленников, равно как мастерских и складов корабельных принадлежностей...» [10, с. 79].

В 1850 г. в связи с ликвидацией Охотского порта действовавшее там штурманское училище перевели в Петропавловск, который теперь стал единственным портом во всей северной части Тихого океана. Парусники, посещавшие гавань, нуждались в снабжении и ремонте, но «здесь едва хватало запасных частей для собственных судов. Точно так же здесь не было никаких мастерских, имелись только небольшие, весьма примитивные приспособления для производства самых простых работ» [10, с. 125, 133].

Теперь учебное заведение именовалось «*Петропавловское морское училище*» и пользовалось неизменной поддержкой со стороны В. С. Завойко, который пытался расширить его и улучшить условия существования. Он составил штат учебного заведения и разработал «Положение...», детально регламентировавшее его деятельность. Отличительным знаком училища стали литеры «П. У.» (Петропавловское училище), носимые воспитанниками на погонах и фуражках.

«Петропавловское морское училище состоит под непосредственным начальством Камчатского военного губернатора и под главным начальством начальника Главного морского штаба». Директором училища (одновремен-

но инспектором классов) мог стать флотский офицер, офицер корпуса флотских штурманов или корабельный инженер в чине не ниже капитан-лейтенанта или капитана. Помощником директора назначался морской лейтенант или офицер корпуса флотских штурманов в чине штабс-капитана или поручика. «Директор училища и его помощник назначаются и увольняются Высочайшим приказом по Главному штабу Морского министерства, а чины учебные избираются директором училища и утверждаются в должности Камчатским военным губернатором».

Обучение воспитанников фронтовой службе возлагалось на унтер-офицера (он же являлся каптенармусом). Обслуживать и присматривать за воспитанниками должны были четыре «дядьки». Остальная прислуга по потребности назначалась от 46-го флотского экипажа, расквартированного в Петропавловском порту. В штат училища входили также один повар и два писаря.

Число воспитанников определялось в 30 чел., но «сверх штатного числа дозволяется иметь пенсионеров, число их не ограничивается. Каждый пенсионер платит за свое содержание училищу по 200 руб. серебром в год». На содержание учебного заведения предполагалось затрачивать в год 2 866 руб. 92 коп. [21, л. 9—9 об.].

Программа обучения предусматривала прохождение трех последовательных курсов: подготовительного, общего и специального. Подготовительный курс вводился для тех воспитанников, родители которых «по роду службы своей, равно как и по недостаточному состоянию», не могли дать своим детям «даже малых первоначальных познаний в науках».

Общий курс заключался в преподавании наук, «познание которых, с одной стороны, необходимо для каждого просвещенного члена семейства и государства; с другой — служит приготовлением к образованию специальному».

На специальном курсе намечалось изучение навигации, астрономии, морской практики, корабельной архитектуры и построения корабельных чертежей, теории кораблестроения, теоретической и практической механики, теории паровых машин, описи морских берегов, лоции, черчения планов и карт, фортификации, артиллерии, строительного искусства и гражданской архитектуры, составления проектов, смет, пояснительных записок, технических и денежных отчетов.

Последний год специального курса должен был носить преимущественно практический характер, состоявший в приобретении знаний: «1. Качества кораблей. 2. Нагрузки и размещения по местам всех корабельных вещей. 3. Управления кораблем в отношении к действию ветра и парусов. 4. Развязывание лаглиня и лотлиня. 5. Поверки скляночных часов и компаса. 6. Ведения журнала и путисчисления. 7. Астрономических наблюдений. 8. Употребления и действия артиллерии. 9. Производство кораблестроительных работ. 10. Управления пароводов. 11. Работа на заводах. 12. Орудейного ученья

и лабораторного дела. 13. Построения разных зданий и гидротехнических сооружений; и вообще в изучении практически всех предметов, какия впоследствии могут представиться».

Как видно, перечень дисциплин специального курса свидетельствует о том, что Петропавловское морское училище можно рассматривать в качестве прообраза морского вуза, появившегося на полуострове более чем век спустя. Полный срок обучения в нем должен был составить восемь лет. Его выпускники могли стать флотскими офицерами: штурманами или артиллеристами, инженер-механиками военных пароходов, а также инженерами корабельными или «по строительной части» гражданского ведомства.

После сдачи выпускных испытаний списки успешно выдержавших их отправлялись начальнику Главного морского штаба, который представлял их на утверждение императору. После утверждения воспитанники, «удостоенные к выпуску на действительную службу», приводились к присяге на верность «Престолу и Отечеству» и отправлялись к месту службы. Каждый из них получал пособие на обмундирование и обязывался прослужить в Камчатском или Охотском крае не менее пяти лет.

В 1852 г. весь Петропавловск состоял из 156 деревянных домов. В этом году в местном училище числились 29 чел. Собственного помещения оно не имело, размещаясь в матросской казарме. Постоянных преподавателей не было, их роль выполняли морские офицеры с кораблей, стоявших в порту. Известно, что училище располагало собственной библиотекой, насчитывавшей около 240 книг [22, с. 114].

Личный состав училища принимал участие в Петропавловской обороне 1854 г. В начале 1855 г. его численность составляла всего 19 чел. [23]. В марте 1855 г. училище, в связи с эвакуацией порта в Николаевск-на-Амуре, перенесли туда же. Одним из его воспитанников был Федор Никитич Алексеев, прибывший в Петропавловск на транспорте «Двина». Он вел интересный дневник, в котором, в частности, описал оставление порта весной 1855 г. В дневнике Алексеев упомянул некоторых своих товарищей. Он писал: «29 марта я назначен на корвет “Оливуца”. Сегодня вышел приказ командира порта адмирала Завойко о начатии компании. Состав экипажа: ...ученики Петропавловского штурманского училища Алексеев, Тольман, Чупров, Крахалев 2-й...» [24, с. 20—21].

Одновременно с морским училищем в Петропавловске действовала *школа кантонистов*. Кантонистами (от немецкого слова *kantonist*, то есть военнообязанный) в первой половине XIX в. называли солдатских и матросских сыновей, на основе крепостного права со дня рождения числившихся за военным и морским ведомствами. Для них были созданы особые школы, в которых обучались дети в возрасте от десяти до пятнадцати лет. Эти заведения готовили «нижних чинов», которых по достижении восемнадцати лет зачис-

ляли на службу или продолжали учить для получения унтер-офицерского чина. Школы кантонистов были упразднены в 1856 г. [25, с. 69].

Первую попытку устройства школы кантонистов на полуострове предпринял в 1840 г. начальник Камчатки Н. В. Страннолюбский, обративший внимание на безнадзорность детей «нижних чинов» и разночинцев, которые, не имея присмотра, проводили время на улицах. Страннолюбский собрал всех мальчишек от семи лет и старше, которых насчитывалось пятьдесят пять человек, и организовал обучение в учрежденной им школе кантонистов. Грамотой, арифметикой и фронтовой службой с детьми занимались морские офицеры, Закон Божий преподавал местный протоиерей.

В декабре 1840 г. Страннолюбский предложил начальнику Главного морского штаба объединить школу кантонистов с ремесленной. По его проекту ученики должны были жить у родителей, получая только казенное обмундирование. Морское министерство обратилось в Министерство государственных имуществ, признавшее возможным слияние школ только в том случае, если выпускники будут «употреблены для пользы камчатских жителей, а не для военной службы».

При этом Страннолюбский представил штат школы кантонистов на сорок учеников, прося его утверждения. Но, как сообщает А. Сгибнев, «дело это оставлено было без всяких последствий, и возобновил его камчатский военный губернатор капитан 1-го ранга Завойко» [126, с. 72—73].

Школа кантонистов, будучи объединена с ремесленной, просуществовала несколько лет. После отъезда Страннолюбского с полуострова она прекратила свое существование [19, с. 61—62].

В ноябре 1850 г. В. С. Завойко обратился к генерал-губернатору Восточной Сибири Муравьеву с рапортом о необходимости открытия в Петропавловске неранжированной роты кантонистов, «по примеру таковой состоящей в Кронштадте при Учебном морском экипаже, с особым ассигнованием по 15 коп. серебром в сутки на каждого мальчика на улучшение пищи».

Завойко доносил генерал-губернатору о том, что «при 46-м флотском экипаже состоит кантонистов от семилетнего возраста до шестнадцатилетнего пятьдесят восемь человек, а до семи — тридцать девять человек, а всего девяносто семь; все они состояли до прибытия моего в Петропавловский порт при родителях до совершеннолетия, или до поступления на службу, и употребляются родителями во все домашние работы». Эти работы, а также скудное питание, по мнению Завойко, оказывали вредное воздействие на здоровье, в результате чего дети быстро «надсаживались» и делались «хилым и почти неспособным к службе, не имея роста, приличного званию солдата». Кроме того, признавалось пагубным и «нахождение кантонистов при родителях или родственниках», которое «и в нравственном отношении для них губительно; проводя время праздно и шатаясь по улицам, не имея над

собою должного надзора, — они свыкаются с разного рода шалостями и делаются своевольными, чрез что по поступлении на службу воинская дисциплина для них кажется слишком тягостной».

Завойко разместил детей в одном из свободных флигелей морского ведомства, организовав таким образом камчатскую школу кантонистов. «Как по продовольствию, так и по обмундированию кантонистам делается воспомоществование из общей экономии экипажа. Образовав в Петропавловском порту школу кантонистов, можно надеяться, что со временем она в состоянии будет комплектовать экипаж хорошими матросами и мастеровыми, и не будет надобности высылать людей из России».

«Завойко собрал тридцать человек мальчиков в особое помещение, обмундировал их, обучил грамоте и посылал для практики в море. Но так как школа эта содержалась на экономические средства, на которые нельзя было рассчитывать постоянно... Завойко вошел в 1850 г. с представлением об учреждении в Петропавловской гавани неранжированной роты кантонистов с отпуском по 15 коп. на человека в сутки. Представление это подало генерал-губернатору мысль учредить в Камчатке общеобразовательную школу, проект которой составлялся в Иркутске. Но переписка об этом, несмотря на новое представление Завойко [от] 18 ноября 1853 г., не привела ни к каким результатам...» [13, с. 68].

Заведование школой поручалось капитан-лейтенанту Горновскому, ранее служившему в Морском учебном экипаже, «ему это дело знакомо, и ныне я должен засвидетельствовать, что г. Горновский показывает свое усердие поставить кантонистов на должный им быт» [21, л. 1—3].

В соответствии с разработанным положением, штат школы кантонистов составляли 9 чел.: фельдфебель, он же каптенармус, пять унтер-офицеров для присмотра за кантонистами и для обучения их фронтальной службе, два повара и цирюльник. Число кантонистов не ограничивалось. На содержание школы требовались 157 руб. 92 коп. в год [21, л. 10].

«Кантонисты содержатся в роте в самой строгой дисциплине — они должны быть всегда опрятно одеты и острижены по форме. Вообще стараться приучать их к тому образу жизни, какой обыкновенно ведут нижние воинские чины». Они имели такую же форму, как и воспитанники училища, но на погонах и на фуражках носили буквы «Р. К.», то есть «Рота кантонистов». Рота могла размещаться в одном здании с морским училищем, но отдельно от помещения воспитанников училища.

Кантонисты делились на два отделения: младшее и старшее. В первом состояли неграмотные ученики, которым преподавались Закон Божий, чтение и письмо. Во втором отделении наряду с Законом Божьим изучались грамматика, арифметика и чистописание. Рисованию и черчению дополнительно обучались те из них, «которые будут приготавливаться по ремесленной

части». Эти ребята, кроме занятий в классе, должны были ежедневно работать в мастерских Петропавловского порта «для практического изучения мастерства, к которому будут назначены».

Кантонисты, «предназначенные к должности писаря, в свободное от класс время посылаются в штабы и канцелярии для практического изучения своих обязанностей». А те из учащихся, которые «будут приготавливаться к обязанностям подшкиперов и баталеров, сверх практических занятий в свободное от класс время в летние месяцы назначаются на военные суда, отходящие в море, для узнания на практике своего дела».

По завершении обучения кантонисты строевого отделения, достигшие восемнадцатилетнего возраста, определялись рядовыми в 46-й флотский экипаж или другие военные команды. Кантонисты нестроевого отделения отправлялись на службу писарями, подшкиперами, баталерами и ремесленными мастерами «с награждением унтер-офицерским чином». Те же из них, кто не выдерживал испытаний, выпускались из школы рядовыми в нестроевые команды [21, л. 22 об.—23 об.].

Школу кантонистов можно рассматривать как предшественницу современных профессиональных и среднетехнических учебных заведений. В 1852 г. в ней обучались 54 ученика [20, с. 36—37]. В это время в городе проживали 1 593 чел., причем почти все взрослые мужчины состояли на государственной службе, являясь офицерами, чиновниками, матросами и казаками [10, с. 133].

Воспитанники морского училища и школы кантонистов проходили морскую практику на кораблях Камчатской флотилии. В начале 1850-х гг. флотилия имела в своем составе транспорты «Иртыш», «Курил», «Охотск» и «Байкал», шхуну «Анадырь», боты «Кадьяк», «Алеут», тендер «Камчадал». Весной и летом часть учеников пребывала на военном транспорте «Иртыш», которым командовал лейтенант Гаврилов. Об этом свидетельствует сообщение Завойко от 10 мая 1853 г., адресованное командиру транспорта, о выдаче причитающихся «порционных» денег «господам офицерам и штурманским ученикам» [26, л. 31—31 об.].

Ученики пребывали и на других кораблях. В августе 1853 г. в японском порту Нагасаки стоял легендарный фрегат «Паллада», на борту которого находился писатель И. А. Гончаров. Сюда же зашел корвет «Оливуца», в мае вышедший из Петропавловска и посетивший по пути Гавайские острова. Вот что вспоминал Гончаров о своей встрече с камчатцами. «30-го августа, в Александров день, был завтрак у именинника барона Шлипенбаха на корвете. Было очень весело. Между различными развлечениями было одно, самое замечательное. На палубу явилось человек осьмнадцать мальчиков, от двенадцати до шестнадцати лет. Они стройно и согласно пели романсы, хорошие песни: у одного чистый, звучный сопрано, у другого прекрасный контральто. Наконец, двое самых маленьких плясали по-русски. Их заставляли

говорить наизусть басни Крылова. У всех нерусские физиономии — кто бы это были? Камчадалы! Они учатся в школе, в Петропавловске, и готовятся в лоцманские и штурманские должности. Вот где зажглась искра просвещения и искусства! Все эти мальчишки по праздникам ездили на фрегат и прекрасно хором пели обедню» [27, с. 338].

После эвакуации в 1855 г. из Петропавловска портового управления и флотского экипажа город утратил значение военно-морской базы и главного порта России на Тихом океане. Одновременно в Петропавловске была прекращена деятельность морского училища и школы кантонистов при нем. Ни одного выпуска они сделать не успели.

Так завершился начальный период становления морского образования на Камчатке. Как видно, речи о подготовке специалистов в рыбохозяйственной сфере в то время не велось: отечественный промысел рыбы и морского зверя не носил промышленного характера, покрывая лишь потребности незначительного местного населения в продовольствии для себя и ездовых собак. Тем не менее, в области впервые стали действовать учебные заведения, готовившие на месте специалистов из числа камчатских жителей. Круг их выпускников могли составить морские офицеры, штурманы, инженеры, судоводители и мастера: береговые рабочие по обслуживанию плавучих средств и строений порта. Недостаток же офицерских кадров на Камчатке мог бы обеспечить выпускникам Петропавловского морского училища достаточно быстрое повышение по службе.

Некоторое время училище, переведенное на новое место, сохраняло название «Петропавловское» (видимо, существовали планы его возвращения на старое место), но затем получило наименование «Николаевское». Наиболее известным питомцем Николаевского училища стал будущий вице-адмирал, блестящий ученый и флотоводец С. О. Макаров, окончивший его в 1865 г.

С 1855 г. главным портом России на Тихом океане стал Николаевск-на-Амуре, превратившийся к этому времени в небольшой провинциальный городок. Прибывшие с Камчатки моряки (в июне 1855 г. их насчитывалось 1 098 чел.), внесли в его жизнь большое оживление.

С начала 1860-х гг. русские моряки начали осваивать новую базу — Владивосток, имевшую по сравнению с Николаевском-на-Амуре ряд преимуществ. 25 февраля 1871 г. руководитель российского флота генерал-адмирал великий князь Константин Николаевич объявил решение императора Александра II: «Главный порт с морскими учреждениями перенести из Николаевска во Владивосток». В 1880 г. Владивосток стал городом, здесь образовалось особое владивостокское военное губернаторство, включавшее полуостров Муравьев-Амурский. А в 1888 г. Владивосток превратился в административный центр Приморской области [7, с. 140—143]. В ее состав входил Петропавловский округ, занимавший территорию нынешней Камчатской области.

В 1870 г. завершился еще один этап развития морского образования на Дальнем Востоке: Николаевское училище было ликвидировано. Его преобразовали в мужскую классическую прогимназию, которую в 1876 г. перевели во Владивосток.

НАЧАЛО ПОДГОТОВКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ МОРЯКОВ ДЛЯ ПАРОВОГО ФЛОТА И СПЕЦИАЛИСТОВ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

К 1876 г. в России насчитывалось около сорока мореходных школ каботажного и дальнего плавания. В них в общей сложности обучались 1 465 чел. Русский Дальний Восток с его необозримыми водными пространствами ни одного такого учебного заведения не имел. Первое образовательное учреждение, обучавшее береговых специалистов по обслуживанию флота, но не моряков, появилось во Владивостоке в 1878 г. Вначале оно называлось *Кадровой*, а затем — *Портовой школой*. Школа с ежегодным набором в 40—45 чел. готовила низший технический состав. Его обучение было организовано крайне неэффективно, поэтому за десять лет число выпускников составило всего 12 чел.

14 ноября 1890 г. во Владивостоке открылись *Александровские мореходные классы* с двух- и трехгодичным сроком обучения (двухгодичный — для штурманов малого плавания, трехгодичный — для штурманов дальнего плавания). Название классы получили в честь императора Александра II. В них принимали учеников в возрасте не моложе четырнадцати лет, имевших опыт плаваний. В программе классов предусматривалось изучение навигации, астрономии, алгебры, арифметики, тригонометрии, географии, морской практики и законовещения, паровой механики, русского и английского языков, такелажных работ [11, с. 22, 25—26].

Программа обучения соответствовала требованиям к подготовке шкиперов малотоннажного деревянного парусного флота. Но к концу XIX в. небольшие суда уже не могли покрыть потребностей в перевозках по дальневосточному побережью. Постепенно в регионе появились судоходные компании, владевшие крупнотоннажными паровыми судами. Отечественный транспортный флот стал нуждаться не только в судоводителях, но и квалифицированных механиках.

В начале XX в. правительство России одобрило ряд мер, упорядочивавших требования к подготовке кадров для гражданского флота. 6 мая 1902 г. был принят закон об изменении действующих правил о судоводителях морских судов торгового флота и «Положение о мореходных учебных заведениях Министерства финансов». «Положение...» вводило дипломирование для судоводителей и обязывало командный состав судов, за исключением малотоннажных, иметь российское подданство. Для капитанов и штурма-

нов оно устанавливало четыре разряда и повышенный плавательский ценз для их получения.

10 июня 1903 г. вышло «Положение о механиках на мореходных судах торгового флота», введившее три разряда дипломов, в зависимости от категории судов, на которых они плавали. К первому разряду относились все пассажирские и грузовые суда с мощностью главных машин более 1 000, ко второму — от 1 000 до 100 и к третьему — менее 100 индикаторных лошадиных сил.

С учетом новых подходов к морскому образованию, в 1902 г. Мореходные классы были преобразованы в *Александровское мореходное училище дальнего плавания*, приравненное по статусу к средним учебным заведениям. Оно обеспечивало трехгодичный срок обучения, причем первые два года давали право на получение звания штурмана малого плавания, а полный курс обучения — звания штурмана дальнего плавания. Программа, по сравнению с прежними Мореходными классами, была углублена и дополнена рядом новых предметов [20, с. 40—41].

Вначале училище готовило только судоводителей. Судомеханическое отделение в нем начало действовать с 1908 г. Его курс также предусматривал двух- или трехлетнее обучение. Каждый год включал семь учебных месяцев, месяц практики в мастерских, по два месяца на плавательскую практику и каникулы. На теоретическую подготовку будущих механиков отводилось в неделю по 44, а на полный курс — 4 092 учебных часа. В программу входили изучение Закона Божьего, русского и английского языков, арифметики, геометрии, алгебры, тригонометрии, теоретической механики, физики, паровой механики, электротехники, кораблестроения, химии, материаловедения и черчения [20, с. 51].

Александровское мореходное училище к началу XX в. стало на Дальнем Востоке главным центром по подготовке флотских специалистов — штурманов и судомехаников.

В 1880-х гг. на громадной территории Петропавловского округа, превышавшей размеры большинства европейских стран, включавшей не только Камчатку, но и Чукотку, а также побережье Охотского моря, проживало всего лишь восемь с небольшим тысяч человек. Основным занятием местного населения, кроме охоты, была заготовка лосося для собственного пропитания и кормления ездовых собак.

29 апреля 1880 г. Э. Сандалин — староста Петропавловска, «столицы» округа — сообщил в окружное полицейское управление некоторые статистические сведения о городском хозяйстве за прошлый 1879 г. В городе жили 327 чел. Он состоял из 51 частного дома, 26 надворных построек (бань, амбаров и скотных сараев), четырех купеческих лавок и 16 купеческих «магазинов», то есть складов. Число собак, принадлежавших жителям, превышало количество их самих, достигая 340. На улицах Петропавловска паслись четы-

ре лошади и 115 голов «рогатого скота». Как видно, по сути Петропавловск являлся заброшенной деревней на самой окраине империи, именуясь городом лишь из-за статуса центрального пункта огромного округа.

Численность городских ремесленников составляла 14 чел., в том числе: три повара, один сапожник, четыре печника, столяр, четыре плотника и один кузнец, при этом ни один из этих специалистов не имел учеников. Дети посещали один имевшийся в городе «общественный дом»: им была городская начальная школа [28, л. 64 об.—65]. Этим исчерпывались все возможности местного населения получить какое-нибудь образование.

П. Ф. Унтербергер, военный губернатор Приморской области, в состав которой входил Петропавловский округ, так характеризовал состояние рыболовного промысла на Камчатке в конце XIX в.: «Несмотря на обилие разных пород рыб, входящих для метания икры в реки, главный предмет улова составляют лососные породы, и между ними выделяется отличными качествами своего нежного и жирного мяса чевыча, достигающая больших размеров. В особенности она хороша в устье реки Камчатки. К сожалению, нет там хороших засольщиков и бондарей, и поэтому приготовление рыбы впрок с целью экспорта плохо развивается» [29, с. 7—8]. Под последним губернатор подразумевал первый неудачный опыт отправки из Усть-Камчатска в Сан-Франциско засоленных камчатских лососей, предпринятый компанией «Русское товарищество котиковых промыслов» в 1896 г. Вся продукция испортилась в пути [30, с. 23—24].

Никакой другой промышленности в тот период на полуострове не существовало. Первым современным предприятием на Камчатке, производившим товарную продукцию, стал рыбоконсервный завод преемника Русского товарищества котиковых промыслов — Камчатского торгово-промышленного общества, начавший работать в окрестностях Петропавловска в 1901 г. Рабочую силу, управленческий и технический персонал на него привезли из-за границы. Участие местного населения в деятельности этого завода сводилось лишь к сдаче на него части улова.

По словам Унтербергера, «обращаясь к вопросу поднятия заработка населения, следует остановиться сначала на рыбном промысле и улучшить его в качественном отношении настолько, чтобы заготавливаемая впрок рыба могла бы служить предметом экспорта. Приготовление балыков находится в удовлетворительном положении, но засолка плоха вследствие худой соли и неумения солить рыбу настолько прочно, чтобы она могла выносить далекую пересылку через тропики, а также за отсутствием мастеров для приготовления необходимой посуды. Замечательно, что еще недавно пароход Добровольного флота возил в Камчатку пустые бочки для засолки рыбы, так как посуды местного производства было мало. Таким образом, помочь населению можно снабжением его хорошей солью, посылкою умелых засольщи-

ков и бондарей, которые на месте положили бы начало обучению населения искусству засолки и бондарному мастерству. Как главный материал для экспорта будут, конечно, служить лососные породы, повсюду там встречающиеся...» [29, с. 25—26].

Отечественная рыбная промышленность в Охотско-Камчатском крае начала постепенно развиваться после русско-японской войны 1904—1905 гг. Квалифицированных кадров для нее не имелось: на промыслах работали практики-самоучки. Первая попытка начать их подготовку была предпринята в 1908 г. во Владивостоке. По словам Н. Богданова, «в нынешнем году по инициативе полковника Эгермана в практические занятия учеников местного мореходного училища предложено ввести курс рыболовства».

Администрация училища просила предоставить в ее распоряжение в качестве учебного судна конфискованную за незаконный лов японскую шхуну «Миура-Мару», «которая сейчас стоит без употребления». Руководство учебного заведения договорилось с русскими рыбопромышленниками, которые уступили ей одну из арендованных на Камчатке рыбалок, дали кредит, выделили необходимое для ловли рыбы (снасти, кунгасы, соль). «По окончании снаряжения училище предполагает отправить учеников на Камчатку для одно-временного практического изучения рыболовства и мореплавания» [31, с. 56].

Шхуна, получившая название «Надежда», досталась училищу еще в 1906 г. В течение двух лет ученики под руководством преподавателей восстановили ее, и в 1908 г. она с пятнадцатью практикантами на борту отправилась в свое первое плавание. Ветхое суденышко длиной 25 м, не имевшее двигателя, принимало 100 т груза. Его экипаж составляли, кроме практикантов, один штурман и несколько штатных матросов. Плавание завершилось неудачно: шхуну выбросило на сушу на западном побережье Камчатки при заходе в устье р. Ича [11, с. 47].

В 1913 г. попечительский комитет Александровского училища обратился к Министерству торговли и промышленности с предложением открыть специальный промысловый класс с годичным сроком обучения. Это ходатайство поддержал «главный начальник края» — приамурский генерал-губернатор. Задачей класса являлась подготовка руководителей морских промыслов. Поступающие в него предварительно должны были окончить какое-либо мореходное учебное заведение. Допускались к обучению также и лица после начальных школ, но при условии наличия у них шестимесячного плавательского ценза в открытом море [11, с. 52].

В этот же период появились проекты начала обучения специалистов рыбохозяйственного профиля непосредственно на Камчатке. В 1907 г. советник Приморского областного правления Ф. Ф. Сомов провел ревизию Петропавловского округа. В докладе военному губернатору Приморской области он изложил свои соображения по поводу возможности их подготовки. По мне-

нию Сомова, в Петропавловске для «ознакомления населения с усовершенствованными способами приготовления рыбы» следовало организовать учительскую семинарию, в которой «должен быть обязательный для всех учащихся отдел по рыбоводству, заведовать которым должен специалист. . . Окончившие курс такой семинарии явятся действительно полезными учителями и, независимо от ознакомления со способами лова, приготовления и размножения рыбы подрастающего поколения, явятся руководителями этого дела и для взрослых».

В качестве примера подобного учебного заведения называлась ремесленная школа, действовавшая в Тобольске, «ученики которой изготавливают консервы, и консервы эти расходятся по всей Сибири». (В Тобольске еще в начале 1890-х гг. действовала фабрика Трусова, ставшая самым восточным производителем отечественных рыбных консервов). Заведующий городским училищем в Петропавловске Л. Л. Роберт поддерживал эту идею, заявляя о том, что для «получения кадра учителей достаточно открытия двух специальных классов при городском училище; в них же может преподаваться и рыбоводство» [32, л. 17—17 об.].

Кроме этого, с целью «ознакомления населения с усовершенствованными способами приготовления рыбы» в этой учительской семинарии, помимо отделения рыбоводства, следовало иметь курсы по подготовке учителей для уездных школ, способных обучать школьников плотничьему, столярному, бондарному и кузнечному ремеслам. По словам Сомова, в таких уездах, как Гижигинский, в них «ощущается настоятельная необходимость, и отсутствие этих познаний служит серьезным тормозом к поднятию благосостояния населения. Например, для усиленного лова рыбы, как в реках, так и в море, необходимы лодки, а между тем делать их, и то самым примитивным способом, умеют во всем уезде только семь человек». Будущие учителя из уездов должны были проживать в Петропавловске за казенный счет, с обязательством прослужить после окончания учения «не менее определенного количества лет» [33, с. 9].

В 1910 г. на Камчатке началось массовое производство натуральных лососевых консервов на предприятиях, принадлежавших отечественным промышленникам. Рыбконсервные заводы (РКЗ) оснащались современным оборудованием и работали по американской технологии. Для них требовались квалифицированные мастера и техники, обучать которых можно было бы на месте из числа местных жителей. Первым шагом в этом направлении стало последовавшее 20 июля 1911 г. предложение одного из крупнейших отечественных рыбопромышленников — совладельца фирмы «Камчатское консервное товарищество» Х. П. Бирича — учащимся Петропавловского городского двухклассного училища пройти практику на его заводе [34, л. 234—239]. При этом работавшее при училище ремесленное отделение, судя по всему, вопросами обработки рыбы еще не занималось.

В 1913 г. губернатор Камчатской области Н. В. Мономахов полагал, что серьезным подспорьем в работе РКЗ стало бы открытие особых низшего и среднего рыболовных училищ. «Эти училища создали бы кадры специалистов для промышленных предприятий, а местное население, получающее в данное время от лова рыбы незначительный доход, научилось бы консервировать ее усовершенствованным способом, и тем самым значительно увеличило бы свой заработок» [35, с. 30].

Очередная попытка создания в Камчатской области специализированного учебного заведения рыбопромышленного профиля была предпринята в начале 1918 г. 10 января областной комитет, сменивший царскую губернскую администрацию, рассматривал ходатайство члена комитета Сивцева о создании в Охотске «ремесленного класса, рыбоконсервного и икрообработывающего отделения». Летом 1918 г. в Охотске намечалось открытие высшего начального училища (ВНУ). В этом случае при действовавшей там двухклассной школе предполагалось организовать ремесленное отделение «в небольших размерах, прося Охотское городское самоуправление придти на помощь училищу закупкой леса, необходимого для ремесленного отделения».

Обучение на этом отделении предполагалось совместить с практикой. «Что же касается обучению рыбоконсервному и икрообработывающему делу, то обязать ближайших к Охотску рыбопромышленников разрешать учащимся Охотского училища присутствовать при обработке икры и изготовлении консерв[ов]. Предложить заведующему училищем посещать вместе с учащимися эти заводы и наблюдать, чтобы дети, посещая завод, не праздно проводили время» [36, л. 7].

ВНУ в Охотске было открыто 1 июля 1918 г. Вскоре оно «за неимением свободного под училище помещения» по приказу областного комиссара от 24 октября 1918 г. было переведено в с. Тигиль, и с 1 октября 1918 г. переименовано в «Тигильское ВНУ» [37, л. 40]. Сведений о работе ремесленного отделения в Охотске не выявлено.

Как видно, решить проблему подготовки кадров для рыбопромышленности непосредственно на полуострове в 1910-х гг. не удалось. Управленческий и особенно технический персонал отечественных РКЗ, как правило, состоял из иностранцев.

Одновременно с русскими промышленниками рыбоконсервное дело на Камчатке стали осваивать японцы. Первым из них стал С. Цуцуми: его предприятие в Усть-Камчатке за первый сезон 1910 г. выпустило 700 ящиков продукции. Проведенные Цуцуми опыты консервирования получили поддержку японского правительства, направившего на его промысел инструктора рыболовной школы с двенадцатью учениками. Русским предпринимателям и властям стало ясно, что «японцы, как по части заготовления икры, так и консервов, могут явиться нам серьезными конкурентами» [38, с. 304—306].

Подготовка моряков и специалистов рыбохозяйственной отрасли в Японии находилась под пристальным вниманием государства. В начале 1890-х гг. в Японии действовали три мореходных школы — в Токио, Осаке и Хакодате, имелся учебный корвет «Цукуба». В 1898 г. Токийская школа получила построенный в 1874 г. в Глазго трехмачтовый парусник «Мейджи-Мару». Учеников в эти школы набирали в возрасте от четырнадцати до двадцати лет. Поступающие сдавали четыре вступительных экзамена: по чтению, письму, арифметике и географии. Занятия на двух отделениях — морском и механическом — начинались в сентябре. После годичного теоретического курса с парусными учениями, проходившими два раза в неделю, начиналась трехлетняя практика на коммерческих судах. Затем проходил выпускной экзамен, завершавшийся присвоением морского звания [6, с. 70].

Рыбохозяйственных специалистов обучал, например, Императорский рыболовный институт (Сусан Кошуджио). Он принадлежал Департаменту земледелия и торговли и имел два факультета: образовательный и экспериментальный. Образовательный факультет объединял три отделения: рыболовства, технологии рыбных продуктов и рыбоводства с трехлетним сроком обучения, причем третий год посвящался исключительно выполнению практических заданий. На отделении рыболовства, помимо общих с другими отделениями дисциплин, изучались методы добычи и изготовления рыбопродукции, навигация, морская практика, кораблестроение, метеорология и математика [39, с. 6—7].

Студенты регулярно направлялись на Камчатку для прохождения практики. Так, 12 июля 1922 г. в Петропавловск зашло учебное судно «Унион-Мару», на котором с целью «изучения Камчатского края» прибыли двадцать студентов, знакомившихся с рыбным и пушным промыслами [40, № 48].

До конца 1920-х гг. Камчатка не располагала собственным морским транспортным и рыбопромысловым флотом. С внешним миром полуостров в тот период был связан посредством судов Совторгфлота или фрахтованных иностранных, в основном японских, пароходов. Рыбная промышленность носила ярко выраженный сезонный характер: промыслы работали около четырех месяцев в году.

Отдаленным прообразом будущего камчатского судоходного предприятия стал Губкомхоз — отдел коммунального хозяйства губревкома. В начале 1924 г. в его составе имелись общий и торговый подотделы. Последнему поручалось снабжение жителей губернии товарами и продуктами. В связи с этим ему следовало иметь плавсредства, пригодные для развоза грузов по глубинным пунктам полуострова, и мастерске для ремонта судов. И то, и другое появилось у него во второй половине 1924 г. В ведение Губкомхоза перешли несколько деревянных парусно-моторных шхун небольшого водоизмещения.

С целью укомплектования их экипажей 8 декабря 1924 г. городской комитет Российского коммунистического союза молодежи (РКСМ) обращался к губернским властям с ходатайством «о возбуждении вопроса перед центром о предоставлении Камчатской организации РКСМ трех мест в морских школах Дальнего Востока» [41, л. 70]. Видимо, это ходатайство следует рассматривать как первую попытку отправить за пределы Камчатки местных жителей для обучения их морским специальностям. К сожалению, ее результат для нас неизвестен.

Еще один интересный эпизод, на сей раз касающийся обучения местного населения ведению китобойного промысла, связан с деятельностью в камчатских водах норвежского предпринимателя Х. Христиансена. 22 мая 1923 г. в Москве был подписан концессионный договор, в соответствии с которым ему предоставлялось право боя китов в пределах двенадцатимильной полосы вдоль северных берегов СССР. Срок действия концессии устанавливался до 1 января 1938 г. [42].

Первым сезоном работы компании Христиансена, носившей название «Вега», стал 1925 г. Ее флотилия состояла из китобойцев и плавбазы «Комодорен I» дедвейтом 9 000 т. Она промышляла вдоль восточного побережья Камчатки, преимущественно в районах бухт Моржовой и Глубокой. Численность экипажей судов флотилии насчитывала сто двадцать человек, из которых на плавбазе работали восемьдесят, а на каждом китобойце — по десять.

Согласно одному пункту договора, «Вега» была обязана принимать в качестве рабочих-учеников граждан СССР. В 1925 г., когда суда компании пришли из Мексики в Петропавловск, на них с целью обучения ведению промысла и обработки китов направили группу камчатцев. «Всего наших рабочих там было десять человек...» [43, л. 93]. Ученики провели весь сезон промысла в море.

Следующий сезон «Веги» завершился в конце октября 1926 г. Газета «Полярная звезда» извещала жителей Петропавловска о том, что «командированные нашими профсоюзами на китобойные суда ученики возвратились. По сообщению командира судов, в нынешний сезон поймано 283 кита» [44, № 93]. В 1927 г. деятельность «Веги» прекратилась: Главконцесским расторг договор с обществом своим постановлением от 13 октября 1927 г.

Трехлетний период практического обучения на флотилии, принадлежавшей норвежцам, считавшимися лучшими в мире специалистами-китобоями, для камчатских учеников не пропал даром: после создания в 1932 г. первой советской китобойной флотилии «Алеут» один из наших земляков — Н. А. Дмитриев — заведовал на ней производством [45, с. 57].

В целом попытки организовать подготовку морских и рыбопромысловых кадров на Камчатке по-прежнему носили эпизодический характер. Специализированное учебное заведение на территории полуострова в конце 1920-х гг. создано так и не было.

АКЦИОНЕРНОЕ КАМЧАТСКОЕ ОБЩЕСТВО И СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ КАДРОВ ДЛЯ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Летом 1927 г. решением правительства СССР было создано Акционерное Камчатское общество (АКО), целью которого стало комплексное развитие экономики полуострова. Практическая деятельность общества началась в конце 1927 г. подготовкой к сезону 1928 г. Основным направлением деятельности АКО, акционерами которого являлись только государственные предприятия, стало развитие рыбной промышленности.

Работа АКО сопровождалась многократным увеличением численности персонала, занятого в рыбопромышленности и обслуживавших ее производствах. В течение первых шести лет существования АКО (1928—1933 гг.) количество рабочих выросло в 5,54 раза. Этот процесс представлен в табл. 1.

Таблица 1

Год	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Число рабочих	3 017	5 689	9 222	10 731	12 164	16 707
В том числе постоянных	—	—	633	2 726	3 707	5 927

Как видно из табл. 1, с 1931 по 1933 г. число работников, завезенных на полуостров и оставшихся здесь, выросло с 25,4 до 35,5 %. В начале 1930-х гг. из числа переселенцев, закрепившихся на Камчатке, началось формирование постоянного источника рабочей силы.

В этот же период шло активное замещение японской рабочей силы, традиционно использовавшейся на промыслах полуострова еще с конца XIX в., отечественной (табл. 2).

Таблица 2

Год	Число рабочих			
	русских	японских	всего	японских в %
1928	1 418	1 599	3 017	52
1929	2 901	2 788	5 689	49
1930	6 242	2 980	9 222	32
1931	9 726	1 005	10 731	9
1932	11 604	506	12 164	4
1933	16 707	—	16 707	—

С 1933 г. труд иностранцев в рыбной промышленности Камчатки не использовался [46, с. 254].

С самого начала работы АКО обратило внимание на необходимость подготовки и закрепления кадров, работавших на Камчатке, так как оно с первых же дней столкнулось с острой нехваткой квалифицированного персонала, как низшего, так и руководящего звена. С января 1928 г. правление АКО, размещавшееся вначале в Хабаровске, а затем переехавшее во Владивосток,

неоднократно рассматривало вопросы о направлении своих работников в различные учебные заведения морского и рыбохозяйственного профиля, а также о создании собственных курсов и профессионально-технических школ. Уже 28 января 1928 г. оно решило учредить для студентов Дальневосточного морского рыбопромышленного техникума, созданного на основании постановления Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 5 ноября 1927 г., шесть стипендий «имени АКО по 15 руб. в месяц каждая» на текущий год [47, л. 286 об.].

Для организации подготовки рабочих АКО в 1928 г. обратилось в Москву с просьбой выделить на это средства. Обучение кочегаров, мотористов и машинистов должно было проходить в мастерских при Центропрозе Народного комиссариата продовольствия и снабжения СССР (НКПС). Расход на обучение одного человека определялся равным 354 руб. в год [47, л. 219].

Весной 1928 г. у АКО появился собственный морской флот: два небольших транспортных судна (парусно-моторная шхуна «Чукотка» и теплоход «Охотск») и плавучий крабоконсервный завод «Камчатка». Последний из-за отсутствия отечественных специалистов был укомплектован японскими ловцами, рабочими и мастерами. Теперь со всей очевидностью встала необходимость подготовки и плавсостава. Осенью 1928 г. начальник транспортного отдела АКО Языков отмечал, что обществу требуются 343 моряка и 78 береговых специалистов для обслуживания судов. С подбором моряков могли возникнуть большие проблемы, так как лучшие из них работали на судах Совторгфлота. «Вероятно, придется использовать безработную рабочую силу, которая сейчас [имеется] на Балтике, но этих капитанов сразу посылать в плавание будет невозможно (из-за незнания местных навигационных условий. — С. Г.). С низшей рабочей силой то же самое положение» [47, л. 198—199]. Для подготовки низшего плавсостава можно было использовать открываемые во Владивостоке Союзом водников курсы кочегаров.

Специалистов среднего звена следовало обучать в техникумах. К началу 1930-х гг. на Дальнем Востоке работали 17 техникумов, среди них организованный в 1923 г. на базе бывшего Александровского училища Водный техникум путей сообщения и открытый в 1927 г. Дальневосточный морской рыбопромышленный техникум. АКО настаивало на расширении последнего. 15 апреля 1929 г. правление АКО рассматривало ходатайство рыбопромышленного техникума об установлении учащимся за счет общества десяти стипендий по 40 руб. и предоставлении им мест практики на его предприятиях [47, л. 40].

Обучение инженеров для нужд АКО велось на контрактной основе в ряде вузов. С 1 января 1930 г. контрактованным студентам устанавливались следующие месячные стипендии: на первом и втором курсах — 100, третьем — 125, четвертом — 150 руб. [47, л. 108—110]. Высшее морское или рыбохозяйственное образование в то время можно было получить только на факульте-

тах водных сообщений в Московском и Ленинградском институтах инженеров транспорта, на кораблестроительном факультете Ленинградского политехнического института им. Калинина и на рыбохозяйственном факультете Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева.

В 1930 г. рыбохозяйственный факультет был выделен из состава Тимирязевской академии в самостоятельный Московский институт рыбной промышленности (Мосрыбвтуз). Осенью этого же года были организованы еще два новых рыбных вуза — в Астрахани (Астрыбвтуз) и во Владивостоке (Дальрыбвтуз).

Открытый в октябре 1930 г. для «дела выковывания новых пролетарских специалистов, командиров-ленинцев» Дальрыбвтуз имел два отделения: консервное и технологическое, факультеты: механизации добывающего флота, технологической техники, рыбоводно-биологический и экономический. Срок обучения составлял три или четыре года. При институте действовали также двухгодичные подготовительные курсы. Из-за недостатка собственных помещений в первый год его работы занятия для 95 студентов и 65 рабфаковцев проводились в лабораториях бывшего Дальневосточного университета [6, с. 165].

В 1931—1932 учебном году в Дальрыбвтузе на первом курсе числились 62, на втором — 92 студента, рабфак посещал 101 слушатель. Их учили 38 педагогов. На трех курсах рыбопромышленного техникума занимались 218 чел., их обучали 28 преподавателей [6, с. 173].

Таким образом, в начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке сложилась система подготовки кадров для флота и рыбной промышленности, состоявшая из трех последовательных ступеней:

— на краткосрочных курсах и в школах фабрично-заводского ученичества готовились кадры массовых профессий, то есть квалифицированные рабочие;

— техникумы и курсы для среднего состава обучали управленческие и технические кадры средней квалификации, как правило, техников;

— институты выпускали специалистов с высшей квалификацией — инженеров, будущих руководителей и организаторов производства.

Обучение шло по дневной и вечерней форме, при этом на всех трех ступенях теоретическое обучение сочеталось с практическим.

Подготовка мотористов для работы на рыбокомбинатах велась на собственных курсах АКО. В декабре 1929 г. заведовавший ими Горский обращался к руководству общества с просьбой выделить для практического обучения слушателей два мотора. Правление решило предоставить для этой цели американский «Фербенкс-Морзе» и японский «Симамото» с необходимыми приспособлениями. Слушатели курсов, работавшие на предприятиях, имели сокращенный до пяти часов рабочий день, а безработным выплачива-

лась стипендия 50 руб. в месяц, за что они должны были проработать по окончании курсов в АКО не менее года.

В связи с расширением в 1929—1930 гг. состава морского транспортно-го флота и увеличением числа моторных кунгасов в рыбокомбинатах, АКО не успевало готовить для них специалистов своими силами, поэтому оно обратилось к Совторгфлоту с просьбой о предоставлении ему четырех мест на курсах по повышению квалификации мотористов и перечислило за это 1 200 руб. Кроме этого, 33 чел. обучались во Владивостокской школе ученичества водного транспорта. За них общество внесло в октябре и декабре 1929 г. аванс в сумме 3 000 руб. Плата за обучение этой группы в 1930 г. определялась в 39 427 руб. и была, по мнению правления АКО, чрезмерно высока [47, л. 103 об.].

Комитет по делам Камчатки и Сахалина, действовавший при Совете Труда и Оборона — органе Совнаркома СССР, в 1930 г. отмечал «неудовлетворительное состояние кадров» и предлагал «проработать вопрос об организации на Камчатке специального техникума с отделениями: рыбным, сельскохозяйственным, горным и механическим, также развить краткосрочные курсы, как специальные, так и на всех заводах и промыслах, с привлечением местного населения» [48, л. 5].

В 1930 г. правление АКО было преобразовано в дирекцию и переехало из Владивостока в Петропавловск. 10 сентября 1930 г. дирекция приняла постановление, в котором впервые упоминается о необходимости учреждения на полуострове среднего специального учебного заведения рыбохозяйственного профиля. Текст постановления, в частности, гласил: «Немедленно в 1930 г. начать подготовительную работу по организации в Петропавловске выше-среднего учебного заведения (техникума) с факультетами: а) рыбо-мясной; б) транспорта и связи; в) лесной». Кроме этого, следовало «срочно организовать на зимний период курсы по подготовке мотористов, старшин, машинисток, счетоводов» и разработать в 1931 г. план замены японской рабочей силы отечественной, а также составить список желающих учиться в вузах [49, л. 20 об.].

В феврале 1931 г. строительное управление АКО рассматривало заявку отдела кадров общества на сооружение зданий для двух учебных заведений на общую сумму 422 000 руб., из которых решено было «заявку на постройку политехникума в сумме 320 000 руб. принять и утвердить, а на профшколу в сумме 102 000 руб. принять условно» [49, л. 63].

Техникум на Камчатке в начале 1930-х гг. был создан, но не в Петропавловске, а в Усть-Камчатске. Здесь, в крупнейшем центре рыбной промышленности полуострова на восточном побережье, действовал «Комбинат рабочего образования», включавший школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) для юношества, рабоче-техническую школу и техникум. Сведения об этом учебном комбинате крайне ограничены. Известно лишь то, что к осени

1931 г. во всех трех учебных заведениях числились 370 учащихся, а к его концу перед выпуском — всего 260. Высокий отсев (30 %) объяснялся в первую очередь тяжелыми бытовыми условиями — здесь недоставало жилых и учебных помещений [50, л. 5].

Официальный «Отчет о работе школ и учебных заведений за 1932—1933 гг.» в разделе «Предварительные итоги 1932—1933 учебного года» содержит сведения о действии двух «средне-учебных» заведений. В их число были включены рабфак при Дальрыбвтузе, где обучались 46 чел., и некий «Рыбпромуч» с 50 учащимися, действовавший при Рыбном управлении АКО. Выпуска в истекшем учебном году оба учебных заведения не производили [51, л. 5]. Вероятно, они оба входили в Усть-Камчатский комбинат рабочего образования, но более подробные сведения об этом пока не обнаружены.

Важнейший рыбопромысловый район на Западной Камчатке — Больше-рецкий — также нуждался в подобном учебном заведении. Районный исполнительный комитет обращался к областным властям с предложением выделить средства на его создание. «Учитывая, что ведущей отраслью хозяйства в Больше-рецком районе является рыбное хозяйство, а в связи с этим [имеется] громадный спрос на кадры, назрела острая необходимость в открытии в районе рыбного техникума. Основываясь на постановлении Четвертого районного съезда Советов, просим областной исполнительный комитет об отпуске средств по линии АКО на развертывание строительства с началом такового в 1934 г. . .» [52, л. 246 об.]. О том, были ли сделаны какие-либо конкретные шаги по созданию техникума, сведений не выявлено, но известно, что спустя десятилетие в районе действовала школа ФЗУ.

В 1932—1933 гг. в Петропавловске при агентстве Совторгфлота, являвшемся тогда главным распорядителем местного портового хозяйства, действовали курсы по подготовке членов экипажей маломерных плавсредств. 14 февраля 1933 г. морской агент сообщал, что большого недостатка квалифицированных работников агентство не имеет, а нехватка плавсостава «покроется за счет курсантов, занимающихся на курсах. В настоящее время в агентстве СТФ функционируют: а) кружок старшин маломерных катеров — 8 чел., б) мотористов катеров до 40 т — 7 чел., в) начальный курс английского языка — 12 чел., г) английский язык (повышенный курс) — 10 чел., д) грузчиков — 63 чел. Всего охвачено на сегодняшнее число 100 чел. Продолжительность курсов пять с половиной месяцев: с 15 ноября по 1 мая» [53, л. 31].

Осенью 1934 г. начальник АКО И. А. Адамович, выступая на Втором областном съезде Советов, заявил: «Не можем мы похвастаться и хорошим использованием наших культурных технических кадров. У нас нет еще фаб-завучей, мало культурных учреждений в наших предприятиях, у нас большая нужда в рыбном техникуме, открытие которого задерживается из-за отсутствия помещения. Сейчас наша боевая программа — организовать

переподготовку в течение зимы 6 000 рабочих, чтобы встретить путину будущего года значительно более высококвалифицированным кадром рабочих, которые должны стать костяком, ведущим за собой всю массу сезонников и играющим в отношении их колоссальную роль взводных командиров в деле борьбы за план» [54].

В 1936 г. областные власти подготовили проект постановления бюро Хабаровского Далькрайкома ВКП(б) (территориально Камчатская область в то время входила в состав Дальневосточного края). Проект, в частности, гласил: «На базе Камчатской Совпартшколы организовать в 1937 г. рыбный техникум АКО, в связи с этим здание Совпартшколы передать под техникум». Но и это предложение не нашло воплощения.

В феврале 1938 г. в Петропавловске проходило областное совещание стахановцев. Выступавшие на нем работники комбинатов дружно высказывались за открытие на Камчатке рыбного техникума [55, № 38].

Вопрос, что называется, «назрел». 27 ноября 1938 г. в газете «Камчатская правда» появилась статья В. Сигидина «Среднетехнические кадры готовить на месте». В ней автор говорил о том, что рациональное ведение хозяйства возможно лишь при закреплении на полуострове рабочей силы, прибывающей с материка, и в случае привлечения в рыбную промышленность местных жителей. Одним из препятствий этому являлось отсутствие возможности получить хорошее специальное образование на месте.

«Но людей надо учить. Для этого необходима организация крупной учебной базы, среднетехнического училища, готовящего техников по лову и обработке рыбы, старшин и мотористов, а также, если понадобится, специалистов по обработке металла и дерева...

После разгрома вражеских вредительских гнезд трудящиеся Камчатки с большим подъемом преодолевают последствия подрывной деятельности врагов. Этот подъем надо закреплять. Одним из мероприятий к этому и будет организация серьезной учебы новых кадров. Рыбный техникум можно организовать в Петропавловске, поручив это дело АКО. Техникум по обработке металлов, хотя бы вечерний, надо создать на судоремонтном заводе... (имеется в виду Петропавловская судостроительная фабрика. — С. Г.).

Нельзя забывать и о молодежи, оканчивающей наши полные и неполные средние школы. В 1939 г. выпускников этих школ будет около трехсот человек. Где им учиться? Человек 50—60 в состоянии охватить педучилище, медицинская школа и разные курсы. Но этого явно недостаточно. Надо дать возможность всем выпускникам продолжить образование, по возможности, в пределах области. Это намного двинет вперед дело освоения Камчатки» [55, № 271].

В последующие годы предпринимались еще несколько попыток организовать в Петропавловске рыбопромышленный техникум, но все они оказа-

лись неудачными. В течение 1938—1940 гг., по словам руководителя группы подготовки кадров АКО Демидова, произнесенным в 1942 г., «с разрешением вопроса организации Моррыбтехникума торопили наркомат мы, а последний в лице Управления учебными заведениями недостаточно сам торопился...»

В «Набросках схемы первого варианта третьей пятилетки АКО», то есть в планах развития общества на 1938—1942 гг., предполагалось, что к концу указанного периода оно должно освободиться от массового завоза сезонной рабочей силы, доведя численность собственных рабочих до количества, полностью покрывающего потребность в кадрах. Для их подготовки, наряду с повышением квалификации на краткосрочных курсах на местах, следовало организовать техникум с четырехлетним курсом обучения по подготовке старшин кавасаки, мастеров (крабовых, засольных, икрянщиков, консервных заводов, маринадного дела, копильщиков и холодильщиков), бригадиров (неводчиков, мотоботчиков, мойки, резки и укладки), счетоводов, кочегаров [56, л. 179].

В 1940 г. подготовка кадров рабочих профессий из числа бывших школьников с неполным средним образованием шла в школе ФЗУ, действовавшей при Петропавловской судоремонтной верфи. Организация рыбопромышленного техникума в Петропавловске откладывалась из-за нехватки в 1940—1941 гг. для этой цели средств (требовалось примерно 4,2 млн руб.) [57, л. 378]. Пока же из-за отсутствия в городе собственного учебного заведения подготовка управленческих специалистов с квалификацией «техник» по-прежнему велась во Владивостоке в морском рыбопромышленном техникуме и учебном комбинате Главвостокрыбпрома.

Краткосрочной подготовкой рядовых специалистов все так же занимались различные курсы. В феврале 1938 г. открылись курсы «водителей катеров» в Петропавловском порту АКО. «Работа их рассчитана с февраля по 1 мая. Но при такой организации учебы, какая есть на сегодня, вряд ли курсы окончат свою работу к этому сроку. Преподаватели... систематически опаздывают, а часто вовсе не являются на занятия. В результате курсы стали посещать 18—20 человек вместо 34...» [55, № 76].

Недостаток кадров для младшего управленческого звена в некоторой степени восполнялся на курсах, организованных при АКО в Петропавловске. В июне 1938 г. АКО объявило о начале учебы радистов и счетоводов. На нее принимались лица с образованием не ниже семи классов в возрасте не моложе восемнадцати лет. Срок обучения радистов определялся в семь, а счетоводов — в четыре месяца. Стипендия составляла 200—300 руб. в месяц [55, № 130].

В 1939—1940 гг. помещения курсов представляли собой два каркасно-защитных барака. Один из них состоял из двух классов, рассчитанных на 60 чел., второй использовался как общежитие, где проживали около 40 чел. Эти помещения располагали кустарным полуизносившимся инвентарем и неболь-

шим количеством наглядных пособий. Они отапливались железными печами, расходовавшими много топлива, но дававшими мало тепла [58, л. 224].

Плавсостав судов АКО флота и Морлова пополняли выпускники курсов, открытых при АКО 1 октября 1940 г. На них обучались 30 машинистов 1-го класса (для обслуживания судовых паровых машин), 29 матросов и 30 кочегаров 1-го класса, то есть всего 89 чел. Их большинство составляли демобилизованные красноармейцы, считавшиеся «наиболее выдержанными и дисциплинированными товарищами» [58, л. 226].

7 июля 1941 г. девятимесячные занятия завершились. Для проверки знаний и присвоения курсантам квалификации машинистов с 8 по 14 июля прошли экзамены по дисциплинам «Паровые котлы», «Паровые машины», «Вспомогательные механизмы», «История ВКП(б)». 17 июля новоиспеченные специалисты отправились на суда [59, л. 283].

В этом же 1941 г. наконец «оформился» вопрос об организации при АКО морского рыбопромышленного техникума. В конце этого года АКО получило типовый проект его здания. Окончательный перелом произошел в начале 1942 г. По словам одного из руководителей АКО, «теперь иное положение, теперь наоборот: сам наркомат торопит нас со скорейшей организацией техникума при АКО. В таком решительном переломе играет, видимо, роль постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)...» [60, л. 100]. Речь здесь идет о решении открыть в этом году в Петропавловске морской рыбопромышленный техникум с общежитием для студентов, принятом правительством СССР 6 января 1942 г. Открытие состоялось в октябре этого же года.

Подведем итоги. Ранние проекты устройства на Камчатке учебных заведений морского профиля были предложены в первой половине XVIII в. Камчатка в это время являлась одной из наиболее неразвитых окраин государства с только начинавшим складываться постоянным оседлым населением. Первым профессиональным образовательным учреждением на полуострове стала Петропавловская ремесленная школа, заработавшая в 1810-х гг. Морских специалистов она не готовила, но, тем не менее, ее можно рассматривать как прообраз ныне действующих профессиональных училищ, выпускающих квалифицированный персонал для судоремонта и судостроения.

В середине XIX в., после переноса на полуостров главной базы флота, здесь заработали специализированные учебные заведения, предназначенные для покрытия потребности как в морских офицерских кадрах (Петропавловское морское училище), так и в специалистах младшего и среднего звена (Петропавловская школа кантонистов). Училище и школа кантонистов стали предшественниками ныне действующих морского вуза и политехникума, но в целом этот эксперимент результата не дал, будучи прерван ввиду сложной внешнеполитической обстановки, вынудившей переместить главный тихоокеанский порт России из Петропавловска в Приамурье.

Реальное решение вопроса о необходимости обучения на Камчатке специалистов для промыслового и транспортного флота, рыбной промышленности, судоремонта и судостроения началось в 1930-х гг., когда Камчатка превратилась в один из основных рыбных и валютных «цехов» страны. На первых порах он решался в форме курсовой подготовки требующихся специалистов низшего и среднего звена из взрослого населения непосредственно на месте и контрактного обучения руководителей среднего и высшего звена в вузах и техникумах, расположенных за пределами полуострова.

ИСТОЧНИКИ

1. *Князков С.* Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. — М.: 1909. — 709 с.
2. *Костылев И.* Верность долгу и морским традициям // Морской флот. — 2001. — № 3. — С. 40.
3. *Скрицкий Н.* Преподаватели навигацкой школы // Морской флот. — 2000. — № 5—6. — С. 39.
4. *Студенецкий С. А.* Все начиналось с навигацкой школы // Рыбное хозяйство. — 2001. — № 1. — С. 47.
5. *Фомин Ю.* Первая морская академия России — детище Петра I // Морской флот. — 1997. — № 4. — С. 27—28.
- 5а. *Волков Е. Т.* Зарождение и развитие библиографии о флоте и судостроении в России // Судостроение. — 1979. — № 5. — С. 59—61.
6. *Королюк В. П.* История ДВГМА (морское образование на Дальнем Востоке в очерках и документах). — Владивосток, 2001. — 378 с.
7. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958. — 157 с.
8. *Сгибнев А. С.* Морской сборник. — 1869. — № 11, ч. неоф.
9. *Скрицкий Н.* Якутская и Охотская навигацкие школы // Морской флот — 2004. — № 4. — С. 56—58.
10. *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. — СПб., 1901. — 752 с.
11. *Колотов Н. А.* История морского образования на Дальнем Востоке. — М., 1962. — 200 с.
12. *Геготаулина Л. А.* В какие школы камчадалы охотно отдавали своих детей? (К истории школьного строительства на Камчатке в 40-е гг. XVIII в.) // Материалы XXI Крашенинниковских чтений. — Петропавловск-Камчатский, 2004. — С. 83—87.
- 12а. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1650 г. — 1742 г. // Морской сборник, 1869. — № 4.
- 12б. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1816 г. — 1856 г. // Морской сборник, 1869. — № 8.
13. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1772 г. — 1816 г. // Морской сборник. — 1869. — № 7.
- 13а. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1759 г. — 1772 г. // Морской сборник, 1869. — № 6.

14. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях / Сост. Б. П. Полевой. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — 503 с.
15. *Витер И. В., Смышляев А. А.* Город над Авачинской бухтой. — Петропавловск-Камчатский, 2000. — 207 с.
16. РГА ВМФ, ф. 283, оп. 1, д. 1881.
17. РГИА ДВ, ф. 1264, оп. 1, д. 168.
18. Журнал Министерства внутренних дел. Часть X. — СПб., 1833. — 96 с.
19. *Гезотаулина Л. А.* Профессиональное обучение в первой половине XIX в. // Третьи международные исторические Свято-Иннокентьевские чтения, посвященные 300-летию присоединения Камчатки к России. — Петропавловск-Камчатский, 1999. — С. 59—65.
20. *Витер И. В.* Хроника строительства города Петропавловска (1740—1923). — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 112 с.
21. РГА ВМФ, ф. 906, оп. 1, д. 4.
22. *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1992. — 191 с.
23. *Кусков В. П.* Камчатские были. — Петропавловск-Камчатский, 1970. — 112 с.
24. Норд-Ост. Люди. Природа. История. — Петропавловск-Камчатский, 1986. — 152 с.
25. Советская военная энциклопедия. — Т. 4. — М., 1977. — 655 с.
26. РГИА ДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 29.
27. *Гончаров И. А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия в двух томах. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. — Т. 2. — СПб., 1997.
28. РГИА ДВ, ф. 1034, оп. 1, д. 15.
29. *Унтербергер П. Ф.* Приморская область 1856—1898 гг. Очерк / Записки Императорского РГО. — Т. 8. — Вып. 2. — СПб., 1900. — 324 с.
30. *Сильницкий А.* Поездка в северные округа Приморской области. — Хабаровск, 1902. — 185 с.
31. *Богданов Д.* Обзор Приморской области. — Владивосток, 1909. — 135 с.
32. РГИА ДВ, ф. 1, оп. 4, д. 2212.
33. Доклад и. д. советника Приморского областного правления Ф. Ф. Сомова военному губернатору приморской области по ревизии Гижигинского уезда в 1907 году. — Б. м., б. г.
34. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 682.
35. Всеподданнейший отчет губернатора Камчатской области действительного статского советника Мономахова за 1912 и 1913 гг. — Б. м., б. г.
36. ГАКО, ф. 10, оп. 1, д. 4.
37. Там же, ф. 79, оп. 1, д. 1.
38. *Унтербергер П. Ф.* Приамурский край. 1906—1910 гг. — СПб., 1912.
39. *Солдатов В. К.* Разведение лососевых пород в Японии. Отчет по командировке в Японию в 1911 г. // Материалы к познанию русского рыболовства. — Т. 1. — Вып. 3. — СПб., 1912.
40. Камчатский листок. Комплект за 1922 г.
41. ЦДНИКО, ф. 19, оп. 1, д. 86.
42. Отчет Дальзэкоо экономическому Совецанию РСФСР / Под ред. М. И. Целищева. — Б. м., 1924. — 416 с.

43. ЦДНИКО, ф. 45, оп. 1, д. 41.
44. Полярная звезда. Комплект за 1926 г.
45. *Карпухина И. В.* Комсомол Камчатки 20-х годов // Краеведческие записки. — Петропавловск-Камчатский, 1970. — Вып. 2.
46. *Сергеев М. А.* Народное хозяйство Камчатского края. — М.; Л., 1936. — 809 с.
47. ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 1.
48. Там же, д. 24.
49. Там же, д. 2.
50. Там же, д. 39.
51. Там же, ф. 138, оп. 1, д. 1.
52. Там же, ф. 207, оп. 1, д. 17.
53. ГАКО, ф. 140, оп. 1, д. 8.
54. *Адамович И. А.* Некоторые итоги работы Акционерного Камчатского общества // Тихоокеанский коммунист. — 1935. — № 1. — С. 22—28.
55. Камчатская правда. Комплект за 1938 г.
56. ЦДНИКО, ф. 2, оп. 2, д. 101.
57. Там же, д. 466.
58. Там же, д. 316.
59. ГАКО, ф. 106, оп. 1, д. 117.
60. Там же, д. 659.

КАМЧАТКА И ИССЛЕДОВАНИЕ РУССКИМИ ЮЖНЫХ КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ В XVIII в.

Каждый раз, когда готовится очередной визит российского лидера в Японию, активизируется обсуждение проблемы принадлежности Южных Курильских островов. Так было перед визитом М. С. Горбачева в Японию в 1991 г. и Б. Н. Ельцина в 1993 г. В 2005 г. должен состояться визит в Японию президента В. В. Путина, что он подтвердил 9 мая 2005 г. на встрече в Москве с японским премьер-министром.

Японские газеты в связи с этим пишут, что наверняка Путин едет в Японию, чтобы вернуть Курилы. То же самое они писали перед визитом Ельцина: «Ельцин за рюмкой водки непременно отдаст острова» [1]. Но Ельцин не решился на это, предложив свой план решения проблемы из пяти этапов. Пятый этап предполагает, что окончательное решение о принадлежности островов должно решить следующее поколение политиков через пятнадцать-двадцать лет. Пока прошло двенадцать...

Одним из аргументов японской стороны в пользу нужного Японии результата визита Путина является заявление министра иностранных дел России С. Лаврова 14 октября 2004 г. о том, что «Москва признает Декларацию 1956 г. и, таким образом, два острова Южной Курильской гряды могут быть переданы Японии» [2]. О серьезности этого заявления свидетельствует тот факт, что именно в этот день, 14 октября 2004 г., в ходе визита в Китай президента Путина, было подписано дополнительное соглашение о российско-китайской границе, предусматривающее передачу Китаю островов на Амуре площадью 800 кв. км.

В Японии Южные Курилы называют «северными территориями». Это — группа островов к северу от Хоккайдо: Кунашир, Итуруп, Шикотан и Хабомаи. Хабомаи (в переводе «Пляшущие зубы») представляют собой архипелаг из пяти небольших островов: Зеленый, Полонского, Юрий, Анучина, Танфильева и мелких рифов: Демина, Лисья, Шишки и Сигнальный [3, с. 343].

Вместе с островом Шикотан архипелаг Хабомаи образует Малую Курильскую гряду. Именно ее Советский Союз был готов вернуть в 1956 г. в случае заключения мирного договора с Японией. Общая площадь «северных территорий» составляет 4 996 кв. км. Это третья часть всех Курильских островов (15,6 тыс. кв. км). Для сравнения: совокупная территория семи европейских государств-карликов — Андорры, Ватикана, Лихтенштейна, Люксембурга, Мальты, Монако и Сан-Марино равна 3 663 кв. км. Острова и окружающая акватория богаты природными ресурсами.

Япония считает, что СССР в 1945 г. незаконно оккупировал «северные территории». Их возвращение стало своеобразной объединяющей национальной идеей. Все сорок семь японских политических партий имеют специальные отделы и особые программы «возвращения северных территорий». Дальше всех идет коммунистическая партия, требующая возвращения всех Курильских островов вплоть до Камчатки. На японских картах Южные Курилы обозначены как японская территория.

С 1981 г. ежегодно 7 февраля (день подписания Симодского трактата «О торговле, мореплавании и определении границ» в 1855 г.) в Японии отмечается как «День северных территорий». В этот день по всей стране проходят митинги с траурными флагами. Кстати, уже шестьдесят лет в бывшие японские поселки на Южных Курилах, где до 1945 г. проживало более 16 тыс. чел., назначаются японские мэры и начальники полиции, которые не могут прибыть к месту службы на «оккупированной» территории. Правда, мэр города Немуро на севере Хоккайдо иногда посещает архипелаг Хабомаи с «инспекцией». В детских садах на Хоккайдо детей с трехлетнего возраста учат показывать на карте «северные территории». В Немуро на здании городской администрации реет бледно-голубое полотнище с надписью на русском языке: «Северные территории — земля Японии». Неподалеку находится восьмидесятиметровая смотровая башня с черной вывеской: «Дальше — тоже Япония» [1].

К сожалению, и в России встречаются представители политической элиты, считающие, что мы не обеднеем, отдав Японии эти «пять скал в океане», как назвал Южные Курилы А. Козырев, глава Министерства иностранных дел России в начале ельцинской эпохи. Кстати, «Комсомольская правда» в 1993 г. назвала одну из статей о курильской проблеме «Козыревский открыл Курильские острова, а Козырев хочет их закрыть». Аргументом таких людей является миф о том, что после урегулирования территориальной проблемы на Россию прольется «золотой дождь» инвестиций из Японии. И ради этого, якобы, стоит пожертвовать Южными Курилами, иными словами, продать их Японии.

Но аппетиты Японии постоянно растут. Она действует по принципу: «Требуй больше, чтобы получить хотя бы малое». Если в Декларации 1956 г. речь шла о двух спорных островах — Шикотане и Хабомаи, то во время визита Ельцина в Японию в 1993 г. была принята декларация, в которой предметом дальнейших переговоров названы уже четыре острова — плюс Кунашир и Итуруп.

А накануне нынешнего визита российского президента японский парламент принял специальную резолюцию в связи со столетием Симодского трактата, в которой говорится, что развитию российско-японских отношений сегодня мешают нерешенные территориальные вопросы, и преж-

де всего «проблема принадлежности Хабомаи, Шикотана, Кунашира, Итурупы и других северных территорий» [4]. То есть сегодня японский парламент трактует понятие «северные территории» шире, чем Южные Курилы. Что стоит за «другими северными территориями»? Вся Курильская гряда до Камчатки, Сахалин, а может, и Камчатка? Ведь в 1905 г. японский лейтенант Гундзи Наритада устанавливал в захваченных камчатских селениях доски с надписью «Сей земля есть японский».

Кстати, 2005 г. является юбилейным в российско-японских отношениях не только для Симодского трактата. Сто тридцать лет исполняется Санкт-Петербургскому договору 1875 г., по которому Япония получила все Курильские острова за отказ от притязаний на Сахалин, сто лет исполняется Портсмутскому договору 1905 г., по которому к Японии отошел Южный Сахалин. И, наконец, шестьдесят лет назад Япония была разгромлена, и СССР получил права на владение всеми Курильскими островами по решению Ялтинской и Потсдамской конференций.

Откуда же взялись «нерешенные территориальные проблемы»? Япония выдвигает топонимические, юридические и исторические аргументы для доказательства «незаконности оккупации» Советским Союзом «северных территорий» в 1945 г. В решениях Ялтинской и Потсдамских конференций речь идет о передаче СССР Курильских островов, а «северные территории», по японской версии, никогда не считались в Японии частью Курильских островов, а являются отрогами острова Хоккайдо. Этот аргумент легко опровергается тем фактом, что на довоенных японских картах все острова Большой и Малой Курильских гряд имели единое название — Тисима («Тысяча островов»). И все они составляли единую провинцию с тем же названием [5, с. 6].

Юридические аргументы Японии следующие:

1. Япония не была участницей Ялтинской и Потсдамской конференций, и их решения не имеют для нее юридической силы.

2. Сан-Францисский мирный договор 1951 г. не дает СССР никаких прав на Курильские острова, так как он его не подписал, а в договоре не определено, к какой стране переходят эти острова.

3. До 1945 г. Россия, а затем СССР добровольно признавали Южные Курильские острова японской территорией, что подтверждается Симодским трактатом, Санкт-Петербургским и Портсмутским договорами.

Но Япония не имеет права ссылаться на эти договоры, так как она сама их фактически разорвала, начав русско-японскую войну 1904—1905 гг., оккупировав российский Дальний Восток в 1918—1922 гг. (а Северный Сахалин до 1925 г.), развязав агрессивные действия на советских границах в 1930-е гг.

4. 19 октября 1956 г. в совместной Декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений СССР согласился на

передачу Японии после заключения мирного договора островов Хабомаи и Шикотана.

Но в 1960 г. СССР фактически денонсировал эту Декларацию, заявив о невозможности передачи островов в связи с подписанием японо-американского договора «О взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности», который давал вооруженным силам США — в то время потенциальному противнику СССР — право использовать японскую территорию для своих целей.

Остается последний аргумент японской стороны — исторический: «северные территории» должны принадлежать Японии по праву приоритета в их открытии и освоении. С этим нельзя согласиться, и попытаемся это несогласие обосновать.

Несомненно, японцы узнали о Южных Курилах почти на сто лет раньше русских. Но первооткрытием считается получение достоверных сведений о неизвестной ранее земле в результате ее посещения и исследования и объявление об этом цивилизованному миру. Мир же получил первые достоверные сведения об этих островах от русских исследователей — И. П. Козыревского и М. П. Шпанберга. Японцы вели активную торговлю с коренными жителями северного Хоккайдо и ближайших к нему островов — айнами — уже в XVII в. Но это нельзя считать первоосвоением этих земель. Первоосвоением является создание собственных поселений на вновь открытой земле, либо признание аборигенами власти над собой открывшей их страны посредством уплаты налогов. В этом русские опередили японцев на тридцать лет. Эти факты признают многие японские историки. Так, Тосиюки Акидзуки высоко оценивает роль И. П. Козыревского в открытии Курильских островов: «В то время о Курилах в Японии не имели почти никаких сведений. Более того, в период, когда в Японии не в состоянии были еще составить описания каждого из этих островов, отчет о них И. Козыревского имел поистине огромное значение» [6, с. 128].

Японский историк Куно Еси признает: «В 1766 г. Россия распространила свою власть на Итуруп — самый большой из Курильских островов... В 1785 г. в результате официального обследования сегунского (сегун — верховный правитель Японии. — *В. А.*) правительства было установлено, что русские создали свои поселения на Урупе, Итурупе и на других Курильских островах» [7, с. 501]. Об этом же свидетельствовал и Кондо Морисигэ, который в 1804 г. в своем сочинении «Исследование пограничных районов и их карты» отмечал, что «в 1768 г. красноволосые (так в Японии называли русских. — *В. А.*) поставили на Южных Курильских островах столбы, вырезали на них название “Курилы”, стали взимать ясак с айнов» [8, с. 37].

В России еще во второй половине XVIII в. не вызывало сомнений, что все Курильские острова до самой Японии, то есть включая Южные Курилы, являются российскими владениями. Сегодня не стоял бы вопрос о притязаниях

Японии на «северные территории», иначе могла бы сложиться судьба Русской Америки, да и Камчатки тоже, на семьдесят лет раньше могло начаться освоение Россией Приамурья, Приморья и Сахалина, если бы был исполнен указ Екатерины II от 22 декабря 1786 г. [9, с. 232].

Это был указ об организации первой русской кругосветной экспедиции, целью которой было закрепление прав России на все земли на берегах Тихого океана, открытые русскими людьми. Поводом к этому указу послужила записка Екатерине II президента Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова и члена Коллегии иностранных дел графа А. А. Безбородко о необходимости объявить морским державам о правах России на острова и земли в Тихом океане: «Северо-западный берег Америки с островами, около онаго находящимися, и другими грядями, оттоле до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времен одними российскими мореплавателями. . .

Но как по общепринятому правилу на неизвестныя земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили, как то в прежния времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-либо европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставили на оной свой знак. . . в чем и все доказательства права к завладению заключалось, то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России:

. . . 4-е. Гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном» [9, с. 229].

Поводом для написания этой записки послужило объявление Дж. Куком владениями английского короля ряда территорий в Америке, открытых ранее В. Й. Берингом и А. И. Чириковым. К тому же в Петербурге стало известно об отправке в 1786 г. кругосветной экспедиции Лаперуза. Еще не было известно, что в том же году Япония впервые предъявила свои претензии на Южные Курилы, направив туда экспедицию Могами Токунаи.

Далее авторы записки предлагают: «. . . по мнению нашему, чтобы о присвоении Россиею тех островов с высочайшего вашего повеления объявлено было чрез российских министров при дворах всех морских европейских держав, что сии открытыя земли Россией не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими» [9, с. 229].

На это предложение Екатерина II в тот же день, 22 декабря 1786 г., издала соответствующий указ Коллегии иностранных дел [9, с. 232].

Но поскольку одного такого объявления недостаточно, Воронцов и Безбородко предложили завести в русских тихоокеанских владениях несколько военных морских судов, для чего «отправить из Балтийского моря два вооруженныя небольшия судна, подобныя употребленным капитаном Куком, а при них две вооруженныя морския шлюбки. . . коим и назначить объехать мыс Доброй Надежды, а оттоль. . . иттить на Камчатку. . .

Сии суда, пришед к северному краю Японии, могут, разделясь на двое, приступить к новейшим открытиям... Первая из сих флотилий может обстоятельнее осмотреть острова, от Японии к Курильской Лопатке простирающиеся...» [9, с. 231].

Предложения Воронцова и Безбородко легли в основу указа Екатерины II об отправке военной эскадры в Тихий океан для охраны российских владений и наставления Адмиралтейств-коллегии начальнику первой русской кругосветной экспедиции, которым был назначен капитан 1-го ранга Г. И. Муловский. Главной целью экспедиции было «утверждение российского права на все донныне учиненные российскими мореплавателями или вновь учиненными быть могущие открытия» [10, с. 183].

Для этого было изготовлено двести чугунных гербов с надписью на русском и латинском языках «Земля Российского владения», которые предписывалось укрепить на крестах или столбах на возвышенных местах или «по утесам, выдолбив гнездо», 1 700 золотых, серебряных и медных медалей, которые следовало зарыть в землю, вложив к каменный засмоленный сосуд с запиской, когда и кем из российских мореплавателей данная земля открыта. Часть медалей предписывалось вручать знатым аборигенам для ношения на шее как представителям российской власти.

В случае обнаружения иностранных пришельцев в русских владениях предписывалось принудить их «по праву первее учиненных открытий к Российской державе принадлежащих мест, наискорее удалиться и впредь ни о поселениях, ни о торгах, также о мореплавании не думать; а ежели какие укрепления или поселения есть, то имеете вы право разорить, а знаки и гербы срыть и уничтожить. Равно поступать вам и с судами сих пришельцев... В случае же сопротивления... употребить вам силу оружия...» [10, с. 184—185].

Кстати, именно так поступили на Южном Сахалине, Кунашире и Итурупу двадцать лет спустя командиры российских судов «Юнона» и «Авось» Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов, которые по приказу главы Российско-Американской компании Н. П. Резанова уничтожили на этих островах японские военные крепости.

В отношении же туземцев предписывалось «...должно быть первое старание посеять в них хорошее понятие об россиянах... Весьма запрещается вам употреблять не только насилия, но даже за какие-либо со стороны звериные поступки отмищения» [10, с. 185].

Ученый отряд экспедиции был весьма авторитетен. Его возглавлял академик П. Паллас, а входили в него известные ученые того времени: астроном У. Бейли (участник третьего плавания Дж. Кука), естествоиспытатель Г. Форстер, ботаник Соммеринг и другие.

Г. И. Муловскому была дана подробная инструкция по описанию Курильских островов: «Чтоб назначил истинное положение и описал состояние по-

луденнейших Курильских островов и острова Матмая (Хоккайдо. — В. А.). Обойти плаванием и описать все малые и большие Курильские острова от Японии до Камчатской Лопатки, положить их наивернее на карту и от Матмая до той Лопатки все причислить формально ко владению Российского государства... осмотреть берега, заливы, гавани, описать их состояние, местоположение, качество земли, леса и другие произведения, изобилие или недостаток пресной воды... Наиболее примечать должно, нет ли хорошей гавани и удобного места для заложения крепости и селения, для хлебопашества и скотоводства и есть ли тут довольно пресной воды и лесу для построения и починки впредь морских судов» [9, с. 273]. Кстати, почти дословно такая же инструкция была дана участнику Второй Камчатской экспедиции М. П. Шпанбергу почти за полвека до этого.

Экспедиции Г. И. Муловского предписывалось также обследовать остров Сахалин и устье Амура.

4 октября 1787 г. пять кораблей Муловского с пятьюстами членами экипажей в полной готовности к отплытию встали на кронштадтском рейде. Но срочная депеша из Константинополя о начале войны с Турцией перечеркнула все планы и труды. Лишь через шестнадцать лет состоялась первая русская кругосветная экспедиция под руководством И. Ф. Крузенштерна, но перед ней стояли более скромные задачи, и участвовали лишь два корабля.

Так кто же и когда «учинил первое открытие» Курильских островов? По японской версии самурай Мураками Хиронори из княжества Мацумаэ в 1635—1644 гг. посетил Южный Сахалин и, предположительно, остров Кунашир и даже составил чертеж островов к северу от Эдзо (так в Японии называли остров Хоккайдо) [3, с. 345]. Но в мире об этом открытии стало известно лишь через триста лет. В Европе первые сведения о наличии островов к северу от Японии были получены в те же годы. В 1643 г. с острова Ява отправился на поиски мифических «золотых» и «серебряных» островов голландский мореплаватель Мартин Горритс де Фриз на корабле «Кастрику». Он видел три курильских острова: Кунашир, который он принял за продолжение острова Хоккайдо, Итуруп и Уруп. Последние два он положил на карту под названиями «Земля Штатов» (в честь Нидерландских Штатов) и «Земля Компании» (в честь голландской Ост-Индской компании) [11, с. 33].

Де Фриз не мог знать, что эти острова являются частью гряды, протянувшейся от Японии до Камчатки. Но в честь этого открытия пролив между островами Уруп и Итуруп носит имя Фриза. Позднее здесь побывал португальский мореплаватель Жуан де Гама, который на целое столетие ввел в заблуждение ученый мир, нанеся на карту к северо-востоку от Японии таинственную «Землю Гамы». Многие, включая Петра I, считали, что де Гама видел западный берег Америки, и только плавание В. Й. Беринга в 1741 г. доказало, что никакой «Земли Гамы» не существует.

Первые достоверные сведения о Курильских островах мир получил лишь от русских исследователей в начале XVIII в. Русские впервые появились на берегах Тихого океана в 1639 г. Это был отряд Ивана Москвитина, вышедший к Охотскому морю. В 1640—1650-е гг. по Амуру прошли до его устья и, возможно, видели остров Сахалин отряды Василия Пояркова, Ерофея Хабарова и Ивана Нагибы. В 1648 г., обогнув Чукотский полуостров, в Беринговом море плавали кочи Семена Дежнева и Федота Попова.

Первое документальное упоминание о Курильских островах появилось 10 февраля 1701 г. В этот день в Москве в Сибирском приказе была записана вторая «Скаска» Владимира Атласова о его походе на Камчатку в 1697—1699 гг. Южную часть Камчатки Атласов называет Курильской землей, так как в то время здесь жили курильцы (так русские называли айнов). Реку Озерную, вытекающую из Курильского озера, Атласов называет Первой Курильской рекой.

«А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы (то есть курильцы. — *В. А.*) сказывают, что там острова есть, а на тех островах города каменные и в них люди живут царственные, а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют. А с тех де островов курильским иноземцам приходит ценая посуда и платье даб полосатых (даба — хлопчатобумажная ткань. — *В. А.*) и пестрых китаек и лензовые азямы (халаты. — *В. А.*)» [5, с. 110]. То есть, камчатским курильцам было известно, что острова от Камчатки тянулись до Японии, где есть каменные города и живут люди под властью царя, и оттуда к ним приходила различная одежда и посуда.

Атласов привез с Камчатки японца Денбея Татэкава, найденного на реке Иче. Петр I расспрашивал Денбея в Преображенском под Москвой в январе 1702 г., и тот показал, что «а наперед де сего в Курильскую и Камчадальскую землю из их Японские земли никто не ездывал» [5, с. 504].

По поручению Петра I Сибирский приказ в том же 1702 г. повелел Якутской воеводской канцелярии «проведывать острова близ Камчатки» и путь в Японию. В 1706 г. на мысе Лопатка побывал сборщик ясака Михайло Наседкин и видел «в море за переливами земля, а проведывать де той земли не на чем. Судов морских и судовых припасов нет и взять негде, потому что де лесу близко нет, и снастей и якорей взять негде» [11, с. 26].

9 сентября 1710 г. якутский воевода Д. А. Траурнихт, узнав о походе М. Наседкина, приказал построить суда и послать их для обследования острова против Камчадальского носа, а его жителей привести в русское подданство, взять с них ясак, «и той земле учинить особый чертеж» [11, с. 26].

Первооткрытием Курильских островов принято считать 26 сентября 1711 г., когда была написана челобитная Петру I от имени Данилы Яковлевича Анциферова и Ивана Петровича Козыревского об их походе с Большой реки на острова против Камчадальского Носу (мыса Лопатки). Они посетили два

острова — Шумшу и Парамушир, описывают их жителей. Жители второго острова рассказали, что они промышляют бобров (каланов), «и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары...» [12, с. 33]. То есть жители второго острова рассказывали о своей торговле с жителями южных островов. В той же челобитной Анциферов и Козыревский со слов «апонского государства жителей», отбитых в 1710 г. у камчадалов на реке Жупановой, сообщают о том, что земли, которые они видели со второго острова в полуденной (южной) стороне, находятся «близ де Матмайского города и Апонского государства» и обещали царю проведать эти земли.

Первые достоверные сведения о всей Курильской гряде, об острове Матмае и самой Японии собрал И. П. Козыревский (Д. Я. Анциферов погиб на реке Аваче в начале 1712 г.) во время второго похода на северные Курильские острова в 1713 г. Позднее Козыревский составил «Чертеж Камчатдальского Носу и морским островам», который в 1726 г. передал В. Й. Берингу в Якутске, где произошла их встреча. На чертеже Козыревский изобразил восемнадцать Курильских островов в порядке их очередности от Камчатки до Матмайского острова (Хоккайдо), приводит их айньские названия, сохранившиеся, в основном, до наших дней, и сообщает основные сведения о каждом из них.

Сам Козыревский посетил лишь три северных острова. Сведения об остальных сообщил ему плененный на Парамушире уроженец острова Итуруп Шитанай, а о Японии — японец Санимо, отбитый в 1710 г. на реке Жупановой у камчадалов.

Нас интересует, что же поведал Козыревский о «северных территориях». Об островах Малой Курильской гряды ему ничего не было известно, а об Итурупе и Кунашире он пишет: «Остров Итурпу. Живут иноземцы, свой род званием гых курила... на сем острову людей многое число и язык, и вера своя, и всякие звери — и лесные медведи и другие, и всякой лес большой, и реки, и на устьях у рек отстой морским судам можно быть. А по показанным островам (то есть от Камчатки до Итурупа) лесов больших и рек, и добрых отстоев большим судам нет до сего острова. А к воинскому делу жестоки: поступают о трех же боях, что и на первых островах (имеются в виду три вида оружия: луки со стрелами, копья и сабли. — *В. А.*), но токмо жесточае и искуснее. А на разговор (переговоры. — *В. А.*) больше даются...

Остров Кунашир. Живут иноземцы те ж, что и на Итурупе и Урупе; и вера одна, а язык один или свой имеют, и о том не уведомился; и на Матмайский остров ходят... и с Матмайского к ним приходят с городскими (промышленными. — *В. А.*) товарами и торгуют... А в подданстве ли оные кунаширцы к Матмаю городу или нет, и о том в достаток не уведомился. А итурпинцы и урупцы самовластно живут и не в подданстве и торгуют

повольно. А с Кунашира на Матмайский остров о перелевной ширине не уведомился забвением.

На сих трех островах многое число Камчадальной земли уроженцов обретается у них в холопстве, також и в Матмае городе есть де мужеска полу и женскаго. И называл... Шитанай на Нифоне острове (Хонсю. — В. А.) большого владетеля Камуй. И оной де Камуй матмайскому владетелю велит с нами повольно торговать, а ясаку де по вашему с нас не берут» [13, с. 50].

Тексты И. П. Козыревского к «Чертежу...» поражают разносторонностью сведений. В них указаны размеры островов, ширина проливов, приводятся сведения о населении, занятиях жителей, их языке, обычаях, торговле, религии, растительном и животном мире, реках, местах стоянки для морских судов и т. д. Козыревский сожалел, что «на вышеписанные острова за осенним поздним временем морского пути без больших судов и без мореходов, и без компасов, и без якорей и снастей, и без кормовых припасов, и без военного снаряду, и за малолюдством вперед итти было мне ни которым делом невозможно». По словам же курильцев, казаки «до японского первого города Матмая не доходили де за семь дней» [13, с. 28].

Главный же вывод Козыревского состоит в том, что на дальних островах люди «самовластные живут и не в подданстве».

После И. П. Козыревского исследованием Курильских островов по указу Петра I занималась первая государственная научная экспедиция, которую возглавили досрочно выпущенные из Морской академии геодезисты И. М. Евреинов и Ф. Ф. Лужин. Это были первые русские морские офицеры на Тихом океане. Целью экспедиции было проверить, «сошлася ли Америка с Азией». В 1721 г. они прошли из Большерецка на судне «Охота» вдоль западных берегов Курильских островов до острова Симушир, положив на карту четырнадцать островов и составив чертеж остальных островов по расспросам курильцев.

В 1730 г. В. А. Шестаков совершил плавание на боте «Фортуна» из Большерецка до пятого Курильского острова и собрал на этих островах ясак, то есть привел их жителей в российское подданство. Но эти экспедиции не принесли никаких новых сведений о Южных Курилах.

Настоящее же первооткрытие Южных Курильских островов, включая Малую Курильскую гряду, совершили участники Второй Камчатской экспедиции. В ее составе был создан специальный морской отряд для поиска морского пути в Японию под командой капитана полковничьего ранга Мартына Петровича Шпанберга. М. П. Шпанберг, датчанин, на русской службе с 1720 г., был помощником В. Й. Беринга в Первой и Второй Камчатских экспедициях.

Инструкция Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1733 г. предписывала Шпанбергу «построить на Камчатке реке один бот с палубою и две дубель-

шлюпки... на тех судах... итти вам к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного носу к Японии» [13, с. 145—146].

Если же на островах обнаружатся жители, то «буде же самоизвольно пожелают кто итти в подданство, которых наипаче приласкивать и в потребном случае охранение чинить, и ничем не отягощать... Подле земель и островов прилежнее осматривать удобных мест для пристаней... и какие где растут ли леса, к починке морских судов годныя... также... велеть осматривать, не найдутся ли где богатые металы и минералы» [13, с. 147].

Более определенно о целях отряда Шпанберга пишет обер-секретарь Сената И. К. Кирилов: «От Камчатки же до Японии... сыскивать новых земель и островов и неподвластных, сколько можно в подданство приводить... все острова до самой Японии подлинно никому не подвластные... — утверждает Кирилов. — Тож и о Ессе (так русские называли Эдзо — Хоккайдо. — В. А.) и названной земли Компании (Уруп) рассуждать надлежит, что все не может миновать российского владения...» [13, с. 154].

К сожалению, Шпанбергу не удалось полностью исполнить инструкцию — он не смог привести в подданство жителей южных островов, но смог их осмотреть, положить на карту, составить описание их жителей и убедиться в том, что эти острова и их жители неподвластны Японии. Всего Шпанберг совершил три плавания на Курильские острова — в 1738, 1739 и 1742 гг. В первом плавании участвовали три судна, но, выйдя из Большерецка, уже у ближних островов они потеряли друг друга из вида из-за густого тумана. Сам Шпанберг на бригантине «Архангел Михаил» достиг 45° с. ш. (остров Итуруп), нанес на карту тридцать один остров — больше, чем их было на самом деле (Итуруп русские называли девятнадцатым островом). Объяснялось это тем, что разные части одного острова, открывавшиеся им среди тумана, принимались за отдельные острова. Шпанберг признает, что «на видимой нами земле... самобытно я не был».

До конца Курильской гряды в плавании 1738 г. дошел лейтенант В. Вальтон на дубель-шлюпке «Надежда». Дойдя до широты 43°19', он видел землю с высокими горами [13, с. 295—296]. Это был остров Хоккайдо. Вальтон нанес на карту двадцать шесть островов. В этом плавании русские моряки впервые прошли вдоль всей Большой Курильской гряды, впервые увидели и положили на карту самые южные острова — Итуруп и Кунашир, но никаких сведений об их природе и жителях они получить не смогли. Не видели они и островов Малой Курильской гряды.

Второе плавание в 1739 г. имело целью «изыскание пути в Японию». Впервые русские люди побывали в Японии, общались с японцами. Восемь моряков с бота «Св. Гавриил» посетили японское селение, где были доброжелательно встречены. На обратном пути и состоялось, наконец, первооткрытие Южных Курильских островов. Шпанберг сообщает об этом в ра-

порте в Адмиралтейств-коллегию 19 ноября 1739 г.: «...июля третьего числа дошли до ширины северной 44°24' к лежащим от японской земли островам, ис которых прозвали мы один Фигурной, другой Трех Сестр, третьей Цыдронной, а на которые румбы они лежат, значет оной компании по журналу и карте (журналы и карты плавания 1739 г. в Японию были получены в Петербурге уже в феврале 1740 г. В том же году французские и английские газеты сообщили о плавании русских моряков с Камчатки в Японию и об открытых ими островах к северу от Японии. — В. А.). А четвертого числа послал шлюпку на реченной Фигурной остров (Шикотан. — В. А.) и на ней пробирных дел мастера Гордебола (Симона Гардеболя. — В. А.) для обыскания на том острове металов и менералов и с ним и служителей четырех, квартирмейстера одного да толмача, итого семь человек (это первое документальное свидетельство посещения Малой Курильской гряды иностранцами. — В. А.). С того острова привезли они жимолостнику, наподобие вереса, да слаткой травы, да виноградную ветвь с виноградными зелеными ягодами, да из разных цветов несколько. На том же острове нашли они в малых речках раковины, в которых находитца жемчюг... А лес на оном Фигурном острове растет большей березник, ольховник, еловой и пихтовник, довольное число, ис которого можно строить для нужды мелкия суда...» [13, с. 191].

6 июля Шпанберг послал на тот же остров штурмана Матвея Петрова для обследования губы. Петров детально осмотрел губу и отметил, что в ней «глубокости воды от шести до двенадцати сажен... в длину две версты, в ширину одна верста, грунт во оной губе местами песок и черной ил, и от северных ветров на судах к якорному стоянию быть угодна». Шпанберг делает вывод: «И оная губа, по мнению моему, удобна быть наперво порту нашему, и ко отстою наших судов без всякого опасения» [13, с. 192].

Так что осмотр Шикотана был проведен С. Гардеболем и М. Петровым достаточно тщательно, в соответствии с требованиями инструкции Адмиралтейств-коллегии. Не были найдены только металлы и минералы и не удалось встретить аборигенов. М. Петров отыскал селение из пяти барабар (хижин), но их жители убежали вверх по реке.

«И лавировали мы по морю к западной стороне меж вышеозначенных островов. И седьмого числа того ж июля пришли ко островам в туманное время, и, как туман прочистился, усмотрели место низменное, глаткое и зеленое, на котором только растет трава, а лесу не имеетца, и для того назвали ево Зеленым (название острова Зеленый в Малой Курильской гряде к юго-западу от Шикотана сохранилось до наших дней. — В. А.). И посылали на него на шлюпке штурмана да подпорутчика, управляющего геодезискую должность... И оные усмотрели чрез инструмент: лежит оной остров в ширине 43° и 15'» [13, с. 122].

Далее Шпанберг описывает первую встречу русских моряков с аборигенами и приводит первое описание айнов южных островов, которых позднее русские стали называть «мохнатыми курильцами» или просто «мохнатыми».

«А от восьмого числа... пришли мы ко острову тамошнему, называется Нуцкам (видимо, один из островов Малой Курильской гряды. — *В. А.*), и усмотрели на нем жилые места... И с того жилого места приехала к нашему судну байдара и на ней людей пять человек, и звали нас на берег, а сами они к нам на судно ехать не смели. И для того... послал я шлюпку к берегу и на ней мичмана Шхельтинга (Шельтинга. — *В. А.*) да солдат с толмачами двенадцать человек... И привес оной Шхельтинг на байдаре тамошних жителей к нам на судно восемь человек, которые сходны по персонам с курильским народом. И те жители носят долгое платье, порток и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них нашиты лоскутки камчатные разных цветов. По ногам у них и по всему телу шерсть, бороды у них великия, продолговатые, черные, а которые престарелые, у тех с сидиною белою как бороды, так и на теле волосы. Также у некоторых имеютца в ушах кольца серебряные. Лотки у них так же, как у наших курильских мужиков, — бойдари. Язык у оных жителей находит на курильской» [13, с. 192].

Прибывшие на судно айны сообщили Шпанбергу, что из всех островов «под властью епонского хана только один Матмай остров (видимо, они имели в виду княжество Мацумаэ, занимавшее небольшую территорию на южной оконечности острова Хоккайдо на берегу Сангарского пролива. Известно, что на остальной территории острова японцы стали распространять свою власть лишь с 1785 г., а до этого вели торговлю с айнами Хоккайдо и острова Кунашир, где в 1754 г. появилась японская торговая фактория. — *В. А.*), а прочие острова неподвласны... и что те все острова с Матмайским имеют торги великия разными товарами» [13, с. 192].

Далее Шпанберг сообщает: «А кругом того места имеется лежащих островов довольно (приводит названия двенадцати островов. — *В. А.*) и людей также, и на тех островах лесу, свежей воды, зверей, рыбы, ягод множество. И ежели повелено будет, то... можно большия и малья острова привести в подданство ея и. в. от 43-х и до 46°, а от 46° до последнего острова без всякого опасения можно привести в самой скорости» [13, с. 192].

Почему же Шпанберг не сделал этого сам, как предписывалось ему инструкцией Адмиралтейств-коллегии? Он объясняет это тем, что из-за «великих туманов и дождей» потерялись два судна — «Надежда» и бот «Большерецк», хотя непрестанно палили из пушек и били в барабан. На самом «Архангеле Михаиле» половина команды была больна, да и остальные «едва могли судном исправлять». Иначе приведение жителей Южных Курил в российское подданство, то есть первоосвоение островов, могло произойти на тридцать лет раньше, чем это случилось.

Шпанберг намеревался повторить плавание в следующем году для завершения исследования южных островов и приведения их жителей в подданство. Но ему было поручено обследовать юго-западное побережье Охотского моря, Сахалин и устье Амура. Лишь в 1742 г. Шпанберг смог вновь отправиться к дальним островам, но плавание оказалось неудачным — на двух судах обнаружилась течь и пришлось вернуться в Большерецк. А в 1743 г. деятельность Второй Камчатской экспедиции была прекращена.

Кстати, сама идея морского плавания в Японию и к дальним Курильским островам была предложена В. Й. Берингом по возвращении из Первой Камчатской экспедиции. В 1730 г. он представил в Сенат свои предложения по устройству жизни и быта населения Камчатки, в которых сообщал, что в 1729 г. близ Авачи были найдены японские вещи и «видели подле берегу ходящих людей иностранных, а признаваем, что подлинно японского народу». Беринг предложил: «Надлежит тех людей отправить на нашем судне в их землю, и проведать путь, и можно ли с ними иметь торг или каким другим образом к пользе нашему государству что присмотреть, понеже до самые японские земли от Камчатского Угла имеюцца острова, и не в дальном расстоянии остров от острова» [13, с. 96].

Во Второй Камчатской экспедиции, помимо морских отрядов В. Й. Беринга и М. П. Шпанберга, действовал отряд академиков Г. Ф. Миллера и А. Г. Гмелина, в задачу которого входило изучение истории, этнографии, природы Камчатки и сопредельных с ней земель. В составе отряда работали С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер, А. П. Горланов и другие ученые. Сами академики до Камчатки не доехали, хотя С. П. Крашенинников построил для них дом в Большерецке, а ограничились сбором сведений о Камчатке и Курилах в Якутске. В результате Г. Ф. Миллер составил работу «География и устройство Камчатки, на основании различных письменных и устных сообщений, собранных в Якутске в 1737 г.» и передал ее С. П. Крашенинникову для руководства в его полевой работе. Работу Миллера завершал раздел «О соседних с Камчаткой странах», посвященный, в основном, описанию Курильских островов. Большинство сведений о Курилах, особенно о дальних островах, Матмае и Японии заимствованы у Козыревского.

Крашенинников использовал материалы Миллера в своем капитальном труде «Описание земли Камчатки», внося в них исправления и дополнения. Использовал он и материалы экспедиции М. П. Шпанберга и Г. В. Стеллера, который лично посетил ближние Курильские острова. В книге Крашенинникова есть главы «О Курильских островах», «О Курильском народе», где он приводит краткий словарь курильского языка.

Много сведений о Курильских островах приводится Крашенинниковым в рапортах, посылаемых им с Камчатки академику Миллеру в Якутск. Кроме того, им составлено «Описание Курильских островов по сказыванию куриль-

ских иноземцов и бывалых на оных островах служивых людей, сочиненные через студента Степана Крашенинникова» и написана работа «О курилах, живущих на Поромусир и Аннекута островах, которые от русских другим и третьим Курильском островом называются». Крашенинников дает очень подробное описание ближних островов, их природы, обычаев местных жителей. Сам Крашенинников на островах не был, но посылал туда в 1738 г. вместе со сборщиком ясака Андреем Фурманом помогавшего ему в метеорологических наблюдениях на Камчатке Степана Плишкина и толмача Михайло Лепехина с подробной инструкцией. Плишкин выполнил все задания Крашенинникова и привез с собой «с Курильских островов двух человек курильских мужиков для разговору».

«Через им привезенных Плишкиным иноземцов я их языка слова и спрашивал о их вере и обычаях, также спрашивал об островах дальних курильских, сколь они велики, какие на них места гористые или ровные, жилые или пустые и прочая. И сочинил реэстр зверям, птицам и рыбам, около островов находящимся» [14, с. 578].

Крашенинников признает, что опрошенные им курильцы сами дальше четвертого острова не бывали, и сведения о дальних островах он заимствовал у Миллера и Шпанберга. Он поправляет Миллера, что острова простираются не в южную сторону от Камчатки, а в юго-западную. Признается, что не может назвать точного количества островов: по известиям от дальних курильцев их двадцать два, включая Матмай, а по сведениям Шпанберга много больше. Вслед за Миллером Крашенинников повторяет ошибку Козыревского, поменяв местами острова Итуруп и Уруп, и утверждая, что самый большой из островов — Кунашир, а не Итуруп.

Интересны замечания Крашенинникова о том, что язык курильцев второго острова (Парамушир) и кунаширских жителей почти не различается. Об этом сообщил Г. Стеллеру курилец с Парамушира Липага, бывший толмачом в плавании Шпанберга. Отсюда он делает вывод, что жители Урупа и Итурупа говорят на том же языке. Крашенинников считал, что название народа «куриль» — это искаженное казаками камчадалское название айнов «куши». На самом деле название «куриль» происходит от айнского слова «куру» — человек.

Вот как описывает Крашенинников курильцев: «Сей народ ростом средней, волосами черен, лицом кругловат и смугол, но гораздо пригоже других народов. Бороды у них большие окладистые, тело мохнатое, в чем состоит знатная разность от камчадалов. Мужеский пол волосы наперед брее до самой верхушки, а назад растут, в чем с японцами имеют сходство... Они несравненно учтивее других народов, а притом постоянны, правдошны, честолюбивы и кротки. Говорят тихо, не перебивая друг друга речи, как сидячие коряки. Старых людей имеют в великом почтении. Между собой живут весьма любовно, особливо же горячи к своим сродникам...

Платье носят из кож морских птиц, также лисье, бобровое и из других морских зверей... распашное... шьют из чего прилучится, так что... редкую курильскую парку увидишь, которая бы не из лоскутья разных зверей и птиц была зделана... Питаются наиболее морскими зверями, а рыбы промышляют мало» [15, с. 179—184]. Детально описывает Крашенинников жилища, бытовые обряды и религию курильцев.

Многие сведения о Курильских островах Крашенинников заимствовал у Г. Стеллера, который посетил ближние острова в мае 1742 г. После смерти Стеллера в Тобольске в 1746 г. Академия наук поручила Крашенинникову работу с его бумагами. Крашенинников приводит слова Стеллера о жителях южных островов: «Государя над собою они не знают, хотя и не в дальнем расстоянии от Японии». Верно описывает Крашенинников путь японских товаров на ближние острова и на Камчатку. Японцы с Матмая доставляют свои товары на Кунашир, куда приезжают со своими товарами жители Итурупа и Урупа, и они привозят японские товары на своих байдарах на Парамушир.

Таким образом, в результате деятельности Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг., материалы которой обобщил С. П. Крашенинников, было получено достаточно полное представление о всех островах Курильской гряды: все они положены на карту, определены координаты многих пунктов, получены сведения о жизни, быте, обычаях, хозяйстве, вере аборигенов, а главное, — русские посетили Южные Курильские острова и убедились, что они «неподвластны епонскому хану». Это открыло путь дальнейшему исследованию и освоению островов русскими.

В 1750 г. сын М. П. Шпанберга инженер-прапорщик Андрей Шпанберг, плававший с отцом в Японию в 1739 г., представил в Сенат рапорт с проектом приведения в российское подданство жителей открытых его отцом Южных Курильских островов и установления торговых отношений с Японией. Проект был поддержан, но по неизвестным причинам экспедиция не состоялась.

В 1752 г. около двухсот курильцев с острова Парамушир под предводительством Якрупа, боясь разорения от ясака, ушли на шестнадцатый остров Матуа. Этот род русские стали называть «сошлым». «Сошлые» вели торговлю с «мохнатыми» южных островов. Тойон (староста) Парамушира Сторожев дважды ездил к «сошлым», уговаривая их вернуться, но безуспешно.

Зато он побывал на всех южных островах до Матмая и привез описание «мохнатых» курильцев: «Они прородою весьма мохнаты; губы, руки и ноги для красы черною же краскою расписывают; платье у них японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необходимы; язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их, которому они оказывают честь и покорство, живет на двадцать первом острове (Кунашире. — В. А.)» [16, с. 118].

28 декабря 1753 г. вышел указ Сената «О возобновлении Камчатской экспедиции и изыскании через оную неизвестных мест и народов и склонении оных под высочайшую ея и. в. власть и в подданство» [9, с. 44].

Предполагалось построить порт в устье Амура, из которого проводить исследования в Тихом океане. Но из-за напряженных русско-китайских отношений и отказа китайского правительства в установлении судоходства по Амуру деятельность экспедиции была прекращена. Она ограничилась лишь исследованием верхних притоков Амура и вошла в историю под названием Нерчинской.

Новым толчком к изучению Курильских островов послужил выход в 1755 г. книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки». В 1759 г. сибирский губернатор Ф. И. Соимонов, изучив рапорт А. М. Шпанберга, представил в Сенат записку «О позволении купцам собственным их иждивением открывать Курильские острова» [9, с. 58—59]. В феврале 1761 г. он поручил главному командиру Анадырского, Охотского и Камчатских островов подполковнику Ф. Х. Пленеснеру (кстати, участнику плавания В. Й. Беринга в 1741 г.) более подробно разузнать о Курильских островах и предписал немедленно начать подготовку к плаваниям на Курилы [17, с. 38]. Пленеснер несколько раз снаряжал тойонов первого и второго Курильских островов к «мохнатым... для замечания всех подробностей о тамошних народах».

24 августа 1761 г. последовал указ Сената, разрешивший русским купцам вести промысел на Курильских островах (до этого посещать острова разрешалось только сборщикам ясака) [9, с. 58—59].

Одним из первых на дальние острова отправился в 1765 г. из Петропавловской гавани опытный мореход Андреян Толстых, только что (в 1760—1764 гг.) открывший центральные Алеутские острова, названные в его честь Андреяновскими. Когда судно А. Толстых «Петр» стало на якорь у Кунашира, «через четверть часа пригребли с этого острова к судну в одной курильской байдаре из тамошних людей одиннадцать человек роду называемых мохнатых курильцев, которых тела, руки и ноги мохнатые». Русские подарили им табак, который просили кунаширцы. Промысел был небогатый, и Толстых решил вернуться на зимовку в Петропавловскую гавань. Но из-за густого тумана «Петр» прошел мимо ворот Авачинской губы и разбился у Шипунского мыса. Из шестидесяти трех промышленников спаслись только три человека. А. Толстых среди них не было... [18, с. 88].

Неудачными были и плавания в 1768—1774 гг. И. Попова, Ив. Никонова, А. Сапожникова. Русские купцы-промышленники потеряли интерес к Курильским островам.

Одновременно продолжались и попытки камчатских властей собирать ясак с жителей дальних Курильских островов. В 1766 г. для сбора ясака, приведения в подданство населения, а также для «описания и разведывания тамош-

них жителей» командир Камчатки капитан И. С. Извеков послал на Курильские острова казачьего сотника И. Черного. В 1767—1768 гг. он приводил в подданство мохнатых курильцев, возвратил многих «сошлых», составил черновой журнал с описанием девятнадцати Курильских островов, включая Итуруп. Он был первым из русских, побывавших на этом острове. По возвращении с островов И. Черный был направлен в Иркутск для составления отчета, но по дороге заболел оспой и умер (в 1768 г. эпидемия оспы унесла половину населения Камчатки), не успев составить карту и оставив «тот журнал без надлежащего изъяснения».

Но и без этого «изъяснения» черновой журнал И. Черного представляет огромную ценность. Его можно поставить в один ряд с описаниями Курильских островов И. П. Козыревского и С. П. Крашенинникова. Он подробно рассматривает географию всех островов, кроме первого и второго (Шумшу и Парамушира, детально описанных Крашенинниковым), приводит их размеры и ширину проливов между ними, характеризует растительность, животный мир, реки, озера, бухты, примечательные горы, жителей и их занятия и т. д.

Вот что сообщает И. Черный об Итурупе — самом крупном из Курильских островов: «Девятнадцатый остров Эторпу в длину... верст с триста с прибавою». Он приводит сведения и об островах, до которых сам не дошел, но на которые плавали жители Итурупа. Сообщает, что в Аткис (бухта Аккеси на Хоккайдо) «приходят два судна японския; а ныне, в недавних годах, и на двадцатый остров (Кунашир. — *В. А.*) стало одно судно японское ходить (по японским сведениям, в 1754 г. на Кунашире появилась торговая фактория. — *В. А.*)... Живут японцы на тех островах судами (то есть не сходят на берег. — *В. А.*) месяца по два и ожидают мохнатых курильцов с разных островов... А покупают японцы у мохнатых жиры, тресковую юколу, бобров, орловые хвосты, молодых нерп черных, а продают им от себя вино, табак листовой, хлебные припасы, азямы, тумикамеи серебрянные и зеленой меди, котлы чугунные на ножках, сабли, ножи, топоры» [9, с. 139].

И. Черный дает описание японского торгового судна со слов курильцев: «Суда против российских промышленных, кои они видали (видимо, судно «Петр» А. Толстых в 1765 г. — *В. А.*), не весьма велики; а на судне у них людей бывает человек по шестнадцати работных, да кроме их, первой, главный над всеми, хозяин судна, или командир, называемый тоно, по нем другой — тонтойно, третий — шендо (штурман. — *В. А.*), четвертой — толмач — тунчи и того двадцать человек, а на иных судах бывает людей и более» [9, с. 140].

Таким образом, И. Черный был первым, кто начал приведение в российское подданство жителей Южных Курильских островов, будучи официально послан с этой целью камчатскими властями. Ему удалось собрать ясак не только с жителей Итурупа, но и с нескольких жителей Кунашира, прибывших в это время на Итуруп. Поэтому 1768 г. можно считать началом перво-

освоения русскими Южных Курил. Японцы к этому времени лишь торговали с айнами на Хоккайдо и на Кунашире и не делали попыток распространить на них свою власть.

Указ Сената 1761 г. не привел к активному российскому промыслу на Южных Курилах. Промышленники обычно дальше восемнадцатого острова (Уруп) не плавали. Причина в том, что, как свидетельствует И. Черный, «по прочим островам уже бобров (каланов. — В. А.), кроме восемнадцатого острова, нигде не имеется» [9, с. 140].

Поэтому 28 ноября 1772 г. иркутский губернатор А. И. Бриль предписал главному камчатскому командиру М. К. Бему организовать экспедицию на дальние Курильские острова для их изучения, приведения жителей в русское подданство и установления торговых отношений с Японией [9, с. 142]. Бему предлагалось найти купцов, желающих организовать плавание на южные острова.

Организовать такую экспедицию за свой счет взялись предприимчивые купцы П. С. Лебедев-Ласточкин и Г. И. Шелихов (позднее он вышел из дела). 3 марта 1775 г. последовал указ Большерецкой канцелярии об организации экспедиции [9, с. 143].

Руководителем экспедиции был назначен выпускник Иркутской школы японского языка, сибирский дворянин И. М. Антипин, а его помощником — ученик той же школы И. Очередин. Перед отходом судна «Св. Николай» из Петропавловской гавани в июне 1775 г. туда прибыл М. К. Бем и лично вручил И. М. Антипину подробную инструкцию, которой предписывалось «следовать под видом для звериных промыслов в предписанные Курильские острова, даже и до последнего двадцать второго, называемого Аткиса, а смотря по обстоятельству, и до японского Матмая... Старатца показанных дальних мохнатых курильцов... живущих донныне в своей воле, приводить в подданство е. и. в.» [9, с. 146].

24 июня 1775 г. Антипин и мореход Ф. Путинцов вышли из Петропавловской гавани прямо к восемнадцатому острову Уруп. Здесь Антипин рассчитывал перезимовать, а следующим летом продолжить плавание. Но вскоре после прибытия на Уруп судно разбилось о скалы во время шторма. Только два года спустя из Охотска пришло новое судно — бригантина «Св. Наталья» под командой штурмана М. Петушкова. Руководителем экспедиции вместо Антипина был назначен Дмитрий Шабалин. 31 мая 1778 г. Шабалин на трех байдарках отправился на Итуруп, Кунашир, Шикотан и в Аткис. Жителей этих островов он привел в подданство, а их «атаманов» (родовых старейшин) одарил подарочными вещами.

Шабалин подробно расспрашивал жителей этих островов, с кем они торгуют, какие есть еще земли, какое у них оружие, чем питаются, откуда получают необходимые товары. На Кунашире «атаманы» рассказывали Шабали-

ну, что к северу от них есть «земля, которую они называют Короска (речь идет о Сахалине. — *В. А.*), и людей на ней множество, и язык имеют один» [9, с. 165]. «И она земля в проезде и нам видна была», — пишет Шабалин, что маловероятно.

На Аткисе Шабалин пробыл шесть дней, с 19 по 24 июня 1778 г. В рапорте в канцелярию Охотского порта Шабалин называет Аткис двадцать вторым островом, но в описании к составленной им карте он правильно указал, что Аткис — место на острове Матмай.

Первые семнадцать островов описал И. М. Антипин. Участник плавания на Аткис в 1778 г. в качестве переводчика с японского языка унтер-офицер И. Очередин составил в том же году описание пяти дальних Курильских островов: с восемнадцатого по двадцать второй. Вот какую характеристику дает Очередин южным островам.

«18. Уруп, на котором бывают мохнатые курилцы с других островов, с девятнадцатого и двадцатого в апреле месяце для промыслу бобров, нерп, китов, а иногда и зимуют. Лес березняк, ольховник, камышник (бамбук. — *В. А.*), кедровник, сланец и прочей мелкой лес на оном бывает. Горящая горы и два озера. Остров длиной до ста пятидесяти верст, шириной до двадцати пяти верст.

19. Итуруп. На оном острове живут мохнатые курилцы. Лес такой же, как на восемнадцатом острове, а изредка есть и лиственницы. Морского зверя всякого довольно. В длину остров до трехсот верст, в ширину до двадцати пяти верст.

20. Кунашири. На оном острове живут мохнатые курилцы. Лес такой же, кроме лиственницы. Морского зверя всякого довольно, по берегам устрицы более фута. Кругом есть озера рыбны. В длину до ста тридцати верст в ширину до тридцати верст. На оной остров со временем приезжают в морских судах именуемых буса, японцы для торговли с курилцами и меняют всякаго зверя на японския мелочи.

21. Чикота (Шикотан. — *В. А.*), положен со скасок (то есть по рассказам, отсюда неверные сведения о размерах острова. — *В. А.*), длиной сто тридцать верст, шириной пятьдесят верст, на котором есть живущие мохнатые курилцы.

22. Назван островом Аткисом, а точно ж находится, что остров Матмай, а Аткис сим то место именуемое, где был ундер офицер и японский ученик Иван Очередин тогда, где видел японцев на бусах у мохнатых курилцов для торгу японских мелочей напитошное нерпичье и вялокое сало» [16, с. 129; 19, с. 178].

Кстати, в «Месяцеслове историческом и географическом на 1785 г.» опубликовано «Описание курильских островов», составленное секунд-майором М. Татариновым, где говорится, что, по словам японцев, потерпевших крушение у Камчатки в 1744 г. и живущих в Иркутске, «острова Аткис нет, а есть

на Матмае-острове место, именуемое Аткис, куда проезжают японцы для заготовления лесов на строение морских судов» [9, с. 355]. Здесь же происходила меновая торговля между японцами и «мохнатыми курильцами».

На Аткисе Шабалин застал японское судно «Танги-мару». Вместе с переводчиком Очерединым он дважды посетил японцев. Японцы, в свою очередь, навещали русских. Японцы рассказывали, что прибыли они из города Нагасаки, шли сюда пятнадцать дней. На встрече 21 июня Шабалин завел разговор о возможности установления торговых отношений между Россией и Японией. Но японцы отказались вести переговоры о торговле с русскими без разрешения своих властей. Они предложили Шабалину встретиться на следующий год в японской фактории на острове Кунашир.

2 августа 1778 г. Д. Шабалин прибыл в Охотск на бригантине «Св. Наталья», где получил разрешение от командира Охотского порта на продолжение переговоров с японцами. В начале октября 1778 г. «Св. Наталья» вновь прибыла на Уруп. Вновь прибыл и И. М. Антипин в качестве переводчика и представителя камчатской администрации «для привода мохнатых курильцев в подданство».

Перезимовав на Урупе, Шабалин, Антипин и штурман Путинцев 30 мая отправились на семи байдах с сорока пятью работными людьми на Кунашир, куда прибыли 19 июня, но японцев там не оказалось. Здесь же собрались с разных островов курильцы для торга с японцами. Прождав здесь японцев некоторое время, русские отправились в бухту Аткис на Хоккайдо. Но и сюда японское судно пришло лишь 26 августа. На судне прибыл японский чиновник — даикван. Он привез повеление матмайского начальника, чтобы русские впредь не ходили до Аткиса, так как здесь живут курильцы, с которыми японцы ведут торговлю. А 9 сентября состоялась встреча с вновь прибывшими тремя чиновниками из Матмая. Они отвергли предложение русских о торговле, заявив: «... наш Бог запрещает с русскими знакомиться и торговаться; а есть ли допустит матмайский начальник, то ему худо будет. . . В будущем же, если что понадобится, то посылайте с острова Уруп мохнатых курильцев, и мы с ними передадим вам потребное, а сами не ходите, ежели станите вперед ходить, то худо будет: мешать нам станите торговаться (имеется в виду торговля с курильцами. — *В. А.*)» [18, с. 94].

Так закончилась вторая попытка завязать торговые отношения России с Японией (первая — это плавание М. П. Шпанберга в Японию в 1739 г.). Японцы к тому же дали понять, что они не желают распространения влияния русских южнее острова Уруп. Отказ в торговле с русскими японские чиновники объяснили довольно примитивно: «... у нас товарного нет, кроме пшены и вина, и то употребляем в пути для продовольствия себя» [9, с. 197].

Экспедиция И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина 1775—1780 гг., несмотря на неудачу в установлении торговли с Японией, имела важное политическое

значение. Было выяснено, что в конце 70-х гг. XVIII в. княжество Мацумаэ еще не распространяло своего правления на север острова Хоккайдо, что подтверждает и японский историк Окамото Рюносукэ [9, с. 13]. А из Японской исторической энциклопедии 1964 г. и учебников по истории Японии того времени следует, что «до конца 60-х гг. XIX в. национальной территорией страны к северу от о-ва Хонсю являлась лишь узкая прибрежная полоса о-ва Хоккайдо, ограниченная с северо-запада, севера и северо-востока тремя оборонительными линиями айнских городищ — “тяси”» [5, с. 437].

На остальной территории японцы лишь вели торговлю с айнами. Такая же ситуация была и с Южными Курильскими островами. Уже упоминалось, что с 1754 г. появилась на этих островах лишь одна японская торговая фактория — на южном берегу Кунашира, — да и ту японцы посещали, видимо, не каждое лето (на зиму японцы не оставались в этих местах, о чем свидетельствует зимовавший в 1792—1793 гг. в Немуро на Хоккайдо руководитель третьей русской экспедиции для установления торговых отношений с Японией А. К. Лакеман [7, с. 457].

Знания японцев об островах были весьма скудными. И. М. Антипин приводит свой разговор 30 августа 1779 г. со старым японцем — переводчиком с языка айнов: «... я спрашивал наперво о островах: много ли у вас островов. На то сказал: что де мы знаем только четыре острова именами — Кунашир, Шигодан, Иторпу, да ваш восемнадцатый остров, называемый Уруп» [9, с. 190].

Экспедиция И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина завершила обращение в российское подданство жителей всех Южных Курильских островов и части северо-восточного побережья Хоккайдо. В общей сложности было объяснено 1 500 «мохнатых курильцев» (взрослых мужчин) [20, с. 123].

Антипин и Шабалин сумели восстановить с местными жителями добрые отношения, осложнившиеся после жестокого обращения с ними предшествующих сборщиков ясака, в том числе И. Черного. Многие курильцы были обращены в христианскую веру.

Можно сделать вывод, что первооткрытие русскими Южных Курильских островов состоялось в 1739 г. во время «отыскания морского пути в Японию» отрядом М. П. Шпанберга, а первоосвоение начато в 1768 г. экспедицией И. Черного и завершилось в 1778—1779 гг. экспедицией И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина. Все эти экспедиции отправлялись с Камчатки.

К сожалению, русские не смогли закрепить свое влияние и присутствие на южных островах в последующие годы. Посещение этих островов казаками и промышленниками прекратилось. Промышленников больше привлекали Алеутские острова и Аляска, богатые морским зверем. В 1790-е гг. Г. И. Шелихов предпринял неудачную попытку «завести Русь» на Курилах, но выбрал для этого опять же остров Уруп. Кроме того, промышленников напугало известие о страшном землетрясении 7 января 1780 г. на Урупе и цунами

18 июня 1780 г., когда погибли многие члены экспедиции Антипина — Шабалина и бригантина «Св. Наталья» (первое судно — «Св. Николай» — разбило о скалы в 1775 г.), а все жилища и постройки на Урупе были разрушены.

У камчатских казаков отпала необходимость посещать Южные Курилы после указа Екатерины II от 30 апреля 1779 г. Наградив организатора экспедиции 1775—1780 гг. П. С. Лебедева-Ласточкина медалью «За полезные обществу труды», императрица издала указ: «Приведенных в подданство на дальних Курильских островах мохнатых курильцов оставить свободными и никакого сбору с них не требовать, да и впредь обитающих тамо народов к тому не принуждать...» [9, с. 182].

Именно в эти годы, в середине 1780-х гг., когда русские перестали посещать Южные Курилы, началась японская экспансия на север Хоккайдо, а затем японцы обратили внимание на соседние острова. На мысе Носяппу, самой северо-восточной точке Хоккайдо, есть памятник японцам, погибшим в сражении с айнами в 1785 г. [21, с. 35]. На северном побережье появились японские гарнизоны, айнов стали привлекать к принудительным работам. Это отметил А. К. Лаксман, посетивший северный Хоккайдо в первые годы японской колонизации. Он сообщает, что в каждом селении «мохнатых курильцев» на побережье находились японские чиновники со служителями для сбора податей и торговцы. Но японцы жили здесь только летом. Японский чиновник сообщил Лаксману: «... всегда уезжаем нынешним временем (дело было в октябре. — В. А.) в Матмай, а сюда приходим с первыми судами в мае месяце» [7, с. 457].

Правда, в связи с прибытием русского судна с посольством, японцам пришлось остаться на зиму в Немуро и соседних селениях. Лаксман отмечает также, что курильцы были в полной зависимости от японцев и настолько ими запуганы, что не смели сами взять от русских мелкие подарки за услуги. При них всегда был японский надсмотрщик, который распределял эти подарки (обычно, табак) среди айнов. «Японцы с ними весьма поступали свирепо и все, что только курильцы промыслить могли, у них отбирали, даже... их к промыслу и ко всяким тяжким работам принуждали... Сверх того, рассказывали японцы, что мохнатые курильцы по северному берегу сего острова... верны, а далее против двадцатого острова (Кунашира. — В. А.), равно как и на западной стороне живущие, весьма непостоянны и сумнительны» [7, с. 459—460].

Но этой покорности айнов северного побережья японцы добились лишь в последние годы перед приходом русских: «788 года в мае месяце пришло японское судно с разными... товарами... Здешные и двадцатого острова курильцы, сговорясь между собою, сделали нападение и побили семьдесят пять человек японцев, а товары по себе разделили». Когда известие об этом дошло до княжества Мацумаэ, «был прислан из оного чиновник во ста пятидесяти

человеках для разбирательства и усмирения по делу сего бунта и, собравши тех курильцев... казнил начинщиков одного бунта и из их тойнов и старшин тридцать пять человек, коих головы... осоливши, увез в Матмай, а тела приказал разбросать...» Но и после этого, по словам японских служителей, «...курильцы в разных около здешних мест в пристанях и их стойбищах живущих по пяти и по семи, смотря по селению, оное число японских служителей побили» [7, с. 459].

В эти же годы японские власти начинают проявлять интерес и к ближним к Хоккайдо Курильским островам. В 1786—1787 гг. на Кунашире, Итурупе и даже Урупе побывала первая японская научная экспедиция во главе с Могамы Токунаи. Были собраны подробные сведения об этих островах и составлена их карта. Кстати, на Итурупе М. Токунаи обнаружил поселение, где жили трое русских. По их словам, они жили здесь уже семь лет, то есть с 1779 г. Видимо, это были участники экспедиции Антипина — Шабалина. Старший из русских, Идзюё (возможно, Зуев) рассказал Токунаи, что они, примерно шестьдесят русских, прибыли на остров Уруп, чтобы заняться охотой и рыболовством, но в группе произошла ссора, и они перебрались на Итуруп.

М. Токунаи встречал на Итурупе православные кресты, многие айны молились на них, то есть были крещеными. Перед домом русских стояло трехметровое распятие, перед которым молились и курильцы. Подробно встречу Токунаи с русскими описывает японский историк С. Накамура в книге «Японцы и русские». Во время встречи (кстати, переводчиком между японцами и русскими был тойон из бухты Аккеси на Хоккайдо Икотои, служивший проводником у Токунаи) произошла любопытная дискуссия между Токунаи и Идзюё о принадлежности Южных Курильских островов. Приведем выдержки из этой дискуссии. По ним видно, с каким достоинством и как аргументированно отвергает простой русский промышленник заявления японского офицера о принадлежности Южных Курил Японии.

Токунаи: «Знаете ли вы, что японским правительством запрещен въезд иностранцев в страну?».

Идзюё: «Знаем. Однако здесь не Япония. Ни на Итурупе, ни на Урупе, кажется, нет никаких японских правительственных органов».

Токунаи: «Нельзя утверждать, что это не японская территория, исходя лишь из того, что здесь нет правительственных органов. В Японии есть почитаемое божество, и это божество управляет государством. Посмотрите на небеса. Именно золотой диск солнца, светящийся на небесах, является японским божеством. Одновременно с японской территорией оно создало северные острова (речь идет о богине солнца Аматаэрасу в синтоистской религии, потомками которой считаются императоры Японии. — В. А.)».

Идзюё: «Солнце — это не что иное, как светящийся круг, существующий во вселенной. Бог — это что-то особое, отличное от солнца, гор, рек, а путь

божественный нам указал Сын Божий Иисус Христос. Именно этот Бог проявляет к человечеству безграничную любовь. Даже жители этого острова в настоящее время верят в учение Иисуса...»

На следующий день, 6 мая 1786 г., дискуссия продолжилась.

Токунаи: «Вчера вечером вы сказали, что остров Итуруп и остров Уруп не являются японской территорией. В таком случае — это территория России?»

Идзюё: «Нет, пока еще не территория России. Хотя в ближайшем будущем, думаю, будет таковой».

Токунаи: «Айны, которые живут на этом острове, одного происхождения с айнами, проживающими на северо-востоке исконной японской территории, и еще много веков назад платили день императорскому двору и нередко удостоивались родовых титулов. Значит, то, что здесь проживает племя айнов, и означает, что этот остров относится к японской территории».

Идзюё: «Здесь даже спорить не о чем. Айны этого острова не считают себя подданными Японии, и на острове нет ни одного японца, который бы управлял этими айнами. Что касается острова Итуруп, то я никогда не слышал о том, чтобы хотя бы один японец побывал здесь. С тех пор, как тридцать лет назад у Итурупа потерпело крушение японское судно (имеется в виду рыболовное судно из Урага, префектура Канагава, выброшенное на берег Итурупа в 1756 г. [22, с. 74]), вы, по-видимому, впервые прибыли на этот остров. Даже если представить, что айны этого острова являются представителями японской нации, то сегодня это никакого значения уже не имеет. Япония сама отказалась от прав на владение этой территорией, и она стала русской, и этого вы не опротестуете ни перед Богом, ни перед людьми».

Токунаи: «Я являюсь уполномоченным японского правительства. Здесь сейчас же я объявляю, что остров Итуруп является территорией Японии».

Идзюё: «Можно провозглашать сколько угодно. Однако вопрос заключается не в провозглашении, а в реальной силе. Ведь уже Козыревский семьдесят с лишним лет тому назад, отправившись с Камчатки, высадился на острове Шумшу и обследовал затем северную часть Курильских островов. С того времени люди нашего государства каждый год приезжают сюда большими группами, и на островах Итуруп и Уруп уже давно построены русские поселения. Через несколько лет эти острова станут русскими».

У Токунаи аргументы закончились. «Взяв в левую руку большой меч, Токунаи встал и, пристально глядя в голубые глаза Идзюё, решительно сказал: “От имени японского правительства заявляю, что вы трое арестованы”» [22, с. 76].

Таким образом, экспедиция М. Токунаи совершила открытие Японией Южных Курильских островов в 1786 г., то есть на сорок семь лет позже М. П. Шпанберга. Но и оно было не полным. Токунаи не посещал острова Малой Курильской гряды. Кстати, сам Токунаи признавал, что он был первым японцем, посетившим Итуруп и Уруп.

Но и это открытие могло не состояться. Диктатор Танума Окицугу, правивший Японией в 1767—1786 гг., прочитал трактат врача из княжества Сендай Кудо Хэйскэ, написанный в 1783 г. Трактат назывался «Размышления о красноволосых Эдзо» (так японцы называли русских). Упомянув о посещении русскими Аккеси в 1778—1779 гг., он пишет: «Если мириться с тем, что происходит, то вся земля Эдзо станет русской территорией» [22, с. 70]. Танума встретился с автором и вскоре распорядился организовать экспедицию для обследования Эдзо. В 1787 г. после смерти сегуна Иэхару диктатор Танума был отстранен от власти, и работа экспедиции была приостановлена.

Некоторые зарубежные историки (японец С. Накамура, американец Д. Кин и другие) называют еще один повод возросшего в эти годы в Японии интереса к северным территориям — так называемое «предостережение Беньевского». Мориц Август Беньевский, руководитель «Большерецкого бунта» 1771 г., во время побега с Камчатки во Францию на галиоте «Св. Петр» трижды заходил в японские порты. В своих мемуарах он приводит письмо, направленное в голландскую факторию в Нагасаки с просьбой о помощи бегствующим беглецам с Камчатки. Но в голландских архивах хранятся шесть писем Беньевского, в том числе четвертое, получившее название «предостережение Беньевского». В нем говорится, что «... в этом году два русских галиота и один фрегат, выполняя тайный приказ, совершили плавание вокруг берегов Японии и занесли свои наблюдения на карту, готовясь к наступлению на Мацума и прилегающие к нему острова... намеченному на будущий год. С этой целью на одном из Курильских островов, находящихся ближе других к Камчатке, построена крепость и подготовлены снаряды, артиллерия и провиантские склады» [19, с. 145].

По мнению большинства историков, все письма Беньевского, кроме первого, — подделка. Голландия, имевшая монополию на торговлю с Японией, желала вызвать недоверие и подозрительность к России, считая ее своим конкурентом.

После экспедиции М. Токунаи Япония более десяти лет не делала попыток закрепиться на «северных территориях». Россия же пыталась это сделать дважды, но неудачно. Если бы состоялась кругосветная экспедиция Г. И. Муловского, то уже в 1788 г. Россия закрепила бы свои права на все острова к северу от Японии. К сожалению, две начавшиеся на западе войны — со Швецией и с Турцией — не позволили этого сделать. Вторую попытку в том же 1788 г. предприняли купцы-промышленники Г. И. Шелихов и братья Голиковы, основавшие в 1781 г. Северо-Восточную компанию. В 1788 г. они написали прошение Екатерине II с предложением построить гавань и крепость «на двадцать первом или двадцать втором острове для заведения торговли с Китаем и Япониею» [9, с. 251].

За год до своей смерти, 9 августа 1794 г., Г. И. Шелихов пишет о своих планах освоения Курильских островов: «...обязан я отправить из данных мне

хлебопашцов несколько семей на Курильской восемнадцатый остров, ибо и там было и есть мое намерение завести помаленьку Русь» [9, с. 329]. Судьба поселения, получившего название Курилороссия, сложилась трагически. В 1795 г. судно «Св. Алексей» с промышленниками и поселенцами-хлебопашцами, знающими кузнечное, слесарное и литейное дело, прибыло на остров Уруп, где на восточном берегу в бухте Тавано было основано поселение.

Поселенцы выселили рожь, пшеницу, овес, горох и лен. Зерновые не вызрели, а горох и лен дали хороший урожай. Кстати, земледелием на Уруп пытались заниматься еще участники экспедиции Антипина — Шабалина. Руководитель поселения, или передовщик, Василий Звездочетов оказался жестоким и властным самодуром. Часть поселенцев он замучил до смерти, часть недовольных отправил на Камчатку. К концу 1790-х гг. в Курилороссии осталось двенадцать мужчин и три женщины. Когда в 1807 г. Уруп посетили лейтенанты Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов на «Юноне» и «Авось», они не застали здесь никого из русских. По некоторым сведениям, после смерти В. Звездочетова поселенцы переселились на остров Итуруп и прожили там около десяти лет, торгуя с японцами [9, с. 365]. По другим данным, семь человек сразу вернулись на Камчатку.

В 1828 г. на Уруп на том же месте служащий Российско-Американской компании мичман Этолин построил базу компании, где поселили алеутов с дальних Алеутских островов. Вторая Курилороссия просуществовала до 1877 г., когда ее жителей вывезли на Камчатку, так как Уруп и вся северная часть Курильских островов в 1875 г. оказалась под властью Японии.

Попытка Г. И. Шелихова «завести помаленьку Русь» на Курильских островах была последним шагом России в стремлении укрепиться на Южных Курилах. Создание Курилороссии ограничило японские аппетиты на севере островом Итуруп. В 1798 г. появились японские военные посты на Кунашире, а в 1800 г. — и на Итурупе. На Уруп распространить свою власть японцы не решились, хотя Токунаи в 1786 г. исследовал и его и считал Уруп, как и более южные острова, японским владением. И только наличие на Уруп возобновленной Этолиным Курилороссии привело к тому, что, подписывая Симодский договор в 1855 г., японцы на Уруп не претендовали.

Таким образом, исторический аргумент Японии в ее требовании возвращения «северных территорий» по праву японского приоритета в их открытии и освоении, несостоятелен. Русское первооткрытие Южных Курильских островов состоялось в 1739 г., на сорок семь лет раньше японского, а первоосвоение русскими этих островов началось на тридцать лет раньше японского. Для нас, жителей Камчатки, важно еще и то, что все русские экспедиции на Курильские острова начинались на Камчатке, и с 1711 по 1875 гг. острова находились в подчинении камчатской администрации. И в возвращении всей Курильской гряды в 1945 г. в состав нашего государства наибольший вклад

внесли камчатцы. Камчатский десант освобождал большую часть островов, понес огромные потери. Треть участников десанта не вернулась в Петропавловск, так как полегла на островах. Многие десантники умерли от ран в городских госпиталях.

Южные острова освобождал десант с Сахалина, который не встретил ни одного выстрела с японской стороны — японцы капитулировали, не желая повторить судьбу своих соотечественников на северных островах.

Даже переговоры с Японией о возвращении ей «северных территорий» в год шестидесятилетия их освобождения оскорбляют память о тысячах наших земляков-камчатцев, отдавших свои жизни за возвращение Курильских островов стране, которой они должны принадлежать по праву их первооткрытия.

ИСТОЧНИКИ

1. Аргументы и факты. — 2005. — № 15.
2. Камчатское время. — 2004. — 17 нояб.
3. *Бондаренко О.* Неизвестные Курилы. — М., 1992.
4. Вести.— 2005. — 11 марта.
5. Русская тихоокеанская эпопея. — Хабаровск, 1979.
6. *Червко К. Е.* Экономическое освоение Сахалина: история и современность // Проблемы Дальнего Востока. — 1979. — № 4.
7. *Головин В. М.* Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о японском государстве и народе. — Хабаровск, 1972.
8. *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. — М., 1960.
9. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1989.
10. *Финнов М.* Российского владения земля. — Южно-Сахалинск, 1989.
11. *Дивин В. А.* Русские мореплаватели на Тихом океане в XVIII в. — М., 1971.
12. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
13. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1984.
14. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М.; Л., 1949.
15. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. В 2 т. — СПб. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
16. *Алексеев А. И.* Сыны отважные России. — Магадан, 1970.
17. *Сибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. 1759—1772 гг. // Морской сборник. — 1869. — № 6.
18. *Макарова Р. В.* Русские на Тихом океане во второй половине XVIII в. — М., 1968.
19. *Давидсон А. Б., Макрушин В. А.* Облик далекой страны. — М., 1973.
20. *Полевой Б. П.* Первооткрыватели Курильских островов. — Южно-Сахалинск, 1982.
21. *Таксами Ч. М., Косарев В. Д.* Кто вы, айны? Очерк истории и культуры. — М., 1990.
22. *Накамура С.* Японцы и русские. Из истории контактов. — М., 1983.

**МЕДИЦИНСКИЕ КАДРЫ КАМЧАТКИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.**

В дореволюционное время здравоохранение Камчатки находилось в крайне неудовлетворительном состоянии: медперсонал области был небольшим и снабжался самым необходимым лишь эпизодически. Так, из отчета врача Семенова мы узнаем, что «все медицинское обслуживание населения ложится на низший персонал, на фельдшеров и сестер милосердия. Фельдшер и медсестра, отрезанные большую часть года от остальных районов, предоставлены самим себе, и только один раз заезжал к ним врач и снабжал медикаментами и перевязочными материалами» [1, с. 70].

Обеспеченность Камчатки медицинскими кадрами в 1912 г. характеризуют данные табл. 1.

Таблица 1

Уезды	Врачи	Фельдшеры	Повивальные бабки	Сестры милосердия
г. Петропавловск	2	2	1	4
Петропавловский	—	1	—	3
Охотский	—	2	1	1
Гижигинский	—	2	1	2
Анадырский	—	2	1	—
Командорский	—	2	—	—
Чукотский	—	1	—	—
Всего	2	12	4	10

Примечание. Данные РГИА ДВ, ф. р-2422, оп. 1, д. 234, л. 52.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в здравоохранении области наблюдался недостаток медицинского персонала. Суровые климатические условия, отдаленность Камчатки от центральных районов страны, отсутствие благоустроенных медицинских учреждений и постоянной связи между ними, материальная необеспеченность не способствовали привлечению и закреплению медиков.

Таким образом, проблема обеспечения учреждений здравоохранения Камчатки медицинскими кадрами существовала еще до событий октября 1917 г. Ниже рассмотрены пути ее решения, предпринимавшиеся в советский период.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Сложность политической и экономической обстановки на Дальнем Востоке, в частности на Камчатке, в период 1917—1922 гг. отодвинула решение вопросов медицинского обслуживания, в том числе кадрового обеспечения,

на будущее. Многие медики не работали по специальности ввиду их востребованности новой властью на управленческих должностях. Так, фельдшер В. Ц. Пересвет-Салтан занимал должность Камчатского губернского прокурора, фельдшер Лукашевский — заведующего губернским отделом труда, фельдшер Падашевский — председателя Анадырского уездного ревкома.

На проходившем с 12 марта по 7 апреля 1920 г. Первом Петропавловском уездном съезде Советов было принято постановление об образовании Комиссариата народного здоровья и ветеринарии. На должность комиссара заочно избрали фельдшера А. С. Лукашевского. К апрелю 1920 г. комиссариат был сформирован и приступил к работе.

Отношения между новой властью и медицинским персоналом Камчатки налаживались долго и сложно. На проходившем в октябре 1920 г. областном съезде Советов А. С. Лукашевский в отчете о своей работе указывал, что ей мешает борьба, разгоревшаяся между медиками и их руководством. Между комиссаром и медицинским персоналом назрел конфликт, который Камчатский областной Совет трудового народа вскоре разрешил следующим образом. Он постановил врача Ч. К. Щипчинского, наиболее активного противника начинаний А. С. Лукашевского, арестовать как объявленного съездом врага трудового народа, а остальных конфликтующих медработников уволить, лишив содержания и казенной квартиры.

Принимая такое жесткое решение, областной Совет оставлял без работы не только медицинский персонал, но лишал помощи население города, которое не осталось безучастным к такому повороту событий. Депутация женщин Петропавловска и ближних селений просила выпустить Ч. К. Щипчинского из-под ареста. Камчатский областной исполнительный комитет освободил врача, подчеркивая, что его профессиональные качества стоят выше политической работы. Позднее Ч. К. Щипчинский был назначен заведующим городской больницей. Уволенным медработникам, желавшим работать с А. С. Лукашевским, было предложено заняться врачебной практикой.

Таким образом, несмотря на различия во взглядах в деле организации медицинской помощи, медицинские работники и власть пришли к соглашению, «полагая, что только при дружной и совместной работе специалистов и власти, чего до сих пор на Камчатке не было ни при царизме, ни после него, медицинское дело в области будет поставлено на должную высоту» [2, с. 44].

На протяжении всего рассматриваемого периода медицинских работников на Камчатке не хватало. В 1919 г. из-за их отсутствия пришлось закрыть врачебные пункты в Тигиле и Ключах. По той же причине перестали действовать три фельдшерских пункта в Петропавловском уезде и один в поселке Ола Охотского уезда [3]. Анадырский и Чукотский уезды в 1920—1922 гг. не имели ни одного штатного фельдшера.

В марте 1921 г. председатель облнарревкома И. Е. Ларин отправил на имя В. И. Ленина телеграмму, в которой сообщал: «Как следствие экономического кризиса, в области закрылось много школ, медицинская помощь в жалком состоянии, нужны кадры учителей, врачей, фельдшеров» [4].

Безвыходное положение в здравоохранении, создавшееся из-за отсутствия медицинских кадров, не осталось незамеченным центральной властью. В ответ Малый Совет Народных Комиссаров предложил Сибобздраву (Сибирскому отделу здравоохранения) направить на полуостров врачей — выпускников учебных заведений 1921 г. — а также инструкторов для выяснения потребности в медицинском персонале и снабжении.

Шаги к обеспечению населения Камчатки медперсоналом предпринял Народный комиссариат здравоохранения (Наркомздрав). Он обратился к правительству Дальневосточной республики (ДВР) с предложением отправить на Камчатку специалистов. Взамен них гарантировалось командирование Минздраву ДВР соответствующего числа медперсонала из находившегося в его распоряжении и оказание всяческого содействия лицам, посылаемым на Камчатку из РСФСР.

Сибобздраву было предложено немедленно выделить врачей и срочно направить их в Петропавловск. Но политические события в ДВР не позволили осуществить намеченные планы.

С 1920-х гг. медицинский персонал стал прибывать на Камчатку в основном по направлениям Наркомздрави, а с 1938 г. его сюда начинает отправлять и Крайздрав (Краевой отдел здравоохранения Хабаровского края, в который в 1938 г. вошла Камчатская область). Необходимо отметить, что кроме кадров, отправленных в плановом порядке отделами здравоохранения, пополнение шло врачами, заключавшими индивидуальные трудовые соглашения с Камчатским отделом здравоохранения, а также прибывавшими на полуостров по семейным обстоятельствам без направлений центральных или краевых отделов здравоохранения.

Приступивший в январе 1923 г. к исполнению обязанностей заведующего Дальневосточным отделом здравоохранения М. И. Барсуков застал печальную картину. На всю Дальневосточную область приходилось 349 врачей и 1 059 лекпомов (лекарских помощников). В 1923 г. из всех врачей, работавших на Дальнем Востоке, на Камчатке трудились лишь трое (все в Петропавловске), а из лекпомов — двое [1, с. 71, 73].

Отсутствие медперсонала, а, следовательно, и достаточной лечебной сети, заставляло население севера Камчатки, преимущественно коренное и, особенно, кочевое, обращаться за помощью к доморощенным медикам: знахарям и шаманам. Большая часть населения Усть-Камчатского района в 1924—1925 гг. была вынуждена лечиться у японских врачей и фельдшеров, находившихся на рыбоконсервных заводах. Медицинские услуги иностранных специа-

листов были дороги. Население расплачивалось за них в основном пушной. В сельской местности функции медицинского работника часто выполняли педагоги. Так, в 1927 г. больным села Пенжино медицинскую помощь оказывал учитель.

Недостаток медицинского персонала наглядно представляет табл. 2, показывающая численность населения и территорию районов, приходившихся на каждого медика в 1927 г.

Таблица 2

Район	Население, чел.	Территория, кв. км
Петропавловский	704	54 853
Усть-Камчатский	586	67 354
Большерепцкий	707	45 915
Тигильский	805	60 293
Анадырский	1 912	288 396
Карагинский	2 979	95 282
Пенжинский	5 430	153 202
Чукотский	6 025	195 609

Примечание. Данные ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 4, л. 50.

В среднем в 1927 г. каждый медработник области, имевшей территорию 960 704 кв. км, обслуживал 1 020 чел. [5]. На одного врача в 1923 г. приходилось 17 445, в 1927 г. — 6 991, в 1937 г. — 1 435 чел. [6].

Рост численности врачей на Камчатке характеризуют данные табл. 3 и 4.

Таблица 3

Районы	Число врачей в 1927 г.	Число врачей в 1948 г.
Петропавловский	2	64
Усть-Камчатский	1	31
Усть-Большерепцкий	1	40
Тигильский	1	5
Карагинский	—	4
Пенжинский	1	2
Чукотский	—	14

Примечание. Таблица составлена по данным ГАХК, ф. р-683, оп. 1, д. 33, л. 23; оп. 2, д. 320, л. 48.

Таблица 4

Год	1918	1922	1924	1927	1928	1933
Врачей	5	2	5	6	8	40
Год	1936	1940	1941	1945	1947	1948
Врачей	57	93—110	124	95	122	160

Примечание. Таблица составлена по данным ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 4, л. 51; ГАХК, ф. 939, оп. 1, д. 176, л. 13—13 об.; ГАХК, ф. 719, оп. 6, д. 1, л. 47; ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 46, л. 5; ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 320, л. 48.

Несмотря на увеличение числа медицинских работников, огромный дефицит в кадрах не только не уменьшался или оставался стабильным, но из года в год повышался, поскольку численность населения Камчатки росла. Такая же картина наблюдалась и в Хабаровском крае. Так, в 1930 г. при наличии в крае 500 врачей их дефицит составлял 420 чел., а при наличии 960 средних медработников последних недоставало 722 чел. [7].

В 1936 г. для полного укомплектования кадрами сельских участков в распоряжение Камчатского облздрави были направлены 20 врачей [8]. Только за 1938 г. и за первую половину 1939 г. в область прибыли 57 медработников, из них 27 врачей и 30 чел. среднего персонала [9]. Но это пополнение не стало существенным. Уже к 1940 г. на Камчатке недостает 101 врача и 338 чел. среднего медицинского персонала, из них 111 акушеров [10].

Население сельской местности на протяжении ряда лет испытывало жизненную необходимость в медицинском персонале, особенно во врачах. Так, сеть медицинских учреждений восьми совхозов Камчатской области на 1 января 1940 г. состояла из четырех фельдшерско-акушерских пунктов, где прием вели четыре фельдшера. Врачей здесь не было [11].

Несколько медицинских пунктов и даже районов еще оставались не укомплектованными. Так, в Петропавловском городском районе не хватало 52 врачей, не было врача в Быстринском районе. Без докторов оставался ряд сельских участков Пенжинского и Тигильского районов, а также больниц при рыбокомбинатах.

В Усть-Камчатском районе в 1944 г. работали 11 врачей, в то время как по штату требовалось 18. Еще сложнее было положение со средними медицинскими работниками — не хватало 15 медсестер и 25 сестер-воспитательниц [12].

В 1946 г. последовало сокращение сети фельдшерских пунктов, причиной которого стал недостаток медицинских кадров.

В течение 1946—1947 гг. в распоряжение облздравотдела прибыли 55 врачей, 18 зубных врачей и 170 средних медицинских работников. Это пополнение дало возможность укомплектовать сеть необходимыми кадрами, но тоже не полностью. Уже в 1948 г. облздравотдел просил крайздравотдел направить на постоянную работу в область еще 50 врачей и 150 средних медицинских работников [13].

Национальные округа Камчатки постоянно испытывали потребность в медицинских кадрах. Во второй половине 1948 г. прибыло 50 % медработников Чукотского национального округа (ЧНО). Если принять во внимание, что в 1948 г. штатное расписание утверждало 158 их единиц, то общая укомплектованность сети медицинских учреждений на протяжении трех кварталов 1948 г. равнялась 35—40 % [14]. Большинство мелких населенных пунктов Корякского национального округа (КНО) в 1950 г. не имели медицинских

работников. Население, занятое в оленеводстве, медицинской помощи и вовсе не получало.

Совершенно неудовлетворительно обстояло дело с предоставлением населению специализированной медпомощи, особенно в сельской местности, где большинство больниц ее совершенно не оказывали. Больные были вынуждены терять много времени и средств на поездки для лечения в областной и краевой центры.

Камчатка на протяжении длительного времени испытывала острую потребность в специалистах: акушерах, фтизиатрах, окулистах, венерологах, хирургах. В 1924 г. на всю губернию имелась всего одна акушерка [15], а в 1936 г. в области трудилось восемь акушерок [16].

В 1949 г. из 18 районных больниц Камчатской и Нижне-Амурской областей лишь в 11 имелись хирурги, в семи венерологи, а фтизиатры работали только в двух районах [17]. Распределение врачей-специалистов по Камчатской области в 1948 г. показано в табл. 5.

Таблица 5

Специалисты	Число
Санитарные врачи	16
Хирурги	21
Акушеры-гинекологи	16
Терапевты	31
Педиатры	28

Примечание. Таблица составлена по данным ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 75, л. 42.

Министерство здравоохранения направило в 1949 г. в распоряжение Камчатского облздравотдела 49 врачей, в том числе пять хирургов, трех окулистов, двух венерологов, двух фтизиатров. Кроме того, для КНО были выделены: один хирург, три окулиста, один венеролог, пять фтизиатров, а для ЧНО — 10 врачей, в том числе три хирурга, окулист, по два венеролога и фтизиатра [18].

Несмотря на их приезд, специализированная помощь населению КНО оставалась неудовлетворительной. Ее предоставляли 33 врача и 127 средних медработников. В округе имелись всего четыре хирурга, три гинеколога, два педиатра, венеролог, окулист и фтизиатр [18].

Основной контингент приезжающих и работающих на территории Хабаровского края врачей составляли вчерашние выпускники медицинских институтов. Ощущался большой недостаток в опытных кадрах. По данным на 1 января 1940 г., в крае работали 822 врачей. Из них стаж до трех лет имели 195, свыше трех лет — 272, свыше пяти лет — 277 и свыше десяти лет — 78 чел. В Камчатской области имелись всего 24 врача со стажем работы более пяти лет, из которых только шестеро работали в районах [19]. При этом основная масса врачей с опытом работы в несколько лет находились в городах, а почти

вся сельская сеть была укомплектована молодыми специалистами, только что закончившими вузы. В 1948 г. врачи Камчатской области по стажу работы распределялись следующим образом (табл. 6).

Таблица 6

До года	%	1—3 года	%	3—5 лет	%	5—10 лет	%	Свыше 10 лет	%
43	15,8	84	30,8	50	18,3	55	20,1	41	15

Примечание. Таблица составлена по материалам ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 75, л. 42.

Почти половина их — 46,8 % — имела стаж работы до трех лет. Таким образом, в области по-прежнему был в наличии высокий процент молодых специалистов. В национальных округах число медработников с незначительным опытом было еще больше (табл. 7).

Таблица 7

Стаж	До одного года	До трех лет	До пяти лет	До 10 лет	Свыше 10 лет
Врачи	11	13	18	4	2
Средний медперсонал	38	28	36	24	17
Зубные врачи	2	—	—	4	—

Примечание. Таблица составлена по данным ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 365, л. 36—37.

Больше 90 % медицинского персонала Чукотки имели стаж работы менее двух лет, из них более 50 % — менее одного года [14]. Работники, только что окончившие учебные заведения, без специального и жизненного опыта, не всегда могли обеспечить удовлетворительную работу медицинского учреждения.

Недостаток в специалистах узкого профиля и опытном персонале способствовал распространению на Дальнем Востоке, в том числе и на Камчатке, совместительства. Совмещая несколько специальностей, медицинский работник восполнял потребность учреждения в том или ином специалисте. Чаще всего совместителями были опытные сотрудники.

Табл. 8 свидетельствует о том, в каких специалистах нуждалась городская больница в 1930—1932 гг.

Таблица 8

Специальность	В наличии	По штату	По совместительству
Всего врачей	10,0	6,0	4,0
Терапевты	3,5	1,0	2,0
Хирурги	3,5	2,0	0,5
Гинекологи	0,5	—	0,5
Венерологи	1,0	1,0	—
Одонтологи	1,0	1,0	—
Неврологи	0,5	0,5	0,5

Примечание. Таблица взята из книги «Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990)», 1994. — С. 376.

На протяжении длительного времени врачи работали на 1,5—2 ставки, 85 % из них, трудившихся в больницах, имели основную или совместительскую работу в других медучреждениях [20].

Несмотря на широко практикуемое совместительство, покрыть огромный дефицит в кадрах не удалось. Недостаток медицинского персонала в значительной степени усугублялся его нерациональной расстановкой: зачастую врачи работали не по специализации. Медиков с большим стажем направляли то в один пункт, в котором не оказывалась лечебная помощь, то в другой.

Санитарный врач из г. Петропавловска Петрова свидетельствует: «С первых дней работы я натолкнулась на возмутительное отношение ко мне со стороны Горздравотдела и Облздравотдела. Кратко это отношение может быть проиллюстрировано следующим: проработав около года, я до сих пор не имею закрепленного рабочего места, как и двое моих сотрудников». Приведем также выдержку из письма А. Н. Верцинской Камчатскому отделу здравоохранения: «...в течение года моей работы Облздрав не мог меня использовать так, как следует, и вполне достаточно меня швыряли с одной работы на другую... Сколько было желания, энтузиазма работать, сейчас совсем другое» [21].

В конце 1937 г. Наркомздрав стал выдавать врачам, направляемым для работы на Дальний Восток, путевки с указанием конкретной точки назначения. Крайздрав утратил право менять направление путевки и тем самым лишился возможности укомплектовывать медицинские учреждения по своему усмотрению, учитывая потребность учреждений в кадрах.

В целях рациональной расстановки врачебного персонала и для повышения эффективности их работы Крайздрав издал ряд распоряжений. На основании приказа Наркомздрава от 3 января 1943 г. № 180-0 была проведена проверка порядка приема врачей на работу и правильности применения их умений согласно полученной квалификации в лечебных учреждениях всех ведомств. Врачи, поступившие без направления здравотделов, отправлялись в их распоряжение для получения назначения. Заведующим здравотделами и руководителям медицинских учреждений запрещалось освобождать и принимать на работу врачей без санкций отделов руководства. Крайздрав предписал заведующим областными, районными и городскими отделами здравоохранения пересмотреть нагрузку каждого врача, сделав ее наиболее оптимальной для совместительства. Он также распорядился учесть всех неработающих врачей и принять меры к их использованию по специальности.

К 1939 г. направление медицинских работников по линии Наркомздрава проходило вполне удовлетворительно. В дальнейшем было решено не практиковать набор кадров по индивидуальной договоренности с работодателем, поскольку Камчатский облздравотдел становился в тяжелое финансовое поло-

жение ввиду выплат индивидуальных ставок, больших подъемных и выходных пособий. Так, в 1928 г. сумма, необходимая для приглашения персонала, была значительной, достигая 5—7 тыс. руб. [24].

Тем не менее, в ЧНО продолжали прибывать врачи без направлений центрального и краевого отделов здравоохранения, которые утверждались Чукотским окрздравом.

7 апреля 1945 г. появляется распоряжение, запрещающее заведующим городскими и районными отделами здравоохранения областного подчинения перемещать врачей и заведующих врачебными участками без согласия областных отделов здравоохранения.

Приказ по Хабаровскому краевому отделу здравоохранения № 294 от 14 октября 1950 г. освобождал от должностей врачей, трудившихся не по специальности, и направлял их в районы на работу по профилю. Впредь категорически запрещалось назначение врачей, прошедших специализацию, на работу не по специализации.

Таким образом, комплектование учреждений здравоохранения медицинскими кадрами на месте осуществлялось через совместительство и перестановку персонала. Пополнение персонала происходило за счет приезжающих специалистов. Молодые сотрудники, окончив учебные заведения, прибывали в составе медицинских отрядов и экспедиций по направлениям отделов здравоохранения.

С 1924 г. в национальных районах Камчатки появились врачебные отряды Российского общества Красного Креста (РОКК). Отряды состояли из врача, лекптома, акушерки и санитаря. Перемещаясь по населенным пунктам, они оказывали помощь жителям полуострова. В некоторой степени персонал отрядов заполнял существующую брешь в медицинских кадрах северных территорий Камчатки.

В 1928 г. за Камчатским округом была закреплена сеть таких отрядов. Тигильский отряд РОККа был перенесен в село Палана для обслуживания оседлых и кочевых коряков. Отряды прикреплялись к селению Хайрюзово для обслуживания кочевников этого района и к Пенжинскому району с центром в селении Пенжино с охватом кочевников части Анадырского и Карагинского районов.

Долгое время практиковалась разъездная медицинская помощь, как отрядами РОККа, так и отдельными фельдшерами в селениях, где не было медицинских пунктов. Дорога занимала полтора-два месяца. Не успевал врач или фельдшер развернуться на месте, как его требовали в соседнее селение. Не раз приходилось оставлять больных на попечение санитарок и выезжать в другие села. Фельдшер КНО Д. Д. Кубов вспоминает в своем письме в окрздравотдел: «Пока окружной центр не перебрался в Палану, здесь вообще

не было медицинских работников. Каждый год с мая по октябрь один раз в неделю приходил фельдшер с рыбоконсервного завода» [22, с. 89].

Разовая, эпизодическая помощь, которую оказывали отряды РОККа и прибывавшие в селения медицинские работники, была недостаточной для полного выздоровления больного.

В 1947 г. Министерство здравоохранения РСФСР направило на Чукотку две врачебные экспедиции сроком на шесть месяцев. Врачи только одной экспедиции обследовали 1 080 чел., из них 606 коренных жителей, выявили причины заболеваний: плохие бытовые условия и недостаточное медицинское обслуживание тундрового населения [23, с. 283]. Участники экспедиции оказали существенную помощь в налаживании работы местной лечебной сети.

В 1948 г. Чукотский окрздравотдел видел решение проблемы отсутствия кадров в приезде на Чукотку высококвалифицированных специалистов различных институтов, выезжавших на окраины страны на длительные сроки в составе экспедиций для изучения различных вопросов. «Здесь, на Чукотке, много очень важных для нашей медицинской науки проблем, которые ждут своего решения» [13].

Крайздрав стал направлять в национальные районы области врачебные экспедиции с целью выявления состояния здоровья населения. Чаще всего приезжали хирурги, терапевты, венерологи, фтизиатры и окулисты. В конце 1949 г. Крайздрав предусмотрел отправку в Пенжинский район отряда врачей по борьбе с инфекционными и венерическими заболеваниями среди коренного населения.

В 1950 г. на Камчатку направлялся противотуберкулезный передвижной отряд Хабаровского крайкома Красного Креста с флюорографической установкой, которым руководил врач-фтизиатр А. В. Хольцман. На отряд возлагались большие надежды по организации раннего выявления легочного туберкулеза, в первую очередь среди рабочих промышленных предприятий, в школах и других учреждениях.

После нескольких месяцев работы в национальных районах экспедиции составляли подробные отчеты, в которых подчеркивалась необходимость пополнения медицинских учреждений врачами, работа которых носила бы характер постоянный и систематический.

Из-за устойчивого дефицита медицинского персонала на всем Дальнем Востоке существовала практика «переманивания» специалистов, направляемых на Камчатку. Крайздрав вынужден был разрешать конфликты между различными отделами здравоохранения. Хотя на «переманивших» возлагалась персональная ответственность, эта практика продолжала существовать. Так, многие работники не доезжали до Чукотки. Например, в 1947 г. из 15 врачей, направленных через Владивосток, в ЧНО приехали только шестеро. Осталь-

ные девятеро на место не прибыли [25]. Теперь медицинский персонал из Хабаровска до Анадыря стали возить, в основном, воздушным путем, так как дорога через Владивосток требовала больше времени и была чревата потерей части медиков, заключавших соглашения с Приморским облздравом.

Одним из решений вопроса пополнения учреждений здравоохранения медицинскими кадрами являлась их подготовка в учебных заведениях Дальнего Востока. Для переподготовки ротных фельдшеров в 1922 г. в Благовещенске открылись двухгодичные фельдшерские курсы. Организовались курсы санитаров для армии, сестер милосердия, по подготовке персонала для летних сельских яслей. В национальных территориях работали курсы РОККА продолжительностью три-четыре месяца, сестринские курсы при культбазах.

В 1921 г. вновь открылась двухгодичная школа акушерок в Благовещенске. В 1932 г. медработников обучали в трех техникумах, на медрабфаке и краткосрочных курсах медицинских сестер, которые организовывались в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке при медтехникумах и крупных больницах. Имевшиеся во Владивостоке медицинский и фармацевтический техникумы (с 1925 г.) выпускали специалистов средней квалификации. Техникумы в Хабаровске и Благовещенске развернули свою деятельность лишь в конце 1931 г. Учебные заведения проводили ускоренные дополнительные выпуски медработников.

В начале 1930-х гг. Наркомздрав совершенно не направлял на Дальний Восток средний медицинский персонал. Имевшиеся в крае техникумы были не в состоянии подготовить достаточное количество специалистов со средним специальным образованием (фельдшеров, медицинских сестер, акушерок, фармацевтов). В край так же не направлялся средний санитарно-профилактический медперсонал, который здесь не готовился. Наркомздрав предоставлял краю медицинских работников, не учитывая особенностей национальных районов, в значительной степени не выполняя планов по направлению специалистов. Так, в 1931 г. вместо 220 по плану в край прибыли 100 (45,4 %) врачей. Из направленных в 1932 г. 200 молодых врачей приехали всего лишь 22, то есть 11 % [7].

В 1937 г. укомплектованность Камчатки средним медицинским персоналом составила 54,8 %, поэтому приказом по Хабаровскому крайздравотделу в 1938 г. в область был послан 21 выпускник Владивостокского медицинского училища. Ежегодно по линии Наркомздрави на Камчатку направлялось до 30 выпускников училищ и столько же приглашалось с материка [26, с. 61].

С осени 1935 г. техникумы стали называться фельдшерско-акушерскими школами. В 1935 г. уже выпускала фельдшеров медицинская школа города Биробиджана. В 1942 г. работала сестринская школа в Николаевскена-Амуре.

Подготовкой средних медицинских кадров на полуострове также занималась фельдшерско-акушерская школа. Для улучшения врачебно-санитарного дела облздравотдел рекомендовал открыть курсы для обучения специалистов средней квалификации.

Решение об открытии в Петропавловске медицинского училища (фельдшерско-акушерской школы) облисполком принял в 1936 г. С 1 июля 1936 г. его директором по совместительству стал врач Лемушин. Занятия в училище начались 17 ноября 1936 г. Сюда приняли 32 чел., в том числе 10 чел. коренных жителей (коряков, чукчей, алеутов, эскимосов). Обучению кадров из числа местного населения придавалось особое значение. Оно имело своей целью не только улучшение обслуживания коренного населения, но также играло большую роль в борьбе с шаманством и знахарством. К концу учебного года в училище остался 21 чел., в том числе из коренного населения — семеро [26, с. 61].

Камчатскому облздравотделу предусматривалось выделение в 1949 г. из местного бюджета 250 тыс. руб. на открытие одногодичного подготовительного отделения при фельдшерской школе на 30 чел. для обучения средних медицинских работников из числа коренного населения [26, с. 62].

Почти все преподаватели специальных дисциплин являлись совместителями. В числе первых преподавателей училища были Г. Е. Зобнин — заведующий горздравотделом, дермато-венеролог М. М. Макаров, в дальнейшем заслуженный врач РСФСР, первый Почетный гражданин Петропавловска-Камчатского, заслуженный врач РСФСР А. Н. Верцинская. 1 мая 1937 г. А. Н. Верцинскую назначили завучем, а потом директором училища (на этом посту она трудилась до осени 1973 г.). Первый выпуск фельдшеров состоялся в 1939 г. Число учащихся росло с каждым годом.

В конце мая 1929 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР принял решение о создании в Хабаровске медицинского института. 7 декабря 1929 г. Президиум Дальневосточного крайисполкома принял развернутое постановление «О строительстве высших учебных заведений в Хабаровске», также предусматривавшее открытие с нового учебного года медицинского института. Уже к 1 сентября 1930 г. на четырехгодичное обучение были приняты первые 100 студентов. Обучение проходило в сложных условиях: не хватало учебных помещений и мест в общежитии, отсутствовала клиническая база, было очень мало учебных пособий и литературы, что затрудняло проведение активных методов преподавания. Но в 1935 г. Хабаровский край получил 69 своих первых врачей — выпускников Хабаровского медицинского института.

В 1949 г. в соответствии с приказом министра здравоохранения от 30 декабря 1948 г. при Хабаровском мединституте открыто трехгодичное подгото-

вительное отделение на 25 чел. с семилетним образованием. В дальнейшем, принимая во внимание большую потребность в подготовке врачебных кадров из коренных народностей Севера, Министерству здравоохранения РСФСР предоставлялось право увеличить контингент подготовительного отделения на 50 чел. Первые представители народностей Крайнего Севера, принятые на подготовительное отделение, получили диплом врача только в 1958 г. Их было 11 чел., в том числе двое чукчей [23, с. 260].

Число выпускников учебных заведений по-прежнему не удовлетворяло спрос на медицинских работников на Дальнем Востоке. В целях улучшения использования кадров молодых специалистов ЦИК и СНК СССР в 1933 г. постановили, что все молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы, обязаны, как обучавшиеся за счет государства, проработать в определенных пунктах по указанию Наркомздрава. Самовольное трудоустройство молодых специалистов, их неприбытие к месту работы согласно направлению рассматривались как нарушение закона, виновные привлекались к судебной ответственности.

Большинство направляемых на Камчатку работников приезжало на короткий срок. Прожив здесь полгода, они уже собирались уезжать и не проявляли заинтересованности в работе. Временный персонал не способствовал налаживанию медицинской помощи населению, особенно в национальных округах. На результативность труда врача, фельдшера можно было рассчитывать лишь после того, как работник знакомился с особенностями быта коренного населения. Но только он начинал осваиваться, как заканчивался срок его командировки. Очень много специалистов уезжало с Камчатки. Движение медперсонала в 1944 г. характеризуют данные табл. 9.

Таблица 9

	Врачи	Средний медперсонал	Младший медперсонал
Поступило	6	24	40
Выбыло	2	9	35

Примечание. Таблица составлена по материалам ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 258, л. 1—1 об., 2.

Разница между прибывшим и выбывшим медицинским персоналом городской больницы за один год — 1944 — составляла более чем 65 %. Такая же картина наблюдалась в целом по Хабаровскому краю. Так, в 1938 г. в край сроком на один год прибыли 364, выбыли же 198 врачей. За 1939 г. прибыли 223, а за три квартала года выбыли 167 чел. Среднего медперсонала приехало 1 200, а уехало около 800 чел. [27].

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого в статье периода проблема закрепления медицинских кадров на Камчатке оставалась одной из самых острых.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ НА КАМЧАТКЕ

Для того, чтобы удержать врачебные кадры на Камчатке, необходимы удовлетворительные условия труда, достаточное материально-бытовое обеспечение, а также помощь со стороны властей в организации работы медицинских учреждений.

Необходимых условий для эффективной работы медицинского персонала на Камчатке практически не было. Не хватало медикаментов, перевязочных материалов, оборудования и инструментария. В медицинских учреждениях отсутствовал транспорт. При чрезвычайно больших расстояниях и разбросанности медицинских учреждений без него было невозможно оказать скорую помощь.

Имеющиеся учреждения зачастую размещались в тесных, малопригодных зданиях, не позволявших организовать оказание не только специализированной, но и первой медицинской помощи. Неустроенность в организации работы персонала сохранялась из года в год. Так, зубной врач Н. К. Тарасова в своем отчете о работе в КНО за 1932 г. писала: «Амбулатория помещалась в одной комнате с зубным кабинетом. Зубной кабинет имеет длину 3 метра и ширину 4 метра. Амбулатория от кабинета отделялась белой бязевой занавеской... затруднительно было работать, особенно первое время, когда протекли потолки, так как крыша не была покрыта. Дождь заливал инструменты и материалы. Зимой систематически не было дров. Через одинарные рамы пробивался снег. Когда переставали топить амбулаторию, все лекарства замерзали, отчего страдала работа» [28].

Отсутствие рабочего помещения, должного его оснащения сводило практически к нулю желание медицинского персонала работать, стремление совершенствоваться. Подтверждает сказанное заявление санитарного врача Петровой (1937 г.): «...несмотря на мои протесты, часть площади санлаборатории отдана под кабинет глазного врача, для лаборатории оставлена площадь в четыре квадратных метра. Этим фактом, по сути, лаборатория ликвидирована, так как работать на площади с различными кислотами, где повернуться негде — невозможно» [21].

Имелись на Камчатке и медицинские пункты, площадь которых даже не позволяла осмотреть больного в лежачем положении. Условия работы медперсонала при рыбокомбинатах также не всегда были удовлетворительными. Зачастую врачи и фельдшеры обеспечивали жизнедеятельность пункта медпомощи.

Нелегко приходилось разъездным врачам в районах. Врач Н. К. Тарасова отмечает, что «сплошь и рядом, приезжая в какой-нибудь район, ходишь целый день, пока найдешь кров для себя, а также для кабинета. Я думаю, что

тому, кто поедет после меня работать, необходимо обеспечить хотя бы самый минимум — отдельное помещение и отопление» [28].

Ввиду роста потребности населения в медицинской помощи и невозможности ее оказания достаточным числом работников, интенсивность работы врачебного и среднего медперсонала была высокой. Кроме того, врач часто совмещал несколько должностей и специальностей. Вот в каких условиях действовала Лазовская больница Мильковского района. Здесь был один врач, являвшийся администратором и лечащим врачом. Он вел амбулаторный прием, обслуживал стационар, ходил на вызовы, в том числе в выходные и праздничные дни, выполнял участковую работу (еженедельные выезды в фельдшерские пункты, проведение ежемесячных занятий по повышению квалификации фельдшеров и др.), занимался профилактикой. При такой нагрузке на одного человека работа по оздоровлению населения не могла быть признана нормальной [29].

Учитывая перегрузку врачей, отделы здравоохранения нередко были вынуждены содержать средних медицинских работников за счет свободных врачебных единиц, чтобы освободить врачей от части административной и лечебной работы.

Все это свидетельствовало о необходимости содействия и помощи со стороны органов власти в организации работы медицинских учреждений. Партийные и советские органы власти здравоохранению Камчатки, несмотря на все данные гарантии и обещания, уделяли недостаточное внимание. На заседаниях бюро парторганов и исполкомов вопросы здравоохранения рассматривались очень редко. Практическая помощь в работе лечебных учреждений города и села оказывалась слабо.

Окончившая мединститут врач Душечкина была направлена на работу в больницу села Эссо. Она сообщает: «Я хочу работать честно и добросовестно, но этому мешает бездушное и бестактное отношение со стороны районных организаций. Мне плохо помогают в хозяйственной работе, к больнице дров не подвозят, хотя они у нас заготовленные. Отвечают — нет лошадей. Сегодня приема вести не буду, это связано с тем, что сама сижу без дров и без горячей пищи, в комнате сижу и замерзаю». Вот как она заканчивает письмо: «Если вопросы не будут идти на улучшение и дальше, то прошу меня отозвать в область, так как при таких условиях работать невозможно, а районные организации доведут меня до крайности».

Указанный пример отношения к врачебным кадрам со стороны исполкомов местных советов, отделов здравоохранения и хозяйственных организаций являлся не единственным. Заведующая Чукотским окрздравом Козлова имела судимость за «нечуткое отношение» к медицинским работникам.

Каждый медицинский пункт представлял собой отдельное государство со своими особенностями, правилами организации работы. Молодые спе-

циалисты — врачи, фельдшеры, — со школьной скамьи назначенные на тот или иной самостоятельный врачебный участок, были предоставлены сами себе, находились без всякой практической помощи со стороны местных органов власти. Хорошая работа медицинского пункта зависела исключительно от сознательности медика. «Все работники молчат, не жалуются на свои трудности, не просят помощи, так как убедились в бесполезности своих просьб» [27]. Безучастное отношение властей к нуждам людей заставляло их покидать Камчатку.

Необходимо отметить, что первые заведующие отделами здравоохранения в большинстве своем не являлись специалистами в области медицины, не имели достаточного опыта в организации управления. Так, в 1932 г. должность завкокрздравом КНО занимал учитель, а в 1934 г. — студент-медик третьего курса.

Штаты облздрава, горздрава, райздравов были недостаточными, зачастую привлекались к работе в различных кампаниях, что приводило к неудовлетворительной постановке руководства делом здравоохранения.

Сложно налаживалась совместная работа райздравов с облздравом. Нередко облздрав не отвечал на просьбы районов, в том числе по вопросам помощи в организации труда медработников. Руководство здравоохранением области сводилось к посылке районам писем и телеграфных директив.

Несмотря на несогласованность действий, областные и районные органы управления здравоохранением признавали, что главной причиной текучести медицинских кадров и, как следствие, их огромного недостатка, является отсутствие жилья и невысокая заработная плата.

На заседании областного Совета 26 марта 1918 г. был заслушан доклад врачебного инспектора П. П. Рубецкого, который заявил о существующей проблеме оплаты труда: «В настоящее время имеются должности 5 врачей и... 17 должностей низшего медицинского персонала... незначительный штат на территории около 2 000 000 кв. верст остается от года в год почти целиком не замещенным, так как низкая оплата труда при сурово-естественной обстановке не обеспечивает полного удовлетворения запросов и потребностей лиц медицинского персонала... И поныне оплачивается окладами, установленными десять лет тому назад. Ничтожность содержания всех лиц медицинского персонала, особенно по данному времени, очевидна для всех...» [30].

Камчатский областной комитет в марте того же года отреагировал на доклад П. П. Рубецкого и постановил: удержать наличный состав медицинского персонала и заполнить пустующие рабочие места на фельдшерских пунктах, определив справедливую и соответствующую оплату труда. Вновь прибывающим работникам выдавали подъемные деньги.

Тяжелое экономическое положение, в котором находилась Камчатка в начале 1920-х гг., отразилось и на здравоохранении. Массовой стала несвоевре-

менная выплата и уменьшение зарплаты медицинскому персоналу. Иногда вознаграждение сельским фельдшерам предоставлялось продуктами питания. Это приводило к уходу наиболее квалифицированной части персонала и способствовало возрождению частной врачебной практики.

При существующих на Камчатке высоких ценах на потребительские товары, ставки зарплаты медицинского персонала продолжали оставаться низкими. Так, старший врач больницы в 1925 г. получал по четырнадцатому разряду 148, заведующий фельдшерским пунктом по двенадцатому разряду — 119 и только четверо заведующих фельдшерскими пунктами самых северных уездов — по 149 руб. Низший персонал — санитары, трудившиеся по пятому разряду, — получали 53 руб. 38 коп. [31].

На необходимость улучшать материально-бытовое положение медиков указывало и население области в своих наказах горсовету.

Ряд постановлений центральных органов власти был направлен на улучшение жизни медицинского персонала.

Учитывая крайнюю недостаточность обеспечения сельского населения квалифицированной медпомощью, СНК РСФСР 2 декабря 1925 г. принял постановление «Об обеспечении сельских местностей медицинской помощью и об улучшении материально-бытового положения участкового медицинского персонала». Постановлением местные исполнительные комитеты обязывались выделить медицинскому персоналу бесплатные квартиры с отоплением и освещением, транспортные средства для разъездов по участку, обеспечить приглашенных подъемными, проездными и суточными средствами. Постановление устанавливало для сельских врачей три периодические прибавки жалования (в размере 20 % основного оклада) за каждые три года участковой работы [32, с. 25].

Постановление СНК РСФСР от 8 февраля 1927 г. «О мероприятиях по обеспечению врачебным персоналом медико-санитарных учреждений на местах и по привлечению на службу безработных врачей» предложило исполнительным комитетам принять меры «к возможно скорейшему осуществлению всех распоряжений центральных органов власти об улучшении материального, бытового, правового положения и условий труда медицинских работников». Постановление признавало необходимым повысить оплату труда врачей. Произвести повышение поручалось исполнительным комитетам в тех местностях, где установленные СНК РСФСР минимальные ставки заработной платы для врачей оказывались недостаточными для привлечения квалифицированных специалистов [32, с. 51].

В целях привлечения медицинского персонала на Камчатку окрздрав (заведующий Н. Топольский) в 1928 г. предоставлял работникам максимальную часть льгот, предусмотренных правительством для отдаленных местностей. За первые три месяца работы на полуострове врачи получали дополни-

тельное льготное жалование в размере 296 руб. 14 коп., а фельдшеры и акушеры — по 170 руб. [33].

Оплата труда медиков края на 1931 г. была установлена одинаковой для всех, лучшие работники материально не поощрялись. Однако уже на совещании медиков края, прошедшем в том же 1931 г., было решено при проектировании ставок учитывать качество работы каждого работника, его активность, стаж, длительность работы в крае.

В пятилетнем плане по развитию здравоохранения в Дальневосточном крае (1927—1933 гг.) предусматривалось проведение в жизнь в полной мере декретированных льгот для медицинского персонала сельской местности, а именно: обеспечение транспортом, предоставление коммунальных услуг и других. Для привлечения квалифицированного медицинского персонала и удержания его на службе, особенно в сельской местности, в плане было намечено повышение зарплат. Врачам в городах она увеличилась со 150 до 220, а в селе — со 135 до 250 руб.; зарплата среднего персонала возросла с 60 до 90 руб. [34].

До 1 марта 1935 г. медицинские работники получали периодические надбавки к заработной плате за продолжительность работы в крае. 4 марта 1935 г. в целях улучшения их материального обеспечения и большего поощрения наиболее квалифицированных, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении заработной платы медицинским работникам и об увеличении ассигнований на здравоохранение». Постановление на 20 % повышало ставки для Дальнего Востока [32, с. 154]. Но зарплата, установленная в соответствии с этим постановлением, оказалась почти на уровне зарплат в центральных районах страны, в то время как прожиточный минимум на Дальнем Востоке был гораздо выше. Этот факт повлек отток кадров за пределы края и в другие отрасли народного хозяйства. Чтобы удержать врачебный персонал на Камчатке, облздрав повысил ставки медицинских работников.

Ставки имели разную величину — 720, 540, 850, 600 руб. Они определялись без учета стажа работы, продолжительности работы на Камчатке и т. д. В основе установления ставки лежал договор между работником и работодателем. Несмотря на большие суммы, реальная зарплата оставалась невысокой, так как продукты питания на рынке были дорогими: килограмм мяса и десяток яиц стоили по 30 руб. [21].

15 ноября 1937 г. появилось постановление Президиума Дальневосточного Крайисполкома «О состоянии медицинских кадров», которое обязало облисполкомы принять немедленные меры к обеспечению нормальных жилищно-бытовых условий для медиков. Их предлагалось направлять на работу в области лишь под гарантии облисполкомов и горсоветов о предоставлении жилой площади.

Но на деле постановления, планы, обещания местных властей, особенно в обеспечении медработников жилплощадью, не всегда реализовывались и могли реализоваться вследствие недостаточного количества имеющихся в наличии жилых помещений, сложности организации и дороговизне строительства, непонимания властями важности решения жилищной проблемы. Большинство врачей, особенно вновь прибывших, продолжали жить в плохих условиях. Так, «врач Васина живет четыре месяца в поликлинике, спит в кабинете, где проводится прием больных» [21].

Прибывшие в Петропавловск по вербовке в 1934 г. трое врачей «попали в условия полного игнорирования всех тех обещаний, которые им были даны при приглашении». Врачей «временно» поместили в одной небольшой комнате вместе с семейным завхозом больницы. Заведующий городской больницей Зябкин неоднократно поднимал вопрос перед райисполкомом о необходимости переселить людей из помещения больницы, но никаких результатов не добился. Обещанное при приглашении специалистов хорошее продовольствие, промтоварное снабжение свелось в камчатских условиях к выдаче «полуголодного» пайка. Прикрепление врачей к лучшей столовой не состоялось [35].

Бывало, что квартиры, выделяемые для медработников, передавались людям, не работавшим в сфере здравоохранения, в результате чего наблюдались случаи отъезда медиков с Камчатки.

Не лучше обстояло дело с обеспечением жилплощадью и в национальных округах. В ЧНО в 1940 г. не было дома для медперсонала. Он размещался при больницах, уменьшая коечный фонд, ограничивая возможности оказания стационарной помощи. В большинстве случаев врачи и фельдшеры Камчатки имели плохие, холодные квартиры.

В плане капитального вложения на 1938 г. краевые власти наметили строительство специальных жилых домов для врачей и работников средней квалификации. В 1940 г. в титульный список был включен ввод в эксплуатацию по краю шестнадцати восьмиквартирных домов для медработников, что имело, безусловно, огромное значение, но далеко не разрешало жилищного вопроса. Многое зависело от внимания к этому вопросу со стороны местных властей [30].

Местные органы власти постепенно начинали проявлять участие в обеспечении медицинских работников оптимальными материально-бытовыми условиями. В 1941 г. Камчатский облисполком постановил начать строительство дома для врачей. Не раз на своих заседаниях он принимал решения об улучшении их материально-бытового обслуживания. Облисполком обязывал окружные, районные исполкомы и Петропавловский горисполком рассматривать на своих заседаниях вопросы обеспечения жилплощадью медработников за счет фондов местных советов и хозяйственных орга-

низаций, утверждать планы капитального ремонта жилого фонда, занимаемого медработниками, обеспечивать их топливом, распространить на врачей дополнительное снабжение продуктами питания и принимать другие меры.

Несмотря на стремление власти преодолеть трудности материально-бытового характера, с которыми сталкивались работники здравоохранения, многие из них оставались неразрешенными.

Проблема обеспечения учреждений здравоохранения медицинскими кадрами и их закрепление оставалась для Камчатки актуальной на протяжении всего рассматриваемого периода. Учреждения укомплектовывались, в основном, за счет приезжих молодых специалистов. Меры, предпринятые властями разного уровня, направленные на закрепление медперсонала, оказались недостаточными. Медицинские работники уезжали, оставляя сеть медицинских учреждений хронически неукомплектованной.

ИСТОЧНИКИ

1. *Шутак Б. Н.* Из истории здравоохранения в Камчатской области // Советское здравоохранение. — 1962. — № 5. — С. 71—73.
2. *Дьяченко Д. П.* Первый комиссар народного здравия Камчатки // Советское здравоохранение. — 1965. — № 4. — С. 43—48.
3. РГИА ДВ, ф. р-2422, оп. 1, д. 234, л. 3.
4. ГАРФ, ф. 130, оп. 5, д. 894, л. 52.
5. ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 4, л. 50—51.
6. ГАХК, ф. 719, оп. 6, д. 56, л. 65.
7. Там же, ф. р-683, оп. 1, д. 116, л. 19—20.
8. Там же, д. 160, л. 2.
9. Там же, д. 217, л. 280.
10. Там же, оп. 2, д. 105, л. 46.
11. ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 1, л. 14.
12. ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 247, л. 3.
13. ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 75, л. 10.
14. ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 365, л. 36—137.
15. ГАХК, ф. 939, оп. 1, д. 176, л. 13—13 об.
16. Там же, ф. 719, оп. 6, д. 1, л. 47.
17. Там же, ф. п-35, оп. 22, д. 222, л. 4.
18. Там же, ф. р-683, оп. 2, д. 380, л. 5.
19. Там же, ф. п-35, оп. 1, д. 941, л. 8.
20. Там же, ф. р-683, оп. 2, д. 258, л. 1 об.
21. Там же, оп. 1, д. 207, л. 31.
22. *Степченко Г. П.* Основные этапы и итоги развития здравоохранения // Свет в тундре. — Петропавловск-Камчатский, 1970.
23. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. — М., 1989.

24. ГАХК, ф. р.-683, оп. 1, д. 33, л. 24.
25. ГАХК, ф. п-35, оп. 25, д. 446, л. 35.
26. *Дьяченко Д. П.* Вклад средних медицинских работников в развитие и оказание медицинской помощи населению Камчатки 1920—1980-е гг. // Советское здравоохранение. — 1987. — № 8. — С. 59—83.
27. ГАХК, ф. п-35, оп. 1, д. 721, л. 67—68.
28. ГАХК, ф. р-683, оп. 1, д. 136, л. 48.
29. ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 67, л. 1.
30. ГАКО, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 58.
31. РГИА ДВ, ф. р-2422, оп. 1, д. 570, л. 96.
32. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925—1940 гг. Сборник документов и материалов. — М., 1973.
33. ГАХК, ф. р-683, оп. 1, д. 33, л. 17 об.
34. Там же, д. 20, л. 65.
35. Там же, д. 145, л. 35.
36. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
37. *Васильев В. П.* Почетный гражданин Петропавловска-Камчатского М. М. Макаров // Краеведческие записки. — 1978. — С. 99—109.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Андрей Савельевич Лукашевский родился 15 августа 1881 г. в Красном, предместье г. Луцка, в Житомиро-Вольнской губернии. В 1899 г. окончил Житомирское фельдшерское училище. Получив диплом фельдшера, А. С. Лукашевский долго не мог найти работы по специальности. В 1902 г. он был призван на военную службу и два года работал фельдшером в госпиталях. В 1904 г. за упрямство, выразившееся в «в ношении длинных волос и перешивании в аккуратную форму казенного мундира», был направлен в Маньчжурию [2, с. 44]. После увольнения в запас в 1906 г. остался в Хабаровске, где познакомился с П. С. Маловечкиным, который в последующем был организатором камчатской партийной организации. Узнав, что на Камчатку требуются фельдшеры, весной 1918 г. А. С. Лукашевский прибывает в Петропавловск и получает место фельдшера в городской больнице. В 1919 г. работает фельдшером в Усть-Камчатске. 10 января 1920 г. А. С. Лукашевского избрали секретарем Усть-Камчатского волостного комитета. В апреле 1920 г. его избирают на Первом Петропавловском уездном съезде Советов комиссаром народного здоровья и ветеринарии.

В октябре 1921 г. вместе с членами облнарревкома А. С. Лукашевский уходит в лес для организации партизанской борьбы. В партизанском отряде он был рядовым бойцом и лекарем.

В июне 1922 г. А. С. Лукашевского вновь направляют в Усть-Камчатск для закупки продовольствия и боеприпасов. Чтобы собрать деньги, он организовал первый на Камчатке субботник. В феврале 1923 г. из-за плохого состояния здоровья он оставляет должность. После длительной болезни в ноябре 1923 г. назначается заведующим отделом труда Камчатского губревкома.

В апреле 1925 г. А. С. Лукашевский был направлен в Карагинский район, где заведовал Дранкинским фельдшерским пунктом. С 1932 г. и до конца своих дней он работал заведующим Карагинским райздравотделом и вел амбулаторный прием.

А. С. Лукашевский внес значительный вклад в развитие и становление здравоохранения Камчатки. В его честь названа областная больница.

Михаил Матвеевич Макаров родился 12 февраля 1896 г. С четырнадцати лет работал учеником в столярной мастерской. С февраля 1918 г. М. М. Макаров в течение десяти лет служил в Красной Армии, сражался на Западном фронте. Свой путь в медицину он начал фельдшером — во время войны его направили в фельдшерскую школу. В 1930 г. окончил медицинский техникум, а в 1935 г. — Первый московский медицинский институт. Когда сдал выпускные экзамены, решил, что обязательно поедет на Север.

В малолетний Петропавловск-Камчатский он прибыл в самом начале 1936 г. М. М. Макарова назначают заведующим городской больницей. В институте он специализировался на кожных и венерических заболеваниях. Но на Камчатке не хватало врачей, и ему приходилось работать и урологом, и гинекологом, и хирургом. Разносторонние и глубокие знания, прирожденный дар врача и развитая интуиция помогали ему с успехом ставить диагнозы и лечить разные болезни. Жители города в течение многих лет избирали его в городской и областной Советы депутатов трудящихся.

Более тридцати лет отдал М. М. Макаров любимому делу, работая в учреждениях здравоохранения города и области. Все эти годы он с присущей ему страстью, любовью к делу, инициативной настойчивостью вносил большой вклад в развитие здравоохранения Камчатки. М. М. Макаров долгое время преподавал в Петропавловск-Камчатском медицинском училище — бывшей фельдшерско-акушерской школе. Среди многочисленных наград, которыми отмечен его труд, есть грамота, заполненная 28 июня 1940 г. Она удостоверяет, что ему, преподавателю фельдшерско-акушерской школы, присвоено звание ударника в подготовке медицинских кадров.

Михаил Матвеевич Макаров удостоен звания «Заслуженный врач РСФСР». 24 февраля 1966 г. решением Петропавловского горисполкома семидесятилетнему врачу-дерматологу Михаилу Матвеевичу Макарову было присвоено звание «Почетный гражданин города Петропавловска-Камчатского».

Анна Николаевна Верцинская родилась в 1908 г. в Саратовской области. В 1925 г. поступила в Саратовский медицинский техникум и через три года успешно окончила его. После обучения два года работала акушеркой. В 1935 г. с отличием окончила Саратовский медицинский институт и по личной просьбе была направлена Наркомздравом на Камчатку.

Первое время работала врачом-педиатром в яслях, а с 1937 г. — директором фельдшерской школы — первого медицинского учебного заведения Камчатской области. Многие годы совмещала работу директора медицинского училища и работу практического врача-педиатра. Возглавляемое А. Н. Верцинской медицинское училище превратилось в настоящую кузницу кадров средних медицинских работников.

А. Н. Верцинская все годы активно участвовала в общественной жизни города, неоднократно избиралась депутатом городского Совета депутатов трудящихся. За свой плодотворный труд она награждена орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд». Ей присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР».

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

В рубрике «Автопортрет времени» мы предполагаем воспроизводить ранее не публиковавшиеся архивные материалы, отражающие жизнь северо-восточной окраины России в различные годы. Ниже приведены фрагменты документа, подготовленного председателем Чукотского районного революционного комитета П. П. Ивановым, работавшим в этом самом отдаленном районе страны в 1925—1926 гг. Автор, помимо выполнения служебных обязанностей, активно занимался изучением «туземного вопроса». Он желал подготовить для своих преемников и высших инстанций, «кои придется работать на далеком Севере и вести дальнейшее, более углубленное и расширенное изучение богатого края», материалы, на которые они могли бы опираться при принятии решений, «дабы те начинания и проекты, кои намечаются в центре, могли осуществляться с учетом всех местных специфических условий». Эти материалы были зачитаны на заседаниях Камчатского краеведческого общества в октябре и ноябре 1926 г. При подготовке к публикации проведена их стилистическая правка, повышающая удобство чтения.

П. П. ИВАНОВ

**«ЛИШЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ДАСТ
ВОЗМОЖНОСТЬ... ДВИНУТЬ ЭТОТ БОГАТЕЙШИЙ КРАЙ
ПО ПУТИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РЕВОЛЮЦИОННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА»**

(Информационный материал о Чукотке, 1926 г.)

ТЕРРИТОРИЯ, КЛИМАТ И НАСЕЛЕНИЕ РАЙОНА

Территория собственно Чукотского района, не считая островов, равняется (в круглой цифре) 400 000 кв. верст. На этой огромной территории... живет около 6 000 человек туземцев: чукчей и эскимосов...

Из 6 000 человек туземцев, населяющих район Чукотки, кочующих насчитывается приблизительно 2 000 человек (точный учет не производился). Береговых же чукчей и эскимосов по подсчету в зиму 1925 года 3 847 человек, из них чукчей — 2 708, эскимосов — 1 139.

Общее количество лагерей (селений) береговых туземцев равняется 82, обследовано 78, 4 — не учтено... В 78 лагерях имеется 693 яранг (юрт). Эти лагеря расположены следующим образом: 45 на побережье Ледовитого океана и 33 — на берегу Берингова пролива и моря. В 33 поселках южной части живут и промышляют оседлых туземцев 2 124 чел., в 45 селениях, располо-

женных на берегу Ледовитого океана, живет 1 723 человека. Таким образом, видим, что южная часть района более населена, нежели северная, оседлыми туземцами, тогда как кочевники, главным образом, расположены на северо-западе. Из выше приведенных цифр видно, что население Чукотского района редко — в среднем... на одного туземца приходится $66\frac{2}{3}$ кв. версты территории.

Русское население вкраплено единицами. Всего русских в 1925—26 году, включая администрацию и служащих факторий Д.Г.Т. (Дальгосторга. — *Ред.*), 40 человек... Население Чукотского района в 1925—26 году равнялось (всех возрастов и обоего пола)... всего 5 895 человек.

Все население Чукотского района можно рассматривать как три группы: 1) туземцы промышленники, охотники или оленеводы; 2) русские служащие и охотники за пушным зверем; 3) все другие национальности за единичными исключениями представлены частниками-спекулянтами...

МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ ТУЗЕМЦЕВ

Условия далекого Севера с девятимесячной полярной зимой со своим специфическим охотничье-промысловым хозяйством создают особый материальный быт туземцев.

Начиная с жилища и кончая пищей, быт туземцев резко отличается от быта окружающих нас людей, которых мы встречали в нашей повседневной материковой действительности. В вековой борьбе с природой туземцы Чукотского района немного отвоювали у природы самостоятельно, в этой борьбе им, главным образом, помог американский торговый капитал и немного русский. Но эта помощь не коснулась и не изменила основного содержания материального быта, то есть жилища, одежды, пищи, а если коснулась, то незначительно, остальное осталось и живет в среде туземцев.

Разницы в материальном быту между оседлыми чукчами и эскимосами нет никакой, поэтому я при разборе этого вопроса буду называть эти две национальности одним термином «береговые туземцы».

Жилище берегового туземца представляет из себя круглый шатер, фундаментом и стенами которого служит дерн или глыбы камня, наложенные плотно вокруг деревянного скелета. Величина шатра (местное название яранга) зависит от степени благосостояния хозяина, в среднем яранга бывает в диаметре 15 шагов (бывает больше и меньше).

Крышей служат моржовые шкуры, натянутые на согнутые в виде купола деревянные брусья. В задней части против входа в ярангу устраивается так называемый полог, то есть теплое помещение в виде большого ящика длиною в среднем 7—8 аршин, шириною 3—4 аршина и высотой 2—3 аршина. Стенами полога служат сшитые олени шкуры, зимой мехом наружу, а ле-

том внутрь, натянутые на скелет из тонких деревянных брусьев. Одна сторона полога, а именно та, что обращена к наружному входу, опускается в виде шторы, прикрепленная только сверху и с боков. Все три остальные стороны заделываются наглухо. В полог можно попасть только на четвереньках под неподшитую сторону.

Зимой более зажиточные чукчи покрывают ярангу, кроме моржовых шкур, брезентом. Для укрепления крыши от сильных ветров через всю ярангу крест накрест перебрасываются толстые ремни из моржовой кожи с камнями на концах, от 30 до 60 фунтов каждый, смотря по величине яранги. Таким образом, камни, привязанные на концах ремней, нажимают сеткой на крышу и не дают сорвать покров ветру.

Двери в переднюю часть яранги закрываются на ночь. Полог же не проветривается зимой до наступления лета, то есть в течение восьми-девяти месяцев. Внутри полога пол покрывается вереском и дерном, поверх стелют выделанные моржовые шкуры. В передней, холодной, части яранги посредине устраивается очаг, разводится огонь, если есть дрова, если нет, то для освещения горит плочка с нерпичьим жиром (ээк). В этой части складывается сбура, различный хозяйственный инвентарь, и ночью ночуют собаки. Эта же часть служит помещением для различных грубых домашних работ, починки инвентаря, который нельзя затащить в полог во время пурги.

В полог помещаются люди и очень часто молодые щенята (зимой), служа игрушками для малышей. Количество людей на полог различно: от трех до двенадцати человек. Но даже вне зависимости от количества людей, атмосфера в пологу ужасная. В зимние долгие ночи, когда у туземца есть жир для отопления, температура в пологу доходит до 20—25° по Реомюру (25—31,3 °С. — *Ред.*). Смешиваясь с запахом прелых кож и шкур, мокрой меховой одежды, испарением тел, запахом мочи и испражнений, никогда не проветриваемый полог представляет какую-то вонючую яму, в которой копошатся нагие люди, ища паразитов или отправляя свои естественные потребности.

Туземцы подолгу ходят совершенно голые, мужчины оставляют только тонкие полковые штаны, а женщины и девушки — кусочек тонкой грязной тряпки на бедрах. Дети же остаются совершенно голые. Спят все вповалку, подстилая оленьи шкуры головой к выходу. Отопляется полог двумя, тремя, редко четырьмя ээками, в зависимости от величины полога и запасов нерпичьего жира.

Ээк представляет из себя деревянную плоскую чашку, на одном краю которой лежит в растопленном жире толченный мох вместо фитиля. На этом они кипятят чай, варят мясо и умудряются (кто умеет) печь хлеб. В пологу хранятся все вещи домашнего обихода и кухни, чашки, блюда, деревянные блюда для мяса, верхняя одежда. Посуда туземцами не моется (за исключением немногих, затронутых цивилизацией), а облизуется собаками или

моется собственной мочой, как под краном. Сами туземцы моют лицо мочой, умывают также и детишек.

Жилище туземца, несмотря на свою грязь и непрезентабельность, в условиях полярной зимы, свирепой пурги для усталого путника кажется раем. В духоте и вони, да зато не в обиде. Лучше душный полог, чем кочевка в пургу в палатке по тундре.

Одежда туземцев, как оседлых, так и кочевников, шьется из одинакового материала и одинакового (в основном) покроя. Зимняя одежда шьется из шкур молодых оленей (пыжиков) мехом вверх и мехом внутрь. Кухлянка: род рубахи, не доходящая до кожи, ворот которой обшивается волками, росомхой или собакой (богачи обшивают лисой и даже песцом). Штаны шьются из пыжика, одеваются по двое, одни мехом вверх, другие мехом внутрь. На ногах короткие плекоты, чуть повыше щиколотки, из оленьих камусов с лахтачьей подошвой, плекоты одеваются на меховые ковки «чижи». Зимой на кухню одевают «камлею» — род рубахи с капюшоном из белой (для охоты) материи и полосатой или цветной, отделанной кумачом (выходная). Камлея одевается как предохранитель от снега, так как ветром в пургу снег набивается в мех кухни, потом тает и портит одежду (мех лезет).

Головной убор мужчины зимой представляет из себя плотно прилегающую к голове шапочку с ушами, завязывающимися под подбородком. Материалом на малахай служит различный зверь, смотря по состоянию туземца (кабус пыжика, выпороток нерпы, евражки, лапки лисы и т. д.).

Летняя мужская одежда состоит из одинарной кухни шерстью вверх, поверх которой в сырую погоду одевается камлея из нерпичьих кишок. Брюки шьются из нерпичьей шкуры шерстью вверх. Плечоты тоже из нерпичьих шкур.

Женская одежда, как летом, так и зимой, состоит из камбине с открытым воротом их пестрых пыжиков, поверх которого одевается камлея из цветной материи, преимущественно ярких цветов. На ногах все женщины, как взрослые, так и девочки, носят торбаза из оленьих камусов. Головным убором у женщин служит капюшон камбине и камлейки.

Маленьких детей одевают в сплошное камбине из пыжиков, снабженное клапаном сзади. Из этого платья ребенок вылезает только в пологу.

Предметы домашнего обихода и оседлых, и кочевников очень примитивны. В пологе на среднюю туземную семью приходится несколько чайных чашек, чайник медный или эмалированный, деревянные плоские блюда для мяса, ножи, иголки, топор и т. п., самые необходимые предметы обихода. У богатых туземцев можно встретить тарелки, вилки, граммофон и тому подобные вещи. Причем вся эта «роскошь» пускается в ход, когда придет начальство или особо уважительный белый гость, перед кем стоит похвастаться. Сами же хозяева великолепно управляют при помощи зубов, рук и ножа.

Главную роль в жизни оседлых туземцев играет мясо моржа, нерпы, лахтака и кита. В годы голодовки в пищу идут собаки, шкуры с яранг, ремни и т. д. В широкое всеобщее употребление входит чай кирпичный и байховый. Хлеб и сахар считаются лакомством. Мясо едят вареным, в мороженом виде. Рыбу едят сырую, мороженую вместе с внутренностями. Соли совершенно не употребляют. В растительной пище употребляют северную кислицу и ягоду морошку, которая растет в районе в незначительном количестве.

Деликатесом считаются мясо китовых ластов, каша из толченой белой массы, облегающая корень китового уса. Эту массу варят, сушат, толкут, потом едят с жиром. Глаз кита считается священной пищей, которой должны вкушать все участники охоты и члены их семей. Лахтак, имеющий мясо хорошего вкуса, относится к пище первого сорта. Крабов едят целиком, выбрасывая только шелуху. Оленье мясо употребляется оседлыми туземцами в незначительном количестве и считается деликатесом. В особенности любят перетопленный олений жир.

Что же касается жилища кочевника, то оно отличается от жилища оседлого туземца только тем, что покрывается оленьими шкурами, и яранга меньшего размера, так как постройка носит временный характер. Полог ставится также как и у оседлых, только меньшего размера.

Одежда кочевника точно такая же, как и у оседлого, только несколько лучше и богаче, так как кочевник — собственник оленьих мехов.

Пища оленевода здоровее, нежели оседлого туземца. В его распоряжении всегда находится свежее мясо оленя, оно употребляется в виде различных блюд в сыром, вареном, толченом, рубленном виде. Особенным деликатесом считается язык оленя, которым угощают начальство и дорогих гостей. Кочевники любят чай, курят и жуют табак точно так же, как и оседлые. Хлеб и сахар считаются редкостью. Рыбу едят сырую мороженую. Туземцы поголовно любят спиртные напитки. Таков в общих чертах материальный быт туземцев Чукотского района...

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТУЗЕМЦЕВ

Одним из самых больных вопросов в Чукотском районе надо считать положение туземного здравоохранения... Не надо быть специалистом, чтобы увидеть здесь удручающую картину положения туземцев. Сами условия быта туземцев... носят в себе зародыши и являются главным рассадником всевозможных болезней, начиная с чесотки и кончая сифилисом.

Главными болезнями, распространенными среди туземцев, являются: чесотка, экзема, желтуха, желудочно-кишечные, ревматизмы и сифилис. Такие болезни, как экзема и чесотка носят всеобщий характер. Желудочно-кишечные заболевания носят массовый характер по причине своеобразной

пищи туземцев (сырое, непровареное и тухлое мясо морских животных). Венерические болезни, как, например, сифилис, не имеют большого распространения, но они есть. А раз так, то и они могут завладеть туземцем.

В зависимости от качественного состояния пунктов врачебной помощи, качественного подбора лиц медицинского персонала развивалась и развивается медицина в районе. При старом правительстве сюда посылался один фельдшер из бывших «артиллерийских коновалов», сейчас мы имеем дело не лучше прежнего. До 1925 года здесь существовал фельдшерский пункт во главе с бывшим районным фельдшером. С 1925 года сюда прибыл так называемый классный фельдшер, который оказался сволочью высшей марки. Весной, забравши деньги РОККа, он умотал в Америку.

Таким образом процветала и процветает медицина в районе. Местная власть в лице Ревкома не может найти хорошего фельдшера (да и вообще за полярным кругом фельдшера не валяются), а Окрцентр посылал сюда всякую дрянь. На тебе Боже, чего нам не гоже, тогда как туземцы нуждаются в медицинской помощи. Кроме того, медицинский персонал должен овладеть большим тактом и подходом к суеверным туземцам, дабы не оттолкнуть их от врачебной помощи, иначе туземцы будут обходить наших врачей и будут продолжать лечиться у шаманов. Пробить же стену косности религиозных предрассудков и шаманизма очень трудно. Взрослый, нигде не бывавший, туземец боится каждого порошка и предпочитает умереть в душном пологу под грохот барабана и завывания шамана.

Смертность же туземцев велика. Для примера возьмем 1925—26 год, как более близкий. В этом году Чукотскому Ревкому удалось кое-как наладить работу ЗАГС на местах в виде черновых столов, через которые и получались сведения о смертности и рождаемости населения. Эти сведения охватывают только оседлое население, совершенно не касаясь кочевников, так как к ним попасть очень трудно.

Эти первые источники регистрации расположены в б. Провидения и Чаплино, Наукане, Уэлене, Ванкареме или Северном. Кроме того, для сбора этих сведений были использованы все разъезды местных работников. Все эти сведения говорят, что туземцев от различных болезней умерло 79 человек, причем 38 человек умерло от эпидемии неизвестной болезни. По словам туземцев, умерло больше (чукотский эскулап установил диагноз «желтая горячка»). Таким образом, по неточным сведениям, на одно оседлое население, которого зарегистрировано 3 847 человек, падает 800 человек умерших. Это очень большая цифра. И тем она грознее, что половина умерших от эпидемии, значит мы не застрахованы и от такого случая, когда эпидемия может унести сотни жертв, и от туземцев [останется] через пять-десять лет только одно воспоминание. Таким образом, мы видим, что туземцы находятся под вечной опасностью эпидемии и быстрого вымирания.

Здесь мало фельдшеров, хотя бы с классным образованием. Здесь нужен врач, больница, амбулатория, средства и средства для того, чтобы систематически бороться с вымиранием туземцев. Наличие сифилиса среди туземцев требует скорой организации хорошо оборудованного венерологического кабинета при больнице.

Кроме восстановления народного здоровья, вышеуказанные мероприятия помогли бы бороться местной власти с шаманизмом и в корне бы уничтожили такие язвы в быте туземцев, как убийство большого родственника по его просьбе. В эпидемии 1925—26 года таких случаев было два, на самом же деле их больше, но родственники убитого не говорят об этом, боясь преследования властей.

При хорошей показательной работе наших медицинских учреждений этот кошмарный обычай «последнего удара» отойдет в область туземных преданий. Но в настоящее время этот обычай имеет себе место и бороться с ним очень трудно. Да и как вы дикаря привлечете к суду, когда его поступок освящен столетними обычаями предков? Надо побывать здесь, чтобы увидеть и остро почувствовать всю необходимость осуществления практических мероприятий по спасению туземцев от вымирания...

КУЛЬТУРНО-ШКОЛЬНАЯ РАБОТА СРЕДИ ТУЗЕМЦЕВ. КАК ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ ПОСТАВЛЕНА

Культурная работа среди туземного населения и школьная работа должна быть поставлена на должную высоту без откладывания дела в долгий ящик.

Туземец Чукотки уже знаком частично с американской культурой. Его поездки на американские острова, служба [в] молодости на американских шхунах познакомили его с американской школой, дешевым театром и развлечениями. Эти единицы туземцев, как бывалые люди, являются главными американофилами, вокруг них группируется и остальная масса туземцев.

Учитывая сильную тягу туземцев ко всему американскому, нам необходимо подойти к разрешению постановки вопроса школьной и культурной работы очень осторожно. Надо помнить одно, что над каждой неудачной попыткой туземцы будут смеяться над нами, усиливая свое мнение о всемогуществе американцев. Из каждой неудачной попытки будут делать вывод, что мы вообще не в состоянии что-нибудь сделать практически. С каждой неудачной попыткой нам будет труднее и труднее привлечь туземцев к участию в работе. Кроме того, мы будем играть в руку темным силам туземного быта — шаманам.

Воспитанием туземцев, хотя бы и старым, бывшая власть не занималась. Все было сведено к постройке двух школ, которые начали функционировать с пято на десято, а потом, в период революции, совсем замерли. Таким обра-

зом, советской власти приходится строить школьную работу с азов. Работавшие в 1925—26 году три школы первой ступени, кроме того, что они находились в ужасных материальных и санитарных условиях, не отвечают духу и запросам туземцев.

Правда, что видит туземец-ребенок в школе первой ступени обычного типа? Его учат писать, читать, говорят о какой-то конституции, учат распевать песни о революции, о рабочем классе (о котором он не имеет абсолютно никакого представления) и тому подобных вещах, которые далеки от него также, как далек от понимания теории относительности средний состав наших крестьянских школ.

Читать, писать, учить песни, знать торжественные дни революции — все это надо, все это необходимо, но только не как самоцель, а как отдельные звенья в цепи общего расширения кругозора, иного созерцания и [подготовки] практического работника будущего. Ведь подошли же мы в конце концов к идее и претворению ее в жизнь довольно успешно, к организации школ крестьянской молодежи. Так и здесь, среди туземцев, нам необходимо организовать школы на опыте и базе промыслового хозяйства туземцев.

Школа должна быть в первую очередь интернатского типа. Дети туземцев, находясь в интернате в своем же товарищеском кругу, не выходя из поля зрения преподавателей, приучались бы и вырабатывали в себе навыки культурного человека, свободное время проводили бы в полезных развлечениях и усваивании себе принципов взаимопомощи.

Находясь в интернате, дети туземцев подвергались бы более тщательному изучению со стороны педагогов, которые должны лично примером показывать и разрешать трудные вопросы внутриинтернатной жизни. Поварившись пять-шесть лет в соку интерната и школы, туземец, выходя из школы, вносил бы живую струю в протухший быт своей семьи. Кроме того, нам рано или поздно, но придется столкнуться с вопросом выдвижения низовых работников из среды туземцев. Туземная школа должна в течение пяти-шести лет подготовить таких низовых работников, не отрывая их в будущем от их прямых обязанностей по ведению туземного хозяйства.

Чтобы школа не превратилась в закрытое учебное заведение, из которого выходили бы туземцы, обогнавшие своих соплеменников и не приставшие к белым, необходимо построить всю программу воспитания таким образом, чтобы по окончании школы молодой туземец приходил бы в семью как полный сил охотник, кустарь, знающий в основном законодательство Р.С.Ф.С.Р. и умеющий бегло говорить, читать и писать по-русски.

Эта туземная школа должна находиться частично на самообслуживании в добывании мяса, морских животных, уток и т. д. Поддержание чистоты в помещениях должно лежать обязательно на самих воспитанниках. При школе должен быть обязательно или ремесленный класс, или вообще школа долж-

на иметь уклон на кустарничество. Школа должна практически научить туземца тому, как правильно обращаться с инструментами, выпуская из своих стен развитых кустарей по каждой специальности, смотря по склонности воспитанника. В продолжение же шести лет, в сезонные каникулы, туземец-ученик ремесленно-интернатской школы будет понемногу незаметно для себя и окружающих вносить новую, свежую струю в туземную семью.

Наряду с этим, общеобразовательные науки должны вестись по всем тем программам, кои имеются сейчас в школах первой и второй ступени. Интернат школы должен быть тем горном, в котором будут коваться пионеры и комсомольцы. Первые ячейки могут быть только здесь, а отсюда после окончания школы туземцы понесут свои знания, свои способности и идеи комсомола в гущу туземного населения.

Ремесленная школа вышеописанного типа дает возможность охватить детей кочевников, которым необходим хороший кустарь, так же как и оседлым. В особенности интернатно-ремесленная школа сыграет большую роль в жизни туземной девушки-подростка. Живя в интернате, воспитываясь в общей товарищеской среде, где будет предоставлена возможность проявиться творческим силам, как мальчиков, так и девочек, туземцы-дети, подростки, а потом юноши постепенно утратят тот взгляд, что женщина создана только шить плекоты, трясти полога и готовить кушанья, а мужчина охотиться или сторожить оленей. Интернат и ремесленный класс плюс общеобразовательные науки вырвут молодое поколение из рук косности и предрассудков отцов и матерей.

Спорт, физическая работа, здоровая пища, гигиенические жилищные условия дадут здоровое молодое поколение, которое и дома будет стремиться осуществлять их, помянуя их великолепное действие в стенах школы.

Меня спросят, почему я предлагаю здесь организовать школу с кустарническим уклоном, а не с иным? Очень просто. Туземное хозяйство, сейчас сбывающее сырье своего морского промысла, который с каждым годом падает, не обеспечивает себя, бьется в тисках растопыренных ножниц цен, существующих здесь... Кустарный помысел здесь имеет свое будущее, но его нужно систематизировать и дать туземцам возможность проявить свои творческие силы. Школа должна выпустить грамотных токарей по кости, плотников и слесарей. Кроме того, не вечно же мы будем видеть Чукотку как район, дающий сырье морского зверя и пушнину. Рано или поздно мы подойдем к вопросу эксплуатации этого края: платины, золота, графита, угля и т. д., и тогда нам придется столкнуться с вопросом завоза сюда малоквалифицированных рабочих, которые в условиях севера будут гибнуть, как мухи. Тогда как школы в течение десятилетия подготовят хоть и немного, но хороших тем, что они находятся в своих родных условиях, рабочих. Таким образом, надо реорганизовать школу среди туземцев, изгнав из нее громоздкий материал и прибавив физический труд, самообслуживание, спорт и интернат.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Никакой работы культурно-просветительного характера среди взрослого населения здесь не велось и не ведется. За последний 1925—26 год эти попытки делались. При участии местной власти и школьных работников были организованы три ликпункта, которые охватили 50 человек взрослого населения, был поставлен один спектакль и производились революционные праздники «7 ноября» и «1 мая», но этого недостаточно. Это не работа, а попытки, правда, давшие хорошие результаты, но на этом останавливаться не надо и нельзя.

Благодаря специфическим условиям быта, религиозным обычаям, общему укладу хозяйственной жизни, здесь опыт работы в деревне и ее методы целиком пересаживать нельзя. Здесь необходим учет всех особенностей туземцев, дабы нечаянным, нетактичным подходом не разрушить все слабое здание только что строящейся культурной работы.

В первую очередь надо раз и навсегда отказаться от мысли, что в местных условиях, на какие-то местные средства, можно наладить культурную работу. Необходимо, чтобы центр отпускал ежегодно средства на практическое осуществление работы. Деньги можно найти, ведь находят же средства на командировку товарищей для набивания чучел и снимки пейзажей... Если будут средства, то можно подойти к самой работе, не делая лягусов и учитывая местные условия.

Основными моментами культурно-просветительной работы среди туземцев должны быть следующие: 1) школа ликбеза; 2) заездной дом; 3) ежегодные спортивные состязания; 4) любительский театр или, лучше, кино; 5) проведение основных революционных торжеств. Вокруг этих пяти моментов, как основных стержней, должна строиться вся работа.

Школа ликбеза и сейчас имеет свою популярность в среде туземцев, выделив же на это минимум средств, мы получим 100 % желающих учиться, потому что туземец знает всю необходимость грамоты и русского языка. Русский язык ему необходим для торговли с факториями и т. д. Школа ликбеза должна научить его хотя бы мало-мальски читать и знать сотню или две русских слов. Кроме того, школа ликбеза должна дать общие понятия о рабочем классе, крестьянстве, фабриках и заводах, как живут и как работают русские труженики при соввласти.

Школа ликбеза должна дать основные понятия и [о] Конституции, советском законодательстве и национальной политике В.К.П.(б), превращаясь постепенно в трехгодичную школу для взрослых.

Заезжий дом (или иначе изба-читальня) должен представлять из себя смесь крестьянской избы-читальни и заезжей красной ярангой. Заезжая яранга должна обслуживать только приезжающих кочевников или оседлых из отдаленных местностей, приехавших по делам хозяйства или в факторию, или в советские

учреждения. При заезжей красной яранге должны быть: 1) жилое просторное чистое помещение; 2) горячий чай, хлеб, сахар — бесплатно; 3) корм для собак — бесплатно; 4) дежурный товарищ, который бы вел беседы с приезжими туземцами о политике, торговле, соввласти, о национальной политике В.К.П.(б), партии и т. д.

Заезжий дом в условиях севера при наличии всех указанных мною пунктов сыграет огромную роль в жизни туземцев и расширит их кругозор. Но без дотации в первые годы здесь не обойтись. Надо туземцам дать, а потом приучать их к самообслуживанию, когда они воочно убедятся в необходимости этого дела. Собезничеством же это назвать нельзя, так как по обычаю туземцев, его и его собак должен кормить тот, к кому он приехал. И если здесь, в красной яранге, туземца не обогреть, не покормить, то он пойдет к соплеменникам, которые его собак накормят, а на утро приходят и говорят: «К Вам ездят туземцы по своим и Вашим делам очень много, мы их кормили, кормили их собак, у нас у самих нет мяса, и скоро будем голодать». Вот последствия. Не надо бояться миражных опасностей. Надо помнить, что мы имеем дело с туземцем, а не рабочим или крестьянином.

Любительский театр пользовался бы здесь огромнейшим успехом, если бы организация его не стоила слишком дорого. Но он должен быть при каждой школе. Я помню, как мы с группой товарищей, имея кое-какой грим, в одной комнатухе на четырехаршинной сцене поставили для туземцев пьеску «Сон мужика». Я бы посоветовал всем жаждающим славы и бурных оваций артистам ехать сюда. Пришлось ставить два раза днем и вечером, по семь раз перегримировать участников.

Туземцы, никогда не видевшие грима, очумели с первого раза. Они были удивлены тем, что на сцене находятся незнакомые им люди. Нас бы с такой игрой выгнали из любого рабочего клуба, а здесь мы пользовались неуязвимой славой. Туземцы говорили, что они согласны сидеть всю ночь, и просили ставить еще.

Пьесы можно с успехом ставить на русском языке, объясняя сущность ее перед началом, и все выпуклые моменты останутся в головах туземцев, так как они обладают столетним опытом наблюдать и схватывать основные моменты явления. Для туземного театра необходимы простейшие пьесы с танцами, пляской, игрой на простых музыкальных инструментах и, конечно, революционного содержания. Постепенно к участию в спектаклях можно приучать туземный молодежь. В школах детские спектакли можно ставить всегда. Организовать это дело можно при достаточном терпении педагога.

Кино имеет, конечно, большие преимущества перед театром, так как его можно передвинуть в другие места. Кино здесь будет пользоваться такой популярностью, как нигде. Фильмы нужны следующего характера: 1) показать туземцам, как вырабатываются сельскохозяйственные продукты; 2) про-

изводственные (фабрики, заводы, железные дороги и т. п.); 3) революционные манифестации, демонстрации, торжества с участием наших вождей; 4) простого содержания, без сенсационностей и любовных объятий (революционные); 5) можно трюковых, но обязательно с показательной стороной мира животных, фауны других стран и промышленных центров.

При помощи кино мы ознакомили бы туземцев с бытом, жизнью других стран, с производством тех продуктов, какие они употребляют и т. д. Кино должно стать мощным рычагом, одним из орудий нашего идеологического завоевания туземцев Чукотки.

Четвертым моментом культурной работы среди туземцев являются ежегодные спортивные состязания в духе населения. Нет нигде столь развитого спорта, как среди местных туземцев. Исстари заведен обычай, что всякому крупному хозяйству или начинанию предшествуют спортивные состязания. Проводя революционные торжества или просто применяясь к местным условиям, мы должны использовать спортивные состязания как проводник культурных целей. На спортивные состязания с призами, конечно, важнее всего собрать туземцев со всей округи данной местности.

Проведение торжественных дней революции не должно проходить без спорта, введя в принцип годовое состязание на призы «Октябрьский» и «Майский». За что и как, это будет видней здесь, на месте. Таким образом, мы в состоянии будем охватывать большую массу населения, приучая их к революционным традициям и проводя в среду их постепенно идеи совласти и партии. Вот в общих чертах то, что по моему мнению, необходимо сделать для культурно-просветительной работы на Чукотке. Пора нам взяться за дело серьезно, ибо мы можем упустить момент и дожидаться, когда туземная идеология совершенно засорится американофильством, и нам укажут на дверь и скажут: «Идите вы обратно, туда, откуда вы пришли», если не хотите нам помочь практическими и действительно разумными начинаниями.

Р.К.П., СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ТУЗЕМЦЫ

Специфические экономические условия и способы производства создали в туземцах соответствующую идеологию и взгляд на окружающее. Весь кругозор туземца заключен в тесном кругу религиозных предрассудков и обычаев. Все явления в природе и обществе туземец склонен объяснять влиянием внешних сверхъестественных сил — духов, злых или добрых. Наряду с этим, туземец на опыте начинает убеждаться в превосходстве некоторых новых способов охоты и орудий над старыми, и в этом видит победу над злыми духами. Каждый туземец сейчас видит преимущества вельбота над байдарой, китобойной пушки над гарпуном или дробовика над элекоте (род лассо на концах с костяными мариками для ловли уток). Но, узнавая все это, он

не отказывается от древних обычаев, косности, боязни нововведений и религиозных предрассудков.

Несмотря на проникновение в самую массу туземцев огнестрельного оружия, более усовершенствованных способов охоты и передвижения, внедрения европейских товаров, а отсюда и расширение туземных потребностей, в гуще своей туземец остался прежним дикарем, отсталым и совершенно оторванным от общей социальной и экономической жизни человечества. Все интересы туземца сводятся лишь к тому, как можно больше запастись мясом, чаем, табаком и как можно больше народить себе подобных.

Революция совершенно не затронула туземца Чукотки. Здесь ведь не было гражданской войны, в которой народы выкалывают и вываривают свое классовое самосознание и оформляют ненависть к бывшим эксплуататорам, находя истинных защитников угнетенных наций. Здесь не было военных переворотов, наступлений, отступлений, в которых принимал бы участие туземец. Переворота идеологического в головах туземцев и на девятый год революции нет. Взгляд на власть у туземца остался прежним.

Когда-то завоеванные русскими, туземцы под властью царизма не получили и минимальной части той дворяно-буржуазной культуры, которая в свое время пустила корни в России. Заброшенные среди необозримых тундр, снегов, льдов, туземцы вели свой обычный образ жизни, подвергаясь лишь разлагающему влиянию русских и американских торгашей, сплавивших их водкой, или подвергались поездкам «начальства», запрягая по 24 собаки в нарту начальника уезда, отдавая своих жен или дочерей на ночь начальству или купцам. О власти, как о таковой, они представления не имели, слышали, что есть царь, а кто и что он — не представляли. Говорили, что очень сильный человек, и его посланцев нужно слушаться. Разгул царских опричников и спекулянтов окончательно убивали проблески самосознания туземцев.

Наряду с этим бешеный рост американского капитализма, который в погоне за наживой быстрыми и решительными действиями, выбросив массу дешевого товара и снабдив огнестрельным оружием туземцев, подорвал вконец экономический престиж власти и вытеснил захудалую русскую частную торговлю. Царское же правительство смотрело на это сквозь пальцы, связанное борьбой за власть с поднимавшимся революционным движением рабочего класса.

К началу революции туземцы находились под прямым экономическим, а отсюда и идеологическим воздействием американского капитала и представляли из себя ярких американофилов. . . Советская власть и партия, занятая внутри огромного Союза сперва гражданской войной, потом борьбой с разрухой и белогвардейщиной на Дальнем Востоке, не могла прийти на помощь далекому Северо-Востоку и присоединить его к Союзу Советских Республик.

Да и сама организация советской власти здесь шла очень медленно ввиду оторванности от руководящих центров и отсутствия средств. Прошедшая в 1925—26 году советизация края, выборы в лагеркомы, присоединили район чисто формально. Никакого сознательного отношения к организации власти в лагерях туземцы не проявили, и не вина здесь местных работников. Виноваты объективные условия, действующие здесь.

Вековой гнет самодержавия воспитал и развил в туземцах животный страх перед властью. Для туземца начальник — все, и Бог, и судья. Он боится обидеть в нем олицетворение могущества белых, от которых зависит его существование. Правда, есть в среде туземцев одиночки, бывалые люди, этих ничем не удивишь, но все они поголовно американофилы. Для массы же туземцев все члены Райревкома — все эрмы (начальники). Всякое приказание выполняют, будь оно даже абсурдом.

На выборах в лагеркомы случалось иметь такую картину: собрание выбирает лагерком. Все молчат. Бывший председатель объясняет, что надо выбрать комитет. Причем объяснения идут самым примитивным способом. Раньше я был один, теперь надо выбрать трех, так хочет высший эрм. Собрание начинает ыкать, то есть выражать согласие, а потом заявляют, что они хороши все, и пускай эрм выбирает трех сам и назначает. С любой кандидатурой, выставленной эрмом, они согласятся. Если же дать им волю выбирать (я это практиковал), то они в большинстве своем приходят и говорят: «Нет, мы не можем выбрать, иди и выбирай сам». Вот картина выборов. Она ярко характеризует «понимание» власти туземцами.

Ко всему этому надо прибавить, что, как туземцы не боятся власти, но к каждому новому ее представителю относятся очень осторожно, и на все вопросы у них один ответ: «Кооо (не знаю)».

Стоит только подарить ему что-нибудь, угостить чаем, сахаром и табаком, переплатить ему за купленную у него вещь, как у туземца развязывается язык, и новый эрм становится хорошим человеком. На практике местной жизни мне приходилось видеть, как наши полномочные товарищи, приезжавшие сюда на время ревизии или по другим делам, сознательно создавали себе дешевую репутацию путем бессистемной раздачи подарков, переоценки купленных вещей и т. д. Может быть, это и нужно было этим товарищам, но они такими поступками приносят только вред, и вред огромный, развивая в туземцах мнение, что эрм за дрянную вещь в 7 руб. должен дать 15, за рублевую — 3 и т. д.

Вся эта дешевая репутация приезжающих товарищей, которые говорят: «Пускай они меня вспоминают добрым словом», тяжело отражается на местных работниках, которые знают вред этой дешевой политики.

Правда, без этого обойтись нельзя, но это надо делать тогда, когда необходимо. Необходимость же может проявиться где-нибудь в дороге, в пургу или

когда туземец тем или иным способом помогает представителю власти разобраться в трудном для него вопросе, дает сведения и т. д., а развивать у чукчей и эскимосов манеру заламывать несоответствующие цены, потакать им в этом, и все это ради дешевой славы и репутации, нельзя. Надо помнить одно, что мы имеем дело с туземцами, у которых представление о власти очень и очень своеобразное.

Поскольку у туземцев имеется своеобразное представление о власти вообще, плюс к тому же мнение, что всякая власть хороша тогда, когда она дает дешевые товары, постольку партия и советская власть здесь, в туземном районе, должны иметь своеобразный подход к разрешению административно-хозяйственных вопросов. Как не силен дух американофильства среди туземцев, изжить его можно быстро. Нужны только решительные шаги в изменении политики цен нашей торговли на Севере.

Несмотря на проникновение капитала, как американского, так и русского, на наш Северо-Восток, все же масса туземцев по своему классовому содержанию однородная. Эта причина кроется в том, что капитал, вливавшийся на Чукотку, не строил промышленное хозяйство, не пролетаризировал туземцев, а грабил всеми методами колониальной политики. Капитал здесь снимал сливки пушных природных богатств, не оставляя в крае никаких следов, кроме разрушения. Ни одного мало-мальски промышленного характера предприятия здесь не было и нет. Все зиждилось на меховой [торговле] с промышленниками-туземцами. А известно, что охота не ведет за собой классового расслоения.

Правда, к моменту возникновения советской власти в районе, здесь есть зажиточные туземцы и даже человек пять торговцев, но это единицы. При этом, как считать зажиточного туземца, кулаком или середняком, когда у него работают другие туземцы, получая равную часть пойманной добычи? В массе туземцев сильно развит дух коллективизма. Охота на крупного морского зверя проходит только артелями, члены которой получают каждый свою равную другим долю. Взаимопомощь тоже развита, сильнее, нежели у нас. Каждый туземец, если у него нет мяса, имеет право на кусок у другого, который имеет.

Наряду с такими положительными сторонами, в туземцах развит дух торгашества. Их можно назвать северными цыганами. Каждый туземец — это мелкий торговец. Торгует он чем угодно и когда угодно.

Богатые кушцы-туземцы, имея батраков, числят их членами своей семьи, но у этих уже заметна склонность к эксплуатации, таких туземцев в районе единицы. Кроме того, они все пользуются громадным уважением среди остальных туземцев как спортсмены: тот борец, тот бегунец, третий наездник на собаках и четвертый знаменит тем, что народил пять или шесть детей, и все сыновья (это считается большим счастьем и богатством).

При таких условиях на местном туземном классовом расслоении не сыграешь. На примере же других стран строить работу нельзя, так как туземцы абсолютно не представляют социальной жизни цивилизованных капиталистических стран. Для него только одно ясно, что белые живут лучше его, имеют много хлеба, чаю и табаку, и он хочет тоже жить также и лакомиться этими деликатесами.

Туземцы, не имея представления о социальной жизни капиталистических стран, Советской России, не знают и не понимают, почему идут войны между белыми (белыми они называют всех, и русских, и иностранцев), почему рабочий класс не слушает своих богачей. О партии они не имеют никакого представления. В их головах Октябрьская революция складывается следующим образом: был Ленин накельки клуяль (хороший человек), он собрал всех бедных, убил царя и прогнал прежних начальников и сам стал начальником, обещая всем много хорошего на этом свете. Ленина знают, немногие, но знают и помнят по портретам.

Остальной же борьбой не интересуются. Все их ожидания и чаяния сводятся к тому, что русские привезут им много хорошего, дешевого товара, и они будут счастливы. Кроме того, они часто хвалятся, не понимая классовой вражды, что, дескать, они, туземцы, друг с другом не дерутся, а белые вечно чем-то недовольны и мирно жить не хотят. Причины этого кроются в их специфическом экономическом положении и низком культурном развитии.

Таким образом, подход к туземцам на основе одной лишь политической обстановки не годится. Здесь необходим подход, который бы своими практическими действиями показал туземцам, кто их враги и кто друзья. Этот подход должен сводиться к экономической работе местной власти, которая должна через торгово-промышленные кооперативы вести показательную работу и влиять на туземное хозяйство. Обладая возможностью дать туземцам дешевый товар, вовремя открыть кредит и принимать по справедливым ценам пушнину, местная власть, а значит и вообще власть, выиграла бы в глазах туземца.

Кроме того, хозяйственно-экономическая работа органов власти сама по себе говорила бы туземцам, кто их враг и кто друг. Туземцы бы поняли, что представители власти — не только приказывающие личности, но люди, которые заинтересованы в благополучии туземцев. Без этого обойтись нельзя, сколько бы мне не возражали.

Туземцы могут быть легко вовлечены в хозяйственную работу кооперативов. А отсюда они легко поймут значение советской власти, будут строить ее сознательно, а не под давлением. Только тогда можно будет говорить о фактической советизации и действительном присоединении этого района к общему росту Советских Республик...

ПРОМЫСЕЛ МОРСКОГО ЗВЕРЯ

Промысел морского зверя распространен по всему юго-восточному и северному побережью Чукотского района. Начиная с б. Преображения и кончая м. Шелагинским в Северном Ледовитом океане, повсюду можно бить морского зверя. Весь этот огромный промысловый район представляет из себя пеструю картину по своей доходности...

...Способы охоты у туземцев на каждого зверя различны. Начнем с крупного зверя.

а) *Промысел кита*. На кита туземцы охотятся всегда артелями, на 4—5 вельботов при 2-х больших байдарках. На каждом вельботе помещается от 10 до 15 человек гребцов и охотников. К самой охоте всегда долго готовятся, чинят вельботы, хорошо просушивают байдарки, готовят гарпуны, китобойные пушки и снаряды к ним. Не обходится, конечно, без шаманства. На судне, где находится лучший охотник, присутствует шаман, наличие которого, якобы, помогает в охоте на кита. Каждый вельбот имеет своего шамана, который должен помогать охотникам своим присутствием.

Приготовившись к охоте, туземцы при благоприятном ветре уходят в открытое море, иногда за 15—20 и больше миль, где и начинают крейсировать, выслеживая кита. Вельботы и байдары отходят друг от друга на значительное расстояние, чтобы не мешать друг другу, но в то же время не теряют себя из вида, дабы в случае надобности помочь товарищам в беде или в удаче. К слову сказать, ни один туземец не умеет плавать.

Увидев кита, вельбот начинает его преследовать и, приблизившись к нему на расстояние 8—10 шагов, бросают снаряд в затылочную кость животного или в хребет, ближе к голове, в тот момент, когда животное поднимается на поверхность воды для набирания воздуха. Бросив снаряд, охотники ловким маневром удаляются от животного, дабы не быть убитыми мощными ударами хвоста раненого или умирающего животного. Удаляясь, охотники распускают конец ремня (лахтачьего), на конце которого привязан буюк из надутой воздухом нерпичьей шкуры. Если зверь убит, то его еще загарпунивают и при помощи всех находящихся на охоте вельботов буксируют к берегу, где и начинается церемониал и разделывание туш. Если же зверь ранен, его преследуют до тех пор, пока позволяют условия, погода, наличие запасных снарядов и т. д. Орудия и способы охоты, конечно, не одинаковы. Если есть вельботы и пушки, то бьют вышеуказанным способом, если нет, таковых бьют с обыкновенных байдар обыкновенными гарпунами. Охота на кита очень опасна. Но так как она дает массу мяса и ценного уса, то туземцы рискуют всем, но не упускают случая поохотиться.

б) *Охота на белуху* происходит с байдар или вельботов из винчестеров... Но это животное очень трудно промышляемое, так как имеет свойства: 1) бы-

стрый ход, 2) короткий промежуток времени пребывания на поверхности воды, 3) быстро тонет.

Поэтому процент промысленных белух очень мал. Убитые часто тонут, а раненые уходят и погибают в море. Туземцы не очень охочи на такую охоту, они предпочитают опасную охоту на китов пустой трате патрон. Белуха промысливается тогда, когда нет китов или что-то мешает их охоте, например, отсутствие китобойных патронов. Впрочем, иногда туземцы промысливают огромное количество белух, но это бывает редко. Например, в 1925 году, во время хода белухи в районе Колючинской губы был интересный случай, когда мать-природа помогла туземцам набить и запастись белужьим мясом на многие месяцы.

В самый разгар хода белух северным ветром заперло льдом выход из Колючинской губы, остался лишь узкий проход против в несколько сажень. В эту щель и устремилась вся масса животных, спеша уйти из ловушки. Здесь то их и подкараулили туземцы и били без промаха. Сколько убитых, раненых, неизвестно, туземцы же вытащили на берег около ста штук. Огромное количество было затерто льдом и унесено под льдом в море.

Мясо кита и белух у туземцев считается деликатесом и идет в пищу. Для собак оставляют мясо моржей и их жир.

в) *Охота на моржа* также различна по употребляемому оружию, но в подавляющем большинстве происходит из винчестеров... с гарпунами на байдарках и вельботах. Весной во время хода моржей туземцы на вельботах и байдарках, вооружившись винчестерами и большим количеством патронов, выезжают в море к большим льдам. Высмотрев стадо моржей на льдине штук в 40 или 50, которое спит, греясь на солнце, охотники подъезжают к противоположному краю льдины, вылазят на лед и открывают большой беспорядочный огонь по стаду. Убитые остаются на месте, раненые убегают в море, а живые, оправившись от первого испуга, иногда наступают на байдару с охотниками. Отстрелявшись от нападения, охотники берут сперва клыки вместе с головой убитого моржа, потом снимают шкуру, потом мясо.

Таким образом, иногда каждая байдара убивает до 30 штук моржей, но зарвавшись и попав в полосу ветра, всю добычу выбрасывают за борт, оставляя только головы с клыками. Такой нерациональный убой моржей убийственно отзывается на состоянии моржового промысла вообще. Такой способ применяется повсеместно, где идут моржи... Добычу, привезенную на берег, делят поровну между участками, хотя бы это были подростки.

Осенний способ охоты на моржей другой: в это время моржи спят на воде. Охотники под парусами или на веслах нагоняют стадо спящих моржей, производя как можно меньше шума, бьют спящих гарпунами. В этот период туземцы запрещают стрелять при южном ветре уток, топить печи углем и т. д., мотивируя тем, что моржи просыпаются и уходят далеко в море...

ТОРГОВЛЯ

Торговля в Чукотском районе издавна носит характер товарообмена. Деньги, как эквивалент стоимости товаропродуктов, имеют здесь незначительное распространение. В подавляющем большинстве эквивалентом, с одной стороны, служит пушнина и морское сырье, с другой — чай, табак, и тому подобные товары европейской выработки.

Давно, еще во времена царской власти, сюда хлынул американский хищнический капитал. Экономическое бессилие царской власти дало возможность американскому капиталу пустить глубокие корни в хозяйство и умы туземцев. В последнее десятилетие влияние американского капитала углубилось, оставив после себя пышный цветок американофильства туземцев. Из крупных американских фирм, подвизавшихся здесь за последние годы, мы знали: Гудсон-бей, Феликс и бывший золоторотец и авантюрист Свенсон. Кроме этих крупных акул на Чукотку ежегодно приходила масса хищнических шхун. Из русских торговых фирм здесь работали братья Караевы и с десяток мелких прихвостней и поклонников американского капитала, перебивавших подачками и остатками от американцев.

О засилье американского капитала говорят голые цифры. Из всей добываемой и скупленной пушнины в районе на долю американских фирм приходилось огромное большинство... (В 1922—1923 гг. американцы скупили 2 285 белых песцов, 265 красных лис и 108 белых медведей; 25 русских коммерсантов и скупщиков — 1 482 белых песца, 251 красную лису и 59 белых медведей. — *Ред.*).

Принимая во внимание, что 50 % всех русских частников сдавали пушнину опять-таки американцам, мы будем иметь подавляющую цифру скупленной пушнины американцами. Годами монополично владевший чукотским рынком американский капитал изучил мельчайшие подробности его, все потребности населения, количество и качество.

Ни ОКАРО (Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество. — *Ред.*) в 1924/25 году, ни наш Д.Г.Т. не могут равняться в этой области с американцами. Еще долго надо будет учиться нашим краскупам торговать с туземцами.

В 1925/26 году на территории района работали три фактории Д.Г.Т., одна Якутского госторга и частные торговцы в числе девяти. Частный капитал раз в десять меньше Д.Г.Т., но вреда он приносит очень много. Причина та же, что и с американским капиталом. Частник лучше знает рынок, потребности туземцев и ухитряется продавать товар на пушнину дешевле — дороже расценивая зверя на круг. Кроме того, частник — свой человек здесь, он, имея десятилетия среди туземцев, завел себе знакомство, родственные связи и т. п. Наши же Госорганы имеют штат, желающий много лучшего, чем он есть

сейчас. Все это задерживает развитие Госторговли и служит громадным тормозом для работы местной власти по советизации и проведению советских принципов в жизнь туземцев.

Кроме того, сама политика цен Дальгосторга подрывает тот молодой сук, на котором она сидит... Д.Г.Т. по присвоенным ему правам является монопольным скупщиком пушнины на Чукотке. Против этого никто, конечно, не думает возражать. Но, думается мне, что каждый монополист, да еще к тому же советский, должен заботиться о том, чтобы источник его доходов не иссякал. Его работа должна быть поставлена так, чтобы она давала не только прибыль собственному карману монополиста, но и обеспечивала бы возможность получения прибылей на будущее время, то есть давала бы возможность местным отдельным хозяйственным единицам жить и развиваться в пользу монополиста...

Посмотреть сейчас, является ли таким хозяином Д.Г.Т. на меховом рынке Дальнего Северо-Востока, и отвечает ли его политика цен интересам государства? Выше я говорил, что основным промыслом местного оседлого населения является морская охота и промысел белого песка. С кочевниками-оленоводами на территории Дальгосторг ведет обменную торговлю, главным образом, на песка, принимая в незначительном количестве продукты оленеводства. Значит, и мы будем базироваться только на двух видных промыслах — морском и пушном. Эти два промысла представляют ту сферу приложения капитала, в которую Дальгосторг вкладывает свои капиталы и которую должен знать назубок.

Картина экономики туземца складывается из: 1) количества упрямленных китов, моржей, лахтаков, нерп, белых медведей, песцов и т. д.; 2) наличия и качественного состояния охотничьего инвентаря: оружия, огнеприпасов; 3) количественного и качественного состояния средств передвижения: вельботов, байдар, собак; 4) количества, качества, ассортимента и расценки на товаропродукты, завезенные Дальгосторгом в свои фактории, в первую очередь на: патроны, китобойные бомбы, табак, чай, мануфактуру и т. д.; 5) приемочных цен на песка, лахтака, нерпу, моржовый клык, китовый ус и 6) положение основных видов промысла и их тенденции. Вот основные элементы экономики туземного хозяйства данного района. Без учета вышеуказанных пунктов ни одна торговая организация не должна начинать своей работы...

Спросить наших представителей Д.Г.Т., учли они все вышеуказанные обстоятельства, они вам ответят: «Мы собаку съели на северной торговле, у нас спелы сидят, проэкты, балансы, сметы, штаты составляют, а вы спрашиваете...» Я же осмелюсь сказать, что хоть эти товарищи и говорят, что они собаку съели, но должно быть, собака была с душком, немного припахивала колонизаторской политикой. Лучшим примером этого служит местная поли-

тика Дальгосторга здесь, среди туземцев Северо-Востока... Выступая монополистом, Дальгосторг допустил классическую ошибку, разрешив партии Свенсона скупать пушнину, не уведомив даже местную власть, на каких правах будет действовать Свенсон, по каким ценам будет торговать и принимать.

Здесь, видите ли, «коммерческая тайна»... Свенсон... преспокойно собрал пушнину по 50 руб. на круг и снабдил своих подставных агентов дешевыми товарами на сумму (по данным чукотской милиции) в 12 000 долларов. Собрав пушнину по высокой цене, он обещал туземцам еще вернуться и для него сберечь пушнину нового сезона.

Лимиты Д.Г.Т. и приемочные цены Свенсона в 1925 году:

Дальгосторг	Руб.	Коп.	Свенсон	Руб.	Коп.
Белый песец 1 сорт	45	—	Песец без разбора сортов	50	—
Белый песец 2 сорт	35	—			
Белый песец 3 сорт	25	—			
Клык моржовый	—	50	Клык моржовый белый, фунт	1	50
			Клык моржовый цветной	2	—
Ус китовый, фунт	—	57			

Соотношение цен в Д.Г.Т. и на шхунах Свенсона в 1925 году:

	Дальгосторг		Свенсон	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Патроны к винчестеру	3	60	2	80
Винчестер	150	—	60	00
Табак курительный, фунт	2	—	1	50
Табак жевательный	2	—	1	50
Сахар, фунт	—	50	—	36
Чай байховый	3	—	2	50
Чай кирпичный	1	50	—	80

Туземцы, видя такое расхождение цен, явно стали придерживать пушнину и ждать американских шхун. Последствием несправедливой политики цен и промаха со Свенсоном, Д.Г.Т. к концу боевого сезона на трех факториях собрал около 1 200 хвостов пушнины.

Вторым крупным последствием этого была затоваренность Д.Г.Т. На всех факториях было продано товара не более как на 40—45 %.

Кроме всего выше сказанного, лимитная политика Д.Г.Т. тяжело отражается на общем состоянии туземного хозяйства. Правда, как тут туземцу жить, когда при ухудшающемся морском промысле мы имеем следующую картину соотношения приемочных цен на сырье и цен на основные товары.

Лахтак большой — 25 руб., средний — 15 руб., малый — 10 руб.; моржовая шкура — от 10 до 16 руб.; нерпа 1-го сорта — 60 коп., 2-го сорта — 90 коп.;

кльк белый и цветной — 50 коп.; ус китовый выше 6 фунтов — 75 коп., ниже 6 фунтов — 40 коп.; лахтаций ремень — 80 коп. за фунт.

Чай кирпичный — 1 руб. 50 коп.; чай кирпичный второго сорта — 1 руб., чай байховый — 3 руб.; мука 55 фунтов — 6—7 руб.; патроны — 3 руб. 60 коп.; табак курительный — 2 руб. за фунт; табак жевательный — 2 руб. за фунт; сахар — 50 коп. за фунт; полозья для нарт — 12 руб. пара.

Поневоле туземец взвоят, поневоле он будет американофилом, когда хочешь-не хочешь, а тащи нерпу за 60 коп., а за патроны отдай 3 руб. 60 коп. Мука же 7 руб. кулек, то есть 8 нерп. А сколько потребуется патрон, чтобы убить 8 нерп? Не меньше 1½ пачек, то есть 30 штук. А 30 штук патронов стоят 5 руб. 40 коп. Где же тут туземцу есть хлеб, он чуть-чуть обрабатывает патроны.

В моменты голодовок туземец часто продает необходимое в семье сырье, стремясь чем-нибудь поддержать свое существование.

Вот здесь-то и нужен своевременный кредит, может быть, даже долгосрочный. На практике получается иначе. Фактория б. Провидения в разгар эпидемии и отсутствия охоты в 1925/26 году отказала туземцам в кредите, мотивируя это тем, что у туземцев нет охоты, а вот когда охота начнется, тогда дадим в кредит. Если это не головотяпство, то контрреволюция зава (заведующего факторией. — *Ред.*).

Такая политика цен и действия местных заво только подрывают авторитет Д.Г.Т. и приносят ему вред.

Посмотрите на ассортимент товаров и скажите, где были глаза у товарищей, когда они покупали этот товар. Здесь есть бинокли театральные в 50 руб. штука, медные котлы толщиной в лист бумаги 10 руб. штука, 20 ящиков гнилой картошки, есть скумбрия, осетрина консервированная, сукно в 16 руб. ярд и тому подобные товары. Но нет таких вещей, как болты для нарт, абсолютно нет белил для крашения вельботов. Завезено несколько пар дубовых полозьев, а потребность в них огромная. Нет китобойных бомб (было семь штук, так они оказались никуда не годными). Нет ни одного листика наждачной бумаги, которая до резки нужна кустарям, завезено 8 пудов дроби, когда ее нужно минимум 25 пудов. И мне скажут, что Д.Г.Т. не виноват. Кто же [виноват] в таком случае? Объективные условия. Эта отговорка общеизвестная, притом людей, которые не являются простыми смертными, а спецами. Надо сознаться в своих ошибках и начать на деле их выправлять.

Быть может, мне скажут: «Что делала и за чем смотрела местная власть и партийная организация?» Ответ на это будет простой. Здесь партийной организации нет, а был один член партии, пишущий эти строки, власть же в лице Ревкома не имеет абсолютно никакого права не только вмешиваться в дела фактории, но даже, если нужно, то допросить служащих Д.Г.Т. запрещено свыше. Нельзя совать свой нос даже в мелочи факторских дел.

Здесь Д.Г.Т. — республика в республике. А власть поставлена в условия: «Не трогай, не допрашивай, когда воруют, не твое дело, приедем, разберемся». И это в районе, где нет ни прокурора, ни Г.П.У., ни телеграфа (до ближайшей радиостанции 1 500 верст на собаках — Анадырь). Если же произойдет какая-нибудь лавочка, то влетит в первую очередь власти, почему, дескать, плохо смотрели?

Вот при таких условиях защищай интересы государства и туземцев. Следи за законным ведением торговли. А завфакториями, между тем, саботируют в даче сведений о пушнине, сырье, обороте и т. д. Коммерческая тайна! Если и можно достать какие-либо сведения, то не официально, а по знакомству. Уполномоченный же по району на словах приказал не давать никаких сведений представителям власти, — это не их дело, это коммерческая тайна. Получается, таким образом, следующее положение. Ревком не имеет право знать коммерческую тайну, но ведь ее же знают завфакторией — все бывшие спекулянты, черт возьми! Вот так картина.

Таково положение на местах, действительное, без прикрас и преувеличения. О том, что туземцы недовольны лимитной политикой, говорит следующий факт. На выборах в лагеркомы боевым вопросом был: «Торговля с Америкой». Туземцы откровенно, без боязни, ответили на мой вопрос: «Будут ли они помогать нам захватывать контрабандные шхуны?» «Зачем мы будем трогать хороших людей, мы сами с удовольствием добились бы русских торговцев, потому что они нас не жалеют».

Правда, туземцы никогда не выступают активно, это только образная фраза, но она ярко характеризует отношение туземцев к нашей Госторговле. Значит, здесь не все благополучно. Не все гладко. Необходимы какие-то меры, которые показали туземцам, что мы их действительно друзья, а не враги, что мы пришли сюда не только торговать и собирать пушнину, но что-то создать и двигать туземное хозяйство вперед, а не разрушать остатки...

СЕМЬЯ И БРАК

Два племени туземцев, живущих сейчас на территории Чукотского полуострова — чукчи и эскимосы, имея различные языки, мало чем отличаются друг от друга внутрисемейным укладом жизни. Как те, так и другие, занимаясь охотой на морского зверя, которая требует от человека накопления известного опыта в области жизни животных и явлений природы, живут отдельными патриархальными семьями.

Кроме этого, за последние десятилетия эти два племени усиленно завязывают родство между собой. Активной стороной в этом деле являются чукчи, как более сильный в экономическом отношении народ; чукчи часто женятся на эскимосках.

Основным языком на территории района является чукотский, эскимосы все говорят по-чукотски. Причина эта кроется в давнишней победе чукчей над эскимосами, после которой чукчи стали, как более сильное племя, прививать свой язык и обряды, впитывая между прочем обряды и празднества от эскимосов, переводя все это на особый лад сообразно условиям, так что к настоящему моменту эти два племени в этом вопросе однородны.

Береговое население жило когда-то отдельными родами, но это давно, ни один туземец не помнит и не представляет себе родового уклона их жизни. Все стерлось годами. Даже оленеводы, менее затронутые влиянием американского и европейского капитала, утеряти из своей памяти представление о роде как форме родственного содружества. Как те, так и другие, живут сейчас отдельными семьями, ведя индивидуальное хозяйство, объединяясь коллективно только во время морской охоты на крупного морского зверя.

Главой семьи считается мужчина, старший по возрасту, остальные члены семьи подчиняются его распоряжениям, слушают и исполняют его советы. Распределение обязанностей в семье самое несложное. Мужчины и юноши, способные к физическому труду, занимаются охотой, починкой инвентаря, ухаживают за собаками. В свободное от охоты время мужчины занимаются спортом, если позволяет погода, в большинстве же случаев — разговорами и бестолковыми шатаниями из яранги в ярангу в поисках новостей. Мужчина в семье туземца пользуется властью владыки-деспота. Домой в полог он идет отдыхать, спать с женой и только. Вся грязная огромная работа по дому туземца лежит на женщине-матери, дочери или других родственницах. Приказания мужа или отца выполняются беспрекословно. На обязанности женщины лежит уборка полога и яранги, пошивка новой и починка старой обуви охотников, приготовление пищи и поддержание огня в ээках.

Женщины не имеют права голоса на собрании туземцев. И благодаря своему очень низкому развитию, их не вытащить из полога. У кочевников положение женщины еще хуже. Там на обязанности женщины, кроме всей вышеуказанной работы, лежит постройка чума и перетряхивание пологов. Женщины кочевников завидуют оседлым, находя, что положение вторых лучше их. Но оседлые с радостью выходят замуж за состоятельных оленеводов, предвкушая массу пищи из оленьего мяса и отсутствие голодовок, которые, в первую очередь, отражаются на оседлой женщине. Объективно рассуждая, положение женщины, как кочевницы, так и оседлой, — одинаково тяжело и даже мерзко.

Женщина у туземцев — это самка для производства ребятешек. Счастлива та, которая приносит туземцу-мужу ребятешек-мальчиков — будущих кормильцев и создателей благополучия. Уважением семьи пользуется та, которая имеет пять-шесть детей, из них четыре мальчика. Мужу, конечно, достается венец славы, как сильному самцу, сумевшему сделать четырех подобных

себе. Жену же только сохраняют как хорошую машину, интенсивно работающую во всех отношениях. Встречаются семьи крупные, до двенадцати человек, живущие в двух ярангах, но есть семьи захудалые, в три-четыре человека, ютящиеся в пологу в одну квадратную сажень.

В среде туземцев женщина ярче, чем где либо, выявляется работой мужчины и домашних обязанностей. С детства женщина привыкает к мысли, что она не способна делать то, что делают мужчины. На девочек их сверстники-мальчики смотрят свысока, не принимая участия в их играх и не допуская в свои.

Женщина здесь — домашняя ломовая лошадь, несущая на себе все тяготы семейной жизни туземцев. Причина всего этого кроется, конечно, в охотничье-промысловом быту туземцев, который веками выковал семейные устои туземцев.

Брак местных туземцев, как кочевников, так и оседлых, ближе всего подходит к магометанскому обычаю купли невесты. Но здесь не платят деньгами или оленями, все это есть, но только как придаток к основной плате натурой — физической работой жениха на семью невесты. Брак заключается следующим образом: отец жениха или сам жених ведет переговоры с семьей невесты о том, что они хотят получить взамен девушки. Торги длятся иногда очень долго, месяц, а иногда год, пока обе стороны не придут к соглашению. Уговорившись о цене, мужчина выкупает девушку, но чаще всего идет отрабатывать свою будущую жену к своему тестю, срок работы не установлен. Некоторые работают полгода, год и даже больше, смотря по соглашению.

В период своей работы у тестя жених исполняет все приказания главы семьи и должен почитать его, как своего отца, малейшее противоречие или какой-нибудь скандал ведет к тому, что его выставляют за дверь, и его продолжительная работа пропадает. Такие случаи имеют себе место, но не часто. В большинстве своем жениха берут в дом, когда ему четырнадцать-пятнадцать лет, и он не является самостоятельным хозяином в своей семье, где глава дома или отец, или его старший брат. Взрослые же охотники, или богатые семьи, кои дорожат рабочими руками, берут девушек в более слабых семьях, которым трудно содержать девочку.

Браки заключают очень рано, иногда молодая пара уже живет половой жизнью, когда обоим не исполнилось еще и шестнадцати лет. Стремление туземцев заключать ранние браки имеет под собой глубокую экономическую причину. Охотничий быт, морской промысел или оленеводство требует достаточное количество бесплатных рабочих рук. Заметно, что благополучными по экономическому положению являются крупные семьи, которые покрывают свои потребности продуктами морского или пушного промысла. Да это и вполне понятно: большая семья, где есть мужские

руки в достаточном количестве, представляет из себя коллектив, в котором один — глава коллектива — старший с большим опытом, другой бьет медведей, третий бьет морского зверя, четвертый хороший наездник на собаках, а подростки ловят уток и работают на байдаре или вельботе в качестве гребцов.

Иногда, впрочем, очень редко, в лагере (один или два, не больше) попадают туземцы, имеющие по две жены. Выбирая для себя жену, если это взрослый туземец, или отец мальчика, на женщину, девушку или девочку смотрят только как на будущую мать и домашнюю скотину. Оценка невесты зависит от ее способности работать и наследственных качеств производить на свет массу ребятишек.

Самый акт свадьбы... У оленеводов эта комбинация происходит следующим образом: жених со всеми гостями привозит молодую жену к себе в ярангу. Здесь при помощи трения деревянного гольщика на животе деревянного бога извлекается священный очаг, около которого бьют жирного оленя. Кровью оленя мажут лицо невесты, и наступает празднество, которое длится в зависимости от богатства туземца. После окончания торжества туземец-жених дарит семье невесты оленей, одного или больше, и выпроваживает их, обещаясь им помогать в случае беды. Точно также происходит свадьба и у оседлых. Разница в угощении и его качестве.

Расторжение браков среди туземцев очень редкое явление. А если и встречается, то виноватых в этом деле не найдешь. Вся же тяжесть от этого ложится на женщину, муж которой отказывается кормить ее и маленьких детей. В данном случае жена переходит на иждивение родственников или кормится от подношений всего лагеря. Случаев же отказа в помощи вдовам с детьми я не наблюдал. Коллектив о них заботится, снабжая мясом и жиром. Как не низко умственное развитие туземца, он ясно сознает, что туземцы вымирают (может быть, даже инстинктивно), и благодаря этому он переносит всю любовь на молодое поколение.

Любовь чукчей к детям огромна. У них нам надо научиться любить детей. Я никогда не видел, чтобы мать или отец, или даже чужой человек ударил туземца-ребенка. Посмотрите, с каким терпением туземец-охотник в свободное от охоты время нянчится с ребенком. Целыми часами, если позволяет погода, отец таскает его на своих плечах. Редко можно видеть ребенка-туземца плачущим от обиды его старшими. Все дети дошкольного или школьного возраста играют, шумят, но очень и очень редко дело кончается дракой, как это наблюдается у нас, где действуют на принципе: «дать по сопатке», «накепать», «вышибить красную соплю» и тому подобных терминов, содержащих в себе остаток темного прошлого воспитания путем колотушек и мордобития. Здесь этого не встретите. Здесь дети с малолетства привыкают видеть себя будущими товарищами по охоте...

КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ. ПРАЗДНЕСТВА

Поскольку морской зверь является базой существования оседлых туземцев, базой, откуда в течение столетий черпало силу туземное хозяйство, постольку в умах туземцев складывалось веками мнение о их полной зависимости от удачной или неудачной охоты, которая, в свою очередь, зависит от участия в этом деле злых духов, повелевающих всеми морскими животными или через людей, или непосредственно. Вековая борьба оседлых туземцев с морем, холодом, морскими животными отражается целиком в их религиозном культе животных и обычаях.

Надо сказать, что благодаря бедности природных явлений, необъяснимых для туземцев, наш северный туземец не имеет какой-либо стройной религиозной системы. Представление о богах у него очень примитивное. Зависимость его от морского промысла, от удачной охоты заставляет его верить в сверхъестественные силы, которые он делит на две категории — добрых и злых. Злой дух — это черт, мешающий ему в удачной охоте. Добрый дух — помогающий ему в тяжелые минуты справиться с тем или иным бедствием.

Захворал туземец — виноват злой дух, моржа не убил, тут уж, конечно, без злого духа не обошлось, собаки подошли — опять виноват злой дух. Если же все проходит благополучно, все здоровы и охота удачная — тут причина вся в добром духе, туземец гордится и говорит, что его боится злой дух.

Кроме того, туземец думает и уверен в этом, что злых и добрых духов могут напускать ему подобные существа — люди, его враги или друзья. Отсюда та уверенность, что ни одно несчастье не обошлось без участия его личного врага, такого же туземца, только умеющего напускать злого духа. Отсюда развитие шаманизма, боязнь всего нового, необъяснимого и т. д.

Религиозный культ животных моря и обычаи, связанные с морским промыслом, состоят, по моим личным наблюдениям, в следующем: во-первых, разные звери пользуются разным уважением у туземцев. Примерно так: охотник убивает нерпу, тащит ее домой целиком. Но, притащив труп животного, туземец ни за что не внесет его в ярангу и не будет разделять его до тех пор, пока не совершит над ним простого обряда гостеприимства. Или сам охотник, или член его семьи берет в кружку воды из полога и льет животному в рот, угощая его питьем и этим приглашая животного у них гостить и заглядывать почаще, так как туземцы очень добрые люди. Обряд простой, но без него туземцы не дотрагиваются и не разрешают белым людям трогать животного.

Большим уважением, нежели нерпа, пользуется морж — кормилец туземцев. Прибуксировав тушу моржа к берегу, охотник, убивший животное, берет голову, отрубленную от туловища, и ставит ее на клыки глазами к лагрю. Дотрагиваться до головы посторонним нельзя. Затем охотник идет в яран-

гу, приносит оттуда угощения для моржа и присутствующих, состоящего из топленого оленьего мяса и воды. Напоивши моржа (то есть, наливши ему в рот немного пресной воды), охотник перед пастью животного кладет несколько ломтиков сала, остальное раздает присутствующим туземцам. После этого обряда голову кладут в мешок и уносят по принадлежности.

Есть и другие обряды, связанные с культом моржа. В селении Уэлен было когда-то лежище моржей. Теперь его нет. И вот туземцы, веря в силу жертвоприношения, ежегодно осенью от первого убитого моржа берут череп с клыками и торжественно несут на скалистый берег и кладут на могилу. Таких моржовых голов, отданных в жертву морю и моржу, лежит в настоящий момент около тридцати штук. Многие уже сгнили, но некоторые сохранились. Могилу эту может видеть всякий, стоит лишь подняться на скалистый берег над Уэленом.

Самым же крупным по своей сложности обрядов и продолжительности надо считать праздник кита. Собственно, праздника кита, как периодического празднования, нет. Это празднество совершается только тогда, когда убьют кита. Участвуют в празднестве в обязательном порядке вся семья охотника, убившего кита, все родственники и семьи тех членов артели, чья байдара или вельбот упромыслили животного. Остальные присутствуют в качестве гостей. Продолжительность праздника объясняется очень просто. Убив кита на 1 500—2 000 пудов, туземцы обеспечивают себя мясом на долгое время, а раз это так, значит можно праздновать, веселиться и ничего не делать. Обряды во время этого празднества довольно сложны.

Вкратце сказать, весь праздник проходит следующим порядком. Праздник разделяется на две части: 1) подготовительную и 2) само празднование. В подготовительную часть входят все обряды с момента окончания охоты до начала праздников. Все происходит в следующем порядке. Убивши кита, к нему подходят все вельботы и байдары, участвовавшие в охоте. С каждого судна слезают по несколько человек на труп животного и берут себе в вельбот по несколько кусков мяса, затем его все сообща буксируют к берегу, имея впереди вельбот того охотника, который убил кита. Охотник, убивший кита, называется хозяином и в продолжении всего обратного пути выкрикивает: «Эк, эк, эк», а остальные подхватывают крик, где возможно.

Охотники под крики «Эк, эк, эк» вылезают на берег. Здесь происходит следующая картина. На руки охотника, убившего кита, надевают большие рукавицы из нерпичьих шкурок без шерсти, надевают ему головной убор в виде короны с султаном, торчащим прямо вверх, и мажут ему лицо краской красного цвета. Вся семья охотника выходит навстречу в праздничных одеждах и с размазанными лицами в честь счастливой охоты. После этого приносят из яранги оленьего сала или моржового и бросают в море, как бы давая жертву доброму духу. Затем угощаются остатками сала сами, все время

поздравляя убитого кита со счастливым и благополучным прибытием. После всего этого приступают к дележке мяса и усов, откладывая священные куски-ласты и глаза в сторону. Дележкой руководит старейший член семьи охотника, убившего кита. Охотник, убивший кита, получает большую, нежели все, часть мяса и уса.

После дележки мяса туземцы празднуют пять дней, не работая и не стуча, боясь спугнуть доброго духа, который сопутствовал им на охоте. Через пять дней начинаются приготовления к празднеству, которое начинается в первый день новолуния. В этот период девушки и женщины, преимущественно молодые, репетируют и готовятся к танцам, разучивают песни и т. д. Туземцы-взрослые, старики и старухи, варят священные части кита и готовят вообще кушанья, заготавливают чай, табак, сахар, хлеб и т. п. деликатесы к предстоящему торжеству. К слову сказать, охотник, убивший кита, пользуется всеобщим поклонением, в честь него складывается песня, и девушки разучивают ее, чтобы на празднике пропеть.

За три-четыре дня до новолуния артель и гости идут приглашать луну к себе на торжество. Обряд этот состоит в поднятии байдар на воздух под крики охотников и гостей. Байдара, с которой убили кита, стоит отдельно с поднятыми веслами, как бы приглашая луну участвовать в пиршестве. Яранга, где должно происходить празднество, украшается веслами, копьями и другими предметами охоты. Все эти предметы смазываются китовым жиром (в виде жертвоприношения).

Как только увидят молодую луну, все члены артели и их семейства от мала до велика намазывают себе на щеках краской присвоенный им знак для отличия от других охотников.

Праздник кита длится целый месяц, нередко пять-шесть недель. Продолжительность праздника, опять-таки, зависит от экономического благосостояния охотника и величины убитого кита.

Сущность второй части празднества сводится к следующему. С раннего утра все охотники и часть гостей (старики, старухи и другие родственники) собираются в яранге в пологе слушать песни и смотреть танцы местных певиц и балерин.

Для руководства всем торжеством выбирается президиум в количестве трех членов, все из стариков, почетных туземцев, знающих хорошо обычаи старины и свято хранящих ее заветы. Из трех членов выбирается председатель, на голове которого красуется убор, что-то вроде убора североамериканских индейцев, только не из перьев, а из узеньких ремешков с шерстью из шкурки нерпичьего выпоротка и молодого щенка, спереди этого убора прямо торчит султан. Слово этого председателя [обязательное] как для слушателей, так и для играющих.

Музыка состоит из трех барабанов, на которых выбивают дробь тонкими китовыми пластинками три молодых музыканта с такими же головными уборами, как у председателя. Герой дня, охотник, находится среди трех музыкантов, играя и завывая больше всех.

Набившись в полог как сельди в бочке (на две-три квадратных сажени сорок — пятьдесят человек), совершенно голые, туземцы начинают слушать песни и смотреть танцы. Песни и танцы идут совместно. Чисто вроде дикого оригинального балета. Двенадцать человек девушек и молодых женщин, совершенно голых, с украшениями из бус на руках, ногах и шее, сидят друг другу в затылок в одну линию на высокой скамейке и самими дикими голосами форменным образом орут: «Аяяя — на-наа-ннаа-аянна...», выделявая параллельно с криком различные телодвижения — руками, головой, грудью и корпусом, олицетворяя этим те действия, которые хотят представить. Изображают охоту на кита, медведя, нерпу, как ходят девушки за травой и ягодами и т. д. и т. п. Одним словом, все изображается различными картинками из охотничьего быта.

Слушатели под гром барабанов сперва в такт покачивают головой, но по мере того как музыканты входят в экстаз, начинают подтягивать такие движения, и так все орут, что со стороны кажутся постороннему зрителю бесноватыми.

О том, что туземцы подвергаемы быстрой экзальтации, свидетельствует следующее: один, два резких выкрика председателя торжества вызывают общие выкрики, которые переходят в сплошной рев. Непривычному человеку в таком помещении при оглушительном грохоте барабанов, реве «балерин» и «публики» при атмосфере в 25° Реомюра, насыщенной кислым запахом шкур, мочи и человеческого тела, грозит, по меньшей мере, или остаться глухим, или валяться дня три-четыре с головной болью. За мои четыре посещения этого знаменитого торжества, я только в третий и четвертый раз рискнул залезть в полог и через три-четыре минуты, снявши с себя все что было, — раскаялся в этом.

За исключением этих отрицательных сторон, в праздничных танцах и песнях, есть своеобразная красота. В особенности красивы и жутки моменты, когда вся эта толпа сидящих туземцев в экстазе под грохот барабанов конвульсивно выделяет движения. Глаза горят даже у стариков, мускулы шеи, рук, груди и спины сами по себе сокращаются в судорогах, и все это при оглушительном завывании и выкриках. Бррр! Страшно и занятно. Стоит посмотреть.

В такой атмосфере и, слушая одно и то же с небольшими промежутками и одним обеденным перерывом, продолжается праздник целый день. В перерыве «балерин» угощают в другой яранге, мужчины и охотники и почтенные старухи угощаются в этой, где происходит торжество. Угощение

состоит из китового мяса, жира, китовых ластов, каши из толченого китового уса, чаю, табаку и т. д.

В перерывах старики рассказывают сказки или предания из прежней жизни туземцев. Таким порядком без изменений программы день ото дня празднество длится целый месяц. Все «певицы» и «балерины» охрипнут до невозможности. Все ходят злыми, невыспавшимися, но чувство религиозности, боязни черта и будущих неудач на охоте заставляет туземцев сидеть и продолжать празднество.

В последний день празднества программа дополняется. Ко всем остальным номерам прибавляются номера религиозных обычаев. С раннего утра, если утром можно назвать белесовато-туманный свет, ярангу внутри украшают предметами китовой охоты, а внутри полога под потолком на веревочках, движущихся на блоках, привязывают модели байдар, весел, гарпунов, уток и кита. Под звуки трех барабанов распорядитель торжества с оригинальным головным убором, вооруженный веслом и копьем, начинает танец кита, состоящий в подпрыгивании, притапывании и жестикуляции веслом и копьем, изображая победу над китом. Во время танца деревянные модели двигаются, а слушатели подражают крику утки и стонам умирающего кита.

До выступления председателя торжества с танцем берется круг лахтачьево ремня, и над ним произносятся заклинания, чтобы добрый дух дал крепость этому ремню в будущей охоте. После этой церемонии присутствующие надевают на себя камлейки из нерпичьих кишок, как бы вновь готовясь идти на охоту.

После танца кита председатель заменяет сам охотника, исполняющего этот танец, но с удвоенной энергией и отчаянной жестикуляцией. На этом танцы заканчиваются, и все присутствующие гости и прямые участники выходят в переднюю часть яранги для совершения последнего обряда.

Здесь уже приготовлен деревянный кол, вбитый прямо в землю, на котором висят амулеты женщины-хозяйки: бусы и кинжал хозяина. Вокруг этого священного кола семья охотника обходит три раза, становясь в затылок по старшинству лет. Затем охотник берет копье, произносит ряд заклинаний, танцует перед входом в ярангу. Танец заканчивается ударом в невидимого врага. Этот обряд направлен в защиту своего дома от злых духов и вообще врагов. Это последний номер празднества.

Засим присутствующие гости прощаются священной пищей, приготовленной из китового мяса и каких-то трав, которая лежит в деревянных чашках, расставленных на полу с утра. Утром на другой день остатки от священной трапезы сжигаются на огне, добытом от трения. Остатки мяса китов еще раз делятся, и праздник заканчивается.

Вот в кратких чертах порядок празднования крупнейшего праздника оседлых туземцев, как я его наблюдал лично сам в 1925 году. К слову сказать,

туземцы не позволяют и ревниво оберегают свои обычаи и действия от фотографирования, чем затрудняется работа, так как не остается наглядных картин, характерных моментов. Нарушать же обычаи туземцев нет смысла, так как после этого не добьешься от них вообще ничего, даже разговора на тему, интересующую вас.

О том, как туземцы ревниво оберегают свои обряды от вторжения чуждых им людей, свидетельствуют факты, когда ни одному белому не разрешается притрагиваться к кускам мяса священных частей кита: ластов, хвоста и т. д. В 1925 году произошел серьезный случай, когда мой пес чуть не поплатился жизнью за святотатство.

Ночью, во время свежевания туши кита, я толкался между чукчами, расспрашивая, что к чему. Около наивкуснейших и святых частей собрались все старики и старухи, оберегая их от вторжения тут же спящих собак. Ни я, ни туземцы не заметили, как мой пес подкрался между двумя стариками и, схватив ломтик мяса фунтов на десять, поволок его по снегу, думая полакомиться. Что тут было! Крик, рев, проклятия. Пес, почуя недоброе, бросил мясо и пустился наутек, преследуемый туземцами. Кончилось же все благополучно, мясо водрузили обратно, а пес получил хорошую встряску...

Есть еще масса обычаев и поверьев, как, например: нельзя ошипанную утку вытаскивать из яранги, нельзя продавать живую утку и т. д. и т. п., но все они прикладные и второстепенные. Эти обряды туземец иногда нарушает тайком от стариков. Описанные же выше обряды культа животных поддерживаются всеми туземцами.

У кочевников культ животных сводится к следующему: оленевод, живя исключительно на разведении оленей, от количества которых зависит его благосостояние, выработал свои обряды и праздники, отвечающие духу скотовода. Крупным праздником у оленевода надо считать праздник тельбы оленей, который начинается после окончания тельбы, весной. Праздник этот называется «Килвей». Сущность праздника сводится к следующему: к одному из крупных кочевников съезжаются другие оленеводы, иногда за 300—400 верст. Для угощения вытаскивают жирное мясо оленей, заготовленное с осени, это мясо варят на огне, добытом от трения на животе деревянного бога. Вареным мясом угощают деревянных богов, благодаря их за хороший приплод оленей. Затем чукчи-олeneuveды угощаются сами, поедая несметное количество мяса, если есть водка, то напиваются в дрезину. На другой день устраивают спортивные состязания: бега на оленях, бег женщин и детей на призы, которые ставит хозяин, устраивающий празднество.

Различные поверья кочевников связаны непосредственно с их основным занятием — оленеводством. Оленеводы никогда не продают живых оленей

для вывоза, так как у них есть поверье, что после того как они продали американцам живых оленей, и те их увезли, у них, то есть оленеводов, остальные погибли. На туземцев, якобы, прогневался злой дух за то, что они продали белым оленей. Обряды похорон, свадьбы и т. д. все точно также связаны с их промыслом — оленеводством. Таким образом, мы видим, что все праздники, обычаи и поверья туземцев отображаются в культуре животных, появляясь как следствие их основного хозяйственного воздействия на природу, то есть морской промысел или оленеводство.

НРАВЫ И ОБЫЧАИ ТУЗЕМЦЕВ

Как чукчи, так и эскимосы по своему характеру народ миролюбивый. С ними надо только договориться, если разъяснить данный спорный вопрос детально. Внутрисемейный быт и быт всего коллектива поражает в первую очередь постороннего наблюдателя отсутствием скандалов, драк и тому подобных проявлений, которые часто встречаются в нашем культурном обществе. Правда, разногласия среди туземцев есть, есть между ними и ссоры, но каждый туземец старается не подавать вида до поры, до времени, призывая всех злых духов на голову того, кто его обидел.

В прошлом, когда туземцы подвергались спаиванию спиртом, у них происходили частые драки на почве опьянения, доходившие до поножовщины. Теперь этого не наблюдается. По крайней мере, за год моего пребывания среди них, я не видел и не слышал где-либо драк или просто скандалов, какие у нас можно видеть каждодневно в любой деревушке. Все покоится на безусловном подчинении голосу стариков, которые представляют ядро бывших спортсменов и хороших охотников, кроме того обладающих, по мнению других туземцев, возможностью общаться с духами. В каждом необъяснимом явлении туземец видит участие духов, а в человеке, показывающем эти явления, обладающим какой-нибудь способностью, например, в судорогах валиться на землю, мотать длинные ремни, колоть ножом грудь — видит великого шамана.

Ни чукчей, ни эскимосов нельзя назвать трусами, стоит только посмотреть, как туземцы по тонкому льду при помощи двух палок, совершенно не умея плавать, уходят за пять-шесть миль от берега на охоту, и сразу убедисься, что они не трусы. Лазить за чайчьи яйца на отвесные скалы, ходить на утлой байдаре за тридцать миль в открытое море — для них обычное дело. В то же самое время они, как дети, боятся темноты, боятся грома, сильной пурги ночью и т. д. В этих широтах гром вообще редкое явление, и, по рассказам туземцев, они думают, что на них злой дух сердится, раз он гремит на небе. Во время грома все туземцы спешат спрятаться в ярангу,

думая спастись от злого духа, а шаманы гремят в барабаны и, завывая, произносят заклинания.

Понятие о собственности у них есть. Это мое, это твое, но в то же время каждый туземец имеет право на кусок мяса и ночлег в яранге, если у него нет такового. Воровства между туземцами нет. Все имущество туземца находится не под замком, а на виду у всех. Хотя встречаются туземцы, которые не прочь украсть у белых что-нибудь, но это редкость, и таких членов лагеря туземцы не уважают и стараются от них избавиться.

Нравственность у них своеобразная и резко отличается от нравственности того смысла, как ее понимают в большинстве у нас. Здесь женщина хотя и раба мужчины, но преследовать ее за то, что она отдалась другому, не будут. Наоборот, если муж не способен к оплодотворению, он пускает жену к другому. В особенности туземцы склонны и смотрят сквозь пальцы на половое общение девушек и даже замужних женщин с белыми. Объясняют это они тем, что все белые люди живут хорошо и богато, то есть они счастливы, а поэтому и дети их должны быть счастливы.

Туземка-девушка, если она не имеет детей, может сколько угодно отдаваться, и кому угодно. На этот счет запрета нет. В наших условиях такую девушку прозвали потаскухой, а в деревнях вымазали бы ворота дегтем, да завязали юбку на голове и посадили бы на крапиву. В этом отношении туземцы стоят выше нас на целую голову. Ревность, этот продукт капиталистического общества, еще не пустила глубокие корни в среду туземцев.

Наряду с этим свобода, с какой мужчина, в особенности белый, овладевает женщиной-туземкой, имеет и свою дурную сторону. Женщина-туземка, обладая и отвечая вкусам европейцев, в конце-концов становится на путь домашней проститутки, стараясь за удовольствие, доставленное ее телом, получить хлеба, чаю, сахару для угощения своей семьи. Кроме того, живя полигамически, женщина-туземка заражается венерическими болезнями, которые в местных условиях представляют бич для населения.

Между туземками вообще существует мнение, что мужчина в половом отношении должен быть спортсменом, сильным самцом. Чем сильнее мужчина в половом отношении, тем шире его слава, как сильного человека, и наоборот, над слабыми смеются, называя их стариками. Если вы хотите оскорбить чукчу или эскимоса, то скажите ему, что он слаб в половом отношении. К европейцам они подходят точно так же. Из рассказов одного учителя, работающего среди туземцев, и сейчас видно, что парень находится в затруднительном положении. С одной стороны, он выдерживает марку советского учителя, с другой — ему приходится от стариков слышать намеки: «Что же ты, живешь у нас, молодой, холостой, вокруг тебя столько девушек, а ты тово... Все ли у тебя в порядке? Хочешь, любую отдадим, живи, построим ярангу...» и т. д. и т. п. в этом духе. Парень терпит. Но вытерпит ли? Едва ли.

Старый древний обычай кровавой мести в настоящий момент изжил себя совершенно. По крайней мере, старые туземцы рассказывают о нем в сказках и рассказах, случаев же такого сорта за последние десятилетия не зарегистрировано. Как пережиток старого, остался кровавый обычай, так называемый «последний удар». Обычай сводится этот к следующему. Больной, неизлечимо прикованный к постели или очень старый туземец, будь это женщина или мужчина, все равно, видя, что он становится в тягость родственникам, просит усиленно отправить его на тот свет. Попросту говоря, убить его. По обыкновению с такой просьбой обращаются к сыну, если он есть, если нет, к ближайшему родственнику. В просьбе больному никто не имеет права отказать, так как существует поверье: невыполнение просьбы ведет за собой смерть кого-либо из этой яранги за непослушание.

Операция эта происходит следующим образом. Вечером в полог, где лежит больной, собираются все родственники. Сын завязывает глаза жертвы тряпкой и на шею одевает петлю из тонкого крепкого ремня, за концы которого берутся родственники и тянут в две противоположные стороны. Задушив таким образом больного, труп одевают в хорошую кухлянку, запрягают в нарту пару оленей, если это происходит у кочевников (у оседлых везут на собаках или нарту тащат люди), кладут на нарту труп и отвозят на тундру, где оставляют тело на растерзание воронам, а оленей убивают здесь, нарту же, сломав на части, оставляют около трупа. Олени эти у кочевников считаются святыми, так как на них, якобы, уехал умерший, нарта же считается гробом. Этот обычай «последнего удара» остался и до сих пор. В зиму 1925—26 года были два случая во время эпидемии неизвестной болезни в районе м. Чаплина. Борьба с этим кошмарным обычаем очень затруднительна. Садить виновных в тюрьму за это нет смысла, не достигает цели. Здесь необходимо вмешательство советской медицины.

Похороны вообще проходят у туземцев следующим порядком: в ярангу, где умер туземец, сходятся все родственники и знакомые, рассаживаясь вокруг него. Семейный или приглашенный шаман обвязывает голову узким ремешком, в который продевают палку. Эту палку держит шаман, и начинается обряд «спросы мертвого». Обряд этот сводится к следующему: каждый присутствующий спрашивает мертвеца, кто его убил, и начинает перечислять его знакомых и родственников, просит его не трогать его детей и его самого и т. д. Шаман незаметным движением нажимает на палку, голова поднимается — это знак согласия. Если голова лежит спокойно — знак отрицания. Этим образом часто пользуются шаманы и оговаривают невинных туземцев, якобы уморивших мертвеца.

По окончании этого обряда мертвеца кладут на нарту и везут на тундру в сопровождении родственников. На тундре труп раздевают догола и оставляют на поверхности. Около мертвеца кладут чай, табак, мясо, чашки, нож,

иногда даже ружье и т. д., чтобы мертвец ни в чем не нуждался в длинной дороге до другой жизни между духами. Наргу, на которой привезли тело мертвеца, ломают и бросают тут же. Одежду рвут на кусочки и бросают по ветру. Этим похороны заканчиваются. Над ним, то есть мертвецом, в виде памятника кладут медвежий череп, оленьи рога и т. д. Ярангу, в которой умер туземец, шаман очищает заклинаниями от духа умершего и просит его, чтобы он не возвращался за другими родственниками.

Через пять или шесть дней родственники умершего идут на могилу и смотрят, клюют ли вороны труп, или нет. Если клюют, то хорошо. Если нет, то плохо, значит, мертвец еще придет за кем-нибудь из родственников или ожидает себе товарища для совместного путешествия. Таковы похороны у туземцев. Никаких поминок нет. Над умершим справляют тризну только вороны да собаки. Были случаи, когда собаки затаскивали руку с мясом и голову мертвеца в лагерь. Сколько крику было! Но ни один туземец не дотронулся до мертвых частей тела из боязни злого духа. Так эти кости и глодали собаки, пока не очистили окончательно. Таковы в сжатых чертах нравы и некоторые обряды у туземцев Чукотского полуострова.

Я не имею цели дать подробное научное обоснование того или иного обряда, я это представляю специалистам-ученым, моя же задача была описать то, что я видел и слышал от самих туземцев. Думается мне, что всех вышеприведенных примеров достаточно для характеристики туземца Чукотки. Для вящей убедительности я приведу несколько рассказов и преданий, которые дополнят нам портрет туземца.

До сих пор у туземцев сохранился свой взгляд на мир. У них сложилось под влиянием охотничьего быта свое мировоззрение. По мнению туземцев, весь мир населен духами, которые бывают злые и добрые. Эти духи живут в темноте, отсюда понятна боязнь туземцев ночной темноты. Человеку, то есть туземцу, всю жизнь приходится бороться с злыми проявлениями духов. Духи, по мнению туземцев, могут воплощаться в человека и разговаривать с другими на непонятном языке, отсюда следствие: шаманы, работая в темноте, судорожно извиваются, бормочут непонятные слова и несут всякую чушь. Главным орудием шамана является барабан, на котором он выбивает всевозможные трели и дробь. Есть виртуозы, славящиеся игрой на барабане от Уэлена до Чауна.

По обыкновению, шаманство начинается следующим образом: когда дуют сильные ветра зимой, и охота не производится, а запас мяса на исходе, туземец, если он не имеет семейного шамана, зовет постороннего, который должен умолить духов, чтобы они не посылали голод на его ярангу. Вооружившись барабаном, шаман отдает приказания, чтобы тушили огонь в ээках. В темноте начинается сперва редкая, потом мелкая непрерывная дробь на барабане, затем темп игры замедляется, и шаман начинает петь песню, в ко-

торую вкладывает все, что он чувствует, как он жил раньше, или какой он видел сон. Слушатели, сидя в темноте, подбадривают шамана беспрестанно выкриками: «Гэк, гэк!» Этой песнью шаман, якобы, вызывает духа. Вдруг резкий удар по барабану и за ним мелкая дробь. Дух пришел. Шаман начинает песню из другой оперы. Он жалуется духу на голод, на сильный ветер, который не дает ему охотиться и т. д.

В это время дух, якобы, влезает в шамана, шаман начинает корчиться в судорогах, несет околесицу, показывая этим, как трудно перенести сожительство духа. Потом все успокаивается, и шаман объясняет, что все будет благополучно, ветер стихнет, и голоду в этой яранге не будет. Зажигается огонь, и все присутствующие принимаются за чаепитие.

Духи, по мнению туземцев, ведут такой же образ жизни, ходят на охоту, имеют яранги и жен, только живут в скрытом месте. Это место удастся видеть только великим шаманам. Иногда шаманы бывают сильнее духов, даже помогают им в беде. На этот счет существует следующее предание...

«Всего три года тому назад умер в Наукане здешний великий шаман, который оказал в свое время медицинскую помощь духам и за что был щедро вознагражден, убивая почти ежедневно лахтаков, в то время как другие сидели по два дня на льду и не убивали даже нерпы. Однажды, отдыхая от дневной работы, шаман во сне увидел духа, который звал его к себе в ярангу, дав при этом свой адрес, вылечить жену от раны, открывшейся на ноге.

Утром шаман отправился в путь и добрал к вечеру к яранге, которая ничем не отличалась от обыкновенной яранги, и залез в полог. Там он увидел человекоподобные существа, которые и являлись жителями этой яранги. В углу действительно изнывала от боли женщина, к которой и приблизился шаман. Оказывается, недавно эта женщина вытаскивала из воды мясо кита и ходила босая по воде. К ноге ее прилипла “китовая вошь”, которая впивалась в ногу и которую никак не могли увидеть духи, поскольку в этом деле они профаны. Шаман, увидев эту “китовую вошь”, все же для блезира взял барабан (у духов тоже есть барабаны) и сыграл на нем молебствие, после чего, на мгновение закрыв рану барабаном, выдернул “китовую вошь” и избавил таким образом жену духа от мучительных страданий. Обрадовавшиеся духи возместили должное по заслугам».

В другом рассказе духи рисуются жестокими и кровожадными. «В местности теперешнего Инчауна во время, столь отдаленное, существовало селение, яранги которого строились из камня, внутри выкладывались досками. К стенкам яранги приделывались полки, на которых ночью спали, а днем складывали одежду. В один прекрасный день хозяйка одной яранги разрешилась от бремени и приподнесла своему мужу мальчика-ребенка, который ничем не отличался от других новорожденных мальчуганов. Укладываясь спать на ночь, мать новорожденного сунула ему в рот грудь и, задремав,

сама уснула. Остальные члены семьи вместе с отцом ребенка и гостями разместились на полу и уснули, только старушка, расположившаяся на полке, никак не могла заснуть и, поворачиваясь с боку на бок, взглядывала вниз и завидовала спящим. Вдруг младенец стал озираться по сторонам и с видом взрослого человека осматривать окружающую обстановку.

Убедившись, что все мирно почивают, приподнялся, открыл рот и крикнул по направлению к выходу: “Па-а-а-а!” И затем принялся за прежнее свое занятие — сосать грудь. Освидетельствовав, что вокруг спокойно, мальчик проделал вторично, что и в первый раз и затем, приложив ухо к полу, услышал очень отдаленный, ему одному понятный, ответ, и затем опять стал сосать грудь. В третий раз было проделано то же, что и прежде, только ответ послышался ближе и отчетливее. Теперь ребенок не стал сосать грудь, а принялся ее жевать, и, проглотив последний кусок груди, опять прокричал: “Па-а-а-а!”

Последовавший еще ближе ответ придал энергии мальчугану покончить и со второй грудью, и, конечно, он был весь в крови. Заметив с самого начала происходившее, старуха силилась кричать и разбудить спящих, но язык, как и все тело, оказались повиноваться ее желаниям, и она беспомощно оставалась лежать, вынужденная только созерцать происходившее. Мать же не чувствовала совершенно никакой боли, продолжала беспробудно спать, не проявляя признаков жизни. Мальчуган беспощадно стал жевать все тело матери и одновременно проглатывать кусок за куском, увеличился в росте.

Покончив с матерью, он принялся таким же образом и за отца, и в это самое время в него вселился через задний проход дух, после чего новорожденный положительно принялся за обжорство, уничтожая всех присутствующих, которые спали непробудным сном.

Одному из спящих во сне удалось проснуться и бежать. За ним последовал превратившийся в великана новорожденный, у которого кости на руках и ногах стали очень длинными. Бежавший человек с перепугу взобрался на крышу и старался не дышать, но, будучи замечен человеком-духом, был схвачен и здесь же съеден. Затем человек-дух бросился в соседнюю ярангу и начал пожирать находившихся там людей, часть которых в темноте убежала к морю и спряталась за торосы, а некоторые убежали к горам. Те, которые бросились к горам, были все съедены. Жители соседних яранг, услышав происходившее, бросились наутек к морю и присоединились к ранее спрятавшимся за торосами людям. И таким образом избавились от верной смерти. Это дело происходило зимой, а [так как] у человека-духа не было совершенно никакой одежды, то он сильно замерз и, кое-как укрывшись в горах между Науканом и Уэленом, все же не спасся от холода и окончательно замерз».

Как видно из этих рассказов-преданий, у туземцев фабулы очень просты и незамысловаты. Туземец, подвергаясь вечной опасности, голодовкам, внезапной смерти на охоте, думает, что во всем этом виноваты сверхъестественные силы — духи, с которыми и ему приходится бороться. Ясно, что с таки-

ми злыми духами могут бороться только шаманы, и туземец в каждом шамане видит не простого смертного. О великих шаманах есть много рассказов, переданные из уст в уста и раздутые до невозможности. Быть может, шаманы были во все время гипнотизеры или просто ловкие жулики. Рассказывают, что один шаман глотал длинную веревку, а потом через рот ее вытягивал кто-нибудь посторонний. Другой нырнул в море и достал со дна утонувший винчестер. Третий резал себе мускулы на груди и тут же залечивал раны. Все эти действия, передаваемые из уст в уста, постепенно преувеличиваются и создают славу шаману. Шамана считают лицом святым, неприкосновенным, способным бороться с злым духом и защищать от них других туземцев.

Есть у туземцев сказки, которые ясно характеризуют мирозерцание туземцев. Например, сказка: «Очень и очень давно в местности около Чукотского Носа расположилось эскимосское селение. В числе жителей селения Нуныгма была семья, состоящая из мужа и молодой жены. Однажды муж отправился на байдаре на охоту, очень долго не возвращался, несмотря на наступающую ночь. Жена, дожидаясь возвращения мужа, часто выходила из яранги, но мужа все не было, наконец, она села на берегу, твердо решив дождаться возвращения мужа. В это время к берегу подплыл кит, из пасти которого свободно вышел молодой человек.

Молодой человек подошел к женщине и уговорил ее вкусить с ним все прелести земной жизни, не заботясь о муже. Сделав свое дело, юноша вошел в пасть кита и скрылся в морской пучине. По прошествии положенного срока молодая женщина принесла мужу вместо ребенка китенка, муж был огорчен, но делать нечего, стал воспитывать это необыкновенное дите.

Когда кит подрос, ему отвели небольшое озерко, где он резвился и спал. Потом кита перетащили в море. Кит жил у берега, куда приходила женщина и кормила его грудью. Наконец кит вырос большим и был помечен красным крестом на спине, после чего кит уплыл в море. На следующий год кит с крестом привел с собой множество других китов и, подойдя к берегу, увлек за собой своих товарищей. Люди воспользовались этим и набили очень много китов. Так продолжалось каждый год, и жители Нуныгма жили в довольстве. Но однажды кита с красным крестом убил чукча из другого селения, и охота на китов с тех пор становится все хуже и хуже. И теперь совершенно плохая охота на китов».

Вот вам объяснение причины падения китового промысла, как она мыслится туземцами. Отсюда культ кита и вообще — культ животных. Таковы основные моменты мировоззрения, обычаев и празднеств у туземцев Чукотского полуострова.

Иванов,

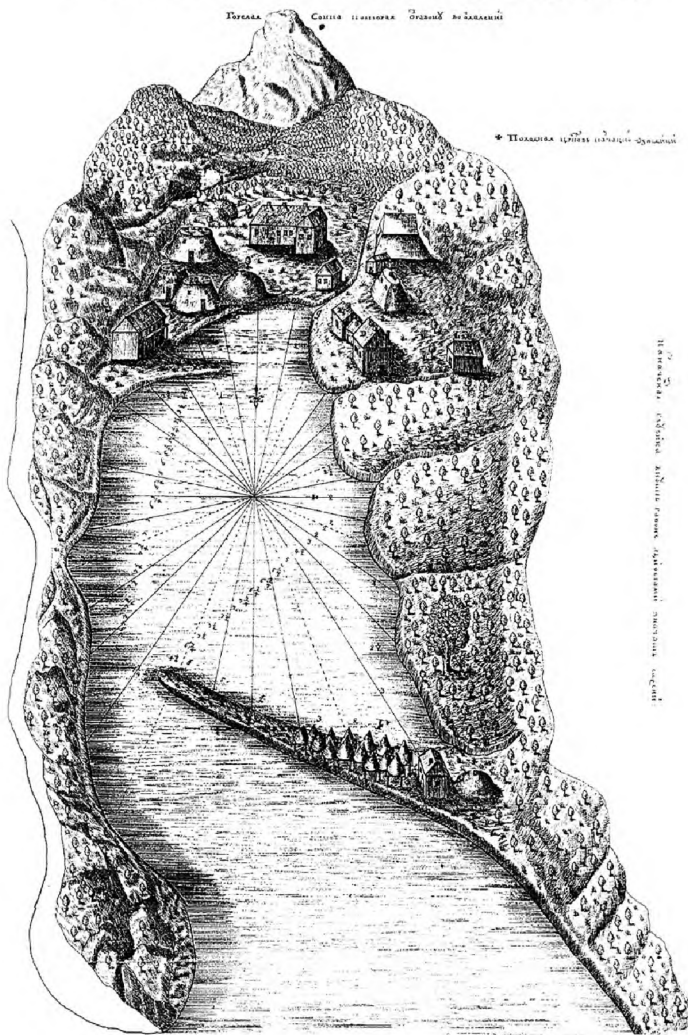
Петропавловск н/К, 22/Х—26 г.

Указъ Ея Императорицы Величества
 самодержицы Всероссийской, испрашивающа
 сенатъ полетий иностранныхъ делъ, прошлаго
 Апрѣля. 17. дня Высшею Ея Императорицы
 Величества, за подписаніемъ Ея Императорицы
 Величества соотнесенна руки вправающей
 сенатъ написанъ, Ея Императорицы
 Величества Указа по попыткамъ помянута
 Беринга спрашивать папы на чашину, попо-
 ланноймъ о него пунктомъ предложеніемъ
 вступеній тамъ сущимъ и прочимъ, что
 вступеніемъ полетъ умноженіемъ Ея Императ-
 рицы Величества интереса. и потому для
 надлежашаго сличеніемъ матеріаловъ
 ввиду что надлежитъ впродолженіи
 дѣлѣнне Учинить Сенатѣ, для при-
 дения тамошней наръ въ христіанствѣ
 священникоу и прочимъ что до дѣла
 принадлежитъ. Учинить надлежашаго
 дѣлѣнне, снесшимъ синодомъ. А сверхъ того
 потому что требованіи что возможно-
 вѣстѣ испрашивать, и оному Берингу впо-
 мощеніи чинить и прочимъ. Чвернаго
 парши. и прочимъ вице чвернаго
 дѣлѣнне Бохоцій Тригорья и прочимъ
 передалъ впродолженіи Митрополита
 онъ содѣланъ былъ, А помянутыя Берин-
 га пунктомъ и прочимъ предложеніи
 приняты Указомъ, и потому Ея Императорицы
 Величества Указу по означенному
 Беринга

Указ императрицы Анны Иоанновны из Правительствующего Сената в Коллегию иностранных дел об отправлении В. И. Беринга на Камчатку (АВІР, ф. Сибирские дела, оп. 130/І, 1732 г., д. 1, л. 1)

ГАВАНЬ С. АПОСТОЛ ПЕТРА И ПАВЛА

Гавань С. Апостол Петра и Павла

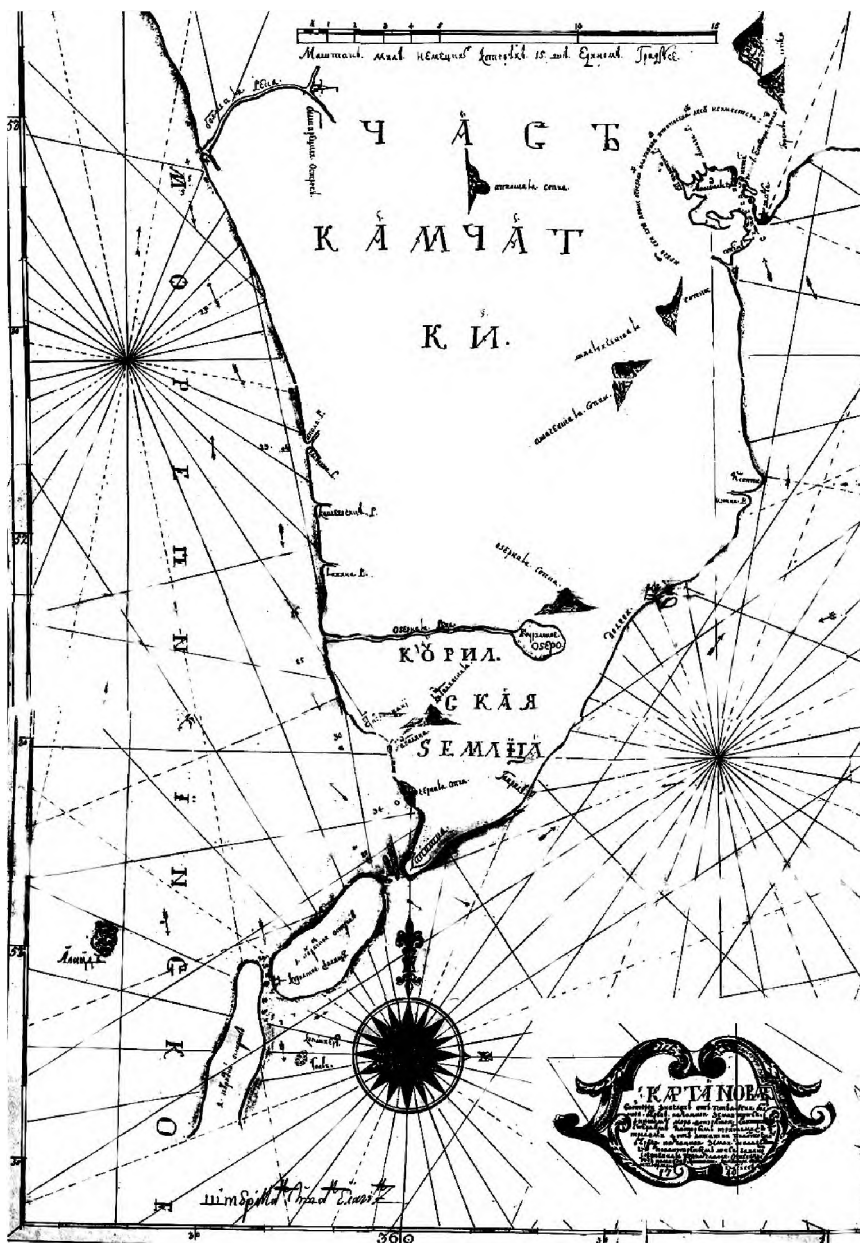

Маштабъ саженихъ и футовъ

- А Математикъ
- В Топографический мастеръ
- С Флаге капитанъ и командиръ бригады
- Д Корабельный мастеръ
- Е Корабль

Описание гавани для вѣдѣнія о ней и о ней
 принадлежащихъ къ ней мѣстахъ.
 Е Командующий бригадой
 С Корабельный мастеръ

План гавани Святых Апостол Петра и Павла, составленный И. Ф. Елагиним в 1740 г. (АВПР, ф. Сибирские дела, оп. 130/1, 1741 г., д. 1, л. 13)

Новая карта части Камчатки и Курильских островов И. Ф. Елагина
(АВПР, ф. Сибирские дела, оп. 130/1, 1741 г., д. 1, л. 14)

Петрово письмо капитана Беринга из Гавани
Святого Петра и Павла со 20. Августа 1741.
11 Граду Остерману. принсеннаго Комиссии
Царствъ Малцовымъ Ю: Теньера 1742.?

В моеи послѣдней чрезъ
Хуріера Друиерта соправ-
ленномъ писмѣ, я уже до-
носила, и при томъ нахо-
дящемуся в' Камчатнѣ
морскому заливу Аваге на-
рту послала, вторая соби-
нена была по отчету Тео-
дизиста Вистунова и По-
штурмана Родищева по-
сланныхъ для описи того
залива в' 1737.² году послѣ
порученія Балтана, по-
второй в' 1735.² году для та-
кой описи посланъ былъ,
но Капитанъ Шпанберга
в' томъ ему препятствовъ,
о семъ в' 1736.² году и Ам-

Перевод письма В. Й. Беринга из гавани Святых апостол Петра
и Павла графу Остерману о посылке штурмана И. Ф. Елагина
в Авачинскую губу для ее описания и строительства гавани
(АВПР, ф. Сибирские дела, оп. 130/1, 1741 г., д. 1, л. 4)

62⁰ рѣстпелнудъ адмиралтейнудъ коллегіи

66 АА⁰ = 290 =

Репортъ

Приобщеніи молебн на морѣ въ казпоянудъ
1742-года компаніи, прихрѣшени Таваня
сапакъ Апостолъ Петра Павла, португаль
каманудъ португальскешашедъ, которомуд
сообщивъ стхонъ оставшиися зрѣво сѣбѣ
перемь; атраханкитд. ипроттхн ка
дѣнхилъ бѣщавъ остоятпелной рѣсптл
вардиудъ моез; ибосоураакя каманудъ
иоттасного Карагла, ипроттхилъ зана
елд оменя назрѣщающа и истрѣдница.

Ирестпелнудъ адмиралтейнудъ коллегіи
покорный слѣдса: *Александръ Чириковъ*

*Делавъ прѣстѣ доднѣ Агостинъ Лавинарѣ
данаго 29 мая 1742 года по указу ономъ
и по указу ономъ 29 мая 1742 года
Маія 19. 5 нѣ*

в с. апосто
ла Павла

1742 2020

Форматъ № 303.

Рапорт А. И. Чирикова в Адмиралтейств-коллегию, май 1742 г.
(РГА ВМФ, ф. 210, оп. 1, д. 52, л. 22)

Альфред Георгиевич Демби (Демби),
один из пионеров рыбопромышленности на Камчатке

Нестор Толстихин, камчатский казак, служащий Петропавловского уездного управления

Константин Андреевич Ковальчук-Коваль, чиновник особых поручений при камчатском губернаторе с супругой, 1914 г.

Аполлон Петрович Журавский, чиновник особых поручений при камчатском губернаторе (погиб в 1921 г.)

Отъ Временнаго Приамурскаго Правительства къ красноармейцамъ и краснымъ партизанамъ

Къ вамъ, обманутые русские люди красноармейцы и красные партизаны обращаетъ русское национальное Приамурское Правительство свое слово.

Вы—русские люди, у васъ и у Приамурскаго Правительства одна Родина, одна заветная цѣль—величіе и слава РОССІИ, благоденствіе и мощь единаго свободнаго РУССКАГО НАРОДА.

Неужели прожитые годы не достаточно еще убѣдили Васъ КОМУ и ЧЕМУ вы служили и служите, къ чему привело господство тѣхъ, кому вы служите?

Неужели еще до сихъ поръ передъ вами неясенъ обманъ пришлыхъ и чужихъ Краю вожakovъ, которымъ довѣрились вы?

Неужели еще мало для васъ крови и слезъ русскаго населенія нашего Приамурья, мало той нищеты, голода и холода, которые угрожали неизбежно привести къ окончателной гибели здѣсь Русское дѣло и Русские Имя на радость НЕ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ и чужеземцевъ, если бы Богъ не помогъ намъ свергнуть постыдное антихристово ярмо, не русской, совѣтской власти.

Одумайтесь!.. Опомнитесь!..

Возвратитесь къ мирному труду, который ждетъ васъ въ вашихъ домахъ въ вашихъ семьяхъ.

Не войной, грабежомъ или разбоемъ создается, какъ личное, такъ и общественное благо, а мирнымъ упорнымъ трудомъ, охраною и уваженіемъ къ плодамъ такого труда—собственности.

Приамурское Правительство, въ тяжайшихъ условіяхъ, на послѣдней окраинѣ Русской Земли, приобретенной нашими предками, строить русское национальное дѣло по возстановленію и возрожденію Великой Свободной Россіи.

Оно призываетъ васъ обманутыхъ русскихъ людей, къ этой славной работѣ и говоритъ вамъ:—Оставьте преступную борьбу съ оружіемъ въ рукахъ противъ національнаго возрожденія Родины.

Идите на помощь русскому национальному дѣлу, идите служить русскому народу, дѣтны котораго вы являетесь.

Идите служить своимъ мирнымъ трудомъ столь необходимымъ сейчасъ въ общей государственной разрухѣ.

Помните и твердо вѣрьте, что для каждаго изъ васъ оставшаго вооруженную борьбу все прошлое забыто.

Вспомните ваши семьи, вашихъ дѣдовъ, отцовъ и матерей, вспомните славное прошлое вашей Родины, вспомните Бога!..

Оглянитесь кругомъ и посмотрите, кто ваши вожаки, съ кѣмъ вы участвуете въ тяжкихъ преступленіяхъ противъ Родины противъ мира, труд. русск. населенія.

Съ кѣмъ и противъ кого вы воюете?

Съ отребьемъ изъ китайцевъ, корейцевъ, малярь и противъ вашихъ братьевъ русскихъ рабочихъ и крестьянъ, въ рядахъ которыхъ нѣтъ ни одного чужеземца.

Правительство торжественно заявляетъ и общаетъ, что всякій изъ васъ, кто послушается настоящаго призыва Правительства и немедленно, прекративъ борьбу, подчинится русскому национальному Приамурскому Правительству, и возвратится къ мирному честному труду, не понесетъ никакой отвѣтственности за то, что ему было совершено до сихъ поръ по заблужденію.

Предсѣдатель Правительства С. МЕРКУЛОВЪ.

Обращение Временнаго Приамурскаго правительства

(ПДНИКО, ф. 1199, он. 1, д. 1883, л. 83а)

381-345-269

Отъ Временнаго Приамурскаго Правительства

къ населенію ≡ ≡ Охотско-Камчатскаго Края

Стихійнымъ Народнымъ порывомъ и отвагою русскихъ людей, хвѣвшихъ вѣрою въ Бога и горячею любовью къ пострадавшей въ смертельныхъ мукахъ родинѣ—Россіи,—освобождены вы, граждане, отъ насилия и гнета губителей всего русскаго и національнаго, отъ большевиковъ—коммунистовъ и ихъ приспѣшниковъ, слугъ сатанинской совѣтской власти Д. В. Г.

На нашихъ глазахъ совершается великое национальное дѣло...

Самъ русский народъ здѣсь, на Дальней окраинѣ нашей когда то еще такъ недавно, могучей и великой—единой Россіи, опомнился и позналъ весь обманъ и ложь, которыми опутали и обольстили его, не-русскіе, пришлые интернационалисты и приславшие къ нимъ уголовные преступники и отбросы,—забывшие Бога и совѣсть.

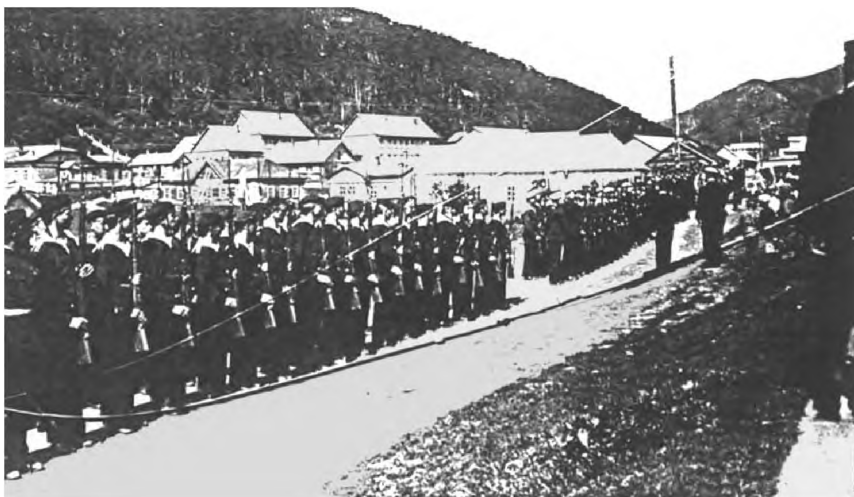
Понимъ и почувствовать это, русскіе люди объединились вокругъ русской национальной власти—Вр. Приамурскаго Правительства, что бы общими силами, общимъ соборнымъ разумомъ простыхъ, но вѣрующихъ и любящихъ Родину, русскихъ людей дѣлать ответственное великое национальное дѣло:—собирать разрушенную хранину бывшей Россіи, хотя бы здѣсь на Дальнемъ Востокѣ, твердо вѣруя и уповая, что начатое здѣсь великое русское дѣло разольется широкимъ потокомъ по лицу всей Земли Русской, твердо вѣруя, что Богъ смилуется и проститъ софизмившую передъ Нимъ безуміемъ, неистовствомъ смуты и несмысленнымъ Богоотступничествомъ и кощунствомъ вѣрную Ему еще такъ недавно Святую Русь.

прислано в

Фрагмент обращения Временнаго Приамурскаго правительства
к населенію Охотско-Камчатскаго края, 1921 г.

Сотня Северного экспедиционного отряда, занявшая Петропавловск в 1921 г. Впереди в центре Генерального штаба генерал-майор Н. А. Поляков

Экипаж канонерской лодки «Магнит» и морская десантная рота (командир лейтенант Сеньковский) в Петропавловске в 1922 г.

На канонерской лодке «Магнит» в Петропавловске в 1922 г.:
первый ряд (слева направо): старший офицер корабля лейтенант Ю. А. Степанов, Особоуполномоченный в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирич, командир корабля лейтенант Д. А. фон Дрейер, командир 1-й сотни Северного экспедиционного отряда подполковник В. В. Кузнецов; второй ряд: офицеры корабля

*Хрисанфъ Платоновичъ
Биричъ*

Особоуполномоч. Врем. Прим. Прав. по управл. Охотско-Камчатскимъ Краемъ.

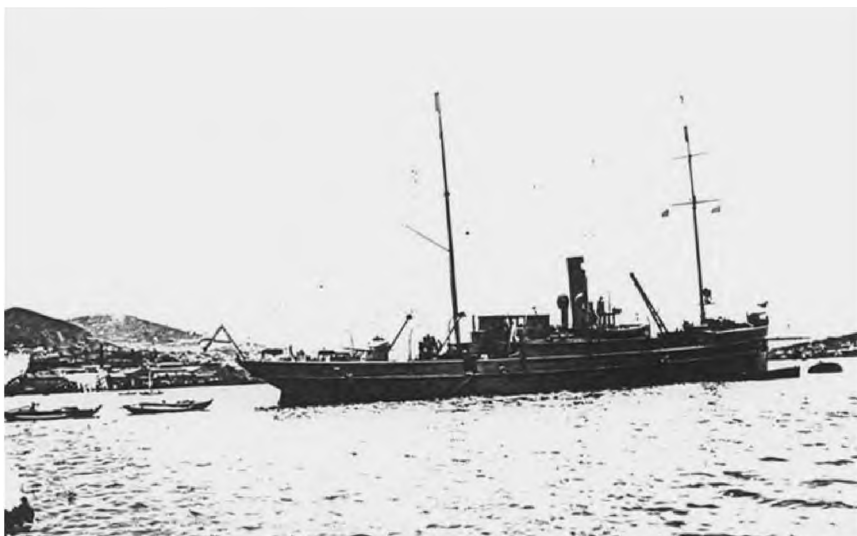
Визитная карточка Х. П. Бирича

Офицеры посыльного судна «Свирь» во главе с командиром лейтенантом В. Куровым в Петропавловске в 1922 г.

Посыльное судно «Свирь» в Петропавловском порту
(двухтрубное в центре)

Канонерская лодка Временного Приамурского правительства
«Магнит»

Пароход «Охотск», совершивший экспериментальный зимний рейс
на Камчатку в 1922 г.

Местная команда при Особоуполномоченном Временном Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бириче в Петропавловске в 1922 г. Крайний слева — начальник команды капитан Руднев

Стрелковые занятия на окраине Петропавловска. Смотр 1-й сотни Северного экспедиционного отряда

положение на Камчатке таково: Ревком с тов. Лариным во главе ведет борьбу с отрядом Бочкарева; партизанский отряд уже подходил к самому Петропавловску, но был отбит; в отряде Бочкарева - раскол; численностью всего в 120 человек этот отряд разделился на сторонников Уполномоченного Меркуловского Правительства на Камчатке Бирича и на сторонников самого Бочкарева и его руководителя в Приморье генерала Глебова; в первой группе 65 и во второй 55 чел. с последней команда парохода "Свирь"; пароход этот стоит в Петропавловске, вооружен 4-мя пушками; сжигает остатки угля и к весне, если уголь для него не будет подверен, потеряет способность двигаться; Бирич просил Меркулова ходатайствовать перед японцами о предоставлении "Свири" пятидесяти тонн угля, чтобы пароход мог дойти до ближайшего японского порта; результаты этого ходатайства неизвестны.-

Разложившийся отряд Бочкарева серьезной боевой силой не представляет, легко может быть ликвидирован, Петропавловск очищен и Государственная власть РСФСР восстановлена, но для этого срочно необходимо дать фактическое доказательство партизанскому отряду в том, что он не брошен Госвластью на произвол судьбы, подкрепить его оружием и снабдить продовольствием.-

Организация для указанной цели экспедиции сухопутным путем, если и осуществима, то потребует затраты времени не менее полутора года и колоссальных расходов; отсюда вытекает необходимость проявления активной деятельности именно со стороны моря, что, по лично добытым мною данным в бытность в Китае, вполне осуществима, и, если сопряжено с некоторым риском, то никаких особо серьезных опасностей не представляет, особенно, если подготовка будет произведена с применением ~~всех~~ осторожности и полного знания местных условий.-

Все изложенное показывает, что для того, во первых, чтобы не потерять Камчатку, приносящую Государству от своих рыбных богатств и пушного промысла минимально около 5 миллионов золотых рублей ежегодно, и преимущественных прав на Командорские острова с их международными котиковыми, бобровыми и песцовыми питомниками;

Из доклада А. С. Якума в Дальбюро РКП о положении на Камчатке, 7 марта 1922 г. (АВПР, ф. 0147, оп. 3, д. 103, л. 2)

И. Е. Ларин, первый председатель Петропавловского и Камчатского областных Советов рабочих и солдатских депутатов (слева) и М. И. Савченко-Славский, председатель Петропавловского уездного комитета РКП(б), председатель Камчатского губревкома (справа);
И. Е. Ларин в 1970-х гг., фото М. П. Стельных

И. В. Рябиков в юности

Н. П. Фролов